

A detailed historical map of the Suzdal region in the 10th-11th centuries. The map shows a network of rivers, including the Volga, Klyazma, and others. Numerous settlements are marked with dots and labeled in Old Russian script. Key locations include Suzdal, Gnesdilo, and various smaller villages and estates. The map is oriented with North at the top.

В. А. Лапшин

Гнездилово под Суздалем

Неукрепленное поселение X–XI веков
в Северо-Восточной Руси

MMXXV

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Proceedings of IHMC RAS. Vol. LXI

V. A. Lapshin

Gnezdilovo near Suzdal
Unfortified settlement of the 10th–11th centuries
in the North-Eastern Rus

St. Petersburg
2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Труды ИИМК РАН. Том LXI

В. А. Лапшин

Гнездилово под Суздалем
Неукрепленное поселение X–XI веков
в Северо-Восточной Руси

Санкт-Петербург
2025

УДК 902
ББК 63.4(2)

Работа выполнена в рамках темы НИР FMZF-2022-0015

«Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению»

Рецензенты:

академик РАН Н. А. Макаров (Институт археологии РАН)
д-р ист. наук Н. Н. Грибов (Институт археологии РАН)

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН

Лапшин В. А. Гнездилово под Суздаlem. Неукрепленное поселение X–XI веков в Северо-Восточной Руси. — СПб.: ИИМК РАН, 2025 (Труды ИИМК РАН. Т. LXI). — 307 с., цв. вкл.

В книге публикуются материалы раскопок древнерусского неукрепленного поселения X–XI вв. Гнездилово 2 под Суздаlem, проведенных автором в 1980–1987 гг. Крупное селище является типичным поселением первого этапа освоения древнерусским населением территории Суздальского ополья. Поселение примыкало к курганному могильнику, раскопанному А. С. Уваровым в 1851 г., и составляет с ним единый археологический комплекс. Материальная культура поселения в целом типична для древнерусских памятников. Немногочисленные, но яркие находки свидетельствуют о непосредственном присутствии скандинавов и участии финского субстрата. На основании анализа комплекса лепной и раннекруговой керамики делается вывод о первоначальном заселении округа Суздаля с территории Северо-Западной Руси.

The monograph presents the materials of excavations of the Old Russian unfortified settlement Gnezdilovo 2 in the vicinity of Suzdal (10th–11th cen.) carried out by the author in 1980–1987. This large settlement is typical for the first stage of the expansion of the Old Rus population to the territory of Suzdal Opolye. The settlement was adjacent to the barrow burial ground excavated by Alexey S. Uvarov in 1851; the both sites form an entire archaeological complex. The material culture of the settlement is in general typical for Old Russian sites. Few but striking finds testify to the direct presence of Scandinavians and participation of the Finnish substratum. The analysis of the complex of hand-made and early wheel-made pottery lets to conclude that the Suzdal area from was initially settled from the territory of North-Western Rus.

ISBN 978-5-6052467-7-0
DOI 10.31600/978-5-6052467-7-0

© Лапшин В. А., 2025

© Институт истории материальной культуры РАН, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7	
ВВЕДЕНИЕ		
Проблематика изучения неукрепленных поселений Северной Руси	9	
Краткая история археологического изучения центральных районов Ростово-Суздальской земли	10	
Раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева (1851–1854 гг.)	10	
Изучение городов и поселений в центральных районах Ростово-Суздальской земли	20	
Природные условия Владимиро-Суздальского ополья	24	
СЕЛИЩЕ ГНЕЗДИЛОВО 2		
Общая характеристика памятника	26	
Анализ вещевого материала	26	
Изделия из цветных металлов	27	
Бусы	30	
Изделия из железа	31	
Изделия из кости и рога	36	
Изделия из камня	39	
Изделия из глины	40	
Керамический комплекс	41	
Лепная керамика	41	
Раннекруговая керамика	48	
Круговая керамика	55	
Общая датировка поселения	56	
Постройки и плановая структура	57	
Общая характеристика материальной культуры поселения	64	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66	
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Выписка из Дневника А. С. Уварова, Пискарева и Медведева. 1851 г. Суздальский уезд		72
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Каталог комплексов материковых ям Гнездилово 2		75
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Остеологический материал селища Гнездилово 2, 1985, 1986 гг. (определение В. Н. Данильченко, Институт археологии АН СССР)		84

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Лепная керамика Суздаля и его округи	85
Суздаль	85
Селище Мжара.....	90
Новосёлки, селище и курганный могильник	91
Селище Весь 1.....	92
Селище Васильково	92
Сунгирьское селище	93
Сунгирьский грунтовый могильник	93
Селище Кибол 1	94
Якиманское городище	94
 ИЛЛЮСТРАЦИИ	 96
 ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.....	 283
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	305
SUMMARY	306

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книги довольно долгая предыстория. В 1974 г. автор учился на третьем курсе кафедры археологии Ленинградского государственного университета и стал посещать заседания отдела славяно-финской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Анатолий Николаевич Кирпичников предложил любопытному студенту «провальную» тему — разобрать материалы раскопок середины XIX в. «владимирских курганов», которые, по мнению А. А. Спицына, высказанному еще в 1905 г., «безвозвратно погибли для науки». «Раскопки», проведенные в архивных документах XIX в., оказались сами по себе настолько интересны, что на какое-то время отодвинули на задний план собственно древнерусскую тематику. Тема курсовой работы, поддержанная на кафедре Львом Самуиловичем Клейном, звучала так: «Полевой дневник графа А. С. Уварова 1851 г. как археологический источник», а дипломная работа, защищенная в 1977 г., называлась «Округа Суздаля в X–XIII вв.» и целиком была построена на материалах раскопок курганов, проведенных А. С. Уваровым в 1851–1852 гг. Выслушав мое первое сообщение на заседании отдела славяно-финской археологии, Павел Александрович Раппопорт сказал: «Архивы и фонды необходимо подкрепить полем, Вам нужно поехать к Марии Владимировне Седовой».

Долгое время селища, бедные находками, с распаханным культурным слоем не привлекали археологов, теряясь на фоне ярких комплексов курганных могильников, а позднее — стратифицированных городских слоев. Новаторская книга В. В. Седова «Сельские поселения центральных районов смоленской земли (VIII–XV вв.)», вышедшая еще в 1960 г. (Седов 1960б), впервые показала ценность средневековых селищ как археологического источника. В 1970-е гг. идея поиска и изучения древнерусских поселений, парных курганным могильникам, витала в воздухе. В студенческие годы автор несколько сезонов проработал в Ярославской экспедиции ЛГУ под руководством Игоря Васильевича Дубова. В непосредственной близости от крупных курганных могильников у деревень Тимерёво, Петровское и Михайловское были найдены синхронные селища. Их первые раскопки оказались весьма перспективными (Дубов 1976; 1982). Отличительная черта курганных могильников, раскопанных А. С. Уваровым во Владимирской области в середине XIX в., состояла в том, что они были раскопаны целиком, а остатки насыпей более столетия распахивались. Привязки же в полевых дневниках были крайне лаконичны, например «в версте от села».

В 1974–1991 гг. в Суздале работала Владимиро-Суздальская экспедиция Института археологии АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника под руководством Марии Владимировны Седовой (1930–2004). К Марии Владимировне за помощью автор и обратился, встретив полную поддержку. В составе экспедиции М. В. Седовой автор работал более 10 лет: провел разведки в ближайших окрестностях Суздаля и выявил несколько селищ, соотносимых с курганными могильниками, раскопанными А. С. Уваровым (1978, 1979); провел раскопки селищ Гнездилово 2 X–XI вв. (1980–1987) и Кибол 1 третьей четверти I тыс. н. э. (1989, 1991). Была составлена керамическая

шкала домонгольского Суздаля (Лапшин 1992) как инструмент датирования селищ по материалам экспедиции М. В. Седовой. Прекращение бюджетного финансирования археологических экспедиций в 1992 г. прервало работы в Суздале и его округе, надолго приостановив занятия по данной проблематике. В последующие годы автор проводил спасательные раскопки во Владимире, Твери, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, и материалы раскопок 1980-х гг. отошли на второй план.

С 2001 г. в Суздальском ополье плодотворно и с огромным размахом работает на новом техническом и методическом уровне Суздальская экспедиция Института археологии РАН под руководством академика Н. А. Макарова (Макаров 2023).

Тем не менее материалы 1980-х гг., как представляется, не утратили своего научного значения. Эта книга — научный долг автора и, одновременно, дань памяти руководителю Владимиро-Суздальской экспедиции Марии Владимировне Седовой.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика изучения неукрепленных поселений Северной Руси

Неукрепленные поселения средневековой Руси привлекли внимание археологов-славистов относительно поздно. Становление отечественной археологии связано с массовыми раскопками курганов. Первооткрывателем стал 27-летний граф Алексей Сергеевич Уваров, предпринявший в 1851 г. массовые раскопки курганов, вошедших в историю науки как «владимирские» (Уваров 1871; 1872; Спицын 1905а). Во второй половине XIX — начале XX в. был создан основной фонд археологических источников по истории Древней Руси, насчитывавший несколько десятков тысяч курганных комплексов. Значительно позднее, главным образом с 30-х гг. XX в.¹, были начаты исследования культурного слоя средневековых городов, что потребовало выработки новых подходов и новой методики полевых исследований. Изучение селищ — остатков средневековых неукрепленных поселений, деревень и сел — долгое время вызывало отторжение из-за кажущейся бедности находок, тонкого культурного слоя, к тому же, как правило, подвергавшегося многолетней распашке. Неслучайно «Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.» — фундаментальный труд коллектива сотрудников ГИМ во главе с М. В. Фехнер (Очерки 1956; 1959; 1967) — основан преимущественно на курганных материалах.

Новаторской стала работа В. В. Седова, посвященная поселениям центральных районов Смоленской земли (Седов 1960б). Впервые было проведено целенаправленное сплошное обследование небольшого региона протяженностью около 50 км на левом берегу Днепра выше Смоленска по течению реки. На основе разведок 1955–1959 гг. были сделаны выводы о топографии и, в некоторых случаях, планировке селищ VIII–XV вв. На основе подъемного материала — лепной и круговой керамики — выполнена первичная хронологическая классификация полутора сотен памятников.

В течение почти двух десятилетий исследование В. В. Седова оставалось единственным в своем роде. Но с рубежа 1970–1980-х гг. новое поколение археологов начинает исследования, в основу которых было положено сплошное обследование небольших регионов². Формируется понятие археологического комплекса «поселение-могильник».

1 Некоторые исключения были, но не изменяли общую тенденцию. А. С. Уваров еще в 1851 г. провел разведки в Суздале и Кидекше, но результаты его разочаровали, и работы не получили продолжения (Спицын 1905а: 85). Н. И. Репников в 1909–1913 гг. предпринял раскопки широкой площадью на Земляном городище в Старой Ладоге, но этот опыт был оценен много лет спустя, после смерти исследователя (Старая Ладога 1948).

2 В этом кратком очерке нет необходимости давать подробный обзор всех региональных исследований того времени, сошлюсь лишь на несколько кандидатских диссертаций, защищенных в 1980-е гг. (Конецкий 1984; Макаров 1984; Лапшин 1985а; Башенькин 1985; Платонова 1988; Исланова 1990).

Масштабная задача обзора всех существующих археологических источников ставилась в 80-е гг. XX в. при издании 20-томной «Археологии СССР», в частности в томах, посвященных древностям Руси. Это издание, растянувшееся почти на два десятилетия, к сожалению, имело недостаток всех столь фундаментальных проектов — они в значительной степени устаревают к моменту выхода в свет и приобретают в большей степени историографическую ценность. Однако в томе «Древняя Русь. Город. Замок. Село» (1985) появился небольшой раздел «Неукрепленные поселения», в котором подведены первые итоги региональных исследований (Куза 1985).

В полной мере изучение сельских поселений привлекло специалистов в конце XX — начале XXI в. Положительную роль сыграло создание серии областных археологических карт. Обследование компактных территорий раскрывало структуру сельского расселения. Особенно плодотворными стали междисциплинарные проекты с использованием методов археологии и естественных наук, которые помогают реконструировать реальный облик средневековых сельских ландшафтов (Культура средневековой Москвы 2004; Средневековое поселение Настасьино 2004; Гоняный, Кац, Наумов 2003; Чернов 2008; Кренке 2019; и др.).

Начало изучения селищ Суздальского ополья имело длительную предысторию.

Краткая история археологического изучения центральных районов Ростово-Суздальской земли

Раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева (1851–1854)

Археологическое изучение Ростово-Суздальской земли началось в 1851 г. раскопками «Владимирских курганов». Это был первый опыт проведения раскопок собственно русских древностей в больших масштабах. Управляющий императорским Кабинетом граф Л. А. Перовский, ведавший археологическими исследованиями в России, предполагал начать раскопки в Новгороде, но по предложению А. С. Уварова в качестве объекта был избран Суздаль и его окрестности как территория «истинно русская, не подверженная иноземным влияниям».

Графу Алексею Сергеевичу Уварову (1824–1884) к этому времени было 27 лет, он закончил Санкт-Петербургский университет, слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах, отказался от начатой карьеры дипломата, перейдя в Министерство внутренних дел, так как на него была возложена организация археологических раскопок в Российской империи. В 1851 г. А. С. Уваров числился чиновником особых поручений при Л. А. Перовском и уже имел опыт раскопок в Причерноморье. На него и по его инициативе и было возложено ведение раскопок в Суздале.

В помощь А. С. Уварову были даны чиновник Министерства внутренних дел надворный советник А. Пискарев, художник Н. Медведев и владимирский землемер В. Аляев. Работы начались 31 мая 1851 г. и продолжались четыре месяца. В Суздале, Кидекше и Абакумове раскопки не оправдали ожиданий А. С. Уварова и были перенесены на курганные могильники, давшие более многочисленные и эффектные находки. Всего в 1851 г. были исследованы 19 курганных групп в 14 пунктах в окрестностях Суздаля и раскопаны 737 курганов. В. Аляев снял 43 инструментальных плана, Н. Медведев сделал 15 рисунков. Находки были переданы Л. А. Перовскому (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 6. Д. 1852/165. Л. 38–43).

В рапорте, написанном 4 октября 1851 г. (Там же. Л. 48, 49), А. С. Уваров предпринял первую хронологическую периодизацию раскопанных курганов, выделив курганы: 1) с трупосожжениями; 2) с трупоположениями, но с такими же вещами, как в курганах с трупосожжениями; 3) с трупоположениями со скрещенными на груди руками; 4) на полях битв удельных времен; 5) Смутного времени (к этому периоду автор отнес курганный могильник у с. Михайловская Сторона).

В 1852 г. А. С. Уваров при участии К. Н. Тихонравова раскопал 2244 кургана в Суздальском и Юрьевском уездах Владимирской губернии. Уже в ходе раскопок возникла мысль о том, что большинство раскопанных курганов принадлежат летописной мере. В записке о раскопках курганов Владимирской губернии, составленной в декабре 1852 г., А. С. Уваров подразделял все курганы на три типа: норманнские, мерянские и боевые (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 213).

В 1853–1854 гг. работы в Юрьевском, Переяславском и Ростовском уездах продолжил П. С. Савельев, раскопавший в общей сложности 4641 курган.

В последующие годы участниками исследований частично, с сокращениями, публиковались дневники раскопок (Извлечение 1855; Археологические разыскания 1854; Уваров 1856а; 1856б; Савельев 1859а; 1859б; Тихонравов 1854; 1855; 1857; 1859а; 1859б; 1864; 1866а; 1866б; 1866в; 1867а; 1867б; 1867в; 1867г; 1869).

В 1868 г. в Москве состоялся I Археологический съезд, на котором с докладом «Меряне и их быт по курганным раскопкам» выступил А. С. Уваров (Уваров 1871: 633–847). Вскоре исследование было издано отдельной книгой с приложением атласа рисунков находок, выполненных Н. Медведевым (Уваров 1872а; 1872б).

А. С. Уваров дал описание «отличительных признаков мерянских могил», выделил два хронологических периода существования «мерянских» поселений, описал погребальный обряд и «внутренний быт». Основанием для отнесения курганов к мере послужило летописное свидетельство о расселении ее на озерах Ростовском и Плещеевом. К отличительным признакам «мерянских могил» А. С. Уваров отнес детали костюма (украшения) и погребальный обряд. Для выяснения границ «Мерянской земли» он привлек топонимику. Автор картографировал географические названия с корнями -мер- и -нер-, по его мнению, указывающими на присутствие меры, а также названия с финскими корнями. Меря на карте А. С. Уварова занимает огромную территорию, включающую Московскую, Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую и Вологодскую губернии (Уваров 1871: 640, 641).

К поселениям первого хронологического периода А. С. Уваров отнес местности, где были раскопаны курганные группы, содержащие трупосожжения и трупоположения. Он дал краткое описание и охарактеризовал их топографию: «Меряне, как показали курганы, при устройстве своих кладбищ выбирали по преимуществу места возвышенные, избегали низменных и сырых, так что на берегах обоих озер все курганы лежат на холмах. Отсюда следует, что самые жилища их были также расположены на возвышенностях, невдалеке от родных могил» (Там же: 654).

Ко второму периоду А. С. Уваровым отнесены курганные группы, содержавшие только трупоположения. Изменяется их топография: «... меряне во вторую эпоху колонизации не держались, как делали прежде, водных путей. Они теперь удаляются от берегов рек и углубляются внутрь страны... Курганы при вторых поселениях не встречаются в таком многочисленном количестве, как при первых» (Там же: 684). Инвентаря в поздних курганах становится все меньше, что может быть объяснено, по мнению А. С. Уварова, двояко: «...или посторонним влиянием, чуждым древним обычаям финских племен, или постепенным введением христианской веры, которая должна была

вызвать языческих мерян к совершенно новой жизни и возбудить в них новые понятия...» (Там же: 682).

Со вторым периодом А. С. Уваров связывал славянскую колонизацию «мерянской» земли. Ростов является «первым мерянским городом», «...одновременно с Ростовом, вероятно, были основаны и остальные новые поселения мерян, носящие без исключения славянские прозвания; но это водворение славянских пришельцев — или, вернее, это ославянение финского племени под напором новгородского влияния — не обошлось без кровопролития». В качестве доказательства столкновений приведен список топонимов типа «Ратницы», «Топорищево», «Кулаково» (Там же: 683).

Предшественниками городов, по А. С. Уварову, являлись мерянские городища: «...в древние времена городища были населены и составляли первоначальный центр оседлости для будущих городов. Таким образом, Переяславль перенесен из теперешнего с. Городища; Суздаль также находился прежде у Сельца, или теперешний кремль его занимает место древнего городка, как это видно и в самом Владимире» (Там же: 726).

По погребальному инвентарю А. С. Уваров попытался восстановить «внутренний быт мерян», описание которого сделано по следующим разделам: 1) жилища (с привлечением письменных источников); 2) «предметы религиозного верования»; 3) одежда и украшения; 4) домашняя утварь; 5) хозяйство и ремесла; 6) «торговые принадлежности»; 7) вооружение. По находкам монет и привозных вещей автор сделал вывод о существовании торговли с Европой и Азией (через Волжскую Булгарию). По его мнению, торговлю вели восточные купцы и норманны. Попутно исследователь касается этнического определения руссов: под именем «руссы» арабы «разумели всех иностранцев, приходивших из Руси торговать в Болгарах, не обращая при этом никакого внимания на племенные оттенки (варяг, славянин или финн)» (Там же: 727).

К исследованию прилагались опись монет из курганных погребений, антропологические измерения пяти черепов (Там же: 762), опись находок, выписки из дневников раскопок.

Итоги исследования А. С. Уварова можно свести к следующим основным пунктам.

1. Впервые поставлена задача изучения дославянского населения Северо-Восточной Руси, сделана попытка охарактеризовать его культуру, быт, торговлю и т. д. Затронута проблема взаимодействия пришельцев-славян и местного населения.

2. Высказано предположение, что древнерусские города возникли в местах концентрации финно-угорского сельского населения. Поднята проблема «переноса городов».

3. Впервые история Северо-Восточной Руси рассматривалась не только на базе письменных источников, но и с привлечением данных археологии, лингвистики и антропологии, то есть впервые была предпринята попытка синтеза данных ряда наук.

Книга А. С. Уварова при ее появлении была встречена с одобрением и в течение длительного времени считалась образцовым исследованием (Забелин 1885; Анучин 1886; Ардашев 1911). В последующие десятилетия вся владимирская краеведческая литература целиком находилась под влиянием выводов, сделанных А. С. Уваровым (Владимирский сборник 1857; Гарелин 1864; Тихонравов 1873; и др.).

Оценка А. А. Спицына. В 1905 г. к материалам раскопок А. С. Уварова обратился А. А. Спицын (Спицын 1905а). К этому времени русская средневековая археология накопила значительный фонд источников. Владимирские курганы были уже уникальны, их можно было сравнить с памятниками соседних областей. Рассматривая погребальный обряд и инвентарь владимирских курганов, А. А. Спицын пришел к следующим выводам: «1) раскопанные в 1851–1854 гг. владимирские курганы массами расположены именно там, где в X–XII вв. жило русское население и существовали

русские города (Ростов, Суздаль, Переяславль); 2) найденные в этих курганах вещи тождественны с открываемыми в русских курганах иных местностей, кроме весьма небольшого количества поделок финского характера; 3) обряд погребения во владимирских курганах русский, одинаковый с наблюдаемыми в иных местностях, исконно русских. Обряд восточных финнов — могильники, а не курганы. Принимая перечисленные положения, мы без колебаний признаем владимирские курганы русскими, а наличие в них финского элемента считаем незначительною» (Там же: 165, 166).

А. А. Спицын критикует нестрогое использование А. С. Уваровым данных топонимики (Там же: 164, 165). Он подвергает сомнению указание летописца на расселение мери на Ростовском и Плещеевом озерах, так как «трудно допустить, чтобы при Несторе эти озера были заселены еще финнами; он сам прямо упоминает, что в Ростове меряне были „первыми насельниками“, показывая тем, что в его время там было уже русское население» (Там же: 164). А. А. Спицын остановился и на вопросе древнерусской колонизации Северо-Востока. Впервые эта проблема решалась с привлечением археологического материала. Был сделан вывод, что Ростовская область не могла быть заселена в IX–X вв. из Новгородской земли, наиболее же близки владимирским курганам Смоленского Поднепровья: «Ростов в X в. представлял колонизационный интерес лишь для смоленских кривичей» (Там же: 167), которые продолжали колонизацию и в XI–XII вв. В то же время наблюдается незначительный приток населения и из других областей.

Во «Владимирских курганах» А. А. Спицын, кроме того, подверг критике методику раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева (рис. 1–3). Авторитет А. А. Спицына (рис. 4) в славяно-русской археологии был столь велик, что его вывод «владимирские курганы безвозвратно погибли для науки» в течение многих десятилетий некритически повторялся во всех исследованиях, касающихся Ростово-Суздальской земли (Готье 1929: 138; Равдоникас 1930: 36, 37; Арциховский 1934: 46; Воронин 1941а: 163; Монгайт 1955: 41; Горюнова 1961: 40; Авдусин 1972: 10). К первичным материалам раскопок владимирских курганов (полевым дневникам) и музейным коллекциям исследователи долгое время не обращались.

Полевые дневники А. С. Уварова и П. С. Савельева как археологический источник. Для того чтобы получить максимально полное представление об археологических комплексах, описываемых в дневниках, необходимо уяснить методику раскопок и характер фиксации, для чего немаловажно выяснить, кем велся дневник, имеем ли мы дело непосредственно с полевыми документами или их чистовыми копиями, каковы особенности стиля и терминологии их автора (или авторов), то есть охарактеризовать дневники как письменные и археологические источники.

«Дневник раскопок А. С. Уварова в Суздальском уезде в 1851 г.» (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 209) сохранился в первоначальном, непереписанном набело виде, что позволяет сделать ряд ценных для нас наблюдений. Дневник велся тремя авторами: А. С. Уваровым, А. Пискаревым и Н. Медведевым, их записи могут быть вычленены по почерку и стилю. Из 735 раскопанных курганов описание 546 принадлежит А. Пискареву, 134 — А. С. Уварову и 55 — Н. Медведеву³. Дневник велся в процессе раскопок, на это указывают почерк и характер записей. В тех случаях, когда работы проводились в двух-трех местах одновременно, описания переносились из записных книжек руководителей в общий дневник, по-видимому, в конце дня: эти записи более упорядочены и кратки,

3 ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 209. А. С. Уваров: л. 25, 58–62, 64, 73–76, 88об.–90; А. Пискарев: л. 36–56, 63, 64–68, 71–73, 74об., 80–88; Н. Медведев: л. 56об.–57, 69, 77–79.

сделаны, судя по почерку, не спеша и в спокойной обстановке. Наиболее подробные и точные записи, освещающие методику раскопок и погребальный обряд, принадлежат художнику Н. Медведеву.

Об авторах раскопок и степени их археологической подготовки известно очень немного. Двадцатисемилетний граф А. С. Уваров, один из основателей и активный член Археологическо-нумизматического общества, уже был к этому времени известен, благодаря своему вышедшему годом ранее «Исследованию о древностях южной России и берегов Черного моря» (Уваров 1851). Тем не менее полевые работы 1851 г. — его первые крупные раскопки. А. Пискарев, служивший в Министерстве внутренних дел в чине надворного советника, был откомандирован в помощь А. С. Уварову и, вероятно, не имел никакого археологического опыта. Н. Медведев служил в Петербургском губернском правлении в чине коллежского секретаря (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 9. Д. 1. Л. 4) и был откомандирован на раскопки в качестве художника. Ему принадлежат великолепные рисунки находок в «Атласе к исследованию о мерянах и их быте». В раскопках принимал участие и владимирский землемер В. Аляев, выполнивший в 1851 г. 43 инструментальных плана курганных могильников (Там же. Ф. 6. Д. 1852/165. Л. 56) и, по-видимому, часть рисунков вещей.

«Дневник археологических раскопок в Суздальском и Юрьевском уездах в 1852 г.» (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 210, 211) вели А. С. Уваров и К. Н. Тихонравов⁴ при участии В. Аляева. До нас дошел переписанный начисто рукой К. Н. Тихонравова экземпляр этого дневника. Первоначальный текст, по-видимому, подвергся правке, упорядочению и сокращению — он еще более лаконичен, чем текст дневника 1851 г. Описание погребения нередко сводится к перечню найденных вещей. Дневник обрывается записью 4 сентября 1852 г.: «Работы переведены во Владимирский уезд» (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 211. Л. 21). В дальнейшем, по-видимому, проводились раскопки курганного могильника у с. Житково, описание которых пока не обнаружено. Судя по сохранившейся части вещевой коллекции (благодаря подписи на планшете с находками в фондах ГИМ можно предположить место проведения раскопок — с. Житково), это был крупный, не менее 100 насыпей, могильник X–XI вв.

В 1853–1854 гг. раскопки в Переяславском и Ростовском уездах продолжил известный востоковед-арабист и нумизмат Павел Степанович Савельев (1814–1859) при участии К. Н. Тихонравова и В. Аляева. Раскопки курганов у с. Кобанское проводил уездный землемер Г. Войнич, заменявший отсутствующего в июне В. Аляева (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 8. Д. 1853/2. Л. 78). Первоначальный полевой вариант дневника 1853 г. не сохранился. В нашем распоряжении имеется дневник, переписанный начисто рукой П. С. Савельева (Там же. Ф. 8. Д. 1853/2). Той же рукой карандашом по тексту сделаны пометки с целью его дальнейшего сокращения для отчета. Этот дневник столь же скуп на детали погребального обряда, как и дневник 1852 г., но вместе с тем автором проявлен гораздо больший интерес к находкам, что позволяет в ряде случаев установить их тип (особенно это касается бус, в описании которых часто указывается материал и форма).

«Дневник раскопок в Ростовском уезде в 1854 г.» сохранился в первоначальном, полевом (Там же. Ф. 8. Д. 1854/5. Л. 8–63), и в переписанном, чистовом (Там же. Ф. 8. Д. 1854/4. Л. 11–27, переписано только начало дневника) вариантах. Текст

4 К. Н. Тихонравов — владимирский краевед, позднее редактор «Владимирских губернских ведомостей», Трудов Владимирского губернского статистического комитета, Статистического списка населенных местностей Владимирской губернии, автор «Владимирского сборника» (М., 1857).

характеризуется еще меньшим вниманием к обряду и еще большей тщательностью в описании находок, чем дневник 1853 г. Полевой (черновой) вариант особенно интересен с точки зрения выяснения приемов работы автора. Он написан очень неразборчивым, «летающим» почерком⁵. Между размашистыми строками, написанными, вероятно, непосредственно во время раскопок, позднее (возможно, вечером того же дня) П. С. Савельев бисерным почерком вписывал дополнения, которые обычно заключали в себе более подробную характеристику находок, а иногда — суммарное описание погребального обряда в той или иной курганной группе. При правке дневника вещи из каждого комплекса, по-видимому, вторично осматривались. Это, конечно, было бы невозможно, если бы находки изначально представляли собой «беспорядочную грудку материала», как заключил А. А. Спицын (Спицын 1905а: 89). Вероятнее предположить, что в ходе раскопок вещи упаковывались по комплексам (что и подтвердилось при изучении вещевой коллекции в фондах ГИМ). Таким образом, к дневникам раскопок владимирских курганов следует подходить дифференцированно, оценивая описание того или иного комплекса, учитывать, кем и когда это описание сделано.

Переходя к характеристике качества фиксации погребального обряда, остановимся на *методике раскопок курганов*. Суммируя разбросанные в дневнике 1851 г. замечания, касающиеся того, как исследовались курганы, можно прийти к следующим выводам: насыпи раскапывались не колодцем или траншеей, а целиком, «на снос», до материка; посередине кургана оставлялся остолец («столб») «для замеров, сколько копано в глубину», его снимали после обнажения материка; иногда в материке добавочно прокапывались крест-накрест две контрольные («пробные») канавки. То, что насыпи копались «на снос», подтвердил визуальный осмотр (1977) следов раскопанных П. С. Савельевым в 1853 г. курганов у с. Городище Переславского уезда. Ровики вокруг насыпей не фиксировались и, видимо, не раскапывались. В 1854 г. П. С. Савельев, впервые раскопав крупную курганную насыпь двумя перпендикулярными траншеями (шириной четыре аршина), описал в дневнике «новый прием» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 8. Д. 1854/5. Л. 51).

Определенный интерес с точки зрения методики раскопок представляет также следующее место из «Инструкции министра уделов графа Л. А. Перовского надворному советнику Савельеву»: «...Вы получите также комплекс снарядов для раскопок, состоящий из трех ножей различной величины, приспособленных к тому, чтобы ощупывать и отделять землю, и трех решет с отверстиями различной же величины, для просеивания земли в несколько приемов, дабы не оставлять в ней мелких предметов» (Там же. Ф. 8. Д. 1853/1. Л. 2).

Рассматривая качество фиксации погребального обряда в дневниках раскопок, мы остановимся на фиксации размеров насыпи, особенностях ее конструкции, положении погребений и их описании.

Размеры насыпи и положение в ней погребения. В дневниках 1851–1852 гг. фиксировалась «глубина погребения» («сколько копано в глубину») и «окружность насыпи». «Глубина», то есть расстояние от вершины насыпи до уровня погребения, указывается в описании всех курганов. Действительную высоту насыпи удастся определить лишь в тех случаях, когда в описании упоминается, что ниже погребения начался материк («грунт», «цель») или «на такую-то глубину» продолжалась насыпь (то есть погребение было произведено на подсыпке). По данным дневника 1851 г. действительная высота насыпи восстанавливается для 84 курганов (11 %). Среди них в 53 насыпях погребение

5 Следует учитывать, что на раскопках одновременно работало от 80 до 150 человек, рабочий день продолжался до 7–8 часов вечера.

совершено на подсыпке и в 31 — на материке. По дневнику 1852 г. высота определена для 15 % насыпей. Погребение в подкурганной яме при таком способе измерения не фиксируется. В ряде случаев можно реконструировать погребения в ямах по соотношению глубины погребения и диаметра насыпи. Термином «окружность» в дневниках А. С. Уварова обозначалась длина окружности основания насыпи⁶. В дневнике 1851 г. длина окружности указана только для 36 % насыпей. В дневнике следующего года в описаниях появляется большая регулярность: фиксируется длина окружности основания всех раскопанных насыпей. В дневниках 1853–1854 гг. при описании всех насыпей отмечается «окружность» и «вышина». «Окружность» у П. С. Савельева — это всегда длина окружности основания насыпи, что подтверждается и сохранившейся графикой⁷. «Глубина» в дневниках 1851–1852 гг. и «вышина» в дневниках 1853–1854 гг. — размер насыпи по вертикали. В этом убеждает сохранившийся чертеж профиля кургана на Немецкой горе у с. Вельсково и способ измерения «сколько копано в глубину» по земляному «столбу»⁸. Термин «могила» понимался и как просто «место погребения» (в насыпи, на материке)⁹, и как «погребение в подкурганной яме»¹⁰. В тех случаях, когда фиксируется «могила» — подкурганная яма, «вышина» насыпи измерялась от дна ямы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 8. Д. 1854/5. Л. 26об., 46, 50). В дневнике 1854 г. П. С. Савельев, все более сокращая описание комплексов, в примечаниях дает суммарное описание погребального обряда целых могильников (Там же. Ф. 8. Д. 1854/5. Л. 47).

Описание кремаций. Дневники очень лаконичны при описании погребений-кремаций. Оно сводится к нескольким кратким формулировкам: «сожженные кости», «сожженные кости в угле (пепле)», «угольный слой с сожженными костями», «горшок с пеплом и сожженными костями». Важно отметить, что в дневнике 1851 г., единственном, в котором мы можем выделить одновременные записи трех разных авторов, все трое в равной степени употребляют упомянутые формулировки описания остатков трупосожжений. Это дает нам право рассматривать указанные варианты как объективно существующие варианты кремации.

Описание ингумаций. Основными параметрами описания трупоположений в дневниках раскопок являются положение скелета, его ориентация по сторонам света, расположение сопровождающих погребение вещей. Обычное положение скелета — в вытянутом положении на спине. Единичные отклонения (на боку, лицом вниз) особо отмечаются в дневниках. Положение рук (вытянуты вдоль тела; одна вытянута, другая согнута на груди; обе руки сложены на груди) фиксировалось нерегулярно: в дневниках 1851, 1852, 1853 и 1854 гг. соответственно для 18, 20, 25 и 10 % всех трупоположений.

Ориентация по сторонам света ингумаций фиксировалась в тех же дневниках соответственно для 71, 64, 26 и 20 % погребений. Как правило, она указывалась при описании безынвентарных погребений: отсутствие описания вещей в этих случаях

6 Для проверки проведено сравнение размеров насыпей курганов у с. Михайловская Сторона, раскапывавшихся А. С. Уваровым и Владимиро-Суздальской экспедицией Института археологии АН СССР в 1974–1982 гг. (Сабурова, Седова 1984).

7 См. выполненный в масштабе профиль кургана на Немецкой горе у с. Вельсково (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 8. Д. 1854/6. Л. 11).

8 К аналогичному выводу относительно измерений размеров насыпей владимирских курганов пришел Е. А. Рябинин (Рябинин 1979: 230, 231).

9 Вельсково 4; Кустерь 1, кург. 761; Старова 2, кург. 29, 49.

10 Старова 2, кург. 11–16; Кустерь 2, кург. 27; Шурскала, кург. 58–64, 66, 81, 83, 100–105; Ивановская, кург. 1.

компенсировалось более подробной характеристикой погребального обряда. Во владимирских курганах господствует западная ориентация («лицом на восток»), отклонения встречаются крайне редко, именно поэтому данной детали обряда год от года уделялось все меньше внимания. Уже в силу своей необычности отклонения от такого положения погребенного, по-видимому, фиксировались всегда, а отсутствие упоминания говорит в пользу обычной (западной) ориентации.

Положение вещей в погребении относительно скелета наиболее тщательно отмечалось в дневнике 1851 г. В 1852 г. описание стало часто сводиться к перечню находок, но при этом в нем всегда сохраняется строгий порядок: перечисление ведется от головы к ногам. Аналогичную трансформацию пережило описание инвентаря и в дневниках П. С. Савельева.

Помимо указанных черт погребального обряда в описаниях фиксировались каменные обкладки в основании насыпей, угольные прослойки и черепки горшков, кости животных.

Состояние вещевой коллекции владимирских курганов. В настоящее время вещевая коллекция владимирских курганов хранится в Государственном историческом музее (колл. № 54746, 55421) и Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) (колл. № 97). Она в значительной степени депаспортизирована, но и те сведения о происхождении находок, которые сохранились, требуют проверки и корректировки. Для восстановления хотя бы части вещевых комплексов необходимо проследить судьбу коллекции с момента окончания раскопок. Ее изучение привело к выводу, что депаспортизация явилась следствием не столько небрежности авторов раскопок, сколько последующего музейного хранения. На некоторых находках 1853–1854 гг. сохранились этикетки, номера на которых совпадают с номерами по описи, прилагаемой к дневникам П. С. Савельева. По-видимому, первоначально по описи можно было восстановить все курганные комплексы. В дальнейшем находки из владимирских курганов оказались рассеянными по нескольким музеям и неоднократно меняли место хранения.

1. Основная часть коллекции из раскопок 1851–1852 гг. была передана в Оружейную палату (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 6. Д. 1852/165. Л. 103), откуда в 1868 г. поступила в Румянцевский музей, а позднее — в Исторический музей, где хранится и поныне (ГИМ, колл. № 54746). Опись, по которой коллекция передавалась в Оружейную палату, нам неизвестна, опись же 1868 г. была опубликована А. С. Уваровым (Уваров 1871: 769–787)¹¹, она состоит из 998 пунктов. Название могильника и номер кургана указаны в 320 пунктах описи, могильник без указания кургана — в 135 пунктах, в остальных 543 — только год раскопок. Таким образом, материал к 1868 г. был в значительной степени депаспортизирован. Это произошло, очевидно, в период хранения в Оружейной палате. Пакеты или этикетки с указанием адреса находок исчезли, и А. С. Уваров в процессе подготовки к изданию «Мерян» сам столкнулся с проблемой атрибуции коллекции. В опись 1868 г. им были включены те данные, которые к этому времени можно было восстановить на основе сохранившихся этикеток. Таким образом первым, кто сделал попытку разобрать коллекции владимирских курганов, был сам А. С. Уваров.

2. Часть находок из раскопок 1851–1852 гг. была передана в Академию наук, а оттуда в 1877 г. — в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) (МАЭ, колл. № 97). Эта часть коллекции полностью депаспортизирована.

11 В опись вошла также часть коллекции из раскопок П. С. Савельева, поступившая в Оружейную палату в 1860 г. из Археологической комиссии.

3. Часть находок хранилась в имении А. С. Уварова в Поречье, каталог коллекции издан (Уваров 1907: отд. III, VI, 35–63) и сейчас находится в Государственном историческом музее (ГИМ, № 55421). В каталоге А. С. Уварова находки разнесены по курганным комплексам, но к этим сведениям следует относиться осторожно: иногда депаспортизированные вещи не отделены от комплексов.

4. Часть коллекции находок из раскопок П. С. Савльева 1853–1854 гг. была передана министру внутренних дел Л. А. Перовскому, а после его смерти в 1860 г. — в Археологическую комиссию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 1860/31), отсюда в конце того же 1860 г. частично поступила в Оружейную палату (Там же. Л. 5) и в 1868 г. вместе с материалами А. С. Уварова передана в Румянцевский музей. Сейчас хранится в фондах ГИМ (колл. № 54746).

5. Часть вещей из раскопок П. С. Савельева в 1860 г. была оставлена в Археологической комиссии¹². Она поступила в Румянцевский музей позднее: эти находки отсутствуют в описи 1868 г., но включены в «Каталог Румянцевского музея» 1905 г. (Каталог 1905: № 2953–2972, 2985, 2990). Депаспортизированы полностью.

6. Монеты из владимирских курганов вскоре после окончания раскопок были переданы в Эрмитаж (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 1860/31. Л. 5).

Наиболее ранними и достоверными сохранившимися описями находок являются опись Румянцевского музея 1868 г. и каталог коллекции А. С. Уварова в Поречье. Изданный А. С. Уваровым «Атлас к исследованию о мерянах и их быте» (М., 1972) при атрибуции находок помогает лишь отчасти: он не снабжен указателем, а в описи 1868 г. мы находим ссылки лишь на 184 рисунка из 461. Некоторые дополнительные сведения дают сохранившиеся в архиве ИИМК РАН рисунки находок, сделанные Н. Медведевым и В. Аляевым (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 8. Д. 1854/19). На рисунках имеются многочисленные пометки. Н. Медведев делал подписи тушью, В. Аляев — остро отточенным карандашом. Иногда указывается, откуда происходит данная находка. Остальные пометки (толстым карандашом, черными чернилами) сделаны рукой А. С. Уварова позднее, вероятно, в период подготовки к I Археологическому съезду (1869), и, следовательно, эти пометки менее достоверны.

Каталог Румянцевского музея 1905 г. внес в хранение коллекции дополнительную путаницу. В нем указывалась лишь курганная группа без номера кургана, были объединены одноименные предметы из разных комплексов. Например, под № 2123–2127 (что соответствует № 114–118 по описи 1868 г.) значатся «подвески из сел Воськово, Б. Брембола, Криушкино», тогда как в описи 1868 г. они атрибутированы следующим образом: «№ 114 — Воськово, кург. 1075; № 115 — Воськово, кург. 1224; № 116 — Б. Брембола, кург. 1466; № 117 — данных нет; № 118 — Криушкино, кург. 3347».

В соответствии с новым каталогом было организовано и хранение. Предмет под любым номером, с 114 по 118, например, снабжался этикеткой с указанием, что происходил из «Воськова, Бремболы, Криушкина», то есть одна находка могла быть отнесена к любому из трех могильников. А. А. Спицын отмечал, что сопоставить номера этого каталога с уваровской описью не удалось (Спицын 1905а: 107, прим.). Каталог 1905 г. лег в основу и более поздних описей Исторического музея.

Казалось, что коллекция депаспортизирована безвозвратно, однако при ее просмотре выяснилось, что на некоторых находках (их около 80) помимо прямоугольных этикеток с номерами Каталога 1905 г. сохранились овальные этикетки из белого картона

12 Это вещи, не прошедшие отбор в Оружейную палату как «почти без исключения лишённые значения» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 1860/31. Л. 5).

Рис. 1. Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884) в 1845 г., член-основатель Русского археологического общества (1846 г.); за шесть лет до начала раскопок владимирских курганов (по: Веселовский 1900)

Рис. 2. Павел Степанович Савельев (1814–1859), нумизмат, член-основатель Русского археологического общества (1846 г.), руководитель раскопок владимирских курганов в 1853–1854 гг. (по: Веселовский 1900)

Рис. 3. Алексей Сергеевич Уваров — автор книги «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (1871)

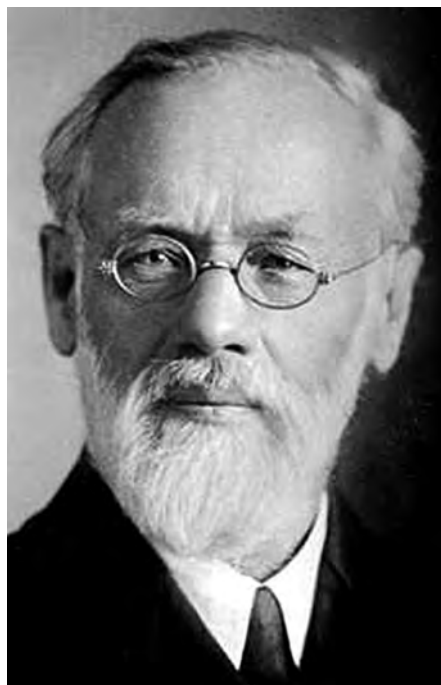

Рис. 4. Александр Андреевич Спицын (1858–1931)

с номерами по описи 1868 г. Сопоставление номеров на этикетках позволило установить, что составители Каталога 1905 г. строго придерживались порядка перечисления по описи 1868 г., исключая лишь утраченные ко времени составления Каталога предметы. Оказалось возможным восстановить номера по описи 1868 г. практически для всей коллекции и получить дополнительные сведения о происхождении ряда находок.

С помощью атласа А. А. Спицына проведено сопоставление описи и атласа А. С. Уварова: к рисунку в атласе А. А. Спицына подбирался соответствующий рисунок в атласе А. С. Уварова, а по номеру Каталога Румянцевского музея, имеющемуся в тексте А. А. Спицына, определялся номер по описи 1868 г. Типы ряда вещей (в основном бус) удалось дополнительно определить по дневниковым описаниям. Суммировав данные музейных и дневниковых описей, атласов и вещевой коллекции, можно реконструировать целиком или частично около 1300 курганных комплексов, то есть около 40 % комплексов с инвентарем.

Изучение архивных материалов и музейных коллекций в настоящее время позволяет значительно смягчить оценку, данную А. А. Спицыным. Раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева были проведены на высоком для своего времени методическом уровне, с их материалами можно и нужно работать (Лапшин 1985а; 1986; 1991в).

Изучение городов и поселений в центральных районах Ростово-Суздальской земли

Жизнь сельских поселений тесно связана с городом. Основание древнерусского города в свою очередь является плодом сознательной и целеустремленной политики князей. Для нашей темы важно понять хронологическое соотношение города и его округи: основывался ли город на уже заселенной территории или, наоборот, уже существующий город стимулировал формирование сельского окружения. Первые упоминания в летописях городов, как правило, фиксируют их существование и в редких случаях — основание.

Первая столица Северо-Восточной Руси — Ростов. Признанием столичного статуса города служит летописная запись под 988 г. о передаче Ростова третьему сыну Владимира Святославича — Ярославу (Повесть временных лет: 54).

Суздаль, расположенный на южной границе первоначального ядра Северо-Восточной Руси, впервые упомянут в летописи под 1024 г., когда Ярослав подавил восстание под руководством волхвов и «устави ту землю» (ПСРЛ. V. 1. 1915: 110).

На начало XII в. приходится строительная деятельность Владимира Мономаха. Строительство городов диктовалось, прежде всего, внешней угрозой. В 1096 г. в ходе междоусобной войны муромо-черниговский князь Олег Святославович сжег Суздаль (ПСРЛ. I: стб. 237, 238). После этого (в 1101–1102 гг.) строятся новые укрепления Суздальского кремля (Седова 1997: 56). В 1107 г., пользуясь отсутствием ростовского князя Вячеслава Владимировича, участвовавшего в походе Владимира Мономаха на половцев, волжские булгары осаждают Суздаль и сжигают окрестные села (ПСРЛ. XXXIV: 72). В ответ в 1108 г. к югу от Суздаля строится новая пограничная крепость — Владимир (Воронин 1961: 39).

Около 1108 г. ростовским князем Владимир Мономах сажает своего младшего сына Юрия Долгорукого и отдает ему в удел Суздаль. Ростов оставался номинально старшим городом, но фактической столицей становится Суздаль, и начиная с 30-х гг. XII в. все чаще термин «Суздальская земля» заменяет старое название «Ростовская земля»

(Кучкин 1984: 71). Типографская летопись под 1152 г. подводит итог строительной деятельности Юрия Долгорукого (ПСРЛ. XXIV: 77). Среди новых городов преобладают пограничные крепости: Москва и Дмитров (на стыке границ Смоленской, Черниговской и Рязанской земель), Кснятин (вблизи границы Новгородской земли) (Насонов 2002: 160, 161 — карта). По-видимому, пик оборонительного строительства приходится на годы между вокняжением Юрия в Киеве (1149, 1151, 1155–1157) (Поппэ 1996: 495; Седова 1997: 15). Новым в деятельности Долгорукого является то, что помимо укрепления границ он основывает города в центральной, наиболее заселенной части земли. Между Ростовом и Суздалем появляются Переславль Залесский и Юрьев Польский. Это свидетельствует об успехах внутренней колонизации и о возрастании плотности населения в плодородном Суздальском ополье.

Продвижение населения на восток, вниз по Клязьме от Владимира, в течение XII в. закрепляется строительством крепостей Стародуб, Ярополч и Гороховец (Седова 1972; 1978). После смерти Юрия Долгорукого (1157) Андрей Юрьевич Боголюбский делает столицей Ростово-Суздальской Руси «свою волость Володимир» (ПСРЛ. 1: стб. 335), выделенный ему Юрием, по-видимому, в 1148 г. (Кучкин 1984: 86). Такова общая летописная канва, на которую опираются историки.

Археологическое изучение русского средневекового города, в том числе на территории Северо-Восточной Руси, началось в 1930-е гг. и в полной мере развернулось во второй половине века, когда письменные источники были подкреплены археологическими данными. Очень кратко сведения о возникновении городов в центральном районе Владимиро-Суздальской Руси сводятся к следующему.

Ростов возник на месте мерянского поселения в третьей четверти X в., древнейший строительный горизонт относится к 80-м гг. X в. (Леонтьев, Самойлович 1991; Леонтьев, Самойлович, Черных 1996; Самойлович 2000; 2001; Леонтьев 1985; 1997; 2003).

Суздаль первым привлек внимание археологов еще в 1940-е гг. (Воронин 1941б; Дубынин 1945). Сейчас это наиболее хорошо изученный город Северо-Восточной Руси (Варганов 1946; Воронин и др. 1960; Седов 1961; 1974а; Седова, Беленькая 1981; Седов, Седова 1983; Седова 1986; 1993; 1997а; АКР 1995: 240–246), материалы которого наиболее полно изданы (Седова 1997). Благодаря исследованиям М. В. Седовой история формирования типичного города Северо-Восточной Руси лучше всего может быть прослежена на конкретном материале Суздаля. Небольшое мысовое городище на левом берегу Каменки не позднее начале XI в. было уничтожено, а его ров забутован глиной (Там же: 47–49)¹³. С этого начинается история собственно города. Кремлевские вал и ров с напольной стороны были заложены в максимально выгодном с топографической точки зрения месте — там, где берега реки сближались в излучине (Там же: 51). Застройка XI в. — приречно-рядовая, в северной части территории кремля, в то время как большая часть его территории пустовала (Там же: 51, 76, 77). В XII в. рост города происходит вдоль берега реки, за пределами укреплений. Ко времени строительства укреплений окольного города приречно-рядовая застройка уже вышла за его границы (на месте будущего Ризоположенского монастыря) (Там же: 141–143). Очертания укреплений окольного города определялись максимально выгодным использованием рельефа местности, а не существующей застройкой. Освоение территории внутри окольного города происходило вдоль дорог, ведущих из кремля на север, восток и юго-восток. Только со временем они превращались в улицы (Там же: 57). Археологические

13 По мнению В. Ю. Коваля, четыре рва последовательно сменяли один другой, что косвенно свидетельствует о длительном существовании мысового городища (Коваль 2023).

исследования, проведенные в Суздале в последние годы, позволили значительно уточнить размеры городской территории и динамику ее развития (Федорина и др. 2023).

Владимир. Укрепления средневекового города имели трехчленную структуру. Печерный (Мономахов) город составляет его центральная часть; с запада к нему примыкает Новый (Земляной) с Золотыми воротами; с востока — Ветчаный город с Серебряными воротами. В юго-западной части Мономахова города были выявлены остатки культурного слоя, которые автор раскопок связал с поселением (городищем?) дославянского населения (Воронин 1959: 74–76). Н. Н. Воронин (рис. 5) отнес строительство укреплений Печерного города к 1108 г. (деятельность Владимира Мономаха), а Ветчаного и Земляного — к 1158 г. (деятельность Андрея Боголюбского) (Воронин 1961: 39–44, 128–131). Исследования последних лет выявили в основании Ивановского (восточного) вала Мономахова города строительный горизонт первой половины XII в., что позволяет предположительно отнести строительство этой части укреплений не к началу, а к середине XII в. (Милованов 2014; 2016).

Ярополч Залесский (Пировы Городища 2) — наиболее полно исследованный памятник из числа «малых» городов, материалы которого монографически изданы (Седова 1978). Собственно древнерусскому городу предшествовало небольшое мысовое городище, культурные отложения на котором датируются VII–III вв. до н. э. и VI–VII вв. н. э. (Михайлова 1988). Возведение валов средневекового города отнесено к первой половине — середине XII в. (Седова 1978: 18, 124), а основная часть сооружений и находок датируется XII–XIII вв. (Там же: 21). Городу хронологически предшествовало селище, возникшее на рубеже X–XI вв. (Там же: 124).

Небольшие по объему археологические исследования **Юрьева Польского** (Седова и др. 1976; АКР 1995: 284–286) и **Гороховца** (Седов 1959; Седова 1981а; АКР 1995: 102, 103; Милованов 2017) подтвердили наличие культурных слоев XII–XIII вв.

Неукрепленные поселения. Первое селище древнерусского времени в пределах центрального района Ростово-Суздальской земли — у с. Городище на берегу Плещеева озера — было открыто П. Н. Третьяковым еще в 1937 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 1937/260. Ч. IV. Л. 81), однако это был единичный случай — селища как особый тип памятников привлекли археологов и подверглись массовому обследованию начиная с 1970-х гг. (Сельская Русь 2008).

Первые раскопки селища широкой площадью на территории Северо-Восточной Руси провел И. В. Дубов у д. Большое Тимерёво под Ярославлем (Дубов 1976; 1982; Дубов, Седых 1992). Селище примыкало к большому курганному могильнику X–XI вв., хорошо известному археологам более 100 лет (Ярославское Поволжье 1963), и оказалось ему синхронно. Несмотря на многолетнюю распашку, культурный слой весьма информативен благодаря многочисленным материковым ямам, не затронутым разрушением. Сама идея исследования большой площадью распаханного селища вблизи курганного могильника, по-видимому, была заимствована у И. И. Ляпушкина, в экспедиции которого И. В. Дубов работал в студенческие годы. И. И. Ляпушкин в 1967–1968 гг. предпринял раскопки на поселении, входящем в Гнёздовский археологический комплекс (Ляпушкин 1968; 1969). Следует упомянуть, что место для будущего раскопа И. И. Ляпушкину порекомендовал Е. А. Шмидт, неоднократно обследовавший в 1950–1960-е гг. территорию Центрального селища Гнёздовского комплекса (в то время она почти полностью распахивалась): на выбранном участке, по наблюдению Е. А. Шмидта, фиксировалась наибольшая концентрация лепной керамики (Вишнякова, Булкин 2001: 51).

Работа с материалами владимирских курганов и опыт работы в Ярославской экспедиции кафедры археологии ЛГУ под руководством И. В. Дубова навели автора на мысль

Рис. 5. Николай Николаевич Воронин (1904–1976) в 1941 г.

Рис. 6. Мария Владимировна Седова (1930–2004)

Рис. 7. Руководитель Владимиро-Суздальской экспедиции Института археологии АН СССР М. В. Седова и сотрудники экспедиции В. А. Лапшин(слева) и В. П. Глазов (справа). Владимир, 1992 г.

о поисках селищ при курганных могильниках, раскопанных А. С. Уваровым под Сузда-
лем в 1851–1852 гг. Одновременно с раскопками поселения Гнездилово 2 сотрудника-
ми Владимиро-Суздальской экспедиции ИА АН СССР под руководством М. В. Седо-
вой (рис. 6; 7) были проведены локальные исследования на селищах Мжара (Сабурова,
Седова 1984: 127), Новосёлки (Глазов 1969; АКР 1995: 271, № 621), Васильково (Глазов
1969; Лапшин, Мухина 1988), Весь (Глазов 1969; АКР 1995: 259, 260, № 582). Их матери-
алы ждут своей публикации. В приложении к данной книге помещены в качестве срав-
нительного материала таблицы с прорисовками лепной керамики этих селищ, а также
ряда ранее исследовавшихся памятников, материалы которых хранятся в фондах Вла-
димиро-Суздальского музея-заповедника.

Природные условия Владимиро-Суздальского ополья

Владимиро-Суздальское ополье (Владимирское, Суздальское, «Юрьевский черно-
зем») — одно из своеобразных почвенных образований лесной зоны Центральной
России. Наряду с несколькими другими опольями — Трубчевским, Стародубским, По-
чепским, Брянским, Смоленским, Мещовским, Подольско-Коломенским и Касимов-
ским — оно является одной из наиболее рано и интенсивно освоенных земледельче-
ских территорий (Тюрюканов, Быстрицкая 1971). На значительном протяжении ланд-
шафтными границами ополій служат участки древних доледниковых рек, по которым
осуществлялся сток ледниковых вод последнего (валдайского) оледенения и которые,
по-видимому, представляют собой границы тектонических структур, типичная пара —
ополье — полесье (Там же: 5–7).

Особенно ярко эта граница видна с края левого берега Клязьмы во Владимирском
кремле. Лесные массивы, простирающиеся за правым низменным берегом Клязьмы,
резко контрастируют с ландшафтом Владимиро-Суздальского ополья. Становится
понятна образность средневекового названия Северо-Восточной Руси — «Залесская
земля».

Почвообразующими породами ополій являются лессовидные суглинки. По мне-
нию А. Н. Тюрюканова и Т. Л. Быстрицкой, современные ландшафты ополій являются
останцами палеопойм эпохи Днепровского оледенения (Там же: 21).

Владимиро-Суздальское ополье расположено на левом высоком берегу Клязьмы,
к северо-западу от Владимира, на водоразделе рек Колокши и Нерли. Территория его вы-
тянута с северо-запада на юго-восток в виде овала длиной примерно 70 км и шириной
30 км (Там же: 192). По другим данным Ополье простирается почти на 110 км — от впа-
дения Нерли в Клязьму до Берендеева болота вблизи Переславля Залесского (Алешин-
ская и др. 2008: 35).

Географический термин «ополье» («Опольский стан»), указывающий на особые
свойства ландшафта, известен в письменных источниках с рубежа XV–XVI вв.¹⁴

Земледельческое население ополья стало основой сельской округи трех крупных
средневековых городов — Владимира, Суздаля и Юрьева Польского. Характеристи-
ки ландшафтных типологических комплексов ополья и соответствующих комплексов
среднерусской лесостепи сходны (Тюрюканов, Быстрицкая 1971: 195). Эта территория

14 Опольский стан Владимирского уезда упомянут в актах 1491–1492, 1498–1499, 1504, 1521 гг.
(Акты 1964: 121, № 90; Акты 1951: 149–152, № 166; 176, № 196; 199, № 224); Опольский стан
Суздальского уезда упомянут в жалованной грамоте 1526 г. (Акты 1951: 144, № 162).

характеризуется также распространением так называемых владимирских курганов X–XIII вв. (Лапшин 1985а; 1985б).

Причины формирования ландшафта Владимиро-Суздальского ополья остаются дискуссионными: это результат естественных колебаний климата или многовековой хозяйственной деятельности человека (обзор литературы см.: Тюрюканов, Быстрицкая 1971: 9–21; Алешинская и др. 2008: 35, 36; 2014: 370; Александровский 2016: 47, 48). Следовательно, спорным остается и время сложения современного ландшафта.

Новейшие спорово-пыльцевые исследования как в целом в лесной зоне Русской равнины (Спиридонова и др. 2008), в Волго-Окском междуречье (Спиридонова, Алешинская 2004; Алешинская и др. 2014), так и в Суздальском ополье (Сельская Русь 2008: 127–156; Алешинская и др. 2008) позволили проследить изменения растительного покрова за длительный промежуток времени и определить степень антропогенного воздействия на ландшафт на разных этапах его существования. Так, по спорово-пыльцевым материалам, собранным в шести микрорегионах на правом берегу Нерли Клязьминской в районе Суздаля, выделено 16 палинологических зон в хронологических рамках от I–II вв. до н. э. до XVI в. н. э. Основные выводы исследования сводятся к следующему.

1. Открытый ландшафт Суздальского ополья — вторичное образование, сложившееся в результате средневековой колонизации территорий, занятых лесом и незаселенных или слабозаселенных во второй четверти — середине I тыс. н. э.

2. Материалы палинологии не подтвердили предположение историков о первоначальной безлесности этой территории как факторе, обусловившем особую привлекательность Суздальской земли для земледельческого освоения.

3. Первые расчистки леса произведены, видимо, в VII в.; с IX–X вв. деятельность человека приводит к смене ландшафта; открытый ландшафт окончательно сформировался в XII в., в период массовой древнерусской колонизации в условиях пика потепления климата (средневековый оптимум), способствовавшего земледельческой экспансии на север (Алешинская и др. 2008: 46).

СЕЛИЩЕ ГНЕЗДИЛОВО 2

Общая характеристика памятника

Среди раскопанных А. С. Уваровым в окрестностях Суздаля в 1851 г. курганов был могильник «в 1 версте от села Гнездилово», состоявший из двух групп, «средней» и «дальней», в которых насчитывалось 22 и 13 насыпей (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 209. Л. 54–57). По-видимому, обе группы составляли единый комплекс, и первоначально могильник был значительно обширнее: «Курганы эти все распаханы, несмотря однако ж на то они, по виду, огромны» (Там же. Л. 54). «Средние» курганы содержали кремации и ингумации X–XI вв., «дальние», видимо, составляли позднюю периферию могильника и ориентировочно могут быть отнесены к XII в. (Лапшин 1989; см. приложение 1).

В 1978 г. в ходе разведки выявлено селище Гнездилово 2, которое, по-видимому, можно топографически связать с раскопанным А. С. Уваровым могильником. Оно находится в 5 км к юго-западу от Суздальского кремля и в 2 км к северо-востоку от с. Гнездилово. Селище расположено на обоих берегах русла ныне пересохшей р. Мжары, правого притока р. Каменки (рис. 10). Площадь селища составляет 7 га¹⁵. Основная его часть (6 га) находится на левом берегу Мжары, на склоне небольшой возвышенности, поднимающейся над уровнем русла на высоту 3 м. Судя по численному соотношению в подъемном материале лепной и круговой керамики, более ранней является левобережная (северная) часть селища. Здесь в 1980–1982, 1985, 1986, 1987 гг. проведены раскопки на площади 990 кв. м. Мощность культурного слоя в среднем — 0,4 м, местами — 0,6 м. Верхняя его часть до глубины 0,3 м длительное время распахивается. В ней преобладает лепная керамика, ее доля колеблется в разных частях раскопа от 83 до 91 %. Ниже залегает не затронутый распахой коричневый гумус, в котором лепная керамика составляет от 92 до 99 %. В этом слое фиксируются пятна углистого гумуса — следы ям, прорезавших его и углубленных в материк. В заполнении крупных ям — уголь, зола, осколки обожженных камней, керамика почти исключительно лепная (единичные фрагменты раннекруговой керамики составляют 0,4–4,0 %). Сохранившиеся остатки позволяют предполагать существование неясных по характеру наземных сооружений.

Анализ вещевого материала

Вещевые находки Гнездиловского поселения находят многочисленные аналогии в материалах курганных могильников и поселений Северной Руси X–XI вв., но частично — и в позднедьяковских древностях Волго-Окского междуречья второй половины

15 При обследовании, проведенном Суздальской экспедицией Института археологии РАН в 2014 г., выявлено распространение находок на площади 15,31 га (рис. 12) (Макаров 2014-А. Т. 2: 31, рис. 39).

I тыс. н. э. Привлечение новгородской шкалы носит справочный характер: хронология Гнездиловского поселения, по-видимому, выходит за ее нижнюю границу (вторая половина — конец X в.), а верхняя дата новгородских типов вещей во многих случаях — за пределы периода существования рассматриваемого поселения¹⁶.

|| Изделия из цветных металлов

Височные кольца. Височные кольца проволочные перстнеобразные (рис. 14, 3–7)¹⁷ датируются по новгородской шкале 1055–1299 гг. (Седова 1981б: 13; Лесман 1990: 69). Височные кольца проволочные перстнеобразные завязанные (рис. 14, 1, 2)¹⁸: в сводках по Новгороду учтены только браслетообразные височные кольца с завязанными концами (Седова 1981б: 10, 11; Лесман 1990: 69, 70); дата: до 1116 г. Встречен фрагмент перстнеобразного пластинчатого височного (?) кольца (рис. 14, 8)¹⁹.

Фибулы. Фибула подковообразная спиралеконечная с треугольным сечением дуги (рис. 14, 9)²⁰ по новгородской шкале датируется временем до 1197 г. (Седова 1981б: 86; Лесман 1990: 75, рис. 9, 22). Тип распространен в курганных древностях X–XII вв. (Мальм 1967: 153, рис. 22, 2). Фибула подковообразная спиралеконечная с круглым сечением дуги (рис. 14, 10)²¹ имеет многочисленные аналогии в курганных древностях X–XI вв. в Скандинавии и Прибалтике (Там же: 156, рис. 22, 5). Круглая пряжка (рис. 14, 11)²² типа III вида 2, по И. Г. Розенфельдт, находит аналогии в позднедьяковских древностях и рязано-окских могильниках (Розенфельдт 1982: 100, рис. 22, 21, 24). Найдены также язычок от пряжки (рис. 14, 12)²³ и игла от пряжки (?) четырехгранная (рис. 14, 13)²⁴.

Подвеска из дирхама. Дирхам 'Аббасиды, ал-Махди (рис. 11; 13, 2)²⁵. Место чеканки из-за коррозии надежно не читается, 161 г. х. (777/778). Судя по облику поля оборотной стороны (четырёхстрочная легенда с упоминанием имени халифа в четвертой строке), описываемый дирхам несомненно относится к группе типов, обычных для монетных дворов центральных провинций Халифата, а не Северной Африки. Монеты этого и близких типов наиболее обычны вкладах раннего этапа эпохи викингов (IX в.) и не встречаются вкладах X в. Датировка подвески подкрепляется датировкой рифленого ушка, наиболее обычного на подвесках с монетами VIII–IX вв. (Blackburn 2006: 187–189; Audy 2018: 94–96, 294–317), хотя такой декор ушек существует и позднее, вплоть до начала XI в.²⁶

Подвеска из свинцово-оловянистого сплава. Монетовидная с ушком и «отростками-лучами» (рис. 14, 14)²⁷. Возможно, эта находка связана с появлением на Северо-Западе

16 В сносах приводятся паспортные данные находок: номер по полевой описи / год раскопок - пласт или номер материковой ямы / квадрат.

17 84/1986-я.25/Д10; 139/1987-я.49/Б15; 30/1985-пл.1/В3; 35/1985-я.13/В2; 53/1986-пл.2/Е10.

18 76/1987-я.14/А3; 109/1987-я.39а/Д12.

19 46/1986-пл.1/316.

20 32/1982-я.12/А8.

21 54/1987-пл.2/В5.

22 68/1987-я.8/В3.

23 40/1982-я.126/А6.

24 81/1987-я.14/А3.

25 43/1985-я.13/Б3.

26 Благодарю В. С. Кулешова за определение монеты и ценную консультацию.

27 101/1987-я.39а/Г10.

традиции изготовления украшений из свинцово-оловянистых сплавов. Они впервые фиксируются на рубеже VI–VII вв. на славянских памятниках Румынии, Поднестровья, Побужья и Польши. Затем они появляются в Приладожье и Причудье, с середины VIII в. — в Старой Ладогe (Щеглова 2002). Следует отметить и коренное отличие: свинцово-оловянистые украшения на перечисленных памятниках — это нашивные бляшки (Щеглова 2001; 2003; 2004; Щеглова, Григорьева 2014), а не подвески.

Трапецевидная подвеска (рис. 14, 15)²⁸ типа VI варианта 3, по И. Г. Розенфельдт, по аналогиям в поволжско-финских могильниках отнесена к IX–XI вв. (Розенфельдт 1982: 30). Однако трапецевидные подвески с пуансонным декором характерны для смоленских длинных курганов (Шмидт 2012: рис. 19; 21, 7; 2013: рис. 19, 5, 6, 12, 13; 2014: рис. 4, 9), датируемых серединой VIII — началом X в. (Енуков 1990; Нефедов 2000). На Северо-Западе в материалах Усвят близкие формы датируются IX–X вв. (Еремеев 2015: 448, рис. 440, 1), Городка на Ловати — X — началом XI в. (Горюнова 2016: 17, рис. 41, 8, 9; 81, 14; 82, 15–17; 83, 12; 120, 2, 3; 128, 9; 132, 23). Трапецевидная подвеска из Гнездилово 2, скорее, может быть по происхождению связана не с финскими древностями, а с культурой смоленских длинных курганов опосредованно через памятники Северо-Запада.

Шумящие подвески связаны с материальной культурой финно-угорского мира (Рябинин 1997). Прототипы происходят с позднедьяковских памятников (Розенфельдт 1982: рис. 15, 5–15) и других дославянских памятников Волго-Окского междуречья второй половины I тыс. н. э. (Леонтьев 1996: рис. 15, 3, 5; 35, 2, 4; 37, 3, 4; 95, 2; 118, 13; 128, 4), а ближайшие аналогии — из древнерусских курганов начала II тыс. н. э. этого региона (Спицын 1905а: рис. 412–467; Рябинин 1986: табл. V, VI). В их числе подвеска с привесками в виде колокольчиков (рис. 14, 16)²⁹, аналогичные найдены во владимирских курганах (Спицын 1905а: рис. 448); пронизка с трапецевидными привесками (рис. 14, 17)³⁰, аналогичные найдены во владимирских курганах (Там же: рис. 423, 449, 452), памятниках Угличского и Рыбинского Поволжья (Рябинин 1997: рис. 47, 4); подвеска с привесками-«лапками» (рис. 14, 18)³¹, близкие аналогии — во владимирских курганах (Спицын 1905а: рис. 453, 455).

Бубенчики. Бубенчик крестопрорезной с насечкой в нижней части (рис. 14, 19)³² относится к наиболее распространенному типу в курганных древностях X–XI вв. (Мальм, Фехнер 1967: 136, рис. 20, 1). По новгородской шкале датируется временем до 1116 г. (Седова 1981б: 156; Лесман 1990: 60). По-видимому, к этому же типу относится и фрагмент бубенчика (рис. 14, 20)³³.

Браслеты представлены только фрагментами. Браслеты пластинчатые (рис. 14, 21, 22)³⁴ в целом по новгородской шкале датируются временем до 1396 г. (Лесман 1990: 36). Фрагмент витого трехпроволочного браслета (рис. 14, 25)³⁵, проволочные в целом датируются временем после 1055 г. (Лесман 1990: 41). Один из фрагментов браслета имеет

28 46/1982-я.126/А7.

29 1980-подъем.

30 26/1982-я.12/Б8.

31 82/1987-я.14/А3.

32 16/1986-пл.1/В1.

33 120/1987-я.396/Е9.

34 133/1987-я.47/А14; 10/1985-пл.1/А1.

35 122/1987-я.396/Е9.

редкую форму: с дрововым окончанием и раскованной пластинчатой основной частью, орнаментированной «волчьим зубом» (рис. 14, 23)³⁶.

Перстень спиральный (рис. 14, 26)³⁷. Подобные украшения характерны для позднедьяковской культуры и других финно-угорских и прибалтийских памятников с VI по X в. (Розенфельдт 1982: 91–93, рис. 20, 1–22).

Поясные накладки. Круглая поясная накладка (рис. 14, 27)³⁸ класса III вида 1А, по В. В. Мурашевой (Мурашева 2000: 29, рис. 32). Аналогии: Венгрия (30-е гг. X в. — Fettich 1937: taf. XXXIII, 11–25); на Руси: владимирские курганы (Спицын 1905а: 132, рис. 58), Тимерёвский могильник (Мальм 1963б: 66, рис. 38, 2), Гнёздово. Дата: вторая половина X в. (Мурашева 2000: 107). Накладка поясная фигурная с крючком (рис. 14, 28)³⁹, точные аналогии автору неизвестны.

Накладка в стиле Борре (рис. 13, 1)⁴⁰. Наиболее яркой находкой является ременная бляшка, найденная вне комплексов ям в предматериковом слое. Бляшка подквадратная, 3,7 × 3,5 см. Отлита по резной восковой модели из бронзы, позолочена (по-видимому, горячее золочение амальгамированием (см.: Минасян 2014: 329, 330)). Обратная сторона плоская, без следов шпеньков. Орнаментирована в стиле Борре. Точные аналогии автору неизвестны. По классификации В. В. Мурашевой ее можно отнести к классу XXXIV группе 1 виду 1В (Мурашева 2000: 49, рис. 69). По не вполне четкому рисунку в публикации бляшку можно сопоставить с находкой из гнёздовского кургана IX в. (?), раскопанного В. И. Сизовым (Там же: 118; ГИМ, оп. 241/273). Сама техника отливки по восковой модели, подправленной резцом, характерная для накладок, выполненных в стиле Борре, исключает полную идентичность бляшек в деталях — каждый экземпляр индивидуален (Мурашева 1989: 85). Позолоченные ременные бляшки эпохи викингов очень редки, они встречаются только в составе наиболее богатых кладов, таких как клад X в. из Ворбю (From Viking 1992: 79, 234, No 27; Graham-Campbell, Kidd 1980: 56, 57, Fig. 23). Как правило, покрывались позолотой серебряные украшения. Обычно и прежде всего украшения в стиле Борре сравнивают с комплексом находок из разрушенного кургана в Борре, содержавшего сожжение в ладье и датированного около 900 г. Комплекс содержит бронзовые позолоченные ременные бляшки (From Viking 1992: 178, fig. 2; 272; 273, No 169). Однако его датировка основана на аналогии украшений с комплексом кургана из Гокстада (Ibid: 272, No 168), для которого получены две дендродаты — 900 и 905 гг. Датировка стиля Борре в целом остается дискуссионной — от 850/875–925/950 гг. (Ibid: 178) до конца IX — конца X в. (обзор литературы см.: Андрощук 2013: 122). Кроме того, для бляшек из Борре характерен ободок «из перлов» (ложной скани), который связывают с влиянием на скандинавских ювелиров искусства Каролинской империи (Мурашева 2008: 9). На бляшке из Гнездилова, как и на экземпляре из гнёздовского кургана, такой ободок отсутствует. Бляшка из Гнездилова отличается большей массивностью (размер стандартных ременных бляшек этого типа около 2 × 2 см) и отсутствием шпеньков для крепления на кожаную основу.

Коромысла весов (рис. 13, 4)⁴¹. Складные равноплечие весы появляются в материалах североевропейских памятников в третьей четверти IX в. На территории Древней

36 40/1985-я.13/В2.

37 14/1984-пл.2/Б4.

38 54/1986-я.25/Д11.

39 24/1986-пл.1/Д8.

40 32/1987-пл.2/А10.

41 36/1986-пл.1/Е8.

Руси зафиксировано более 200 находок с конца IX по XI в. (Жуковский 2019: 208, здесь же библиография), в том числе во владимирских (Спицын 1905а: 111, рис. 81) и ярославских (Недошивина 1963б) курганах. Наиболее ранние весы этого типа происходят из Старой Ладogi (Жуковский 2021: 129). Коромысло весов из Гнездилово относится к типу 3, по Х. Штоеру, который исчезает на северо-европейских памятниках в начале XI в., но в Новгороде бытует до середины XII в. (Жуковский 2019: 212). Наиболее близкие аналогии нашему экземпляру происходят из ярославских могильников (Недошивина 1963б: 71, рис. 42). Здесь это характерная находка для курганов с трупосожжениями X в., в отдельных случаях — с трупоположениями конца X в. (Там же: 73, рис. 42).

|| Бусы

Первая сводка по находкам бус в древнерусских памятниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, коллекции которых хранятся в ГИМ, была выполнена в рамках коллективных «Очерков по истории русской деревни X–XIII вв.» (Фехнер 1959). Учтено более 26 000 бус, каменных, стеклянных и металлических. Классификация проведена по форме и орнаментации. З. А. Львова классифицировала стеклянные бусы Старой Ладogi по технологии изготовления (Львова 1968; 1970), этого же принципа придерживалась М. В. Полубояринова при классификации бус Болгарского городища (Полубояринова 1988). Некоторые группы каменных и стеклянных бус включены в новгородскую хронологическую шкалу (Колчин 1982; Лесман 1984).

Бусы из камня и янтаря. Сердоликовая 14-гранная (рис. 15, 2)⁴² датируется М. В. Фехнер IX — началом XII в. (Фехнер 1959: 152). Найдена также сердоликовая 23-гранная бусина (рис. 15, 1)⁴³. Сердоликовые многогранные М. В. Фехнер датирует по курганным материалам X–XII вв. (Там же: 156). Также датируется 26-гранная из горного хрусталя (рис. 15, 3)⁴⁴ (Там же: 156). Найдены также подвеска многогранная из янтаря (рис. 15, 4)⁴⁵ и бусина цилиндрическая янтарная (рис. 15, 5)⁴⁶.

Бусы из стекла. Лимоновидные: бесцветная (рис. 15, 6)⁴⁷, желтые непрозрачные (рис. 15, 7, 8)⁴⁸. Лимоновидные многочастные пронизки: двухчастные желтые непрозрачные (рис. 15, 9–12)⁴⁹, двухчастная синяя прозрачная (рис. 15, 13)⁵⁰. Лимоновидные продольно-полосатые: непрозрачные продольно-полосатые (рис. 15, 14–17)⁵¹. С металлической прокладкой: одинарная серебростеклянная (рис. 15, 18)⁵², фрагмент многочастной золотостеклянной (рис. 15, 19)⁵³. В Старой Ладогe лимоновидные одночастные датируются X в., многочастные — VIII–XI вв. (Львова 1968: 88). В Новгороде

42 3/1985-пл.1/Г8.

43 39/1986-пл.1/Е9.

44 72/1986-я.25/Д10.

45 79/1987-я.14/А3.

46 65/1986-я.25/Е10.

47 31/1982-я.12а/Б6.

48 8/1984-пл.1/Г1; 36/1987-пл.2/А15.

49 36/1985-пл.2/А4; 90/1987-я.22/Д4; 91/1987-я.22/Д4; 52/1986-пл.??/Е10.

50 19/1985-пл.1/Б5.

51 23/1984-подъем.; 82/1986-я.25/Г10; 47/1987-я.47/Б14; 55/1986-пл.2/Е11.

52 42/1985-пл.2/В2.

53 12/1982-пл.2/В9.

лимоновидные бусы датируются: желтые, серебро- и золотостеклянные — до 1134 г., лимонные полосатые — до 1055 г. (Колчин 1982: 167; Лесман 1984: 140). Бисер бусинный зеленый (рис. 15, 20–22)⁵⁴ по новгородской шкале датируется 1116–1340 гг. (Колчин 1982: 167; Лесман 1984: 139). Золотостеклянные с каймой (рис. 15, 23)⁵⁵ по новгородской шкале датируются 989–1161 гг. (Колчин 1982: 167; Лесман 1984: 139). Многогранные мозаичные бусы: 8-гранные (рис. 15, 24, 25)⁵⁶, 14-гранная (рис. 15, 26)⁵⁷ и 21-гранная (рис. 15, 27)⁵⁸. По курганным материалам датируются X–XI вв. (Фехнер 1959: 210). Бусина трехчастная синего прозрачного стекла (рис. 15, 28)⁵⁹, по курганным материалам датируется X–XI вв. (Там же: 203). Бусины черные пастовые рельефные, перевитые белой (рис. 15, 29)⁶⁰ или зеленой (рис. 15, 30)⁶¹ нитью, с глазками в петельках датируются по новгородской шкале временем до 1134 г. (Лесман 2006: 247).

|| Изделия из железа

Инструменты и орудия труда

Ножи. Наиболее многочисленная категория орудий труда. Р. С. Минасян выделил четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (Минасян 1980). Для нашей темы важны первая и последняя группы. Ножи группы I характеризуются прямой спинкой лезвия, непосредственно переходящей в черенок. Такие формы типичны для памятников лесной зоны Восточной Европы VI–VIII вв. Их прототипами являются ножи с горбатой спинкой культур лесной зоны раннего железного века (Там же: 69). Прямые клинки ножей группы IV имеют четкие уступы, отделяющие рабочую часть от черенка. Этот тип имеет североευропейское происхождение: на территории Древней Руси впервые он появляется во второй половине VIII в. в Старой Ладоге и распространяется в северной части Древнерусского государства в X–XI вв. (Там же: 73). К аналогичным выводам пришел А. Е. Леонтьев при классификации ножей Сарского городища (Леонтьев 1976; 1996: 103–106). Ножи, отнесенные к отделу I (соответствующему группе I Р. С. Минасяна) и наиболее распространенные на Сарском городище, по его заключению являются местными, мерянскими, и генетически связаны с горбатыми ножами культур раннего железного века (Леонтьев 1996: 108). Ножи отдела II (соответствующему группе IV Р. С. Минасяна) распространены в Скандинавии, Прибалтике и Северной Руси, для них характерна трехслойная структура клинка (Там же: 109). Интересно отметить кустарные попытки воспроизведения техники трехслойного пакета, по-видимому, сделанные местными кузнецами (Там же: 107, 108). Эти выводы подтверждены фундаментальными металлографическими исследованиями, основанными на тысячах образцов (Терехова и др. 1997; Завьялов и др. 2012: 219–223).

Для металлографического исследования из находок Гнездилово было отобрано 67 ножей, целых (41 экз.) и фрагментов (26 экз.). Результаты опубликованы в работах:

54 17/1987-пл.1/Д6; 86/1987-я.19/В4; 29/1982-я.12а/В8.

55 31/1986-пл.1/Д12.

56 26/1987-пл.2/А2; 59/1987-пл.2/Г2.

57 126/1987-я.47/В13.

58 18/1981-пл.1/В5.

59 13/1981-пл.1/В4.

60 19/1981-пл.1/В5.

61 18/1986-пл.1/Г8.

Терехова и др. 1997: 287–293; Завьялов и др. 2012: 219, 360–363. Распределение исследованных ножей по технологическим схемам следующее: 15 экз. изготовлены в простых схемах — целиком из железа (4 экз.; рис. 16, 1–4) или сырцово́й стали (11 экз.; рис. 16, 5–15), 52 экз. — в сварных. Среди последних преобладают ножи, изготовленные в трехслойной технологии (42 экз.; рис. 17, 1–31), в технологии вварки (7 экз.; рис. 16, 23–29), торцовой наварки (3 экз.; рис. 17, 32–34). В семи случаях зафиксировано подражание классическому трехслойному пакету с нарушением технологии: два ножа изготовлены целиком из железных полос и пять — из стальных (рис. 16, 16–22; табл. 1). Исследователи относят цельнометаллические ножи к местной финской ремесленной традиции, трехслойный пакет и вварку — к скандинавской, торцевую наварку — к древнерусской (Завьялов и др. 2012: 221) (табл. 1; 2). Следует отметить, что часть цельнометаллических изделий копирует форму, видимо, более престижного и дорогого трехслойного пакета. Пока не имеет аналогов пятислойный пакет (рис. 17, 31)⁶², в котором стальная полоса соединена с боковыми железными полосами не с помощью обычной кузнечной сварки, а методом пайки. В качестве припоя использовались полоски цветного металла, что дало декоративный эффект — орнамент в виде зубчиков на боковых плоскостях ножа (Терехова и др. 1997: 290, 291).

Таблица 1. Металлографические характеристики ножей селища Гнездилово 2 (по: Завьялов и др. 2012: 360, 363)

Паспорт	Рисунок	№ анализа	Структурные составляющие	Примечания
Цельнометаллические				
9/1985-пл.1/Г1	16, 1	6243	Феррит	Из железа
28/1985-пл.1/Г2	16, 2	6246	— » —	— » —
52/1985-подъем.	16, 3	6250	— » —	— » —
17/1986-пл.1/Г8	16, 4	6251	— » —	— » —
40/1986-пл.1/Е16	16, 5	6258	Феррит с перлитом	Из стали
21/1985-пл.1/Б4	16, 6	6262	Феррит, феррит с перлитом, сорбит	Из сырцово́й стали
66/1987-пл.2/Е2	16, 7	6275	Мартенсит	Из стали
60/1987-пл.2/Г3	16, 8	6279	Феррит, феррит с перлитом	Из сырцово́й стали
11/1980-пл.2/К5	16, 9	6288	Феррит, феррит с перлитом, мартенсит	— » —
117/1987-я.396/Д9	16, 10	6283	Феррит с перлитом	— » —
29/1987-пл.2/А7	16, 11	6285	— » —	— » —
13/1984-пл.2/Б1	16, 12	6304	Феррит, феррит с перлитом	— » —
8/1982-пл.2/Б7	16, 13	6307	— » —	— » —
15/1986-пл.1/В12	16, 14	6247	Феррит с перлитом	Из стали, Видманштетт
85/1985-я.13/А3	16, 15	6309	— » —	Из сырцово́й стали
Трехслойный пакет				
21/1984-подъем.	17, 1	6244	Феррит, мартенсит	—
7/1986-пл.1/Б11	17, 2	6248	Феррит с перлитом, мартенсит	—
27/1981-пл.1/Г6	17, 3	6252	Феррит, мартенсит	—
33/1981-пл.1/Д5	17, 4	6253	— » —	—

62 4/1986-пл.1/А3.

Таблица 1, продолжение

Паспорт	Рисунок	№ анализа	Структурные составляющие	Примечания
6/1981-пл.1/В1	17, 5	6254	Феррит, феррит с перлитом	–
7/1981-пл.1/В2	17, 6	6255	Феррит, мартенсит	–
13/1986-пл.1/В9	17, 7	6256	— » —	–
22/1985-пл.1/В5	17, 8	6259	Феррит, феррит с перлитом	–
17/1985-пл.1/Г9	17, 9	6263	— » —	–
25/1981-пл.1/Г5	17, 10	6265	— » —	–
119/1987-я.396/Е9	17, 11	6277	Феррит, мартенсит с перлитом	–
58/1987-пл.2/В13	17, 12	6280	Нет данных	–
53/1987-пл.2/В3	17, 13	6282	Феррит, мартенсит	–
44/1981-пл.2/Г4	17, 14	6284	— » —	–
62/1987-пл.2/Г8	17, 15	6286	Феррит, троостит	–
127/1987-я.47/Б13	17, 16	6287	Феррит, мартенсит	–
77/1986-я.25/Д10	17, 17	6290	— » —	–
49/1986-пл.2/Д10	17, 18	6291	Феррит, феррит с перлитом	–
32/1985-пл.2/Г10	17, 19	6292	Феррит, феррит с перлитом, мартенсит	Трехслойный пакет (?)
46/1985-пл.2/В4	17, 20	6293	Феррит, мартенсит	–
70/1986-я.25/Г10	17, 21	6295	Феррит, феррит с перлитом	–
47/1986-пл.2/Г9	17, 22	6296	Феррит, мартенсит	–
31/1985-пл.2/Г10	17, 23	6297	Феррит, мартенсит с перлитом	–
42/1981-я.2/Г3	17, 24	6299	Феррит, мартенсит	–
18/1982-пл.3/Г10	17, 25	6301	— » —	–
12/1982-пл.2/А1	17, 26	6302	Феррит, феррит с перлитом	–
43/1982-я.126/А7	17, 27	6303	Феррит, троостит с мартенситом	–
60/1981-пл.2/Д6	17, 28	6308	Феррит, феррит с перлитом	–
5/1982-пл.2/А7	17, 29	6305	— » —	Пятислойный пакет
30/1987-пл.2/А10	17, 30	6276	— » —	Пятислойный (?) пакет
4/1986-пл.1/А3	17, 31	6266	Феррит, мартенсит	Пайка цветным металлом
Подражание классическому трехслойному пакету				
5/1984-пл.1/В1	16, 16	6242	Феррит с перлитом	Все полосы из сырьевой стали
3/1986-пл.1/А2	16, 17	6249	Феррит	Все полосы железные
1/1985-пл.1/Г10	16, 18	6261	Мартенсит	Все полосы стальные
14/1987-пл.1/Г4	16, 19	6272	Феррит	Все полосы железные
112/1987-я.39а/Д13	16, 20	6274	Мартенсит	Все полосы стальные
52/1987-пл.2/В2	16, 21	6281	Феррит, мартенсит	Две полосы стальные
67/1986-я.25/Г10	16, 22	6294	Феррит	Все полосы стальные
Вварка				
29/1986-пл.1/Д10	16, 23	6257	Феррит, мартенсит	–
8/1981-пл.1/В3	16, 24	6264	Феррит, мартенсит	–
24/1987-пл.1/Е9	16, 25	6267	Феррит, мартенсит	–
12/1987-пл.1/В14	16, 26	6269	Феррит, феррит с перлитом	–
15/1987-пл.1/Г8	16, 27	6273	Феррит, мартенсит с трооститом	–
51/1987-пл.2/В2	16, 28	6278	Феррит, феррит с перлитом	–

Таблица 1, окончание

Паспорт	Рисунок	№ анализа	Структурные составляющие	Примечания
20/1982-я.9/Д6	16, 29	6306	Феррит, троостит с мартенситом	–
Торцовая наварка				
12/1981-пл.1/В4	17, 32	6241	Феррит, троостит с мартенситом	–
9/1984-пл.1/Г4	17, 33	6245	Феррит, мартенсит	–
19/1982-пл.3/А7	17, 34	6300	Феррит, феррит с перлитом	–

Таблица 2. Распределение различных групп ножей (целые формы) из селища Гнездилово 2 по технологическим схемам (по: Завьялов и др. 2012: 221)

Группа	Технологическая схема					Всего
	Из железа	Из стали	Трехслойный пакет	Вварка	Наварка	
Финская	2	4	–	–	–	6
Скандинавская	–	–	27	3	–	30
Древнерусская	–	3	–	–	2	5
Всего	2	7	27	3	2	41

Шилья. Найдено 12 экз. (рис. 23, 8–19)⁶³ как в пахотном слое, так и в материковых ямах.

Иглы. Найдено 7 экз. (рис. 23, 1–7)⁶⁴. Находки сосредоточены в ямах восточной части раскопа 1987 г., то есть относятся к первой трети XI в. В Новгороде железные иглы найдены в слоях, датируемых начиная с XI в. (Колчин 1985: 253; Гайдуков 1992: 91, рис. 55, 15, 16).

Молоток. Ювелирный молоточек (рис. 20, 18)⁶⁵, аналогичные орудия известны в Старой Ладогe (Давидан 1980: 65, табл. 2, 13) и Новгороде из слоя XI в. (Колчин 1985: табл. 95, 16).

Предметы вооружения

Наконечники стрел. Наконечник черешковый ромбовидный с трехгранным сечением лезвия и квадратным в сечении черешком (рис. 20, 1)⁶⁶ наиболее близок типу 41 варианту 1 «ромбовидный гнездовского типа», по А. Ф. Медведеву, датированному VIII — серединой XI в. (Медведев 1966: 65, табл. 30, 37). Наш экземпляр отличается трехгранным сечением, в то время как тип по А. Ф. Медведеву — четырехгранный в сечении. Близкая форма — во владимирских курганах (Спицын 1905а: 135, рис. 87). Близкий по форме черешковый наконечник стрелы с трехгранным сечением лезвия и крутым сечением черешка, но более вытянутой формы (рис. 20, 2)⁶⁷ имеет аналогии во владимирских курганах (Спицын 1905а: 135, рис. 92). Срезень секторовидный (рис. 20, 3)⁶⁸ типа 55, по А. Ф. Медведеву, датируется IX–XI вв. (Там же: 71, табл. 30, 51). Наконечник стрелы

63 67/1987-я.8/В1; 21/1982-я.9/Г8; 50/1985-я.13/В2; 106/1987-я.39а/Д10; 24/1985-пл.1/В3; 29/1985-пл.1/В3; 38/1987-пл.2/В2; 5/1981-пл.1/В5; 11/1986-пл.1/В13; 56/1981-пл.2/В2; 118/1987-я.396/Е9; 28/1987-пл.1/А7.

64 104/1987-я.39а/Д10; 121/1987-я.396/Е9; 92/1987-я.31/Е7; 142/1987-я.51/Г15; 137/1987-я.47/В14; 129/1987-я.47/В14; 57/1987-пл.2/В11.

65 34/1987-пл.2/А13.

66 71/1987-я.8/В3.

67 8/1986-пл.1/В11.

68 79/1986-я.25/Г9.

двушипный черешковый без упора (рис. 20, 4)⁶⁹ типа 29, по А. Ф. Медведеву, широко распространенного с I по XIV в. (Там же: 62). Наиболее близкие аналогии в Новгороде, в слоях X — первой половины XIV в. (Там же: табл. 20, 12).

Промысловый инвентарь

С рыболовством связаны две находки: *рыболовный крючок* (рис. 22, 11)⁷⁰ и *острога* (рис. 20, 5)⁷¹.

Хозяйственный и домашний инвентарь

Ключи и замки. Ключи от навесного замка типа А (рис. 21, 10, 11)⁷² датируются по новгородской шкале временем до 1238 г. (Колчин 1982: 162; Лесман 1984: 138). Ключи от деревянного замка (рис. 21, 13–15)⁷³ — по новгородской шкале X — началом XII в. (Колчин 1982: 161). Найден также навесной замок, тип которого неопределим из-за плохой сохранности (рис. 21, 12)⁷⁴.

Кресала. Калачевидные с язычком кресала (рис. 20, 6–11)⁷⁵ датируются по новгородской шкале временем до 1177 г. (Колчин 1982: 163; Лесман 1984: 138).

Футляры для фитиля (рис. 20, 15, 16)⁷⁶. Для ношения фитиля изготавливались железные футляры в виде разомкнутой трубки с петлей на одном конце (Колчин 1953: 166, рис. 138). Находка, характерная для мужских погребений X в. во владимирских (Спицын 1905а: рис. 62), гнёздовских (Спицын 1905б: рис. 27), ярославских (Недошивина 1963а: 51, рис. 26) могильниках, ладожских сопках (Седов 1970: табл. XIV, 2), некрополях Бирки (Arbman 1940: Taf. 186, 11; 187, 2), Шестовиц (Бліфельд 1977: табл. XXXVI, 1, 12), Пскова (Лабутина и др. 1981: 75, рис. 3, 13); на Рюриковом городище (Носов 1990: 97, рис. 37, 10), Сарском городище (Эдинг 1928: табл. V, 8; Леонтьев 1996: рис. 59, 10–12) и стоянке Сарское 2 (Леонтьев 1996: рис. 40, 19), Тимерёвском поселении (Дубов 1982: 238, рис. 40, 5). По мнению И. Г. Розенфельдт, железные фитильные трубочки первоначально были распространены в финно-угорских памятниках VIII–IX вв., особенно у мордвы, муромы и удмуртов. Их прототипом служили костяные трубочки с продольным пазом, встречающиеся на позднедьяковских памятниках (Розенфельдт 1982: 145, 146, рис. 36, 31; Дубынин 1970: 67, табл. 6, 1, 4, 9, 10, 14).

Резцы-лошари (рис. 20, 12, 13)⁷⁷ — обычная находка для большинства древнерусских городов и многих поселений (Колчин 1985: 258, табл. 100, 10).

Дужки от деревянных ведер (рис. 22, 1–4)⁷⁸ представлены четырьмя фрагментами.

Ручка котла (рис. 22, 5)⁷⁹ найдена в пахотном слое.

69 32/1986-пл.1/Д13.

70 51/1986-пл.2/Д10.

71 25/1986-пл.1/Д9.

72 45/1987-пл.2/Б3; 18/1985-пл.1/В7.

73 10/1980-я.1/К5; 33/1987-пл.2/А10; 49/1987-пл.2/Б15.

74 134/1987-я.47/А14.

75 78/1986-я.25/Г10; 20/1981-пл.1/Г3; 35/1987-пл.2/А14; 22/1984-подъем.; 3/1984-пл.1/Б2; 1/1986-пл.1/А1.

76 19/1986-пл.1/Г8; 16/1987-пл.1/Г14.

77 145/1987-подъем.; 45/1986-пл.1/Ж17.

78 39/1982-Я.126/А6; 69/1986-я.25/Г10; 34/1986-пл.1/Д14; 38/1985-пл.1/Б6.

79 23/1986-пл.1/Д8.

Бритва (рис. 20, 17)⁸⁰. Фрагмент железного лезвия (бритвы?), конец которого (рукоять?) обернут листом цветного металла. Отличается от форм, известных в Новгороде (Колчин 1959: 57, 58).

Гвозди (рис. 24, 1–12)⁸¹ кованые четырехгранные в сечении происходят из пахотного слоя.

Заклепка (рис. 24, 13)⁸². Находки железных (ладейных) заклепок свидетельствуют о наличии судов ладейного типа с жесткими связями и клинкерной обшивкой, построенных в рамках скандинавской традиции (Сорокин 1997: 80–82; Дубровин 2020: 313, 314).

Украшения

Кольцо с молоточками Тора. Железное кольцо с тремя подвесками (рис. 13, 3)⁸³ входит в круг скандинавских подвесок-амулетов. Аналоги (из серебра, бронзы или железа) встречены на поселениях, в погребениях икладах Дании, Швеции и Финляндии, а на территории Руси — на Рюриковом городище, Белом озере (Никольское V) и в Гнёздове. Их датировка не выходит за пределы X в. (Дорофеева 2010; 2013; Мусин 2012).

Браслет(?) (рис. 21, 1)⁸⁴. Дрот, квадратный в сечении, согнутый в форме окружности с загнутым концом.

|| Изделия из кости и рога

Гребни. Представлены односторонними составными формами (рис. 13, 6; 25, 5–9)⁸⁵, относящимися ко второй группе, по О. И. Давидан, которая датируется в памятниках Восточной и Западной (Швеция, Польша, Германия) Европы IX–XI вв. (Давидан 1962: 101), в Новгороде X — серединой XI в. (Колчин 1982: 164). Односторонние составные гребни первой группы, датируемые в Старой Ладогe VIII–X вв. (Давидан 1962: 103), на территории Северо-Восточной Руси известны на Сарском городище (Леонтьев 1996: 150, рис. 63) и на Тимерёвском селище (Дубов 1982: рис. 26, 1). Отсутствие в Гнездилове гребней первой группы косвенно свидетельствует о датировке поселения временем не ранее X в. (Давидан 1962; 1968). На гребне (рис. 13, 6) прочерчен знак трикветра. Подобные изображения были широко распространены в эпоху викингов в Северной Европе, встречены как на поминальных камнях в Скандинавии, так и на различных бытовых предметах, в том числе и на территории Северной Руси. Аналогичный знак процарапан на клыке моржа в отложениях первой половины X в. на Рюриковом городище (Носов и др. 2000: 39; 2009; Гиря, Дорофеева 2010; Дорофеева 2016), выявлен на деревянной уключине, найденной на усадьбе Г Троицкого VIII раскопа в Новгороде в слоях 990–1010 гг. (Мусин, Тарабардина 2019: 772, рис. 3, Г1), и на рукояти ковша из Троицкого XI раскопа (Мусин и др. 2016: 163, рис. 6).

Копоушки. Обломки двух копоушек (рис. 25, 1, 2)⁸⁶ принадлежат к типу плоских, сделанных из тонких костяных пластин, сужающихся к одному концу, который

80 25/1987-пл.1/Е10.

81 3/1987-пл.1/А3; 61/1987-пл.2/Г8; 7/1984-пл.1/В4; 10/1984-пл.1/Д1; 2/1985-пл.1/Б5; 17/1982-пл.3/Б7; 48/1986-пл.2/Д9; 6/1987-пл.1/Б5; 58/1986-я.34/Г12; 37/1986-пл.1/Е8; 44/1986-пл.1/Ж18; 12/1980-пл.2/И5.

82 59/1981-пл.2/Д5.

83 42/1987-пл.2/Б2.

84 132/1987-я.47/Б14.

85 41/1981-пл.2/Г2; 55/1981-я. 9/Д6; 34/1982-я. 126/Ж2; 55/1987-пл.2/В6; 63/1987-пл.2/Г10; 11/1985-пл.1/Г10.

86 72/1987-я.14/Б3; 4/1980-я.1/К5.

заканчивается коротким, часто круглым в сечении стерженьком с маленькой ложкой. На противоположном, обычно треугольном, конце — отверстие для подвешивания. Обе плоскости орнаментированы неглубокими насечками. Длина колеблется от 4,5 до 7,0 см. Данный тип характерен для памятников Северо-Восточной Руси X в. Встречен на Сарском городище и селищах в районе оз. Неро (Эдинг 1928: табл. IV, 1–4; Леонтьев 1996: 147–150, рис. 62, 3–8, 14–16), в Ярославских могильниках (Фехнер 1963: рис. 23, 1–9), на Тимерёвском селище (Дубов 1982: рис. 19, 2; 26, 3; 28, 16, 17; 29, 13, 18, 19; 39, 12; Седых, Макарова 2001: 97, 98). По наблюдениям М. В. Фехнер копоушки встречаются только в женских и детских погребениях с кремациями и только в одном случае — в ингумации XI в. (Фехнер 1963: 40). Этот предмет личной гигиены известен по этнографическим данным от коми и удмуртов до бурятов и китайцев, но, по-видимому, наиболее характерен для финно-угорского мира. В Пермском Предуралье копоушки распространяются с рубежа IX–X вв. и демонстрируют многообразие типов (Крыласова 2007: 281–289). Однако форма, характерная для памятников Северо-Восточной Руси, здесь неизвестна. Наиболее близки, но не идентичны, плоские копоушки Поветлужья (Архипов 1973: 57, рис. 71, 2–7). А. Е. Леонтьев заключил, что, судя по материалам Ярославских могильников, копоушки появляются в Ростовской земле в X в. как готовый, сформировавшийся тип изделий, который отсутствует в древностях финского населения региона более раннего времени. Тип выходит из употребления также внезапно, как и появляется, к началу XI в. (Леонтьев 1996: 149, 150).

Рукоять орнаментированная (рис. 25, 4)⁸⁷ по форме и орнаментации повторяет рукояти копоушек, но отличается большими размерами. Возможно, это рукоять ложки: аналогичные находки, но с иной орнаментацией, в Старой Ладогe датируются X в. (Давидан 1966: 111, рис. 4, 19; Старая Ладога 2003: 97, № 269), в Трондхейме (Норвегия) — около 1075–1150 гг. (From Viking 1992: 377, № 570).

Пуговица (рис. 25, 3)⁸⁸, выточенная на токарном станке, круглая, полусферической формы, с одним отверстием, украшена циркульным орнаментом. Вероятно, появление и распространение этого типа пуговиц связано с провинциально-византийским импортом и подражанием ему. Полусферические пуговицы с линейно-циркульным орнаментом многочисленны в слоях Коринфа X–XII вв. (Davidson 1952: Tab. 123–125), в средневековом Херсонесе (Романчук 1981: 91, 92), в Волжской Булгарии (Казаков 1992: 184; Закирова 1988: 232), Хазарии, на Северном Кавказе и в южнорусских степях (Флёрова 2001: 102, 103); чрезвычайно распространены в памятниках домонгольской Руси (Фехнер 1963: 232), хотя встречаются и в XIV в. (Лапшин 2009: 117, рис. 119, 1–5). В Киеве выявлено производство таких пуговиц (Шовкопляс 1954: 27).

Навершие в виде птичьей головы из рога (рис. 13, 5)⁸⁹. В Новгороде — деревянные зооморфные навершия-кнутовища в виде птичьих головок более поздние (Дубровин 2020: 326, рис. 129; 130).

Игольник (рис. 26, 13)⁹⁰. Игольники делались из полых птичьих костей в виде трубочки, сбоку имели сдвоенное отверстие для проволочного кольца-подвеса. Такие игольники являлись широко распространенным предметом женской субкультуры раннегородских поселений и дружинных могильников IX — начала XI в. Северной Руси. Найдены на Рюриковом городище (Носов 1990: 71, рис. 28, 6), в Гнёздове

87 73/1987-я.14/Б4.

88 41/1985-я.13/Б2.

89 143/1987-я.51/Г15.

90 63/1986-я.25/Д10.

(Пушкина 1993: 59, рис. 2, 2), в Старой Ладогe (Давидан 1966: 111), в Городке на Ловати (Горюнова 2016: 25, рис. 120, 1; 133, 3), на Сарском городище (Эдинг 1928: табл. IV, 7; Леонтьев 1966: 138, рис. 56, 16, 17), на Тимерёвском поселении (Дубов 1982: рис. 14, 6, 7), в курганах Ярославского Поволжья (Ярославское Поволжье 1963: 34) и Приладожья (Бранденбург 1895: табл. V, 13); в Скандинавии — в могильнике Бирки (Arbman 1940: Taf. 169, 1, 3–5).

Острия и проколки (рис. 26; 27). Эта категория объединяет различные по своему функциональному назначению предметы (Смирнова 1999; 2000). Л. И. Смирнова по материалам Новгорода выделяет следующие функциональные группы. *Булавки для одежды* — из малых берцовых костей свиньи, в которых в качестве головок используются естественные расширения на одном из концов (Смирнова 2000: 237, рис. 1). В Гнездилове 2 найдена одна такая булавка (рис. 26, б)⁹¹. *Проколки* — для их изготовления использовались кости различных диких и домашних животных. На одном конце делалось острие, а необработанный конец использовался в качестве рукояти (рис. 27, 6–9, 14)⁹². В Новгороде наибольшее число находок происходит из горизонтов X в., их количество плавно убывает на протяжении XI в. и резко падает в последней четверти XI — начале XII в. (Там же: 238, 239, рис. 6, 2). На других памятниках Древней Руси аналогичные предметы также находят преимущественно в слоях IX–XI вв.: в Старой Ладогe (Давидан 1966: рис. 1, б), в Гнездове (Пушкина 1993), на Рюриковом городище (Носов 1990: 71, рис. 28, 8, 9), на Сарском городище (Леонтьев 1996: рис. 56, 12, 14, 15). Группу орудий из трубчатых костей, на одной стороне которых сделано острие, а на другой сохраняется необработанный эпифиз (рис. 27, 1–5)⁹³ Л. И. Смирнова интерпретирует на основе западноевропейских аналогий как орудие ткача, работающего на вертикальном ткацком станке. Они распространены в слоях X–XI вв. и выходят из употребления в XII в. (Смирнова 2000: 239–243, рис. 3, 3, 4).

Иглы (рис. 26, 3–7)⁹⁴ отличаются от булавок для одежды обработанным концом с ушком для нити.

Просверленные зубы и астрагалы животных (рис. 33). Коллекцию из 30 предметов с просверлинами можно разделить на две группы. Первая включает зубы (рис. 33, 1–3)⁹⁵, клык (рис. 33, 6)⁹⁶ и когти (рис. 33, 4, 5)⁹⁷ медведя и астрагалы бобра (рис. 33, 7–13)⁹⁸. Наиболее вероятное их предназначение — подвески-амулеты (Леонтьев 1996: 176; Ярославское Поволжье 1963: 89). Эти находки наиболее характерны для памятников IX–XI вв.: Сарского городища (Эдинг 1928: табл. II, 9, 10; Леонтьев 1996: рис. 74, 13, 17, 18), Белоозера (Захаров 2004: 218, рис. 225), Тимерёвского поселения (Дубов 1982: рис. 9, 10–12; 14, 9; 17, 15; 42, 17–21; 45, 9, 10), селищ Владимиро-Суздальского ополья (Горюнова 1961: рис. 19, 24; 20, 2). Показательно расположение астрагалов бобра в ингумациях Тимерёвского, Петровского и Михайловского курганных могильников X–XI вв. под Ярославлем. Их носили на цепочке, прикрепленными к поясу или фибулам, которыми скреплялось платье на груди. В двух женских захоронениях Тимерёвского могильника найдены были ожерелья, состоящие из одних только астрагалов

91 107/1987-я.39а/Д11.

92 107/1987-я.39а/Д11; 60/1986-я.25/Е11; 123/1987-я.396/Е10; 102/1987-я.3/Г10; 6/1982-пл.2/А8.

93 53/1981-я.9/Д6; 47/1982-я.126/Е4; 75/1986-я.25/Д10; 97/1987-я.38/Г8; 38/1986-пл.1/Е9.

94 43/1981-я.2/Г3; 69/1987-я.8/В3; 103/1987-я.39а/Г10; 50/1982-я.126/А5; 99/1987-я.39а/Г10.

95 52/1981-я.9/Д6; 2 – 27/1982-я.12а/Г5; 3 – 83/1987-я.14/А3.

96 3/1980-пл.1/И5.

97 22/1981-пл.1/Г4; 37/1985-пл.2/Г2.

98 39/1981-я.2/И7; 24/1982-я.9/Г9; 7/1985-пл.1/В4; 25/1982-я.9/Г9; 130/1987-я.47/Б14; 9/1981-я.2/И7; 15/1981-пл.1/В5.

бобра (Ярославское Поволжье 1963: 89). В Новгороде выявлено 188 амулетов из зубов и костей животных, в их числе медведь, кабан, бобр, волк, лошадь и лиса. Наибольшее их количество приходится на вторую половину X в., с рубежа X–XI вв. их число резко сокращается, но продолжает сохраняться вплоть до середины XIII в., после чего встречаются только единичные находки (Тянина 2011: 160). Астрагалы бобра, наиболее массовая находка в памятниках IX–XI вв. в Новгороде, за редким исключением, встречены только в слоях второй половины X — первой половины XI в. (Тянина 2011: 166).

Просверленные астрагалы косули (рис. 33, 18–20)⁹⁹, свиньи (рис. 33, 14–17)¹⁰⁰ и мелкого рогатого скота (рис. 33, 21–30)¹⁰¹, по-видимому, предназначались для игры «в бабки». Подобные находки широко распространены в средневековых археологических памятниках.

Заготовки и отходы костерезного производства (рис. 28). Среди 17 фрагментов кости и рога со следами обработки следует отметить две «бобышки» — цилиндрические заготовки с углублениями в торцах, свидетельствующие об обработке кости на токарном станке, практиковавшейся на поселении (рис. 28, 8, 9)¹⁰². В Старой Ладоге токарный станок применялся уже в середине VIII в., а с X в. распространяется повсеместно на территории Древней Руси (Давидан 1966: 114; 1970: 82).

|| Изделия из камня

Скребки (рис. 29, 1–5)¹⁰³. Кремневые орудия нередко встречаются на средневековых поселениях. Неясно, использовались ли неолитические орудия вторично или изготавливались и в Средневековье (Красниенко 1982). Как показывает трасологическое исследование, различные категории неолитических орудий (наконечники стрел, фрагменты наконечников копий, строгальные ножи, скребки, сверла, вкладыши ножа и др.) часто имеют следы вторичного использования в качестве кресальных кремней (Лапшин 2009: 124, 125). Что касается скребков, то они, по-видимому, изготавливались и в Средние века. Во всяком случае то, что на данном поселении найдены только скребки, косвенно может свидетельствовать об их изготовлении на месте.

Литейные формы. Найдены фрагменты трех каменных литейных форм (рис. 29, 6–8)¹⁰⁴.

Оселки. Чаще всего это камень подходящей формы без специальной обработки, но со следами сработанности (рис. 29, 10–19)¹⁰⁵. Только на фрагменте одного оселка с сечением, близким к квадрату, сохранилось отверстие для подвешивания (рис. 29, 9)¹⁰⁶. Такие оселки характерны для курганных мужских погребений с оружием X в., реже — начала XI в. в ярославских, приладожских, гнёздовских курганах, некрополях Киева и Бирки (Недошивина 1963а: 51), встречены и во владимирских курганах (Спицын 1905а: рис. 35). Оселки с отверстиями на Сарском городище появляются в IX в., а их распространение датируется X в. По мнению А. Е. Леонтьева, точильные камни правильной формы с отверстиями, предназначенные для постоянного употребления, связаны

99 23/1981-пл.1/Г4; 1/1982-пл.1/А6; 13/1982-пл.3/А5.

100 10/1981-я.2/И7; 7/1987-пл.1/Б7; 1/1987-пл.1/А1; 131/1987-я.47/Б14.

101 11/1982-пл.2/В8; 3/1982-пл.1/Г8; 100/1987-я.39а/Г10; 4/1987-пл.1/А5; 9/1987-пл.1/Б10; 48/1982-я.126/Ж3; 51/1981-я.13/В2; 76/1987-я.25/Д10; 27/1987-пл.1/В2; 7/1982-пл.2/А9.

102 56/1987-я.2/И8; 105/1987-я.39а/Д10.

103 88/1987-я.19/В4; 4/1984-пл.1/Г7; 6/1985-пл.1/Г7; 9/1986-пл.1/Б12; 39/1987-пл.2/Б2.

104 149/1987-подъем.; 1/1984-пл.1/А2; 15/1984-пл.2/Г1.

105 54/1981-я.9/Д6; 25/1985-пл.1/Б3; 78/1987-я.14/А3; 30/1986-пл.1/?; 6/1986-пл.1/Б10; 23/1982-я.9/Г8; 37/1987-пл.2/Б1; 37/1982-я.126/А6; 2/1982-пл.1/А6; 46/1987-пл.2/Б3.

106 28/1982-я.12а/Б8.

с появлением трехслойных ножей, которые, как любое орудие со стальным лезвием, требовали обязательной правки (Леонтьев 1996: 138).

Пестики — найдены целый и нижняя часть второго (рис. 24, 14, 15)¹⁰⁷.

Пряслица шиферные (рис. 30), как правило, усеченно-биконической формы. Розовый шифер добывался в районе г. Овруча на правом берегу Днепра (Томашевский 2008) и распространялся по территории всей Древней Руси не только в городах, но и на селищах X — первой половины XIII в. (Макаров 2008: 10, рис. 4, карта). На четырех экземплярах процарапаны значки (рис. 30, 1–4)¹⁰⁸, в том числе соляные.

|| Изделия из глины

Пряслица керамические (рис. 31). Из 25 находок шесть имитируют по форме биконические шиферные (рис. 31, 10, 12–15, 25), но большая часть демонстрирует разнообразие форм, напоминающих, прежде всего, коллекцию пряслиц Сарского городища (Леонтьев 1996: 132, рис. 53). Одно пряслице сделано из черепка булгарского кругового сосуда (рис. 31, 21)¹⁰⁹.

Ручки льячек (рис. 32, 1, 3)¹¹⁰. Рукоять от льячки, украшенная наколами, близка орнаментации льячек из материалов Попадьинского селища VI–VII вв. на правом берегу Волги в Ярославском Поволжье (Горюнова 1961: 82–91, рис. 36, 2; Леонтьев 1996: 232, рис. 102, 10), Дурасовского городища IX в. на левобережье Волги в Костромском Поволжье (Горюнова 1961: 109–116, рис. 53, 16; Леонтьев 1996: 259, рис. 125, 16), Сарского городища (Леонтьев 1996: 130, рис. 50, 14), на поселении IX–X вв. Крутик в Белозерье (Голубева 1991: 163, рис. 4).

Тигль (рис. 32, 2)¹¹¹. Фрагмент округлодонного тигля относится к форме, наиболее распространенной на севере Восточной Европы в конце I — начале II тыс. н. э. (библ. см.: Горюнова 2016: 43).

Грузило от вертикального ткацкого станка. Фрагмент глиняного диска диаметром около 16 см и отверстием диаметром 2,5 см (рис. 32, 12)¹¹², по-видимому, является частью грузила от вертикального ткацкого станка. Вертикальный ткацкий станок с использованием дисков-грузил был распространен в Скандинавии с бронзового века и до рубежа X–XI вв. Диаметр грузил колеблется от 8,0 до 18,0 см, толщина — от 2,5 до 6,0 см, диаметр отверстия — от 1,5 до 3,5 см (Пушкина 2020: 289). На территории Восточной Европы находки дисков-грузил связаны с комплексами IX–XI вв. Крупные скопления таких находок зафиксированы в Старой Ладогe (Штакельберг 1962; Петренко 1985: 91), на Рюриковом городище (Носов 1990: 110; Дорофеева, Михайлов 2019), на Гнездовском поселении (Пушкина 2020).

На Северо-Западе Руси отдельные находки встречены в ранних горизонтах Новгорода (Мусин, Тарабардина 2019: 770, 773, 776, рис. 3; 6; 7), в Городке на Ловати (Горюнова 2016: 22, 66, рис. 89, 15; 93, 9), в Пскове (Белецкий 1979: 11, рис. 6, 18), Витебске (Штыхов 1972: 79). На юге — единичные находки в Шестовицах (Станкевич 1962: 12, рис. 2, 11) и Чернигове (Казаков, Черненко 2007: 120). На территории Северо-

107 36/1982-я.126/А6; 96/1987-я.38/Г8.

108 73/1986-я.25/Е10; 80/1986-я.25/Г10; 146/1987-подъем.; 66/1986-я.25/Г10.

109 47/1985-я.13/В2.

110 84/1987-я.14/А3; 35/1986/пл.1/Е8.

111 80/1987-я.14/А3.

112 23/1987-пл.1/Е6.

Восточной Руси грузила для вертикального ткацкого станка известны в Белоозере (Захаров 2004: 115, рис. 225), Ростове Великом (Леонтьев 1996: 56, рис. 21, 6), на Тимерёвском селище (Дубов 1982: 166, рис. 8, 8; 18; 43, 2; Дубов, Седых 1984; Козлова 2005). Территориально ближайшая аналогия гнездиловской находке — в Суздале (Седова 1997: 88, рис. 23, 4). В Европе вертикальный ткацкий станок постепенно вытесняется горизонтальным начиная с XI в. (Смирнова 1999: 158). На Руси наиболее ранняя деталь последнего встречена в Новгороде и датируется временем не ранее XIII в. (Колчин 1968: 68–71).

«Лепешки» (рис. 32, 4–6)¹¹³. Три небольшие округлые лепешки из плохо обожженной глины неясного назначения.

Импортная керамика. В керамическом комплексе Гнездилово 2 выделяются 10 фрагментов красноглиняной круговой керамики хорошего обжига, происходящих из Волжской Булгарии: восемь фрагментов из пахотного слоя (1986/пл. 1, кв. Б14, № 12; 1987/пл. 1, № 70, 127; 1987/пл. 2, № 219, 296, 323, 326, 489), в том числе фрагмент стенки кувшина (рис. 32, 8)¹¹⁴, и два фрагмента из заполнения материковых ям (ямы 47/1987, № 886; 48/1987, № 1282). Кроме того, в яме 47/1985 найдено пряслице, сделанное из стенки болгарского сосуда (рис. 31, 21). Находки болгарской керамики обнаружены в Северо-Восточной и Южной Руси на многих памятниках домонгольского периода (Полубояринова 1993: 98–111). Керамика Волжской Булгарии известна в X в. только на Северо-Востоке Руси — в Верхнем Поволжье, Нижнем Поочье и Белоозере, «то есть тех районах, которые непосредственно контактировали с болгарскими купцами при процветавшем еще в это время торговом обмене пушнины на серебряные монеты арабского халифата» (Коваль 2010: 187). К X в. относятся находки в Муроме, Белоозере, на поселениях Крутик, Никольское V и VI, в погребениях Тимерёвского, Михайловского и Петровского курганных могильников под Ярославлем, на Тимерёвском поселении (Полубояринова 1993: 104–106).

Фрагменты обмазки. В пахотном слое и материковых ямах были найдены фрагменты обожженной глины, по-видимому, от разрушенных глинобитных печей. На некоторых из них были отпечатки ткани (рис. 32, 9–11)¹¹⁵.

Керамический комплекс

|| Лепная керамика

В статье, посвященной первичной публикации лепной керамики Гнездиловского поселения (Лапшин 1991а), автор разделил весь комплекс на три группы: 1) характерная для восточнославянских памятников лесной зоны в целом, 2) характерная преимущественно для Северо-Запада России, 3) характерная для памятников Волго-Окского междуречья I тыс. н. э. В то время этот материал в основном оставался неопубликованным, приходилось опираться главным образом на консультации коллег — авторов раскопок. За прошедшие 30 лет ситуация радикально изменилась. Благодаря многочисленным публикациям, лепная керамика начала занимать достойное ее место как важнейший источник по истории Восточной Европы I — начала II тыс. н. э.

113 83/1986-я.25/Г10; 56/1986-пл.2/Е11; 57/1986-пл.2/Е11.

114 12/1986-пл.1/Б14.

115 45/1981-я.2/В2; 113/1987-я.39а/Д13; 14/1982-пл.3/А'6.

Для Северо-Западной Руси ключевыми являются публикации комплексов лепной керамики Старой Ладogi VIII–X вв. (Сениченкова 2022), Рюрикова городища IX–X вв. (Плохов 2005), Городка на Маяте IX — начала X в. (Еремеев, Дзюба 2010: 219–239), ранних слоев Изборска (Лопатин 2007; 2009). Для процесса формирования керамического комплекса последней четверти I тыс. н. э. принципиальной является проблема происхождения керамических наборов культуры псковских длинных курганов (Лопатин 2003) и их генетической связи с памятниками III–V вв. круга Заозерье — Уzmanь (Лопатин, Фурасев 1994; 2007a; 2007b). Поставлен вопрос о происхождении форм лепной керамики последней четверти I тыс. н. э. для Северо-Запада России в целом (Лопатин 2022).

Для территории Северо-Восточной Руси наиболее важными для нашей темы являются публикации керамических комплексов групп памятников, оставленных населением, предшествующим древнерусской колонизации на Верхней Волге во II–VIII вв. (Исланова 2019; 2023), поздних слоев городищ дьяковской культуры (Розенфельдт 1971; 1974), мерянских селищ VIII–X вв. в районе озер Неро и Плещеево и Сарского городища (Леонтьев 1984; 1996). Часть керамического комплекса Гнездиловского поселения оказалась генетически связанной с поздним этапом мощинской культуры, существовавшей на Верхней Оке в III–V (VII) вв. (Массалитина 1994; Воронцов 2016).

Коллекция Гнездиловского поселения насчитывает 371 фрагмент, позволяющий восстановить профилировку сосуда или его верхней части. Выделено девять типов с вариантами (рис. 34–47).

Тип 1. Горшки с максимальным расширением в верхней трети сосуда; диаметр венчика меньше диаметра плечика.

Вариант 1-1 (рис. 34). Венчик короткий прямой или слегка отогнутый.

Вариант 1-2 (рис. 35). Венчик эсвидный высокий.

Вариант 1-3 (рис. 36). Сосуды тонкостенные, венчик высокий прямой.

Вариант 1-4 (рис. 37). Реберчатые сосуды с высоким венчиком.

Вариант 1-5 (рис. 38). С коротким резко отогнутым венчиком и насечкой по его краю.

Тип 2 (рис. 39). Горшки с сильно отогнутым венчиком («тюльпановидные»); диаметр венчика больше диаметра плечика или близок к нему.

Тип 3 (рис. 40). Горшки округлобокие с максимальным расширением около середины тулова и эсвидным венчиком.

Тип 4. Горшки баночной формы с вертикальными стенками удлинённых пропорций.

Вариант 4-1 (рис. 41). Горшки баночной формы толстостенные.

Вариант 4-2 (рис. 42). Тонкостенные сосуды, слабопрофилированные, баночной формы.

Тип 5 (рис. 43). Горшки с венчиком раструбом, с подчеркнутым перегибом в месте перехода к плечу «мощинского типа».

Тип 6. Миски — как правило, с наибольшим расширением по закраине сосуда.

Вариант 6-1 (рис. 44). Мискообразные горшки с коротким вертикальным венчиком и выпуклым хорошо выраженным плечиком.

Вариант 6-2 (рис. 45, 1). Тонкостенные чашевидные сосуды с вертикальным венчиком и плавным переходом в плечо, с заглаженной поверхностью.

Вариант 6-3 (рис. 45, 2, 3). С оттянутым наружу венчиком, подлощенные.

Вариант 6-4 (рис. 45, 4). С ребром, подлощенные.

Вариант 6-5 (рис. 46). Профилированные, с высоким отогнутым наружу венчиком и подлощенной поверхностью.

Тип 7 (рис. 47, 1–7). Чашевидные сосуды без выраженных венчика и плечика.

Тип 8 (рис. 47, 8–11). Миниатюрные сосуды.

Тип 9 (рис. 47, 12–14). Сковородки.

Горшки типа 1 *варианта 1-1* (рис. 34) с венчиком коротким прямым или слегка отогнутым и *варианта 1-2* (рис. 35) характерны для памятников Северо-Запада IX–X вв. и соответствуют группе 1 вариантам 1–3, по И. И. Еремееву (Еремеев, Дзюба 2010: 219). По предположению И. И. Еремеева, эта керамическая традиция формируется в VIII–IX вв. на памятниках Днепровского Левобережья, на территории современной Северной Беларуси (Еремеев и др. 2007б: 118; Еремеев 2015: 66). В IX–X вв. это наиболее представительная группа керамических форм в таких городских и протогородских центрах, как Лукомль (Еремеев и др. 2007б), Витебск (Еремеев и др. 2007а), Камно (Белецкий 1977: 93, рис. 1, 3, 4), Изборск (Седов 1978: 64, рис. 1, А, В; 2007: 78–80, рис. 58; 61; Белецкий 1996: 24, рис. 2; Лопатин 2007: 219, рис. 1, 1–3), Псков (Белецкий 1983: 52, рис. 6), Городок на Ловати (Горюнова 2016: 27, рис. 11, 4–8), Рюриково городище (Плохов 2005: табл. 54, 2; 55, 1–3; 56, 1–3), Новгород (Смирнова 1976: 6, рис. 3, V, А, Б; Плохов 2009: 418, рис. 1, 1, 3, 4), Гнёздово (Каменецкая 2019: 26, 27, рис. 12, форма А, типы I–III).

В Северо-Восточной Руси керамика типа 1 встречена в Тимерёвском курганном могильнике (Смирнова 1987: 98, рис. 5, 13–16) и на Тимерёвском поселении (Седых 1982а: 193, рис. 49, 4, 5; 1982б: 116, рис. 1, 4), где отнесена к редким для данного памятника формам, характерным для Северо-Запада.

На Гнездиловском поселении лепная керамика типа 1 (варианты 1, 2) составляет более половины (53 %) определимых венчиков (см. табл. 3).

Вариант 1-3. Сосуды тонкостенные, венчик высокий прямой (рис. 36), соответствуют группе 1 варианту 3, по И. И. Еремееву (Еремеев, Дзюба 2010: 219, рис. 208), но отличаются более тонкими стенками (около 3 мм). Аналогии в Витебске (Еремеев и др. 2007а: рис. 10) и Лукомле (Еремеев и др. 2007б: рис. 5).

Вариант 1-4 (рис. 37). К нему отнесены сосуды с высоким венчиком и намеченным ребром в верхней части плечика. Напоминают горшки так называемого ладожского типа. Происхождение этого типа керамики дискуссионно (Сениченкова 1995; Плохов 1996; Еремеев, Дзюба 2010: 230; Сениченкова 2014; 2022: 490, 491; Лопатин 2022). Однако очевидно, что он характерен для сопок и поселений центральных районов Новгородской земли, прежде всего Поволховья, Приладожья и Поозерья VIII–X вв. (Петренко 1994: 71, рис. 29, 3, 4; Носов 1976; 1977; 1990; 1991; Плохов 2002; 2005; и др.; Спиридонов 1986: рис. 1, 12–14; 1989: рис. 1, 7, 8), хотя и не составляет большинства форм (Рябинин 1985: 64; Плохов 1996: 23), не более 20 % (Сениченкова 2022: 389). На Гнездиловском поселении керамика этого типа представлена единичными фрагментами в комплексах двух ям — 25/1986 и 47/1987, притом не самых характерных форм.

Вариант 1-5 с коротким резко отогнутым венчиком и насечкой по его краю относится к группе редких (рис. 38). Помимо Гнездиловского поселения встречен в небольшом количестве в Суздале и на некоторых селищах ближайшей округи (см. приложение 4). Аналогия — единичная находка на селище третьей четверти I тыс. н. э. у д. Попово на р. Унже в Костромском Поволжье (Рябинин 1989: 169, рис. 11, 8). Более близкая аналогия — лепная керамика нижнего слоя Ростова второй половины X в. Авторы рассматривают ее как древнерусскую по происхождению (Леонтьев, Самойлович 1991: 56, рис. 1, 3–5; Леонтьев 1996: рис. 134, 1–8), хотя генезис неясен.

Тип 2. Горшки с высоким плечиком, сильно отогнутым венчиком («тюльпановидные»); диаметр венчика больше диаметра плечика или близок к нему (рис. 39).

Группа 3, по И. И. Еремееву, из керамического комплекса Городка на Маяте IX — начала X в. (Еремеев, Дзюба 2010: 219, рис. 209), а также Лукомля (Еремеев и др. 2007б: 113, рис. 6), Витебска (Еремеев и др. 2007а: 7, рис. 13, 7–9), Гнёздова (Каменецкая: 29, рис. 13, 1, 2, форма А, тип V). Форма представлена на этих памятниках несколькими фрагментами. Можно предполагать, что это наследие предыдущей эпохи. Аналоги находим в дьяковской культуре. И. Г. Розенфельдт выделяет горшки «усеченно-конических» форм (Розенфельдт 1971: рис. 7, 9; 1974: 129, рис. 24, 7), а И. В. Исланова выделяет форму 7: «воронковидные» сосуды с последовательно сужающимися ко дну верхней частью и туловом (Исланова 2001: 65, рис. 12, 7).

Тип 3. Горшки округлобокие с максимальным расширением около середины тулова и эсвидным венчиком (рис. 40). Группа 2, по И. И. Еремееву, из керамического комплекса Городка на Маяте IX — начала X в. (Еремеев, Дзюба 2010: 219, рис. 210, 1–3), а также Лукомля (Еремеев и др. 2007б: 113, рис. 7, 1), Витебска (Еремеев и др. 2007а: 7, рис. 13, 7, 8) и Полоцка (Еремеев 2015: 65, рис. 63, 5).

Тип 4. Банки с вертикальными стенками удлинённых пропорций.

Вариант 4-1. Горшки баночной формы толстостенные (толщина стенок 1–3 см) (рис. 41). Характерны для псковских длинных курганов (Седов 1974б: 26 (тип I), табл. 19, 2–6; 22, 10–11; 2007: 30, рис. 7, 3, 4; Хвошинская 2004: табл. III, 5; X, 13; XLIV, 7; XLVIII, Б; Лопатин 2003; Лопатин, Попов 2016: рис. 6; 7) и поселений этой культуры (Носов 1981: 68, рис. 3, 5; Носов, Плохов 2016: рис. 19–23). Встречены на городищах Рыуге (Шмидельхельм 1959: 163, табл. II, 2) и Камно (Белецкий 1977: рис. 1, 1; 2, 1), в Изборске (Седов 1978: 66, рис. 2, А; 2007: рис. 62, 8–10; Лопатин 2009), нижних слоях Псковского городища (Белецкий 1981: 55, рис. 17, 1а; 1983: 52, рис. 4, 1–4, 7, 10), в смоленских длинных курганах (Енуков 1990: рис. 31, 1), в Гнёздове (Каменецкая 2019: 30, рис. 14, 3, форма Г). На Северо-Востоке — в Тимерёве на поселении (Седых 1982а: 193, рис. 49, 1–3) и в Тимерёвском и Михайловском курганных могильниках, где отнесены к редким формам (Мальм 1963а: рис. 25, 2; Смирнова 1987: 98, рис. 5, 13).

Вариант 4-2. Слабопрофилированные баночной формы (рис. 42). От варианта 4-1 отличаются тонкими (0,5–0,6 см) стенками. Аналоги известны на Сарском городище и селище Щурское-2 под Ростовом (Исланова 1982: 189, рис. 4, 2, 7).

Тип 5. Горшки с венчиком раструбом, с подчеркнутым перегибом в месте перехода к плечу «мощинского типа» (рис. 43). Характерной особенностью является подчеркнутый уступ или перетяжка при переходе от горла к плечу сосуда. Керамика этого типа находит аналогии на памятниках мощинской культуры на Верхней Оке III–V вв. н. э. (Массалитина 1994: 10, тип 1). Керамический комплекс мощинской культуры генетически связан с памятниками почепской культуры I–II вв. н. э. в поречье Десны (Воронцов 2002; 2003б).

Рассматриваемый тип горшков связывается с финалом культуры, то есть с V в. (Массалитина 1994: 16; 2001: 12). Именно в V в. мощинская керамика появляется в рязано-окских могильниках (Румянцева 2007: 255) и в небольшом количестве распространяется на больших территориях лесной зоны Восточной Европы: в Днепро-Двинском регионе, позднедьяковских памятниках Москворечья, верховьях Западной Двины (Массалитина 2001: 12; Румянцева 2007: 271, рис. 18; Исланова 2010), на Верхней Волге (Лопатин, Лопатина 1998; Массалитина 2002: 14; Исланова и др. 2017). И. В. Исланова выделяет в Тверском Поволжье мстинско-моложскую группу памятников, датируемую ею концом IV — началом VI в. н. э., в которой преобладала или господствовала керамика мощинского типа (Исланова 2007: 327, рис. 6, 17; 2010: 204–206; 2011а: 82, рис. 18–21), и связывает ее появление с притоком нового населения

(Исланова 2019: 98; 2023: 50–55, 150, рис. 59). Н. А. Кренке отмечает появление в Москворечье «керамического стиля мощинского круга» в IV–V вв., но считает, что широкое распространение этого стиля — «прежде всего явление моды», также подчеркивая различие наборов вещей двух культур — мощинской и позднедьяковской (Кренке 2019: 80).

При том что большинство изученных раскопками памятников мощинской культуры датируется временем не позднее V в., на отдельных городищах документированы находки с верхней датой первая половина — середина VII в. (Воронцов 2003а; 2011; 2013; 2014). Общая линия эволюции данного типа горшков состоит в постепенном утолщении верхней части плечика, за счет чего получается резкий, через уступ, подчеркнутый переход к плечу (Воронцов 2013: 42; 2016: 226), то есть именно та форма, которую мы застаем в материалах Гнездиловского поселения.

В керамическом комплексе селища третьей четверти I тыс. н. э. Кибол 1 под Суздалем этот тип горшков абсолютно господствует (Лапшин 2012; см. приложение 4, с. 94). Кроме Кибол 1 в округе Суздаля наиболее близок этому типу комплекс гладкостенной керамики Якиманского городища (раскопки 1928 г. (А. Ф. Дубинина?) — см. приложение 4, с. 94). Разведки последних лет выявили целую группу селищ, на которых присутствует керамика «мощинского типа» и в Суздальском ополье (Морозов 2022). Судя по публикации, к «мощинской» группе можно отнести часть керамики селища Кибол 7, основной период жизни которого по результатам радиоуглеродного датирования определяется в рамках III–VII вв. (Макаров и др. 2011б: 45, рис. 3Б). Таким образом, селище Кибол 1 не является единичным явлением, а по-видимому, представляет культурный горизонт, заполняющий хронологическую лакуну третьей четверти I тыс. н. э.

Тип 6. Миски — сосуды, как правило, с наибольшим расширением по закраине сосуда.

Вариант 6-1. Мискообразные горшки с коротким вертикальным венчиком и выпуклым хорошо выраженным плечиком (рис. 44). Аналогии: Безводнинский грунтовый могильник конца V — первой половины VIII в. в Нижегородском Поволжье (Краснов 1980: рис. 56, 2, *тип VIII*), муромские могильники последней четверти I тыс. н. э. (Гришаков и др. 2016, рис. 13, 4; 35, 2; 36, 2; 42, 5; 49, 2; 60, 25); наиболее близкий по времени и территории — могильник Шоково под Суздалем второй половины X — начала XI в. (Угулава 2023: 58, рис. 28; 31).

Вариант 6-2. Тонкостенные чашевидные сосуды с вертикальным венчиком и плавным переходом в плечо, с заглаженной поверхностью (рис. 45, 1). Аналогии: на мерянских селищах VIII–X вв. в районе озер Неро и Плещеево, в том числе лощеные сосуды (Леонтьев 1996: 55, рис. 16, 1, 2); на Сунгирском городище под Владимиром (Воронин 1959: рис. 3, 4–7); в курганах юго-восточного Приладжья IX–XI вв. (Спиридонов 1986: рис. 1, 2, *тип IA «финский»*), на поселении Крутик IX–X вв. (Макаров 1991: рис. 5, 11).

Вариант 6-3. Миски с оттянутым наружу венчиком подлощенные (рис. 45, 2, 3). Аналогия: Безводнинский могильник конца V — первой половины VIII в. в Нижегородском Поволжье (Краснов 1980: 80, рис. 56, 3, *тип IX*).

Вариант 6-4. Миска с ребром подлощенная (рис. 45, 4) представлена единичным экземпляром.

Вариант 6-5. Профилированные с высоким отогнутым наружу венчиком и подлощенной поверхностью (рис. 46). Аналогии известны в мощинских древностях (Масалитина 1993: рис. 4, *тип III*; 1996: рис. 2; 2010: рис. 12); на памятниках рязано-окских могильников (Румянцева 2007: рис. 8); в верхних горизонтах позднедьяковских

поселений (Розенфельдт 1971: рис. 1, 22; 10, 2, 3, 7; 24); на памятниках Тверского Поволжья — городищах Орлов городок II–VII вв. (Исланова 2011: рис. 22) и Отмичи в слоях V–VI вв. (Исланова 2008: 38, рис. 147, 150–152), поселении Троица I (Исланова и др. 2017: рис. 5, 9) и др. (Исланова 2010: рис. 3; 6); в Безводнинском грунтовом могильнике конца V — первой половины VIII в. в Нижегородском Поволжье (Краснов 1980: 79, рис. 54, 1, 2, *типы I, II*). На памятниках дьяковской культуры лощеная и подлощенная керамика появляется около IV в. н. э. и связывается с контактами с верхнеокским населением (Розенфельдт 1974: 177).

Тип 7. Чашевидные, без выраженных венчика и плечика (рис. 47, 1–7). Эта архаичная форма широко распространена во многих культурах Северной Европы. На Северо-Востоке встречена на памятниках I тыс. н. э.: дьяковской культуры (Розенфельдт 1971: рис. 1, 2, 3; 1974: рис. 24, 4, 5, *тип 3*), на Попадьинском селище VI–VII вв. под Ярославлем (Горюнова 1961: 85, рис. 32, 2), Дурасовском городище IX в. в Костромской области (Там же: рис. 52, 3), на мерянских селищах VIII–X вв. в районе озер Неро и Плещеево (Леонтьев 1996: 55, рис. 16, 17–19) и на Сарском городище (Леонтьев 1996: 88, рис. 183, 13). В древнерусское время сосуды этой формы встречены: на Северо-Западе — в Старой Ладогe (Сениченкова 2022: 402, *тип Ф_м II*); на Северо-Востоке — на Тимерёвском селище (Седых 1982а: рис. 49, 16, 17, *тип 9*) и в Тимерёвском могильнике (Смирнова 1987: рис. 2, 1, 5, *тип VII*).

Тип 8. Миниатюрные сосуды (рис. 47, 8–11). Особенно характерны для дьяковской культуры (Розенфельдт 1974: 134–137, рис. 25, 1–42).

Тип 9. Сковородки (рис. 47, 12–14). Сковородки-жаровни, служившие наваршиями печей, известны в древностях второй четверти — середины I тыс. н. э. лесостепной и южной части лесной зоны Восточной Европы (Максимов, Терпиловский 1993: 111; Обломский 2016: 36, рис. 16, 21; 18, 12, 13; 20, 8, 9), позднее — в южнорусских землях на поселениях начиная с VIII в. (Ляпушкин 1958: 42, рис. 18, 6; 24, 7, 8; Москаленко 1965: 105, рис. 31), встречаются в Гнёздове (Каменецкая 2019: 31, 32, рис. 16, 3) и бытуют вплоть до XI–XIII вв. (Раппопорт 1975: 147, 154; Малевская-Малевич 2005: 53, рис. 23, 1–4; Гуревич 1981: 14, 15).

На Северо-Западе находки сковородок единичны: три фрагмента в Старой Ладогe (Сениченкова 2022: 402), два — на Рюриковом городище (Плохов 2005: 79, табл. 58, 1, 2). В Волго-Окском междуречье единичные находки известны на позднем этапе дьяковской культуры, их связывают с южным влиянием (Розенфельдт 1974: 131, рис. 25, 46; Горюнова 1961: рис. 52, 6; Кренке 2019: 80); а также на верхневолжских памятниках третьей четверти I тыс. н. э. типа Подол (Исланова 2019: 224, 225, рис. 283, 7).

Исключение составляет поселение третьей четверти I тыс. н. э. Кибол 1 под Суздалем, где сковородки являются наиболее массовым типом керамики после горшков типа 5 и составляют 29 % керамического набора (Лапшин 2012; см. приложение 4, с. 94). Сочетание форм типов 5 и 9 характерно для памятников позднего этапа мощинской культуры на Окско-Донском водоразделе (Воронцов 2016: рис. 8, 15–24; 13, 17–26).

Таким образом, наиболее массовой является керамика типа 1 вариантов 1 и 2 — 53 % от общего числа фрагментов. В целом типы, характерные для Северо-Запада (*тип 1, варианты 1, 2, 4; тип 3*), преобладают — 58,5 %. Керамика типа 5, восходящего к мощинской культуре середины — третьей четверти I тыс. н. э., составляет значительную долю — 12 %. Керамика, предположительно относящаяся к наследию дьяковской культуры и шире — восточно-финскому миру (*типы и варианты 1-3, 2, 4-2, 6-2, 6-3, 6-4, 6-5, 7, 8, 9*), составляет 18 %. Орнаментированная керамика представлена единичными фрагментами (табл. 3; 4).

Таблица 3. Гнездилово 2. Распределение типов лепной керамики по материковым ямам

Яма	Тип лепной керамики																			Все-го	РГ*
	1-1	1-2	1-3	1-4	1-5	2	3	4-1	4-2	5	6-1	6-2	6-3	6-4	6-5	7	8	9	ИФ*		
1/1980	2	–	–	–	2	–	2	–	–	4	–	–	–	–	–	–	2	–	–	12	–
2/1981	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	4	1
9/1981–1982	4	2	–	–	–	–	1	–	–	2	–	–	–	–	–	–	1	2	–	12	2
12a/1982	3	8	–	–	1	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15	1
126/1982	5	5	–	–	–	–	2	2	–	–	1	–	3	–	–	–	–	–	–	18	1
13/1985	2	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	5	
15/1985	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	
25/1986	4	19	–	3	–	4	3	1	–	–	2	–	–	–	1	1	–	–	–	38	4
2/1987	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	
4/1987	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2	
8/1987	1	4	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	7	
14/1987	8	14	–	–	1	–	–	1	1	5	–	–	–	–	–	1	1	–	1	33	
19/1987	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	
31/1987	3	1	2	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	8	2
38/1987	3	16	–	–	2	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	23	
39a/1987	3	16	–	–	1	–	–	2	–	1	1	1	3	1	–	–	–	–	–	29	2
396/1987	10	5	–	–	1	2		1	2	1	1	–	1	–	–	–	–	–	1	25	
47/1987	7	2	–	1	–	2	1	1	3	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	18	3
51/1987	2	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	9	
Пахотный слой	24	16	–	–	–	11	3	10	–	31	2	2	–	–	7	2	–	–	–	108	3
Всего	81	115	3	4	9	21	17	20	6	44	11	3	8	1	8	7	4	2	6	370	19
Доля, %	21,9	31,1	0,8	1,0	2,4	5,8	4,6	5,4	1,6	11,9	2,9	0,8	2,2	0,3	2,2	1,9	1,0	0,6	1,6	100	

* ИФ — индивидуальные формы, РГ — раннекрюговая керамика.

Таблица 4. Распределение типов лепной керамики по памятникам округа Суздаля (в сравнении с Гнездилово 2)

Памятник	Тип лепной керамики Гнездилово 2												
	1-1	1-2	1-5	2	3	4-1	4-2	5	6-1	6-2	6-3	7	9
Суздаль		+	+			+	+					+	
Мжара, селище		+				+							
Новосёлки, селище	+	+	+	+	+		+		+				
Весь, селище		+							+	+			
Васильково, селище		+				+	+				+		
Сунгирь, селище	+	+			+								
Сунгирь, могильник					+	+			+				
Кибол, селище								+					+
Якиманское городище								+					

Обращает на себя внимание отсутствие в керамическом наборе Гнездилово 2 форм и орнаментации, характерных для южных территорий лесостепной полосы IX–X вв. в целом (Древняя Русь 1997: рис. 14), Правобережья (Русанова 1973; Седов 1982: табл. XXIII) и Левобережья (Ляпушкин 1958: 32–42, рис. 18; Григорьев 2000: 146–160) Днепра, Окско-Донского водораздела (Колоколов 2022: рис. 20, 21).

|| Раннекруговая керамика¹¹⁶

Появление гончарного круга — один из важнейших этапов становления профессионального ремесла и яркий хронологический показатель. В последние годы раннекруговая керамика Северо-Западной Руси подверглась всестороннему исследованию. Выявлены генетические истоки ее форм, и в общих чертах разработана хронология с использованием дендродат, прежде всего на материалах Рюрикова городища, Новгорода и Ладоги (Горюнова 1994; 1997а; 1997б; 2002; 2005; 2007а; 2007б; 2009; 2011; 2015; 2020; Горюнова, Малышева 2012; Горюнова, Плохов 2011).

В центральной части Новгородской земли (Старая Ладога, Рюриково городище) отдельные фрагменты раннекруговой посуды появляются после рубежа IX–X вв., и вплоть до середины X в. доля ее в керамическом материале составляет всего несколько процентов. Только в третьей четверти X в. количество раннекруговой посуды начинает увеличиваться. К концу X — началу XI в. на Рюриковом городище и в Новгороде лепная керамика представлена уже единичными фрагментами при абсолютном преобладании круговой (Смирнова 1976; Гайдуков 1989; Носов 1990: 146). На некоторых периферийных поселениях лепная керамика в незначительном количестве продолжает существовать в течение всей первой половины XI в. (Кузьмин 1991: 155; Платонова 1991: 74, 75). В курганах юго-восточного Приладжья круговая керамика начинает преобладать только с середины XI в. и вскоре полностью вытесняет лепную (Спиридонов 1986; 1989), а на ряде памятников новгородской земли, по-видимому, и в XI в. лепные формы остаются господствующими (Конечкий 1992: 18, 19)¹¹⁷.

Как кажется, процесс смены лепной керамики круговой на Северо-Востоке протекал иначе, чем на Северо-Западе. Для Северо-Восточной Руси характерно значительно более позднее время смены лепных форм круговыми и большая неравномерность этого процесса в различных регионах и на отдельных памятниках. В Ростове круговая керамика появляется в конце X в. и постепенно в течение XI в. вытесняет лепную (Лентьев, Самойлович 1991). На ростовских селищах лепная и гончарная керамика сосуществуют на протяжении XI–XII вв. (Исланова 1982: 195). В Суздале лепная керамика доминирует в первой трети XI в. и выходит из употребления в начале XII в. (Лапшин 1991б). На селищах Суздальского ополья она абсолютно преобладает в X–XI вв. и продолжает встречаться в первой половине XII в. (Лапшин, Мухина 1988; Лапшин 1989; 1991б). В Белоозере первые круговые формы появляются не ранее последней четверти X в., лепная керамика количественно преобладает до конца XII в. (Голубева 1973: 145, 146; Макаров 1990: 59). Длительная традиция домашнего изготовления керамики,

116 Предварительную публикацию данного раздела см.: Горюнова, Лапшин 2004.

117 По мнению В. М. Горюновой, автор ошибочно датирует поселение концом IX — началом X в., определяя появление гончарной посуды типа III, по Г. П. Смирновой (с вертикальным горлом и многоваликовой орнаментацией), временем после рубежа IX–X вв. Тип III появляется в новгородских слоях не ранее начала XI в. (Горюнова 1997б: 133, 134, табл. I, пл. 17: самые поздние порубочные даты 18-го пласта — 993 г. (Горюнова 2005: 103–106).

по-видимому, является особенностью территорий с финским субстратным населением. К тому же здесь на многих памятниках лепная керамика, как правило, вытесняется уже развитыми гончарными формами. Раннекруговая керамика и подражания ей или переходные от лепной к раннекруговой формы — РФК-3 или РФК-2, по А. А. Бобринскому (Бобринский 1978) — встречаются далеко не на всех поселениях и представлены немногочисленными фрагментами.

Материалы поселения Гнездилово 2 под Суздалем содержат небольшую (около 200 фрагментов, в том числе только 19 позволяющих реконструировать верхнюю часть сосудов), но выразительную серию раннекруговых форм, анализ которых позволит решить некоторые аспекты вышеозначенной проблемы (рис. 119–124). Раннекруговая керамика встречена в нижней части заполнения семи материковых ям.

Яма 2/1981. Аморфной формы, $6,8 \times 2,0\text{--}2,5$ м, глубиной до 0,2 м от уровня материка, с плоским дном. Заполнение — черный гумус, в котором найдены 438 фрагментов лепной керамики, а на дне ямы обнаружен один фрагмент раннегончарного сосуда (рис. 121, 1).

Яма 9/1981–1982. Подпрямоугольная $8,5 \times 5,0$ м, глубиной 0,6 м от уровня материка, с полусферическим дном. Заполнение однородное — черный гумус, в котором найдены пять фрагментов позднегончарной керамики (в верхней его части) и 467 фрагментов лепной. На дне ямы — развал крупного грубой лепки сосуда с незначительной правкой по венчику и единичный фрагмент раннекругового сосуда (рис. 120).

Яма 126/1982. Канавообразная, $6,7 \times 1,8 \times 0,7$ м. Заполнение — черный гумус с линзами золы. В нем 600 фрагментов лепной керамики, 11 — раннекруговой (рис. 121, 2) и восемь фрагментов круговой керамики в верхней части.

Яма 25/1986. Овальная, $5,6 \times 2,0\text{--}2,4 \times 0,4\text{--}0,8$ м, с полусферическим дном. Заполнение насыщено углем, в нем найдены 1830 фрагментов лепной и 64 раннекруговой керамики (рис. 119).

Яма 31/1987. Овальной формы, $3,2 \times 2,7 \times 0,4$ м, с двумя столбовыми ямками в южной части. В углистом заполнении найдены 162 фрагмента лепной и 15 раннекруговой керамики (рис. 122, 2, 3).

Яма 39а/1987. Аморфной формы, $6,6 \times 6,4 \times 0,4\text{--}0,7$ м. В наиболее глубокой части находилась линза красной обожженной глины — развал печи. В заполнении найдены 767 фрагментов лепной и 65 фрагментов раннекруговой (рис. 122, 1, 4) и круговой керамики.

Яма 47/1987. Входит в состав частично раскрытого комплекса ям 47–55/1987, по-видимому, образующих подполье крупной постройки с одной из сторон протяженностью не менее 10 м. В соседней яме 48 раскрыт развал глинобитной печи. В заполнении ямы найдены 1114 фрагментов лепной и 26 фрагментов раннекруговой (рис. 123) керамики.

Заполнение ям датируется по вещевым находкам X–XI вв. или, где позволяет материал, уже — X в. (см. приложение 2).

Группа раннекруговой керамики Гнездилово 2 включает сосуды с незначительной правкой и заглаживанием только верхней трети сосуда. Подавляющая часть коллекции принадлежит обычным сосудам с эсовидной профилировкой и укороченным отогнутым наружу венчиком, край которого имеет прямой срез (рис. 121, 1; 122, 4). Иногда край венчика слегка утончен (рис. 122, 2, 3). Эсовидные сосуды с укороченными венчиками на Рюриковом городище появляются после середины X в. Правда, для коллекции городища суженный край венчика нехарактерен и встречается редко (Горюнова 1997а: 168, рис. 11, 16; 171, рис. 14, 6). Венчики некоторых эсовидных сосудов, возможно,

были профилированы с помощью гончарного круга, так как имеют закругленный край (рис. 122, 1; 123, 1) или внутренний выступ (рис. 123, 2). В материалах Рюрикова городища подобный набор признаков на эсвидных горшках появляется на третьем этапе развития раннегончарного комплекса вскоре после 979 г.¹¹⁸

Особое внимание следует обратить на фрагмент керамики из заполнения ямы 126/1982 (рис. 121, 2). Он принадлежит мискообразному сосуду с легким ребром на уровне середины высоты или в верхней трети, с коротким отогнутым наружу венчиком с прямым срезом, украшенному по плечу фризом многорядной мелкозубчатой волны. Шейка длинная и плавно вогнута внутрь емкости. Резкий излом тулова, подчеркнутый снаружи ребром, который мы предполагаем на такого рода фрагментах, восстановлен благодаря аналогиям с Рюрикова городища (Горюнова 1997а: 161–167, рис. 8, 6; 11, 8, 14). Ребристые сосуды варианта II-В Рюрикова городища уникальны. В керамических коллекциях других раннегородских центров Северо-Западной Руси ничего подобного ранее не встречалось. В Городке на Ловати (Древние Луки) есть серия близких сосудов с еще более резким ребром (Горюнова 1994: 66, рис. I-II-Б). Гнездилово — первая достаточно близкая аналогия для такого рода посуды. Для Рюрикова городища ребристые сосуды данного варианта — явление устойчивое. Фрагменты этой посуды встречены на всех раскопчных площадках памятника — в «центральной» раскопе, в раскопе 1975 г. на южном берегу Сиверсова канала, в «стратиграфическом раскопе» 1977–1999 гг. Она характерна для второго этапа развития керамического комплекса городища. Сосуды подобных ребристых форм являются безусловным хроноиндикатором третьей четверти X в. (верхняя границы этапа — порубочная дата 979 г.)¹¹⁹.

Следующий комплекс, который, вероятно, также входит в рассмотренную выше хронологическую группу, — яма 9/1981–1982. Он представлен двумя формами западнославянской керамики типа Менкендорф. Один фрагмент принадлежит закрытому сосуду кумпфообразной формы, орнаментированному двумя рядами легкой многорядной волны, у таких форм не исключено наличие ребра в верхней трети (рис. 120, 1). Вторая форма представлена крупным сосудом грубой формовки с вертикальным венчиком, плавно вогнутой шейкой и ребристым изломом в верхней трети сосуда. Орнамент нанесен палочкой по спирали, на шейке и плечах сосуда — это волна, ниже — небрежный линейный орнамент. Аналогии именно данным вариантам менкендорфской посуды на памятниках Древней Руси отсутствуют, хотя факты появления других вариантов менкендорфских форм отмечены в материалах Рюрикова городища первой половины (Горюнова 1997а: 158, рис. 5) и третьей четверти X в. В коллекции Новгорода есть целый сосуд, который орнаментацией и профилировкой верхней трети повторяет гнездиловский крупный реберчатый сосуд (Goryunova 2001: 340, Abb. 12, 2). На западнославянских памятниках для этих двух форм мы имеем широкий круг аналогий, начиная с самого раннего этапа существования менкендорфской группы посуды (середины — конца IX в.) вплоть до начала XI в. Но следует сразу оговориться, что если

118 Ранее третий этап был датирован концом X — началом XI в. (Горюнова 1997а: 174). Новые материалы, которые были получены в ходе работ, проведенных в 1997–1999 гг. на «стратиграфическом» раскопе, позволили уточнить нижнюю границу этого периода (порубочная дата — 979 г.) (Горюнова 2005: 95).

119 В первой работе по керамике Рюрикова городища данный тип керамики был отнесен, правда, с оговорками, к первому этапу развития раннекругового комплекса на этом памятнике (Горюнова 1997а: 174). Материалы из раскопок 1998–1999 гг. позволили получить более определенные стратиграфические данные и ограничить время его существования третьей четвертью X в. (Горюнова 2005: 95).

для кумпфообразного сосуда это достаточно полные аналогии (Łosiński 1972: 42, rys. 6, V H-j; Schuldt 1981: 95, Taf. 15, a, d; 102, Taf. 22, d; 111, Taf. 31, h; 134, Taf. 54, f; 135, Taf. 55, b; 136, Taf. 56, a, d; 163, Taf. 83, XXI-49; Łosiński, Rogosz 1983: 36, rys. 26, 6; 101, rys. 87, 1, 3; 209, rys. 178, III; Kempke 1984: Taf. 13, 1-4; 15, 5, 7, 14; Łosiński, Rogosz 1986: 32, rys. 4, IV; Cnotliwy itp. 1986: 91, rys. 7, 9; 99, rys. 17, 5; 105, rys. 27, 1; Cnotliwy 1986: 162, rys. 3, II, IV, V), то для ребристого горшка они менее точны: имеют несколько иные пропорции, а также другие параметры в степени наклона венчика и прогнутости стенок тулова, в постановке излома на плечике (Herrmann 1966: 68, Abb. 23, c; 73, Abb. 26, a; Schuldt 1981: 124, Taf. 44, h; 128, Taf. 48, s; Kempke 1984: Taf. 13, 1; Taf. 38, 1; Cnotliwy itp. 1986: 98, rys. 16, 9; 109, rys. 32, 8; 110, rys. 33, 4; Cnotliwy 1986: 162, rys. 3, XXII; Łosiński, Rogosz 1983: 36, rys. 26, 1, 2; 180, rys. 154, 3; 199, rys. 171, 15; 209, rys. 178, VII). При определении точного времени существования этих двух форм приходится сталкиваться с определенными затруднениями, так как хорошо разработанной относительной типологической шкалы развития менкендорфских форм в западной литературе не существует (Brather 1996: 151). На причинах такого положения подробнее остановимся далее. По нашим наблюдениям орнаментация, нанесенная не гребнем, а палочкой по спирали, скорее всего, свидетельствует о достаточно позднем временном интервале существования Менкендорфа. Некоторая массивность и скошенный внутрь край венчика кумпфообразного сосуда также указывают на время не ранее второй половины X в.

В коллекции поселения Гнездилово есть еще один комплекс (яма 25/1986), в котором фрагменты раннегончарной керамики принадлежат исключительно только западнославянским формам. Графическая реконструкция выявила формы, которые можно атрибутировать в качестве фельдбергского типа. Это округлобокие сосуды с коротким, отогнутым наружу венчиком с горизонтальным срезом по краю. Они были украшены двумя видами орнаментации: многорядной волной многозональной или однозональной группировки (рис. 119, 2, 4) и нерегулярными широкими косо расположенными или пересекающимися отрезками штрихованных полос, небрежно нанесенных гребнем с очень частыми зубьями (рис. 119, 1, 3). До сих пор единичные фрагменты этой группы западнославянской керамики были встречены только лишь на Рюриковом городище. Стратиграфическая позиция городищенских находок была весьма неопределенна. Фрагменты фельдбергской посуды были найдены в культурном слое, который имел аморфную структуру и содержал разновременные находки из-за многочисленных поздних нарушений. Поэтому при определении времени бытования фельдбергской керамики на Рюриковом городище (первая половина X в. — первый этап развития раннегончарного комплекса) пришлось ориентироваться на технологию изготовления (первичную правку верхней трети сосуда) и на общие рамки бытования фельдбергской посуды на западнославянских памятниках (Горюнова 1997а: 155–157, рис. 4, 1; 173). В Гнездилове мы имеем дело с условно закрытым комплексом. Нижняя часть отложений ямы 25/1986 с фельдбергской керамикой перекрыта угольной прослойкой, в которой была найдена круглая поясная бляшка с узкой датировкой (30-е гг. X в.). Таким образом, наше предположение в отношении фельдбергских находок на Рюриковом городище, по-видимому, подтверждается.

Фельдбергская посуда начиная с середины VIII в. распространяется на территории восточного Мекленбурга и по всему побережью польского и германского Поморья. Она особенно характерна для поселений и городищ IX в., таких как Мекленбург, Ольденбург, Босау, Фельдберг, Менцлин (поселение и могильник), Волин, Щецин, Кенджино, Колобжег, Швилюбе (Herrmann 1968: 41; Łosiński 1972: 30–89; Kempke 1984: 61, Taf. 5, 1, 2, 4; 9, 6; 15, 1; 36, 1, 3; 57; Donat 1987: 244, 245, Abb. 3; 252, Abb. 10; Brather 1996: 150–166, Abb. 112–115).

Аналогии фельдбергским формам Гнездилова мы можем найти среди группы сосудов, выделенных Е. Шульдтом в 1-й ряд Фельдберга (Schuldt 1956: Abb. 16–19; 20, 2, 3), по В. Лозинскому — среди разновидностей группы II типа Кенджин или в более поздних разработках — тип C-Ia, IIa (Łosiński 1972: 40, rys. 5, *d, q, h*; Łosiński, Rogosz 1986: 9–50; 28, rys. 2, *Ia, IIa*; Cnotlywy и др. 1986: 62–117; 86, rys. 2, *11*; rys. 3, 7, 8, *11, 15, 16*).

Значительный материал длительно существовавших памятников позволяет германским и польским археологам строить стратифицированные колонки распределения фельдбергского типа в культурном слое, проследить динамику его взаимоотношения с лепными неорнаментированными формами, менкендорфским и другими типами посуды, со временем сменяющими его. Для отдельных памятников (Старигард/Ольденбург, Мекленбург, Колобжег–Будзистово, Щецин, Волин и др.) такие колонки разработаны. Общие хронологические рамки бытования данной формы (середина VIII — IX в.) установлены как на основе обычных археологических методик, так и с помощью радиоуглеродного анализа и дендродат (Łosiński 1972: 74, 75, Tab. III; Donat 1984; Gabriel, Kempke 1991: 128–147; 130, Abb. 15; Brather 1996: 143–151, Abb. 111).

Однако для Фельдберга, как, впрочем, и для других групп раннекруговой славянской керамики Германии (в том числе и для Менкендорфа, о чем уже шла речь), дробной внутренней типологии, имеющей жесткую привязку к абсолютным датам, нет. Хотя в польской литературе появляются подобные типологические разработки раннесредневековой керамики, в том числе и фельдбергской группы, с хронологией на основе монетно-вещевых комплексов и дендродат (для Щецина, Старигорода и Волина), но, как уже неоднократно отмечалось в литературе, и данные дендрохронологии, и типологические разработки вещевого комплекса нуждаются в уточнении и даже, в какой-то своей части, в пересмотре. Появились новые разработки по шпорам, гребням. Новые данные по дендрохронологии Волина (раскопки на поселении 1, раскоп 8 — Порт) внесли изменения в ранее опубликованные схемы синхронизации (Stanisławski 2001: т. 46, р. 4, s. 125, 156).

Появление монографической работы С. Братера, посвященной фельдбергскому типу, не изменило положения. Автор говорит лишь о возможности выявления некоторых тенденций в развитии фельдбергской посуды, без выделения определенных четких хронологических границ с абсолютными датами. Не выделены ее основные временные и территориальные варианты. Вышеозначенные трудности и отсутствие хроноиндикаторов в керамическом материале объясняются коротким периодом существования данного вида керамики (Brather 1996: 151, 200).

Дата верхней границы проявлений фельдбергских типологических черт в керамических комплексах западнославянских поселений является принципиально важной для идентификации и хронологии фрагментов посуды из ямы 25/1986 Гнездилова, поскольку в этой яме вещевой комплекс не датируется ранее X в. К настоящему времени в западноевропейской археологической литературе считается вполне доказанным, что фельдбергский тип посуды не переживает рубежа IX–X вв., более того, производство такой керамики прекращается к началу последней четверти IX в. (Brather 1996: 145–151; 149, Abb. 111; Stanisławski 2001: т. 46, р. 4, s. 151).

Но среди материалов, которые С. Братер считал сомнительными либо в типологическом, либо в стратиграфическом отношении (Brather 1996: 143–145, 149, 150), на наш взгляд, существуют факты, неоспоримо свидетельствующие об использовании этого типа керамики несколько позже рубежа IX–X вв. Во-первых, в Бирке камерное погребение 1081 (не ранее X в.) содержит сосуд, по технологии и стилистике изготовления

очень близкий фельдбергским горшкам. И хотя Братер высказывает сомнения в его соответствии классической фельдбергской посуде (Ibid.: 147), большинство археологов определяли его в качестве таковой. Во-вторых, некоторые материалы с дендродатами говорят о возможности выхода фельдбергских форм на рубеж IX–X вв. и в начало X в. В Шаршторфе — порубочные даты 875–885 гг., в Пибене — 890–900 гг. В Ольденбурге в 3-м горизонте фельдбергские материалы (10 %) маркированы порубочной датой 2-го горизонта (866 г.) и монетными находками 4-го горизонта (концом X — XI в.). Единичные фрагменты встречаются в слое до самого конца X в. (Gabriel, Kempke 1991: 130, Abb. 15; 135–142; 145, 146; Brather 1996: 144, 145). Почему-то С. Братер обходит молчанием наличие фельдбергской посуды (от 14 до 23 %) в VII слое Колобжега-Будзистово (Польша) (Łosiński 1972: 73–75, Tab. III). Т. Кемпке, ссылаясь на разработки Темпля по гребням, датирует этот слой первой половиной X в. (Kempke 1984: 61). Относительно недавно опубликованы новые данные стратиграфического распределения различных групп западнославянской керамики Волина (раскоп 8 — Порт), подтвержденные дендрохронологией: в слоях с порубочными датами от 900 до 915 г. доля фельдбергских сосудов в керамической коллекции раскопа колеблется от 25 до 10 %. (Stanisławski 2001: 144, tab. 4).

Керамические фрагменты фельдбергской посуды Гнездилово 2 принадлежат варианту, который присутствует в раннесредневековых керамических комплексах Поморья на протяжении всего времени существования данной группы посуды, как в самых ранних слоях, так и на исходе существования этой формы (Ibid.: 144, Tab. 4). Эти экземпляры несут некоторые признаки, которые можно было бы связать с поздними проявлениями в развитии фельдбергского типа: несколько более длинный венчик с прямым срезом, без отпечатков гребенчатого штампа. Мы не настаиваем на абсолютной закономерности этих явлений, поскольку, как упоминалось, в немецкой литературе отсутствует дробная хронология развития фельдбергского типа посуды, а датировки польских археологов сейчас подвергаются значительной коррекции. Возможно, часть этих признаков — проявление местных особенностей, присущих только данному памятнику. Даже на разных памятниках основного ареала распространения фельдбергского типа наблюдается значительная вариабельность в оформлении венчиков, в профилировке сосудов, степени открытости сосудов и в применении комбинаций ornamentации. Особенно значительные отклонения от классических фельдбергских форм можно наблюдать на памятниках Скандинавии (Callmer 1988: 665, Abb. 3, 1, 2; Brahte 1996: Taf. 38, 13, 14, 26; 39, 8–11, 17, 18). Какую роль играли региональные особенности, а что определялось временным фактором, пока сказать трудно. Более того, отмечено, что эсовидные формы менкендорфской посуды зачастую с большим трудом отчлняются от включенных в 1-й ряд (по Э. Шульдту) форм Фельдберга (Donat 1987: 244). При этом нередко можно наблюдать случаи украшения фельдбергских по профилю сосудов небрежной косой штриховкой, типичной для менкендорфской посуды (Brather 1996: Taf. 2, 9; 8, 3; 12, 9, 10; 17, 7; 20, 9; 24, 1, 2; 32, 9). На гнездиловских экземплярах мы также наблюдаем это явление (рис. 119, 1, 3).

Исходя из вышеизложенных наблюдений по раннекруговой керамике поселения Гнездилово 2, можно с достаточной степенью уверенности датировать рассмотренные комплексы.

Яма 25/1986 — в пределах первой трети X в. (по фельдбергскому типу и по круглой поясной бляшке из углистого пятна, перекрывающего нижнюю половину заполнения ямы).

Яма 126/1982 — третья четверть X в. (по ребристому сосуду, аналогу типа II-B Рюрикова городища, верхняя граница распространения подобных горшков на городище маркирована порубочной датой 979 г.).

Яма 2/1981 — вторая половина X в. (архаичный эсовидный сосуд с укороченным венчиком с прямо срезанным краем, такие формы наиболее характерны для Рюрикова городища во втором периоде развития раннегончарного комплекса, хотя встречаются и в самом конце X в.).

Яма 31/1987 — с середины X в. (см.: яма 2).

Яма 9/1981–1982 — вторая половина X в. (по менкендорфским формам посуды; наименее точно датированный комплекс).

Яма 39а/1987 — последние десятилетия X в. — начало XI в. (по следам формовки края венчика на гончарном круге, характерном для третьего этапа развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища).

Яма 47/1987 — последние десятилетия X — начало XI в. (см.: яма 39а; кроме того, комплекс содержит форму, отдаленно напоминающую фельдбергские формы, но он имеет оттяжку на внутреннем крае венчика, что соответствует признакам третьего этапа развития гончарного комплекса на Рюриковом городище; к тому же в яме находится индивидуальной формы сосуд с резким переходом от шейки к плечикам, подобные изломы также являются поздними признаками).

Несомненно, что появление в Гнездилове керамических форм как типа Фельдберг, так и менкендорфской посуды (ямы 9/1981–1982 и 25/1986) связано с инновациями, но, в силу вышесказанного, определение конкретного региона в качестве исходной территории проблематично.

Можно лишь предполагать, что момент исхода носителей фельдбергских форм связан с поздним периодом их существования на «материнской» территории. Вероятно также, что это, скорее всего, периферия основного ареала распространения фельдбергского типа. Складывается впечатление, что после гибели больших городищ в ядре ареала фельдбергской керамики (в конце IX в.) производители (носители) данного элемента материальной культуры на периферии (в основном на территории Польского Поморья — Щецин, Волин, район р. Парсенты — и отчасти в ободритских центрах: Старигард/Ольденбург) продолжали еще какое-то время пользоваться популярной ранее формой. Другая часть населения была вынуждена переселиться в достаточно удаленные центры, расположенные по торговым магистралям, идущим далеко на Восток.

Фельдбергские горшки являются общепризнанным маркером торговых поселений Балтийского региона. Они присутствуют во всех значительных торговых центрах: в Хедебю, Эрхусе, Ледекёппинге, Хельгё, Треллеборге, Сэндбю. Самое большое число посуды этого типа известно в Бирке. Появление горшков фельдбергского типа на восточных торговых путях (на Рюриковом городище и в Гнездилове) свидетельствует о каких-то структурных изменениях в торгово-экономическом балтийском сообществе. Обращает на себя внимание, что это происходит на излете существования Фельдберга. Связи Суздальского ополья с регионами Балтики на протяжении всего X в. были, по-видимому, устойчивыми, так как помимо фельдбергского типа сюда попали и более поздние западнославянские формы группы Менкендорф, а синхронность их с проявлениями таковых в Приильменье маркирована аналогами в структуре керамических комплексов Рюрикова городища. При характеристике раннегончарного комплекса городища было уже отмечено, что фельдбергская посуда, вероятно, была самой первой раннегончарной формой, которая появилась среди исключительно лепной керамики и дала толчок созданию целой серии слегка правленых, украшенных небрежной

многорядной волной сосудов, в технологическом плане составляющих переходную от лепных к раннегончарным формам группу Старой Ладоги и Рюрикова городища (первая группа) (Горюнова 1997а: 154, рис. 1; 2002: рис. 1).

|| Круговая керамика

Для характеристики круговой керамики поселения Гнездилово 2 использована керамическая шкала Суздаля. Основой послужила выборка из 36 достоверных комплексов (около 1300 венчиков круговых сосудов), 17 из которых надежно датированы в рамках XI–XIII вв. (Лапшин 1992). Круговая керамика домонгольского Суздаля подразделяется на 10 типов, в которых в свою очередь выделяются виды (рис. 124).

Тип I (рис. 125). Горшки со слабо отогнутым наружу венчиком, мягко изогнутой шейкой, покатыми плечиками, край венчика косо или вертикально срезан, по профилировке венчика выделяются виды А, Б, В, Г. Виды А, Б, В распространены в XI — начале XII вв. и встречаются до середины XII в. Вид Г представлен только в одном комплексе второй половины XII — первой трети XIII в.

Тип II (рис. 126). Является развитием типа I, отличается оформлением края венчика — он в разной степени оттянут вверх или вниз. Выделены виды А, Б, В, Г. Встречается совместно с типом I в комплексах конца XI — середины XII в.

Тип III (рис. 127, 1). Венчики сильно оттянуты наружу, с закругленной или заостренной закраиной. Тип малочисленный, встречен в части комплексов XI — начала XII в.

Тип IV (рис. 127, 2). Венчики с выступом наружу — треугольным, манжетовидным, скругленным. Встречается в комплексах XI — середины XII в.

Тип V (рис. 127, 3). Горшки с вертикальным горлом. Край горла скруглен (вид А) или срезан внутрь (вид Б). Датировается XI — серединой XII в.

Тип VI (рис. 128, 4, 5). Простой отогнутый наружу венчик, край которого горизонтально срезан, с плавным переходом от шейки к плечику (вид А), с резким переходом (вид Б) или с очень короткой шейкой (вид В). Вид А очень широко распространен и датировается XI–XII вв., вид Б встречен в комплексах XII — первой трети XIII в., вид В — второй половины XII — первой трети XIII в.

Тип VII (рис. 128, 1). Является развитием типов I и II. Венчик круто отогнут наружу, закраина закруглена. Вид А встречается в комплексах XI в., вид Б встречен в одном комплексе второй половины XII — первой трети XIII в.

Тип VIII (рис. 128, 2). Венчик отогнут наружу, его край скруглен и загнут внутрь, образуя выступ округлой формы в закраину с внутренней стороны, служащей опорой для крышки. Вид А — наиболее распространенный общерусский тип XII–XIII вв. В южных и западных областях Руси появляется несколько ранее — в конце XI в. Вид Б — венчик не округлый, а утолщенный и угловатый, как бы «обструганный». Этот вид характерен для зрелого XII в. Вид В — с округлым оттянутым вниз выступом на венчике — появляется в середине XII в.

Тип IX (рис. 129, 1, 2). Венчик округлый, резко отогнутый наружу. В небольшом количестве этот тип появляется в XII в.

Тип X (рис. 129, 3). Венчик округлый, мягко изогнутый, напоминает по форме лепные сосуды, В очень небольших количествах встречается в комплексах XII в.

Керамические комплексы домонгольского Суздаля можно объединить в четыре блока.

1. Конец XI — начало XII в. В XI в., в основном за пределами доступного нам материала, формируется первый блок встречающихся керамических форм типов IA, 1Б,

II, III, IV, V, VIA, VIIA. В конце XI в. к ним прибавляется тип VIIIA, его наличие позволяет отнести комплексы XI в. к концу столетия. В начале XII в. керамический набор остается без изменений.

2. Первая половина — середина XII в. К набору первого блока добавляются новые типы: IB, VIB, VIIIB, IX, X.

3. XII в. Исчезают типы IA, IB, II, III, IV, V, остаются — VIA, VIB, VIIIA, VIIIB, IX, X.

4. Вторая половина XII — первая треть XIII в. К набору третьего блока добавляются типы II, VIB, VIIIB.

В верхнем пахотном слое селища Гнездилово 2 наряду с лепной керамикой встречаются все типы круговой керамики суздальской шкалы XI–XIII вв. (рис. 130–134). Часть круговой керамики встречена в верхней части заполнения большинства материковых ям (рис. 135; 136).

Общая датировка поселения

Большая часть индивидуальных находок связана с материковыми ямами и датируется IX–XI вв., в тех случаях, когда возможны более узкие датировки — это X — начало XI в. Раннекруговая керамика из тех же ям также датируется в рамках X — начала XI в. В распаханном слое и верхней части заполнения некоторых ям встречена круговая керамика XI–XIII вв. Для части комплексов 1986–1987 гг. получена серия радиоуглеродных дат (табл. 5). Она дала значительный разброс, что неудивительно, поскольку мы имеем дело с фактически открытыми комплексами. Более надежные данные дает суммарный анализ группы датировок: ямы первой группы 8 и 14/1987 датируются второй половиной X в., а ямы второй группы 47, 49 и 51/1987 — первой третью XI в. (табл. 6). Археологический материал такой датировке не противоречит.

Таблица 5. Селище Гнездилово 2. Результаты радиоуглеродного датирования

Номер образца	Объект датирования	Возраст по ^{14}C	Калиброванная дата по программе Groningen 1.20 (1995), 16, cal AD
ЛЕ-4017	Яма 25/1986	910±	1040...1170
ЛЕ-4433	Яма 51/1987, кв. Д15	980±	975...1030
ЛЕ-4435	Яма 47/1987	960±	1010...1060 (0,41) 1080...1160 (0,59)
ЛЕ-4442	Яма 49	1010±	900...910 (0,03) 950...1060 (0,70) 1080...1160 (0,28)
ЛЕ-4443	Яма 8/1987, кв. Г1, развал камней	1070±	890...920 (0,19) 940...1010 (0,81)
ЛЕ-4444	Яма 8/1987, кв. В2–В3	1090±	895...925 (0,37) 935...985 (0,63)
ЛЕ-4446	Яма 14/1987, дно	1050±	890...1030 (1,00)
ЛЕ-4436	Яма 39а/1987, дно	1050±	890...920 (0,11) 950...1030 (0,89)
ЛЕ-4437	Яма 39а/1987, кв. Г10, развал камней	950±	1020...1060 (0,35) 1080...1160 (0,65)
ЛЕ-4440	Яма 33/1987	1250±	670...860
ЛЕ-4439	Яма 38/1987	1100±	880...1000

Таблица 6. Суммарный анализ датировок комплексов (на базе построения гистограмм подпрограммы CALHIS калибровочной программы Groningen 20)

Анализируемый комплекс	Общее количество учитываемых датировок	№ образца	Суммарный возраст по ^{14}C	Суммарный календарный интервал, 16, cal AD
Ямы 8, 14/1987	3	ЛЕ-4443 ЛЕ-4444 ЛЕ-4446	1078 $\pm$ 22	895... 915 (0,19) 950...995 (0,81)
Ямы 47, 49, 51/1987	3	ЛЕ-4433 ЛЕ-4435 ЛЕ-4442	992 $\pm$ 26	1004...1035

Постройки и плановая структура

Как и на большинстве селищ Суздальского ополья культурный слой поселения Гнездилово 2 распахан практически до материка. Основную информацию несут материковые ямы (рис. 137–139). Всего на трех раскопах зафиксировано 102 ямы, две трети из них — столбовые. Наиболее информативны несколько крупных комплексов, в которых сосредоточена большая часть индивидуальных находок и керамики. Возможны три варианта интерпретации: ямы — углубленная часть построек; следы основания стен наземной постройки со столбовой конструкцией; канавка, окружающая наземную постройку. Рассмотрим возможные объяснения функционального назначения этих ям.

|| Раскоп 1

Комплекс ям 9/1981–1982, 2/1981, 126/1982 (рис. 137). Яма 9/1981–1982 — подпрямоугольная, 8,5 × 5,0 м, глубиной 0,6 м от уровня материка, с полусферическим дном. Ориентирована с северо-запад на юго-восток. Заполнение однородное — черный гумус, в котором найдены пять фрагментов гончарной керамики (в верхней его части) и 467 фрагментов лепной (рис. 69). На дне ямы — развал крупного грубой лепки сосуда с незначительной правкой по венчику и единичный фрагмент раннекругового сосуда — обе формы характерны для западнославянской керамики типа Менкендорф (рис. 120), которая датируется временем не ранее второй половины X в. Датирующей находкой помимо раннекруговой керамики является костяной односторонний составной гребень (рис. 25, 5) группы II по классификации О. И. Давидан (конец IX–XI в.) (Давидан 1962: 103). В Новгороде такие гребни выходят из употребления в середине XI в. (Колчин 1982: 164). Выступ в южном углу ямы — по-видимому, отпечаток бревна. Аналогичную яму Тимерёвского поселения С. В. Томсинский интерпретировал как прямоугольную срубную постройку-полуземлянку (Томсинский 1982а: 122, рис. 2). Учитывая находку развала крупного сосуда для хранения, данная постройка, вероятно, являлась погребом. Яма 2/1981 аморфной формы, 6,8 × 2,0–2,5 м, вытянута с северо-запада на юго-восток, глубиной до 0,2 м от уровня материка, с плоским дном. Заполнение — черный гумус, в котором найдены 438 фрагментов лепной керамики (рис. 68). На дне ямы обнаружен один фрагмент раннекругового сосуда (рис. 121, 1), датируемый по аналогиям на Рюриковом городище второй половиной X в., фрагмент глиняной

обмазки с отпечатком ткани (рис. 32, 9). Яма окружена с трех сторон столбовыми ямами (4–8, 10, 11, 26, 27), что позволяет интерпретировать ее как прямоугольное наземное столбовое сооружение примерно $4,5 \times 6,5$ м, возможно, навес. Яма 126/1982 канавообразной формы, $6,7 \times 1,8 \times 0,7$ м¹²⁰. Заполнение — черный гумус с линзами золы. Ниже, на дне ямы, — уголь и древесный тлен, в нем 600 фрагментов лепной керамики (рис. 73–75), 11 — раннекруговой (рис. 121, 2); в верхней части — восемь фрагментов круговой керамики. По аналогиям на Рюриковом городище раннекруговой сосуд датируется третьей четвертью X в. Еще одна датирующая находка — трапезиевидная подвеска (рис. 14, 15) вида 3, по И. Г. Розенфельдт (IX–XI вв.) (Розенфельдт 1982: 30). Яма 12а/1982 представляет собой позднюю, не ранее XI в., предпечную яму с развалом обожженной глины, она перекрыла северный конец ямы 126/1982. Ямы 2/1981, 126/1982 и 9/1981–1982 составляют П-образный комплекс, датировка отдельных составляющих этот комплекс не противоречит друг другу, все они укладываются в пределы второй половины X в. Возможно, связана с этим комплексом яма 1/1980.

Яма 1/1980 расположена южнее комплекса ям 2/1981, 126/1982 и 9/1981–1982. Округлой формы, диаметром 2,00 м, глубиной 0,34 м от уровня материка, с полусферическим дном. Заполнение — в верхней части светло-серый гумус без находок; ниже — зольный слой с угольными прослойками, здесь встречена лепная керамика; еще ниже — россыпь прокаленных камней в угольном слое (в нем сосредоточена большая часть лепной керамики и все индивидуальные находки); ниже — прослойка материковой глины, на материке тонкий слой серого гумуса с несколькими фрагментами лепной керамики. Всего в заполнении найдено 312 фрагментов лепной керамики, в том числе пять — лощеной и подлощеной (рис. 67). Яма — открытый очаг, о том, что это не летняя печь, свидетельствует отсутствие предпечной ямы (ср.: Шполянский 2010).

Яма 25/1986 расположена восточнее ямы 9/1981–1982. Овальной формы, $5,6 \times 2,0$ – $2,4 \times 0,4$ – $0,8$ м, с полусферическим дном, вырыта параллельно яме 9/1981–1982 и перпендикулярно ямам 2/1981 и 126/1982. Заполнение насыщено углем с включениями золы и глиняной обмазки. На материке — слой золы и камней, который поднимался по дну ямы и на ее краях выходил на поверхность. Этот слой — по-видимому, след отопительного устройства, после разрушения упавшего на дно. В заполнении найдены 1830 фрагментов лепной (рис. 77–85) и 64 раннекруговой керамики фельдбергского типа (рис. 119), 67 кусков глиняной обмазки и около 300 костей животных. В данном случае мы имеем дело с условно закрытым комплексом. Нижняя часть отложений ямы с фельдбергской керамикой перекрыта угольной прослойкой, в которой была найдена круглая поясная бляшка с узкой датировкой 30-ми гг. X в. (Мурашова 2000: 29, рис. 32, класс III, группа 1, вид 1А). Топографически примыкает к комплексу ям 2/1981, 126/1982 и 9/1981–1982, но, возможно, составляла отдельный хозяйственно-жилой объект.

Яма 13/1985–1986 расположена севернее ямы 126/1982 и параллельно ей. Неправильной вытянутой с северо-востока на юго-запад формы, $7,4 \times 2,5$ м, глубиной 0,1–0,2 м, края пологие. В центре — овальное углубление $1,40 \times 2,00$ м глубиной до 0,55 м. Заполнение: черный гумус, насыщенный углем, золой, керамикой и костями. В заполнении южной части ямы находится слой золы, пережженных камней и крупных костей толщиной около 0,1 м, спускающийся в углубление в центральной части ямы. Под ним в придонной части заполнения толщиной 0,15–0,20 м найдены 407 фрагментов лепной керамики (рис. 76). Среди индивидуальных находок подвеска из дирхема (рис. 13, 2) и

120 Все глубины указываются от уровня материка.

пряслице из фрагмента гончарного (булгарского?) сосуда (рис. 31, 21). Западнее и южнее ямы зафиксированы столбовые ямы 14–22/1985, позволяющие предполагать легкую столбовую конструкцию или навес.

В восточной части раскопа 1 начинается склон к руслу Мжары. По его краю прослежена неровная цепочка материковых ямок 31–36/1986, которые, по-видимому, являются следами ограды на границе жилой зоны.

|| Раскоп 2

Понижение материка естественного происхождения проходит через раскоп с северо-запада на юго-восток. Материковые ямы, в основном столбовые, обнаружены только вдоль восточной и южной границ раскопа (рис. 138).

|| Раскоп 3

Комплекс ям 8/1987 и 14/1987 (рис. 139). Две канавообразные ямы образуют прямой угол, одна из них уходит за южную границу раскопа. **Яма 8/1987** вытянута с северо-запада на юго-восток. Длина 7,3 м, ширина в западной части 1,6 м и глубина около 0,3 м, форма дна корытообразная. Заполнение — темно-серый гумус. По оси ямы, в западной ее части, две столбовые ямы: **9** (кв. Г1) диаметром 0,49 м и глубиной 0,80 м и **10** (кв. В2–Г2) диаметром 0,5 м, глубиной 0,15 м (в заполнении 10 фрагментов лепной керамики). Яма 10 зафиксирована на уровне зачистки поверхности материковых ям, но выделялась более темным углистым заполнением, то есть прорезала заполнение ямы 8, тогда как яма 9 была выявлена только при зачистке дна ямы 8 и, по-видимому, одновременно ей. В средней части яма 8 расширяется до 2,8 м, глубина достигает 0,6 м. Эта часть ямы заполнена углем и золой, костями. В кв. Г3 на протяжении 1,6 м расчищен древесный тлен — остатки деревянной плахи шириной 0,1 м, лежавшей параллельно краю ямы с северо-запада на юго-восток. В восточной части яма вновь сужается, но ширину ее не определить, так как она частично прорезана ямой 14. В восточной оконечности ямы 8 находится столбовая яма **16** (кв. Б4) диаметром 0,53 м и глубиной 0,29 м (в заполнении — 15 фрагментов лепной керамики), она симметрична яме 9. В заполнении ямы 8 найден 421 фрагмент лепной керамики (рис. 87; 88) и восемь — круговой, в том числе пять с линейным орнаментом. **Яма 14/1987** вытянута с юго-запада на северо-восток перпендикулярно яме 8 и частично прорезает ее восточную часть (такая последовательность выкапывания ям не исключает их одновременного существования). Южная часть ямы уходит за пределы раскопа. Длина ее в этих пределах 4,4 м, ширина от 1,4 до 2,0 м, глубина до 0,4 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найдено 1305 фрагментов лепной керамики (рис. 89–94) и семь — круговой, в том числе пять с линейным орнаментом и один с волной. Наибольшая концентрация находок в южной части ямы (кв. А3), перекрытой развалом камней и обожженной глины. Развал — по-видимому, остатки полностью разрушенной печи, находившейся восточнее (в кв. А4), сползший или сброшенный в не полностью заплывшую яму. С развалом печи, вероятно, связано скопление крупных фрагментов лепной керамики в кв. А5, пл. 2 (рис. 95). Яма 14 в южной ее части — по существу закрытый комплекс. Попадание в северную часть ямы венчика кругового сосуда указывает на нарушенность верхней части заполнения, однако это единственный фрагмент, хронологически выпадающий из комплекса. С ямами 8 и 14, по-видимому, связано скопление находок в юго-западной части раскопа, над ними и между ними.

Яма 22/1987 находилась севернее, параллельно яме 14 и перпендикулярно яме 8. Удлиненной формы, вытянута с юго-запада на северо-восток, северная часть уходит за пределы раскопа. Длина в пределах раскопа 4,6 м, ширина 1,2–1,4 м, глубина до 0,3 м. В северной части ямы на дне — развал мелких пережженных камней. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены 50 фрагментов лепной керамики и два — круговой. Индивидуальные находки: две двухчастные бусины желтого стекла (рис. 15, 10, 11). К южной оконечности примыкает округлая яма 0,8 × 0,6 м, глубиной 0,3 м. К востоку и югу расположена группа из семи столбовых ям (23–26, 28–30). При зачистке после снятия пласта 2 фиксировалось единое пятно темного гумуса с включениями золы и угля, перекрывавшее яму 22 и все прилегавшие к ней столбовые ямы. Это позволяет, как и в случае с ямой 13/1985–1986, предполагать наличие легкой столбовой конструкции или навеса.

Восточнее выявлены несколько небольших ям, в том числе две с парными столбовыми ямками в южной части — ямы 31/1987 и 38/1987.

Яма 31/1987. Овальной формы, 3,2 × 2,7 м, глубиной до 0,4 м, с двумя столбовыми ямками в южной части диаметром 0,24 и 0,35 м. В верхней части заполнения на протяжении 1,2 м расчищен обгоревший древесный тлен от плахи, лежавшей по направлению с юго-запада на юго-восток. В углистом заполнении найдены 162 фрагмента лепной (рис. 96; 97) и 15 — раннекруговой керамики (рис. 122, 2, 3).

Яма 38/1987. Овальной формы, 1,90 × 1,40 м, глубиной 0,35 м. В юго-западной части две столбовые ямы диаметром 0,30 и 0,38 м, глубиной 0,30 м. Заполнение — темно-серый гумус, в нем найдены 392 фрагмента лепной керамики (рис. 98–101) и 15 — круговой, в том числе два с линейным орнаментом и 10 с волной. Судя по устройству, это подпечные ямы, над которыми на деревянной конструкции с двумя опорами ставилась глинобитная печь. Печи этого типа были распространены в крестьянских жилищах Северо-Восточной Руси еще в середине XIX в. (Седова 1997: 168).

В восточной части раскопа 3 выявлены два комплекса ям, значительно отличающиеся от ранее описанных.

Ямы 39а/1987 и 39б/1987. При зачистке пятна на уровне материка воспринимались как единый комплекс. Яма 39а/1987 аморфной формы, 6,6 × 6,4 м, глубиной 0,4–0,7 м. Заполнение неоднородно по составу: юго-западная часть (кв. В10, Г10–11) целиком заполнена золой, углем и пережженными камнями, в остальных частях ямы заполнение — темный аморфный гумус. В наиболее глубокой части (кв. Д12–13) находилась линза красной обожженной глины (более 50 крупных кусков) — развал печи, упавший на дно с востока. На одном из кусков печины сохранился отпечаток ткани (рис. 32, 10). Всего в заполнении ямы найдены 767 фрагментов лепной (рис. 102–107) и 65 фрагментов раннекруговой (рис. 122, 1, 4) и круговой керамики, около 200 костей. Яма 39б/1987 аморфной формы, 4,6 × 4,0 м, глубиной до 0,5 м. В яму впущены три столбовые ямы: в южной части — овальная 0,45 × 0,38 м, глубиной 0,20 м; в северной части — у восточного края — **яма 43**, диаметром 0,56 м, глубиной 0,32 м, у западного края — **яма 44**, диаметром 0,52 м, глубиной 0,47 м. Заполнение — темный аморфный гумус, в котором найдены 580 фрагментов лепной керамики (рис. 108–112) и 54 фрагмента круговой, в том числе 42 с линейным орнаментом и три — с волной, многочисленные обломки костей. Комплекс ям 39а/1987 и 39б/1987 по аналогиям в раннекруговой керамике Рюрикова городища датируется последними десятилетиями X — началом XI в.

Комплекс ям 47–51/1987 входит в состав частично раскрытого комплекса и, по-видимому, образует подполье крупной постройки с одной из сторон протяженностью не менее 10 м. **Яма 47/1987** (кв. А13–15, Б13–15). Яма аморфной формы, протяженностью

с запада на восток 5,4 м (восточный край уходит за границу раскопа), с юга на север — 2,4–3,4 м. Стенки пологие, максимальная глубина 0,6 м. В заполнении — зола, уголь, большое количество костей и кусков печины. Найдены 1114 фрагментов лепной (рис. 113–116) и 26 фрагментов раннекруговой (рис. 123) керамики. Датирующие индивидуальные находки: мозаичная 14-гранная бусина (рис. 15, 26) X–XI вв. (Фехнер 1959: 210), две продольно-полосатые бусины (рис. 15, 16) X — начала XI в. (Львова 1968: 85). **Яма 48/1987.** Округлая, диаметром 2,40 м, глубиной 0,85 м. Примыкает с севера к яме 47. На дне — развал обожженной глины. В заполнении найдены 24 фрагмента лепной керамики и один фрагмент круговой красноглиняной (булгарской). **Яма 49/1987.** Округлая, диаметром 2,1 м, глубиной 0,9 м. В заполнении найден 81 фрагмент лепной керамики, куски обожженной глины. **Яма 50/1987.** Округлая, диаметром 1,4 м, глубиной 0,7 м. В заполнении найдено большое количество обожженной глины. **Яма 51/1987.** Округлая, протяженностью с севера на юг 4,5 м, с запада на восток 1,8 м (выходит за границы раскопа). Максимальная глубина 0,8 м. Северная часть заполнена несколькими слоями обожженной глины, особенно мощными в верхней части заполнения. На дне — слой угля 0,01–0,03 м. Найдены 113 фрагментов лепной керамики (рис. 117; 118). Комплекс ям 47–51/1987 по аналогиям в раннекруговой керамике Рюрикова городища и другим находкам датируется последними десятилетиями X — началом XI в.

Яма 52/1987. Округлая столбовая, диаметром 0,3 м, глубиной 0,5 м, на перемычке между ямами 50 и 51. Находок нет.

Яма 53/1987. Округлая столбовая, диаметром 0,23 м, глубиной 0,2 м, на перемычке между ямами 48 и 50. Находок нет.

Яма 54/1987. Округлая столбовая, диаметром 0,3 м, глубиной 0,25 м, на перемычке между ямами 47, 48 и 49. Находок нет.

* * *

Таким образом, можно выделить две группы крупных материковых ям. Первая группа — удлинённые ямы с корытообразным дном. Их размеры: длина 4,0–5,0 м, ширина 0,7–1,2 м, глубина от 0,1 до 0,8 м. Заполнение темно-серое, с включениями угля, золы и пережженных камней. В ямах отсутствуют следы отопительных устройств: камни и зола находятся в заполнении во взвешенном состоянии. Единственный очаг — яма 1/1980 — по-видимому, не связан с конкретной постройкой. Кроме того, в ямах 25/1986 и 14/1987 выявлены линзы обожженной глины, сползшей или сброшенной в неполностью заплывший котлован ямы. На некоторых фрагментах — отпечатки ткани. Эти остатки глинобитных печей относятся к более поздним, по-видимому, наземным сооружениям, от которых не осталось других следов, поэтому интерпретация этих сооружений затруднительна. Обращает на себя внимание ориентация удлинённых ям — под прямым углом друг к другу, с северо-востока на юго-запад или с северо-запада на юго-восток. Часть из них образуют Г-образные и П-образные фигуры, свидетельствуя о существовании некоей планировочной структуры поселения.

Вторую группу сооружений Гнездиловского поселения составляют более крупные и глубокие ямы с неровным дном, по-видимому, подпечные или припечные ямы наземных построек. Непосредственно на дне ям 39а и 48–50 в раскопе 3 1987 г. (рис. 139) расчищены развалы упавших сверху глинобитных печей. В этом случае можно предполагать, что сруб был приподнят на стульях или подклете, пол, возможно, был деревянным, и дополнительного осушения не требовалось. Сохранившиеся от таких построек подпечные или припечные ямы известны в Суздале (Седова 1997: рис. 32).

Ближайшие аналогии первой группе материковых ям мы находим на селище Тимерёво под Ярославлем (Дубов 1982). Тимерёвское поселение близко Гнездиловскому по датировке, сохранности и характеру культурного слоя, находкам. Здесь канавообразные ямы также расположены под прямым углом друг к другу, образуя Г-образные и П-образные фигуры, которые образуют комплексы размерами около 10 × 10 м. Реконструкциям построек Тимерёвского поселения посвящены две статьи С. В. Томсинского (Томсинский 1982а; 1982б). Автор пишет, что на поселении почти одновременно существовало около десятка типов различных построек, от которых сохранились углубленные в материк ямы (Томсинский 1982б: 189, рис. 48, 1–6). Постройки эти образуют «гнезда» — усадьбы (Томсинский 1982а: 119). Одна из ям Г-образной формы реконструирована С. В. Томсинским как прямоугольная постройка с очагом из камня и с примыкающим к ней под прямым углом входом-коридором (Там же: 119–121, рис. 1), одиночная канавообразная яма — как прямоугольная постройка с входом-тамбуром (Томсинский 1982б: 191). Постройки, от которых сохранились подпрямоугольные ямы, С. В. Томсинский реконструирует как срубные. Отметим три важных наблюдения, сделанных С. В. Томсинским: во-первых, наличие неких поселенческих структур — «гнезд» (Томсинский 1982а: 119); во-вторых, наличие, по крайней мере, двух домостроительных традиций — столбовых и срубных конструкций; в-третьих, то, что часть камней интерпретируется не только как остатки очагов, а как следы подкладок под срубы (Томсинский 1982б: 188).

Сооружения, близкие по форме и характеру заполнения ямам первой группы, обнаружены также на Рюриковом городище под Новгородом (ямы 14, 16–18, 27, 28, 48) (Носов 1990: 99–100, 102, 106, рис. 36). Судя по находкам, можно предположить, что эти ямы являются одними из наиболее ранних комплексов городища, то есть относятся к IX в. Как и в Тимерёве, они параллельны или перпендикулярны друг другу, образуя Г-образные фигуры. Для канавообразных сооружений автором раскопок предполагается столбовая конструкция несущих перекрытий, но отмечается, что для конкретных реконструкций достаточных объективных данных почти нет (Там же: 109, 110). Е. Н. Носов заключает: «Материалы из заполнения рассмотренных комплексов не дают однозначных указаний на назначение сооружений. Искать среди них жилища не позволяют не только их размеры, форма и отсутствие печей, но и известный по раскопкам в Ладоге, Новгороде и здесь же, на Городище, в местах, где сохранилось дерево, определенный тип поволховского домостроительства IX–X вв. — полное господство срубных наземных жилищ разных форм при применении столбовых конструкций почти исключительно в хозяйственных сооружениях» (Там же: 110).

В. Я. Конецкий, характеризуя материалы Малышевского городища на Мсте, предположил, что канавообразные ямы являются следами стен постройки со столбовой конструкцией. В данном случае такая интерпретация правдоподобна, так как заполнение ям состоит из гумусированного песка, мало чем отличающегося от окружающего материка (Конецкий и др. 2005: 42–44, рис. 1; 2007: 50). Автор соотнес эти комплексы с материалами Рюрикова городища и Тимерёва и предположил возможное скандинавское происхождение построек со столбовой конструкцией. Однако в Скандинавии ничего подобного не наблюдается. Здесь от неолита до раннего Средневековья прослеживается устойчивая традиция строительства длинных домов столбовой конструкции, а срубные постройки появляются только с XIII в. (Tesch 1993). Ямы Рюрикова городища, поселений Гнездилово и Тимерёво резко отличаются от соответствующих сооружений Малышевского городища по характеру заполнения. По-видимому, они длительное время находились открытыми, в них фиксируется большое количество угля, керамики и других находок.

Е. Н. Носов приводит примеры ям удлинённых пропорций из неопубликованных материалов раскопок на Земляном городище в 1950 и 1959 гг., которые он интерпретировал как хозяйственные (Носов 1990: 111, 112). Более определенно можно говорить о функциональном назначении канавообразных ям в нижних слоях Земляного городища в Старой Ладогe (Равдоникас 1950: 26; Давидан 1976: 104; Рябинин 1985: 53, рис. 19; 1994: 8, рис. 3). Благодаря тому, что во влажном слое сохраняется дерево, прослеживается соотношение ям и построек. Это осушительное сооружение, охватывающее сруб со всех четырех сторон. Иногда оставался остоин напротив входа. Ямы Старой Ладогe образуют правильные квадраты или прямоугольники. Ширина в среднем — 0,6–0,8 м, глубина — около 0,3 м. Их заполнение — бурый гумус со щепой и навозом. Датировка — вторая половина VIII и IX в. Аналогичные сооружения прослежены в ранних (30–40-е гг. X в.) отложениях Новгорода (Фараджева 2009: 570). А. В. Плохов, повторно анализируя материалы раскопок в центральной части Рюрикова городища, также пришел к выводу, что канавообразные ямы не были остатками хозяйственных построек, а ограничивали фундаментные площадки жилых домов, подобно известным в сооружениях в ранних отложениях Старой Ладогe и Новгорода (Плохов 2022: 189).

В предварительной публикации автор этой книги высказал предположение, что ямы Рюрикова городища, Тимерёва и Гнездилово служили для тех же целей и окаймляли наземные постройки. Отсутствие рядов столбовых ям свидетельствует в пользу того, что постройки были срубные (Лапшин 2015). Это предположение вызвало возражения С. В. Томсинского. По его мнению, данных для реконструкции наземных срубных построек в обрамлении канавообразных ям-дренажей в материалах таких памятников, как Тимерёво и Гнездилово, явно недостаточно, а кроме того дренаж в условиях этих поселений и не требовался (Томсинский 2016: 236, 237). Не без влияния реконструкций С. В. Томсинского я еще раз пересмотрел материалы Гнездилово 2. Как показано выше, П-образная группа ям 2/1981, 126/1982 и 9/1981–1982, возможно, и ямочаг 1/1980 составляют хозяйственный комплекс второй половины X в. К яме 2/1981 близки ямы 13/1985–1986 и 22/1987 — легкие столбовые постройки или навесы. Отсутствие каких-либо отопительных устройств указывает на их явно нежилой характер.

Сложнее интерпретировать комплекс ям 8 и 14/1987, который к тому же раскрыт лишь частично. Я по-прежнему не нахожу ему другого объяснения, кроме как обрамления наземных построек. Главное расхождение с реконструкциями тимереvских построек С. В. Томсинского состоит в том, что он значительную их часть считает жилыми. По мнению Е. Н. Носова, это только легкие хозяйственные постройки, но в Тимерёве, благодаря раскопкам большой площадью, прослежена приречно-рядовая застройка. Невозможно представить себе поселение, состоящее из хозяйственных комплексов, но без жилых сооружений. Столь архаичные постройки, которые реконструирует С. В. Томсинский, конечно, доживают до этнографической современности. Их можно представить где-нибудь в лесу как временное пристанище. Но на большом поселении со сложившейся планировкой, рядом с огромным богатым курганным могильником такие жилища выглядят, на мой взгляд, недостаточно убедительно. Г-образные ямы, возможно, прослежены в наиболее ранних постройках Суздальского кремля XI в. (Седова 1997: рис. 31), но тема требует дополнительного исследования.

Подведем итог. При всей фрагментарности сохранившихся материалов можно говорить о двух домостроительных традициях на поселении Гнездилово 2. В первой, по-видимому, можно предполагать наличие срубной конструкции с земляным полом, требующей устройства дренажных канав. Такие канавообразные ямы, помимо Гнездилово, известны в Старой Ладогe, на Рюриковом городище и в Тимерёве, где они

датируются второй половиной VIII, IX и X вв. соответственно. Во второй традиции — наземные срубные дома с углубленными подпольями, подобными суздальским (Седова 1997: 168, 169). К последней следует отнести линзы обожженной глины — развалы глинобитных печей, упавших в ямы. Следует отметить отсутствие на поселении Гнездилово 2 крупных прямоугольных подполий, характерных для Суздаля и окрестных сельских поселений. Они появляются только во второй половине XI в., с течением времени наблюдается постепенное увеличение размеров и глубины, а во второй половине XII в. глубокие подполья больших размеров встречаются наиболее часто (Шполянский 2008: 58).

Как уже упоминалось, для раскопа 1987 г. получена серия радиоуглеродных дат. Ямы первой группы, 8 и 14/1987, датируются второй половиной X в., а ямы второй группы, 47, 49 и 51/1987, — первой третью XI в. (табл. 5). Археологический материал такой датировке не противоречит. Первую строительную традицию можно предположительно связать с Северо-Западной Русью, возможно, с ее финским населением. Для того чтобы связывать эту традицию со Скандинавией, данных нет. Появление второй строительной традиции можно связать с приходом в начале XI в. нового населения, возможно, носителя южной строительной традиции.

Общая характеристика материальной культуры поселения

Материальная культура поселения Гнездилово 2 в целом типична для древнерусских памятников X в. В обычный набор входят вещи типов, характерных для ранних слоев Новгорода, Пскова, Рюрикова городища: кресала (рис. 20, 6–11), ключи (рис. 21, 10, 11, 13–15), замки (рис. 21, 12), шилья (рис. 23, 8–19), шиферные пряслица (рис. 30), а также немногочисленные украшения — височные кольца проволочные перстнеобразные (рис. 14, 3–7), подковообразная фибула (рис. 14, 9), бубенчики (рис. 14, 19, 20), фрагменты браслетов (рис. 14, 21, 23, 25). Железные иглы (рис. 23, 1–7) появляются только в комплексах начала XI в.

С непосредственным присутствием скандинавов связано всего несколько, но ярких находок: накладка в стиле Борре (рис. 13, 1), железное кольцо с молоточками Тора (рис. 13, 3), костяной гребень с процарапанным знаком трикветра (рис. 13, 6). Влияние североευропейской традиции в целом гораздо отчетливее. Среди ножей преобладают экземпляры, выполненные в технике трехслойного пакета, — 30 из 41 (то есть 75 % из числа подвергнутых металлографическому анализу), остальные относятся к местной финской (цельнометаллические ножи, 6 экз.) и древнерусской (торцевая наварка, 5 экз.) ремесленной традиции. К северной традиции следует отнести также появление вертикального ткацкого станка, что подтверждают находки фрагмента грузила (рис. 32, 12) и группы костяных орудий (рис. 27, 1–5), которые интерпретируются как орудия ткача, работающего на вертикальном ткацком станке.

О богатых курганных ингумациях этого времени напоминают находки поясной накладки (рис. 14, 27), коромысла весов (рис. 13, 4), футляров для фитиля (рис. 20, 15, 16), подвески из дирхема (рис. 11; 13, 2). О связях с Волжским путем свидетельствуют находки импортной болгарской керамики (рис. 32, 8).

На присутствие местного финского субстрата указывают редкие шумящие подвески (рис. 14, 16, 17). Во владимирских курганах эти украшения найдены в наибольшем количестве в ингумациях XI в. (Спицын 1905а: рис. 412–455). Костяные копоушки (рис. 25, 1, 2) генетически восходят к культуре финно-угорского мира,

однако данный тип характерен только для древнерусских памятников Северо-Восточной Руси X–XI вв.

Лепная керамика типов, характерных для Северо-Западной Руси (тип 1, варианты 1, 2, 4; тип 3), абсолютно преобладает (58,5 %). Керамика типа 5, восходящего к мощинской культуре середины — третьей четверти I тыс. н. э. на Верхней Оке, составляет значительную долю — 12 %. Керамика, предположительно относящаяся к наследию дьяковской культуры железного века и шире — памятникам поволжских финнов (типы 1-3, 2, 4-2, 6, 7, 8, 9), составляет 18 %.

Раннекруговая керамика западнославянских форм имеет аналогии на территории Руси только на Северо-Западе: на Рюриковом городище, в Городке на Ловате, Старой Ладоге, Пскове и Новгороде.

Круговая керамика общерусских форм XI–XIII вв. с региональными особенностями целиком укладывается в керамическую шкалу Суздаля. Преемственность ее с раннекруговой западнославянской по происхождению керамикой не прослеживается.

В коллекции Гнездилово 2 отсутствуют украшения городских типов, широко представленные в ингумациях владимирских курганов XI–XII вв.: бусинные височные кольца (Спицын 1905а: 131–149), браслеты (Там же: 332–352), поясные пряжки (Там же: 353–367), а также стеклянные браслеты, многочисленные находки которых известны как в самом Суздале, так и на близлежащих селищах и в поздних курганных погребениях XII–XIII вв. Последнее свидетельствует о том, что, по-видимому, период активной жизни на поселении не выходит за пределы XI в.

Рис. 8. Карта раскопок владимирских курганов А. С. Уварова и П. С. Савельева в 1851–1854 гг.

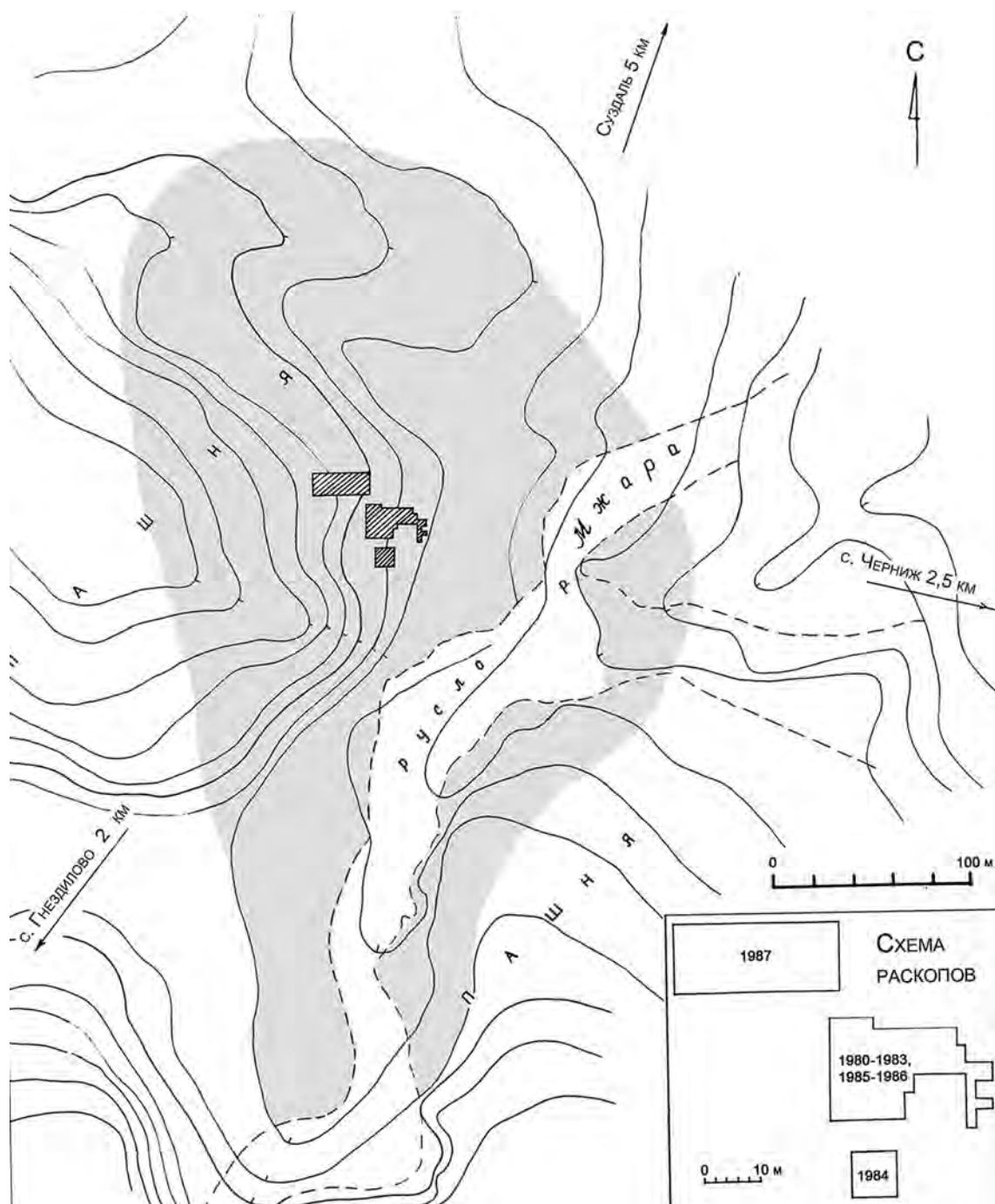

Рис. 9. План селища Гнездилово 2. Владимиро-Суздальская экспедиция Института археологии АН СССР, 1987 г.

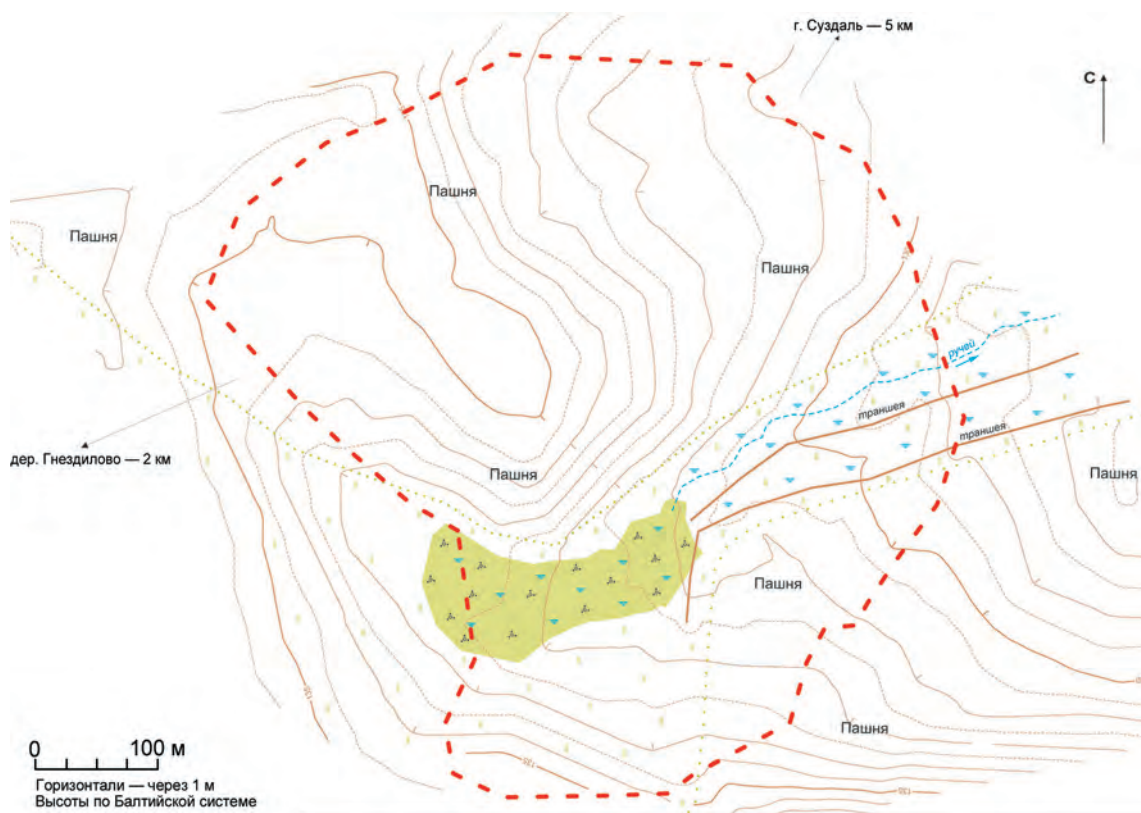

Рис. 10. План селища Гнездилово 2. Суздальская экспедиция Института археологии РАН, 2014 г. Красный пунктир — граница распространения керамики, печного камня и находок

Рис. 11. Подвеска из дирхама 'Аббасиды, ал-Махди 161 г. х. (777/778): 43/1985, яма 13, кв. БЗ

Рис. 12. Карта округа Суздаля с обозначением памятников, материалы которых использованы в книге: 1 — Гнездилово, селище 2; 2 — Суздаль, город; 3 — Мжара, селище; 4 — Новоселки, селище и могильник; 5 — Весь, селище 1; 6 — Васильково, селище; 7 — Сунгирь, селище; 8 — Сунгирь, могильник; 9 — Кибол, селище 1; 10 — Якиманское, городище

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе предложен анализ результатов небольших археологических раскопок одного из сотен селищ Северо-Восточной Руси домонгольского времени. Своеобразный «булавочный укол». Наши возможности реконструкции динамичных исторических процессов, протекающих в этот период на просторах лесной зоны Восточной Европы, весьма ограничены, тем более учитывая небольшой объем археологического материала. Но и в этом микромире, как в капле росы, отразился большой мир Северной Руси.

Общие контуры древнерусского расселения в центральных районах Ростово-Суздальской земли позволяла очертить уже карта курганных могильников, раскопанных в середине XIX в., а расположение выделенных на карте А. С. Уварова могильников с кремациями (Уваров 1871; 1872б) позволяет судить о первоначальных поселенческих центрах и датировать их X в. (Лапшин 1983; 1985б; 1987). Небольшая серия скандинавских украшений с относительно узкими датировками из погребений, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, дала основание отнести начальную дату расселения в регионе ко второй четверти X в. (Лапшин 1981)¹²¹.

Большая часть индивидуальных находок селища Гнездилово 2 связана с материковыми ямами и датируется IX–XI вв., в тех случаях, когда возможны более узкие датировки, — это X — начало XI в. Не противоречит такой датировке серия радиоуглеродных дат (Горюнова, Лапшин 2004). В распаханном слое и верхней части заполнения некоторых ям встречена круговая керамика XI–XIII вв., но отсутствуют украшения городских типов, широко представленные в ингумациях владимирских курганов XII–XIII вв.: бусинные височные кольца, браслеты, поясные пряжки. Последнее свидетельствует о том, что, по-видимому, период активной жизни на исследованной части поселения не выходит за пределы XI в. Таким образом, памятник относится к группе поселений первого периода освоения территории древнерусским населением.

Материальная культура поселения в целом типична для древнерусских памятников X в. В обычный набор входят вещи типов, характерных для ранних слоев Новгорода, Пскова и других центров этого времени: кресала, ключи и замки, шилья, шиферные пряслица, а также немногочисленные украшения — височные кольца проволочные перстнеобразные, подковообразная фибула, бубенчики, фрагменты браслетов.

По ряду особенностей материальной культуры можно судить об исходных территориях расселения. Более половины лепной керамики относится к типам, характерным

121 Современное уточнение датировки скорлупообразных фибул типа Р-51 в пределах 900–950 гг. (Андрощук 1999) не вносит принципиальных изменений в нашу хронологию. В настоящее время в округе Суздаля выявлено одно более раннее древнерусское поселение — Весь 5. По находкам стеклянных бус, дирхемов и украшений из цветных металлов, с учетом радиоуглеродных дат, оно возникло не позднее второй половины IX в. (Макаров и др. 2010а: 132, 133).

для Северо-Западной Руси. Раннекруговая керамика западнславянских форм имеет аналогии также только на территории Северо-Запада: на Рюриковом городище, в Городке на Ловати, Старой Ладогге, Пскове и Новгороде. Большая часть ножей (75 %) выполнена в технике трехслойного и пятислойного пакета, характерной для североευропейской традиции. Технология трехслойного пакета была выработана в Скандинавии в вендельское время (VI–VIII вв.), в эпоху экспансии викингов эти изделия достигают Англии, Ирландии и Северной Руси (Завьялов и др. 2012: 37–53). В Ладогге технология трехслойного пакета появляется впервые на Руси и преобладает с момента возникновения поселения (Розанова 1994). В IX–X вв. техника пакета доминирует в основных торгово-ремесленных центрах Северной Руси. В течение XI в. происходит переориентация кузнечного ремесла с североευропейских на восточноевропейские технологические схемы, выработанные в древнерусских городских центрах (Кирпичников, Лапшин 2018). Исследователи отмечают, что «самые ранние изделия демонстрируют высокое мастерство кузнецов, хорошо разбиравшихся в свойствах черных металлов, владеющих сложным механизмом сварки горячего металла. Эти знания не могли возникнуть вдруг. Для их осмысления необходим был длительный период, вобравший опыт не одного поколения» (Завьялов, Розанова 1990: 158). По количеству орудий, изготовленных в технике пакета, коллекция Гнездилово 2 сопоставима с таким ярким памятником, как Гнездово (Терехова и др. 1997: 293).

Состав керамической коллекции позволяет судить и о сложном составе аборигенного населения, которое застали переселенцы с Северо-Запада. Керамика типа 5, входящего к мощинской культуре середины — третьей четверти I тыс. н. э. на Верхней Оке, составляет значительную долю — 12 %. Она резко отличается от керамики, характерной для Северо-Запада. Ее морфологической особенностью является подчеркнутый уступ или перетяжка при переходе от горла к плечу сосуда. В V в. на большинстве поселений мощинской культуры жизнь прекращается, а керамика «мощинского типа» появляется в небольшом количестве в составе керамического набора рязано-окских могильников, на позднедьядковских памятниках Москворечья, верховьев Западной Двины, Верхней Волги. Чистый керамический комплекс поздней стадии мощинской культуры выявлен на селище Кибол 1 под Суздалем, которое датируется третьей четвертью I тыс. н. э. (Лапшин 2012). В последние годы разведками на селищах Суздальского ополья выявлена керамика данного типа (Морозов 2022) и найден ряд предметов середины — третьей четверти I тыс. н. э. (Макаров 2007: 10–13, рис. 3). Опубликованные материалы раскопок грунтового могильника Большое Давыдовское 2 (Макаров 2010; Макаров и др. 2010б; Макаров и др. 2011а) и некоторые находки на селищах (Федорина и др. 2020) дают представление о финском населении, жившем в Суздальском ополье во второй половине III — начале V в. н. э. Судя по находкам украшений из цветного металла из этого могильника, какие-то связи с населением бассейна Оки существовали уже тогда (Зайцева 2011). Отдельные находки круга восточноевропейских эмалей появляются в бассейнах Волги и Оки в III в. и связаны с перемещением из Поднепровья небольших групп населения киевской культуры. Появление типологически наиболее поздних украшений круга эмалей следует рассматривать в контексте взаимодействия рязано-окских финнов и носителей мощинской культуры в конце III — первой половине IV в. (Ахмедов 2018: 158).

Вместе с тем разрыв между культурой местного финского населения первой половины I тыс. и культурным горизонтом типа Кибол 1, как представляется, вполне очевиден.

В связи со сказанным встает вопрос о времени и характере первичного земледельческого освоения Суздальского ополья. Несколько десятилетий назад общая картина

выглядела так: в X в. в Суздальское ополье с Северо-Запада приходят славяне и находят немногочисленное аборигенное население и плодородные, но мало используемые для земледелия земли. В X–XIII вв. происходит бурная внутренняя колонизация территории земледельческим древнерусским населением. Сейчас, в результате последних палеоботанических исследований, выясняется, что еще в первой половине I тыс. н. э. будущее Ополье было залесено, и его расчистка под пашню, судя по радиоуглеродным датам из естественных разрезов, начинается в VII в. (Сельская Русь 2008: 154). Следовательно, первоначальный этап сведения лесов предшествует славянской колонизации. Возможно, он связан с притоком населения — носителя керамики «мощинского типа» — переселенцев из лесостепной зоны со своими традициями более развитого земледелия.

Если керамический комплекс селища Кибол 1 теперь вполне хронологически вписывается в общую картину распространения данного типа керамики в Волго-Окском междуречье, то находки из Гнездилово 2 остаются загадкой. Прежде всего, возникло предположение, что на месте средневекового поселения находилось разрушенное селище середины — третьей четверти I тыс. н. э. Но, во-первых, на поселении Гнездилово 2 все индивидуальные находки укладываются хронологически в X–XI вв. (плюс круговая керамика XII–XIII вв. в пахотном слое). Во-вторых, переотложенная керамика, как правило, отличается большей измельченностью, что в данном случае не наблюдается. И, наконец, в керамическом комплексе практически отсутствуют сковороды и чашевидные сосуды, характерные для керамического набора поселения Кибол 1, да и формы горшков с высоким венчиком-раструбом говорят о деградации данного типа сосудов.

А. А. Бобринский отмечает, что «в случае смешения носителей разных традиций изготовления керамики однородность навыков труда утрачивает значение диагностического признака родственных групп. Керамика смешивающихся или смешавшихся в культурном отношении групп населения способна долгое время характеризоваться различиями в некоторых приемах ее изготовления» (Бобринский 1978: 243). Однородная техника выработки керамики в рамках одного поселения может достигаться при смене пяти-шести поколений гончаров (Там же: 243, 244). Поэтому есть основание предположить, что островки населения, оставившего памятники типа Кибол 1, могли сохранить, хотя и в деградировавших формах, специфическую керамическую традицию до X в. включительно.

* * *

С 2001 г. исследования на территории Суздальского ополья проводит Суздальская экспедиция Института археологии РАН. В 2014–2015 гг. на селище Гнездилово 2 собрано около 500 единиц подъемного материала, что более чем удвоило количество индивидуальных находок, полученных в ходе наших раскопок. Площадь распространения керамики, печного камня и находок достигла 12 га (рис. 10)¹²². Подтвержден вывод о затухании жизни на поселении на рубеже XI–XII в. (Макаров и др. 2018: 10–13).

В ходе разведок, проведенных экспедицией Института археологии РАН, вблизи селищ выявлены погребения, не затронутые раскопками середины XIX в., так как

122 По наблюдению А. Н. Федориной, граница распространения подъемного материала на распахиваемых селищах Ополья шире, чем предполагаемая зона застройки, не менее чем на 10 м (Федорина и др. 2008: 35; 2012: 86). Впервые такое несоответствие отмечено еще на планах в работе В. В. Седова (Седов 1960б).

курганные насыпи оказались к тому времени уже полностью распаханы (Макаров и др. 2013; 2017; 2020; Красникова и др. 2000). Раскопки были проведены и вблизи селища Гнездилово 2. Могильник (Гнездилово 12) был локализован с использованием сочетания геофизической разведки и сборов подъемного материала (Макаров и др. 2021). Площадь могильника составляла около 0,7 га (Макаров и др. 2023: 61). Раскопки, проведенные в 2020 г. на площади 120 кв. м, выявили 15 ингумаций XI — начала XII в. и показали, что могильник был большим средневековым кладбищем с разнообразными погребальными обрядами: подкурганными кремациями и ингумациями, грунтовыми погребениями и кремациями, рассыпанными на поверхности или в неглубоких ямах (Макаров и др. 2022). Круговая керамика типов, датированных серединой XI — началом XII в., лепная керамика представлены отдельными фрагментами в пахотном слое (Там же: 16). В 2021 г. было исследовано погребение рубежа X–XI — первой четверти XI в. с боевым топориком, всадническим снаряжением (удилами, стремянами), складными весами и гирьками. Авторы раскопок характеризуют погребенного как «представителя элиты, связанной с осуществлением административно-фискальных функций (приемом серебра в качестве податей?)», а датировка погребения примерно соответствует летописным событиям 1024 г. (Макаров, Красникова 2022: 117). Находки значительного количества боевых топоров при поверхностных сборах в Гнездилово и в погребении 13 также, по мнению авторов, подтверждают возможные военно-административные функции населения, жившего на поселении Гнездилово 2 (Макаров и др. 2021: 24; 2022: 15).

Сравнение набора вещей из раскопок и поверхностных сборов свидетельствует в пользу того, что раскопы 1980–1987 гг. были заложены на территории раннего ядра поселения. В частности, в коллекции, полученной в ходе раскопок, почти отсутствуют шумящие подвески, указывающие на присутствие местного финского субстрата, а в подъемном материале они более многочисленны. Во владимирских курганах украшения этой группы найдены в наибольшем количестве в ингумациях XI в. А. Е. Леонтьев и Е. А. Рябинин связывают это с процессом аккультурации аборигенного населения, начавшегося во второй половине X — начале XI в.: местное население начинает широко пользоваться бытовыми вещами общего древнерусского облика, но одновременно совершенствуются традиционно определяющие категории и типы украшений: коньковые и треугольные шумящие привески, втульчатые височные кольца (Леонтьев, Рябинин 1980: 71, 72). На наш взгляд, шумящие подвески, многочисленные в подкурганных ингумациях XI в., становятся частью региональной древнерусской культуры и уже мало говорят об этносе их владельцев.

В связи с исследованиями Гнездилово 2 и ряда селищ значительной площади Н. А. Макаров предложил выделить в качестве особого типа памятников Северо-Восточной Руси IX–XI вв. «большие поселения». Эти памятники представляют собой крупные, многогектарные поселения, не имеющие оборонительных сооружений, с насыщенным культурным слоем, свидетельствующим о высокой интенсивности жизни. Присутствие на площадках поселений остатков производств и предметов, связанных с дальней торговлей, многокомпонентный характер культуры, включающей элементы, связанные с различными этническими традициями, наличие в составе вещевых коллекций «престижных вещей» указывают на особые социальные претензии части населения (Макаров, Федорина 2015). Основной приток монетного серебра приходится на X в., при этом находки дирхемов характерны для нескольких крупных поселений, включая Гнездилово 2, но отсутствуют в Суздале (Макаров и др. 2016: 69).

Выделение «больших поселений» как основной категории памятников периода первичного заселения Ополья представляется справедливым и весьма перспективным

для дальнейшей разработки. Авторы подчеркивают существенное различие между «большими поселениями» Суздальской земли и «центральными поселениями» Западной Балтики, хотя подобное сравнение, казалось бы, должно напрашиваться. «Большие поселения» Суздальской округи были скорее самодостаточными очагами расселения и экономической жизни, чем центрами округов, структура которых хорошо прослеживается в Скандинавии (Макаров, Федорина 2015: 125).

Возникает трудноразрешимый на данном этапе изучения вопрос о социальном характере сообществ, оставивших крупные селища Ополя. Попробуем высказать некоторые предположения. Сравнительный материал может нам дать архаическая скандинавская традиция, прежде всего норвежская, сохранившая, благодаря сагам и памятникам областного права, представление о свободном крестьянстве дофеодального прошлого (Гуревич 2009). Типологически раннесредневековые общества Скандинавии и Руси очень близки (Мельникова 2011: 15–34). Это дает нам смелость соотнести основную часть древнерусского земледельческого населения X в. со скандинавскими свободными крестьянами — «бондами», не забывая, что само это понятие, по определению А. Я. Гуревича, было «в высшей степени неопределенным и емким» (Гуревич 2009: 156).

Бонд в скандинавском архаическом обществе — свободный домохозяин, которому принадлежит вся полнота прав и власти в доме, тот, кому принадлежит почетное хозяйское место. «Высшим воплощением этой полноты крестьянских прав стала категория „могучих бондов“, представлявших собой не только особый социальный статус, но и одну из ведущих сил эпохи. <...> „Могучие бонды“, опиравшиеся на крупные наследственные земельные владения, многочисленные собственные семьи (включающие домочадцев, зависимых работников и слуг, рабов), обладавшие разветвленными родовыми связями в округе наряду с потомственной родоплеменной знатью, выступали своего рода „узлами прочности“ социальных связей. <...> Они в состоянии были выставить собственные вооруженные силы, организовать военный поход или торговую операцию» (Лебедев 2023: 233).

Именно такому сообществу было под силу организовать переселение на новые земли и основать самодостаточную экономическую единицу, со своими профессиональными ремесленниками. Сообщество, безусловно, было хорошо вооружено (о чем свидетельствуют топоры, копья, стрелы), но характерно, что в погребениях более чем 7700 владимирских курганов не было сделано ни одной (!) находки меча. Это разительно контрастирует с погребениями профессиональных воинов с мечами в расположенных немногим более севернее ярославских могильниках IX–XI вв. (Недошивина 1963в; 1991). К поселению Гнездилово 2 в полной мере относится определение севернорусской деревни домонгольского времени: «Археологические источники свидетельствуют о достаточно высоком благосостоянии сельского общества, о вовлеченности его в торговлю, о сложной организации экономики сельских поселений, в которых значительную роль играли промыслы и ремесла, о доступности для сельского населения значительной части бытовых вещей и украшений, распространенных в городах. Находки престижных вещей и импортов характерны для многих сельских памятников...» (Макаров 2008: 8).

Мы сейчас даже предположительно не можем судить об исходных районах, откуда пришли переселенцы, кроме самого общего понятия «Северо-Запад». Ясно одно: большая площадь плодородных земель Ополя ярко контрастировала с «лоскутным одеялом» почв, характерных для Северо-Западной Руси. В этом контексте характерно, на наш взгляд, осмысление имени *Суздаль* в скандинавских сагах. В древнескандинавской письменности не существовало единого варианта для передачи славянских на-

званий городов. Их передавали по созвучию с разными скандинавскими корнями. Так, в одной из саг название *Суздаль* передается с использованием корней «южный» и «долина» (Джаксон 1985: 228; 2001: 155). Название «Южная долина» применительно к Суздальскому ополью как нельзя лучше могло передавать впечатление выходцев с Севера от открывшихся ландшафтов в долинах Нерли и Каменки.

Ранее я предположил, что смену домостроительной традиции в первой трети XI в. на поселении Гнездилово 2 можно связать с приходом нового населения (Лапшин 2015). По времени это совпадает с разрушением мысового городища на территории Суздальского кремля после подавления в 1024 г. Ярославом Мудрым вызванного голодом восстания под руководством волхвов. С этого момента начинается история собственно города Суздаля — оплота княжеской власти. Открытое в 2021 г. погребение «представителя элиты, связанной с осуществлением административно-фискальных функций» можно связать с действиями князя, когда он, по словам летописца, «устави ту землю», то есть распространил на Суздальскую землю нормы «Русской Правды». Сообщение летописца под 1096 г. о том, что князь (Мстислав) «приде Суждалю... распусти дружину по селам» (ПСРЛ. I: стб. 238), по-видимому, свидетельствует об уже сложившейся к концу XI в. практике «окняжения» сельских поселений суздальской округи.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Выписка из Дневника А. С. Уварова, Пискарева и Медведева. 1851 г. Суздальский уезд (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 209. 90 л.)

[Полевой дневник 1851 г. сохранился в первоначальном (полевом) варианте, в отличие от дневников 1852–1854 гг., которые дошли до нас переписанными набело (дневник 1854 г. частично и в черновом варианте). Его поочередно вели трое: сам А. С. Уваров, прикомандированный к нему чиновник Министерства внутренних дел Пискарев и художник Медведев.

За июнь — август 1851 г. были раскопаны 737 курганов (л. 35–90). Дневник за сентябрь не найден. У села Гнездилово было раскопано 73 кургана: 40 насыпей — «ближние курганы, подле ветряных мельниц с. Гнездилово»; 21 насыпь — «средние курганы, в 1 версте от с. Гнездилово»; 12 насыпей — «дальние курганы». При этом нумерация для «средних» и «дальних» общая — 33 насыпи. На плане, снятом землемером Аляевым, также зафиксировано 33 насыпи. Таким образом, «средние» и «дальние» курганы составляли единый могильник, который, по-видимому, топографически связан с селом Гнездилово 2. «Средние» курганы содержали кремации и ингумации X–XI вв., «дальние», видимо, составляли позднюю периферию могильника и ориентировочно могут быть отнесены к XII в. Рукой Пискарева сделано описание курганов 1–16, 18–25; Медведева — 17, 26–33.]

[Л. 54]

С. Гнездилово (средние курганы в 1 версте от села).

Курганы эти все распаханы, несмотря однакож на то они, по виду, огромны.

Курган 1. Под вторым слоем найден топорик. На 1 аршин глубины костер дубовый и лошадиные кости и разное железо.

Курган 2. Глубина 1 аршин. Два покойника. Подле первого найдены огниво, нож, пряжка и горшок, распавшийся в руках. Кости второго все истлели, около него: разных форм кольца из проволоки, ножиц, два бубенчика, стеклянное синее кольцо, как видно с ручного кольца, 16 крупных бус, из коих одна с колечком, две цветные и десятка два мелких бусинок из ожерелья.

Курган 3. Под вторым слоем сожженные кости; в пепле пряжка железная от конской сбруи, две целых бляхи с узорами, пряжка от пояса.

Курган 4. Сожженные кости.

Курган 5. В пепле нож и разное железо (Уваров 1871: 805).

Курган 6. В пепле ничего не найдено, кроме ножа.

Курган 7. В пепле сердцевидная запонка.

Курган 8. Невысокий курган. Кости истлели, на них найдены два золотых небольших кольца, пряжка маленькая довольно искусной работы, крестообразная железная пряжка и ножичек в виде наконечника стрелы.

Курган 9. На глубине 3/4 аршина две привески в виде медали с какими-то письменами, 4 бусы стеклянные, пряжка, обтянутая какой-то материей, 2 кольца из проволоки, трубочка металлическая, сердцевидная запонка, наконечник стрелы, привеска в виде треугольника, кольцо плоское, 2 бубенчика, пуговица, ножик.

В пепле кроме черепков ничего не найдено.

Курган 10. В пепле 2 бубенчика, пуговица, маленькая бляха, ножик и разное мелкое железо.

[Л. 55]

Курган 11. Горшок из необожженной глины с пеплом. От прикосновения развалился.

Курган 12. Горшок из необожженной глины с пеплом. Взят для срисовывания.

Курган 13. Совершенно распаханый и сравненный с поверхностью поля курган. Под вторым слоем труп, обращенный лицом к востоку; череп пробит, как видно, близлежащею стрелою. Около рук топорик, около бедра два медных узорчатых кольца, бубенчик, пряжка и нож. Кости от прикосновения обращаются в прах. Подле этого трупа еще одна голова без туловища; пряжка медная и медное кольцо с узором.

Курган 14. Курган совершенно распахан. В первом слое — топорик, брусочек и нож, ниже — труп, подле него топор небольшой и иной формы, пуля, ножик.

Курган 15. Сожженные кости.

Курган 15а (в дневнике без номера. — *Примеч. В. Л.*). Подле кургана 15 — маленький курган, в нем голова и несколько костей, совершенно истлевших, подле них ножик.

Курган 16. Совершенно распаханый и едва заметный. Под вторым слоем женский труп. Кости очень трухлявые. Около трупа найдены позолоченные бусы и простые глиняные.

Курган 17. На западной стороне на глубине 1 аршин 1 вершок от его поверхности показался угольный слой с сожженными человеческими костями. Здесь найдены следующие вещи: серебряный браслет, оконечности которого скрепляются между собою узлообразно и завиты; 5 серебряных проволоочной работы привесок, 1 привеска, состоящая из куфической монеты (саманидская монета 900 г.; Уваров 1871: 752), серебряная кольцеобразная пряжка и бусы.

Курган 18. На северо-восточной стороне. На глубине 12 вершков из-под угольного слоя показался истлевший череп, около которого серебряная пластинка и около уха золотая серьга. Ниже черепа костей не оказалось, но на месте, где должны быть они, найдены следующие вещи: витой серебряный браслет, к которому пристала часть полуистлевшей шелковой материи, браслет из серебряной проволоки гладкий, серебряный проволоочной работы нагрудник, к которому тоже [пристала] часть истлевшей шелковой материи, 2 серебряных перстня, 2 кольца, несколько бус, 2 серебряные пряжки, прикрепленные к дереву [нрзб.], 2 привески с изображением ангелов, привеска, крест серебряный и 2 конца от эфеса, обвитые серебряной проволокой.

Курган 19. На северо-западной стороне. На глубине 1 аршин в угольном слое найдена цепь с сердцевидными звеньями, при оконечностях которых 2 пряжки и 2 кольца. Цепь эта лежала на истлевшей части бедренной кости. Рядом топорик.

Курган 20. На юго-западной стороне. На глубине 1 аршин 6 вершков найдено в угольном слое: 2 топора, 2 серебряных кольца, 2 кольца железных.

Курган 21. На восточной стороне. Распахан. На глубине 6 вершков найдены железные удила, состоящие из двух колец и двух удельников.

С. Гнездилово (дальние)

Курган 22. На юго-восточной стороне. Глубина 1 аршин 4 вершка. Около таза скелета кольцо и пряжка, ближе к колену нож.

Курган 23. Ближе к западу. Глубина 1 аршин 7 вершков. Около таза пряжка, кольцо и нож.

Курган 24. Еще ближе к западу. Глубина 1 аршин 4 вершка. Около таза кольцо и ножик.

Курган 24а. На юго-западном конце. Глубина 1 аршин. У таза пряжка и нож.

Курган 25. На северо-восточной стороне. Глубина 1 аршин. У таза — нож, у ног — топор, рукоятка которого выходила в правую сторону, что было заметно по истлевшей полоске дерева.

[Л. 57]

Курган 26. На северо-западной стороне. Глубина 1 аршин 6 вершков. На тазе 2 пряжки и нож.

Курган 27. На северо-западной стороне, ближе к востоку. Глубина 1 аршин 9 вершков. У таза нож.

Курган 28. На западной стороне. Глубина 1 аршин, 6 вершков. Скелет, у шеи бусы, к ногам ближе эфес, обвитый серебряной проволокой. Все ножи у левого бока.

Курганы 29–33. Костяки без вещей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Каталог комплексов материковых ям Гнездилово 2

|| Раскоп 1, 1980–1982, 1985–1986 гг. (рис. 137)

Яма 1/1980 (кв. К4–5, Л4–5). Округлой формы, диаметром 2,00 м, глубиной 0,34 м от уровня материка, с полусферическим дном¹²³. Заполнение: в верхней части светло-серый гумус без находок; ниже — зольный слой с угольными прослойками, здесь встречается лепная керамика; еще ниже — россыпь прокаленных камней в угольном слое (в нем сосредоточена большая часть лепной керамики и все индивидуальные находки); ниже — прослойка материковой глины, на материке тонкий слой серого гумуса с несколькими фрагментами лепной керамики. Всего в заполнении найдены 312 фрагментов лепной керамики, в том числе пять — лощеной и подлощенной (рис. 67). Индивидуальные находки: копоушка (рис. 25, 2), челнок для плетения (?) (рис. 26, 1), заготовки костяных острий (рис. 27, 13, 20, 21), фрагмент ключа от деревянного замка (рис. 21, 10).

Яма 2/1981 (кв. 37–8, И6–8, К6). Аморфной формы, размерами 6,8 × 2,0–2,5 м, вытянута с северо-запада на юго-восток, глубиной до 0,2 м от уровня материка, с плоским дном. Заполнение — черный гумус, в котором найдены 438 фрагментов лепной керамики (рис. 68), а на дне ямы обнаружен один фрагмент раннекругового сосуда (рис. 121, 1), фрагмент глиняной обмазки с отпечатком ткани (рис. 32, 9). Индивидуальные находки: нож (рис. 17, 24), проволоочное колечко (рис. 21, 3), костяная игла (рис. 26, 3), костяная заготовка — «бобышка», два астрагала бобра (рис. 33, 7, 12) и астрагал свиньи (рис. 33, 14).

Яма 3/1981 (кв. Ж5). Округлая столбовая, диаметром 0,5 м, глубиной 0,07 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены 20 фрагментов лепной керамики.

Яма 4/1981 (кв. 35). Двойная столбовая, размерами 0,70 × 0,40 м, глубиной 0,08 м. Заполнение — темно-серый гумус, забутовка из мелких камней. Найден один фрагмент лепной керамики.

Яма 5/1981 (кв. Ж6). Округлая столбовая, диаметром 0,50 м, глубиной 0,09 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены пять фрагментов лепной керамики.

Яма 6/1981 (кв. И6). Округлая столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной 0,03 м. Заполнение — темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 7/1981 (кв. И8). Округлая столбовая, диаметром 0,5 м, глубиной 0,1 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены семь фрагментов лепной керамики.

Яма 8/1981 (кв. Ж7). Округлая столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной 0,06 м. Заполнение — темно-серый гумус. Находок нет.

¹²³ Все глубины указываются от уровня материка.

Яма 9/1981–1982 (кв. В6–7, Г6–8, Д11–11, Е10–11). Подпрямоугольная, размерами 8,5 × 5,0 м, глубиной 0,6 м от уровня материка, с полусферическим дном. Заполнение однородное — черный гумус, в котором найдены пять фрагментов гончарной керамики (в верхней его части) и 467 фрагментов лепной (рис. 69). На дне ямы — развал крупного грубой лепки сосуда с незначительной правкой по венчику и единичный фрагмент раннекругового сосуда (рис. 120). Индивидуальные находки: нож (рис. 16, 29), шило (рис. 23, 9), костяной гребень (рис. 25, 5), костяные острия и проколка (рис. 26, 9, 10; 27, 1), два оселка (рис. 29, 10, 15), фрагмент керамического пряслица (рис. 31, 16), просверленные зуб медведя (рис. 33, 1) и астрагалы бобра (рис. 33, 8, 10). Датированной находкой является костяной односторонний составной гребень группы II по классификации О. И. Давидан (конец IX–XI в.) (Давидан 1962: 103). В Новгороде такие гребни выходят из употребления в середине XI в. (Колчин 1982: 164).

Яма 10/1981 (кв. И8). Округлая столбовая, диаметром 0,60 м, глубиной 0,22 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены пять фрагментов лепной керамики.

Яма 11/1981 (кв. Ж6). Округлая столбовая, диаметром 0,5 м, глубиной 0,2 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены 20 фрагментов лепной керамики.

Яма 12а/1982 (кв. Г4–5, Д4–5). Округлая, диаметром 2,20 м, глубиной 0,75 м от материка, с полусферическим дном. В верхней части заполнения — линза красной обожженной глины 2,0 × 1,0 × 0,4 м, в которой найдены шесть фрагментов гончарной керамики. Ниже находился углистый слой, содержащий 308 фрагментов лепной (рис. 70–72) и 15 раннекруговой керамики. На линзе красной глины найдены: бронзовая пронизка с трапециевидной привеской (рис. 14, 17), близкая найденным во владимирских курганах (Спицын 1905: рис. 423, 449); бусина зонная из прозрачного стекла и бисеринка (рис. 15, 6, 22); челнок ткацкий (?) (рис. 26, 2); просверленный зуб медведя (рис. 33, 2); оселок (рис. 29, 9). На дне ямы найдена подковообразная бронзовая спиралеконечная фибула с треугольным сечением (рис. 14, 9), фибулы этого типа встречаются в Новгороде в слоях X — конца XII в., основная их масса относится к X–XI вв. (Седова 1981б: 86).

Яма 12б/1982 (кв. Д4, Е3–4, Ж2–3, 32–3). Канавообразная, размерами 6,7 × 1,8 × 0,7 м. Заполнение: черный гумус с линзами золы. Ниже, на дне ямы, — уголь и древесный тлен. В нем найдены 600 фрагментов лепной (рис. 73–75), 11 — раннекруговой (рис. 121, 2) и, в верхней части, восемь фрагментов круговой керамики. Индивидуальные находки: фрагменты одностороннего наборного гребня (рис. 25, 6); язычок пряжки (рис. 14, 12); фрагмент лезвия ножа (рис. 17, 27); дужка ведра (рис. 22, 1); каменный пестик (рис. 24, 14); оселок (рис. 29, 17); костяные игла (рис. 26, 6), проколка (рис. 27, 2), заготовки рукоятей (рис. 28, 1, 2); отходы костерезного ремесла (рис. 28, 4, 17); фрагмент керамического пряслица (рис. 31, 19); просверленный астрагал МРС. Датированная находка: трапециевидная привеска (рис. 14, 15) вида 3, по И. Г. Розенфельдт (IX–XI вв.) (Розенфельдт 1982: 30).

Яма 13/1985–1986 (кв. А3, Б3, В2–3, Г2). Неправильной формы, вытянута с северо-востока на юго-запад, размерами 7,4 × 2,5 м, глубиной 0,1–0,2 м, края пологие. В центре — овальное углубление 1,40 × 2,00 м глубиной до 0,55 м. Заполнение: черный гумус, насыщенный углем, золой, керамикой и костями. В заполнении южной части ямы находится слой золы, пережженных камней и крупных костей толщиной около 0,1 м, спускающийся в углубление в центральной части ямы. Под ним в придонной части заполнения толщиной 0,15–0,20 м найдены 407 фрагментов лепной керамики (рис. 76). Индивидуальные находки: подвеска из дирхема (рис. 13, 2), височное кольцо (рис. 14, 6), фрагмент браслета (рис. 14, 23), лезвие ножа (рис. 16, 15), пуговица костяная

с циркульным орнаментом (рис. 25, 3), пряслице из фрагмента гончарного (булгарско-го?) сосуда (рис. 31, 21), пряслице глиняное (рис. 31, 12), пряслице из розового шифера (рис. 30, 14), шило железное (рис. 23, 10), астрагал МРС просверленный (рис. 33, 27).

Яма 14/1985 (кв. Б2). Округлая столбовая, диаметром 0,32 м, глубиной 0,07 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены 10 фрагментов лепной керамики.

Яма 15/1985 (кв. Б2). Округлая столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной 0,17 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены 19 фрагментов лепной керамики (рис. 76, 6).

Яма 16/1985 (кв. В2). Округлая столбовая, диаметром 0,32 м, глубиной 0,17 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 17/1985 (кв. В2). Округлая столбовая, диаметром 0,28 м, глубиной 0,07 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 18/1985 (кв. Б1). Округлая столбовая, диаметром 0,28 м, глубиной 0,06 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 19/1985 (кв. Б1). Округлая столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной 0,06 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 20/1985 (кв. Д1). Овальная столбовая, 0,40 × 0,24 м, глубиной 0,05 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены пять фрагментов лепной керамики.

Яма 21/1985 (кв. Г1). Округлая столбовая, диаметром 0,24 м, глубиной 0,03 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены два фрагмента лепной керамики.

Яма 22/1985 (кв. Д1). Округлая столбовая, диаметром 0,24 м, глубиной 0,06 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Ямы 14–22 примыкают с запада и юга к яме 13 и, по-видимому, составляют с ней единый комплекс.

Яма 23/1985 (кв. Е1). Округлая столбовая, диаметром 0,28 м, глубиной 0,35 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найден один фрагмент лепной керамики.

Яма 24/1985 (кв. 31). Округлая столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной 0,38 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 25/1986 (кв. Г9–10, Д10–11, Е10–11). Овальная, размерами 5,6 × 2,0–2,4 × 0,4–0,8 м, с полусферическим дном. Заполнение насыщено углем с включениями золы и глиняной обмазки. На материке — слой золы и камней, который поднимался по дну ямы и на ее краях выходил на поверхность. Этот слой, по-видимому, — след отопительного устройства, после разрушения упавшего на дно. В заполнении найдены 1830 фрагментов лепной (рис. 77–85) и 64 раннекруговой керамики (рис. 119), 67 кусков глиняной обмазки и около 300 костей животных. Индивидуальные находки: бусина янтарная цилиндрическая (рис. 15, 5); кольцо височное перстнеобразное (рис. 14, 3); наконечник стрелы (рис. 20, 3); четыре пряслица из розового шифера, в том числе три с граффити (рис. 30, 1, 2, 4, 17); фрагмент глиняного пряслица (рис. 31, 13); три ножа (рис. 16, 22; 17, 17, 21); кресало калачевидное (рис. 20, 6); фрагмент тигля; глиняная лепешка (рис. 32, 4); железный крюк (рис. 22, 2); железная пластинка (рис. 22, 8); фрагмент игольника из трубчатой кости (рис. 26, 13); четыре костяные проколки (рис. 27, 3, 7, 10, 16); роговая заготовка (рис. 28, 6); просверленный астрагал МРС (рис. 33, 28). Комплекс постройки, в которую входят яма 25 и угольное пятно над нею, датируют бусина хрустальная многогранная (рис. 15, 3) (X–XII вв.) и фрагмент многочастной стеклянной желтой полосатой бусины (рис. 15, 15) (X–XI вв.), круглая поясная накладка (рис. 14, 27) (по аналогиям из венгерских памятников — 30-е гг. X в.) (Мурашова 2000: 29, рис. 32, класс III, группа 1, вид 1А).

Яма 26/1986 (кв. Ж8–9). Округлая столбовая, диаметром 0,36 м, глубиной 0,07 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 27/1986 (кв. Ж9). Округлая столбовая, диаметром 0,38 м, глубиной 0,08 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 28/1986 (кв. Е9–Ж9). Округлая столбовая, диаметром 0,30 м, глубиной 0,12 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены четыре фрагмента лепной и один круговой керамики.

Яма 29/1986 (кв. Е9). Округлая столбовая, диаметром 0,36 м, глубиной 0,18 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены семь фрагментов лепной и один круговой керамики.

Ямы 26–29, по-видимому, относятся к конструкции постройки, центральной частью которой является яма 9.

Яма 30/1986 (кв. Е10). Овальная двойная столбовая, 0,22 × 0,36 м, глубиной 0,25 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 31/1986 (кв. Е13). Округлая столбовая, диаметром 0,33 м, глубиной 0,25 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены два фрагмента лепной керамики и кусок глиняной обмазки.

Яма 32/1986 (кв. Е14). Округлая столбовая, диаметром 0,4 м, глубиной 0,2 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найден один фрагмент лепной керамики.

Яма 33/1986 (кв. Д12). Округлая столбовая, диаметром 0,32 м, глубиной 0,08 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 34/1986 (кв. Г12). Округлая столбовая, диаметром 0,25 м, глубиной 0,24 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены гвоздь кованый и кольцо проволоочное железное.

Яма 35/1986 (кв. В12). Округлая столбовая, диаметром 0,32 м, глубиной 0,20 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 36/1986 (кв. В11). Округлая столбовая, диаметром 0,22 м, глубиной 0,15 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Ямы 31–36, по-видимому, являются следами ограды на границе жилой зоны.

|| Раскоп 2, 1984 г. (рис. 138)

Понижение материка естественного происхождения проходит через раскоп с северо-запада на юго-восток. Материковые ямы (в основном столбовые) обнаружены только вдоль восточной и южной границ раскопа.

Яма 1/1984 (кв. Д1). Округлая столбовая, 0,50 × 0,70 м, глубиной 0,43 м от материка. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены пять фрагментов лепной керамики.

Яма 2/1984 (кв. Г3). Округлая столбовая, диаметром 0,2 м, глубиной 0,2 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены четыре фрагмента лепной керамики.

Яма 3/1984 (кв. Д1–2). Двойная столбовая, 1 × 0,3–0,4 м, глубиной 0,35 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены два фрагмента лепной керамики.

Яма 4/1984 (кв. Д2). В раскоп попала частично, размеры расчищенной части 0,96 × 0,22 м, глубиной 0,16 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены два фрагмента лепной керамики.

Яма 5/1984 (кв. Д3). Округлая столбовая, диаметром 0,2 м, глубиной 0,2 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 6/1984 (кв. Д4). Округлая столбовая, диаметром 0,36 м, глубиной 0,20 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 7/1984 (кв. Д4). Округлая столбовая, диаметром 0,15 м, глубиной 0,03 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 8/1984 (кв. Д5). Округлая столбовая, диаметром 0,26 м, глубиной 0,44 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 9/1984 (кв. В5–Г5). Округлая столбовая, диаметром 0,35 м, глубиной 0,09 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 10/1984 (кв. Б5–В5). В раскоп попала частично, размеры расчищенной части 1,80 × 0,30–0,35 м, глубиной 0,22 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены шесть фрагментов лепной керамики.

Яма 11/1984 (кв. Б5). Округлая столбовая, диаметром 0,18 м, глубиной 0,06 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

|| Раскоп 3, 1987 г. (рис. 139)

Яма 1/1987 (кв. Е1). Округлая столбовая, диаметром 0,38 м, глубиной 0,30 м от уровня материка¹²⁴. Заполнение: темно-серый гумус. Найден один лепной черепок.

Яма 2/1987 (кв. Е2). Двойная столбовая яма, диаметры 0,34 и 0,35 м, глубина 0,17 и 0,13 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены 13 фрагментов лепной (рис. 86) и три круговой с линейным орнаментом керамики.

Яма 3/1987 (кв. Д1–2). Округлая столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной 0,14 м. Заполнение — темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 4/1987 (кв. Г1–Д1). Округлая столбовая, диаметром 0,70 м, глубиной 0,47 м. Заполнение — темно-серый гумус, смешанный с желтой материковой глиной. Находки: 20 фрагментов лепной керамики (рис. 86) и четыре круговой, в том числе два с линейным и один с волнистым орнаментом.

Яма 5/1987 (кв. Г2). Округлая столбовая, диаметром 0,32 м, глубиной 0,08 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 6/1987 (кв. Г2). Округлая столбовая, диаметром 0,45 м, глубиной 0,28 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 7/1987 (кв. Д2–3). Округлая столбовая, диаметром 0,3 м, глубиной 0,09 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Ямы 8, 9, 10/1987 (кв. Г1–3, В1–4). Вытянута с северо-запада на юго-восток. Длина 7,3 м, ширина в западной части 1,6 м и глубина около 0,3 м, форма дна корытообразная. Заполнение: темно-серый гумус. По оси ямы, в западной ее части, — две столбовые ямы: **9** (кв. Г1) диаметром 0,49 м и глубиной 0,8 м, и **10** (кв. В2–Г2) диаметром 0,50 м, глубиной 0,15 м (в заполнении 10 фрагментов лепной керамики). Яма 10 зафиксирована на уровне зачистки поверхности материковых ям, но выделялась более темным углистым заполнением, то есть прорезала заполнение ямы 8, тогда как яма 9 была выявлена только при зачистке дна ямы 8 и, по-видимому, одновременна ей. В средней части яма 8 расширяется до 2,8 м, глубина достигает 0,6 м. Эта часть ямы заполнена углем и золой, костями. В кв. Г3 на протяжении 1,6 м расчищен древесный тлен — остатки деревянной плахи шириной 0,1 м, лежавшей параллельно краю ямы, с северо-запада на юго-восток. В восточной части яма вновь сужается, но ширину ее не определить, так как она частично прорезана ямой 14. В восточной оконечности ямы 8 находится столбовая яма **16** (кв. Б4) диаметром 0,53 м и глубиной 0,29 м (в заполнении найдены 15 фрагментов лепной керамики), она симметрична яме 9. В заполнении ямы 8 найден 421 фрагмент лепной керамики (рис. 87; 88) и восемь круговой, в том числе пять

124 Здесь и далее глубина указывается от уровня материка.

с линейным орнаментом. Индивидуальные находки: пряжка (рис. 14, 11), наконечник стрелы черешковый ромбовидный (рис. 20, 1), шило (рис. 23, 8), фрагмент костяной иглы (рис. 26, 4).

Яма 11/1987 (кв. Б–В–2). Овальной формы 0,7 × 0,87 м, глубиной 0,37 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены 11 фрагментов лепной керамики.

Яма 12/1987 (кв. Б1). Двойная столбовая яма диаметром 0,42 и 0,52 м, глубиной 0,23 м. Заполнение — темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 13/1987 (кв. Б2). Округлая столбовая, диаметром 0,62 м, глубиной 0,30 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены 12 фрагментов лепной керамики.

Яма 14/1987 (кв. А2–3, Б3–4). Вытянута с юго-запада на северо-восток перпендикулярно яме 8 и частично прорезает ее восточную часть (такая последовательность выкапывания ям не исключает их одновременного существования). Южная часть ямы уходит за пределы раскопа. Длина ее в этих пределах 4,4 м, ширина от 1,4 до 2,0 м, глубина до 0,4 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены 1305 фрагментов лепной керамики (рис. 89–94) и семь круговой, в том числе пять с линейным орнаментом и один с волной. Индивидуальные находки: кольцо височное, завязанное двумя концами (рис. 14, 1); язычок пряжки (рис. 14, 13); фрагмент тигля (рис. 32, 2); фрагмент янтарной подвески (рис. 15, 4); бронзовая подвеска с двумя лапчатыми привесками (рис. 14, 18); ручка льячки орнаментированная (рис. 32, 1); просверленный медвежий зуб (рис. 33, 3); ручки двух копоушек (рис. 25, 1, 4); костяные проколки (рис. 27, 17, 19) и заготовка (рис. 28, 15); оселок (рис. 29, 12); пряслице глиняное (рис. 31, 6). Наибольшая концентрация находок в южной части ямы (кв. А3), перекрытой развалом камней и обожженной глины. Развал — по-видимому, остатки полностью разрушенной печи, находившейся в кв. А4, и сползший или сброшенный в не полностью заплывшую яму. С развалом печи, вероятно, связано скопление крупных фрагментов лепной керамики в кв. А5, пл. 2 (рис. 95). Яма 14 в южной ее части — по существу, закрытый комплекс. Попадание в северную часть ямы венчика кругового сосуда указывает на нарушение верхней части заполнения, однако это единственный фрагмент, хронологически выпадающий из комплекса. С ямами 8 и 14, по-видимому, связано скопление находок в юго-западной части раскопа, над ними и между ними.

Яма 15/1987 (кв. Б4). Округлая столбовая, диаметром 0,30 м, глубиной 0,07 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 17/1987 (кв. В4). Округлая столбовая, диаметром 0,5 м, глубиной 0,4 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 18/1987 (кв. Б5). Округлая столбовая, диаметром 0,52 м, глубиной 0,30 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 19/1987 (кв. В4). Подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,2 × 1,2 м, глубиной 0,3 м. Заполнение — темно-серый гумус. Найден 171 фрагмент лепной керамики (рис. 95) и обломки костей. Индивидуальные находки: фрагмент бирюшки зеленого стекла (рис. 15, 21), черенок ножа и кремневый скребок (рис. 29, 1).

Яма 20/1987 (кв. В5). Округлая столбовая, диаметром 0,37 м, глубиной 0,30 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 21/1987 (кв. В5–6, Г5–6). Подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,8 × 1,3 м, глубиной 0,28 м. В северном углу — останец материка, образующий ступеньку. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены 31 фрагмент лепной керамики и обломки костей.

Яма 22/1987 (кв. Д4, Е4–5). Удлиненной формы, вытянута с юго-запада на северо-восток, северная часть уходит за пределы раскопа. Длина в пределах раскопа 4,6 м,

ширина 1,2–1,4 м, глубина до 0,3 м. В северной части ямы на дне — развал мелких пережженных камней. Заполнение — темно-серый гумус. Найдены 50 фрагментов лепной керамики и два круговой. Индивидуальные находки: две двухчастные бусины желтого стекла (рис. 15, 10, 11). Яма 22 параллельна яме 14.

К южной оконечности примыкает округлая яма размерами 0,8 × 0,6 м, глубиной 0,3 м. К востоку и югу расположена группа из семи столбовых ям (23–26, 28–30). При зачистке после снятия 2-го пласта фиксировалось единое пятно темного гумуса с включениями золы и угля, перекрывавшее яму 22 и все прилегавшие к ней столбовые ямы.

Яма 23/1987 (кв. Г4). Округлая столбовая, диаметром 0,35 м, глубиной 0,25 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 24/1987 (кв. Г4). Округлая столбовая, диаметром 0,4 м, глубиной 0,2 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 25/1987 (кв. Г5). Округлая столбовая, диаметром 0,45 м, глубиной 0,20 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 26/1987 (кв. Г5). Округлая столбовая, диаметром 0,34 м, глубиной 0,22 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 27/1987 (кв. Д4–5). Округлая столбовая, диаметром 0,33 м, глубиной 0,15 м. Впущена в восточный край ямы 22.

Яма 28/1987 (кв. Д5). Округлая столбовая, диаметром 0,37 м, глубиной 0,15 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 29/1987 (кв. Д5). Округлая, диаметром 0,45 м, глубиной 0,55 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены пять фрагментов лепной керамики.

Яма 30/1987 (кв. Д5). Округлая столбовая, диаметром 0,35 м, глубиной 0,17 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены восемь фрагментов лепной керамики и два круговой с линейным орнаментом.

Яма 31/1987 (кв. Г6–7, Д6–7). Овальной формы, размерами 3,20 × 2,70 м, глубиной до 0,40 м, с двумя столбовыми ямками в южной части диаметром 0,24 и 0,35 м. В верхней части заполнения на протяжении 1,2 м расчищен обгоревший древесный тлен от плахи, лежавшей по направлению с юго-запада на юго-восток. В углистом заполнении найдены 162 фрагмента лепной (рис. 96; 97) и 15 раннекруговой керамики (рис. 122, 2, 3). Здесь же найдена железная игла (рис. 23, 3).

Яма 32/1987 (кв. Б7, В6–7). Овальной формы 2,0 × 1,1 м, глубиной 0,5 м с почти вертикальными стенками. Вытянута с северо-запада на юго-восток параллельно расположенным рядом ямам 33 и 38. Заполнение: темно-серый гумус. Найдены 22 фрагмента лепной керамики и обломки костей, два фрагмента бронзовой трехгранной проволоки (рис. 14, 30).

Яма 33/1987 (кв. В7–8). Овальной формы 2,2 × 1,4 м, глубиной 0,5 м. В средней части заполнения на глубине 0,2–0,3 м — развал обожженных камней. Найден фрагмент костяной проколки (рис. 26, 12).

Яма 34/1987 (кв. А8). Округлая столбовая, диаметром 0,3 м, глубиной 0,3 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 35/1987 (кв. А8–Б8). Округлая столбовая, диаметром 0,42 м, глубиной 0,37 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 36/1987 (кв. Б9). Округлая столбовая, диаметром 0,25 м, глубиной 0,40 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 37/1987 (кв. В10). Округлая столбовая, диаметром 0,35 м, глубиной 0,30 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 38/1987 (кв. В8–9, Г8–9). Овальной формы, размерами 1,90 × 1,40 м, глубиной 0,35 м. Ориентирована параллельно ямам 32 и 33. В юго-западной части — две

столбовые ямы диаметром 0,30 и 0,38 м, глубиной 0,3 м. Заполнение: темно-серый гумус, в нем найдены 392 фрагмента лепной керамики (рис. 98–101) и 15 круговой, в том числе два с линейным орнаментом и 10 с волной; две костяные проколки (рис. 26, 11; 27, 4), пряслице из розового шифера (рис. 30, 10) и часть каменного пестика (рис. 24, 15).

Яма 39а/1987 (кв. В10, Г10, Д10–13, Е10–12). Аморфной формы, размерами 6,6 × 6,4 м, глубиной 0,4–0,7 м. Заполнение неоднородно по составу: юго-западная часть (кв. В10, Г10) целиком заполнена золой, углем и пережженными камнями. Здесь найдены: монетовидная привеска (рис. 14, 14); железная (рис. 23, 1) и две костяные иглы (рис. 26, 5, 7); костяная проколка (рис. 27, 6); просверленный астрагал МРС (рис. 33, 23).

В остальных частях ямы заполнение — темный аморфный гумус. В наиболее глубокой части (кв. Д12–13) находилась линза красной обожженной глины (более 50 крупных кусков) — развал печи, упавший на дно с востока. На одном из кусков печины сохранился отпечаток ткани (рис. 32, 10). В этой части ямы найдены кольцо височное проволоочное бронзовое с двумя завязанными концами (рис. 14, 2), кусок бронзовой проволоки (рис. 14, 29), нож (рис. 16, 20), фрагмент глиняного пряслица (рис. 31, 2).

В центральной и северо-западной частях ямы найдены железное шило (рис. 23, 11), костяная игла (рис. 26, 5), костяная заготовка рукояти (рис. 26, 14) и «бобышка» (рис. 28, 9).

Всего в заполнении ямы найдены 767 фрагментов лепной (рис. 102–107) и 65 фрагментов раннекруговой (рис. 122, 1, 4) и круговой керамики, около 200 костей.

Яма 39б/1987 (кв. Г8–9, Д8–9, Е8–10). Аморфной формы, размерами 4,6 × 4,0 м, глубиной до 0,5 м. В яму впущены три столбовые ямы: в южной части — овальная 0,45 × 0,38 м, глубиной 0,20 м; в северной части — у восточного края столбовая **яма 43** (диаметром 0,56 м, глубиной 0,32 м), и у западного края столбовая **яма 44** (диаметром 0,52 м, глубиной 0,47 м). Заполнение — темный аморфный гумус, в котором найдены 580 фрагментов лепной керамики (рис. 108–112) и 54 фрагмента круговой, в том числе 42 с линейным орнаментом и три с волной, многочисленные обломки костей. Индивидуальные находки: фрагмент бронзового браслета, витого из трех проволок (рис. 14, 25), фрагмент бронзового бубенчика (рис. 14, 20), два ножа (рис. 16, 10; 17, 11), железная игла (рис. 23, 2), шило (рис. 23, 18), железная пластинка (рис. 22, 10), пряслице из розового шифера (рис. 30, 13), две костяные проколки (рис. 27, 8, 11).

Яма 40/1987 (кв. Г12). Округлая столбовая, диаметром 0,3 м, глубиной 0,4 м. Прямкается с юга к яме 39а. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 41/1987 (кв. Е10). Округлая столбовая, диаметром 0,55 м, глубиной 0,55 м. Прямкается с северо-запада к яме 39а. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 42/1987 (кв. Д10). Округлая столбовая, диаметром 0,50 м, глубиной 0,05 м. Заполнение: темно-серый гумус. Находок нет.

Яма 43/1987 (кв. Е10). Округлая столбовая, диаметром 0,56 м, глубиной 0,32 м. В яме 39б.

Яма 44/1987 (кв. Е8–9). Округлая столбовая, диаметром 0,52 м, глубиной 0,47 м. В яме 39б.

Яма 45/1987 (кв. А11–12, Б11–12). Вытянута с юго-запада на северо-восток, уходит за южную границу раскопа. Длина (в пределах раскопа) 4,0 м, ширина 1,2–2,0 м, глубина до 0,3 м. Заполнение — серый гумус. В нем найдены 18 фрагментов лепной керамики.

Яма 46/1987 (кв. Б12). Округлая столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной 0,43 м. Заполнение: темно-серый гумус. Найдено лезвие ножа.

Яма 47/1987 (кв. А13–15, Б13–15). Яма аморфной формы, протяженностью с запада на восток 5,4 м (восточный край уходит за границу раскопа), с юга на север 2,4–3,4 м.

Стенки пологие, максимальная глубина 0,6 м. В заполнении — зола, уголь, большое количество костей и кусков печины. Найдены 1114 фрагментов лепной (рис. 113–116) и 26 фрагментов раннекруговой (рис. 123) керамики. Индивидуальные находки: мозаичная 14-гранная бусина (рис. 15, 26), две продольно-полосатые бусины (рис. 15, 16) (Львова 1968: 85, X — начало XI в.), браслет железный дровотный ромбического сечения загнутоконечный (рис. 21, 1), фрагмент пластинчатого бронзового браслета (рис. 14, 21), замок цилиндрический (рис. 21, 12), два ножа (рис. 17, 16; 22, 15), иглы железные (рис. 23, 5, 6), железный стержень (рис. 20, 14), пряслице керамическое (рис. 31, 11), просверленные астрагалы бобра и свиньи (рис. 33, 11, 17).

Яма 48/1987 (кв. В14–15). Округлая, диаметром 2,40 м, глубиной 0,85 м. Примыкает с севера к яме 47. На дне — развал обожженной глины. В заполнении найдены 24 фрагмента лепной керамики и один фрагмент круговой красноглиняной (булгарской).

Яма 49/1987 (кв. Б15–В15). Округлая, диаметром 2,1 м, глубиной 0,9 м. В заполнении найден 81 фрагмент лепной керамики, куски обожженной глины. В верхней части — бронзовое перстневидное височное кольцо (рис. 14, 4), пряслице из розового шифера и фрагмент такого же пряслица (рис. 30, 7, 19).

Яма 50/1987 (кв. Г14–15). Округлая, диаметром 1,4 м, глубиной 0,7 м. В заполнении найдено большое количество обожженной глины.

Яма 51/1987 (кв. Г15–Д15). Округлая, протяженностью с севера на юг 4,5 м, с запада на восток 1,8 м (выходит за границы раскопа). Максимальная глубина 0,8 м. Северная часть заполнена несколькими слоями обожженной глины, особенно мощными в верхней части. На дне — слой угля 0,01–0,03 м. Найдены 113 фрагментов лепной керамики (рис. 117; 118). Индивидуальные находки: железная игла (рис. 23, 4) и роговая рукоятка с завершением в виде птичьей головы (рис. 13, 5).

Яма 52/1987 (кв. Г15). Округлая столбовая, диаметром 0,3 м, глубиной 0,5 м, на перемычке между ямами 50 и 51. Находок нет.

Яма 53/1987 (кв. Г14). Округлая столбовая, диаметром 0,23 м, глубиной 0,20 м, на перемычке между ямами 48 и 50. Находок нет.

Яма 54/1987 (кв. Б15). Округлая столбовая, диаметром 0,30 м, глубиной 0,25 м, на перемычке между ямами 47, 48 и 49. Находок нет.

Ямы 47–54 входят в состав частично раскрытого комплекса и, по-видимому, образуют подполье крупной постройки, одна из сторон которой была протяженностью не менее 10 м.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Остеологический материал селища Гнездилово 2, 1985, 1986 гг.

(определение В. Н. Данильченко, Институт археологии АН СССР)

Кость	КРС	МРС	Свинья	Лошадь	Собака	Медведь	Лось	Заяц	Бобр	Еж	Куница
Фрагмент черепа	4	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Стержень рога	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Верхняя челюсть	9	2	39	–	–	–	–	–	–	–	–
Нижняя челюсть	13/6	3\3	31	–	–	–	–	–	–	–	–
Зубы	85	13	200	17	1	1	–	1	–	–	–
Позвонки	16	3	4	2	–	–	–	–	–	–	–
Ребра	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Лопатка	5	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Таз	3	–	6	–	–	1	1	–	–	–	–
Плечевая	3/6	–	9	–	–	–	–	–	2/2	–	–
Лучевая	8	–	6	2	–	–	–	–	–	–	–
Локтевая	3	1	1	–	1	–	–	–	–	–	1
Бедренная	1	1	3	1	–	–	–	–	–	1	–
Берцовая	5	–	7	3	–	–	–	–	–	–	–
Таранная	2	1	3	1	1	–	–	–	–	–	–
Пяточная	4	1	2\2	1	–	–	–	–	–	–	–
Суставная	19	3	5	5	–	–	–	–	–	–	–
Пястья	12	1	15	5	–	–	–	–	–	–	–
Плюсна	9	–		1	–	–	–	–	–	–	–
Метаподии	4	–		2	–	–	–	–	–	–	–
1-а фаланга	10	–	10	9	–	–	–	–	–	–	–
2-а фаланга	2	–	9	4	–	–	1	–	–	–	–
3-а фаланга	2	1	5	–	–	–	–	–	–	–	–

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Лепная керамика Суздаля и его округи

В приложении публикуются данные о находках лепной керамики на территории Суздаля и на поселениях и в могильниках его ближайшей округи. В основном это материалы исследований, проведенных Владимиро-Суздальской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством М. В. Седовой в 1974–1991 гг. Привлечены также некоторые керамические коллекции конца 1920-х — 1950-х гг. из фондов Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Ссылки на материалы исследований Суздальской экспедиции Института археологии РАН, работающей в Суздальском ополье с 2001 г., даются исключительно по публикациям.

Суздаль

Лепная керамика встречалась во всех раскопах, разбитых в северной части кремля Суздаля¹²⁵. Всего учтено 239 венчиков лепных сосудов из 21 раскопа 1936, 1958, 1978–1989 гг., еще два венчика были найдены в окольном городе в раскопах 1975–1976 гг. (табл. 7). В южной части кремля лепная керамика не встречена.

Лепная керамика изготовлена из теста, содержащего крупные и средние зерна дресвы. Поверхность грубая, бугристая, дресва выступает, как правило, на ней, но иногда внешняя поверхность бывает заглажена. Целые формы редки, поэтому в основу классификации положена форма венчика, иногда для реконструкции использовались аналогии. Набор форм значительно отличается от гнездиловского, поэтому для суздальского материала предложена собственная типология. Среди суздальской лепной керамики можно выделить восемь основных типов.

Тип I. Баночные сосуды удлиненных пропорций.

Вариант I-A — толстостенные (около 1 см) крупные банки (рис. 143, 1). Имеют аналогии в материалах памятников Северо-Западной Руси и Юго-Восточной Эстонии, в небольшом количестве известны на Северо-Востоке. Характерны для псковских длинных курганов (Седов 1974б: 26 (тип I), табл. 19, 2–6, 22, 10–11; 2007: 30, рис. 7, 3, 4; Хвощинская 2004: табл. III, 5; X, 13; XLIV, 7; XLVIII, Б; Лопатин 2003; Лопатин, Попов 2016: рис. 6; 7) и поселений этой культуры (Носов 1981: 68, рис. 3, 5; Носов, Плохов 2016, рис. 19–23). Встречены на городищах Рыуге (Шмидельхельм 1959: 163, табл. II, 2) и Камно (Белецкий 1977: рис. 1, 1; 2, 1), в Изборске (Седов 1978: 66, рис. 2, А; 2007: рис. 62, 8–10; Лопатин 2009), нижних слоях Псковского городища (Белецкий 1981: 55, рис. 17, 1а; 1983: 52, рис. 4, 1–4, 7, 10), в смоленских длинных курганах (Енуков 1990: рис. 31, 1), в Гнёздове (Каменецкая 2019: 30, рис. 14, 3 — форма Г). На Северо-

125 Предварительная публикация (Лапшин 1991б) значительно переработана.

Востоке — в Тимерёве, на поселении (Седых 1982а: 193, рис. 49, 1–3) и в курганах, где отнесены к редким формам (Смирнова 1987: 98, рис. 5, 4). В Гнездилово 2 соответствует типу 4–1 (рис. 41).

Вариант I-Б — сосуды тонкостенные (3–6 мм), банковидные с прямым или чуть отогнутым венчиком, хорошо заглаженной поверхностью, часто орнаментированные по закраине насечками (рис. 143, 2; 153, 1–3; 155, 1, 2). В Гнездилово 2 соответствует типу 4-2 (рис. 42).

Тип II. Сосуды баночной формы, без выраженного венчика и плечика.

Вариант II-А — сосуды чашевидные (рис. 143, 3). Эта архаичная форма широко распространена во многих культурах Северной Европы. На Северо-Востоке встречается на памятниках I тыс. н. э.: дьяковской культуры (Розенфельдт 1971: рис. 1, 2, 3; 1974: рис. 24, 4, 5 — тип 3), на Попадьинском селище VI–VII вв. под Ярославлем (Горюнова 1961: 85, рис. 32, 2), Дурасовском городище IX в. в Костромской области (Там же: рис. 52, 3), на мерянских селищах VIII–X вв. в районе озер Неро и Плещеево (Леонтьев 1996: 55, рис. 16; 17–19) и на Сарском городище (Леонтьев 1996: 88, рис. 183, 13). В древнерусское время сосуды этой формы встречены: на Северо-Западе — в Старой Ладогe (Сениченкова 2022: 402, тип Ф_м II); на Северо-Востоке — на Тимерёвском селище (Седых 1982а: рис. 49, 16, 17 — тип 9) и в Тимерёвском могильнике (Смирнова 1987: рис. 2, 1–5 — тип VII). В Гнездилово 2 соответствует типу 7 (рис. 47, 1, 2).

Вариант II-Б — сосуды с цилиндрическим туловом (рис. 143, 4), характерны в целом для финских памятников и древнерусских памятников Северной Руси, в материалах которых чувствуется присутствие финского субстрата. Встречаются и на памятниках в округе Суздаля: в Васильково, Веси, курганном могильнике Новосёлки. В Гнездилово 2 аналогий нет.

Тип III. Сосуды с раздутым туловом, вертикальным или наклоненным внутрь венчиком (рис. 144, 1, 2). Аналогии находим в Восточном Прионежье и Юго-Западном Белозерье. Н. А. Макаров выделяет данную форму как западно-финский тип (Макаров 1989: 84 (тип II), рис. 1, 19). Территориально более близкие аналогии — в коллекциях Сарского городища (Эдинг 1928: 47, рис. 10, А, Б) и Тимерёвского курганного могильника (Смирнова 1987: рис. 2, 17). В Гнездилово 2 аналогий нет.

Тип IV. Горшкообразные сосуды с раздутым туловом, выпуклым плечиком и отогнутым наружу венчиком (рис. 144, 3). Форма и орнаментация (штамп) характерны для Белоозера (Макаров 1989: 88 (тип VII), рис. 3, 17-2). В Гнездилово 2 аналогий нет.

Тип V. Горшки с отогнутым прямым венчиком и заглаженной поверхностью (рис. 144, 4, 5) от типа 5 Гнездилово 2 (рис. 43) отличаются более коротким венчиком с плавным переходом к плечу без уступа.

Тип VI. Горшки с небольшим вертикальным или слегка отогнутым венчиком (край его срезан, часто с насечкой по закраине), с выпуклым туловом (рис. 145, 1–3). Профиль соответствует части венчиков, отнесенных в материалах Гнездилово 2 к типу 1-5 (рис. 38, 4, 5).

Тип VII. Горшки с сильно отогнутым прямым высоким венчиком. Характерен орнамент по закраине — насечка или штамп, поверхность заглажена (рис. 145, 4). Соответствует типу 1-5 Гнездилово 2 (рис. 38). Аналогия — лепная керамика нижнего слоя Ростова второй половины X в. Авторы рассматривают ее как древнерусскую по происхождению (Леонтьев, Самойлович 1991: 56, рис. 1, 3–5), хотя генезис неясен. Возможно, наличие такой керамики свидетельствует о прямых связях населения Ростова и Суздаля.

Тип VIII. Горшки с эсвидным венчиком.

Таблица 7. Распределение типов лепной керамики в датированных комплексах Суздаля

№	Датированные комплексы	Дата	Вариант лепной керамики													Всего
			IA	IB	IIA	IB	III	IV	V	VI	VII	VIIIA	VIIIB	IX	Редкие	
Северо-западная часть Суздальского кремля																
1	1982–1987, рвы Детинца	X в.	–	–	–	1	3	–	1	–	1	–	–	–	–	6
2	1985, р. Д-IV, пл. 11, постр.	Начало XI в.	1	3	1	1	–	–	–	5	–	3	6	1	2	23
3	1988, траншея у Никольской церкви	X в.	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	2	1	–	6
4	1958, слой под валом	XI в	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	3
	Вне комплексов	–	1	6	1	1	1	4	3	12	21	24		3	3	80
Северо-восточная часть Суздальского кремля																
5	1982, р. Кр-X, постр. 12	XI в.	–	1	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	4
6	1984, р. Кр-XI, яма 22	XI в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	3
7	1989, р. Кр-XVI, яма 15	Конец XI в.	–	–	–	–	1	–	–	–	–	9	4	–	–	–
8	1979, р. Кр-VII, постр. 1	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	2	–	4	6	3	–	1	16
9	1978, р. Кр-VI, постр. 3	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	1	–	–	4
10	1978, р. Кр-VI, печь 4	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
11	1978, р. Кр-VI, под валом	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
12	1979, р. Кр-VII, яма 36	Конец XI в	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
13	1982, р. Кр-IX, под валом	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	–	1	–	4	–	–	–	5
14	1987, р. Кр-XIV, яма 1	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	1	3
15	1987, р. Кр-XIV, яма 3	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
16	1987, р. Кр-XIV, яма 18	Конец XI в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	2
17	1989, р. Кр-XVI, яма 45	Начало XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	2
18	1989, р. Кр-XVI, яма 46	Начало XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
19	1981, р. Кр-IX, постр. 1	Начало XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	2
20	1936–1937, землянка 1	Начало XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	–	–	3
	Вне комплексов				1		3	1	4	4		33	4	2	4	56

Таблица 7, окончание

№	Датированные комплексы	Дата	Вариант лепной керамики													Всего
			IA	IB	IIA	IB	III	IV	V	VI	VII	VIIIA	VIIIB	IX	Редкие	
Окольный город																
21	1975, р. II, яма 22	Начало XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
22	1976, р. III, печь 4	Начало XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Всего			2	11	3	3	8	5	14	23	29	96	24	8	13	239

Вариант VIII-A (рис. 146) соответствует горшкам типа 1 Гнездилово 2: **варианта 1-1** (рис. 34) с венчиком коротким прямым или слегка отогнутым и **варианта 1-2** (рис. 35), характерны для памятников Северо-Запада IX–X вв. и соответствуют группе 1, вариантам 1–3, по И. И. Еремееву (Еремеев, Дзюба 2010: 219). По предположению И. И. Еремеева эта керамическая традиция формируется в VIII–IX вв. на памятниках Днепровского Левобережья, на территории современной Северной Беларуси (Еремеев и др. 2007б: 118; Еремеев 2015: 66). В IX–X вв. это наиболее представительная группа керамических форм в таких городских и протогородских центрах, как Лукомль (Еремеев и др. 2007б), Витебск (Там же), Камно (Белецкий 1977: 93, рис. 1, 3, 4), Изборск (Седов 1978: 64, рис. 1, А, В; 2007: 78–80, рис. 58; 61; Белецкий 1996: 24, рис. 2; Лопатин 2007: 219, рис. 1, 1–3), Псков (Белецкий 1983: 52, рис. 6), Городок на Ловати (Горюнова 2016: 27, рис. 11, 4–8), Рюриково городище (Плохов 2005: табл. 54, 2; 55, 1–3; 56, 1–3), Новгород (Смирнова 1976: 6, рис. 3, V, А, Б; Плохов 2009: 418, рис. 1, 1, 3, 4), Гнёздово (Каменецкая 2019: 26, 27, рис. 12 — форма А, типы I–III). В Северо-Восточной Руси керамика типа 1 встречается в Тимерёвском курганном могильнике (Смирнова 1987: 98, рис. 5, 13–16) и на Тимерёвском поселении (Седых 1982а: 193, рис. 49, 4, 5; 1982б: 116, рис. 1, 4), где отнесена к редким для данного памятника формам, характерным для Северо-Запада. На Гнездиловском поселении лепная керамика типа 1 (варианты 1, 2) составляет более половины (53 %) определимых венчиков.

Вариант VIII-B — горшки — отличается от сосудов варианта VIII-A небольшими размерами, близкими к баночным слабопрофилированным формам (рис. 147). Являются обычной находкой в курганных могильниках Северной Руси (Седов 1978: 63–67 (тип I), рис. 1А).

Тип IX. Миски. Немногочисленные экземпляры (рис. 148) не находят точных аналогий в керамической коллекции Гнездилово 2. Характерны для керамики поволжско-финских могильников.

Рассмотрим хронологическое и территориальное распространение лепной керамики в культурном слое Суздаля. 98 лепных венчиков (или 42 % от их общего числа) найдены в датированных комплексах, остальные — в нарушенных, недостоверных комплексах или вне их (табл. 7). Наиболее ранние комплексы с лепной керамикой находятся в северо-западной части кремля.

1. Система рвов в северо-западной части Суздальского кремля. Прослежена к северу от Рождественского собора в двух группах раскопов: Детинец-I, II (1980–1983) и Детинец-III–V (1984–1987). По-видимому, это часть древнейших укреплений мысового городища в северо-западной части Суздальского кремля, датированная временем не позднее X в. (Седова 1997: 47–50). Валы не сохранились. В середине XX в. при планировке территории все средневековые культурные отложения в этой части

Суздальского кремля были уничтожены. М. В. Седова интерпретировала находку как систему из одного вала и трех рядом расположенных и одновременных рвов (Седова 1997: 48). В последнее время В. Ю. Коваль высказал мнение, что в данном случае имели место не три, а четыре рва, последовательно сменявшие друг друга, каждый глубже предыдущего (Коваль 2023). Рвы были засыпаны чистой глиной (по-видимому, телом вала), только в верхней части заполнения попадалась лепная и круговая керамика, связанная с последующей жизнедеятельностью. Поэтому важна находка фрагментов четырех лепных сосудов, обнаруженных по склону и дну «среднего», по М. В. Седовой, или «второго», по В. Ю. Ковалю (считая от мыса городища), рва в северном раскопе 1987 г. Детинец-V (рис. 141). Сосуды относятся к типам II-Б, III и V (рис. 149; 150, 1). В южном раскопе 1982 г. Детинец-I найдены профили типов III и VI (?) (рис. 150, 2, 3). В целом керамика данных типов характерна для финских памятников и древнерусских памятников Северной Руси, в материалах которых чувствуется присутствие финского субстрата. В Гнездилово 2 точных аналогий нет.

2. Постройка в раскопе Детинец-IV (1985 г.); пл. 11–12, кв. 25–29, 31, 32, 34, 35. Постройка (пятно глины, оконтуренное древесным тленом и развалами камней) находится в верхней части заполнения «Большого» (внешнего) рва. По-видимому, была поставлена непосредственно после его засыпки, впоследствии линза культурного слоя просела в ров и поэтому сохранилась при земляных работах во время насыпки Мономахова вала на рубеже XI–XII вв. Комплекс постройки датируется началом — первой третью XI в. (датирующие находки — бусы: золотостеклянной бочонковидной, лимонной двойной с красными полосками, зонной полосатой синей с белым, бисеринкой рубленой голубой). Здесь же найден профиль кругового сосуда типа V, который датируется в Суздале XI — серединой XII в. (рис. 154, 1). Лепная и круговая керамика составляют соответственно 64 и 36 %. Учтены венчики 23 лепных сосудов, в том числе две формы реконструируются целиком. Обращает на себя внимание изменение состава форм лепной керамики по сравнению с найденной во рвах Детинца. В постройке представлены типы I-A и I-B (рис. 151), VII (рис. 152) и VIII-Б (рис. 153). Мискообразный горшок (рис. 154, 2) близок типу 6-1 Гнездилово 2.

3. Траншея у Никольской деревянной церкви (1988 г.). Угольная прослойка на материке имеет две радиоуглеродные даты (табл. 8). В угле найдены пять лепных и два раннекруговых венчика. Раннекруговые сосуды относятся к типу I-A по суздальской шкале (рис. 155, 6, 7), лепные — к типам V (рис. 155, 1, 2, 5) и VIII-Б (рис. 155, 3, 4). Датировка комплекса: не позднее конца X в.

Таблица 8. Суздаль. Результаты радиоуглеродного датирования угольной прослойки в траншее у Никольской церкви

Номер образца	Объект датирования	Возраст по ^{14}C	Калиброванная дата по программе Groningen 1.20 (1995), 16, cal AD
ЛЕ-4448	Суздаль. Кремль. 1988.	970±45	993...1174 (95,4)
ЛЕ-4449	Траншея у Никольской церкви. Угольная прослойка на материке	930±100	896...925 (2,4) 950...1277 (93,1)

4. Раскоп «Северный тир» (1958 г.), прорезка вала. В слое под валом найдены три лепных венчика типов V и VIII-Б (рис. 158, 1–3), три лепных дна и три стенки круговых сосудов с линейным орнаментом. Датируется слой первой половиной — серединой XI в., перекрыт насыпью вала рубежа XI–XII вв. Датирующие находки: бусы рельефная

глазчатая и двойная лимонная продольно-полосатая. В раскопе 1 1936 г. и раскопе «Северный тир» 1958 г. предматериковый слой содержал лепную и круговую домонгольскую керамику, однако закрытых комплексов выявлено не было. Эта лепная керамика включена в таблицу 7 в строку «Вне комплексов».

5–22. Раскопы «Кремль» и Окольный город. В северо-восточной части Суздальского кремля в раскопах «Кремль» отобраны 16 датированных комплексов. Комплексы 5 и 6 датируются в целом XI в. Комплексы 7–16 содержат находки XI в., разрушены пожаром 1096 г. и перекрыты Мономаховым валом на рубеже XI–XII вв. Среди круговой керамики в них найдены венчики типа VIII-A — наиболее распространенного в XII–XIII вв. общерусского типа. Это позволяет датировать данные комплексы концом XI в. Лепная керамика представлена в них уже единичными фрагментами (рис. 156–159), круговая — господствует. В комплексах 17–20 начала XII в. из северо-восточной части кремля и 21 и 22 начала XII в. из Окольного города также встречены только единичные фрагменты лепной керамики.

Анализ распределения типов лепной керамики по комплексам показывает, что в X в. преобладают финские формы посуды (типы I-A, I-B, II-A, II-B, III, IV, V); в начале XI в. к ним прибавляются формы, характерные для древнерусских памятников Северной Руси (типы VIII-A, VIII-B). Во второй половине XI в. славянские типы господствуют. Интересно присутствие только в начале XI в. типа VII, характерного для Ростова. Наконец, показательно «вырождение» многообразия форм лепной керамики и сведение его к одному типу VIII, A и B, в начале XII в., когда гончарный круг вытесняет лепную посуду окончательно.

Распространение переотложенной лепной керамики также позволяет сделать некоторые наблюдения топографического характера, даже в случае, когда непотревоженные слои не сохранились. Концентрация керамики финских форм в северо-западной части кремля свидетельствует о том, что именно здесь находилось древнейшее поселение. Большой удельный вес славянских форм в строке «Вне комплексов» таблицы 7, нежели в датированных комплексах, говорит о том, что эта часть кремля была заселена на протяжении всего XI в., хотя соответствующие слои и не сохранились. Состав керамики «вне комплексов» северо-восточной части кремля заставляет думать, что ранее второй половины XI в. эта территория вряд ли была заселена.

Селище Мжара

Селище расположено на территории городского некрополя XI–XII вв. Суздаля (на Михайловской стороне, при устье р. Мжары на юго-восточной окраине Суздаля, на правом берегу р. Каменки (правый приток Нерли Клязьминской), на правом берегу Мжары (рис. 160).

В северо-восточной части могильника под насыпями курганов сохранился культурный слой толщиной 0,15–0,20 м, в котором обнаружены очаги в виде скопления обгоревших камней с углями и золой, куски железного шлака, фрагменты лепной керамики. Первые курганные насыпи датируются рубежом X–XI — началом XI в., что определяет верхнюю хронологическую границу существования селища (Сабурова, Седова 1984: 127).

Нами учтены экземпляры лепных сосудов, найденных под насыпями курганов 67, 68 и 81. Они относятся к типам 4-1 (рис. 161; 162) и 1-2 (рис. 163; 164) по типологии

Гнездилово 2. Эти формы характерны для памятников Северо-Западной Руси IX–X вв., продолжающих традицию псковских длинных курганов. Наиболее выразительна целая форма (рис. 161). В Северо-Восточной Руси такие сосуды встречены на Тимерёвском поселении (Седых 1982а: 193, рис. 49, 1–3), в Тимерёвском и Михайловском курганных могильниках, где отнесены к редким формам (Мальм 1963а: рис. 25, 2; Смирнова 1987: 98, рис. 5, 13). В наиболее близком по времени и территории могильнике Шокшово под Суздалем второй половины X — начала XI в. (Угулава 2023: 58, рис. 28, 28) эта форма встречена также в одном экземпляре.

Новосёлки, селище и курганный могильник

Селище расположено на северо-западной окраине с. Новосёлки, на правом берегу Нерли Клязьминской близ устья Каменки, в 0,2 км к востоку от курганного могильника Глебовский куст. Оно протянулось с северо-запада на юго-восток, его размеры 400 × 100 м. Территория памятника застроена, распахируется под огороды. Обследовал В. П. Глазов в 1968 г. (Глазов 1969). М. А. Сабурова в 1988–1989 гг. раскопала 48 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,5 м. Исследованы остатки постройки с печью-каменкой и подпольной ямой (АКР 1995, 271, № 621; Глазов 1968-А; Сабурова 1988-А; 1989-А).

Курганный могильник Глебовский куст расположен у северо-западной окраины с. Новосёлки (Нерльская Новосёлка), на правом берегу Каменки (правый приток Нерли Клязьминской), в 0,3 км от устья. К концу 1970-х гг. сохранилось 14 насыпей, часть курганов была полностью распахана. М. А. Сабурова в 1980–1989 гг. исследовала все насыпи, а также часть погребений распаханных курганов, труположения в подкурганных могильных ямах X–XII вв. (рис. 165) (АКР 1995, 271, № 622; Сабурова 1981; Сабурова 1980-А; Сабурова, Седова 1981-А; Сабурова и др. 1985-А; Сабурова и др. 1986-А; Сабурова 1987-А; Сабурова 1988-А; Сабурова 1989-А).

В керамической коллекции, полученной при раскопках на селище, господствует круговая древнерусская керамика XI–XIII вв., но встречена и лепная. Преобладают типы 1-1 и 1-2 Гнездилово 2, или VIII-А по суздальской шкале (рис. 166), единичными экземплярами представлены типы 1-5 (рис. 167, 2), 3 (рис. 167, 3), 4-2 (рис. 167, 1) и 6-1 (рис. 167, 4).

В погребениях одновременно функционировавшего курганного могильника встречена только лепная керамика. Все сосуды небольших размеров, что объясняется их функциональным назначением — помещением в погребение. Формы лепной керамики разнообразнее, чем на поселении, и в целом гораздо более архаичны. К типу VIII-Б по суздальской шкале можно отнести только шесть сосудов из 26 (рис. 168, 1–5, 7). Основная часть (рис. 169–171) — баночные формы типа II-Б, по Суздалю, характерные в целом для финских памятников и древнерусских памятников Северной Руси, в материалах которых чувствуется присутствие финского субстрата. Миска типа IX, по Суздалю (рис. 171, 4), формы, характерной для поволжско-финских грунтовых могильников. Некоторые сосуды орнаментированы, что совершенно несвойственно для лепной керамики Гнездилово 2 и Суздаля. Сосудик на поддоне (рис. 169, 8) имеет аналогии в муромских могильниках (Холошин 2021). Ближайшие хронологически и территориально аналогии — в Тимерёвском и Михайловском могильниках под Ярославлем (Мальм 1963а; Смирнова 1987).

Селище Весь 1

Расположено в 0,3 км к северо-западу от западной окраины с. Весь Суздальского района Владимирской области, на правом берегу р. Ирмес (правый приток Нерли Клязьминской) близ устья р. Кестры. Выявил В. П. Глазов в 1968 г. (Глазов 1969). Размер селища 150 × 100 м. Н. Н. Мошениной в 1986, 1987, 1989, 1991 гг. исследовано более 400 кв. м. Культурный слой 0,15–0,25 м, местами до 0,6 м. Изучены остатки наземных построек, развалы печей-каменок, глинобитные печи X–XIII вв. (АКР 1995: 259–260, № 582; Мошенина 1992; Глазов 1968-А; Сабурова и др. 1986-А; Мошенина 1987-А; 1989-А; 1991-А).

Материалы раскопок, за исключением краткой информации (Мошенина 1992), не публиковались. С любезного разрешения Натальи Николаевны Мошениной я использую в данной публикации выборку из полных или почти полных профилей (рис. 172–180). Не претендуя на статистическую достоверность, она дает интересный сравнительный материал.

Группа сосудов типа 1-2 по типологии Гнездилово 2 (рис. 172; 173; 175, 3) характерна для памятников Северо-Запада IX–X вв.

Формы остальных сосудов свойственны в целом для финских памятников и древнерусских памятников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, в материалах которых чувствуется присутствие финского субстрата. В их числе сосуды баночной формы без выраженного венчика и плечика типа II-Б по суздальской шкале (рис. 179); сосуд с коротким прямо расположенным венчиком, с максимально раздутым в третьей четверти туловом и вогнутой придонной частью (рис. 178, 1). Аналогии встречены в поволжско-финских могильниках, в Тимерёвском могильнике (Смирнова 1987: 94, рис. 2, 1, 2). Мискообразные горшки с коротким вертикальным венчиком и выпуклым хорошо выраженным плечиком типа 6-1 по типологии Гнездилово 2 (рис. 180, 1, 2) характерны для поволжско-финских могильников. Тонкостенный чашевидный сосуд с вертикальным венчиком и плавным переходом в плечо, с заглаженной поверхностью (рис. 174, 2), по форме венчика соответствует типу 6-2 Гнездилово 2, но удлинённых пропорций. Аналогии встречены на мерянских селищах и других памятниках Северо-Востока. Миска (рис. 180, 3) относится к числу редких форм, аналогии мне неизвестны.

Селище Васильково

В 1851 г. А. С. Уваров произвел раскопки на городище и в трех курганных группах у с. Васильково (Васильки) (рис. 181, группы А, Б, В). В 1928 г. А. Ф. Дубынин обнаружил в 0,6 км к востоку от городища две небольшие курганные группы (рис. 181, группы Г, Д) и раскопал в каждой из них по три кургана. Раскопки на городище проводили Н. Л. Щелокова в 1974 г. и Т. В. Мухина в 1980 г. (Уваров 1871: 672, 673; Лапшин, Мухина 1988: 132; АКР 1995: 257–259). Вал и ров городища исследовал в 2013–2014 гг. Н. А. Кренке, при этом были выявлены отложения бронзового, раннего железного века и Средневековья (Кренке, Ершов 2016).

В 1968 г. В. П. Глазов зафиксировал культурный слой селища к востоку от городища. В 1977–1978 гг. Т. Ф. Яковлева (Мухина) провела аварийно-спасательные раскопки на поселении, вскрыв 216 кв. м (Лапшин, Мухина 1988: 132). Датированные комплексы материковых ям на селище позволяют сделать вывод о длительном сосуществовании

лепной и круговой керамики — с X по XII в. (Там же: 136). Коллекция лепной керамики из раскопок на селище включает следующие формы по типологии Гнездилово 2: типы 1-2 (рис. 184, 4, 5; 185, 1-4), 4-1 (рис. 183), 4-2 (рис. 184, 1-3), 6-3 (рис. 185, 5). Кроме этого, в фондах ГИМ сохранилось несколько миниатюрных лепных сосудов из раскопок курганов в 1851 г. (рис. 182).

Сунгирьское селище

Сунгирьское селище расположено в 1 км к юго-западу от пос. Боголюбово, в около 1,5 км к юго-востоку от южной окраины с. Сукромна, в около 1,8 км к востоку от северо-восточной окраины Владимира, на левом коренном берегу Клязьмы, к юго-западу от устья ручья Сунгирь, на территории городища XII–XIII вв. (АКР 1995: 256, 257, № 575, 576, рис. 91) и к северо-западу от него. Высота над рекой около 40 м. Размеры не определены. Культурный слой под валом городища достигает мощности 0,7 м (АКР 1995: 257, № 576; Воронин 1959: 76–80; Горюнова 1961: 59–62; Воронин 1954-А).

В 1954 г. Н. Н. Воронин заложил несколько разведочных шурфов на территории городища с целью выяснить характер подстилающего культурного слоя селища. Наиболее интересный материал дал шурф 4-4а: здесь «в неглубокой бесформенной яме естественного происхождения» был найден интересный комплекс находок, включающий саксонский денарий герцога Ордульфа (1056–1071). Лепная керамика численно преобладала над круговой (Воронин 1959: 79). В связи с находкой шумящей подвески Н. Н. Воронин осторожно предполагает «наличие мерянского элемента в составе обитателей поселка» (Там же: 80). Позднее Е. И. Горюнова на основе данного материала уверенно пишет о наличии «значительного мерянского поселения» X–XII вв. (Горюнова 1961: 62). Для нас данный комплекс интересен тем, что свидетельствует о преобладании в обиходе лепной керамики над круговой не ранее второй четверти XI в., а возможно, и гораздо позднее. Венчик кругового сосуда варианта I-Б по суздальской шкале, датируемый XI — первой половиной XII в. (рис. 187, 4), этому заключению не противоречит. Лепная керамика относится к типам 1-1, 1-2 и 3 по типологии Гнездилово 2 (рис. 186; 187, 1, 2), то есть не содержит никакого специфического финно-угорского компонента.

Сунгирьский грунтовый могильник

Могильник расположен к юго-западу от пос. Боголюбово, близ северо-восточной окраины Владимира, на правом коренном берегу Клязьмы, к северу от Сунгирьского городища. Разрушен карьером. В 1972–1974 гг. Н. Н. Мошенина доследовала 33 погребения по обряду трупоположения (преобладают) и трупосожжения в неглубоких могильных ямах подпрямоугольной и овальной формы с инвентарем X–XII вв. (АКР 1995: 308, 309; Леонтьев, Рябинин 1980: 72, 78, рис. 4; Мошенина 1973-А; 1974-А).

По заключению А. Е. Леонтьева и Е. А. Рябининой, «погребения Сунгирского могильника — обычные для мери захоронения в могилах — содержат инвентарь в целом древнерусского облика, сохраняя лишь характерную керамику и ведущие формы украшений» (Леонтьев, Рябинин 1980: 72). До полной публикации памятника сложно однозначно охарактеризовать его материальную культуру, но при ознакомлении с отчетами складывается впечатление, что инвентарь грунтовых погребений ничем не отличается от инвентаря подкурганных погребений владимирских курганов.

Керамика представлена 26 экземплярами лепной керамики, полными формами или фрагментами, достаточными для графической реконструкции (рис. 188–195), и тремя круговыми сосудами (рис. 196). В целом лепная керамика — это небольшие приземистые сосуды. Несколько мискообразных форм близки типу Гнездилово 6-1 (рис. 190, 1; 191, 3). Встречены сосуды типа 3 (рис. 189, 3) и банки типа Суздаль III (рис. 189, 1). Форма фрагментированного крупного сосуда (рис. 195) близка типу Гнездилово 4-1 и находит аналогии в керамике круга псковских длинных курганов. Многие сосуды близки формам муромских могильников: рис. 191, 1 (Холошин 2019: рис. 1, 5); рис. 191, 2 (Там же: рис. 1, 16); рис. 192, 1–3 (Там же: рис. 1, 3; Гришаков и др. 2016, рис. 7, 3; 8, 3); рис. 192, 5, 6 (Там же: рис. 32, 16); рис. 193, 1 (Холошин 2019: рис. 1, 18); рис. 193, 3 (Гришаков и др. 2016: рис. 17, 9; 19, 3); рис. 194, 3 (Холошин 2019: рис. 1, 7; Гришаков и др. 2016: рис. 4, 3; 5, 3; 10, 4; 30, 1). Немногочисленная круговая керамика относится к варианту Суздаль I-Б, датированному XI — первой половиной XII в. (рис. 196, 1), и к типу IX, датированному XII в. (рис. 196, 2, 3).

Население, оставившее Сунгирьский грунтовый могильник, по-видимому, принадлежит к аборигенной группе, прошедшей древнерусскую аккультуризацию, но, судя по лепной керамике, она ближе к муроме, чем к классической мере, населявшей окрестности оз. Неро (ср.: Леонтьев 1996: рис. 16).

Селище Кибол 1

Селище расположено в 0,75 км к востоку–юго-востоку от с. Кибол Суздальского района Владимирской области, на склоне противоположного от него правого берега Каменки (правого притока Нерли Клязьминской). Выявлено В. П. Глазовым в 1968 г. (Глазов 1981), обследовано А. Е. Леонтьевым в 1990 г. Площадь селища около 5 га. Культурный слой, толщиной в среднем до 0,25 м, образует отдельные массивы, разделенные участками без культурных отложений (АКР 1995: 264, 265, № 602, рис. 93; Макаров и др. 2004; Глазов 1980-А: 34–38; Леонтьев 1990-А). Автор в 1989–1991 гг. в прибрежной части раскопал 186 кв. м (Лапшин 2012). Индивидуальные находки позволяют датировать памятник третьей четвертью I тыс. н. э. (рис. 197) (Там же: 98).

Ведущий тип керамики — горшки с высоким венчиком-раструбом, хорошо профилированные, часто тщательно заглаженные, изредка залощенные (рис. 198, 1–8). Характерной особенностью является подчеркнутый уступ или перетяжка при переходе от горла к плечу сосуда (рис. 198, 1–3, 8). Горшки данного типа (тип 5 по типологии Гнездилово 2) составляют 70 % от общего количества керамики. Вторая группа — сковородки (рис. 198, 9–11). Своеобразие керамического комплекса селища в его многочисленности: составляет 29 % от общего количества керамики. Третья группа — чашевидные сосуды, характерные для всей зоны расселения финнов от Скандинавии до Урала, они составляют 1 % от общего количества керамики (рис. 198, 12–14). Вся керамика неорнаментированная.

Якиманское городище

Расположено на северной окраине с. Якиманское Суздальского района Владимирской области, на мысу правого коренного берега Нерли Клязьминской при вхождении в ее долину оврага с протекающим по его дну ручьем. Обследовано В. П. Глазовым

в 1968 г. и А. Е. Леонтьевым в 1990 г. Площадка 60 × 50 м, вытянута с северо-запада на юго-восток, возвышается над рекой на 10–12 м. С напольной стороны вал, первоначально бывший, вероятно, сопковидным, сохранился на высоту до 2,5 м. Перед ним остатки рва. Площадка занята церковью и кладбищем. Культурный слой — темно-серая супесь мощностью по краям площадки до 1,5–2,0 м. В верхних горизонтах найдена лепная гладкостенная керамика второй половины I тыс. н. э. Ниже, под песчанистой прослойкой без находок, обнаружен горизонт с сетчатой лепной керамикой (АКР 1995: 280, 281, № 657, рис. 105; Глазов 1968-А; Леонтьева А–1990).

В фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится коллекция керамики из раскопок 1928 г. (?). Керамика лепная гладкостенная, изредка чернолощенная. Вся она относится к «мощинскому» типу (тип 5 по типологии Гнездилово 2) (рис. 199; 200).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

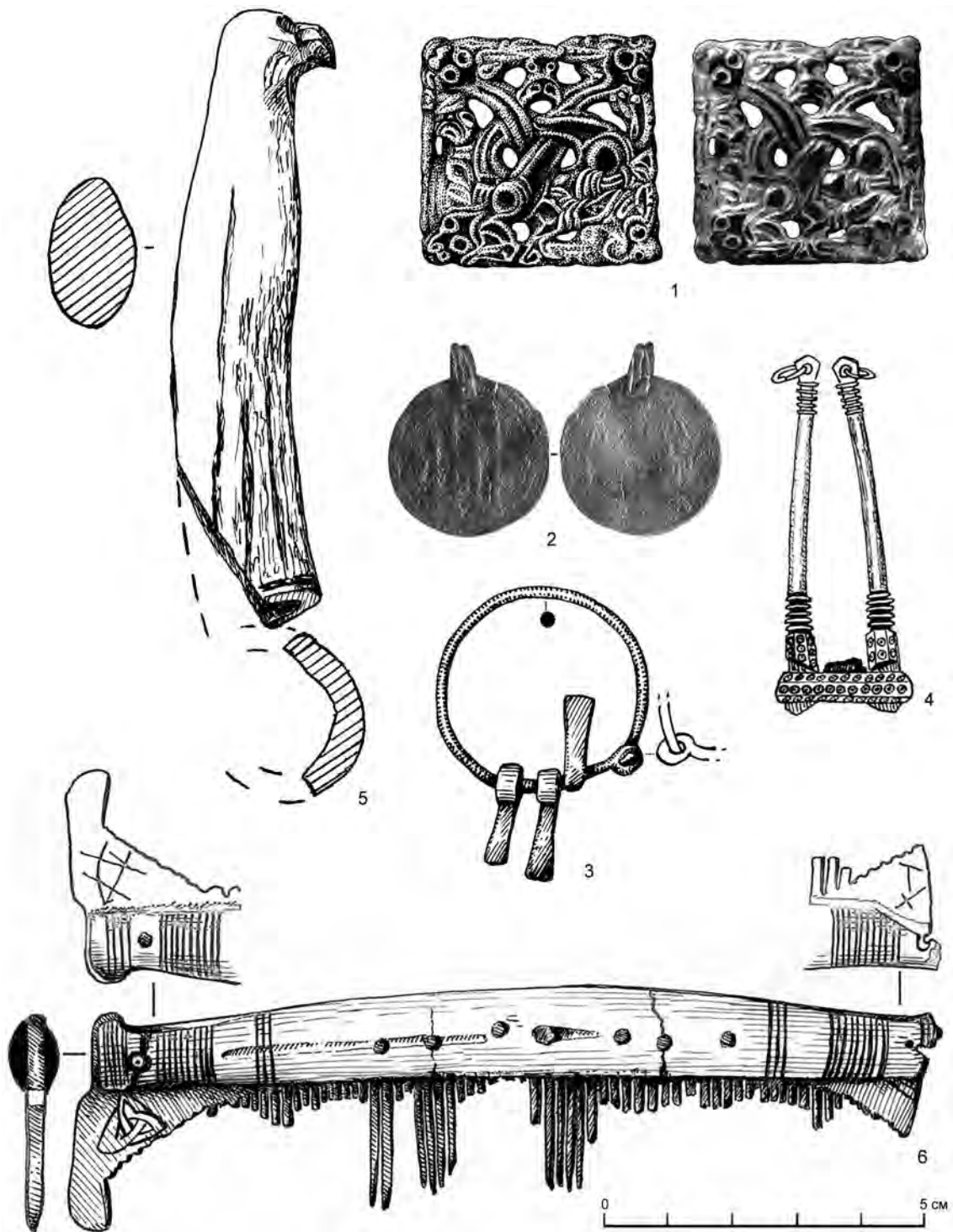

Рис. 13. Изделия из металла и кости: 1 — накладка из золоченой бронзы; 2 — подвеска из дирхама (43/1985, яма 13, кв. Б3); 3 — кольцо с молоточками Тора (42/1987, пл. 2, кв. Б2); 4 — коромысла весов (36/1986, пл. 1, кв. Е8); 5 — напершие (143/1987, яма 51, кв. Г15); 6 — гребень (36/1986, пл. 1, кв. Е8). 1, 4 — цветной металл; 2 — серебро; 3 — железо; 5, 6 — кость

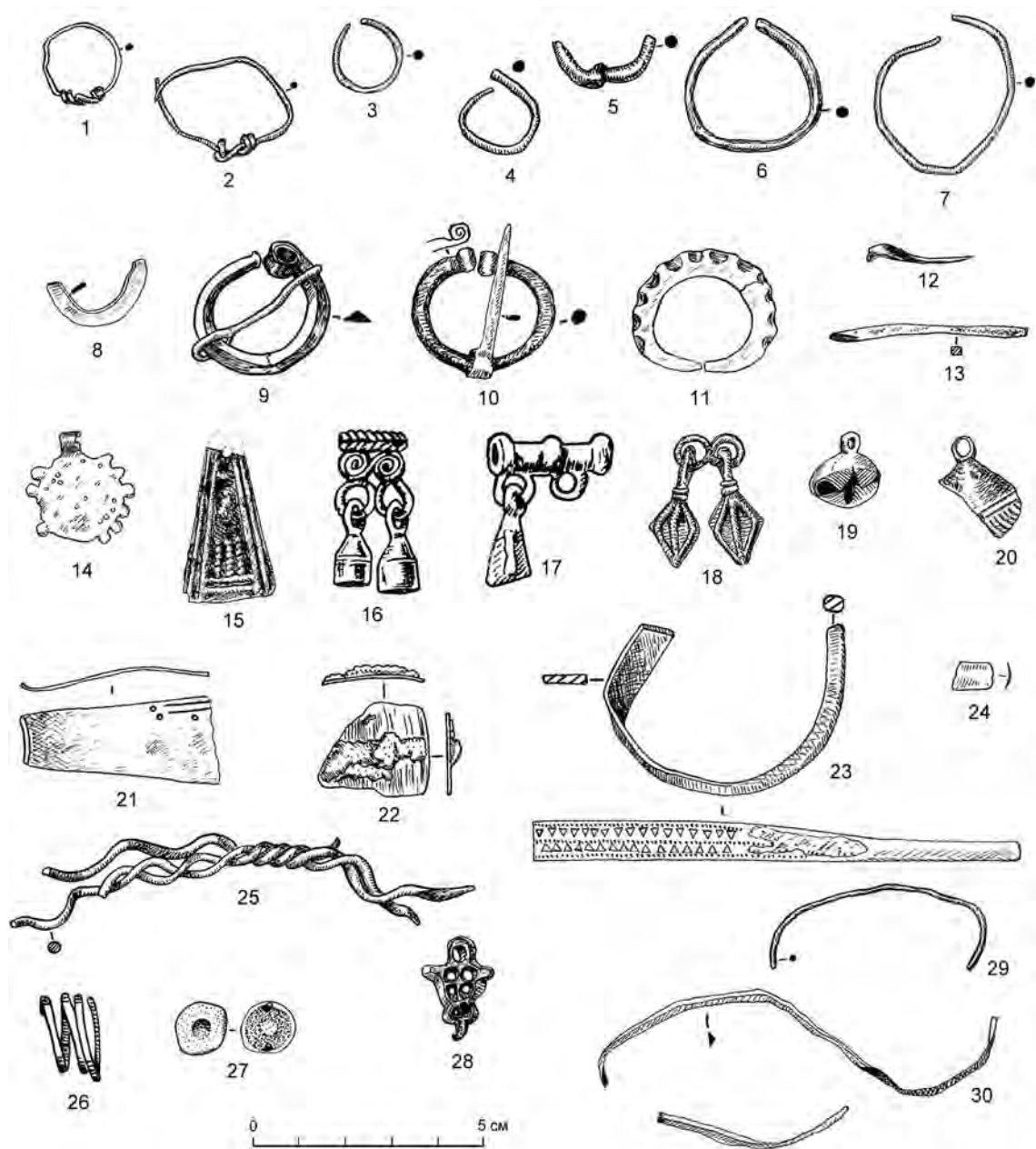

Рис. 14. Изделия из цветных металлов: 1–8 — височные кольца и их фрагменты (1 — 76/1987, яма 14, кв. А3; 2 — 109/1987, яма 39а, кв. Д12; 3 — 84/1986, яма 25, кв. Д10; 4 — 139/1987, яма 49 кв. Б15; 5 — 30/1985, пл. 1, кв. В3; 6 — 35/1985, яма 13, кв. В2; 7 — 53/1986, пл. 2, кв. Е10; 8 — 46/1986, пл. 1, кв. 316); 9, 10 — подковобразные фибулы (9 — 32/1982, яма 12а, кв. Г5; 10 — 54/1987, пл. 2, кв. В5); 11 — пряжка (68/1987, яма 8, кв. В3); 12 — язычок пряжки (40/1982, яма 126/Е4); 13 — игла от пряжки (?) четырехгранная (81/1987, яма 14, кв. А3); 14 — подвеска (101/1987, яма 39а, кв. Г10); 15 — трапециевидная подвеска (46/1982, яма 126/Е4); 16–18 — шумящие подвески (16 — 1980 г., подъем. мат.; 17 — 26/1982, яма 12а, кв. Г5; 18 — 82/1987, яма 14, кв. А3); 19, 20 — бубенчики (19 — 16/1986, пл. 1, кв. В1; 20 — 120/1987, яма 396/Е9); 21–23, 25 — фрагменты браслетов (21 — 133/1987, яма 47, кв. А14; 22 — 10/1985, пл. 1, кв. А1; 23 — 40/1985, яма 13, кв. В2; 25 — 122/1987, яма 396, кв. Е9); 24 — пластинка (125/1985, яма 47, кв. Б13); 26 — перстень спиральный (14/1984, пл. 2, кв. Б4); 27, 28 — поясные накладки (27 — 54/1986, яма 25, кв. Д11; 28 — 24/1986, пл. 1, кв. Д8); 29 — проволока (111/1987, яма 39а, кв. Д13); 30 — фрагменты проволоки трехгранной (93/1987, яма 32, кв. В7). 1–13, 15–30 — цветной металл; 14 — свинцово-оловянистый сплав

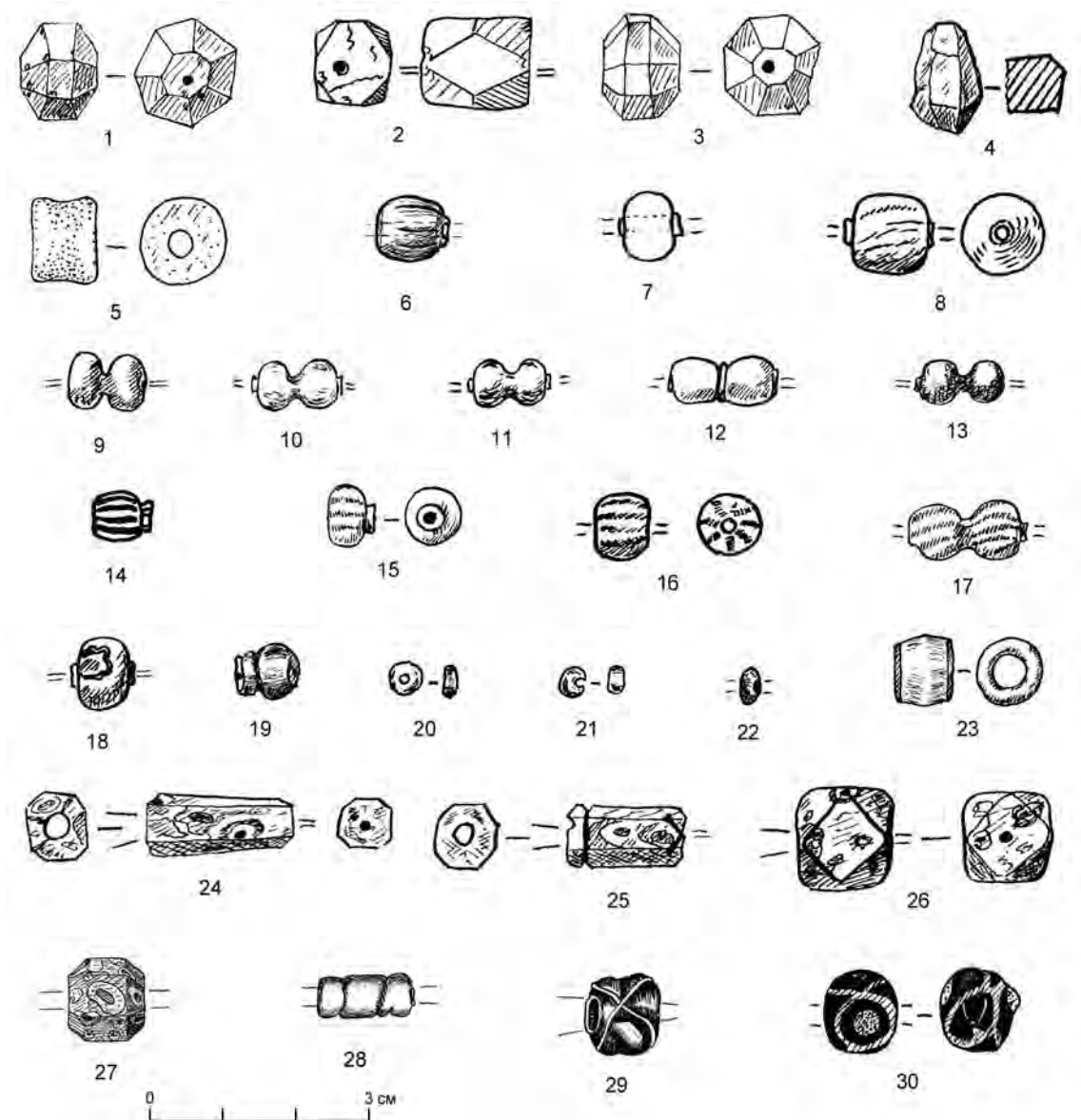

Рис. 15. Бусы: 1 — 39/1986, пл. 1, кв. Е9; 2 — 3/1985, пл. 1, кв. Г8; 3 — 72/1986, яма 25, кв. Д10; 4 — 79/1987, яма 14, кв. А3; 5 — 65/1986, яма 25, кв. Е10; 6 — 31/1982, яма 12а, кв. Д5; 7 — 8/1984, пл. 1, кв. Г1; 8 — 36/1987, пл. 2, кв. А15; 9 — 36/1985, пл. 2, кв. А4; 10 — 90/1987, яма 22, кв. Д4; 11 — 91/1987, яма 22, кв. Д4; 12 — 52/1986, пл. ?, кв. Е10; 13 — 19/1985, пл. 1, кв. Б5; 14 — 23/1984, подъем. мат.; 15 — 82/1986, яма 25, кв. Г10; 16 — 47/1987, яма 47, кв. Б14; 17 — 55/1986, пл. 2, кв. Е11; 18 — 42/1985, пл. 2, кв. В2; 19 — 12/1982, пл. 2, кв. В9; 20 — 17/1987, пл. 1, кв. Д6; 21 — 86/1987, яма 19, кв. В4; 22 — 29/1982, яма 12а, кв. Г5; 23 — 31/1986, пл. 1, кв. Д12; 24 — 26/1987, пл. 2, кв. А2; 25 — 59/1987, пл. 2, кв. Г2; 26 — 126/1987, яма 47, кв. Б13; 27 — 18/1981, пл. 1, кв. Б5; 28 — 13/1981, пл. 1, кв. Б4; 29 — 19/1981, пл. 1, кв. В5; 30 — 18/1986, пл. 1, кв. Г8. 1, 2 — сердолик; 3 — горный хрусталь; 4, 5 — янтарь; 6–30 — стекло

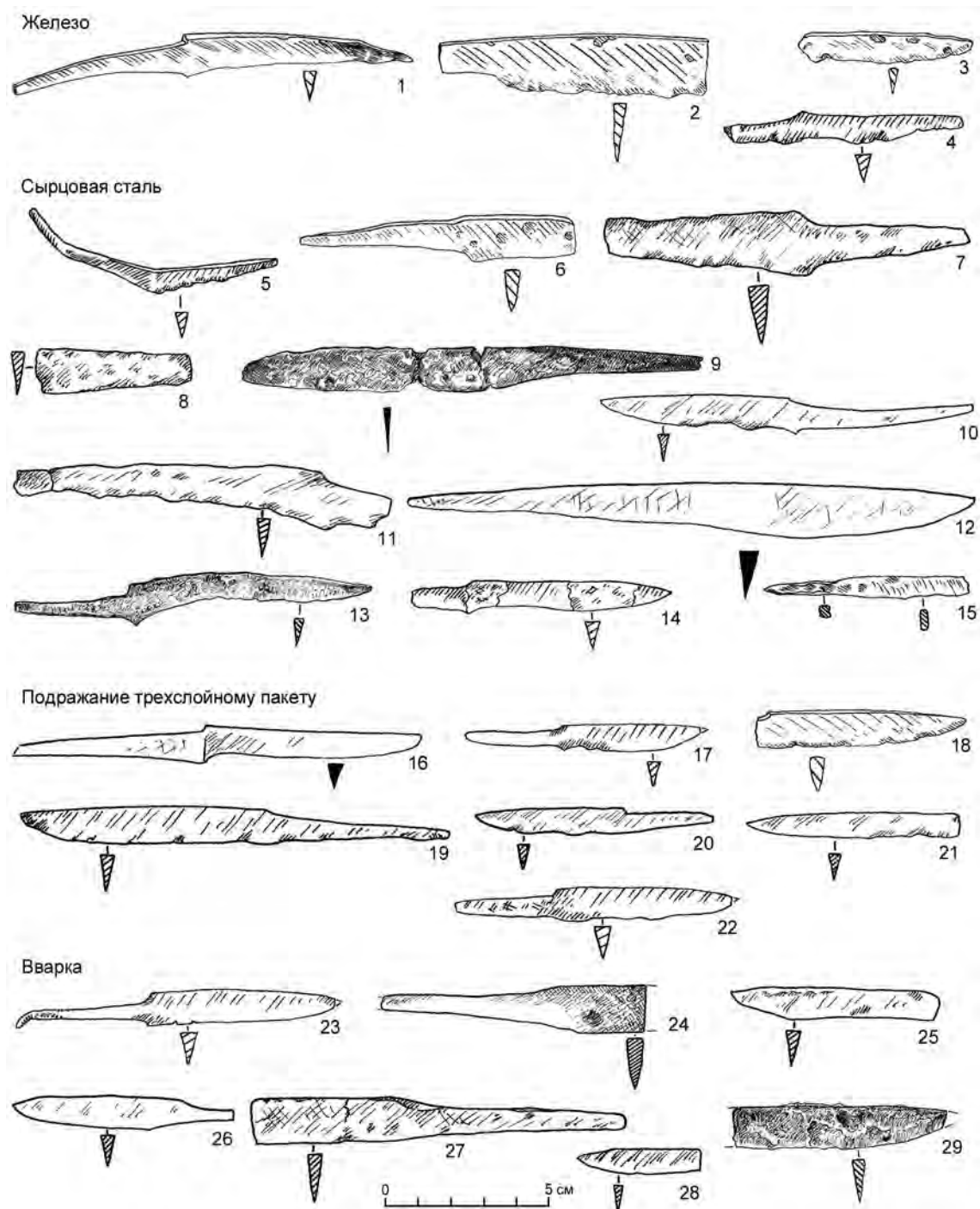

Рис. 16. Ножи: железо (1–4); сырцовая сталь (5–15); подражание трехслойному пакету (16–22); вварка (23–29): 1 — 9/1985, пл. 1, кв. Г1; 2 — 28/1985, пл. 1, кв. Г2; 3 — 52/1985, подъем. мат.; 4 — 17/1986, пл. 1, кв. Г8; 5 — 40/1986, пл. 1, кв. Е16; 6 — 21/1985, пл. 1, кв. Б4; 7 — 66/1987, пл. 2, кв. Е2; 8 — 60/1987, пл. 2, кв. Г3; 9 — 11/1980, пл. 2, кв. К5; 10 — 117/1987, яма 396, кв. Д9; 11 — 29/1987, пл. 2, кв. А7; 12 — 13/1984, пл. 2, кв. Б1; 13 — 8/1982, пл. 2, кв. Б7; 14 — 15/1986, пл. 1, кв. В12; 15 — 85/1985, яма 13, кв. А3; 16 — 5/1984, пл. 1, кв. В1; 17 — 3/1986, пл. 1, кв. А2; 18 — 1/1985, пл. 1, кв. Г10; 19 — 14/1987, пл. 1, кв. Г4; 20 — 112/1987, яма 39а, кв. Д13; 21 — 52/1987, пл. 2, кв. В2; 22 — 67/1986, яма 25, кв. Г10; 23 — 29/1986, пл. 1, кв. Д10; 24 — 8/1981, пл. 1, кв. В3; 25 — 24/1987, пл. 1, кв. Е9; 26 — 12/1987, пл. 1, кв. В14; 27 — 15/1987, пл. 1, кв. Г8; 28 — 51/1987, пл. 2, кв. В2; 29 — 20/1982, яма 9, кв. Д8

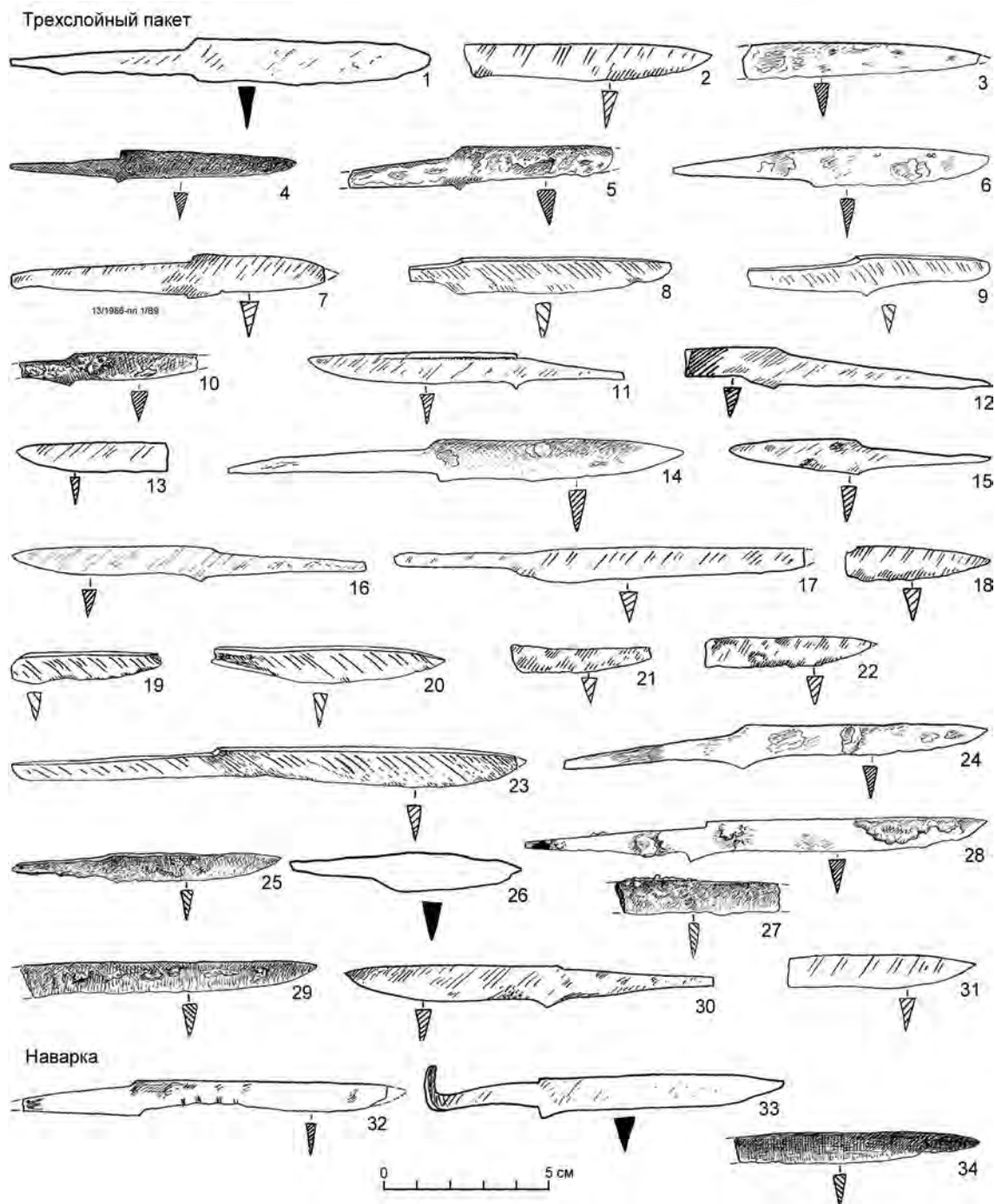

Рис. 17. Ножи: трехслойные пакеты (1–31); наварка (32–34): 1 — 21/1984, подъем. мат.; 2 — 7/1986, пл. 1, кв. Б11; 3 — 27/1981, пл. 1, кв. Г6; 4 — 33/1981, пл. 1, кв. Д5; 5 — 6/1981, пл. 1, кв. В1; 6 — 7/1981, пл. 1, кв. В2; 7 — 13/1986, пл. 1, кв. В9; 8 — 22/1985, пл. 1, кв. Б5; 9 — 17/1985, пл. 1, кв. Г9; 10 — 25/1981, пл. 1, кв. Г5; 11 — 119/1987, яма 396, кв. Е9; 12 — 58/1987, пл. 2, кв. В13; 13 — 53/1987, пл. 2, кв. В3; 14 — 44/1981, пл. 2, кв. Г4; 15 — 62/1987, пл. 2, кв. Г8; 16 — 127/1987, яма 47, кв. Б13; 17 — 77/1986, яма 25, кв. Д10; 18 — 49/1986, пл. 2, кв. Д10; 19 — 32/1985, пл. 2, кв. Г10; 20 — 46/1985, пл. 2, кв. В4; 21 — 70/1986, яма 25, кв. Г10; 22 — 47/1986, пл. 2, кв. Г9; 23 — 31/1985, пл. 2, кв. Г10; 24 — 42/1981, яма 2, кв. И7; 25 — 18/1982, пл. 3, кв. Г10; 26 — 12/1982, пл. 2, кв. А1; 27 — 43/1982, яма 126, кв. Ж3; 28 — 60/1981, пл. 2, кв. Д6; 29 — 5/1982, пл. 2, кв. А7; 30 — 30/1987, пл. 2, кв. А10; 31 — 4/1986, пл. 1, кв. А3; 32 — 12/1981, пл. 1, кв. В4; 33 — 9/1984, пл. 1, кв. Г4; 34 — 19/1982, пл. 3, кв. А7

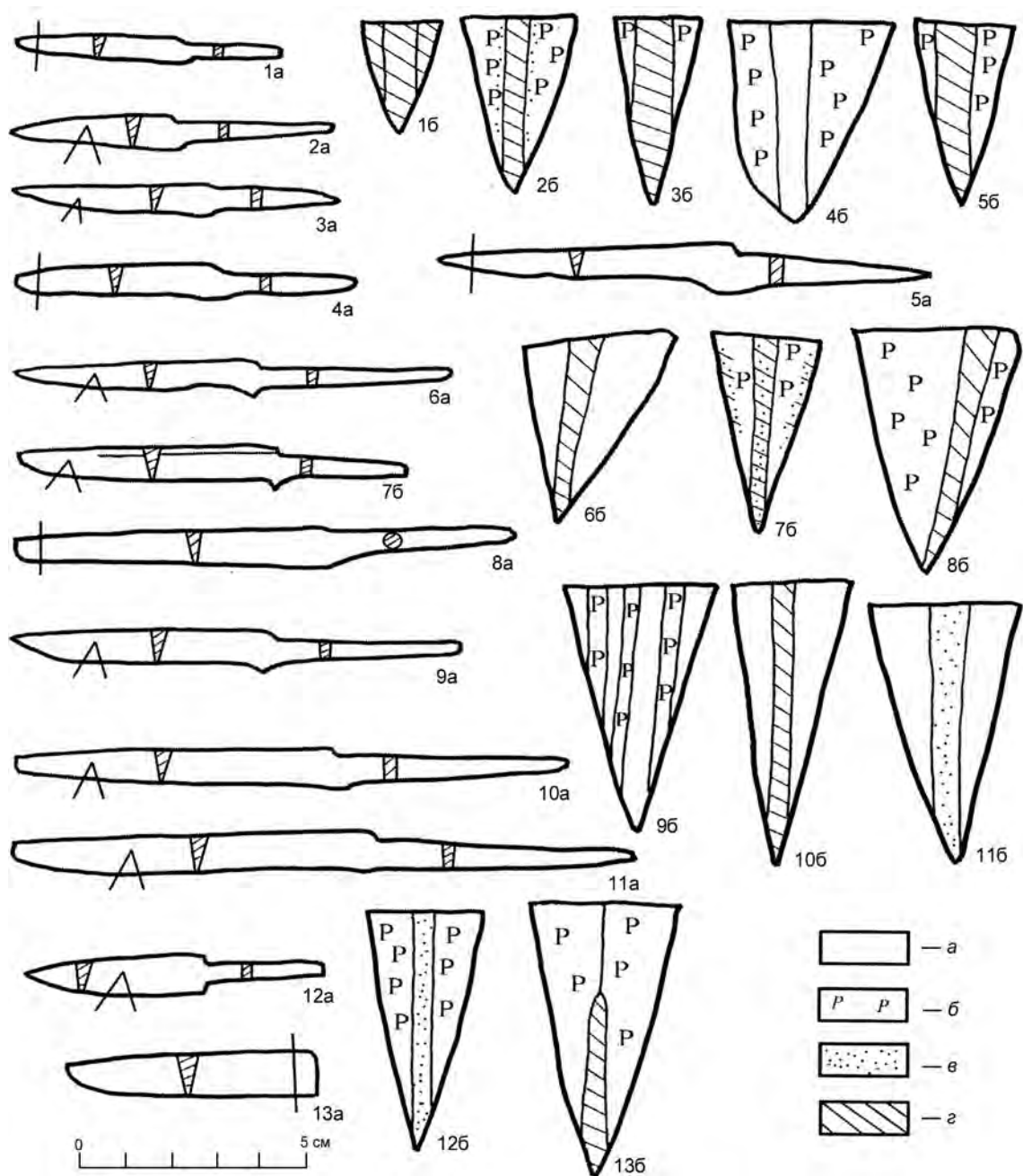

Рис. 18. Технологические схемы изготовления ножей Гнёздовского селища: 1а, 1б — 6274; 2а, 2б — 6286; 3а, 3б — 6301; 4а, 4б — 6294; 5а, 5б — 6299; 6а, 6б — 6287; 7а, 7б — 6277; 8а, 8б — 6290; 9а, 9б — 6276; 10а, 10б — 6297; 11а, 11б — 6308; 12а, 12б — 6302; 13а, 13б — 6306 (а — железо, б — фосфористое железо, в — сталь, з — термообработанная сталь) (по: Завьялов и др. 2012: 220, рис. 74)

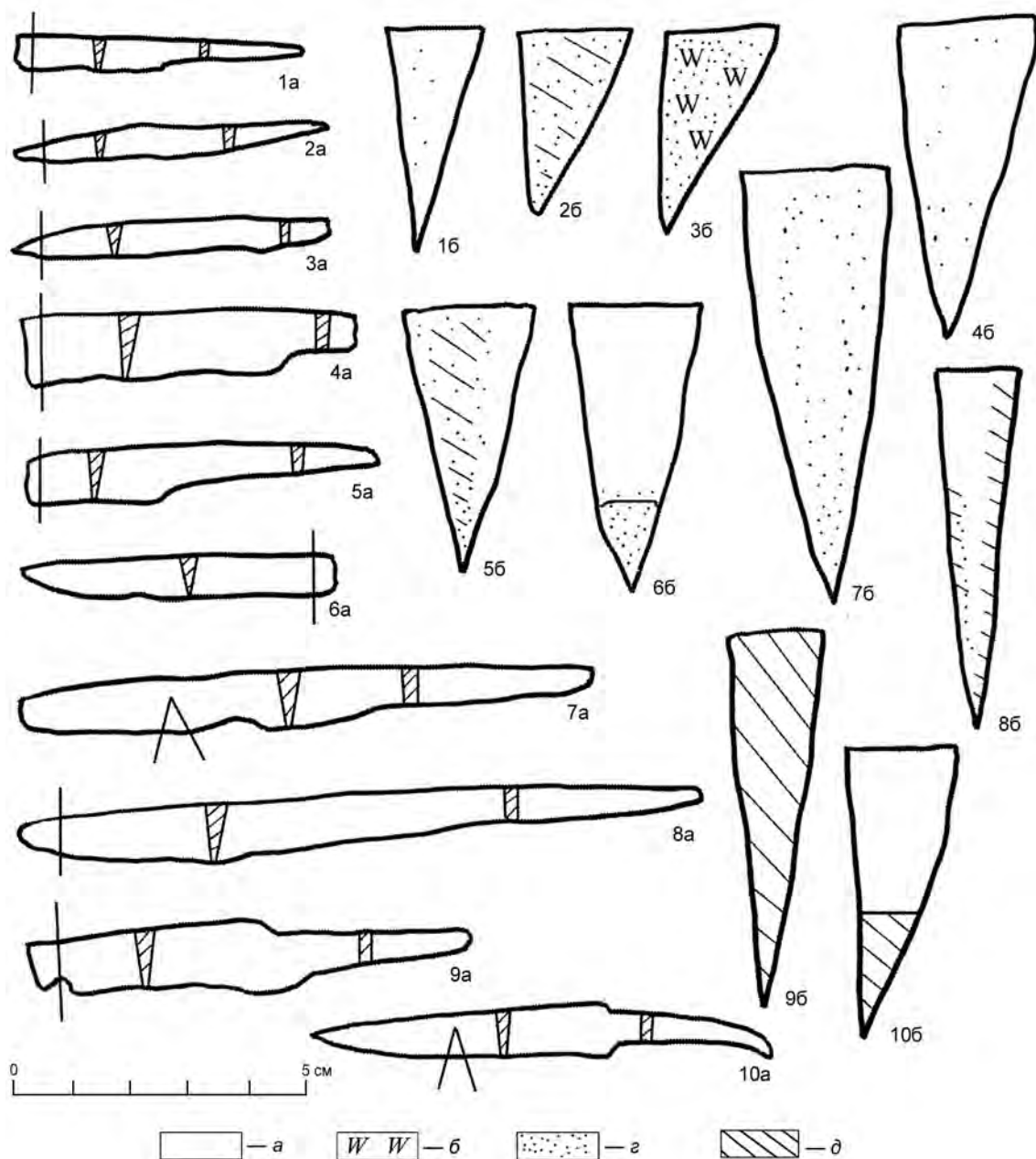

Рис. 19. Технологические схемы изготовления ножей Гнёздовского селища: 1а, 16 — 6270; 2а, 26 — 6258; 3а, 36 — 6247; 4а, 46 — 6246; 5а, 56 — 6262; 6а, 66 — 6300; 7а, 76 — 6304; 8а, 86 — 6288; 9а, 96 — 6275; 10а, 106 — 6245 (а — железо, б — видманштетт, в — сталь, д — термообработанная сталь) (по: Завьялов и др. 2012: 222, рис. 75)

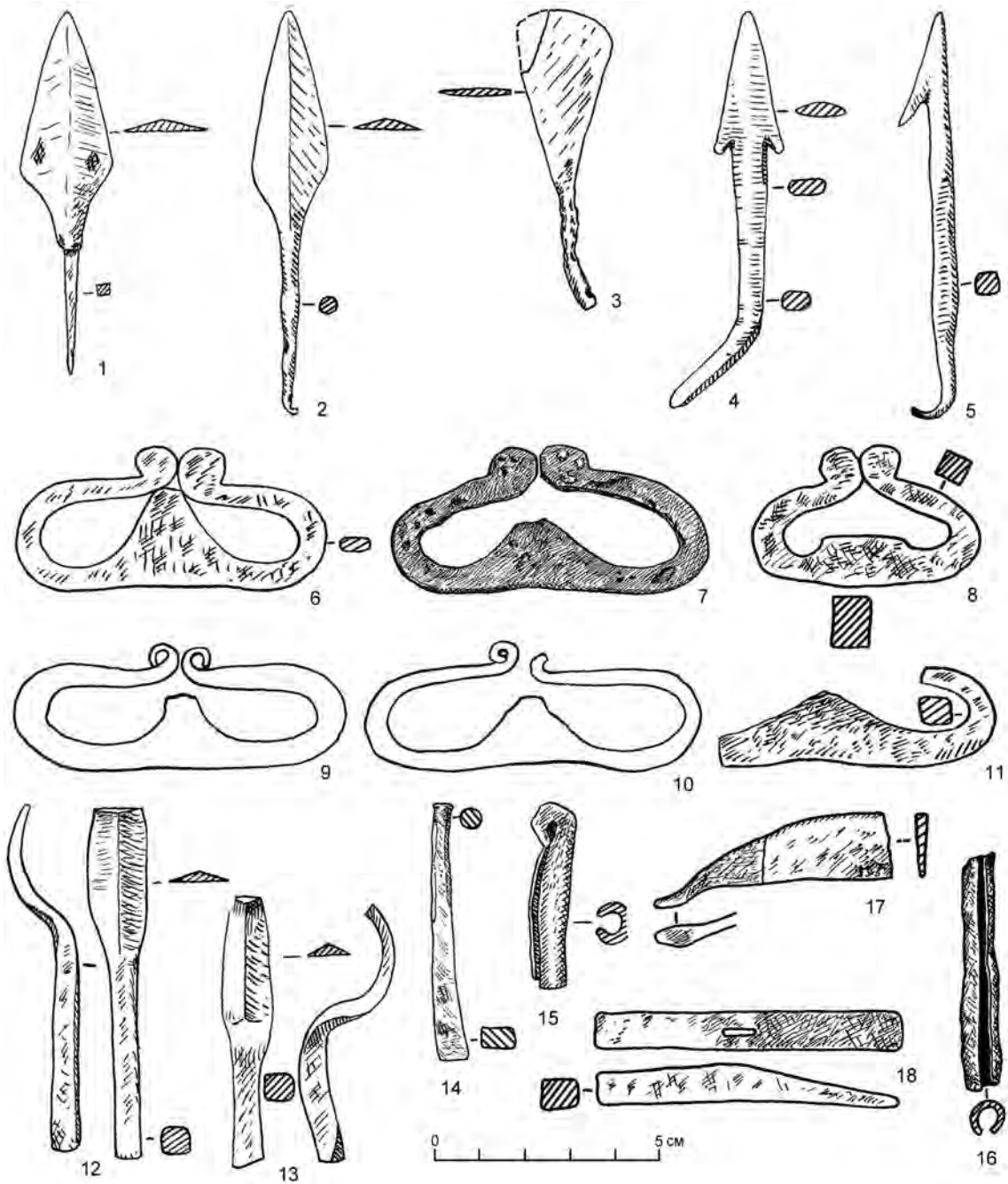

Рис. 20. Изделия из железа: 1-4 — наконечники стрел (1 — 71/1987, яма 8, кв. В3; 2 — 8/1986, пл. 1, кв. Б11; 3 — 79/1986, яма 25, кв. Г9; 4 — 32/1986, пл. 1, кв. Д13; 5 — остроги (25/1986, пл. 1, кв. Д9); 6-11 — калачевидные кресала (6 — 78/1986, яма 25, кв. Г10; 7 — 20/1981, пл. 1, кв. Г3; 8 — 35/1987, пл. 2, кв. А14; 9 — 22/1984, подъем. мат.; 10 — 3/1984, пл. 1, кв. Б2; 11 — 1/1986, пл. 1, кв. А1); 12, 13 — резцы-лошкар (12 — 145/1987, подъем. мат.; 13 — 45/1986, пл. 1, кв. Ж17); 14 — стержень (135/1987, яма 47, кв. А14); 15, 16 — футляры для фитиля (15 — 19/1986, пл. 1, кв. Г8; 16 — 16/1987, пл. 1, кв. Г14); 17 — фрагмент бритвы (25/1987, пл. 1/Е10); 18 — молоток (34/1987, пл. 2, кв. А13)

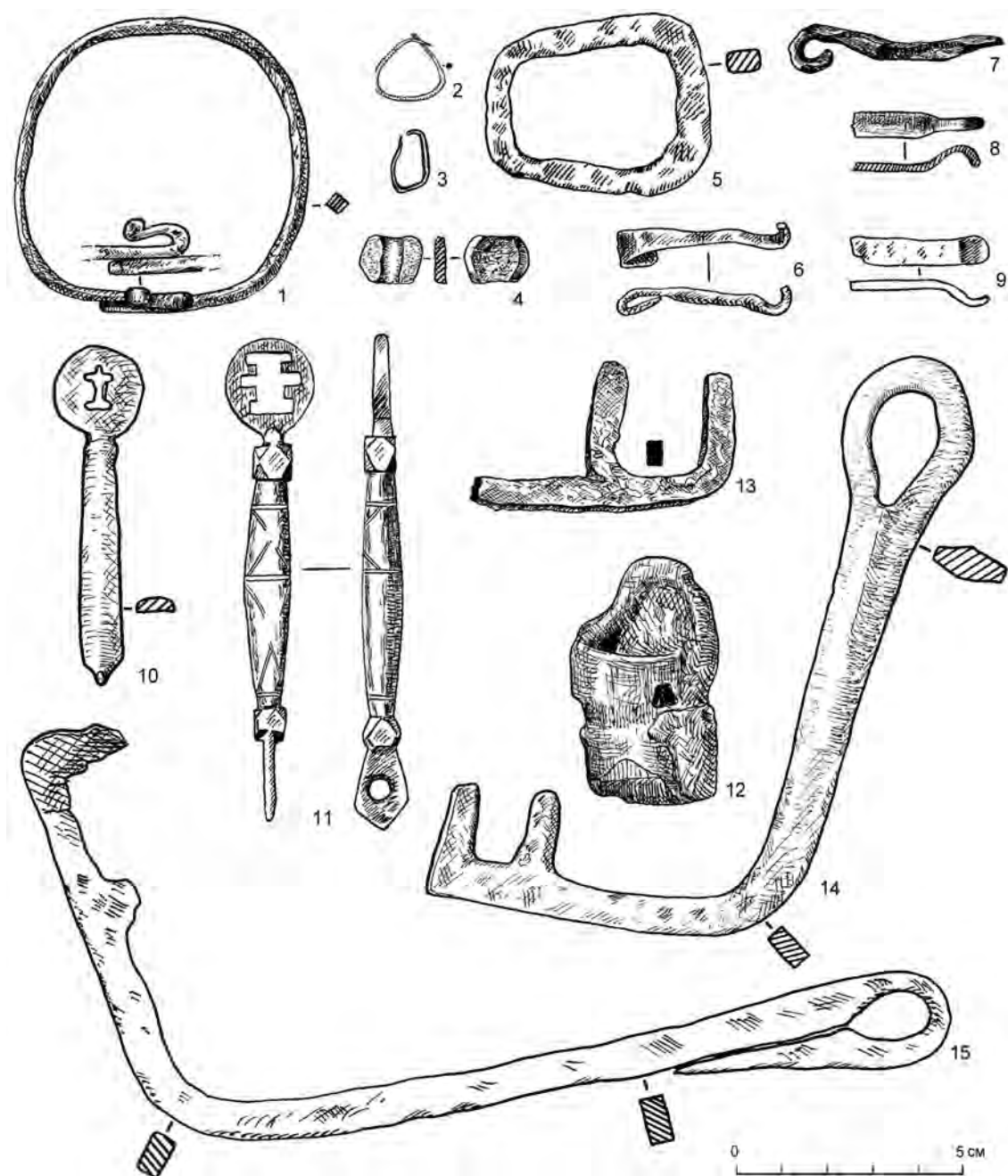

Рис. 21. Изделия из железа: 1 — браслет? (132/1987, яма 47, кв. Б14); 2, 3 — проволочные колечки (2 — 59/1986, яма 34, кв. Г12; 3 — 47/1981, яма 2, кв. И7); 4 — пластинка (17/1981, пл. 1, кв. В5); 5 — пряжка (2/1986, пл. 1, кв. А2); 6-9 — язычки пряжек (6 — 14/1985, пл. 1, кв. А2; 7 — 29/1981, пл. 1, кв. Г6; 8 — 26/1981, пл. 1, кв. Г5; 9 — 41/1986, пл. 1, кв. Г13); 10, 11 — ключи от навесных замков (10 — 45/1987, пл. 2, кв. Б3; 11 — 18/1985, пл. 1, кв. В7); 12 — замок (134/1987, яма 47, кв. А14); 13-15 — ключи от деревянных замков (13 — 10/1980, яма 1, кв. К5; 14 — 33/1987, пл. 2, кв. А10; 15 — 49/1987, пл. 2, кв. Б15)

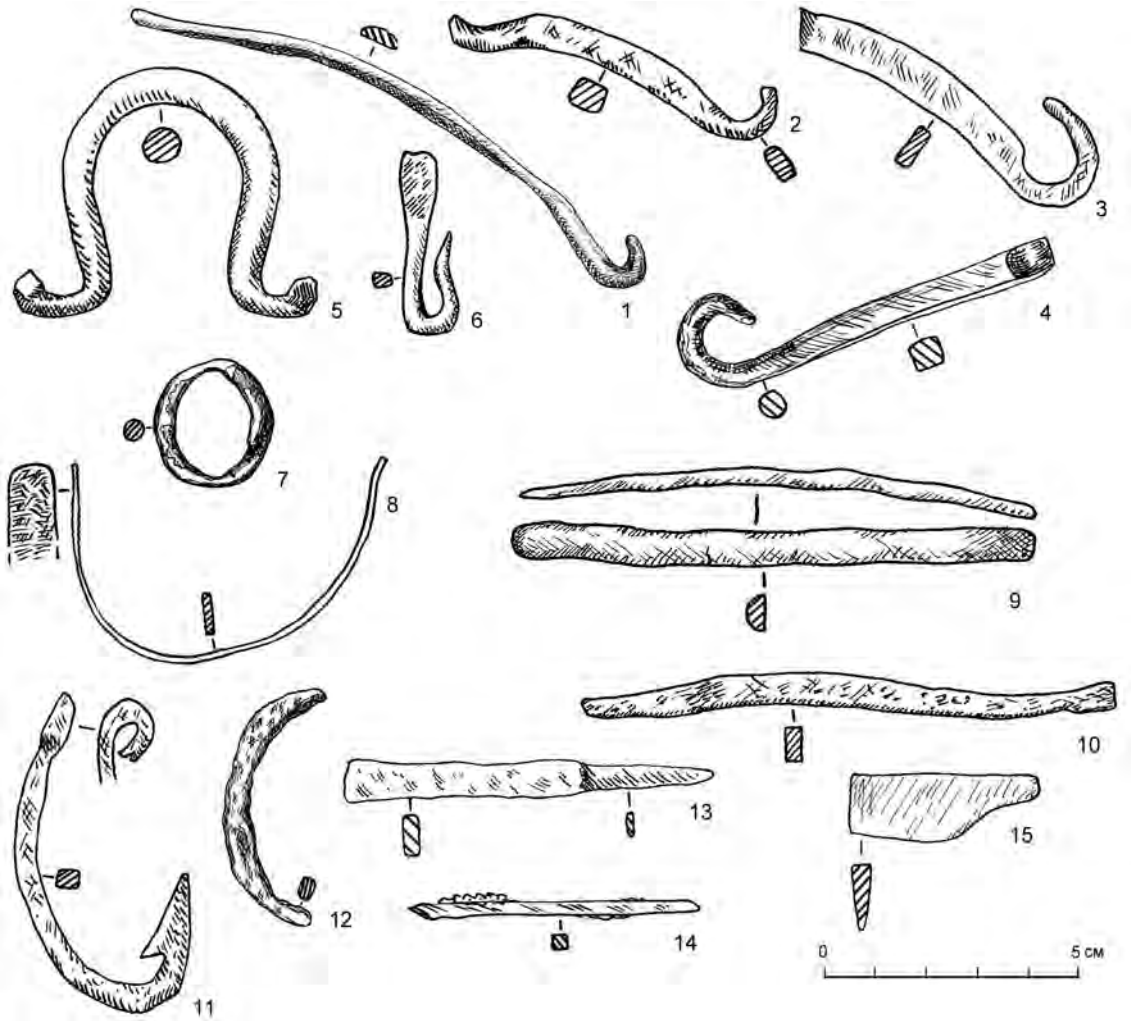

Рис. 22. Изделия из железа: 1-4 — дужки от ведер (1 — 39/1982, яма 126, кв. Е4; 2 — 69/1986, яма 25, кв. Г10; 3 — 34/1986, пл. 1, кв. Д14; 4 — 38/1985, пл. 1, кв. Б6); 5 — ручка котла (23/1986, пл. 1, кв. Д8); 6 — крючок (20/1986, пл. 1, кв. Г11); 7 — кольцо (38/1981, пл. 1, кв. Д6); 8-10 — пластины (8 — 71/1986, яма 25, кв. Д10; 9 — 20/1987, пл. 1, кв. Д15; 10 — 115/1987, яма 396, кв. Д8); 11 — крючок рыболовный (51/1986, пл. 2, кв. Д10); 12 — фрагмент кольца (34/1981, пл. 1, кв. Д5); 13 — острие (26/1985, пл. 1, кв. В2); 14 — стержень (50/1987, пл. 2, кв. В1); 15 — фрагмент лезвия (128/1987, яма 47, кв. Б14)

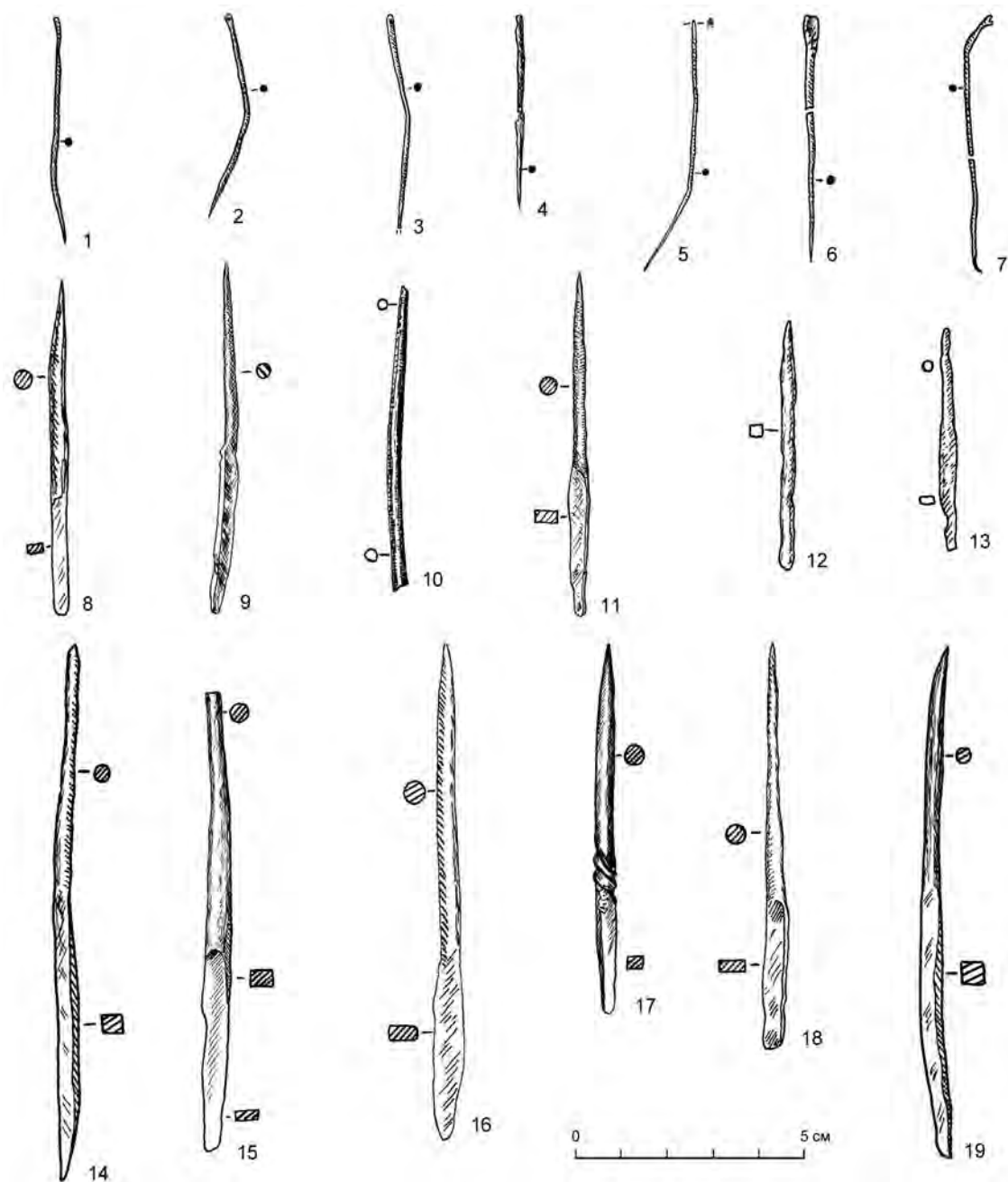

Рис. 23. Изделия из железа: 1-7 — иглы (1 — 104/1987, яма 39а, кв. Д10; 2 — 121/1987, яма 396, кв. Е9; 3 — 92/1987, яма 31, кв. Е7; 4 — 142/1987, яма 51, кв. Г15; 5 — 137/1987, яма 47, кв. Б14; 6 — 129/1987, яма 47, кв. Б14; 7 — 57/1987, пл. 2, кв. В11); 8-19 — шилья (8 — 67/1987, яма 8, кв. В1; 9 — 21/1982, яма 9, кв. Г8; 10 — 50/1985, яма 13, кв. Б2; 11 — 106/1987, яма 39а, кв. Д10; 12 — 24/1985, пл. 1, кв. Б3; 13 — 29/1985, пл. 1, кв. В3; 14 — 38/1987, пл. 2, кв. Б2; 15 — 5/1981, пл. 1, кв. Б5; 16 — 11/1986, пл. 1, кв. Б13; 17 — 56/1981, пл. 2, кв. Б2; 18 — 118/1987, яма 396, кв. Е9; 19 — 28/1987, пл. 1, кв. А7)

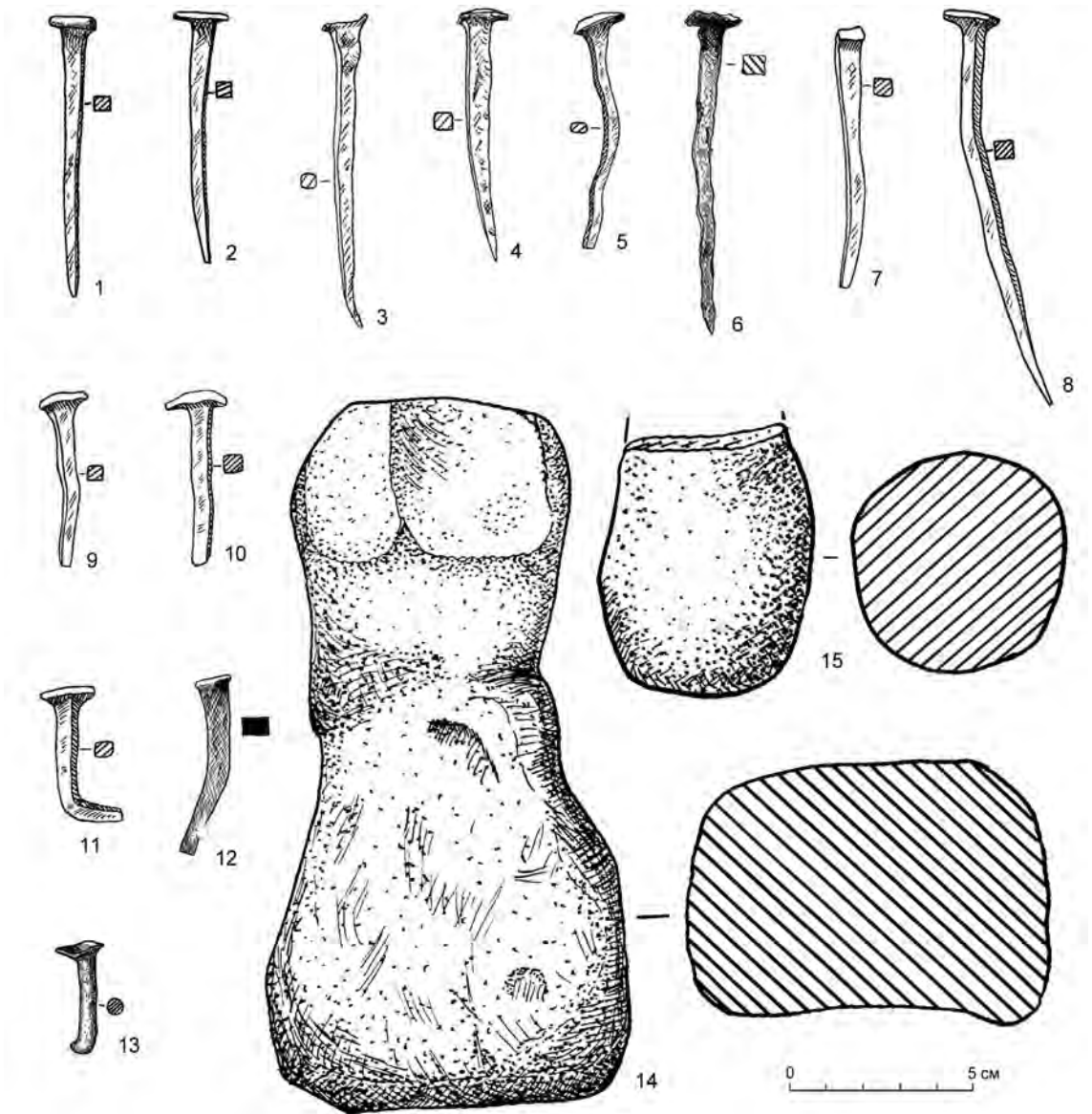

Рис. 24. Изделия из железа и камня: 1-12 — гвозди (1 — 3/1987, пл. 1, кв. А3; 2 — 61/1987, пл. 2, кв. Г8; 3 — 7/1984, пл. 1, кв. В4; 4 — 10/1984, пл. 1, кв. Д1; 5 — 2/1985, пл. 1, кв. Б5; 6 — 17/1982, пл. 3, кв. Б7; 7 — 48/1986, пл. 2, кв. Д9; 8 — 6/1987, пл. 1, кв. Б5; 9 — 58/1986, яма 34, кв. Г12; 10 — 37/1986, пл. 1, кв. Е8; 11 — 44/1986, пл. 1, кв. Ж18; 12 — 12/1980, пл. 2, кв. И5); 13 — заклепка (59/1981, пл. 2, кв. Д5); 14, 15 — каменные пестики (14 — 36/1982, яма 126/Ж2; 15 — 96/1987, яма 38, кв. Г8)

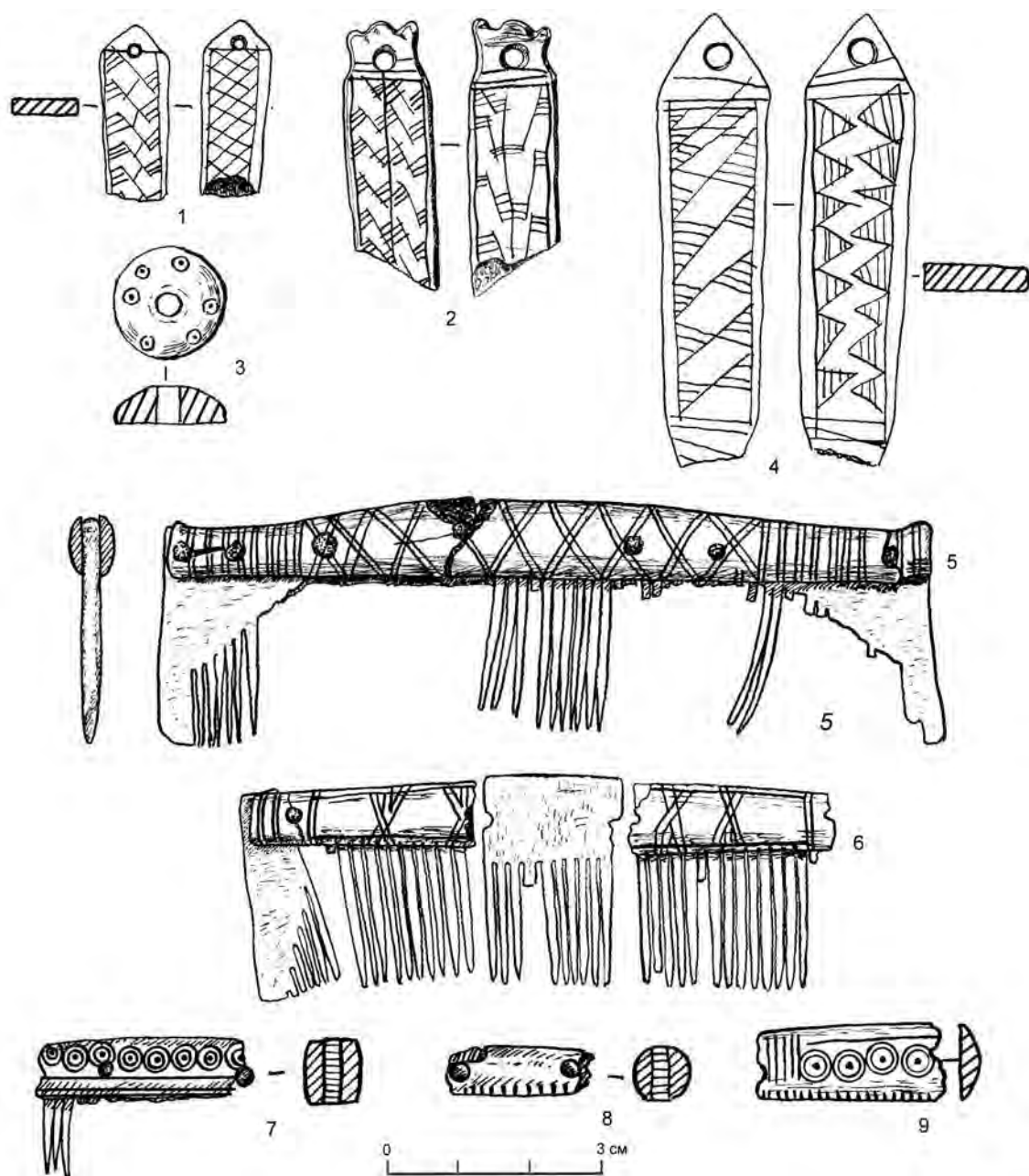

Рис. 25. Изделия из кости: 1, 2 — копоушки (1 — 72/1987, яма 14, кв. Б3; 2 — 4/1980, яма 1, кв. К5); 3 — пуговица (41/1985, яма 13, кв. Б2); 4 — рукоять орнаментированная (73/1987, яма 14, кв. Б4); 5–9 — гребни и их фрагменты (5 — 55/1981, яма 9, кв. Д6; 6 — 34/1982, яма 126, кв. Ж2; 7 — 55/1987, пл. 2, кв. В6; 8 — 63/1987, пл. 2, кв. Г10; 9 — 11/1985, пл. 1, кв. Г10)

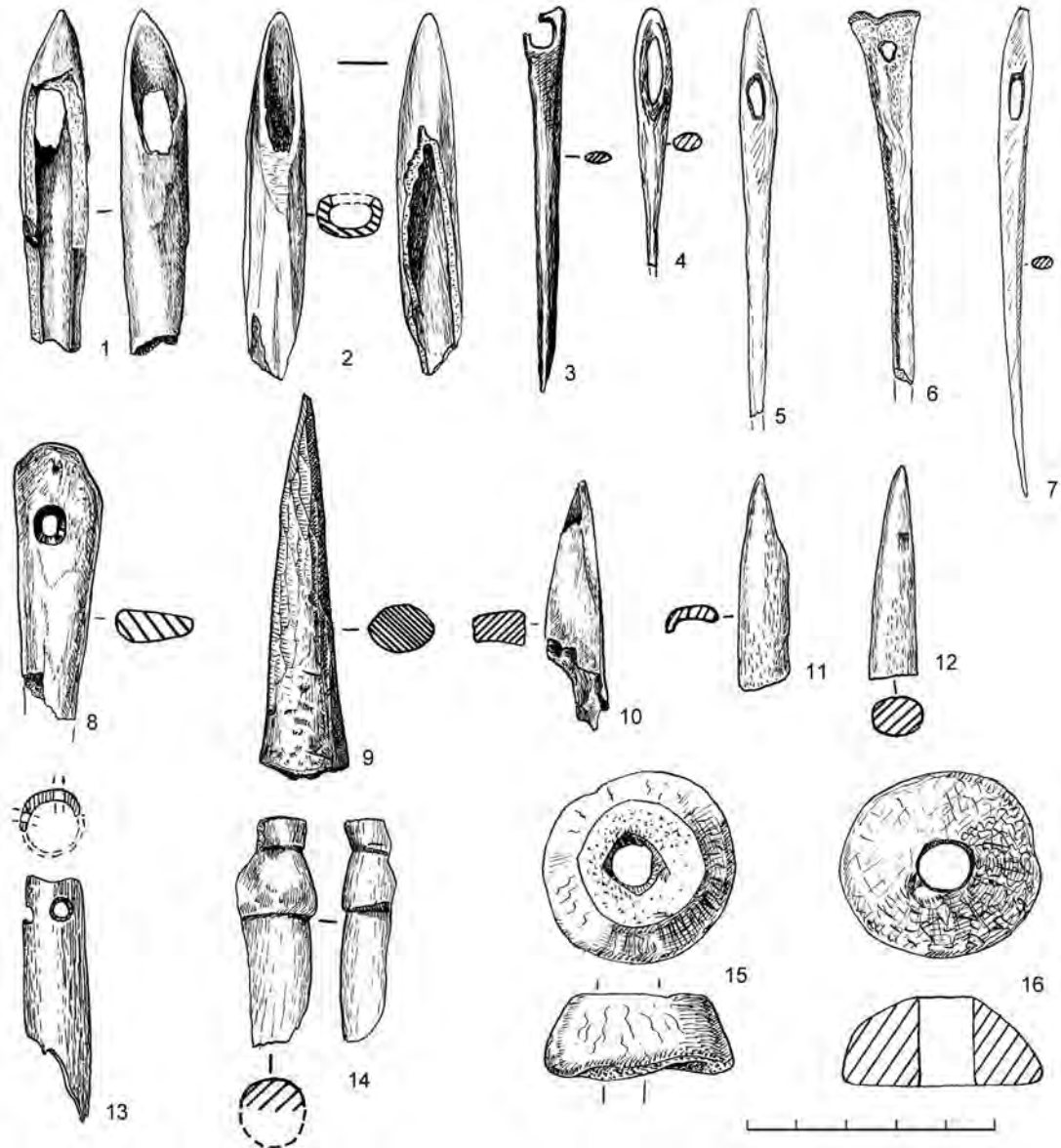

Рис. 26. Изделия из кости: 1, 2 — челноки для плетения? (1 — 5/1980, яма 1, кв. Л5; 2 — 30/1982, яма 12а, кв. Г5); 3-7 — иглы (3 — 43/1981, яма 2, кв. 38; 4 — 69/1987, яма 8, кв. В3; 5 — 103/1987, яма 39а, кв. Г10; 6 — 50/1982, яма 126, кв. Е4; 7 — 99/1987, яма 39а, кв. Г10); 8, 14 — фрагменты рукоятей (8 — 4/1982, пл. 2, кв. А6; 14 — 108/1987, яма 39а/Е11); 9-12 — острия (9 — 50/1981, яма 9, кв. Д5; 10 — 51/1981, яма 9, кв. Д5; 11 — 98/1987, яма 38, кв. Г8; 12 — 94/1987, яма 33, кв. В8); 13 — игольник (63/1986, яма 25, кв. Д10); 15, 16 — пуговицы? (15 — 45/1985, пл. 2, кв. Г10; 16 — 16/1984, пл. 2, кв. Г3)

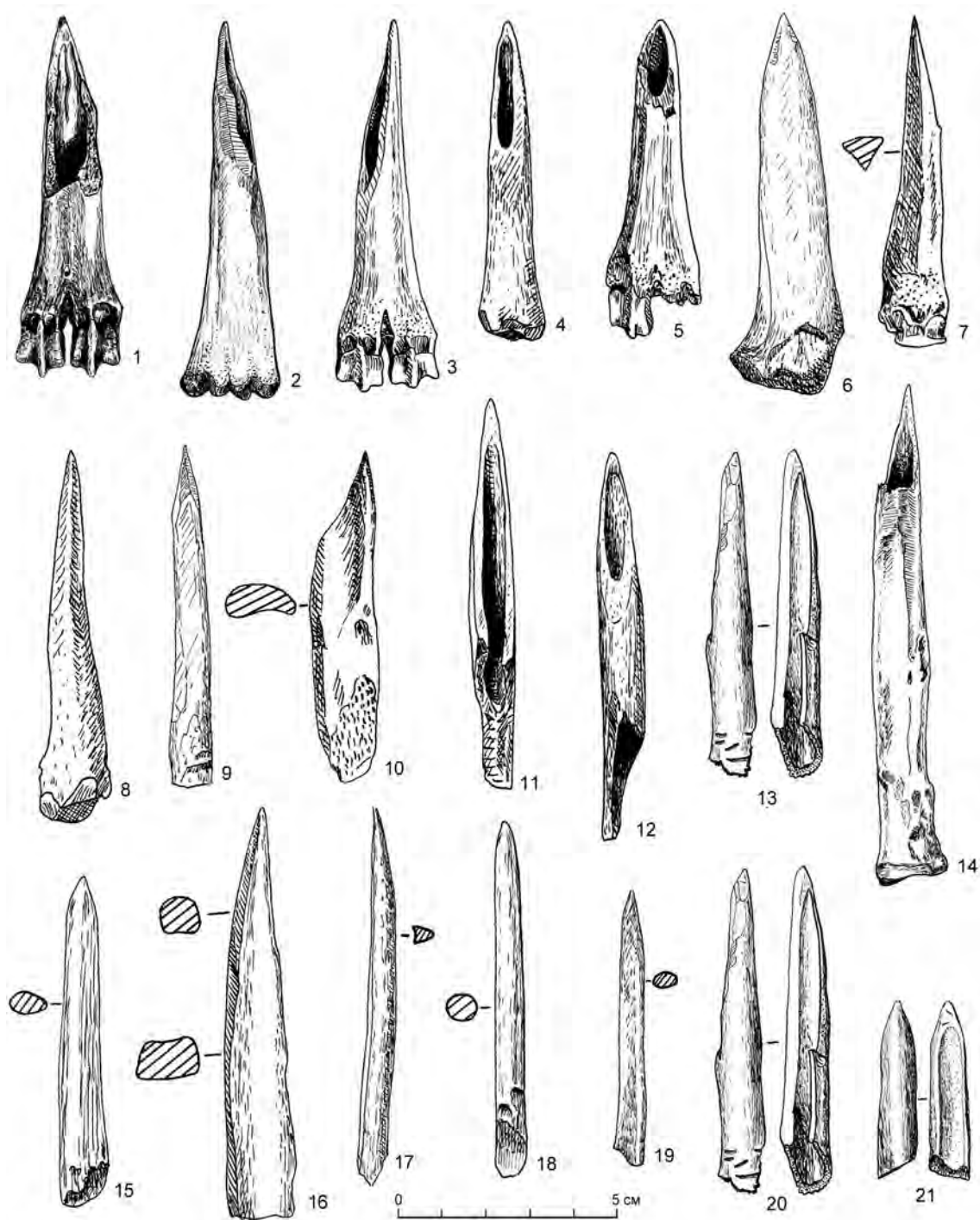

Рис. 27. Изделия из кости. Острия и проколки: 1 — 53/1981, яма 9, кв. Д6; 2 — 47/1982, яма 126, кв. Е4; 3 — 75/1986, яма 25, кв. Д10; 4 — 97/1987, яма 38, кв. Г8; 5 — 38/1986, пл. 1, кв. Е9; 6 — 107/1987, яма 39а, кв. Д11; 7 — 60/1986, яма 25, кв. Е11; 8 — 123/1987, яма 396, кв. Е10; 9 — 102/1987, яма 3, кв. Г10; 10 — 64/1986, яма 25, кв. Е10; 11 — 114/1987, яма 396, кв. Г9; 12 — 2/1987, пл. 1, кв. А2; 13 — 6/1980, яма 1, кв. К5; 14 — 6/1982, пл. 2, кв. А8; 15 — 20/1984, подъем. мат.; 16 — 61/1986, яма 25, кв. Д10; 17 — 74/1987, яма 14, кв. Б4; 18 — 8/1985, пл. 1, кв. В1; 19 — 75/1987, яма 14, кв. Б3; 20 — 6/1980, яма 1, кв. К5; 21 — 7/1980, яма 1, кв. К5

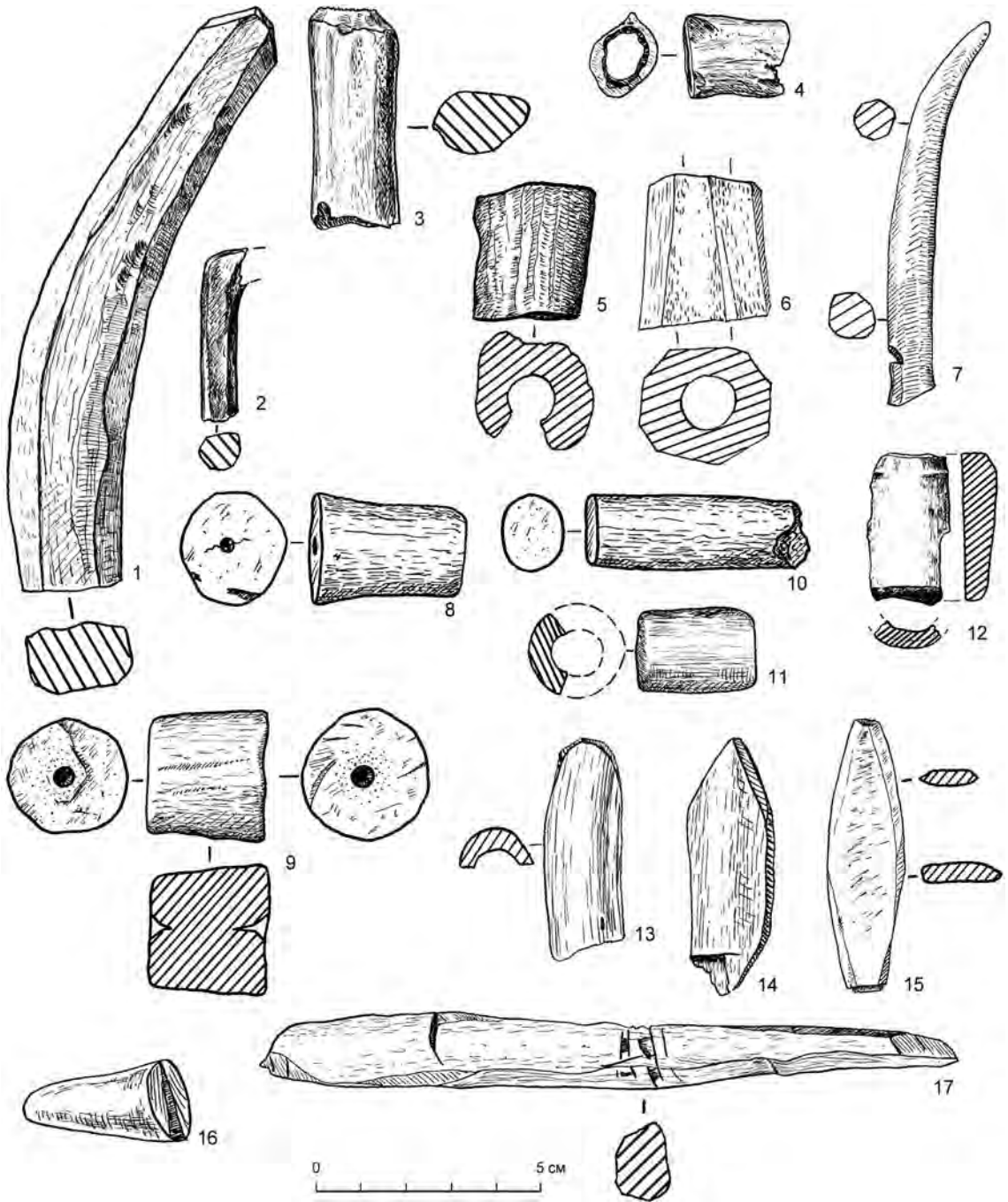

Рис. 28. Заготовки и отходы костерезного производства: 1 — 41/1982, яма 126, кв. Е4; 2 — 44/1982, яма 126, кв. Е4; 3 — 35/1982-126, кв. А5; 4 — 38/1982, яма 126, кв. Ж3; 5 — 89/1987, яма 21, кв. В5; 6 — 81/1986, яма 25, кв. Г10; 7 — 16/1985, пл. 1, кв. Б10; 8 — 56/1987, яма 2, кв. И8; 9 — 105/1987, яма 39а, кв. Д10; 10 — 65/1987, пл. 2, кв. Д8; 11 — 10/1987, пл. 1, кв. Б10; 12 — 35/1981, пл. 1, кв. Д5; 13 — 2/1984, пл. 1, кв. Б1; 14 — 5/1985, пл. 1, кв. Г10; 15 — 85/1987, яма 14, кв. А3; 16 — 33/1985, пл. 2, кв. Б1; 17 — 45/1982, яма 126, кв. Ж3

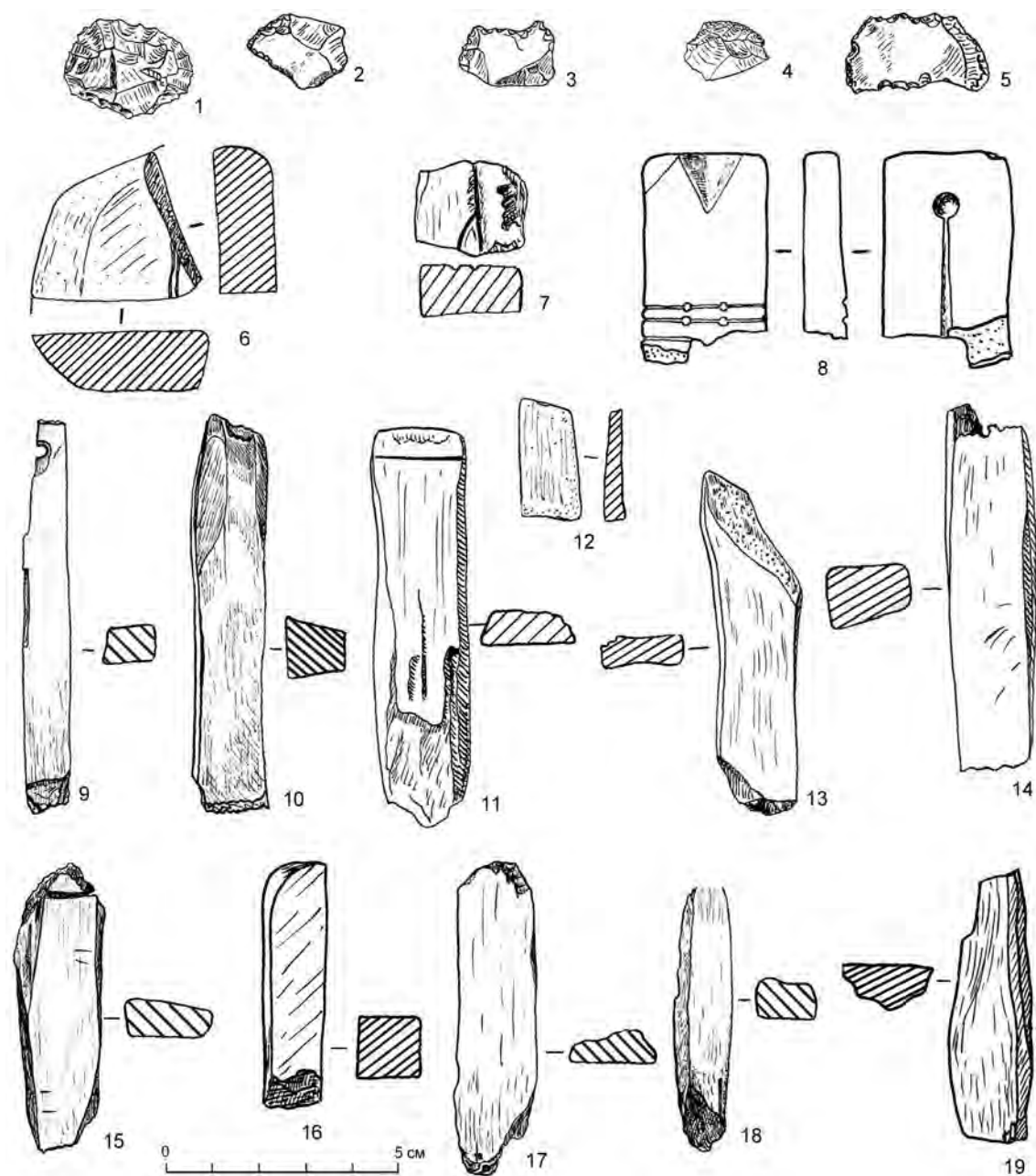

Рис. 29. Изделия из камня: 1–5 — скребки на отщепе (1 — 88/1987, яма 19, кв. В4; 2 — 4/1984, пл. 1, кв. Г7; 3 — 6/1985, пл. 1, кв. Г7; 4 — 9/1986, пл. 1, кв. Б12; 5 — 39/1987, пл. 2, кв. Б2); 6–8 — фрагменты литейных формочек (6 — 149/1987, подъем. мат.; 7 — 1/1984, пл. 1, кв. А2; 8 — 15/1984, пл. 2, кв. Г1); 9–19 — оселки (9 — 28/1982, яма 12а, кв. Г5; 10 — 54/1981, яма 9, кв. Д6; 11 — 25/1985, пл. 1, кв. Б3; 12 — 78/1987, яма 14, кв. А3; 13 — 30/1986, пл. 1, кв. ?; 14 — 6/1986, пл. 1, кв. Б10; 15 — 23/1982, яма 9, кв. Г8; 16 — 37/1987, пл. 2, кв. Б1; 17 — 37/1982, яма 12б, кв. Ж3; 18 — 2/1982, пл. 1, кв. А6; 19 — 46/1987, пл. 2, кв. Б3)

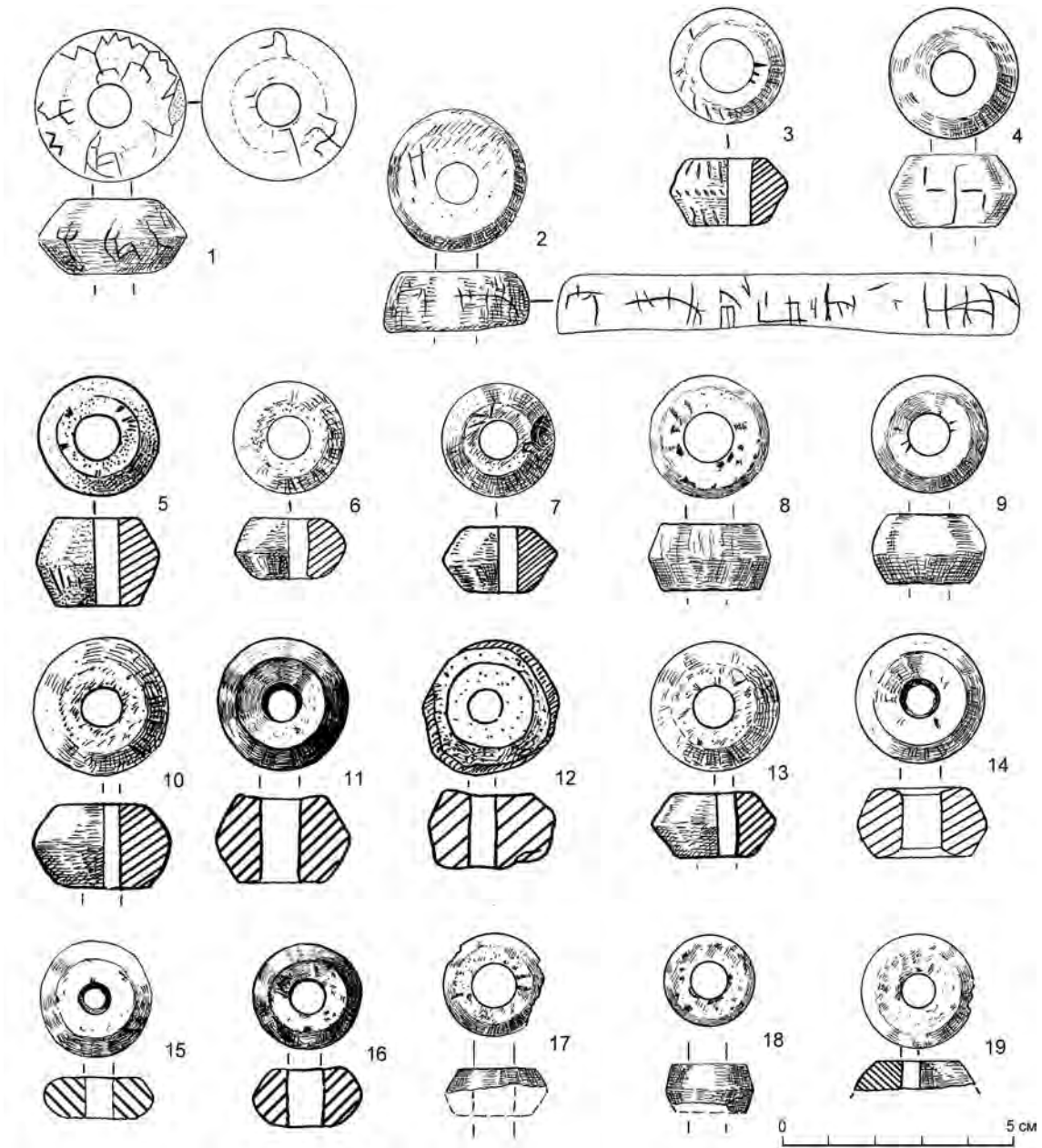

Рис. 30. Пряслица из розового шифера: 1 — 73/1986, яма 25, кв. Е10; 2 — 80/1986, яма 25, кв. Г10; 3 — 146/1987, подъем. мат.; 4 — 66/1986, яма 25, кв. Г10; 5 — 32/1987, пл. 2, кв. А10; 6 — 147/1987, подъем. мат.; 7 — 140/1987, яма 49, кв. В15; 8 — 27/1986, пл. 1, кв. Д9; 9 — 28/1986, пл. 1, кв. Д10; 10 — 95/1987, яма 38, кв. Г8; 11 — 37/1981, пл. 1, кв. Д6; 12 — 11/1984, пл. 7, кв. Д5; 13 — 116/1987, яма 396, кв. Д8; 14 — 49/1985, яма 13, кв. В1; 15 — 9/1982, пл. 1, кв. Б7; 16 — 11/1981, пл. 1, кв. В4; 17 — 62/1986, яма 25, кв. Д10; 18 — 5/1988, пл. 1, кв. Б10; 19 — 141/1987, яма 49, кв. В15

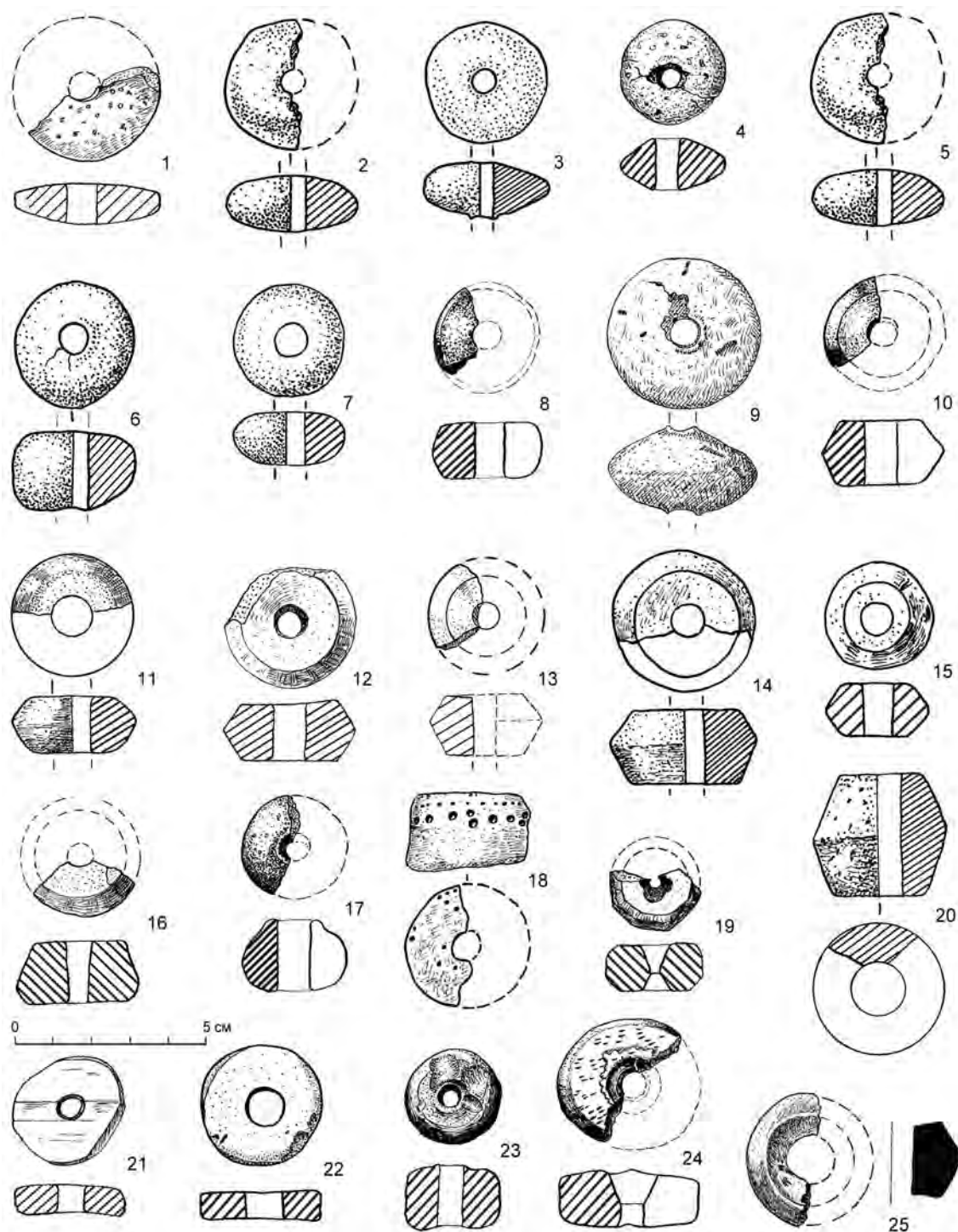

Рис. 31. Пряслица керамические: 1–20, 22–25 — глина (1 — 15/1985, пл. 1, кв. А2; 2 — 110/1987, яма 39а, кв. Д12; 3 — 48/1987, пл. 2, кв. Б14; 4 — 1/1981, пл. 1, кв. Б2; 5 — 110/1987, яма 39а, кв. Д12; 6 — 77/1987, яма 14, кв. А3; 7 — 22/1987, пл. 1, кв. Е2; 8 — 4/1981, пл. 1, кв. Б5; 9 — 26/1986, пл. ?, кв. Д9; 10 — 14/1981, пл. 1, кв. Б5; 11 — 138/1987, яма 47, кв. А15; 12 — 48/1985, яма 13, кв. Б3; 13 — 74/1986, яма 25, кв. Е10; 14 — 41/1987, пл. 2, кв. Б2; 15 — 19/1984, подъем. мат.; 16 — 22/1982, яма 9, кв. Г8; 17 — 57/1981, пл. 2, кв. Б3; 18 — 42/1986, пл. 1, кв. Ж8; 19 — 42/1982, яма 126, кв. Ж3; 20 — 148/1987, подъем. мат.; 22 — 2/1981, пл. 1, кв. Б3; 23 — 24/1981, пл. 1, кв. Г5; 24 — 32/1981, пл. 1, кв. Д3; 25 — 2/1980, пл. 1, кв. И5); 21 — черепок булгарского сосуда (47/1985, яма 13, кв. В2)

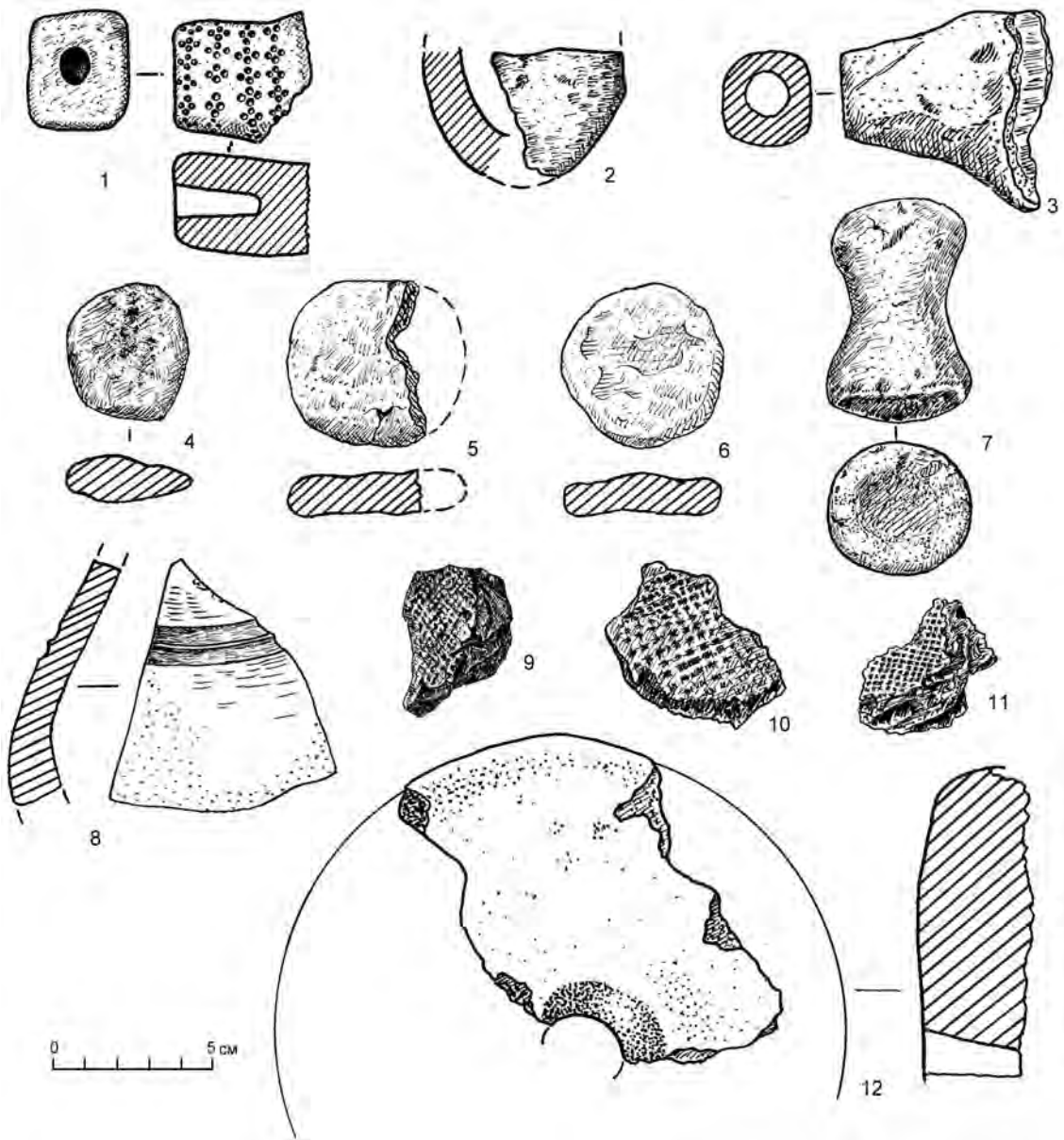

Рис. 32. Изделия из глины: 1, 3 — ручки льячек (1 — 84/1987, яма 14, кв. А3; 3 — 35/1986, пл. 1, кв. Е8); 2 — фрагмент тигля (80/1987, яма 14, кв. А3); 4–6 — лепешки (4 — 83/1986, яма 25, кв. Г10; 5 — 56/1986, пл. 2, кв. Е11; 6 — 57/1986, пл. 2, кв. Е11); 7 — предмет (50/1986, пл. 2, кв. Д10); 8 — фрагмент болгарского красноглиняного сосуда (12/1986, пл. 1, кв. Б14); 9–11 — фрагменты обмазки с отпечатками ткани (9 — 45/1981, яма 2, кв. И7; 10 — 113/1987, яма 39а, кв. Д13; 11 — 14/1982, пл. 3, кв. А6); 12 — фрагмент грузила от вертикального ткацкого станка (23/1987, пл. 1, кв. Е6)

Рис. 33. Просверленные зубы и астрагалы животных: 1-6 — зубы и когти медведя (1 — 52/1981, яма 9, кв. Д6; 2 — 27/1982, яма 12а, кв. Г5; 3 — 83/1987, яма 14, кв. А3; 4 — 22/1981, пл. 1, кв. Г4; 5 — 37/1985, пл. 2, кв. Г2; 6 — 3/1980, пл. 1, кв. И5); 7-13 — астрагалы бобра (7 — 39/1981, яма 2, кв. И7; 8 — 24/1982, яма 9, кв. Г9; 9 — 7/1985, пл. 1, кв. В4; 10 — 25/1982, яма 9, кв. Г9; 11 — 130/1987, яма 47, кв. Б14; 12 — 9/1981, яма 2, кв. И7; 13 — 15/1981, пл. 1, кв. В5); 14-17 — астрагалы свиньи (14 — 10/1981, яма 2, кв. И7; 15 — 7/1987, пл. 1, кв. Б7; 16 — 1/1987, пл. 1, кв. А1; 17 — 131/1987, яма 47, кв. Б14); 18-20 — астрагалы косули (18 — 23/1981, пл. 1, кв. Г4; 19 — 1/1982, пл. 1, кв. А6; 20 — 13/1982, пл. 3, кв. А5); 21-30 — астрагалы мелкого рогатого скота (21 — 11/1982, пл. 2, кв. В8; 22 — 3/1982, пл. 1, кв. Г8; 23 — 100/1987, яма 39а, кв. Г10; 24 — 4/1987, пл. 1, кв. А5; 25 — 9/1987, пл. 1, кв. Б10; 26 — 48/1982, яма 126, кв. Ж3; 27 — 51/1981, яма 13, кв. В2; 28 — 76/1987, яма 25, кв. Д10; 29 — 27/1987, пл. 1, кв. В2; 30 — 7/1982, пл. 2, кв. А9)

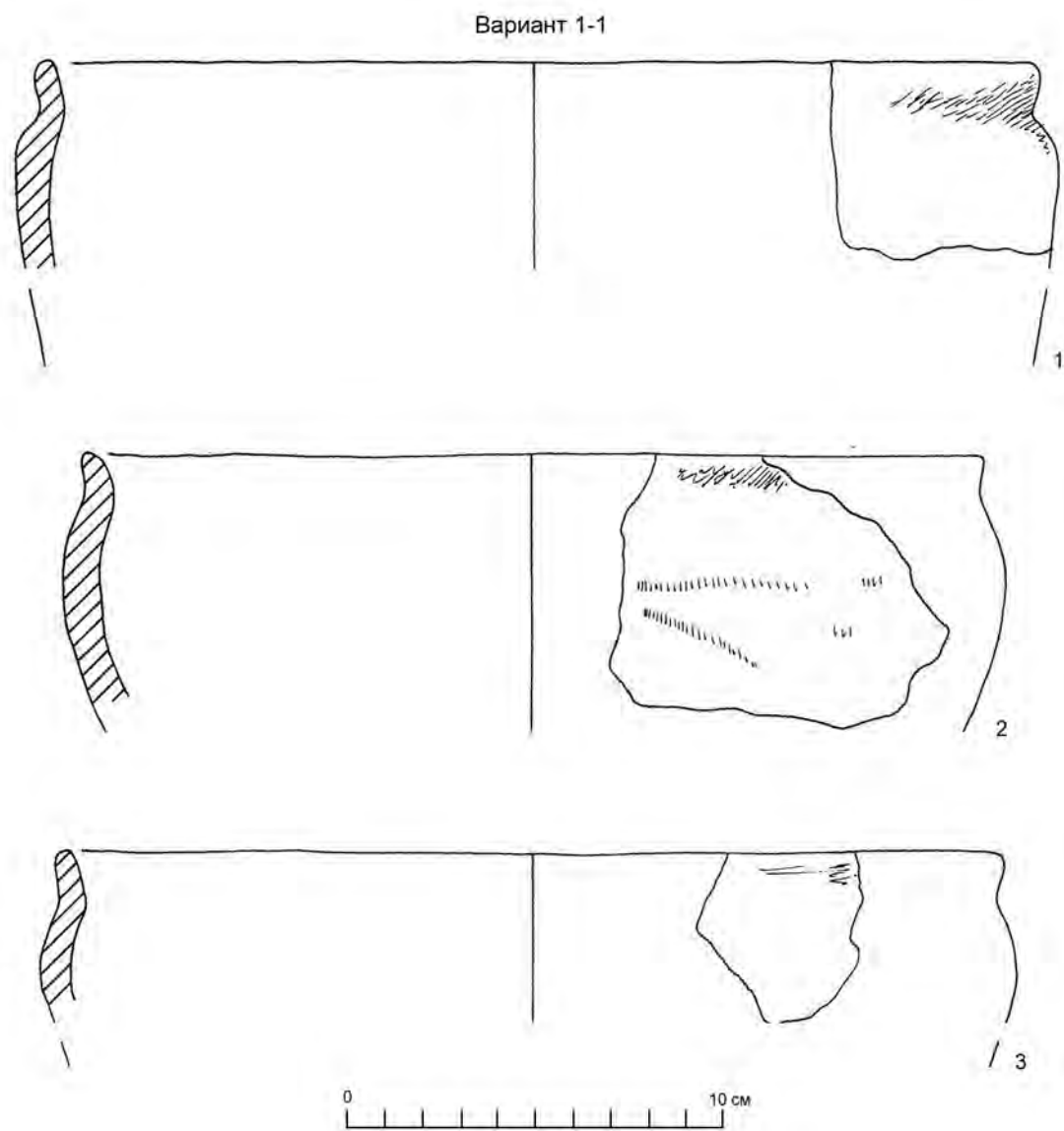

Рис. 34. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 1, вариант 1: 1 — 1279/1982; 2 — 1261/1982; 3 — 49?/1982

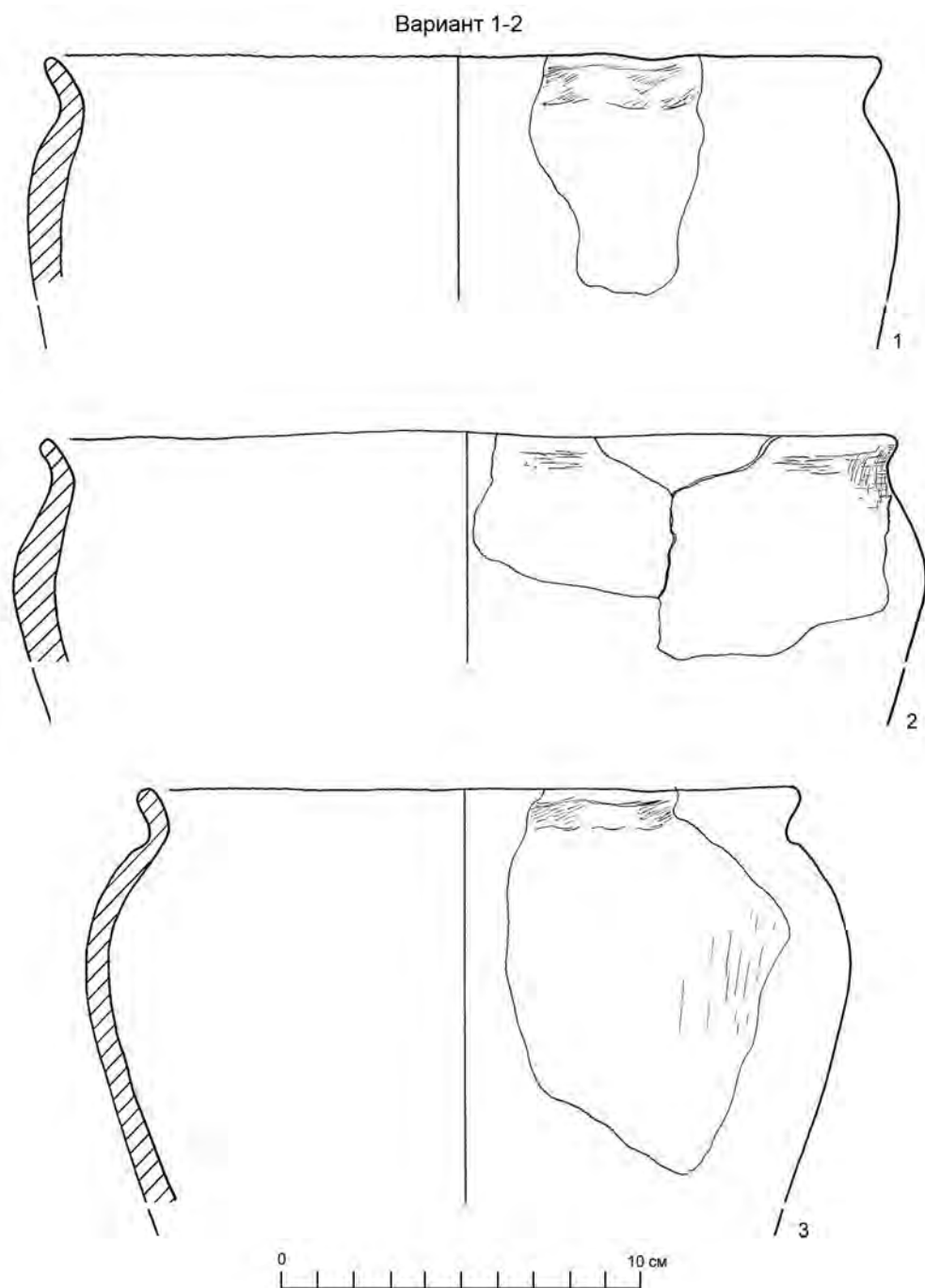

Рис. 35. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 1, вариант 2: 1 — 1095/1987, дресва + шамот, венчик приглажен; 2 — 1052, 11/081987, заглажен; 3 — 1007/1987

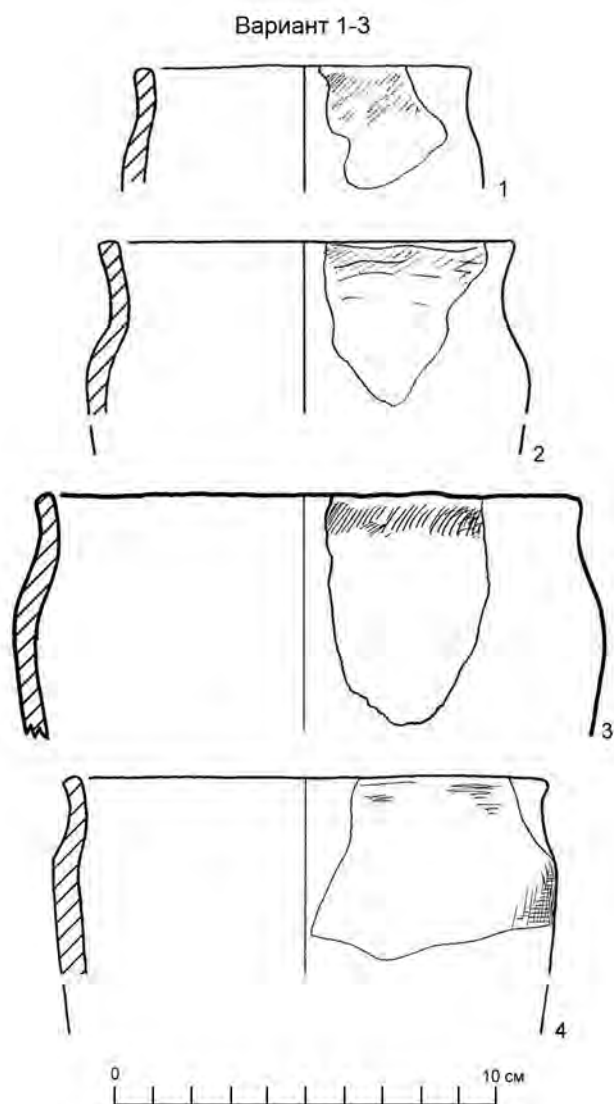

Рис. 36. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 1, вариант 3: 1 — 768/1987; 2 — 797/1987, горизонтально приглажен; 3 — 95/1985; 4 — 757, 759, 761/1987

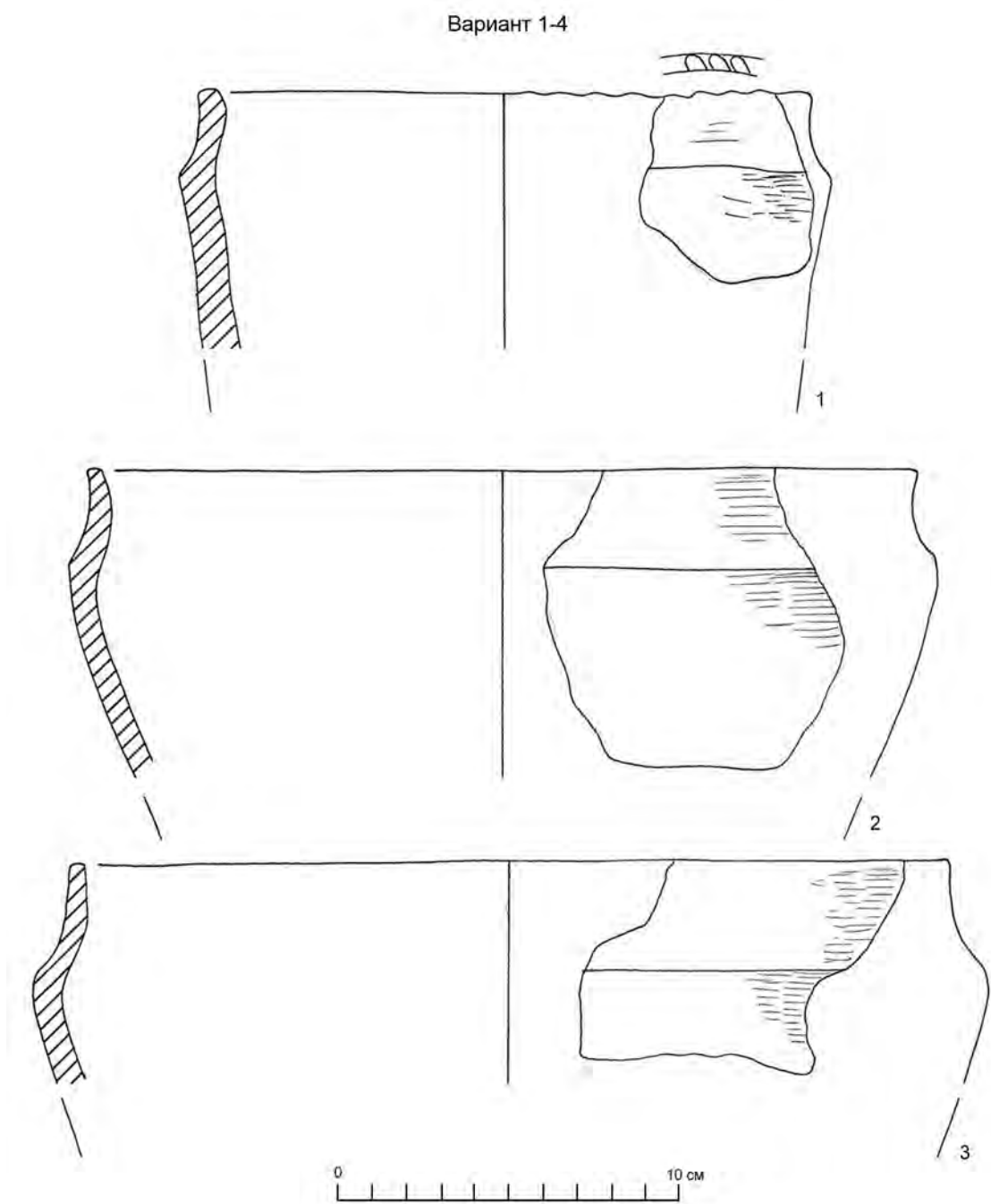

Рис. 37. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 1, вариант 4; 1 — 438/1986; 2 — 356/1986; 3 — 361/1986

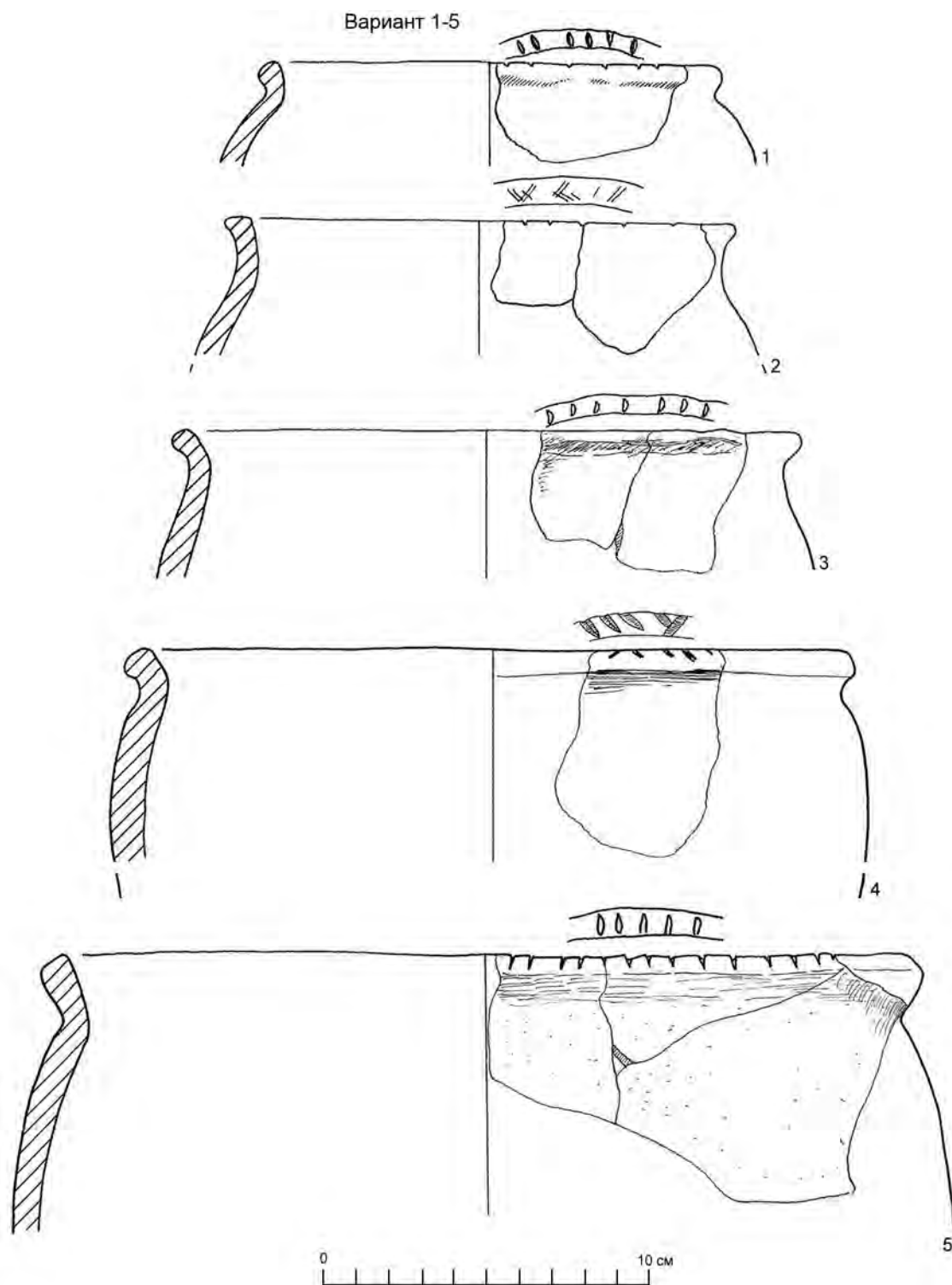

Рис. 38. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 1, вариант 5, насечка: 1 — 842, 854/1987, дресва + шамот; 2 — 303, 304/1986; 3 — 857, 861/1987, грубо заглажен; 4 — 756/1987; 5 — 1069, 1070, 1084/1987, заглажен

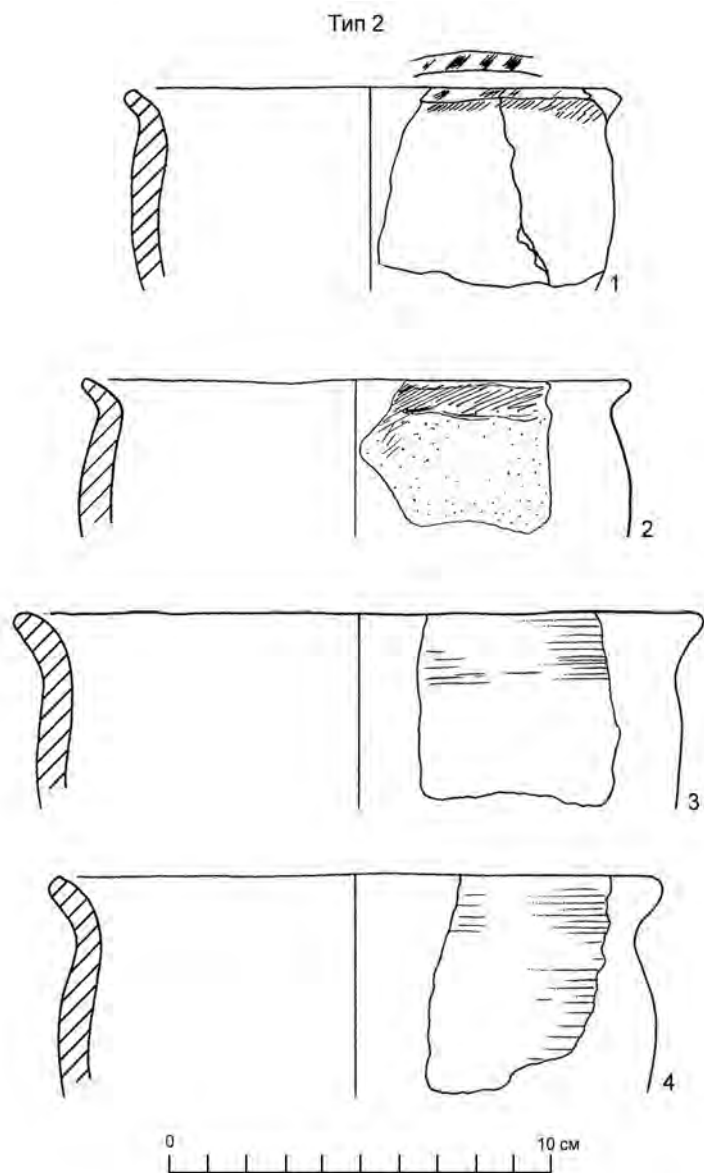

Рис. 39. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 2: 1 — 368, 369/1989; 2 — 747/1987; 3 — 220/1986; 4 — 239/1986

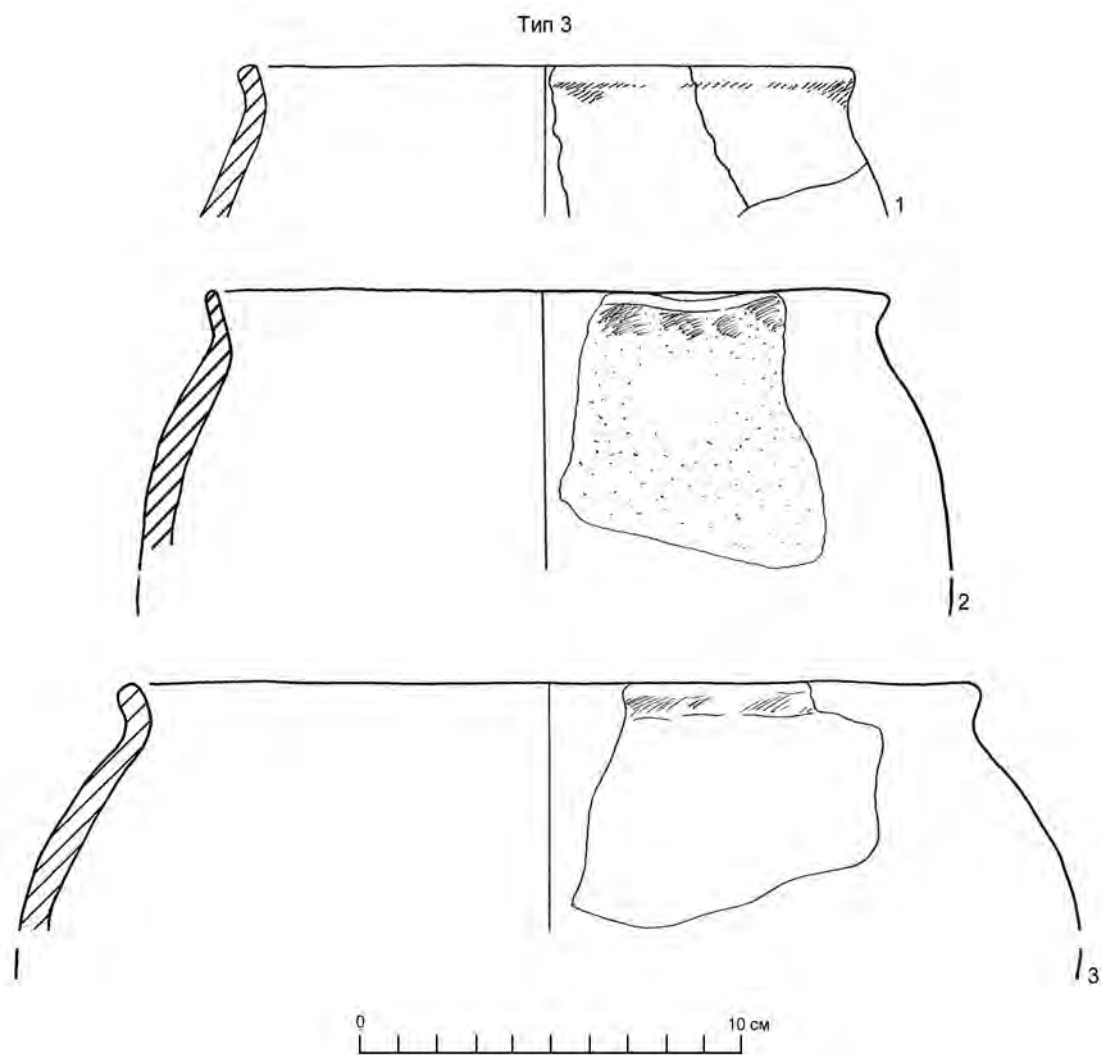

Рис. 40. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 3: 1 — 238, 240/1986; 2 — 365/1987; 3 — 597/1987, вертикально приглажен

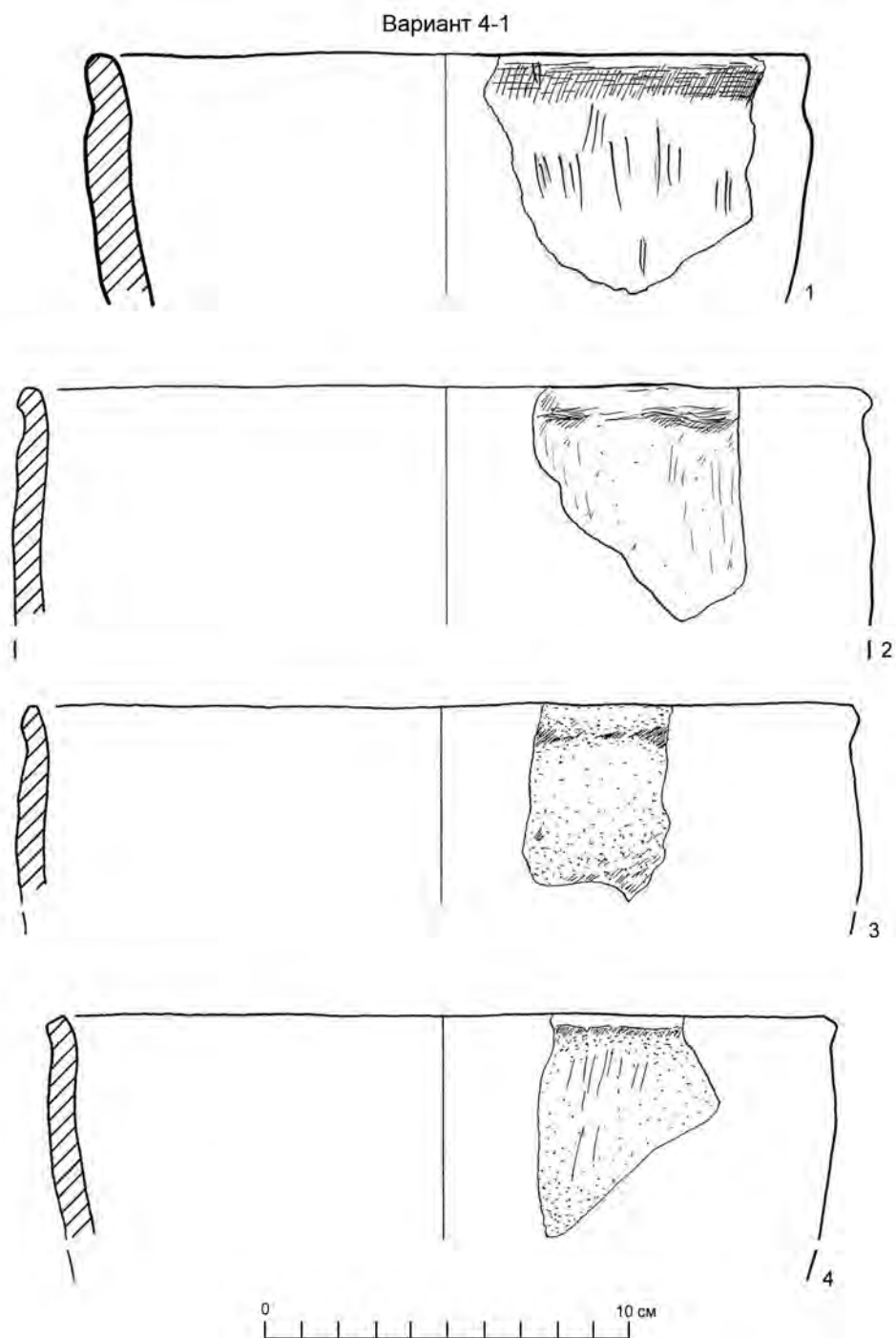

Рис. 41. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 4, вариант 1: 1 — 177/1985, пл. 2; 2 — 1205/1987; 3 — 514/1987; 4 — 523/1987

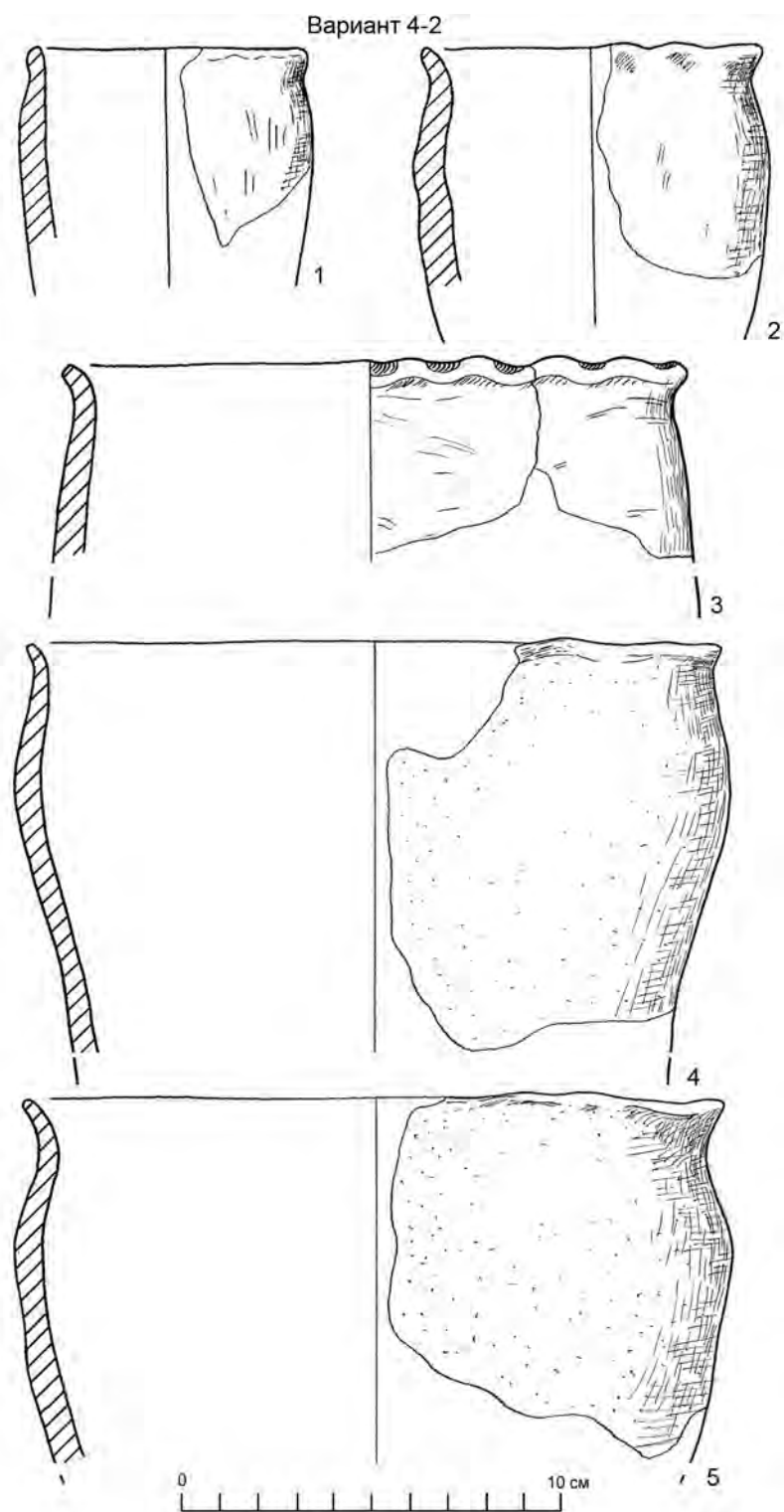

Рис. 42. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 4, вариант 2: 1 — 1110/1987; 2 — 1024/1987; 3 — 887, 908/1987, дресва, шамот; 4 — 1263/1987; 5 — 1230/1987

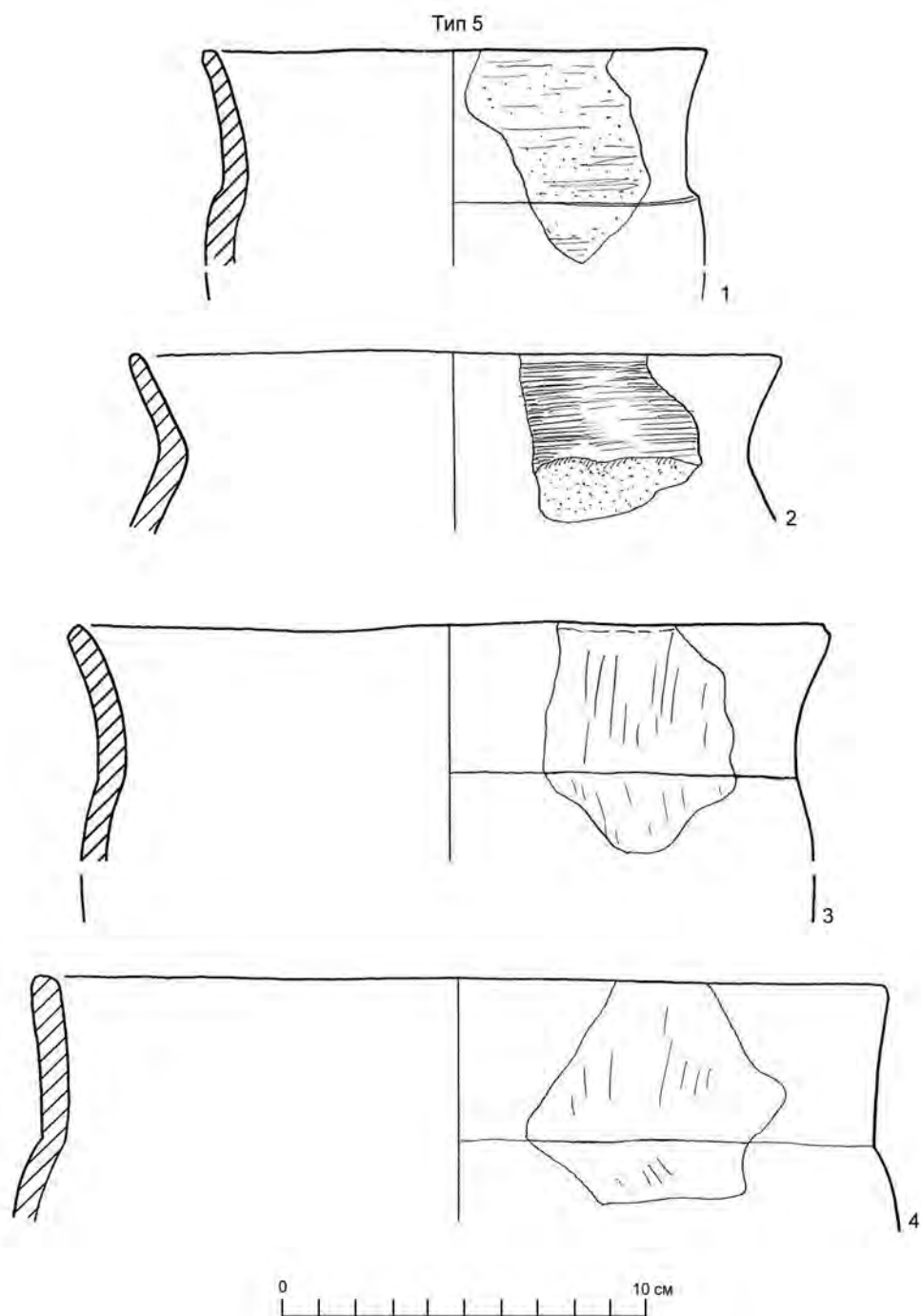

Рис. 43. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 5: 1 — 139/1987; 2 — 652/1987, чернolощеный; 3 — 290/1987, грубое вертикальное заглаживание; 4 — 746/1987, вертикальное заглаживание

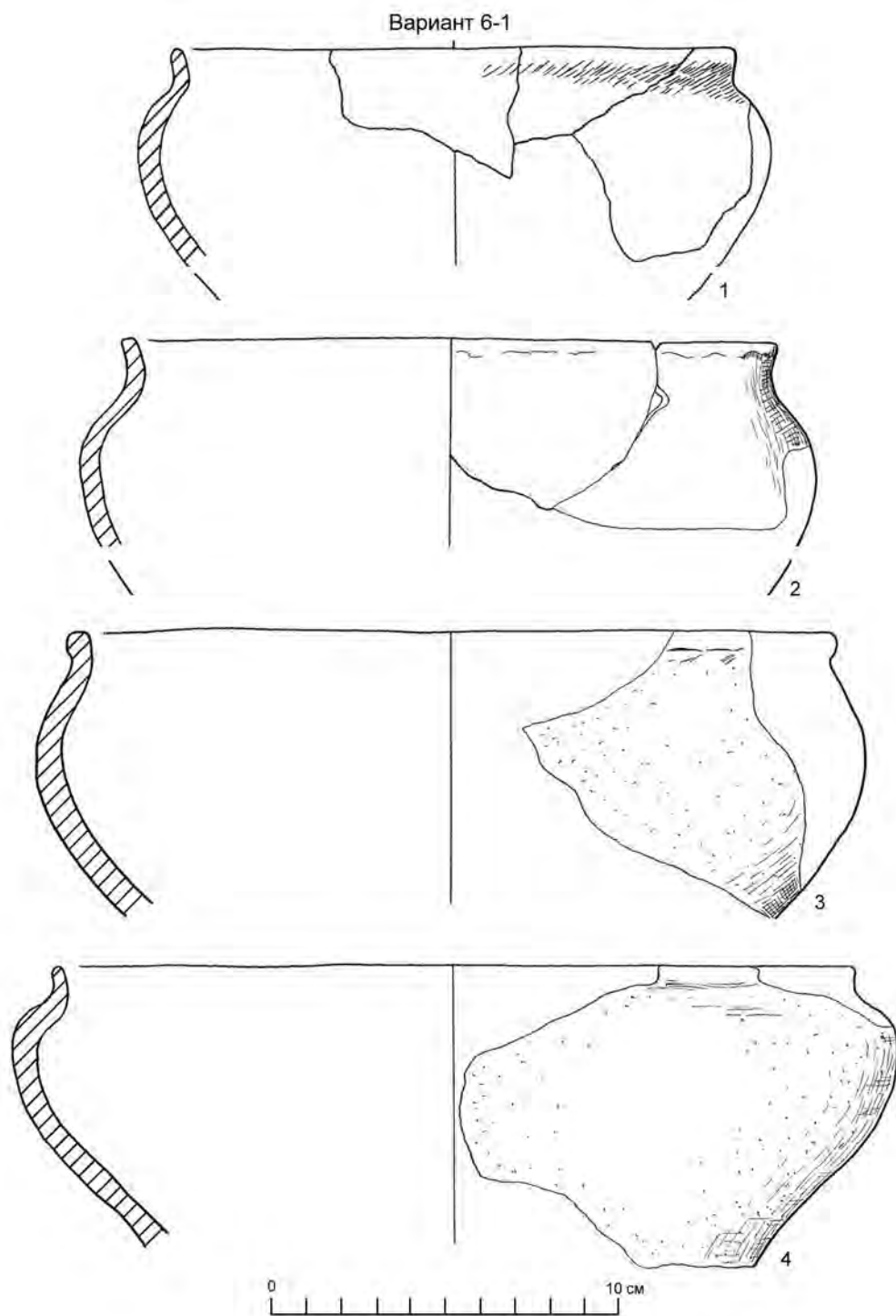

Рис. 44. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 6, вариант 1: 1 — 307, 309, 330/1986; 2 — 873, 881/1987, горизонтально приглаженный венчик; 3 — 1194/1987, горизонтально приглажен; 4 — 613/1987, дресва + шамот, подлощен

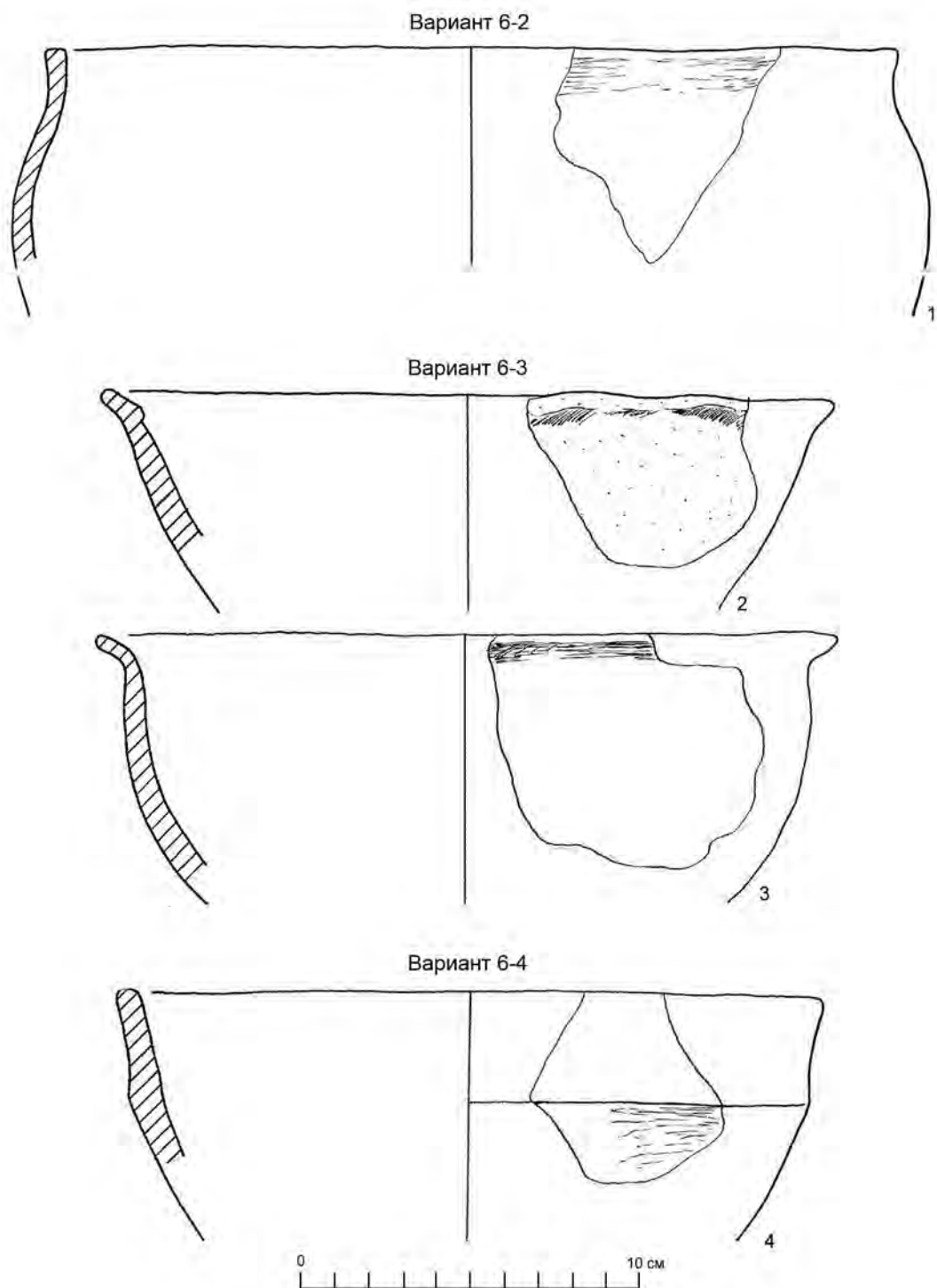

Рис. 45. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 6: вариант 2: 1 — 1090/1987, венчик горизонтально приглажен; вариант 3: 2 — 1124/1987, 3 — ?/1987, лощеный; вариант 4 — 1005/1987, закраина горизонтально заглажена

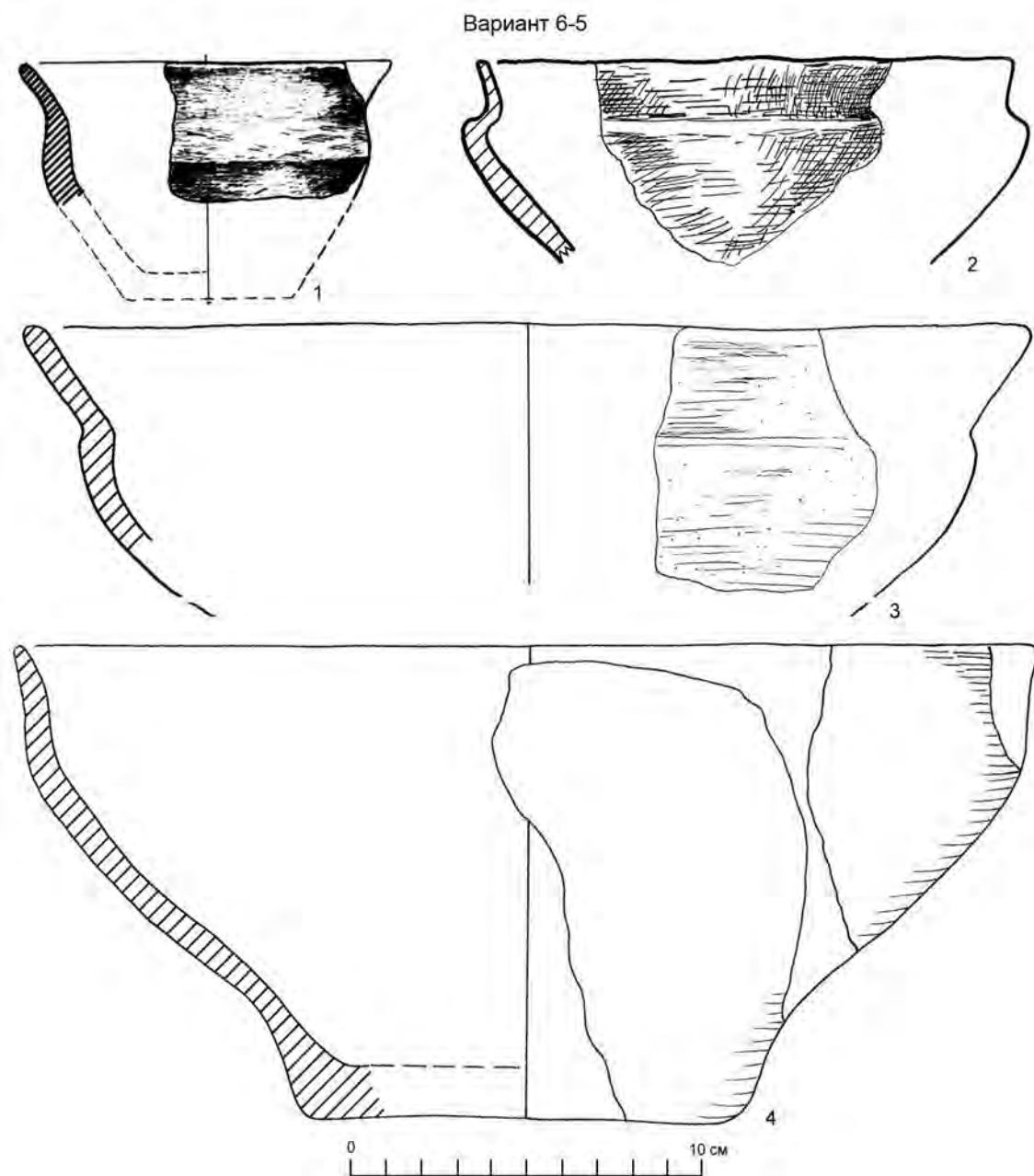

Рис. 46. Гнездилово 2. Лепная керамика. Тип 6, вариант 5: 1 — 1980, пл. 1, черное лощение; 2 — 93, 94/1985, пл. 1, подлощение; 3 — 4/1987; 4 — 401, 402/1986

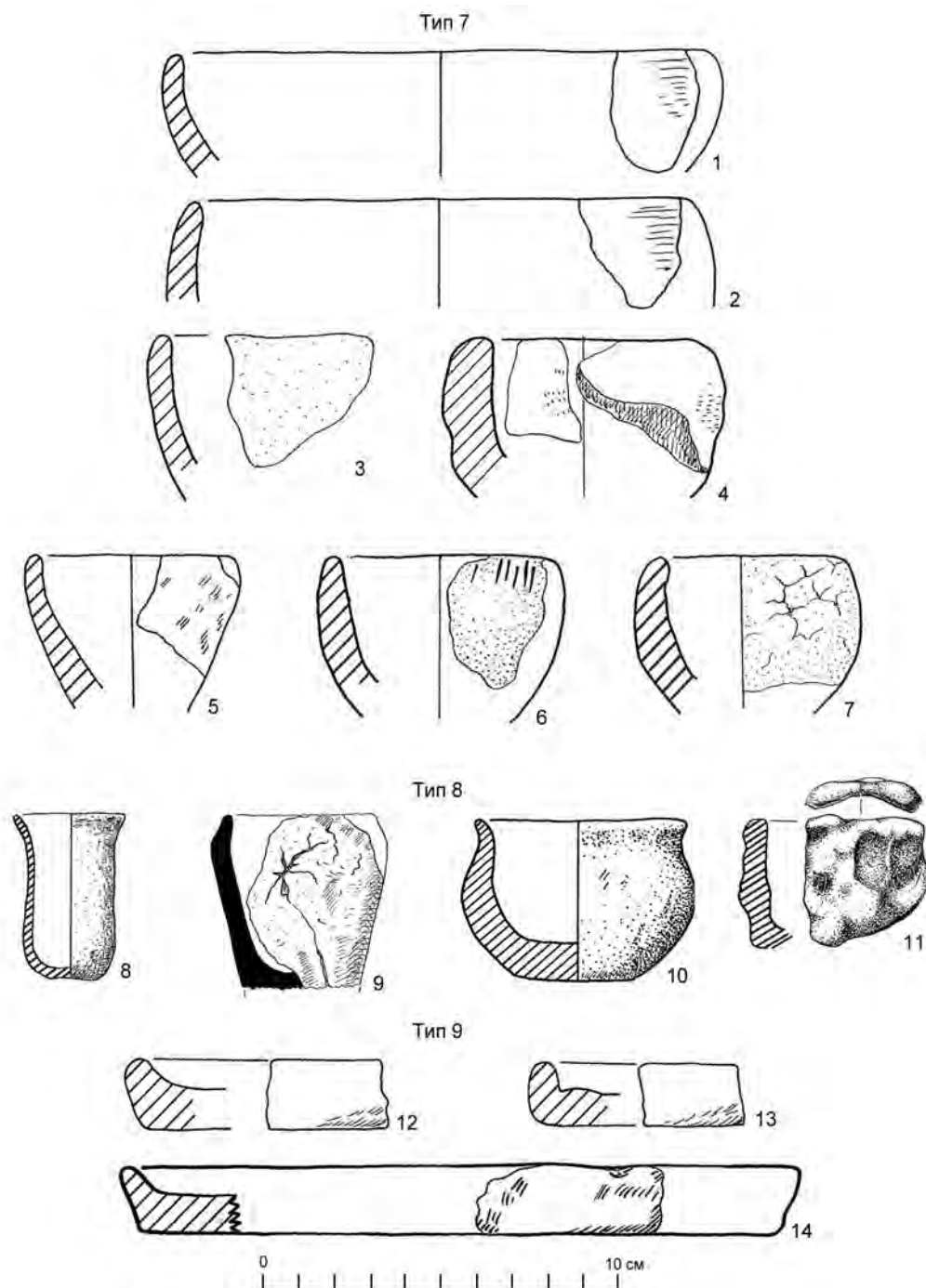

Рис. 47. Гнездилово 2. Лепная керамика. Типы 7–9. Тип 7: 1 — 248/1985; 2 — 249/1985; 3 — 653/1987; 4 — 648, 649, 715/1987, без отошителя, текстильные отпечатки + наколы; 5 — 293/1982; 6 — 17/1987; 7 — 423/1987. Тип 8: 8 — 136/1987, я. 47, кв. А15; 9 — 17/1984, пл. 2, кв. Г3; 10 — 27/1987, пл. 2, кв. А3; 11 — 36/1981, пл. 1, кв. Д5. Тип 9: 12 — 164/1982; 13 — 278/1982; 14 — 177/1985

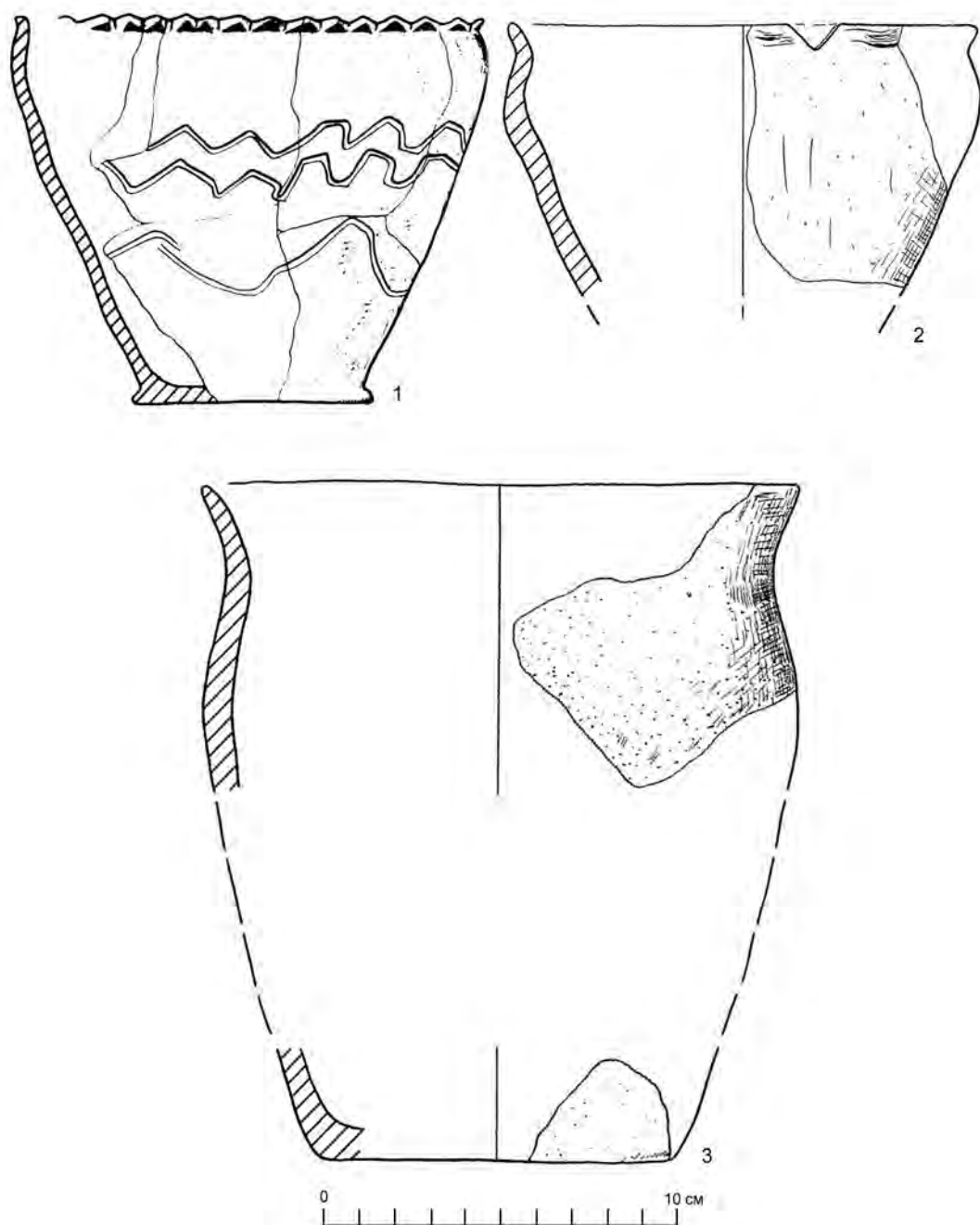

Рис. 48. Гнездилово 2. Лепная керамика. Индивидуальные формы: 1 — 1/1981, яма 2; 2 — 1193/1987, горизонтально приглажен, яма 396; 3 — 778, 780, 794, 796/1987, дресва + шамот + органика, яма 31

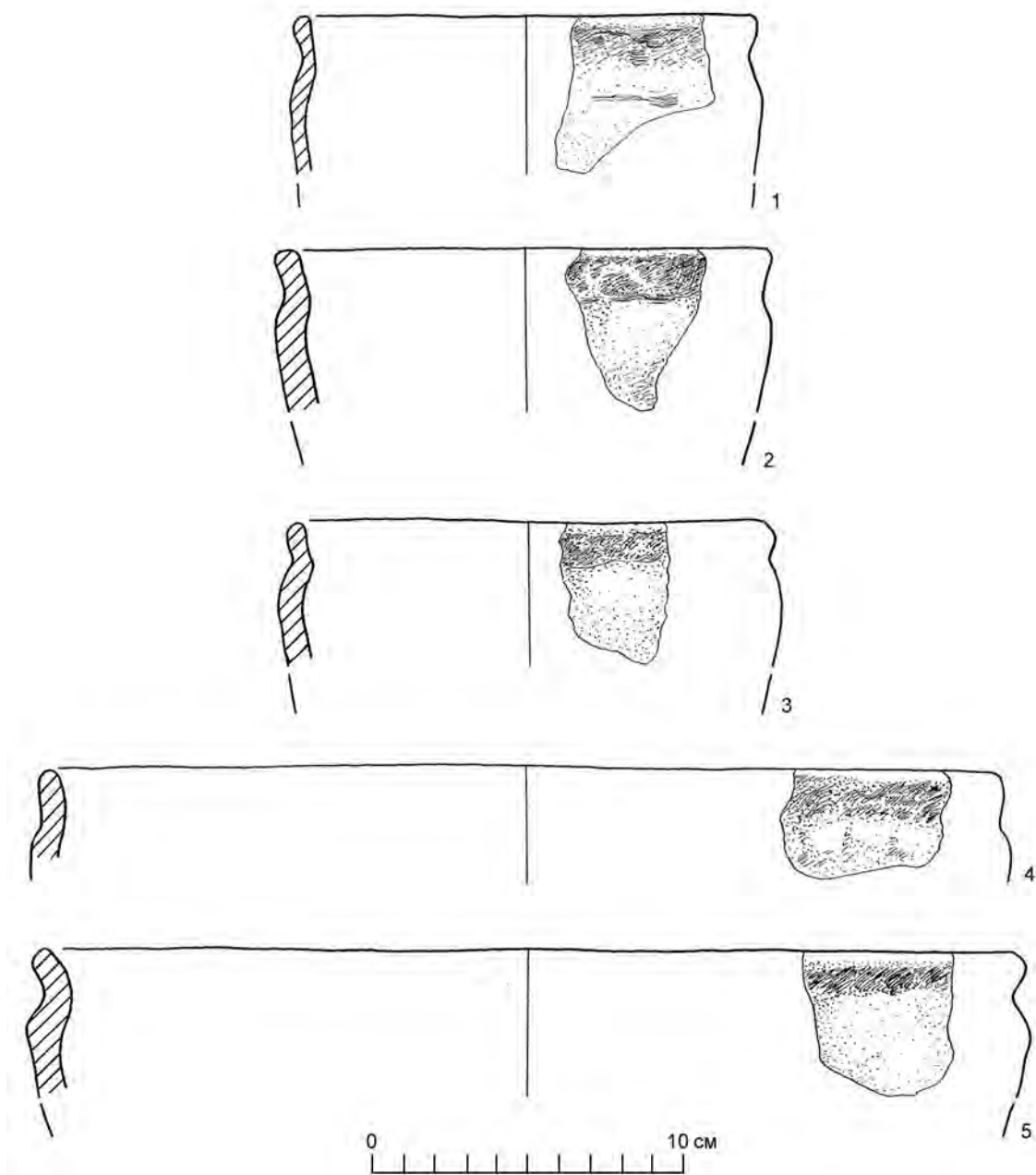

Рис. 49. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 1, вариант 1: 1 — 463/1987; 2 — 475/1987; 3 — 173/1987; 4 — ?/1987; 5 — 485/1987

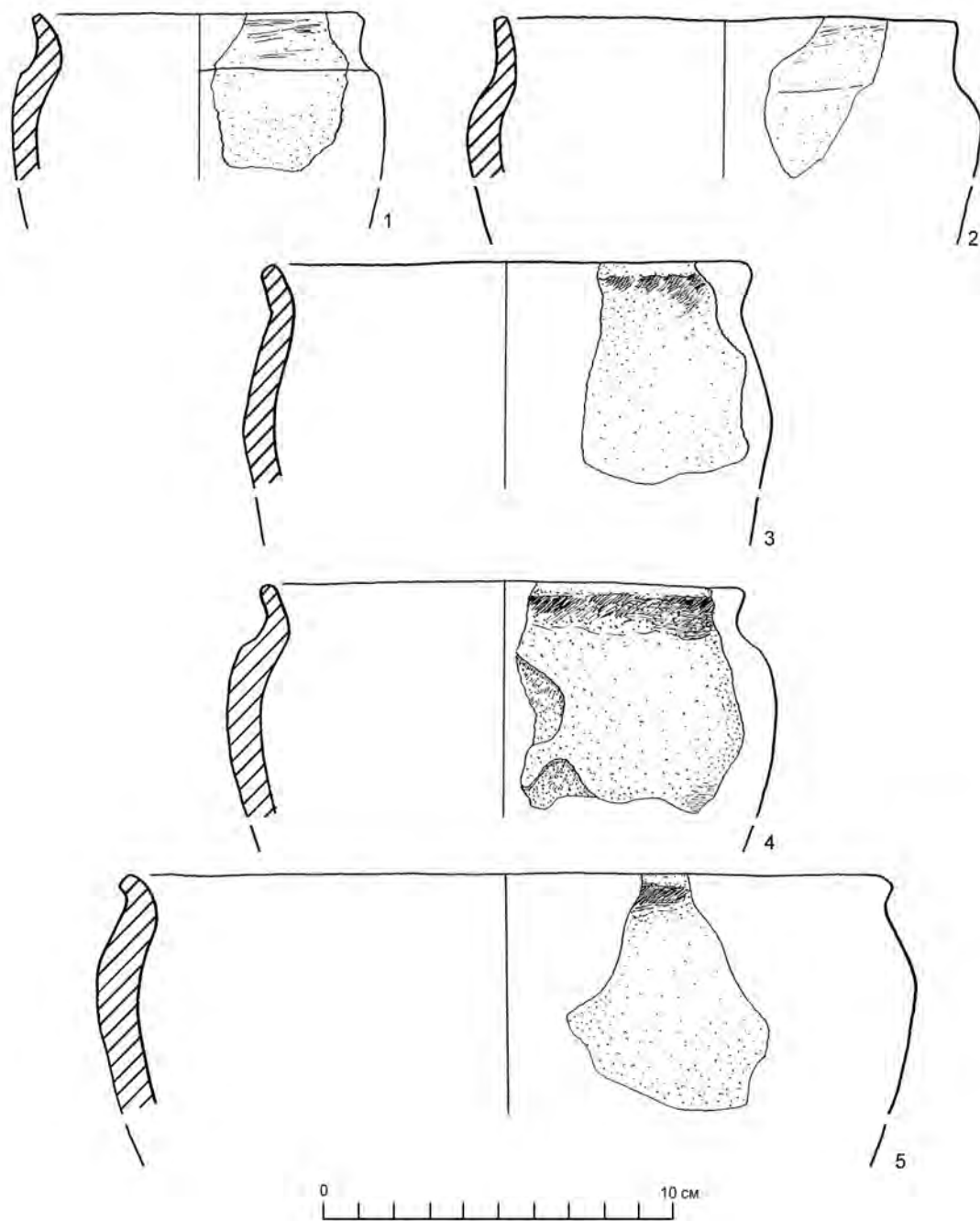

Рис. 50. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 1, вариант 1: 1 — 222/1987; 2 — 138/1987; 3 — ?/1987; 4 — 90/1987; 5 — 46/1987

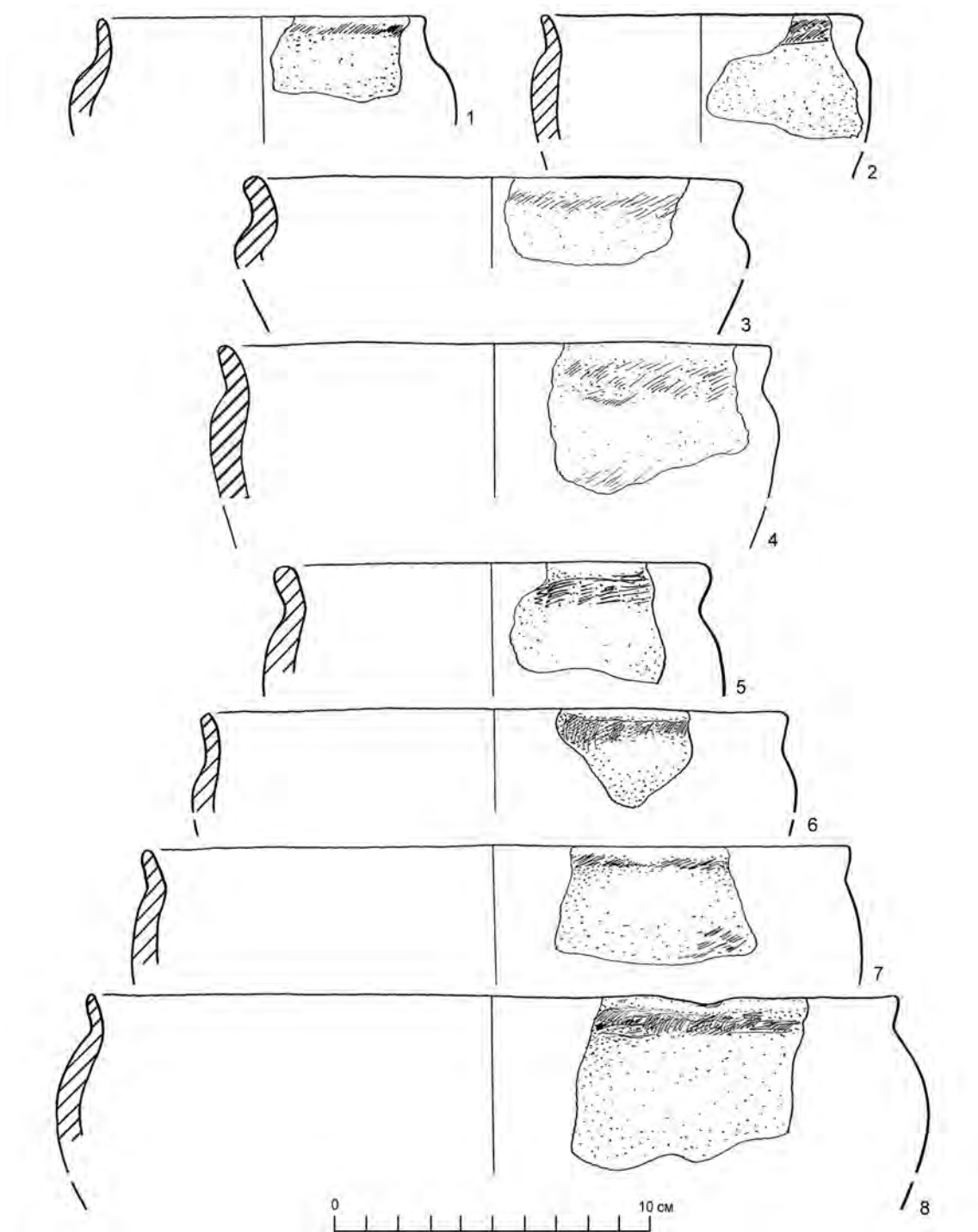

Рис. 51. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 1, вариант 1: 1 — 47/1987; 2 — 59/1987; 3 — 515/1987; 4 — 432/1987; 5 — 104/1987; 6 — 109/1987; 7 — 68/1987; 8 — 21/1987

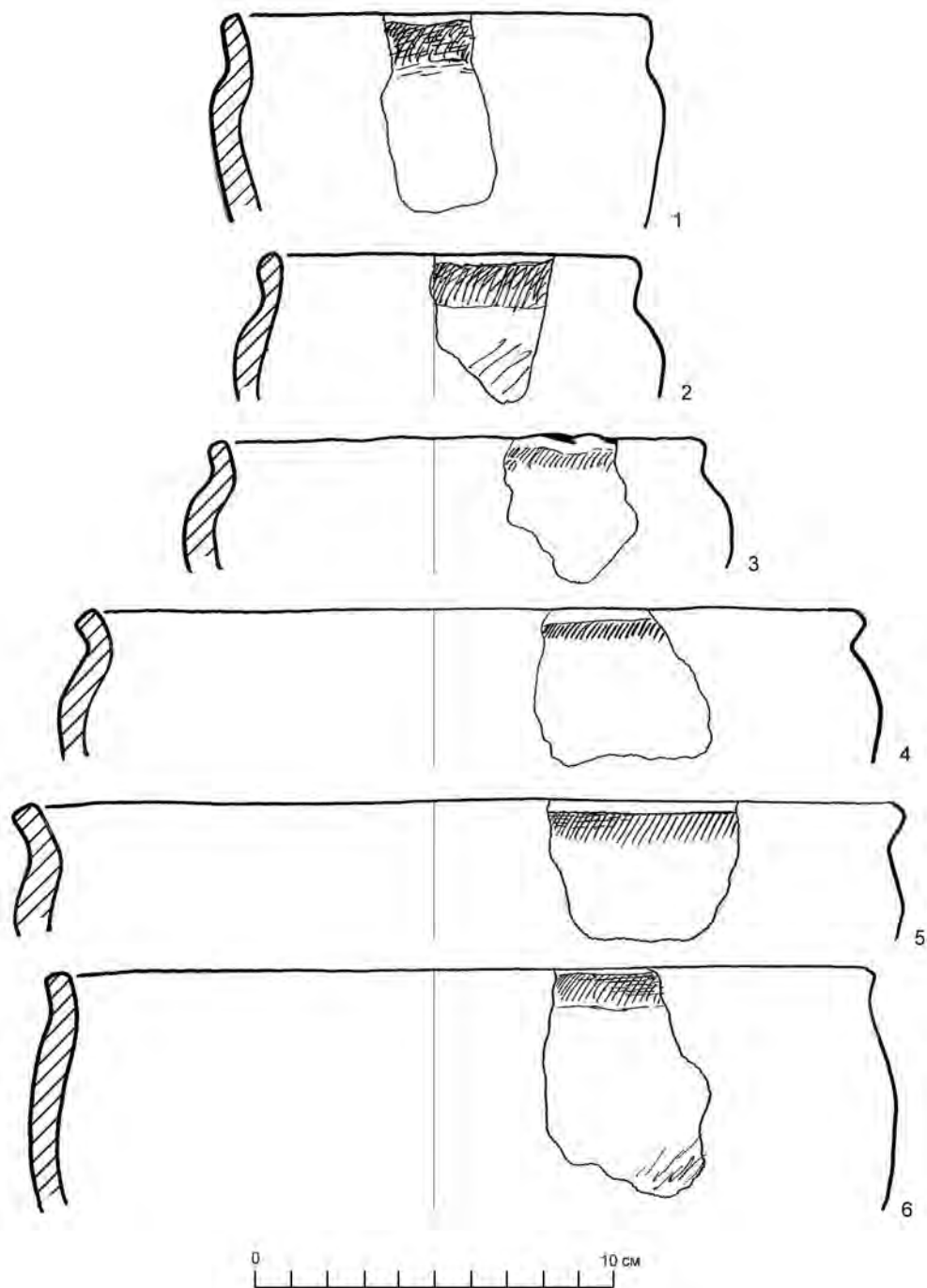

Рис. 52. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 1, вариант 1: 1 — 257/1987; 2 — 194/1985; 3 — 71/1987; 4 — 217/1985; 5 — 219/1985; 6 — 156/1985

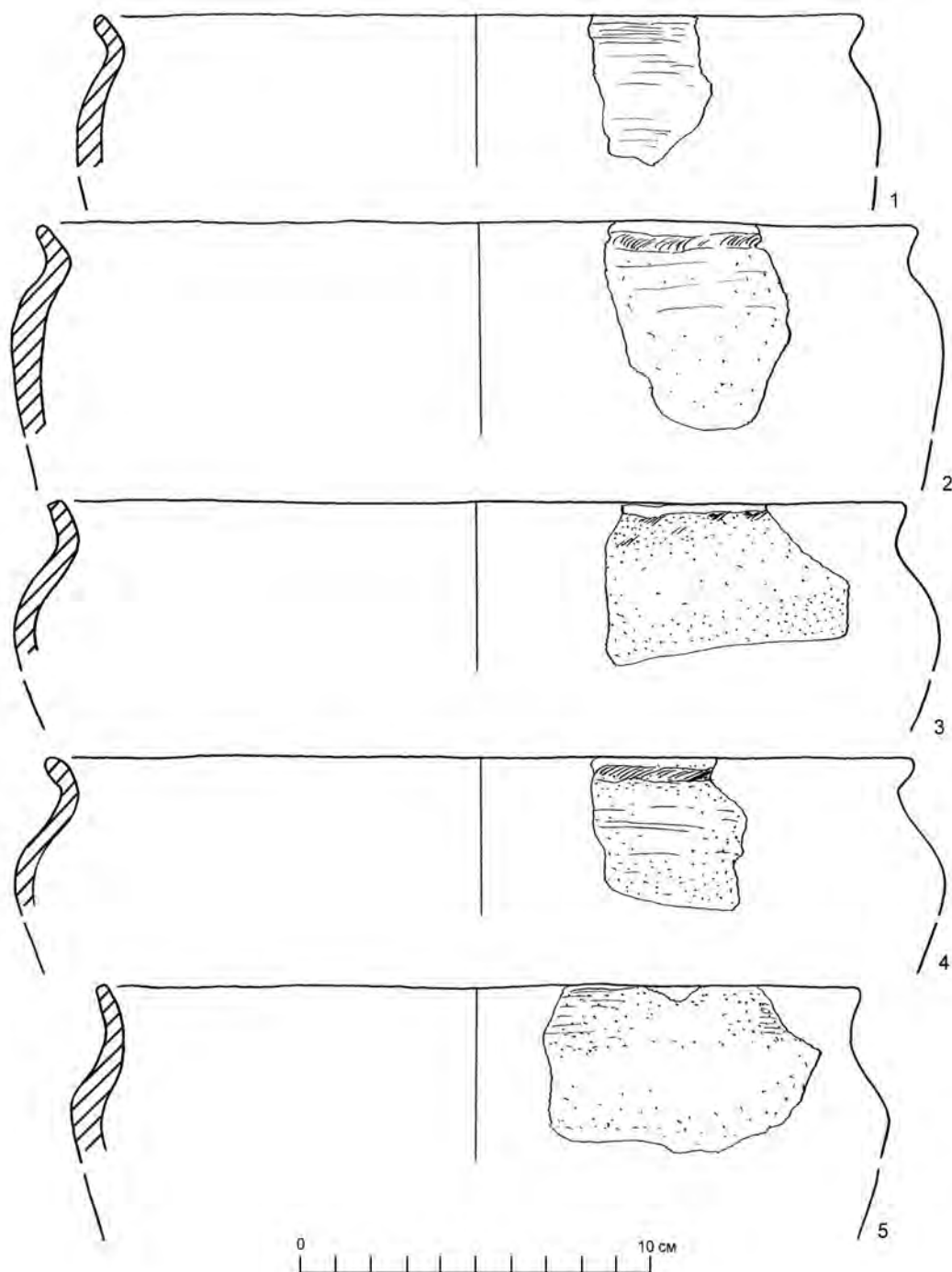

Рис. 53. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 1, вариант 2: 1 — 356/1986, горизонтальное подлощение; 2 — 438/1987, горизонтальное заглаживание; 3 — 360/1987; 4 — 513/1987; 5 — 452/1987

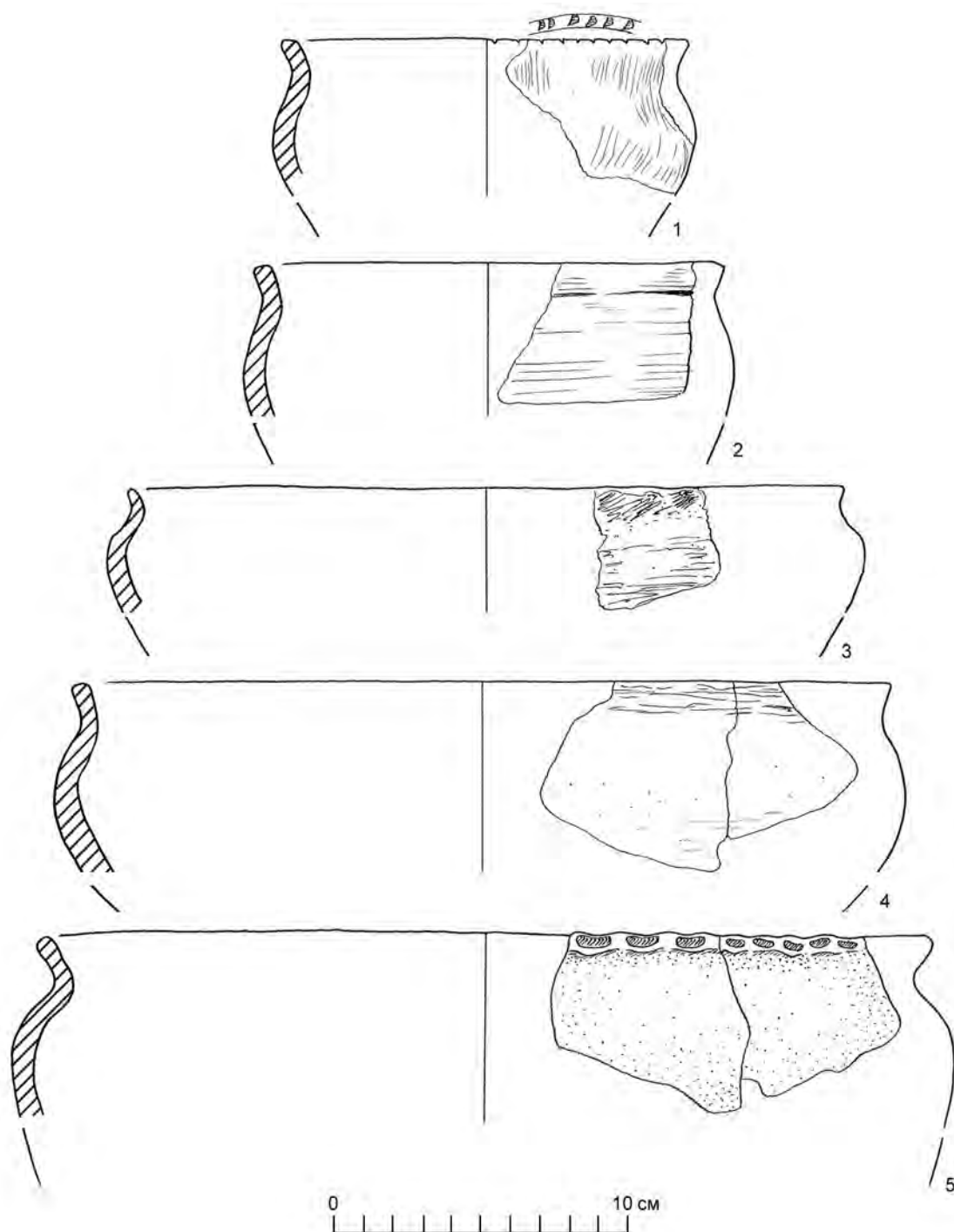

Рис. 54. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 1, вариант 2: 1 — 348/1987, вертикальное заглаживание; 2 — 507/1987, горизонтальное заглаживание; 3 — 332/1987, заглажен по плечу, подлощение; 4 — 443, 493/1987, венчик горизонтально заглажен; 5 — 198, 198a/1987

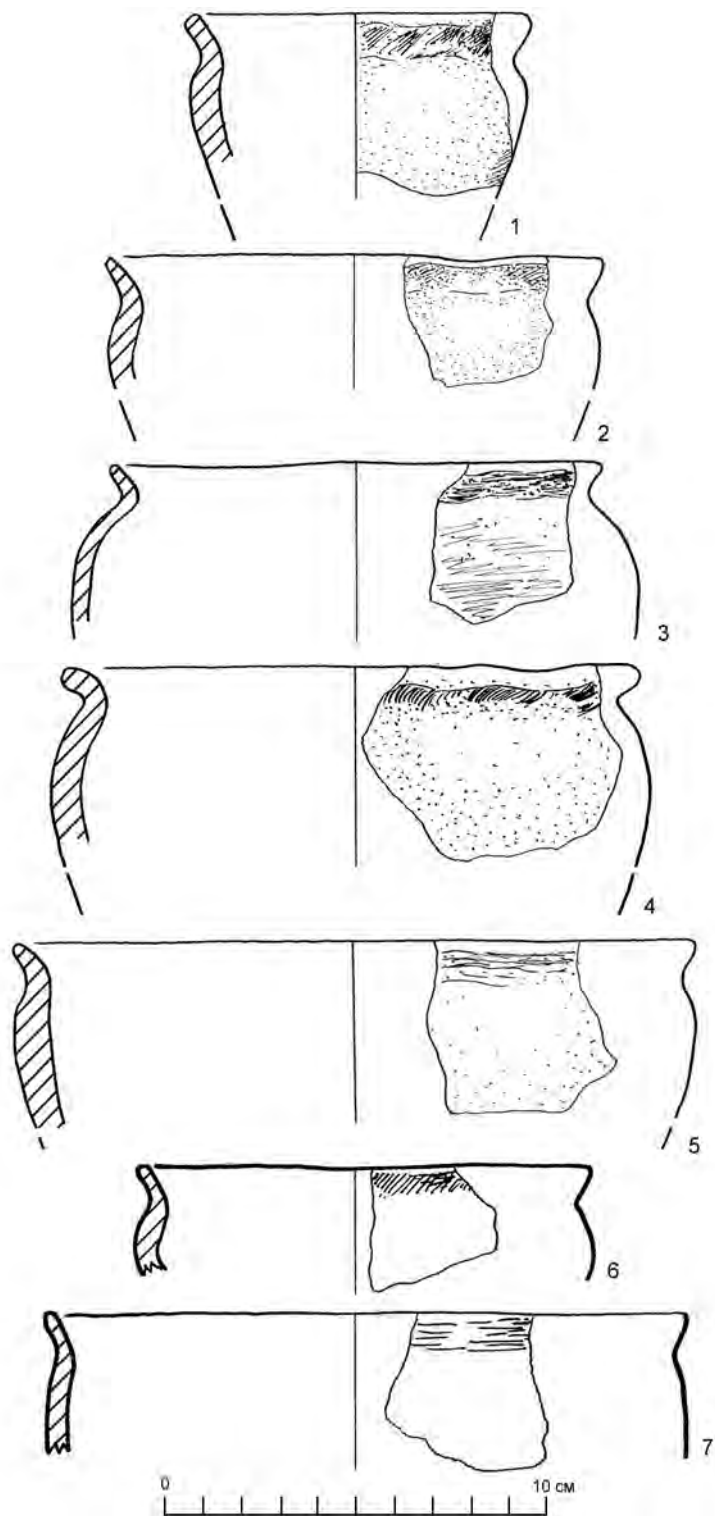

Рис. 55. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 1, вариант 2: 1 — 23/1987; 2 — 84/1987; 3 — 125/1987; 4 — 102/1987; 5 — 96/1987; 6 — 237/1985; 7 — /2/1985

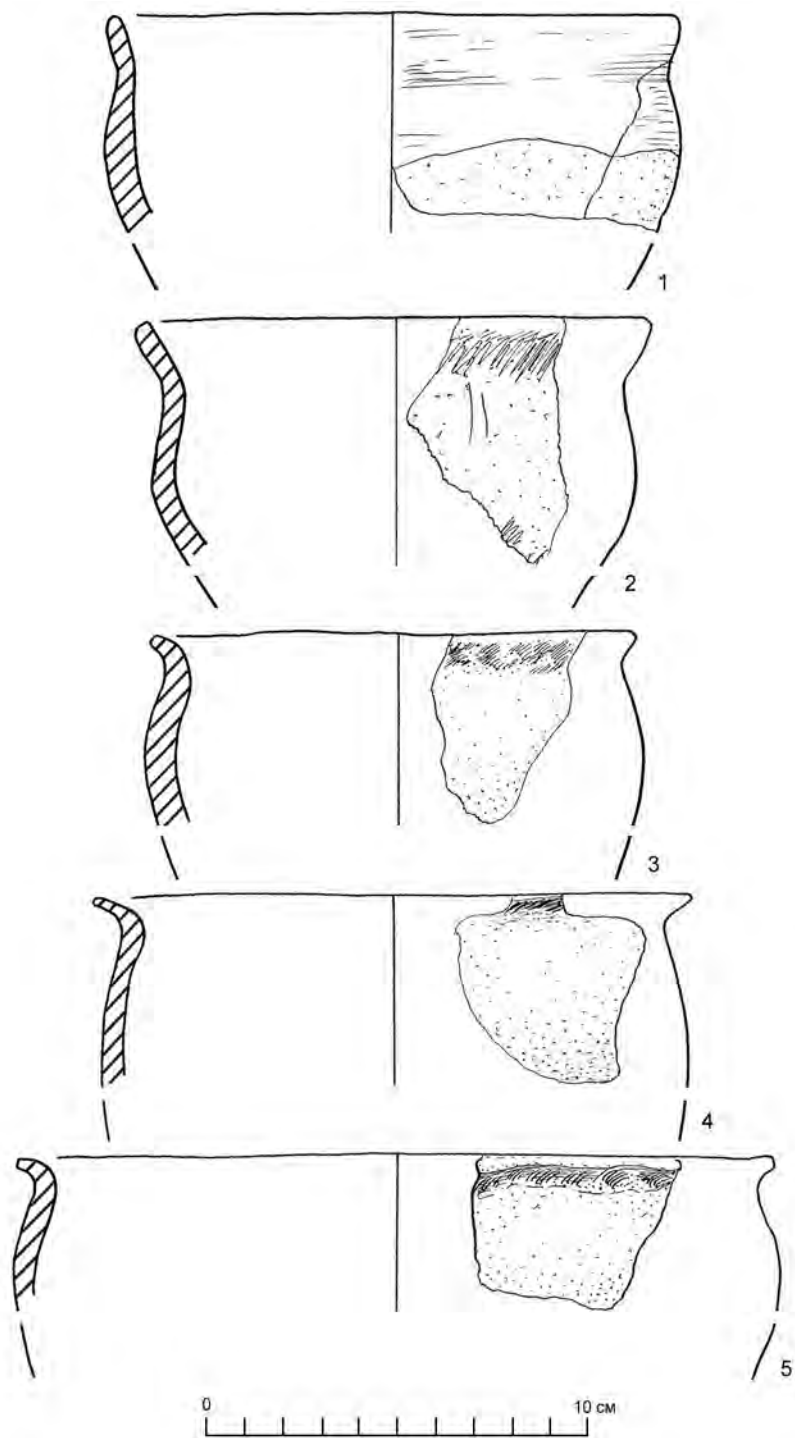

Рис. 56. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой: 1 — 135, 148/1987, подлощенный; 2 — 474/1987; 3 — 319/1987; 4 — 463/1987; 5 — 325/1987

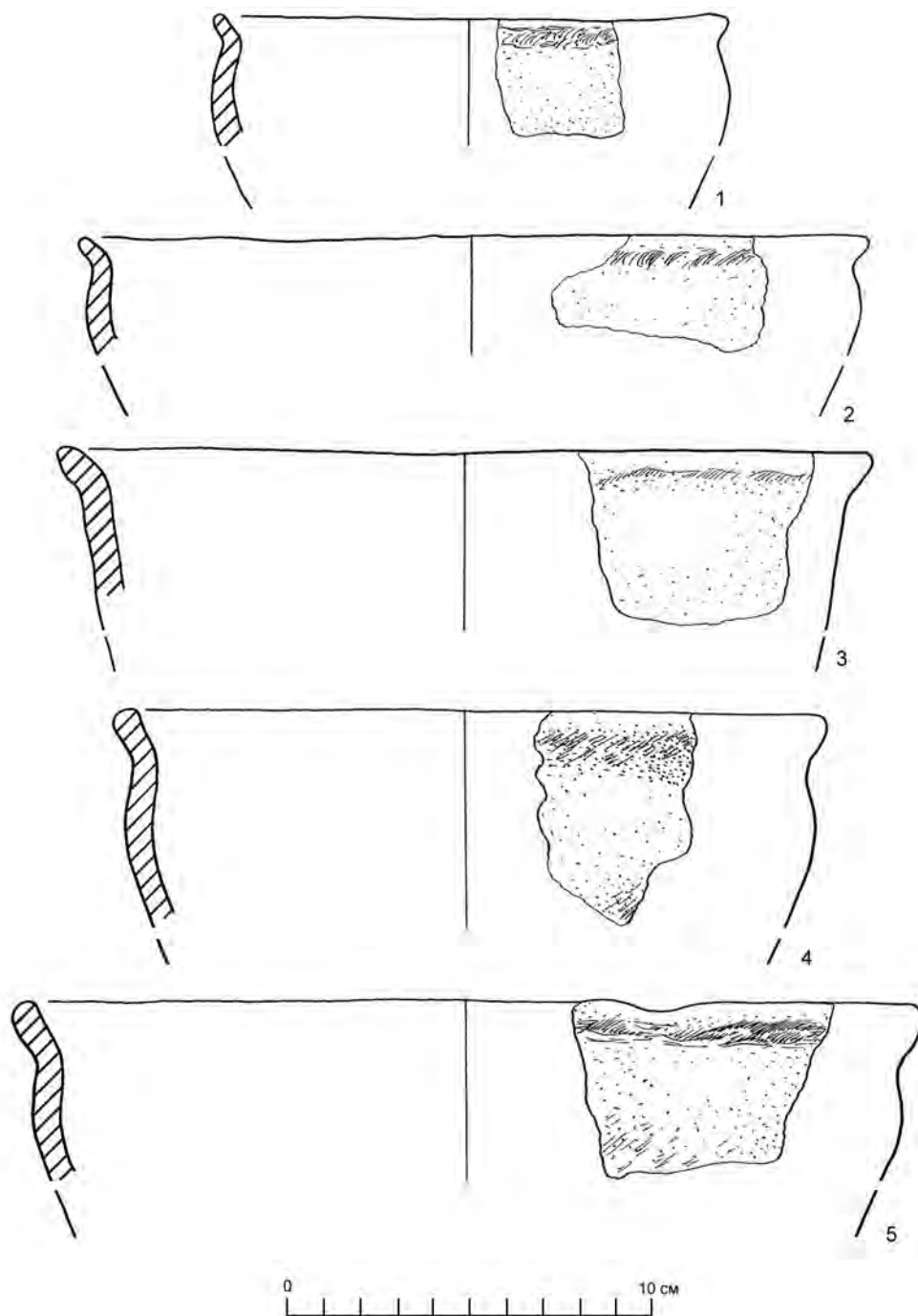

Рис. 57. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой: 1 — 550/1987; 2 — 532/1987; 3 — 349/1987; 4 — 91/1987; 5 — 86/1987

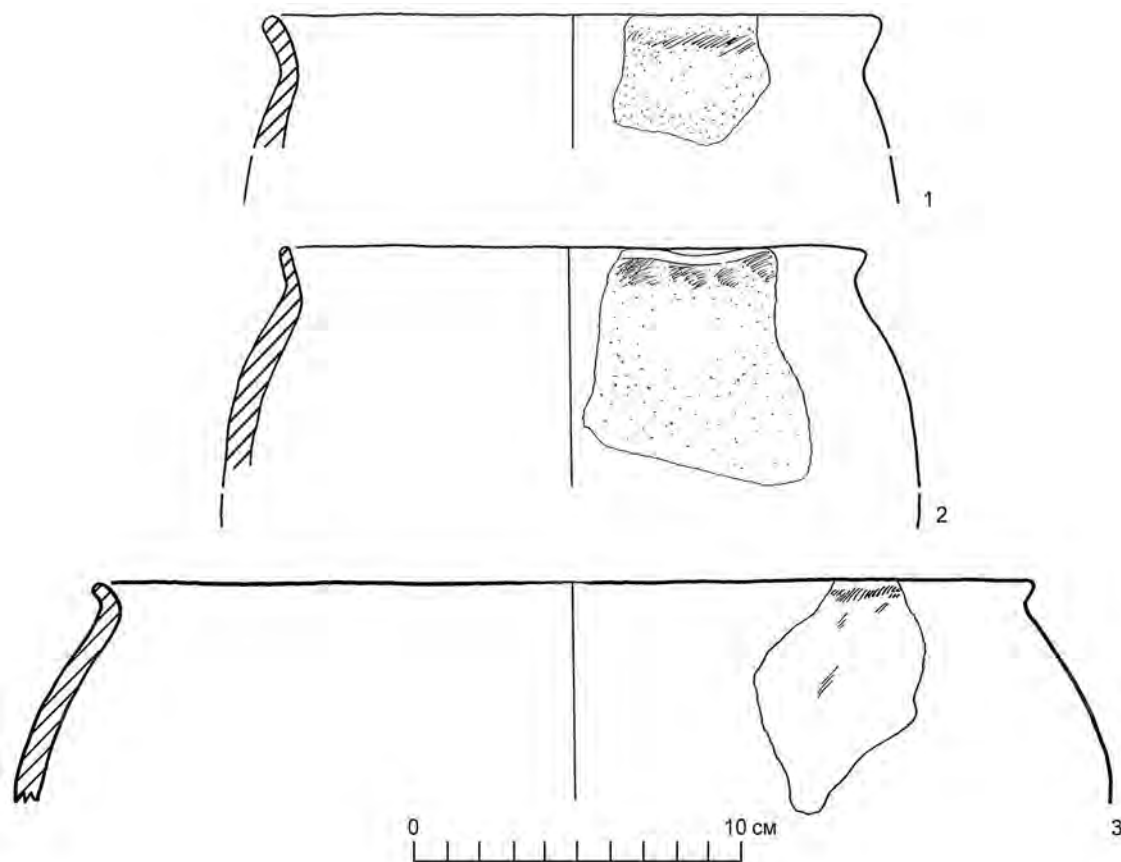

Рис. 58. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 3: 1 — 283/1987; 2 — 365/1987; 3 — 192/1985, пл. 2

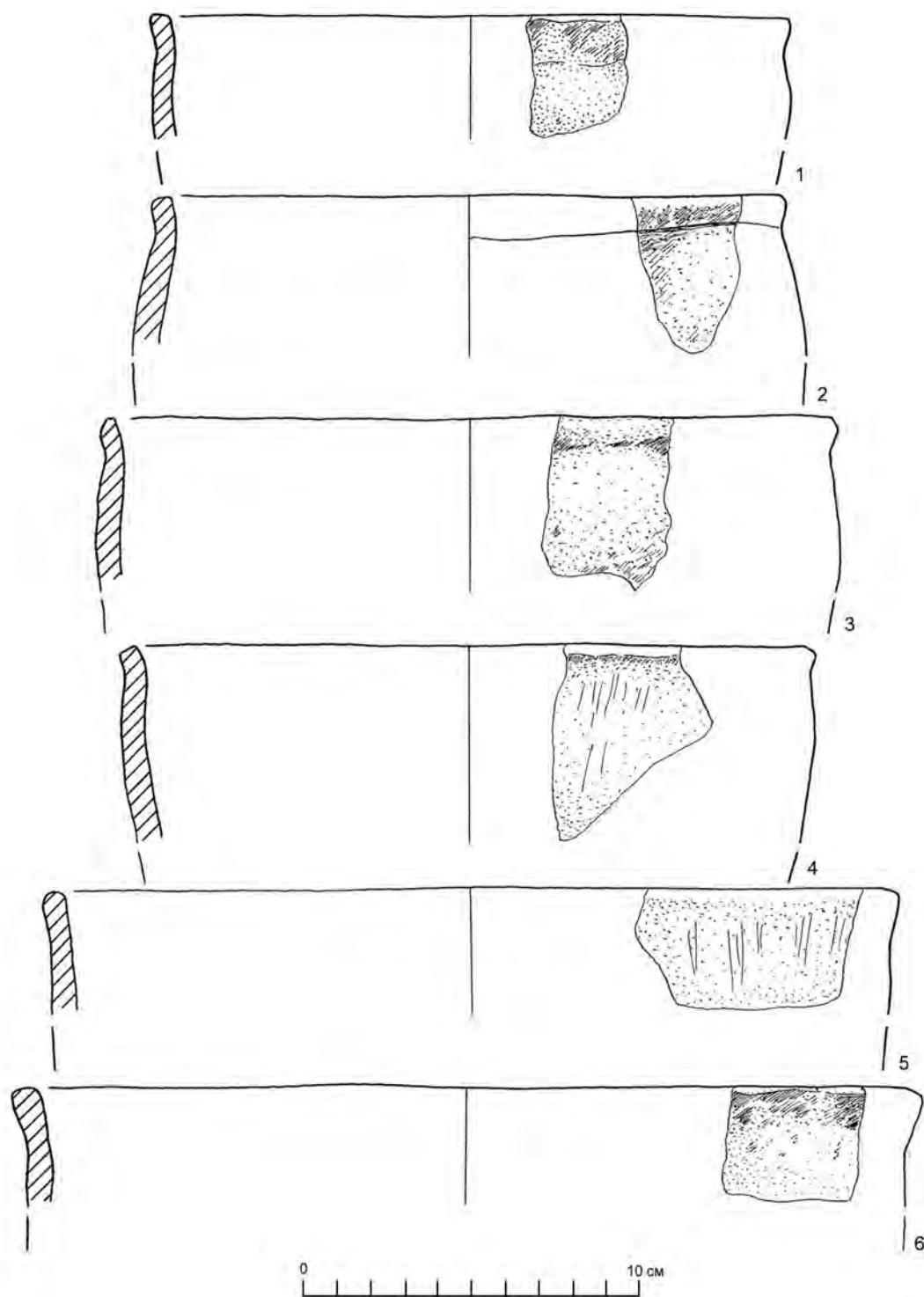

Рис. 59. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 4, вариант 1: 1 — 343/1987; 2 — 440/1987; 3 — 514/1987; 4 — 523/1987; 5 — 195/1987; 6 — 462/1987

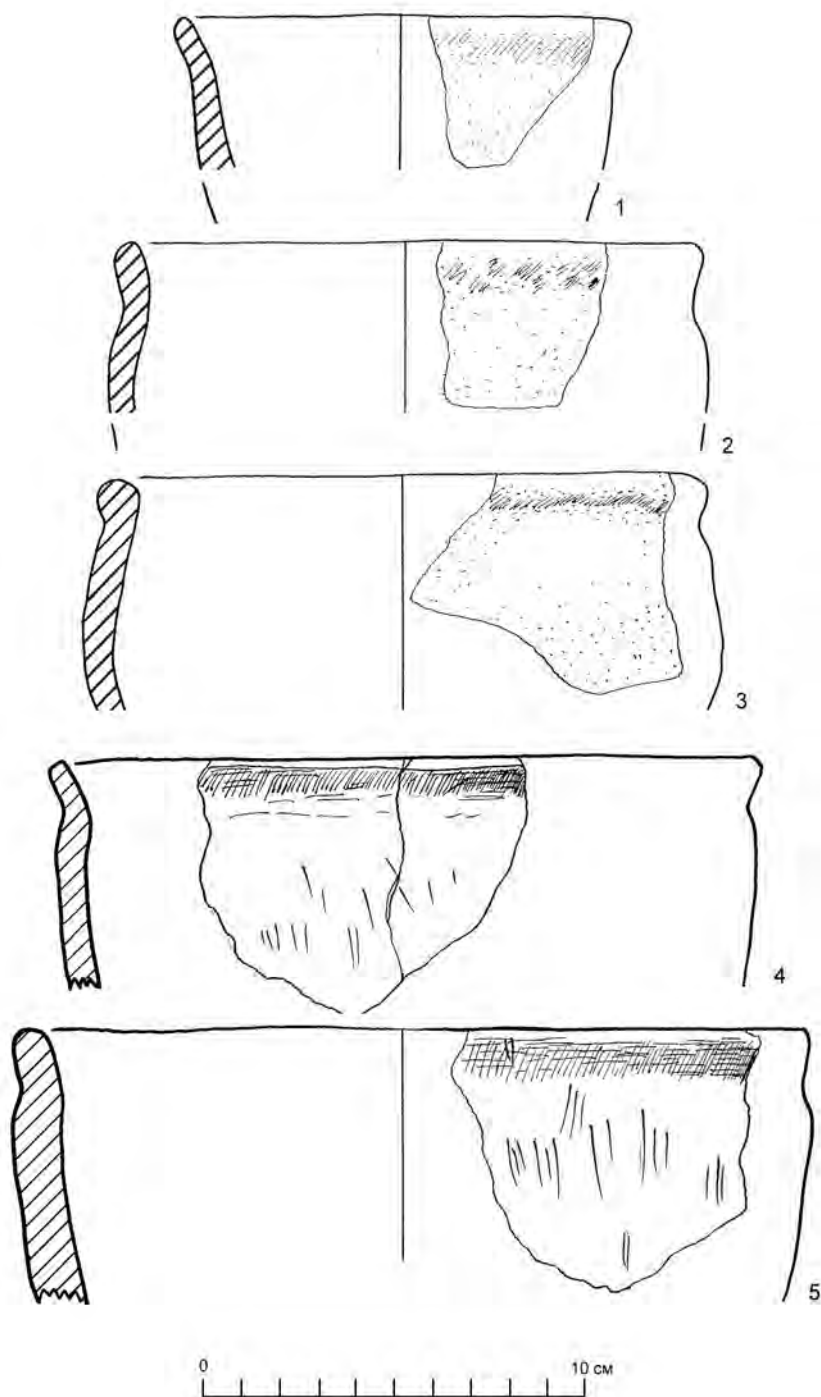

Рис. 60. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 4, вариант 1: 1 — 499/1987; 2 — 468/1987; 3 — 528/1987; 4 — 210, 212/1985; 5 — 208/1985

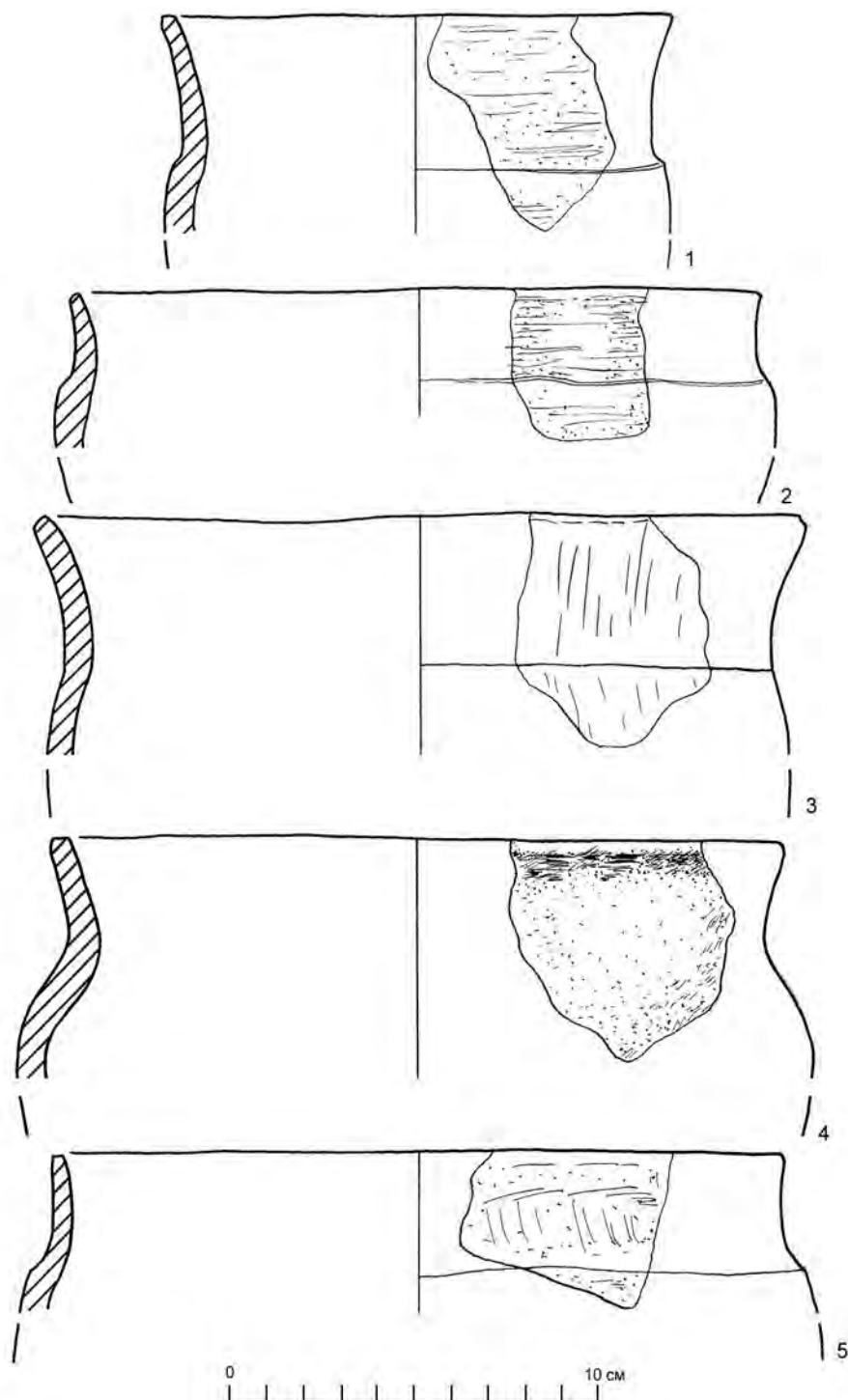

Рис. 61. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 5: 1 — 139/1987; 2 — 358/1987, заглажен, намечено плечико; 3 — 290/1987, грубое вертикальное заглаживание; 4 — 310/1987; 5 — 652/1987, грубое заглаживание

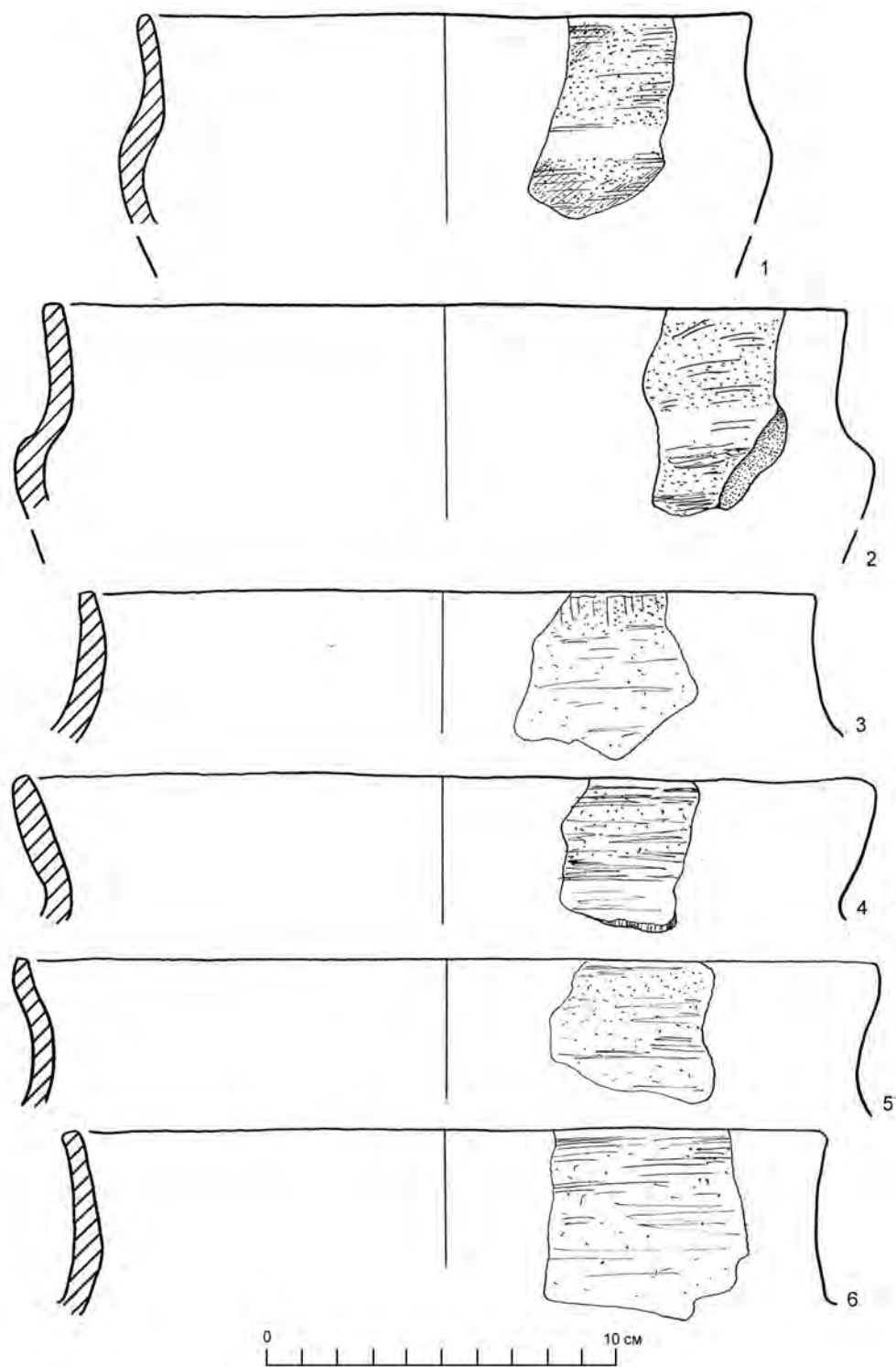

Рис. 62. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 5: 1 — 186/1987, грубое заглаживание; 2 — 299/1987, грубое горизонтальное заглаживание; 3 — 191/1987, грубое горизонтальное заглаживание; 4 — 457/1987, заглажен; 5 — 183/1987, заглажен; 6 — 431/1987, заглажен

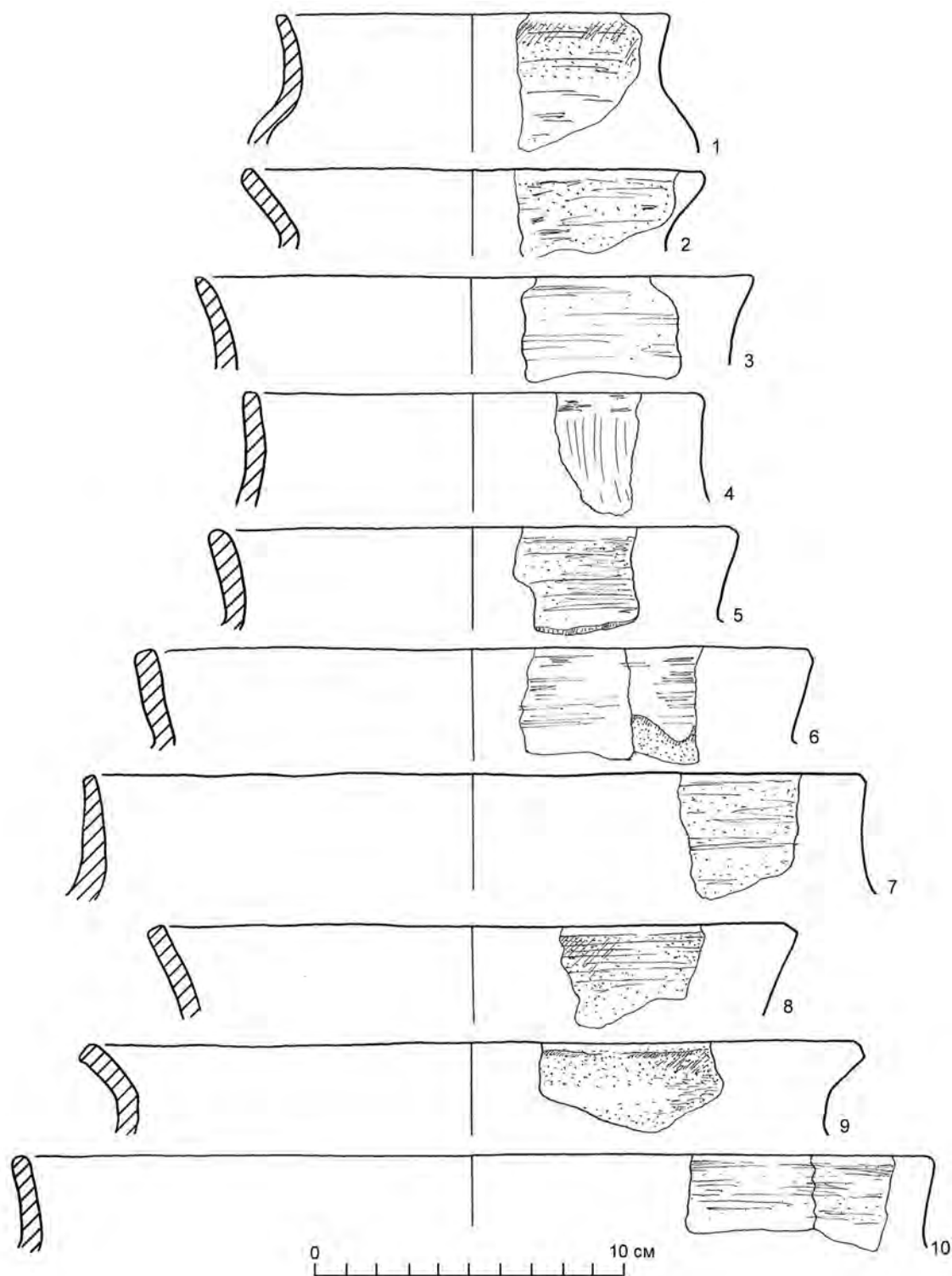

Рис. 63. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 5: 1 — 306/1987, грубое горизонтальное заглаживание; 2 — 357/1987, грубо заглажен; 3 — 159/1987, заглажен; 4 — 195/1987, грубое вертикальное заглаживание; 5 — 141/1987, грубое заглаживание; 6 — 194, 245/1987, подлощен; 7 — 144/1987, грубое горизонтальное заглаживание; 8 — 363/1987, грубое заглаживание; 9 — 444/1987, бугристая поверхность; 10 — 297, 298/1987, горизонтально заглажен

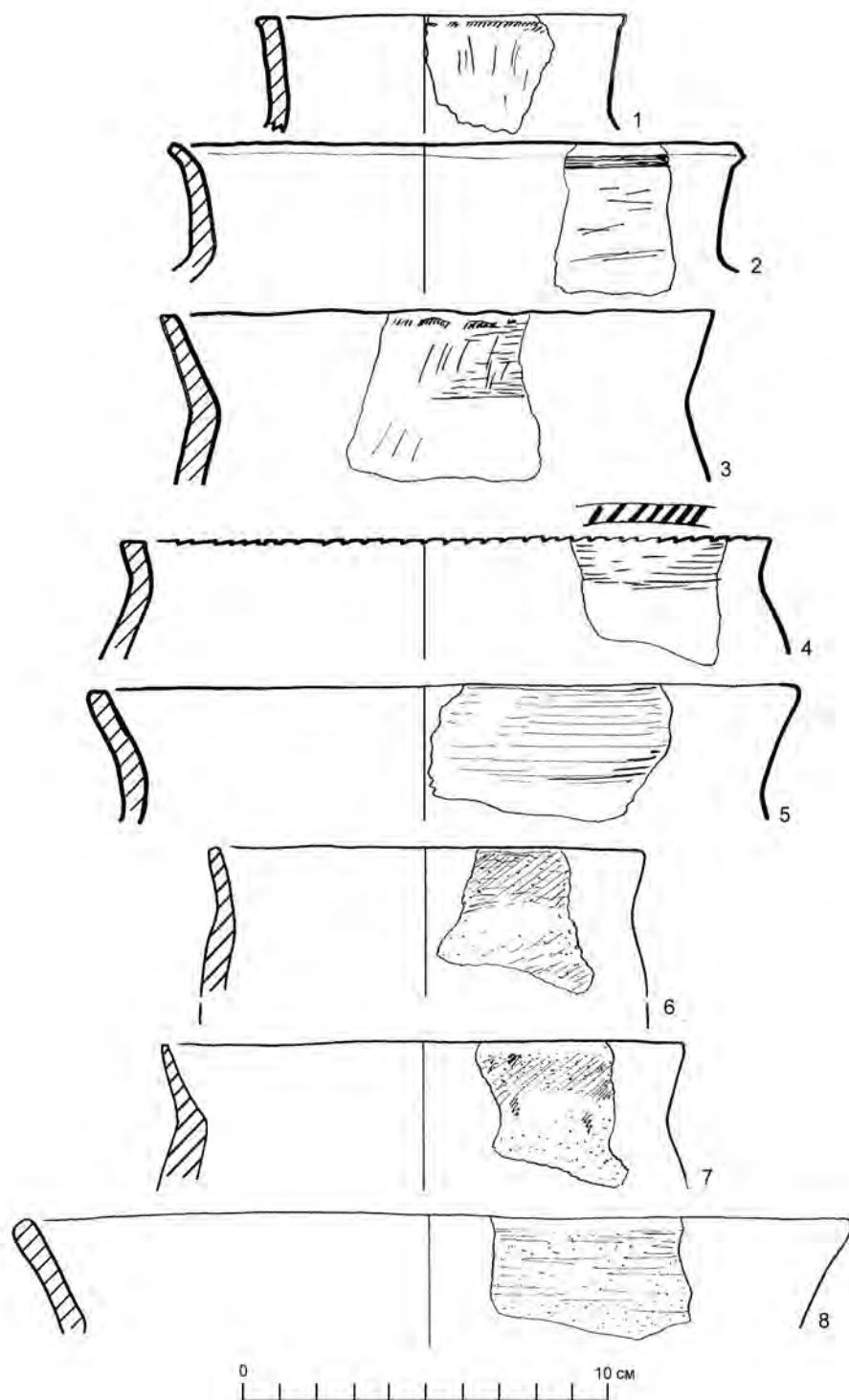

Рис. 64. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 5: 1 — 98/1985; 2 — 114/1985; 3 — 102/1985; 4 — 171/1985; 5 — 58/1985; 6 — 289/1987; 7 — 223/1987; 8 — 3/1987, заглажен

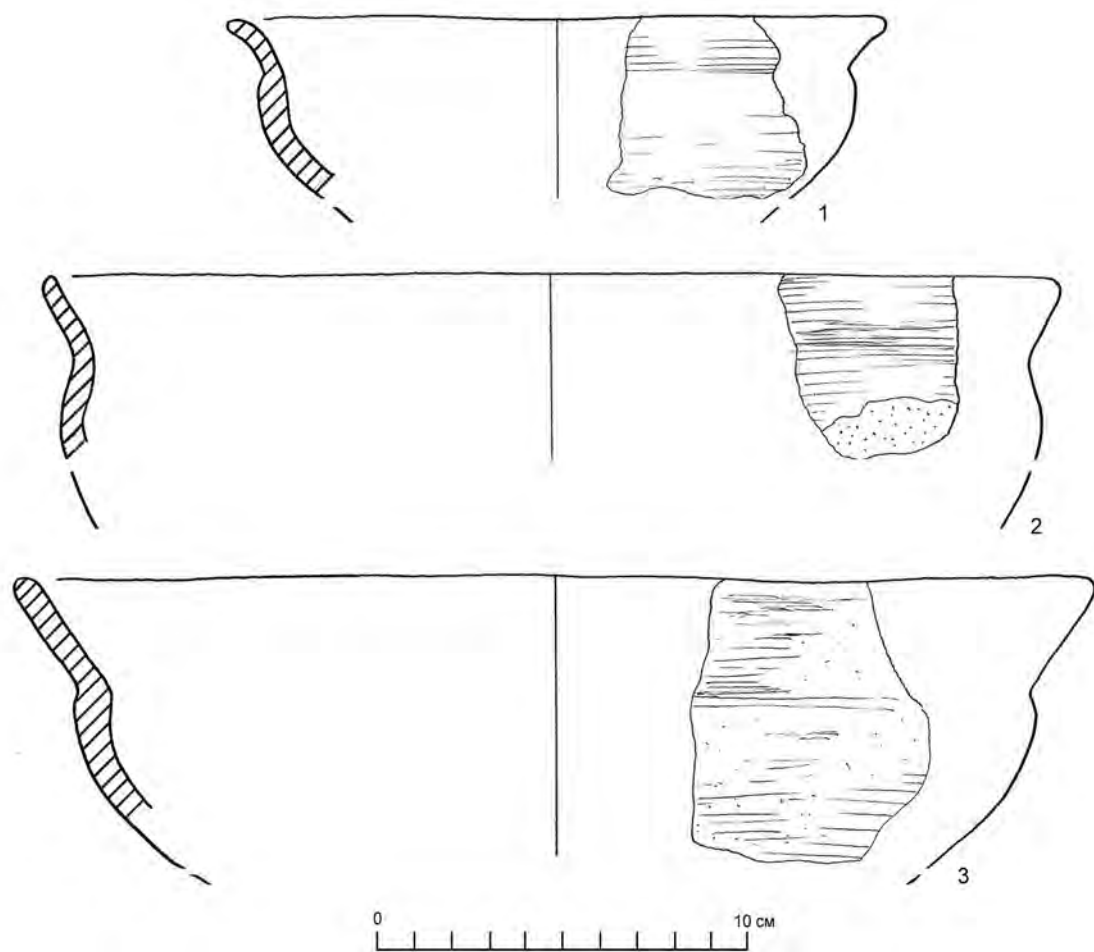

Рис. 65. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 6, варианты 3 и 5: 1 — 256/1987, подлощенный; 2 — 196/1987, подлощенная черная поверхность; 3 — 4//1987, подлощен

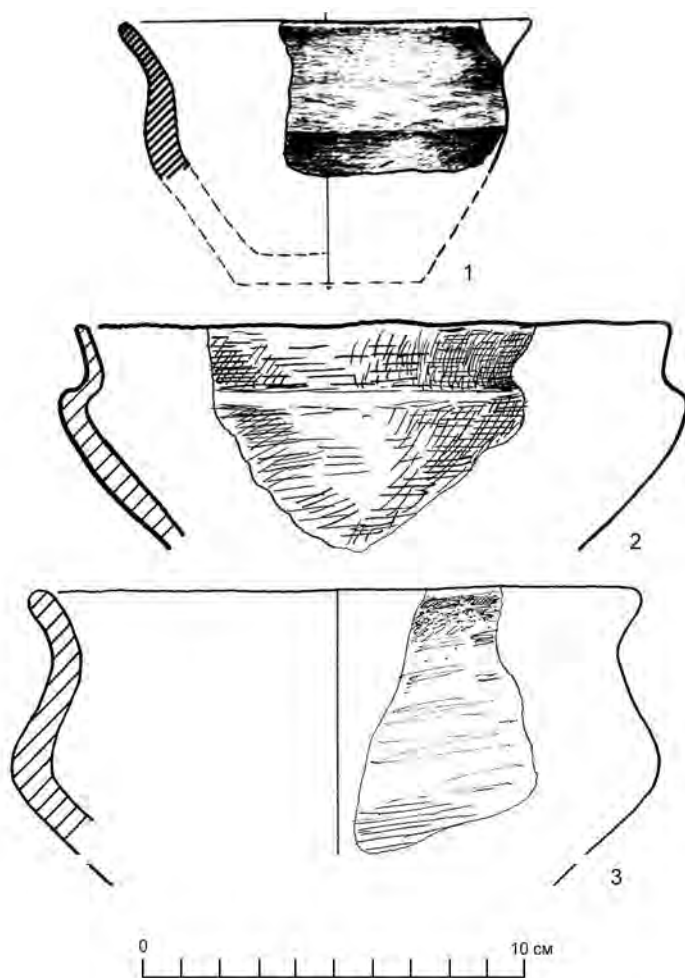

Рис. 66. Гнездилово 2. Лепная керамика. Пахотный слой. Тип 6, вариант 5: 1 — 1980, пл. 1, черное лощение; 2 — 93, 94/1985, подлощение; 3 — 36/1987, горизонтальное подлощение

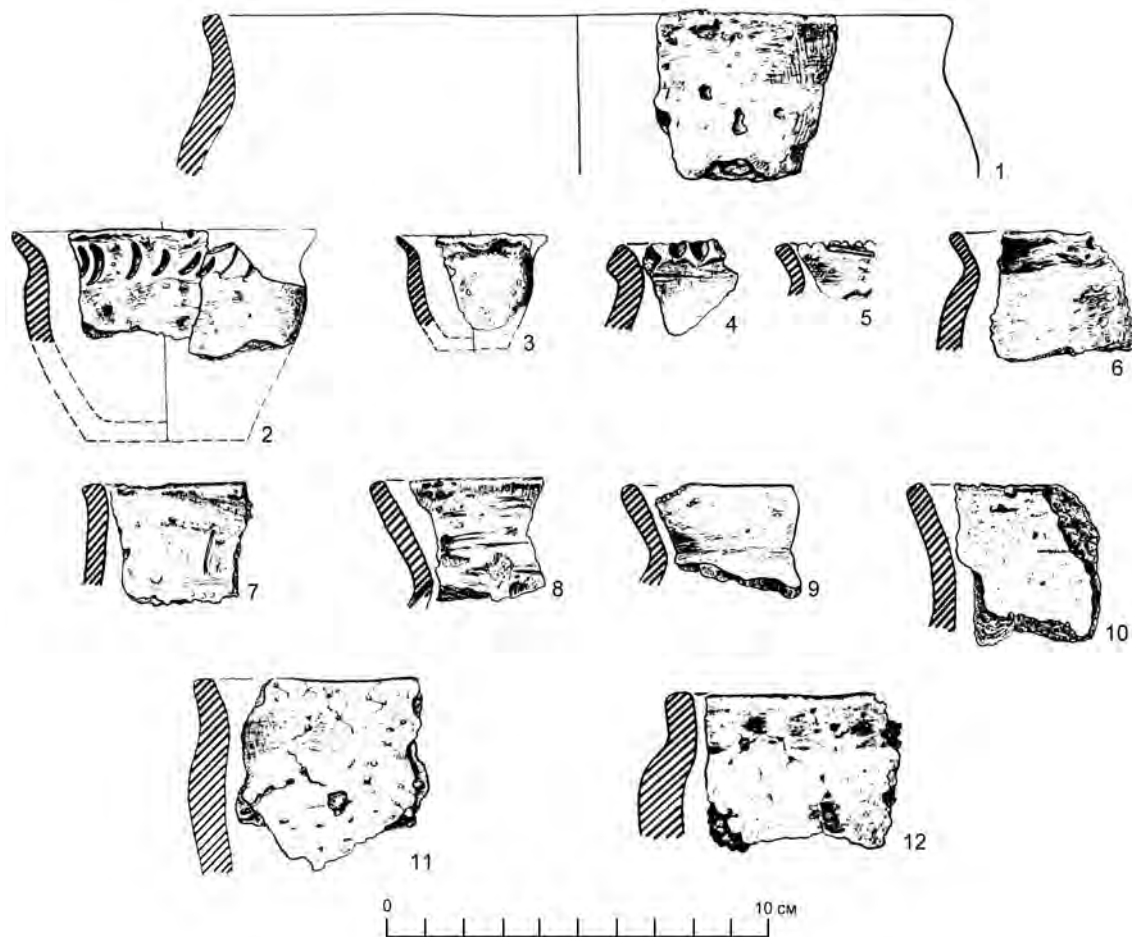

Рис. 67. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 1/1980

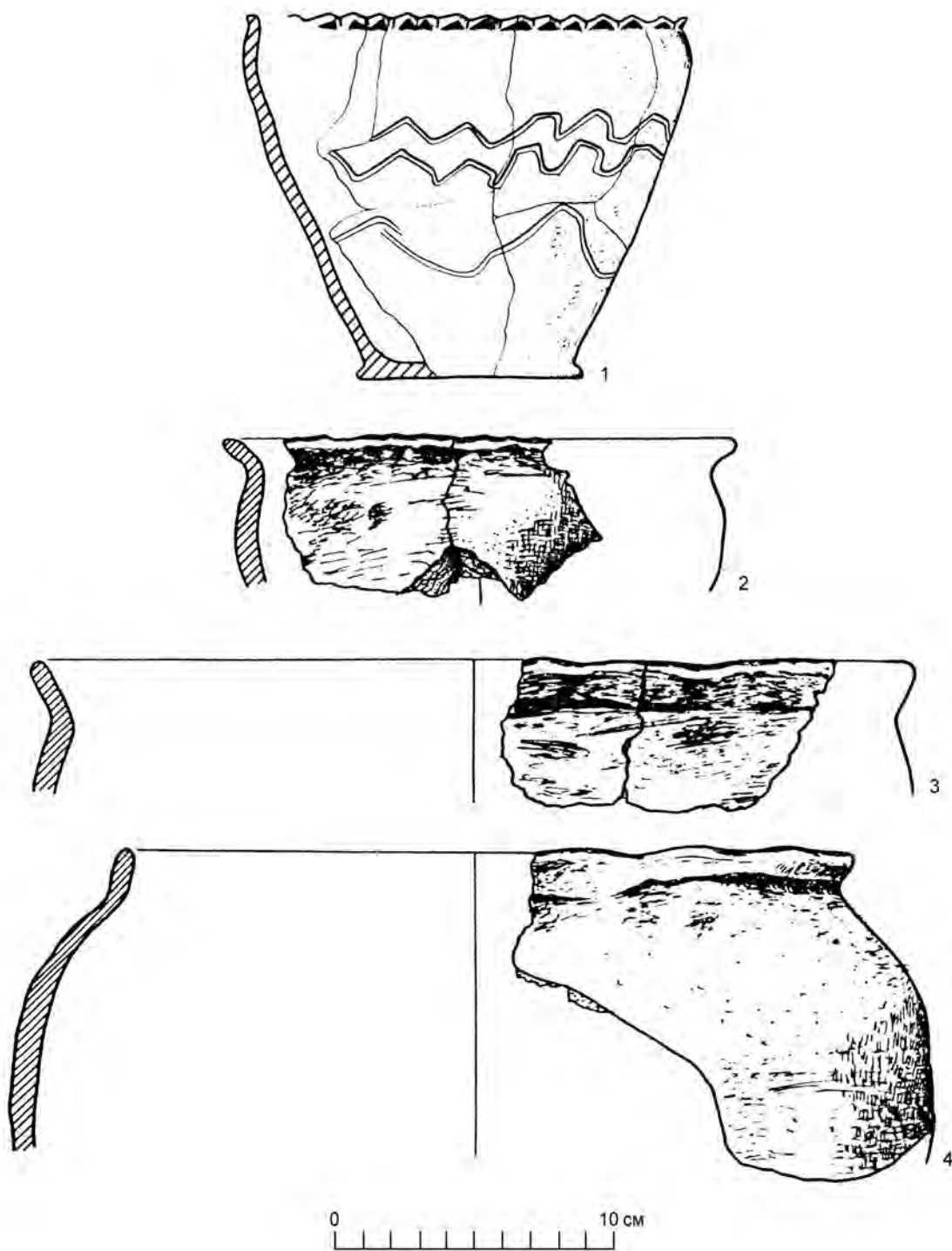

Рис. 68. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 2/1981

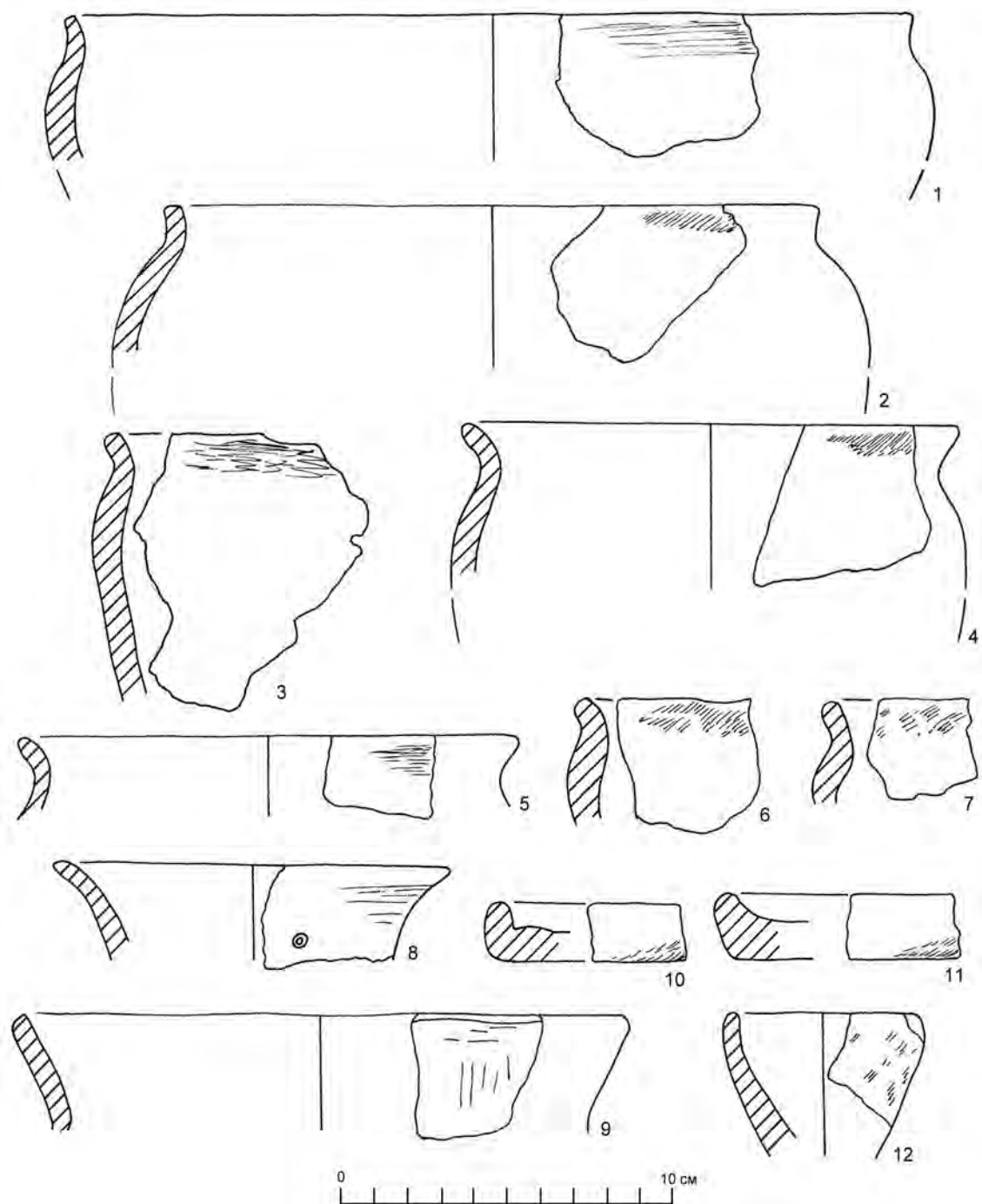

Рис. 69. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 9/1981–1982: 1 — 283/1982; 2 — 225/1982; 3 — 398/1981; 4 — 265/1982; 5 — 287/1982; 6 — 395/1981; 7 — 400/1981; 8 — 276/1982; 9 — 167/1982; 10 — 278/1982; 11 — 164/1982; 12 — 293/1982

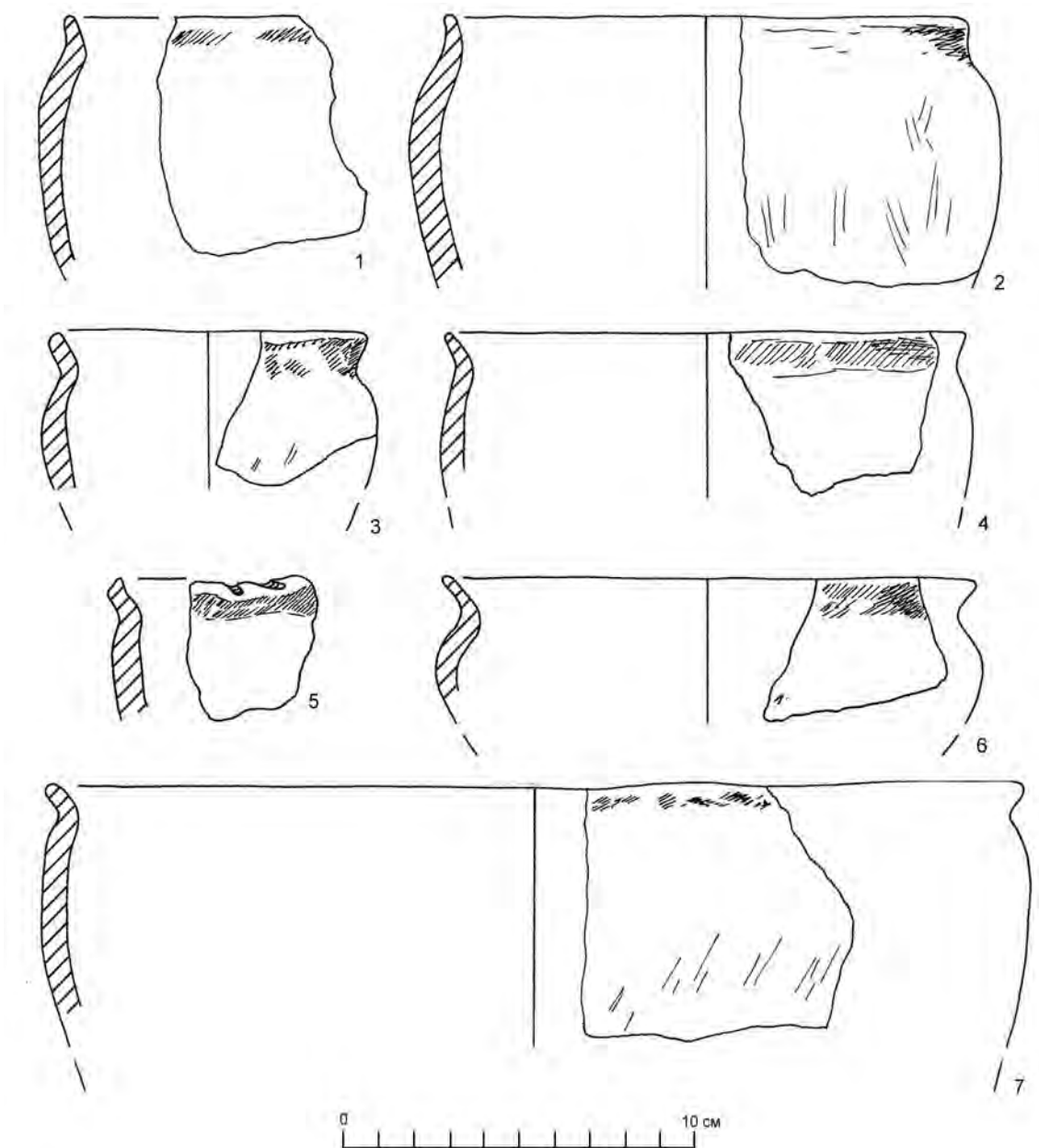

Рис. 70. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы № 12а/1982: 1 — 495; 2 — 510; 3 — 502; 4 — 493; 5 — 507; 6 — 491; 7 — 497

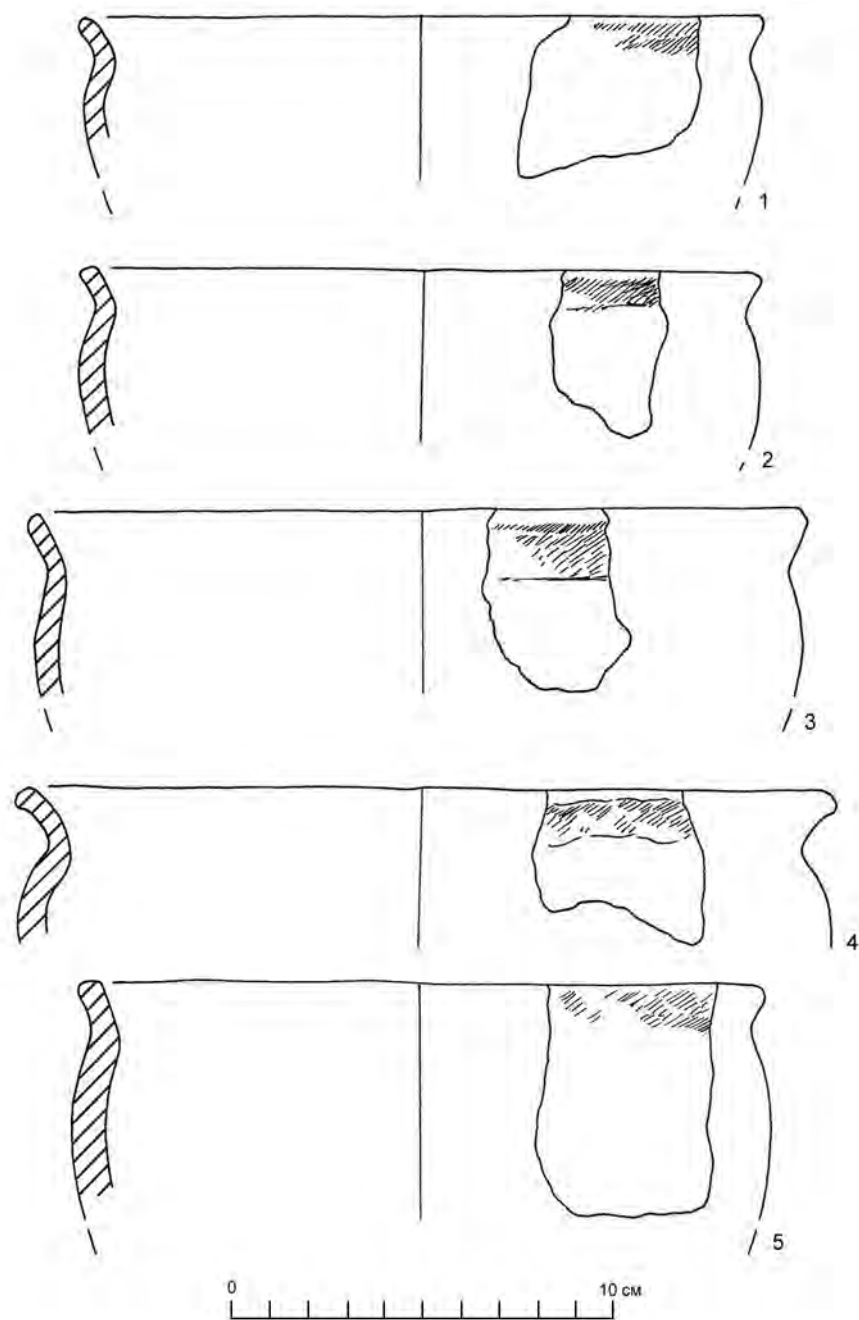

Рис. 71. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 12а/1982: 1 — 720, дно под слоем пещины; 2 — 506; 3 — 505; 4 — 494; 5 — 496

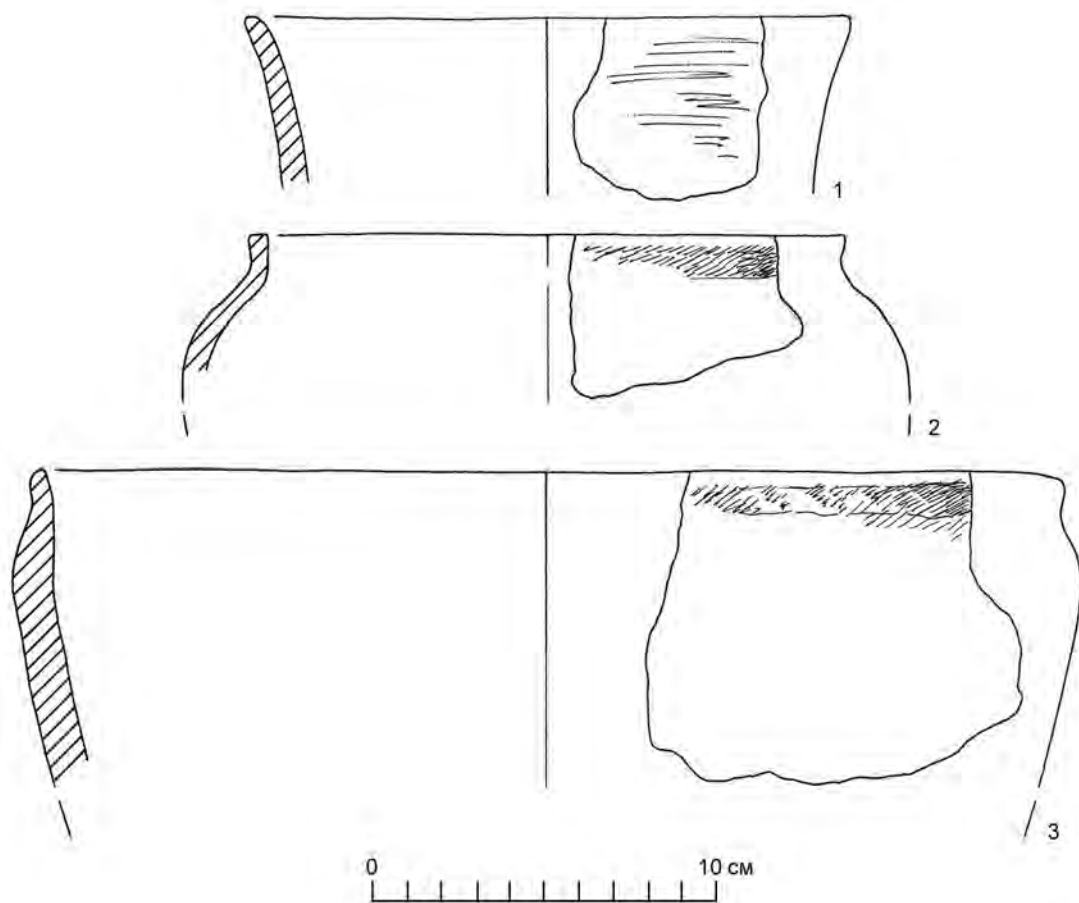

Рис. 72. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 12а/1982: 1 — 727, дно под слоем пещины; 2 — 490; 3 — 509

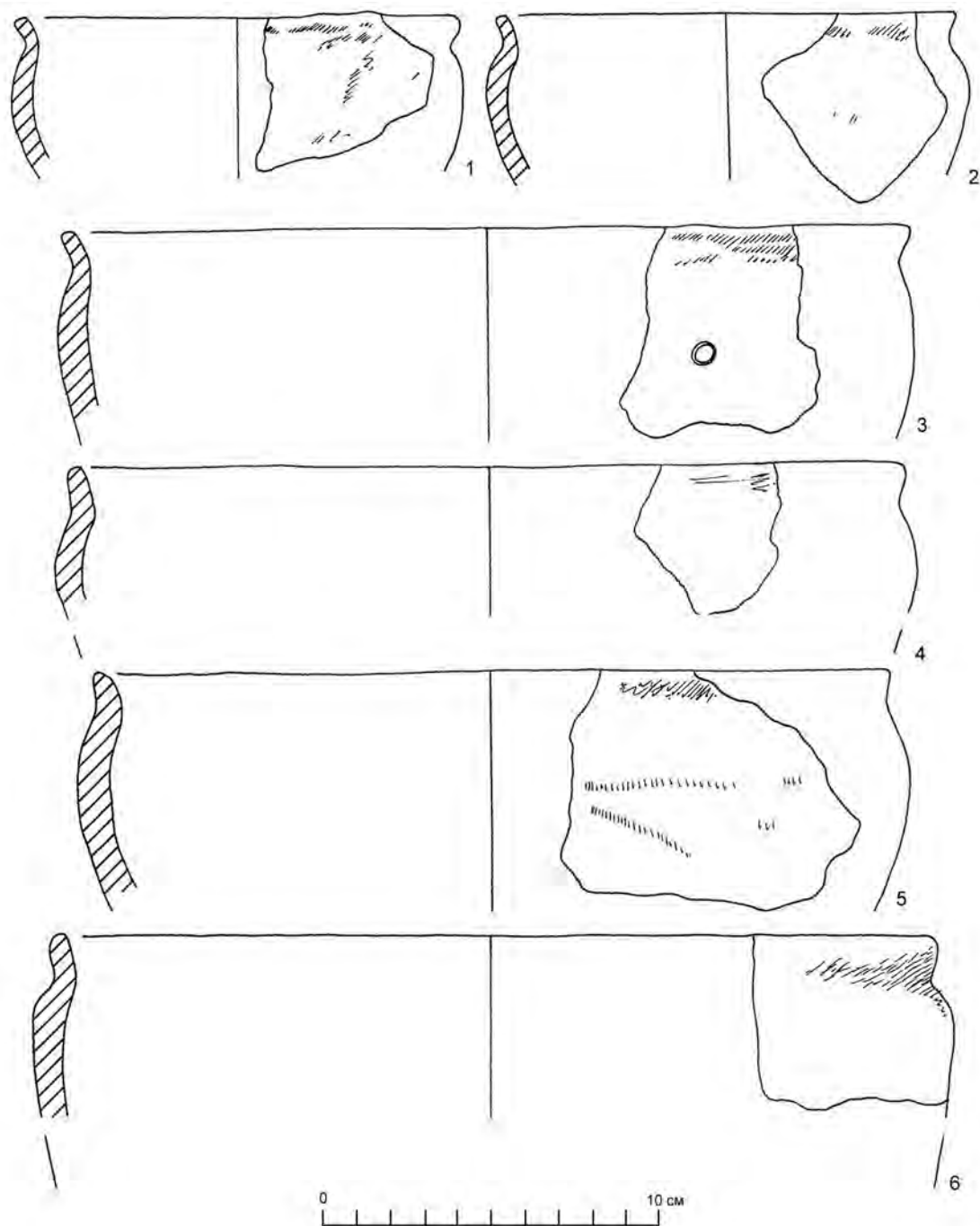

Рис. 73. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 126/1982: 1 — 1178; 2 — 1272; 3 — 1172; 4 — 49?; 5 — 1261; 6 — 1279

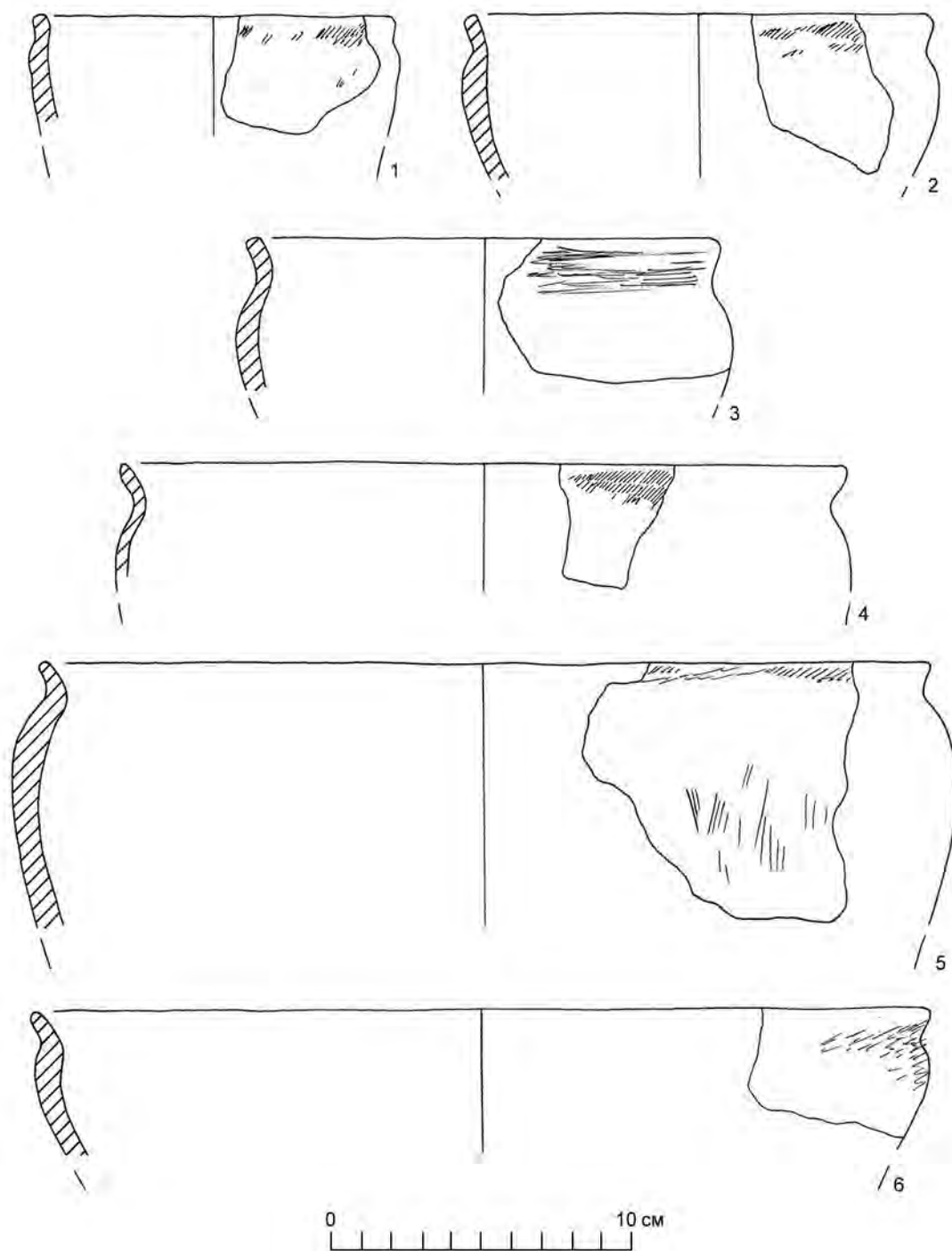

Рис. 74. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 126/1982: 1 — 1488; 2 — 1268; 3 — 1271; 4 — 1264; 5 — 1258; 6 — 1262

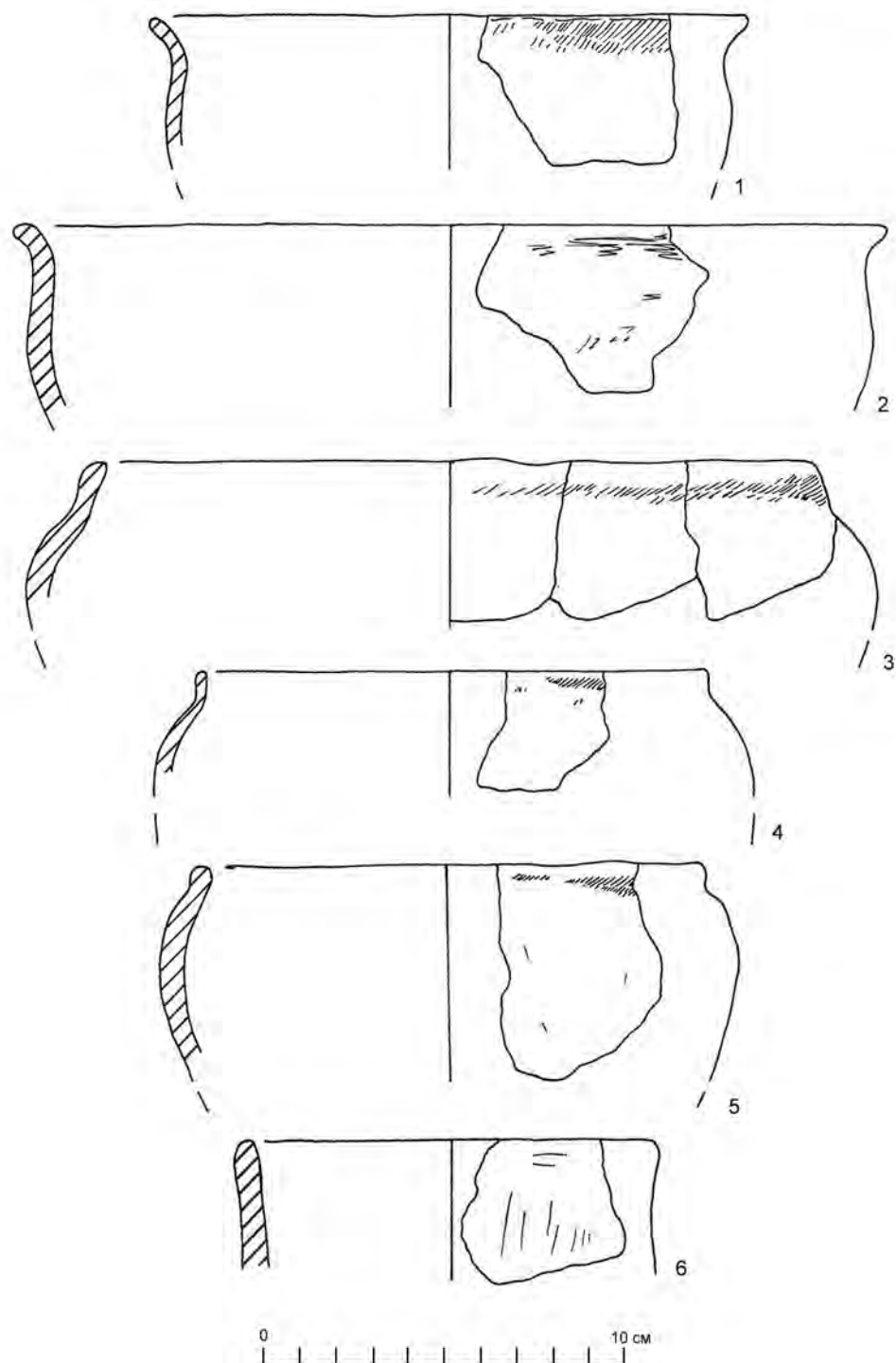

Рис. 75. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 126/1982: 1 — 900; 2 — 949; 3 — 953, 955, 959; 4 — 1171; 5 — 1260; 6 — 1342

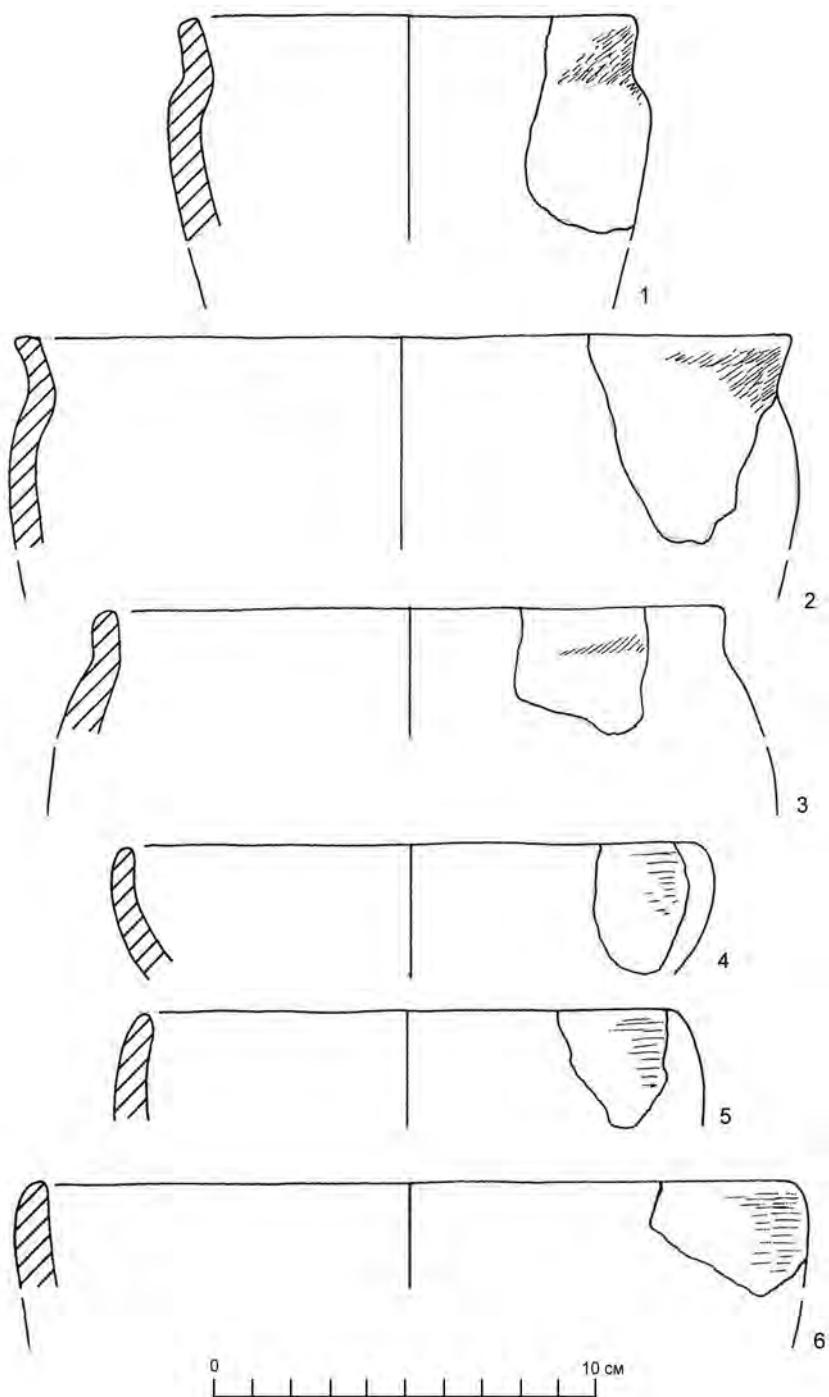

Рис. 76. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ям 13/1985–1986 (1–5) и 15/1985 (6): 1 — 257; 2 — 244; 3 — 250; 4 — 248; 5 — 249; 6 — 263

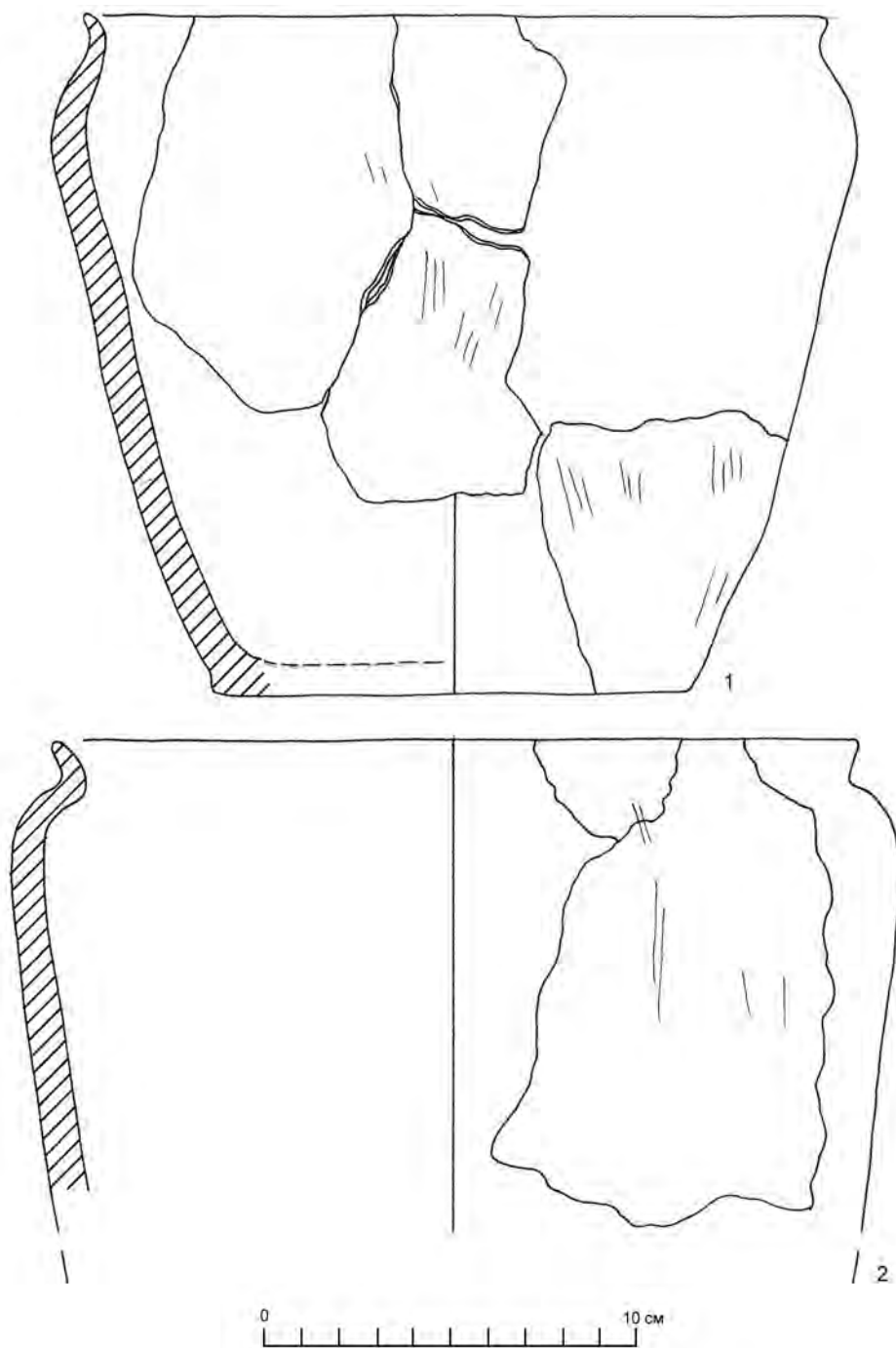

Рис. 77. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 392–395; 2 — 396, 397

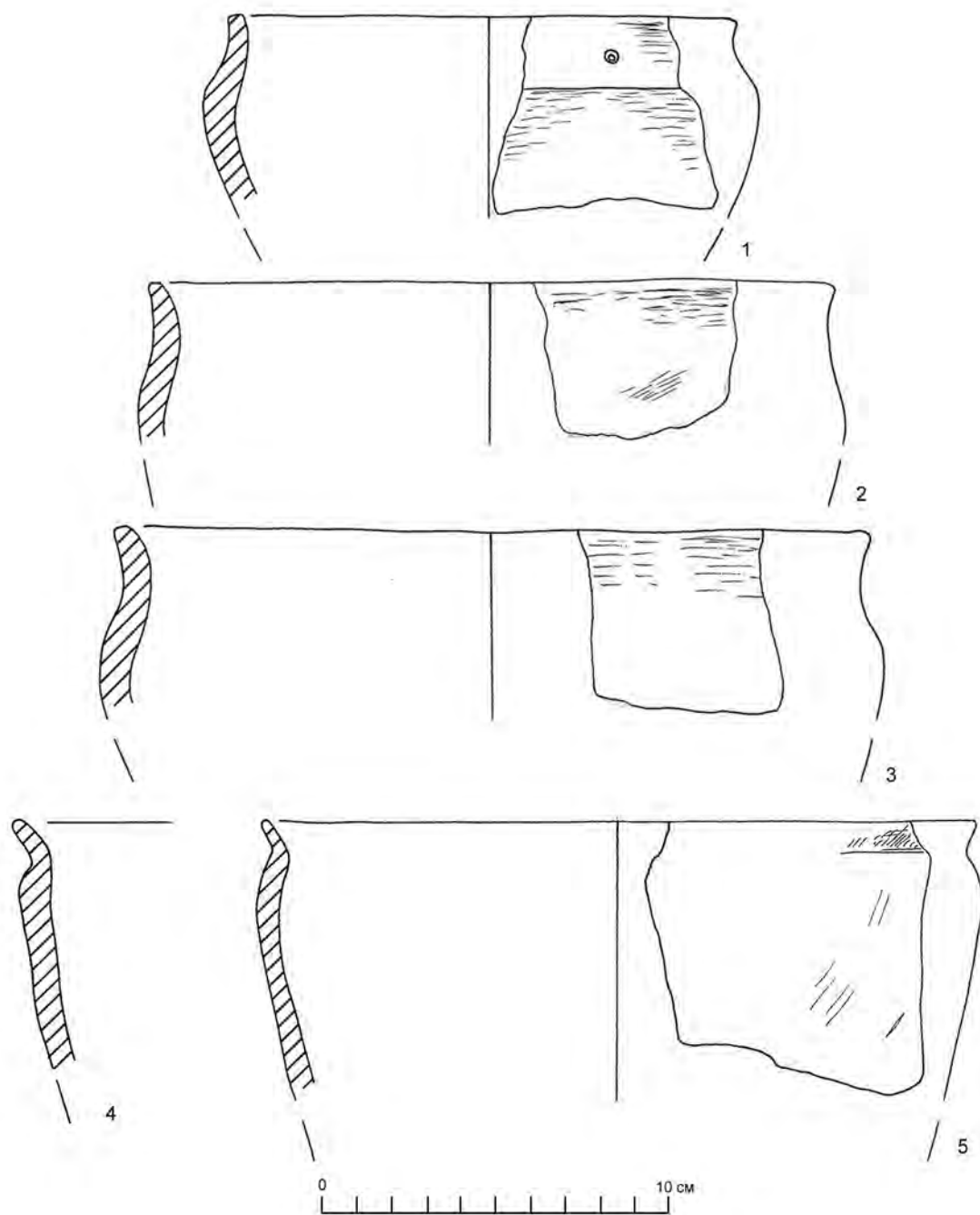

Рис. 78. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 363; 2 — 237; 3 — 423; 4 — 431; 5 — 360

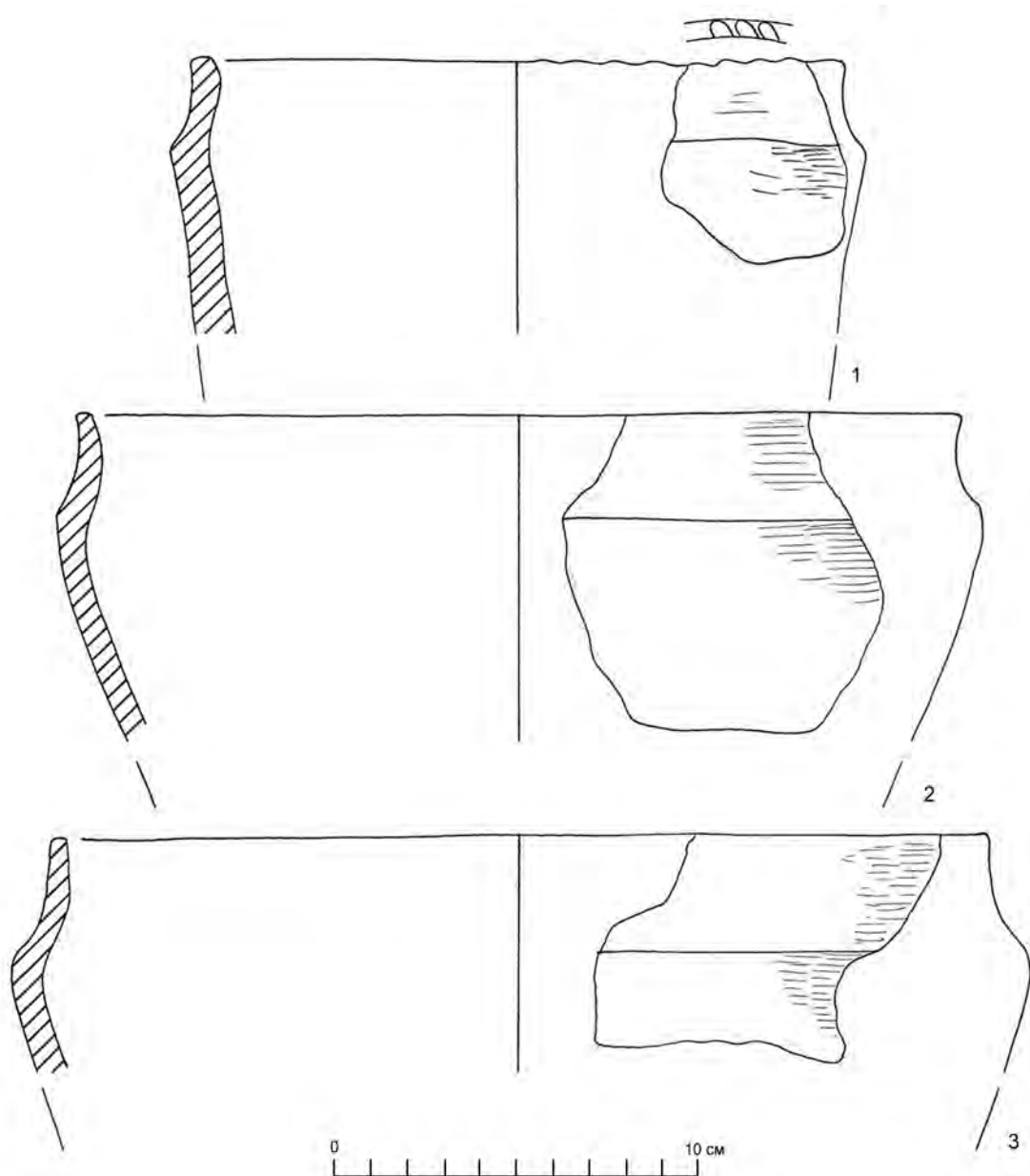

Рис. 79. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 438; 2 — 356; 3 — 361

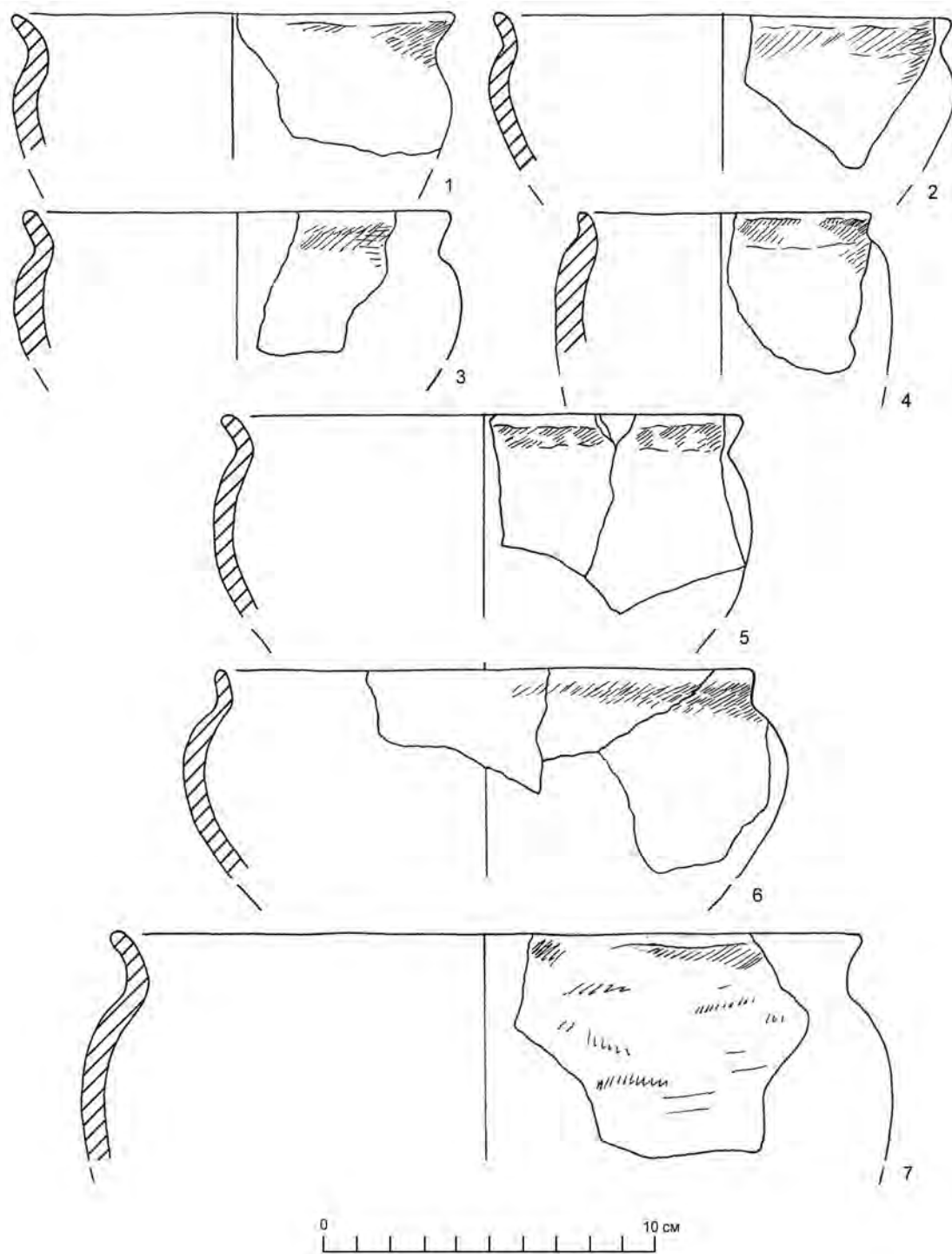

Рис. 80. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 403; 2 — 174; 3 — 283; 4 — 404; 5 — 257, 258; 6 — 307, 309, 330; 7 — 425, 429

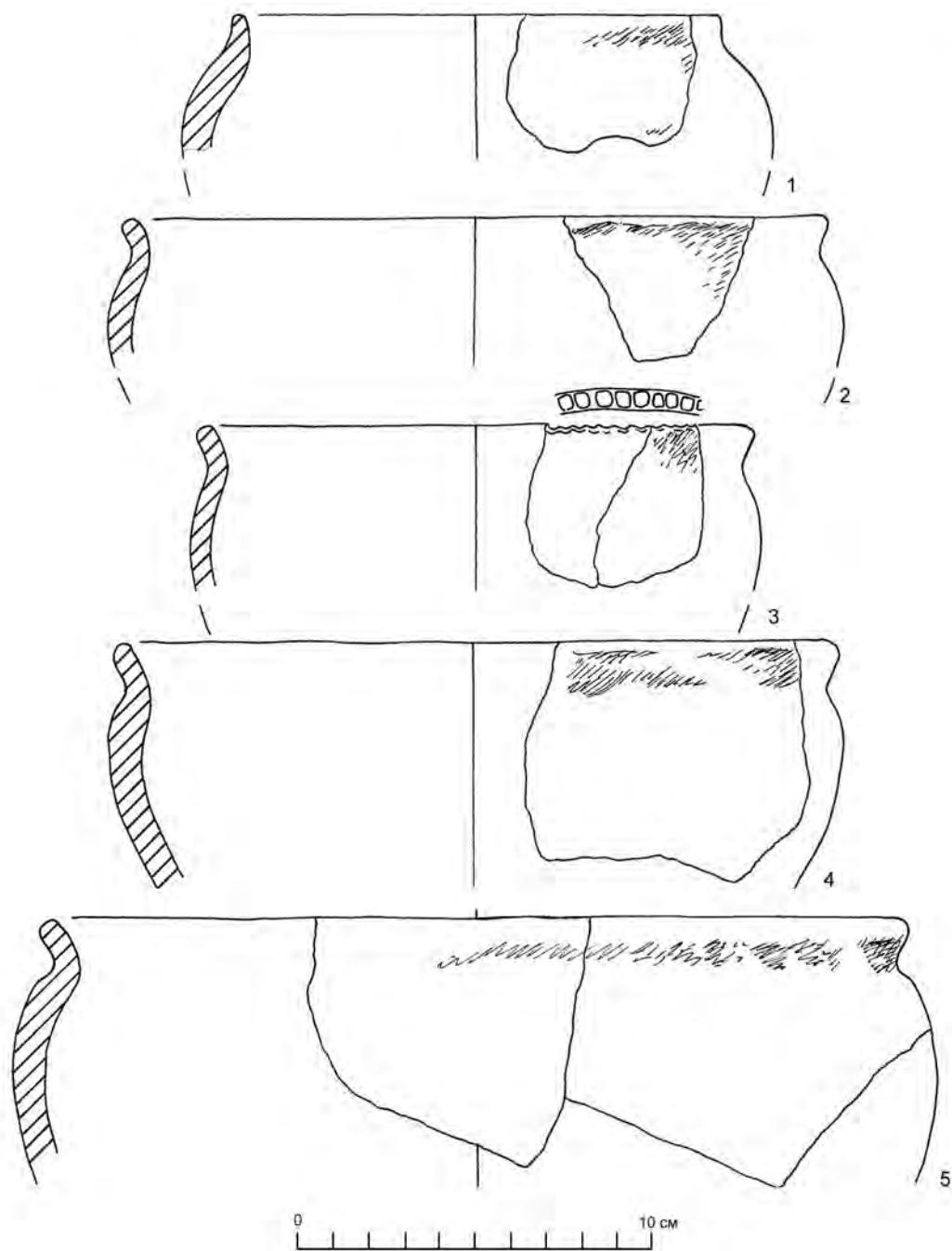

Рис. 81. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 178; 2 — 306; 3 — 175, 176; 4 — 265; 5 — 319

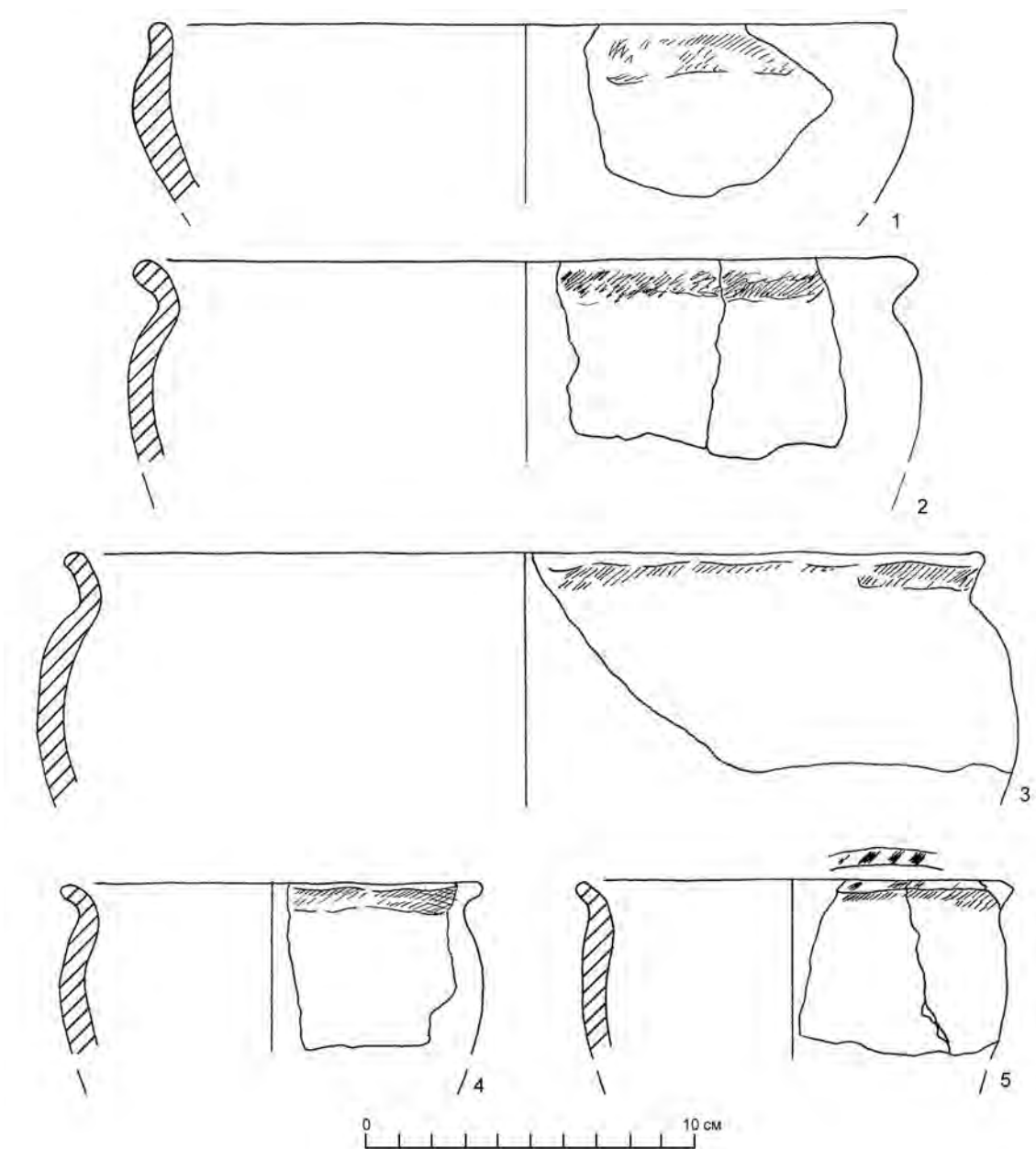

Рис. 82. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 427; 2 — 365, 366; 3 — 318; 4 — 430; 5 — 368, 369

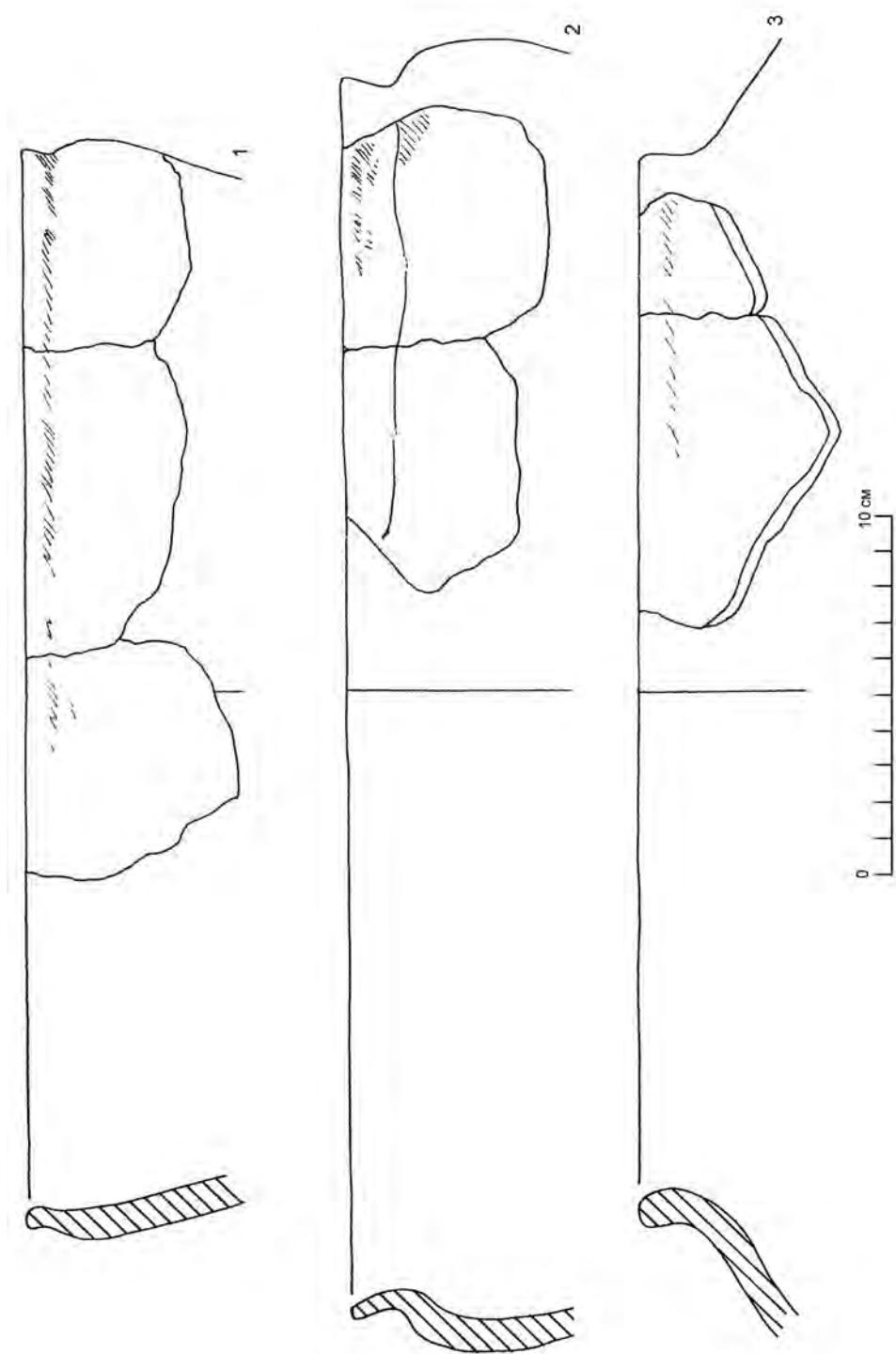

Рис. 83. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — ?; 2 — 390, 391; 3 — 311, 316

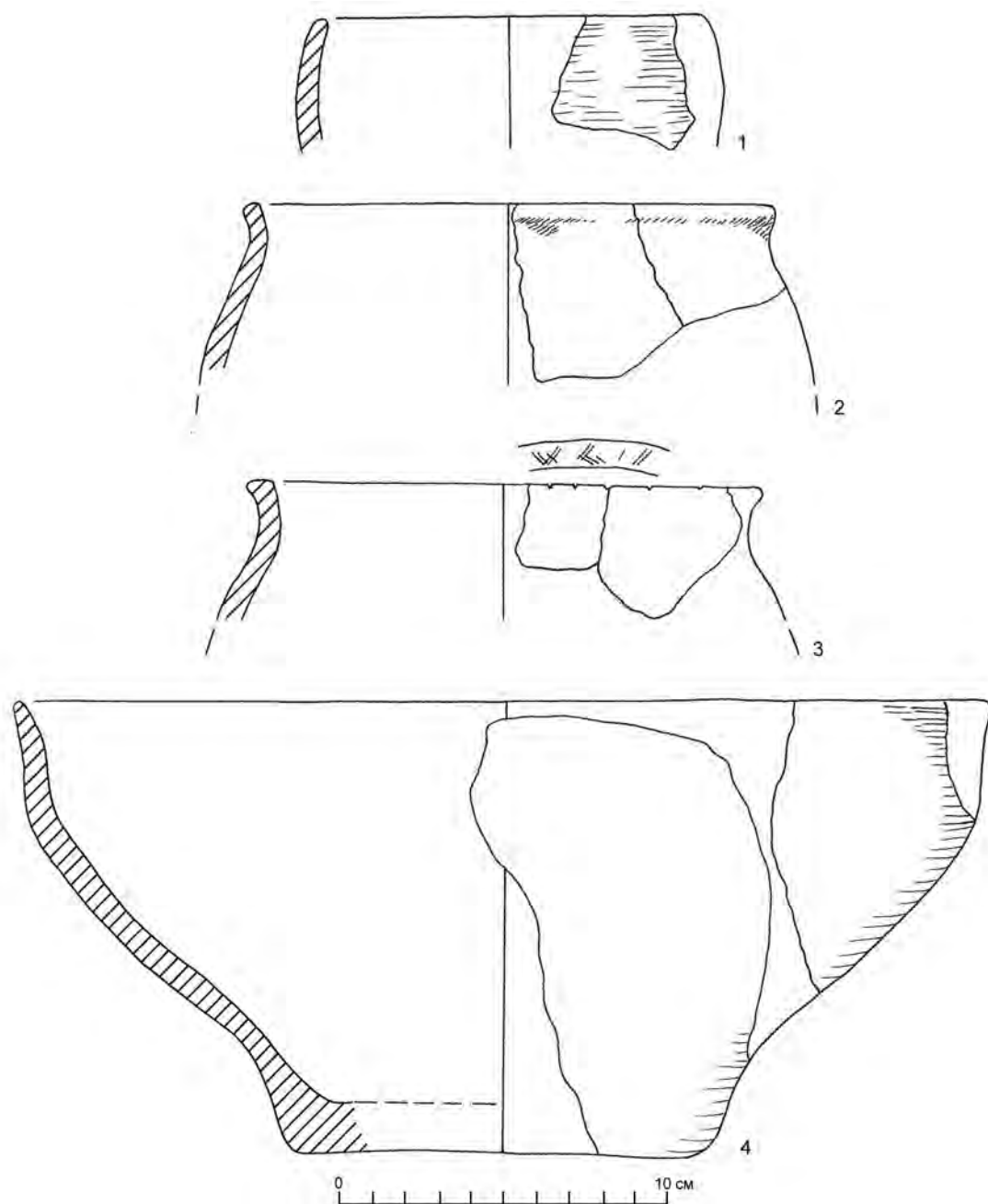

Рис. 84. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 305; 2 — 283, 240; 3 — 303, 304; 4 — 401, 402

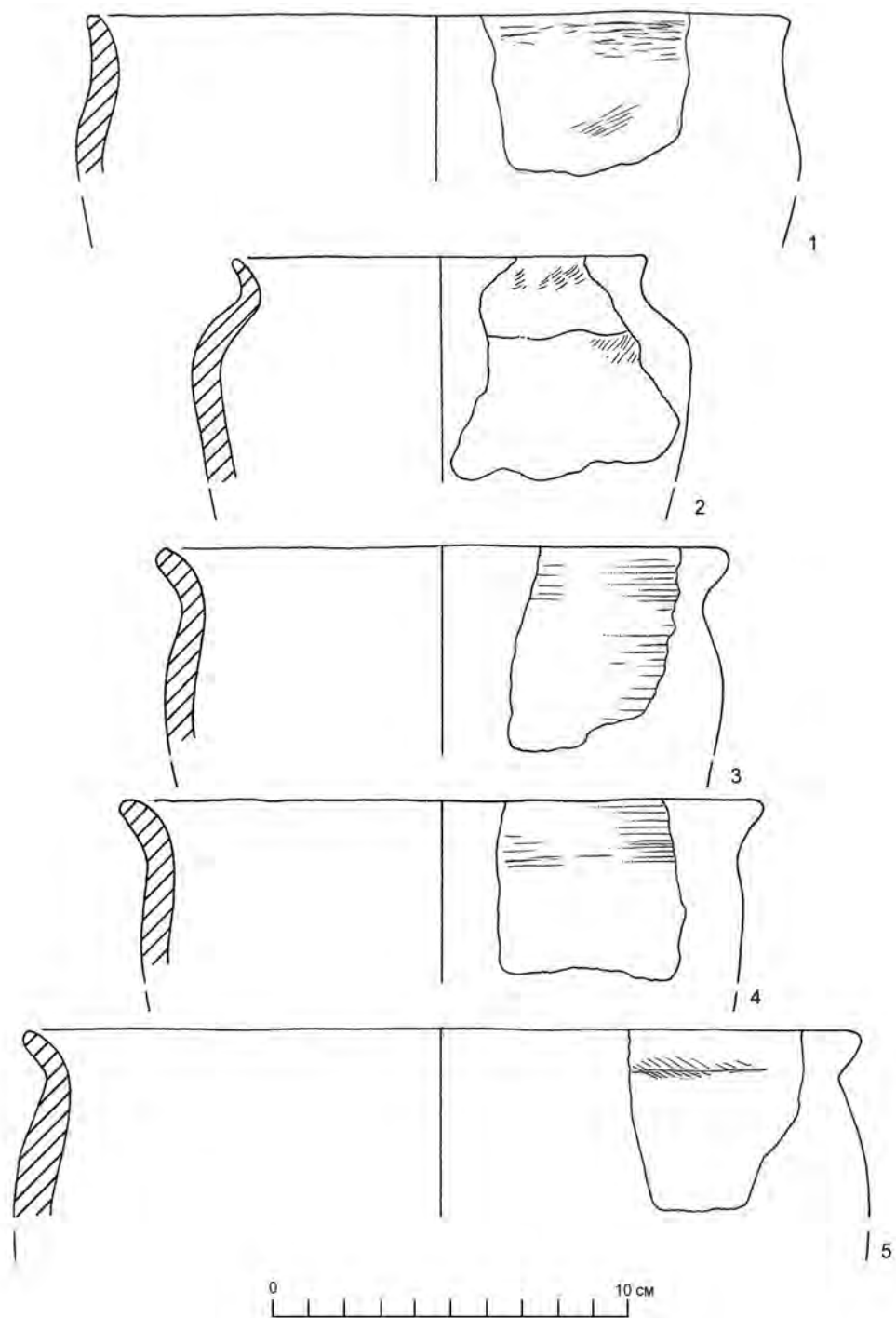

Рис. 85. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 25/1986: 1 — 237; 2 — 362; 3 — 239; 4 — 220; 5 — 180

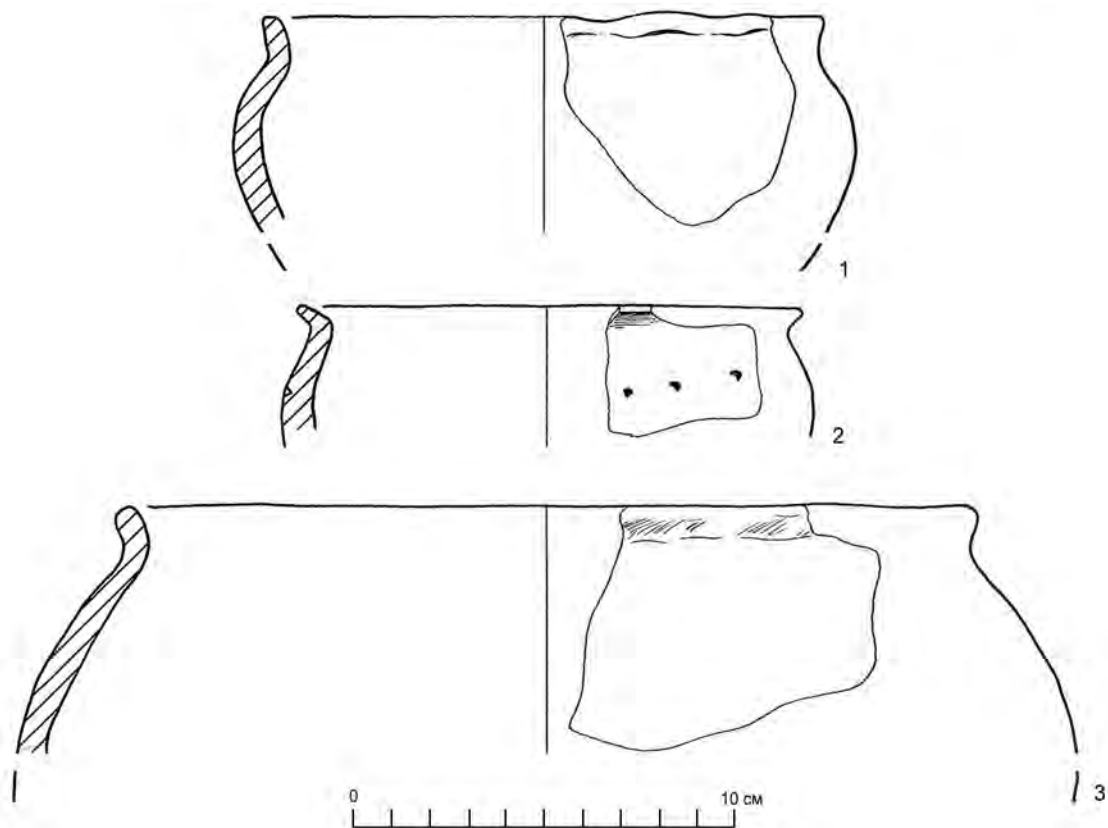

Рис. 86. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ям 2/1987 и 4/1987: 1 — 992, горизонтально пригlaжен; 2 — 596, вертикально пригlaжен; 3 — 597, вертикально пригlaжен

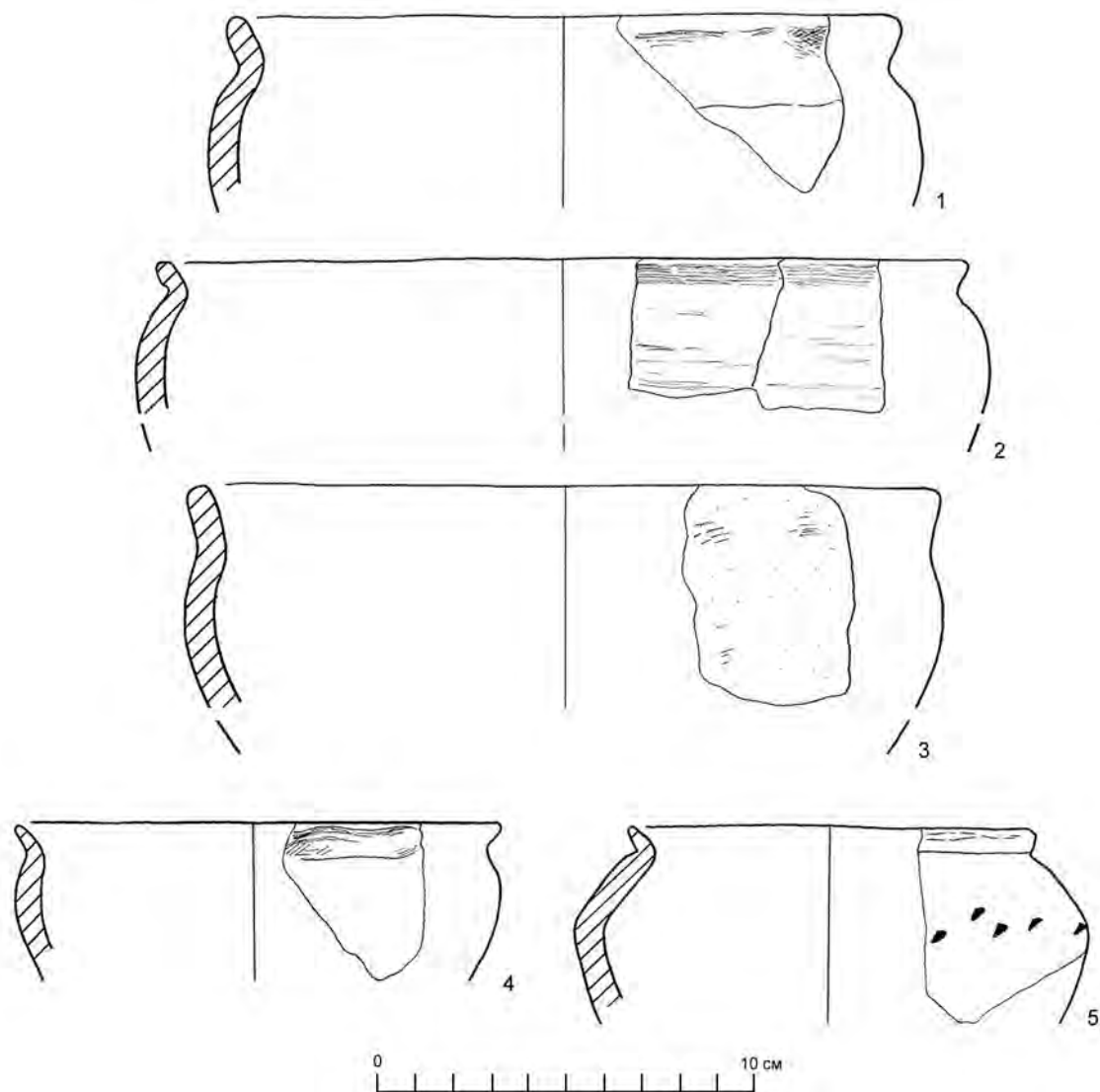

Рис. 87. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 8/1987: 1 — 644; 2 — 614, 643, дресва + шамот, подлощен; 3 — 625, дресва + шамот, приглажен; 4 — 639; 5 — 638

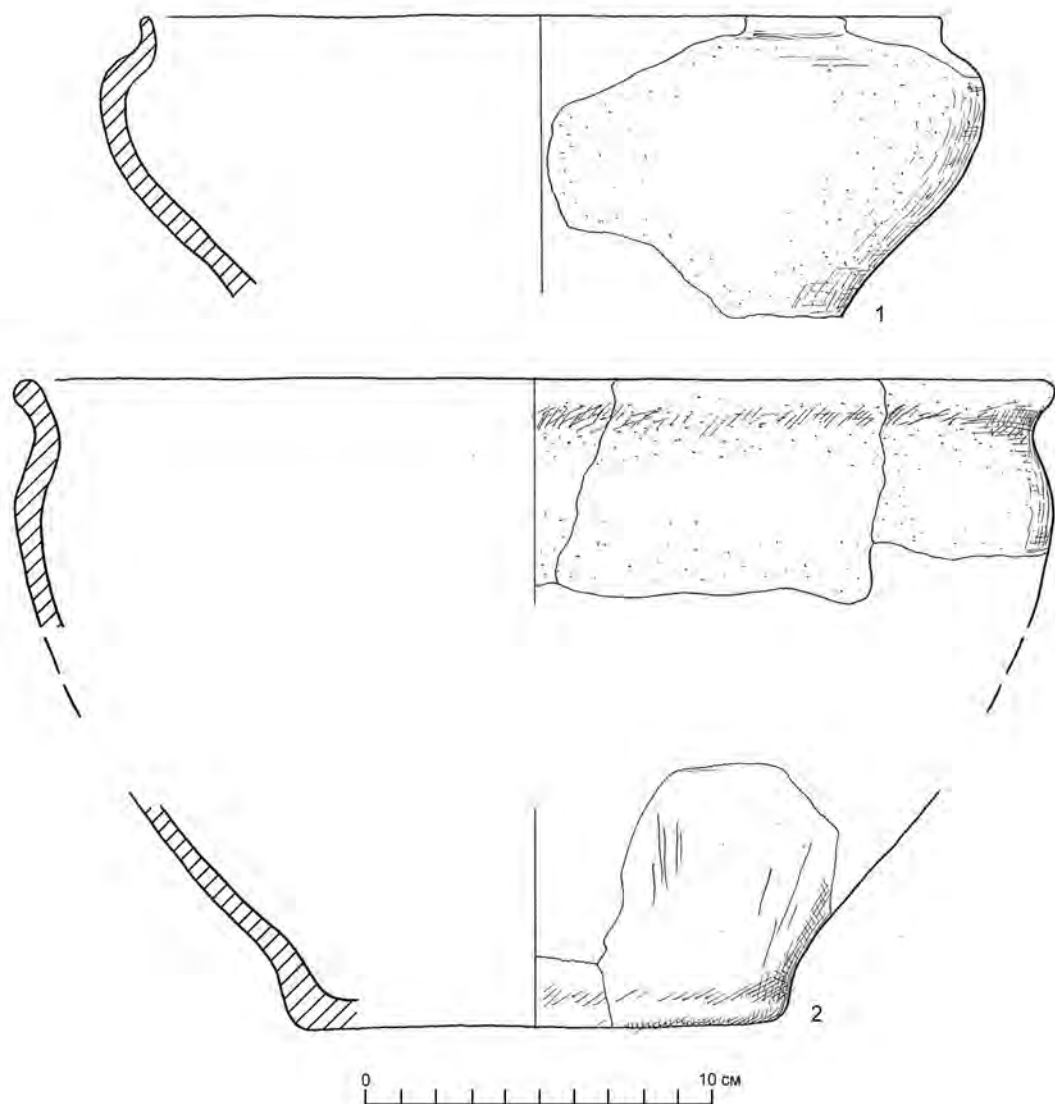

Рис. 88. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 8/1987: 1 — 613, дресва + шамот, подлощен; 2 — 603, 605, 626–628, 630, 631, 648; вертикальные расчесы — 620, 624

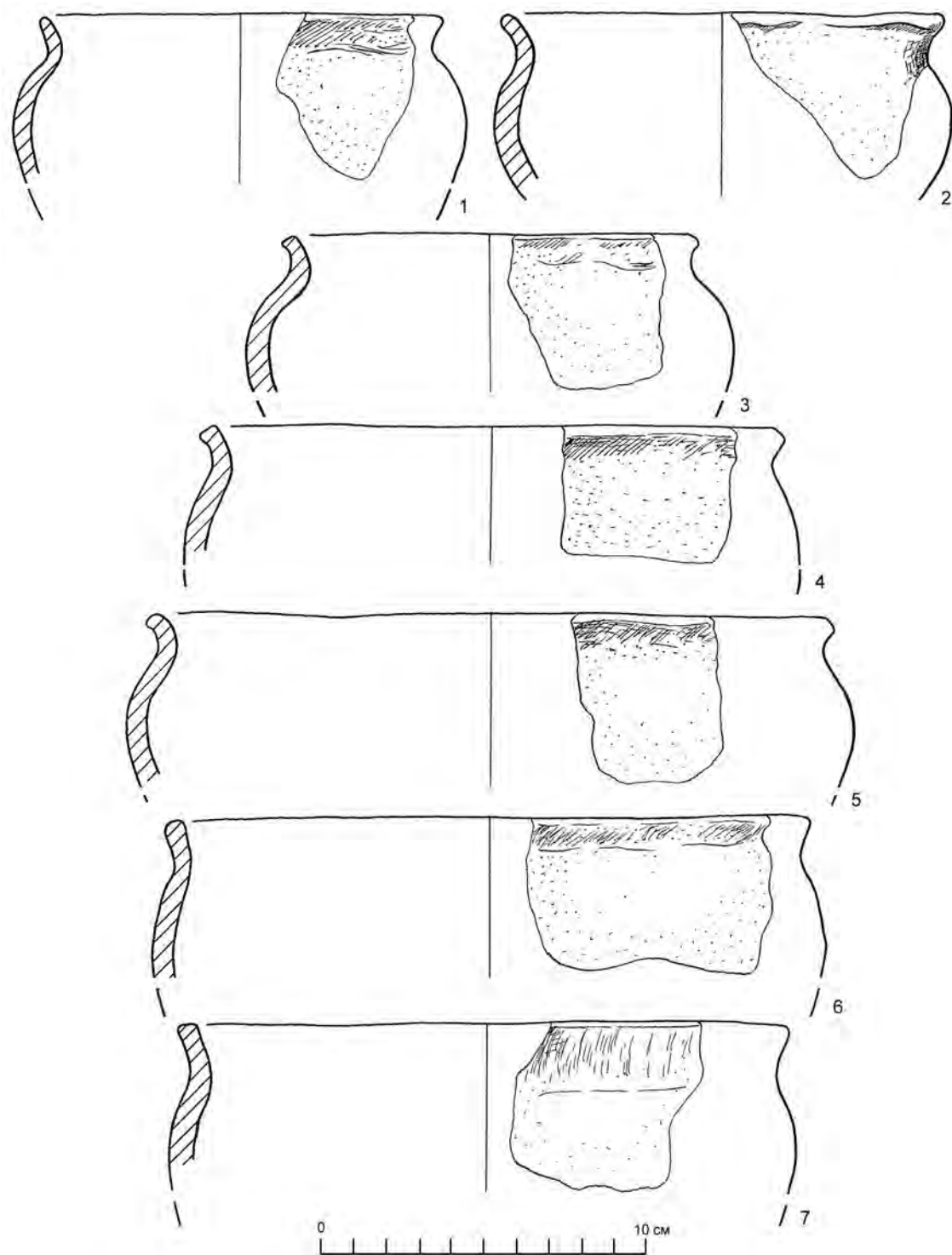

Рис. 89. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 14/1987: 1 — 707, горизонтально пригладен; 2 — 649, пригладен; 3 — 709; 4 — 689; 5 — 709; 6 — 705; 7 — 743, горизонтально заглажен

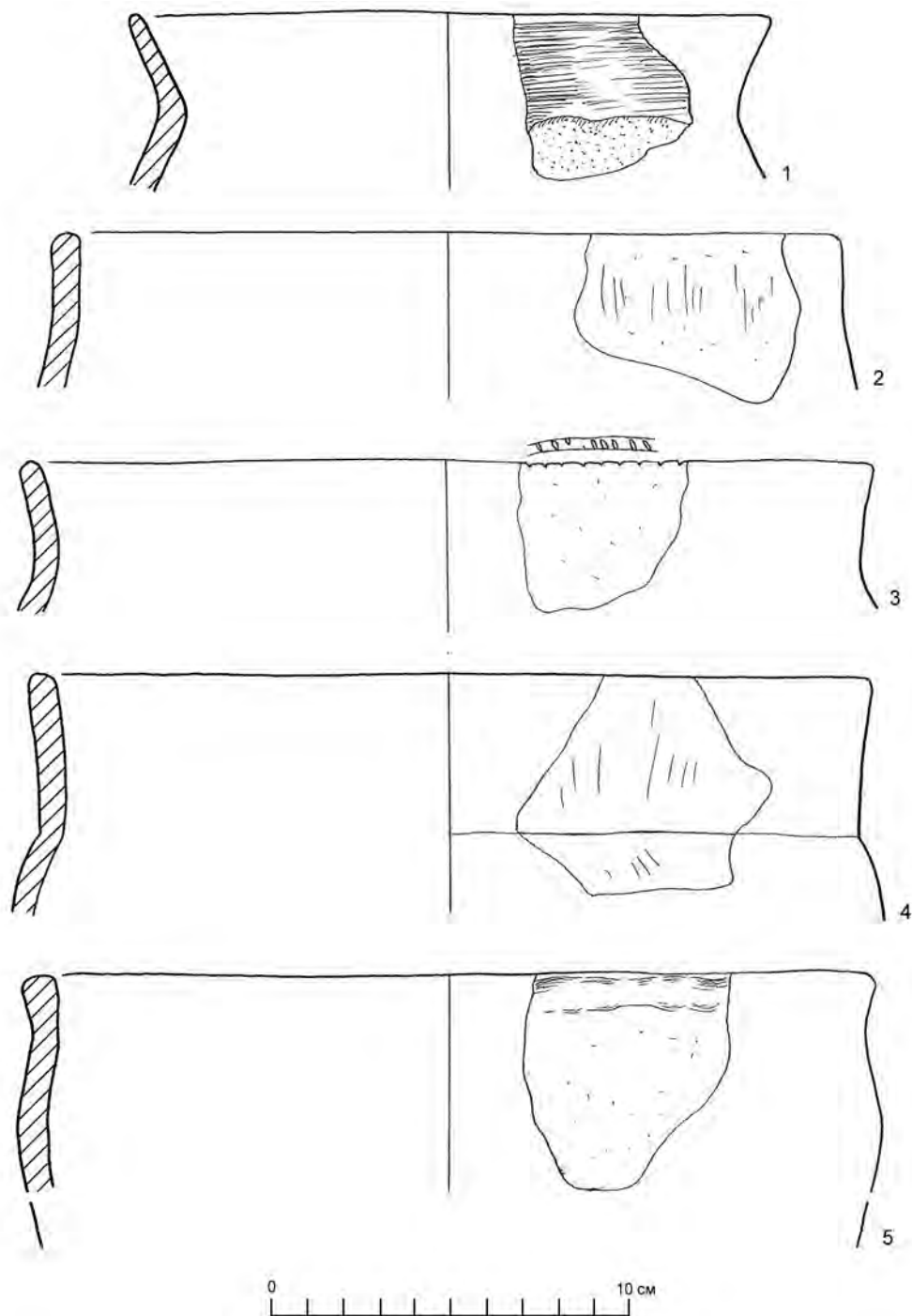

Рис. 90. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 14/1987: 1 — 652, чернolощеный; 2 — 688, вертикальное приглаживание; 3 — 741, приглаживание; 4 — 746, вертикальное приглаживание; 5 — 676

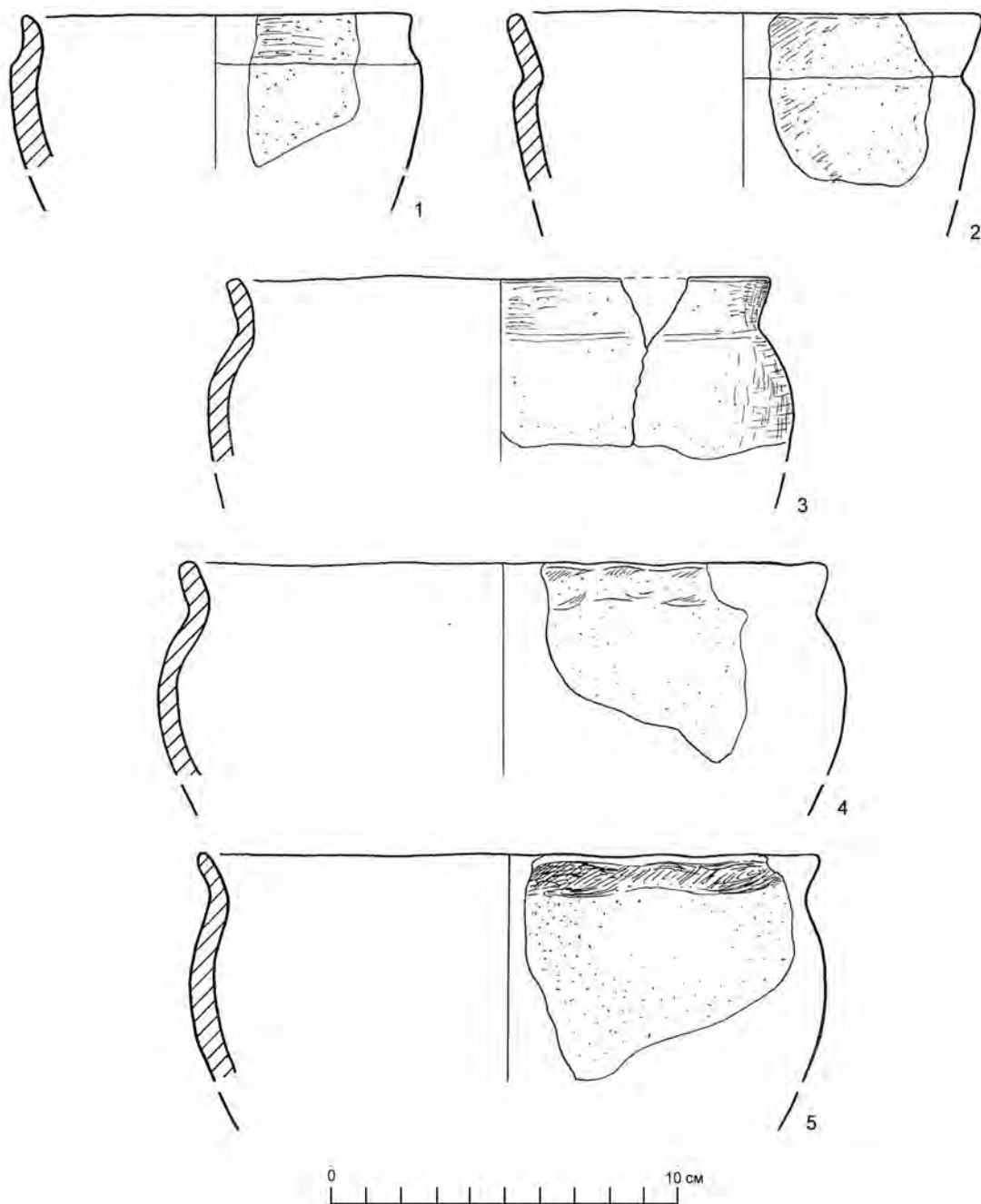

Рис. 91. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 14/1987: 1 — 702, горизонтально пригlaжен; 2 — 749, заглажен; 3 — 695, 749, пригlaжен венчик; 4 — 725, 726, пригlaжен; 5 — 698, венчик пригlaжен

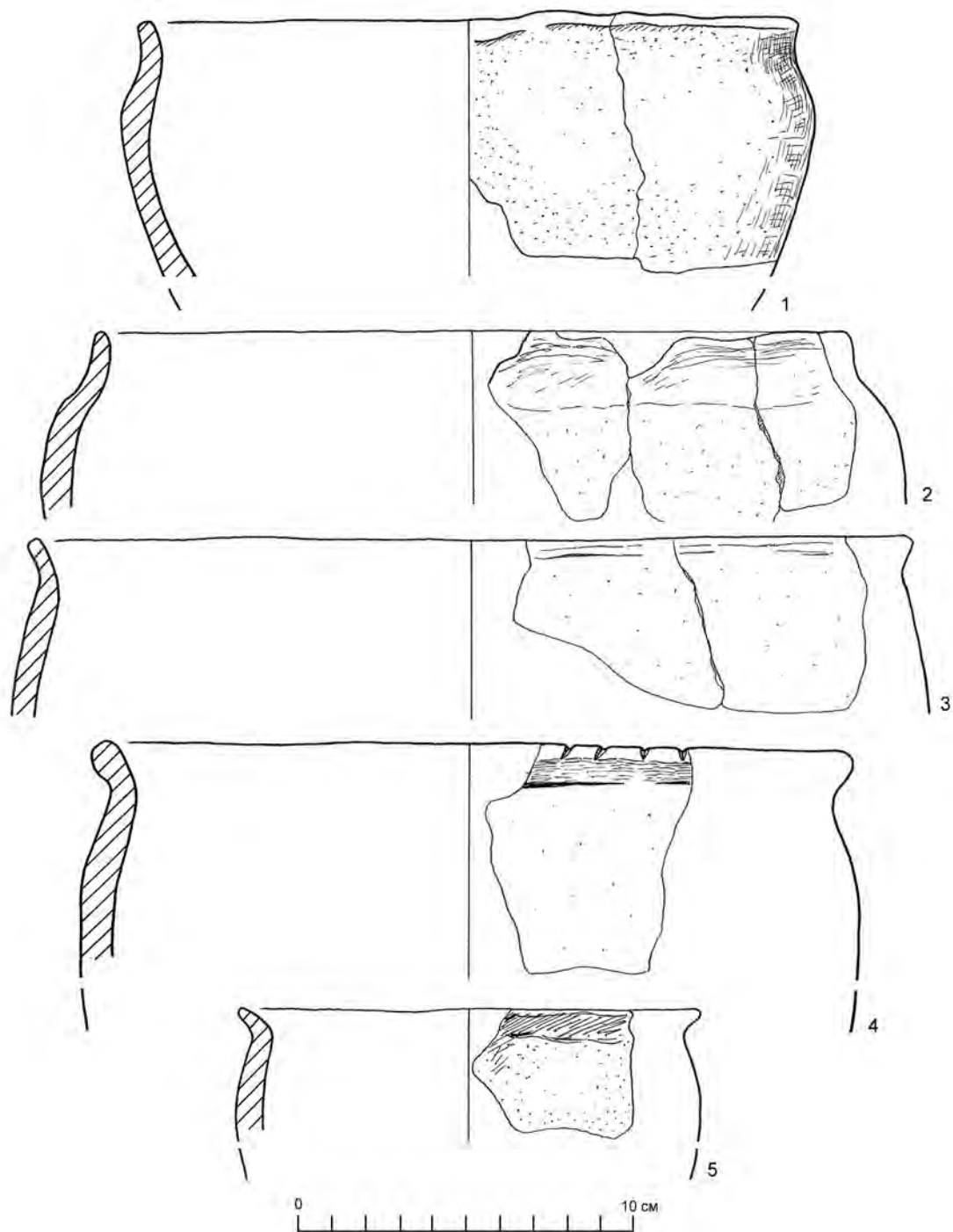

Рис. 92. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 14/1987: 1 — 746, грубо заглажен; 2 — 661, 663, 669; 3 — 686, 724, 739, приглаживание; 4 — 758, заглаживание; 5 — 747

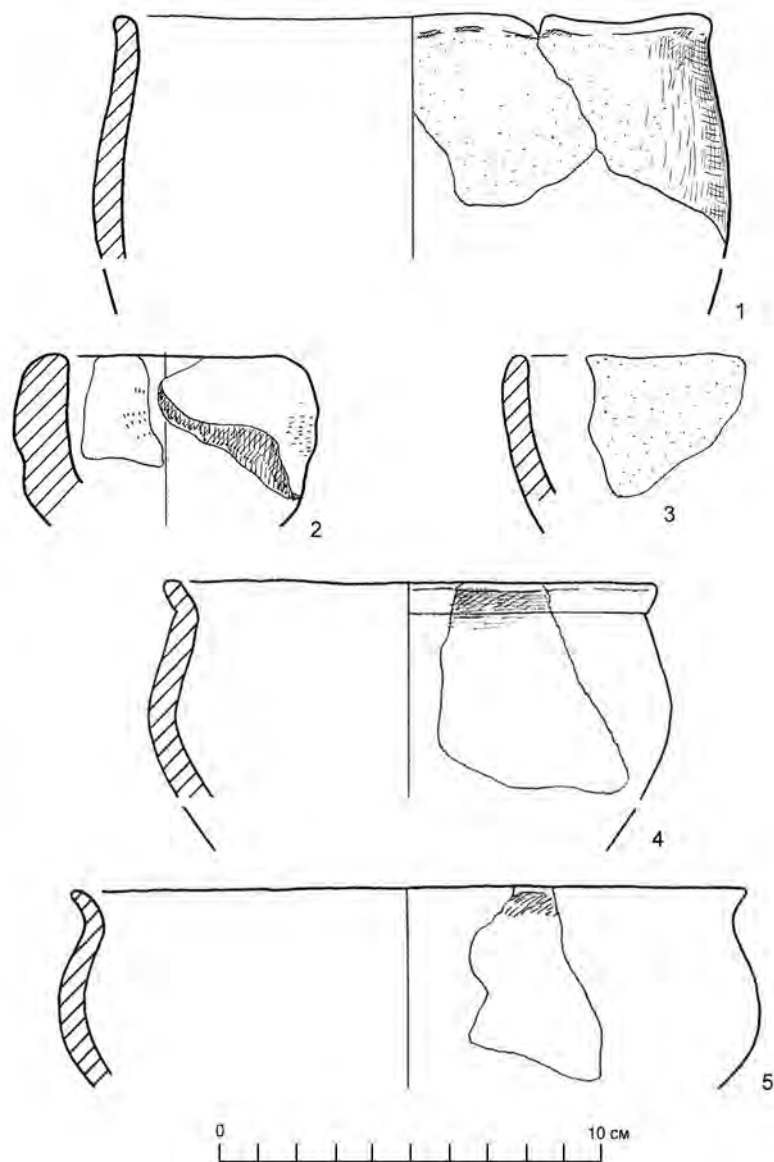

Рис. 93. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 14/1987: 1 — 650, 675; 2 — 648, 649, 715, без отощителя, текстильные отпечатки + наколы; 3 — 653; 4 — 579; 5 — 559, венчик заглажен

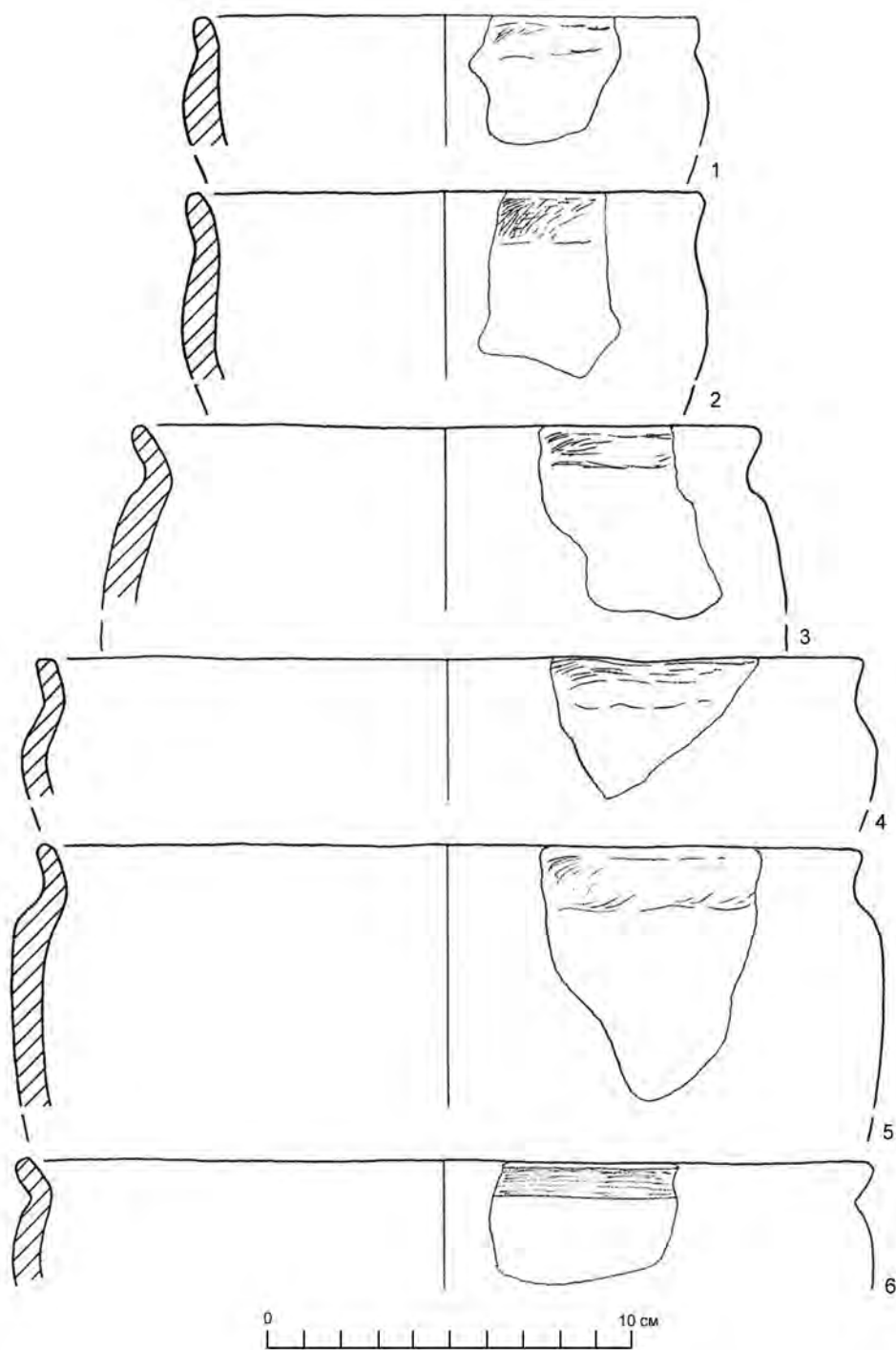

Рис. 94. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 14/1987: 1 — 568; 2 — 561, заглажен; 3 — 559, 557, венчик приглажен; 4 — 575, приглажен; 5 — 565, 573, венчик приглажен; 6 — 576

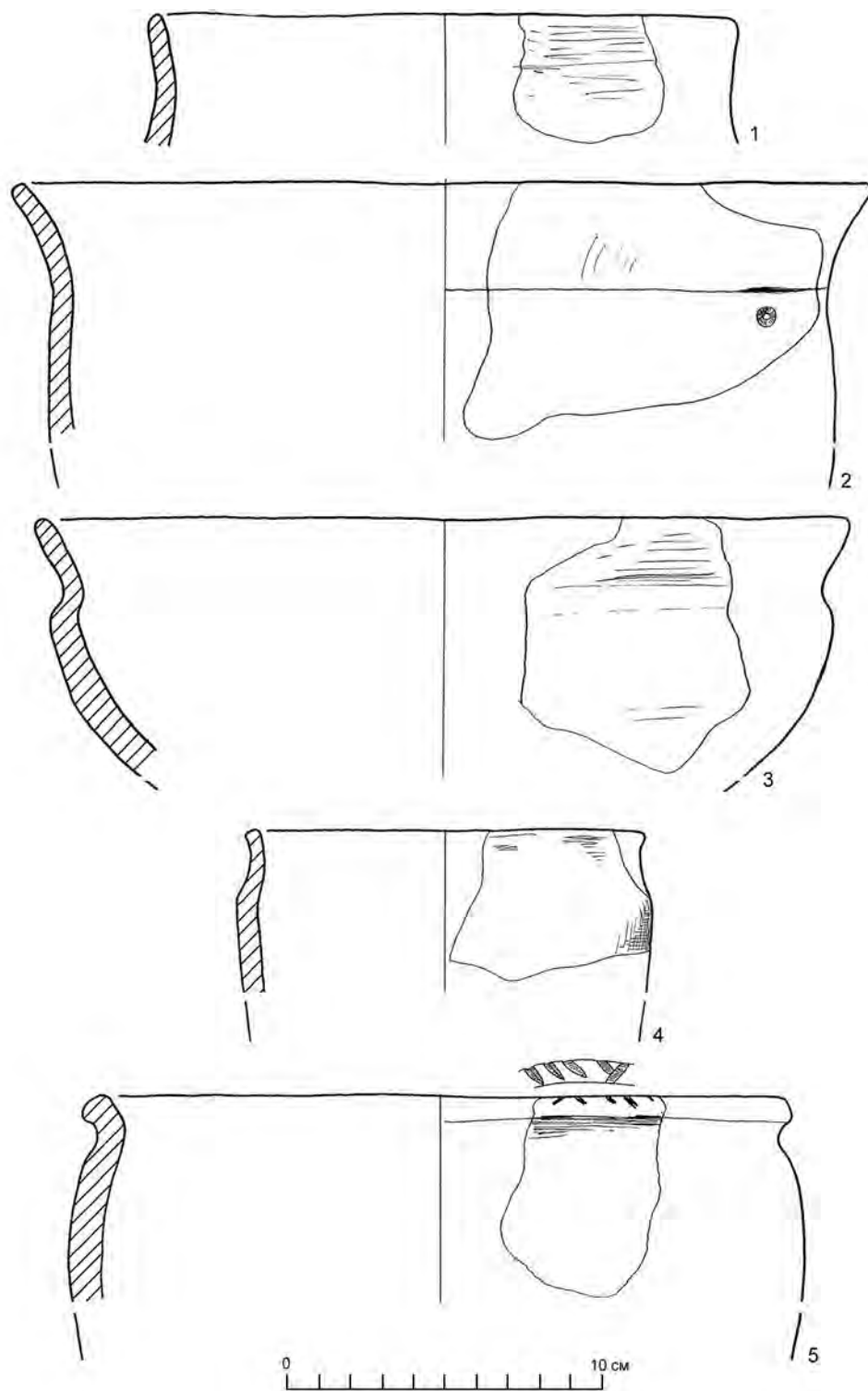

Рис. 95. Гнездилово 2. Лепная керамика. 1987, пл. 2, кв. А5; заполнение ямы 19/1987: 1 — 588, грубо приглажен; 2 — 587, грубо заглажен; 3 — 586, тщательно заглажен; 4 — 757, 759, 761; 5 — 756

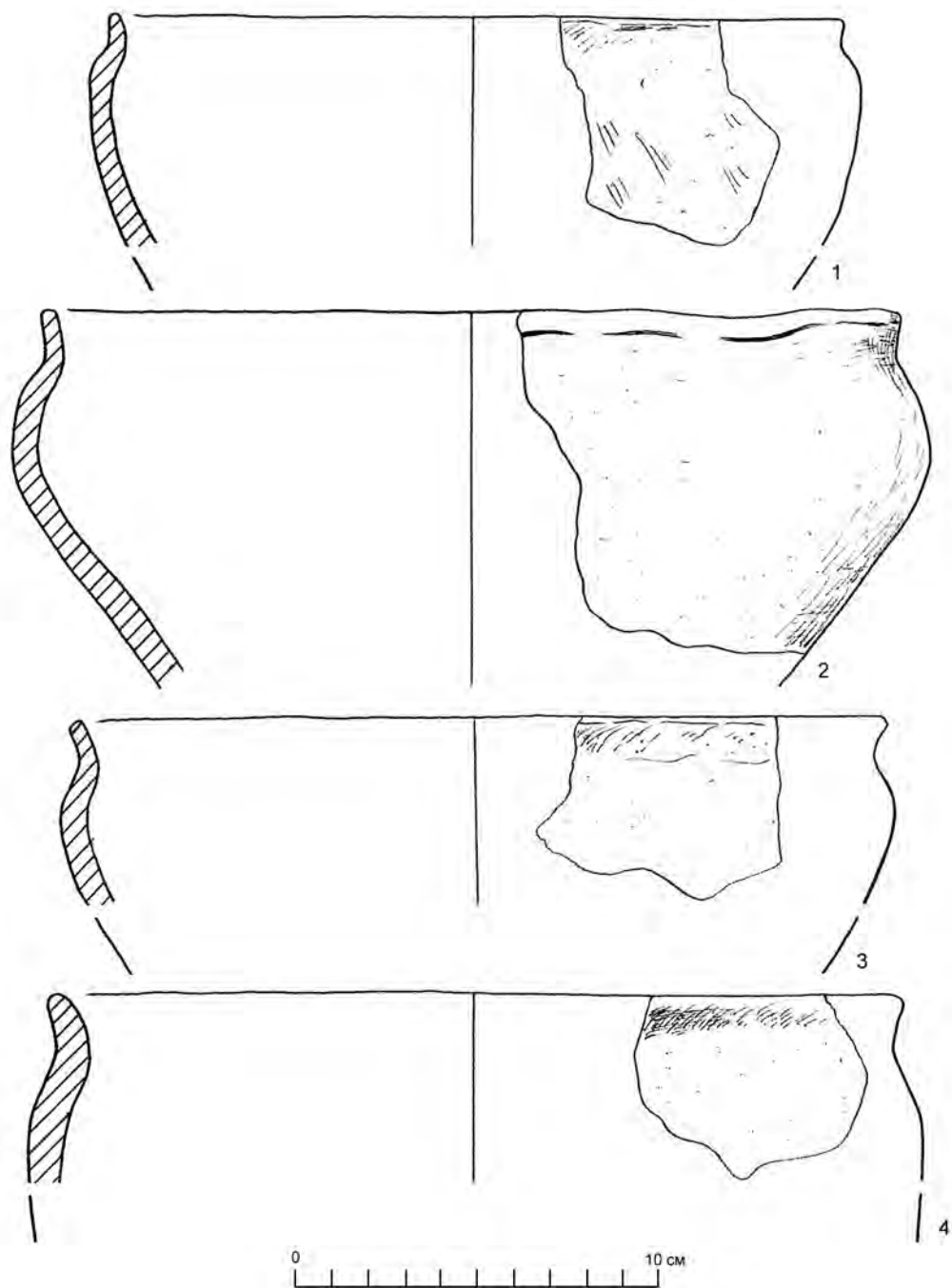

Рис. 96. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 31/1987: 1 — 770; 2 — 774, дресва + шамот + органика, венчик горизонтально заглажен; 3 — 775, горизонтально приглажен; 4 — 784

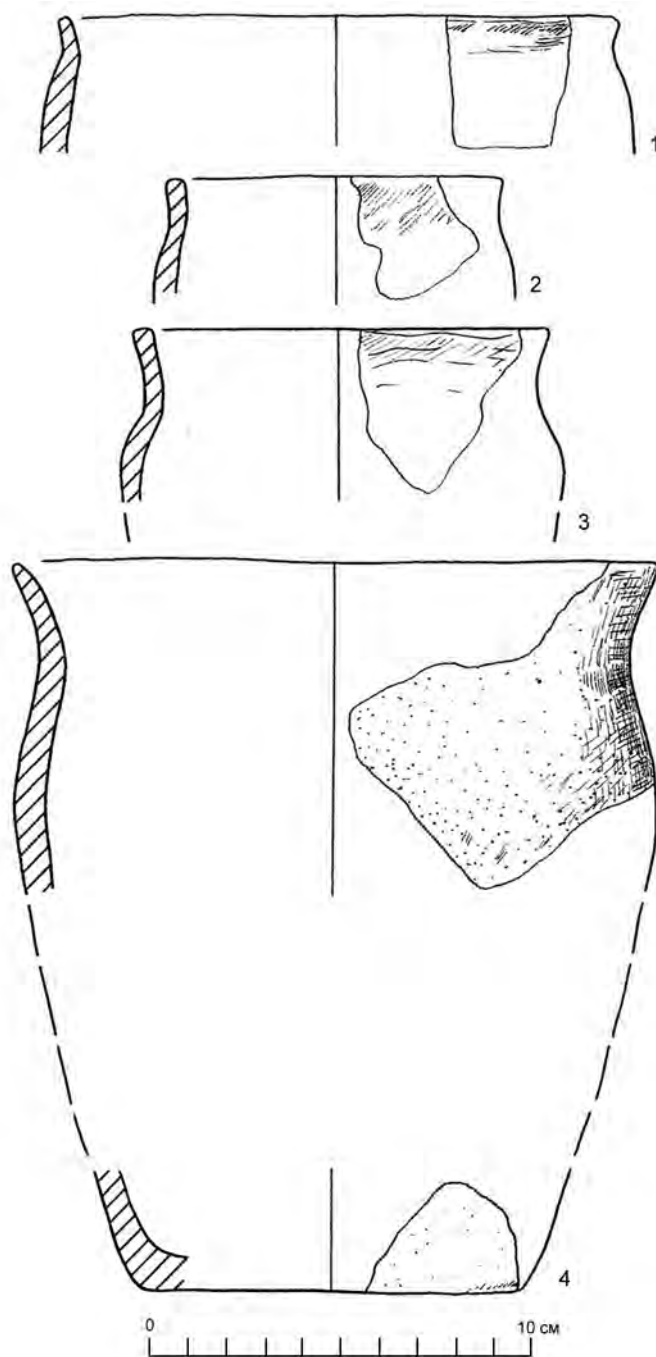

Рис. 97. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 31/1987: 1 — 781; 2 — 768; 3 — 797, горизонтально приглажен; 4 — 779, 780, 794, 796, дресва + шамот + органика

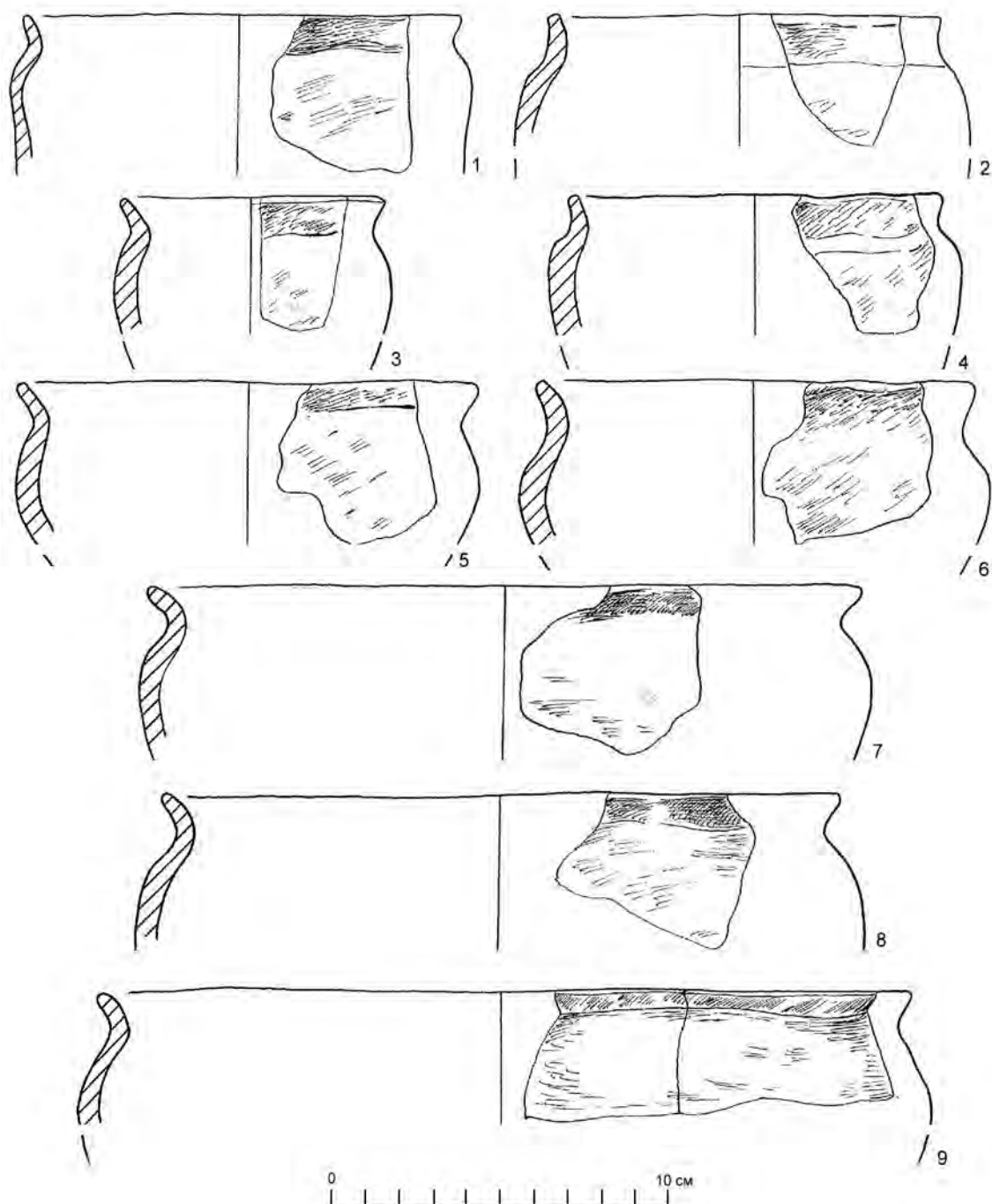

Рис. 98. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 38/1987: 1 — 851; 2 — 826; 3 — 864; 4 — 815, дресва + шамот, приглажен; 5 — 813, горизонтально приглажен; 6 — ?; 7 — 821, горизонтально приглажен; 8 — 859, горизонтально приглажен; 9 — 802, 804, дресва + шамот, горизонтально заглажен

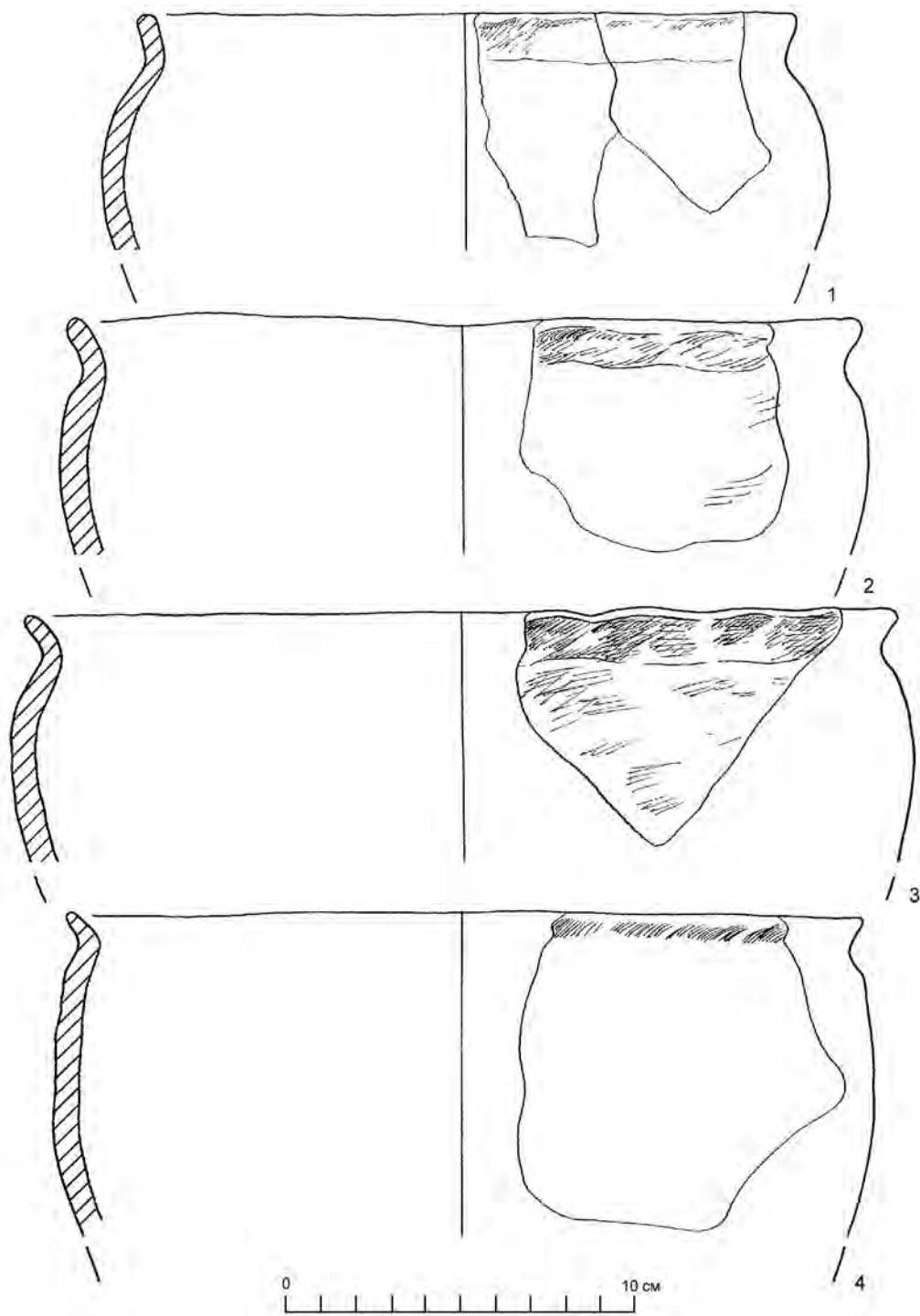

Рис. 99. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 38/1987: 1 — 800, 819, тщательно заглажен; 2 — 805, 856; 3 — 858, заглажен местами до подлощения; 4 — 801, дресва + раковина? + органика

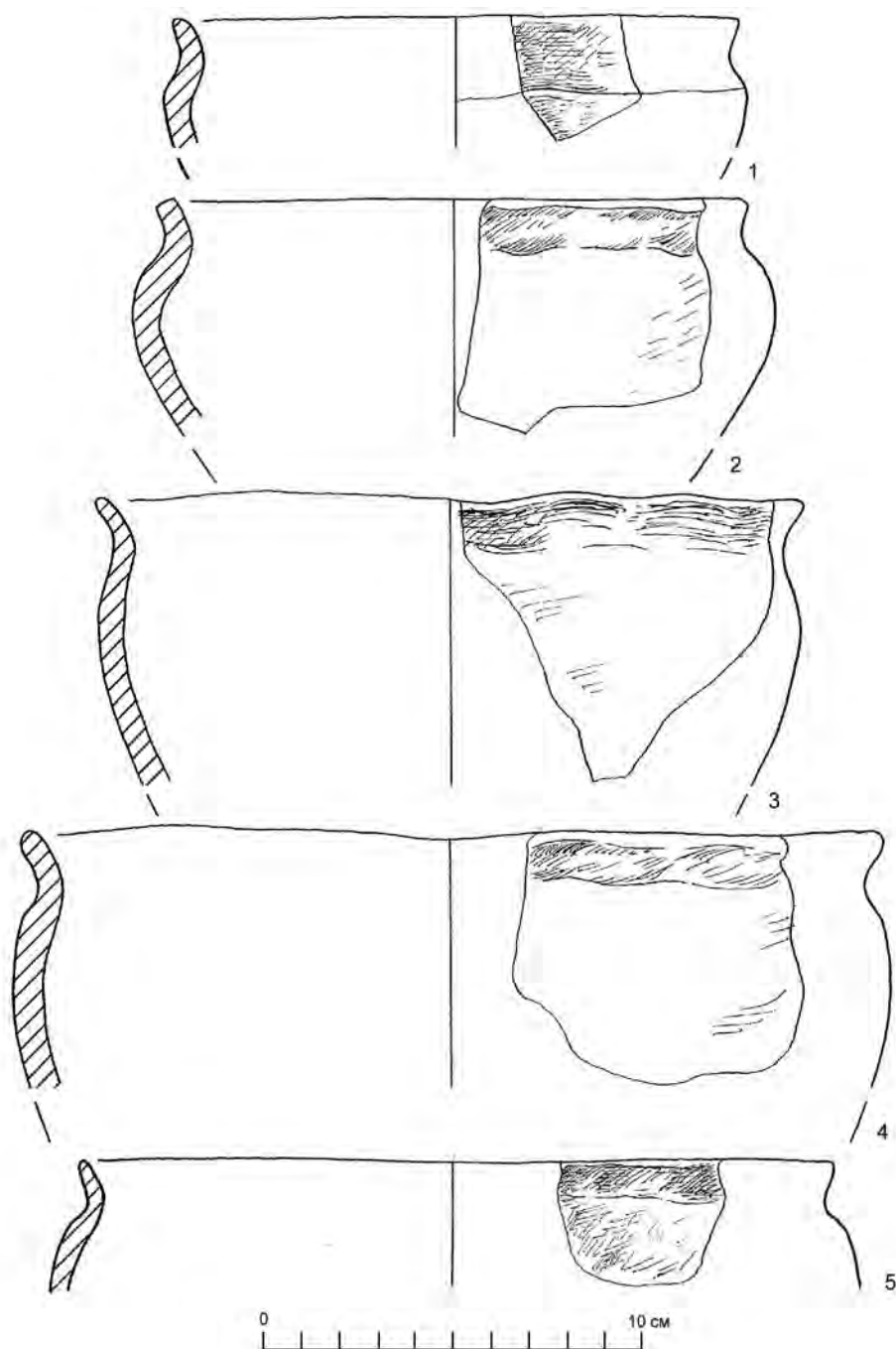

Рис. 100. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 38/1987: 1 — 855, венчик горизонтально заглажен; 2 — 853, дресва + шамот, приглажен; 3 — 803; 4 — 805, 856; 5 — 818, горизонтально приглажен

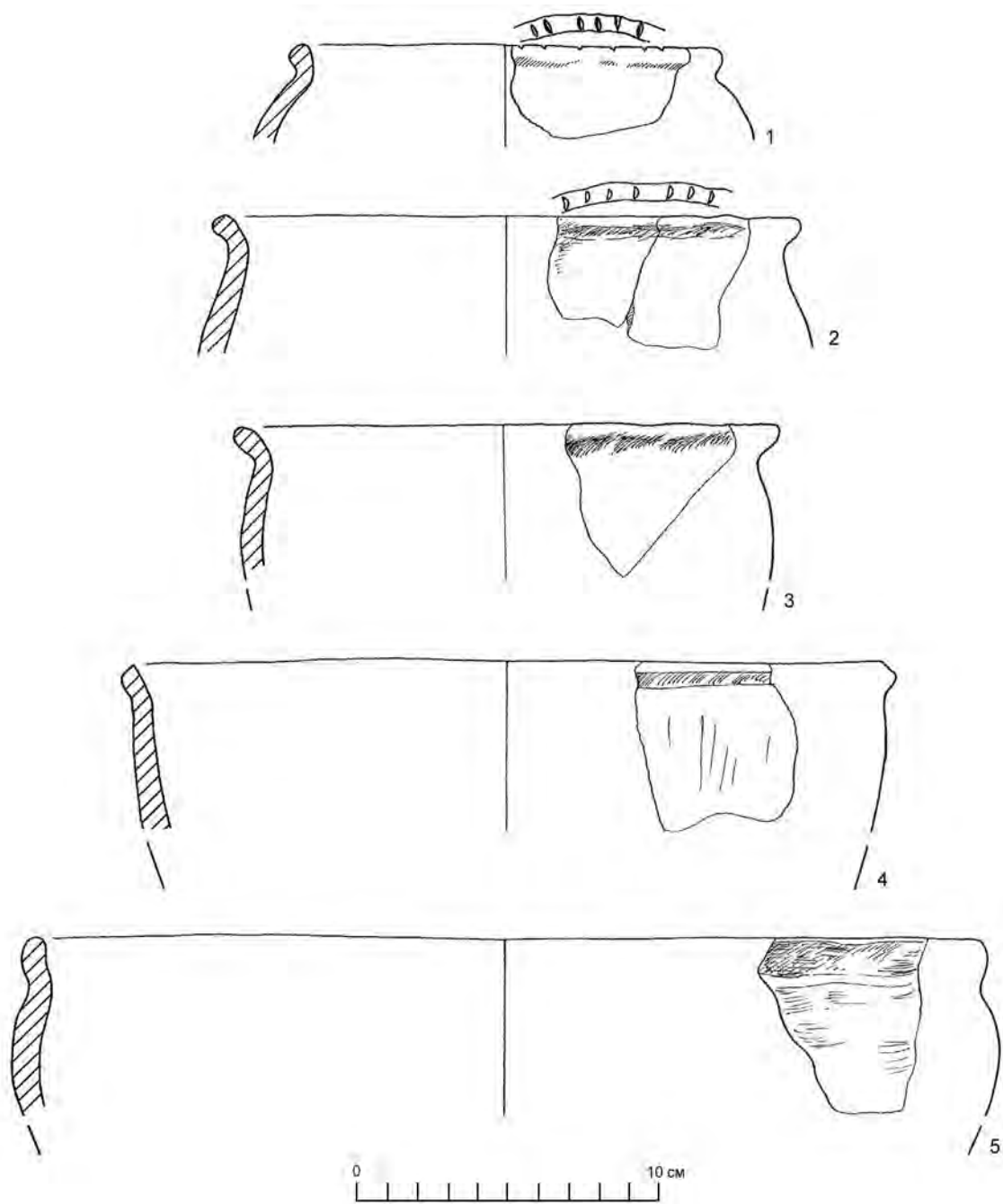

Рис. 101. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 38/1987: 1 — 842, 854, дресва + шамот; 2 — 857, 861, грубо заглажен; 3 — 828; 4 — 814, вертикально приглажен; 5 — 808

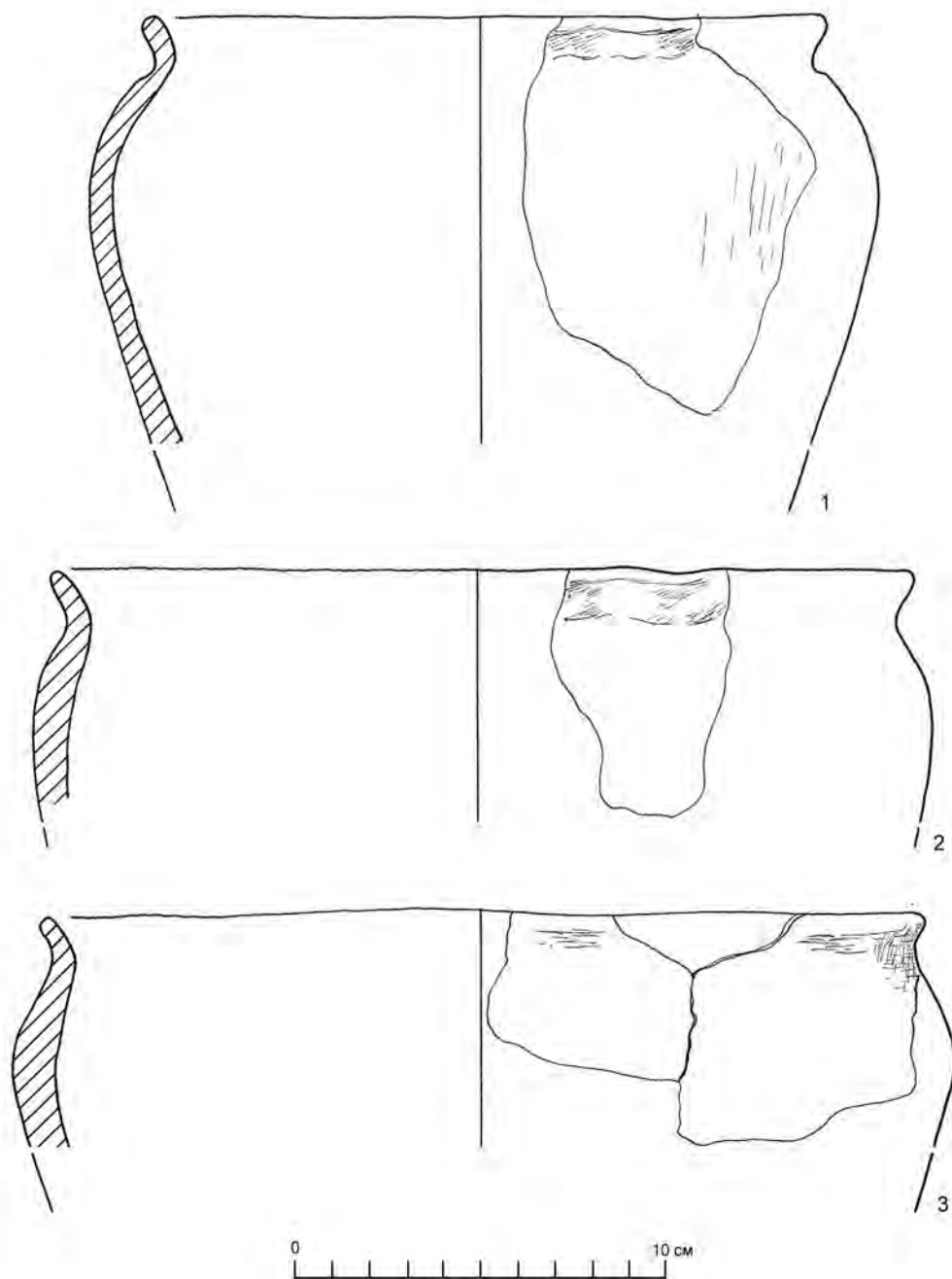

Рис. 102. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 39а/1987: 1 — 1007; 2 — 1095, дресва + шамот, венчик приглажен; 3 — 1052, 1108, заглажен

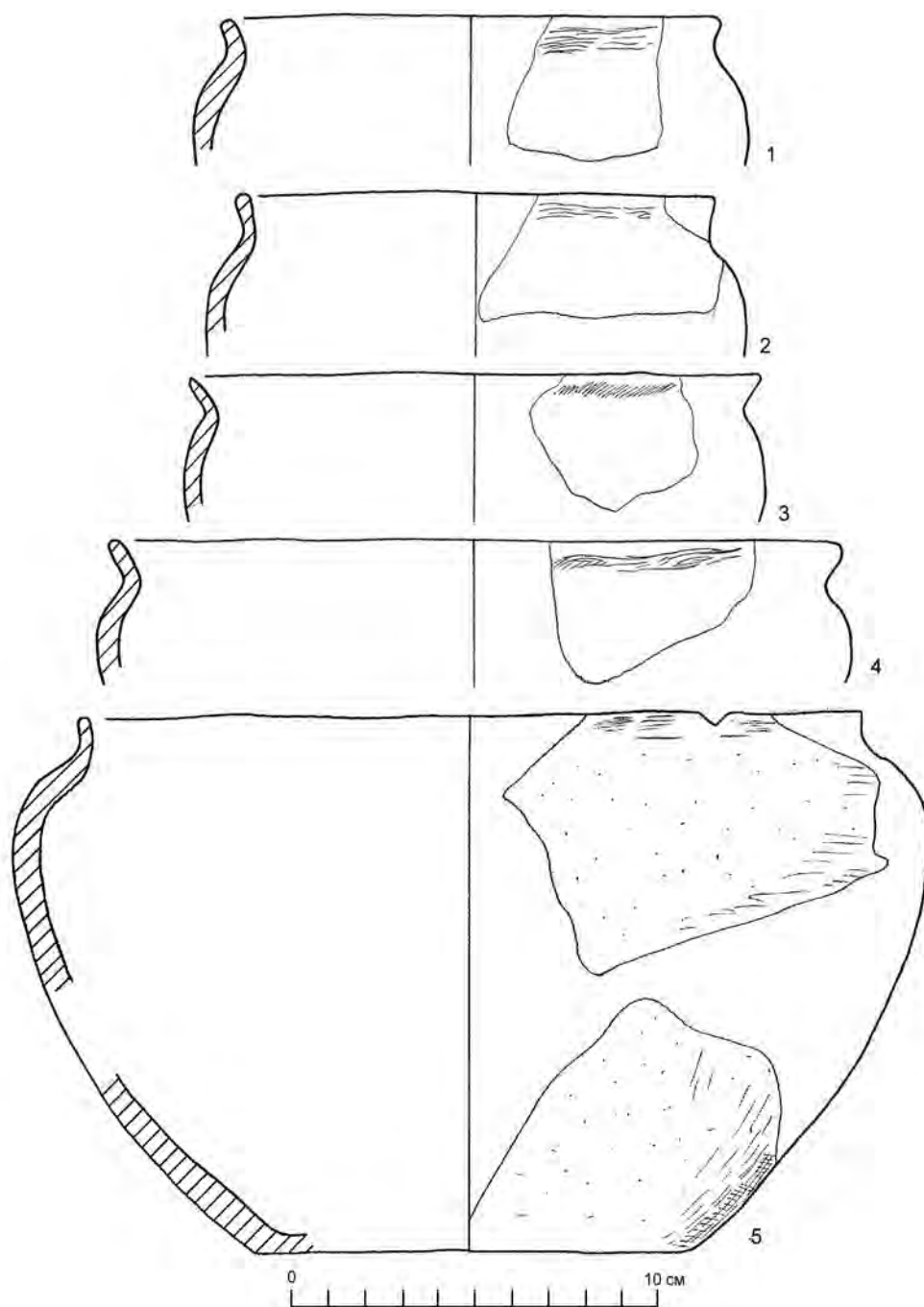

Рис. 103. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 39а/1987: 1 — 1020, горизонтально приглажен; 2 — 100, горизонтальное подлощение; 3 — 1034, дресва + шамот, венчик заглажен; 4 — 1023, дресва + шамот, венчик горизонтально заглажен; 5 — 1030, 1119, дресва + шамот, заглажен

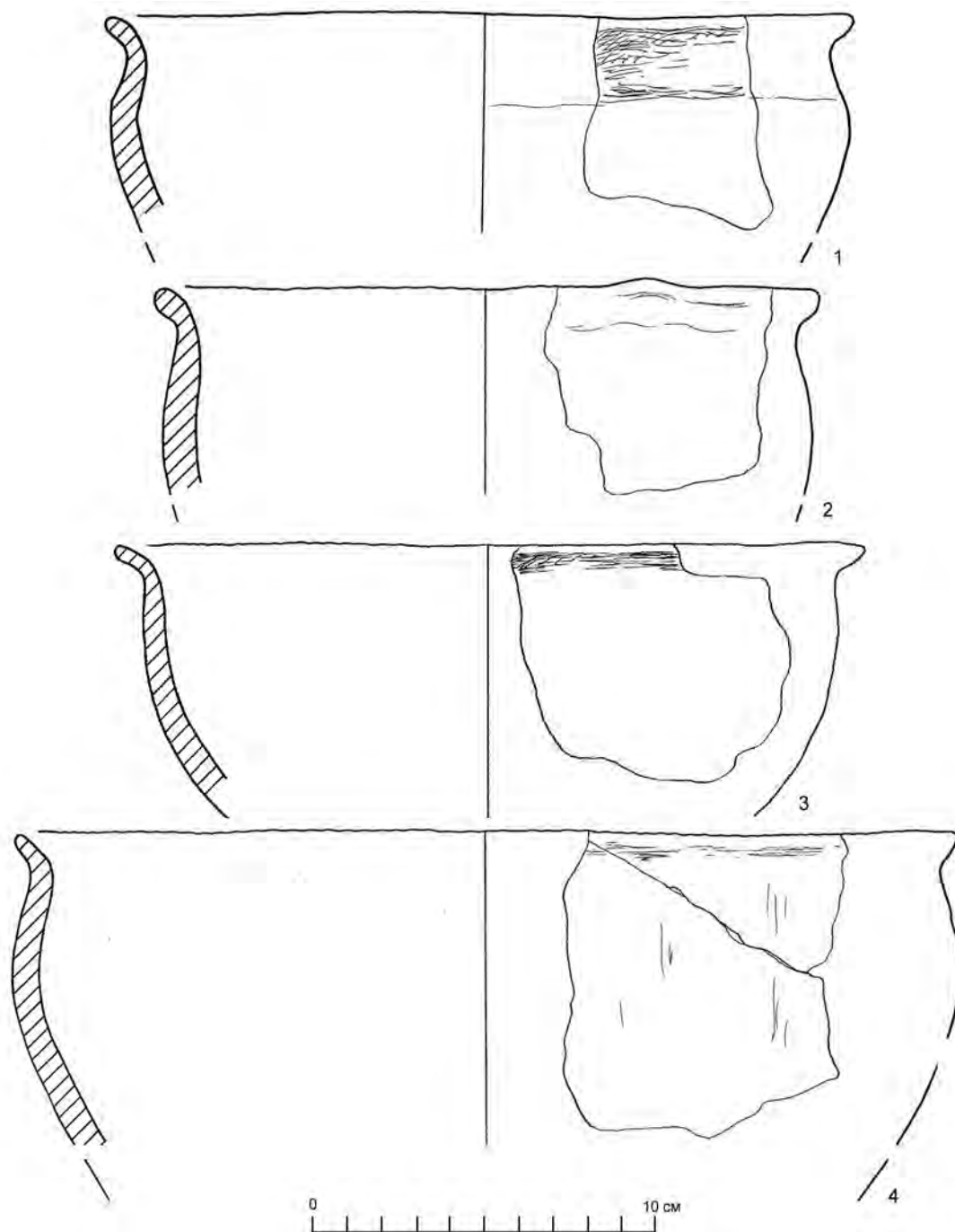

Рис. 104. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 39а/1987: 1 — 1091, венчик горизонтально заглажен; 2 — 1025, заглажен; 3 — ?, лощеный; 4 — 1089, 1108, дресва + органика, вертикальные расчесы

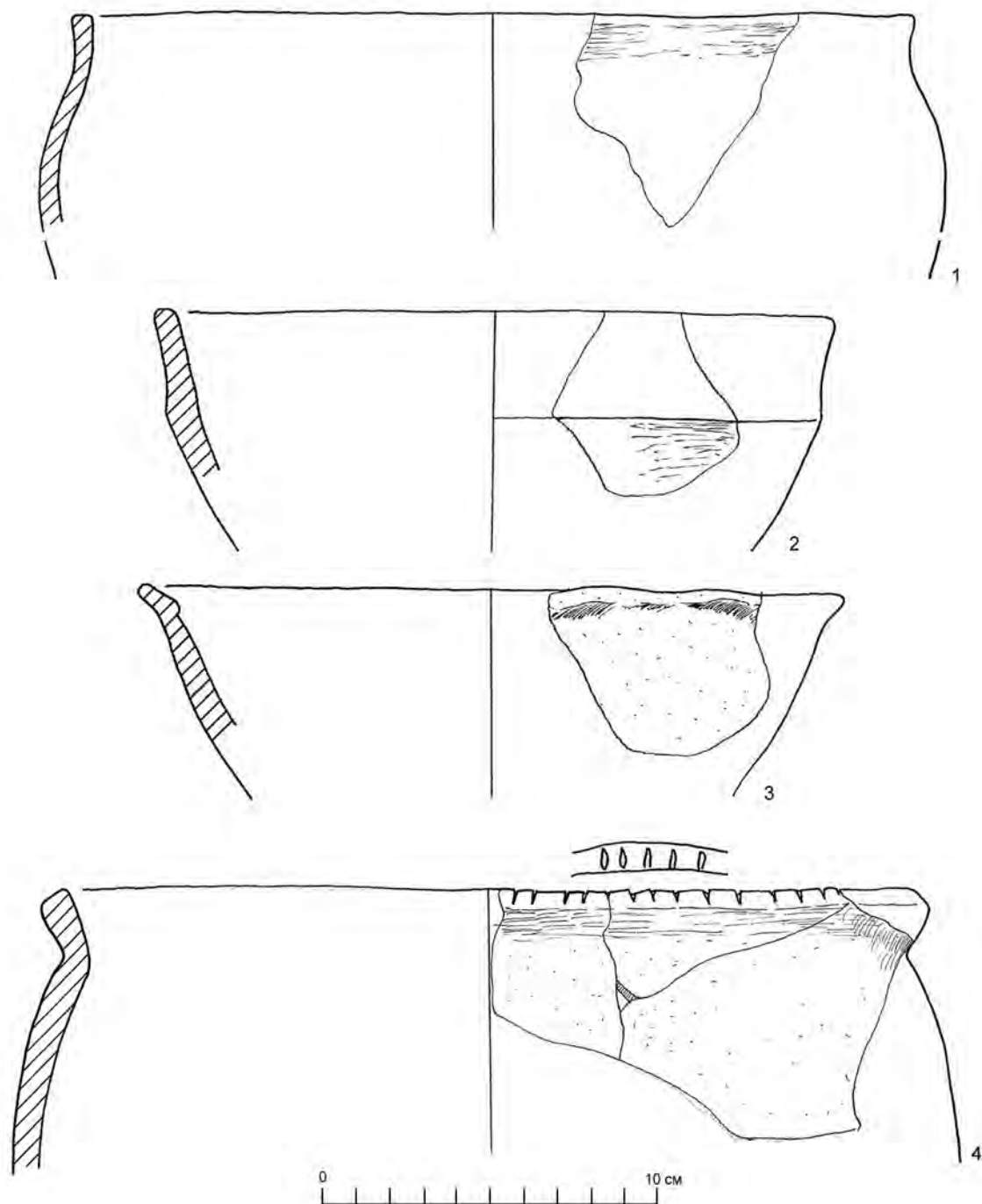

Рис. 105. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 39а/1987: 1 — 1090, венчик горизонтально заглажен; 2 — 1005, закраина горизонтально заглажена; 3 — 1124; 4 — 1069, 1070, 1084, заглажен

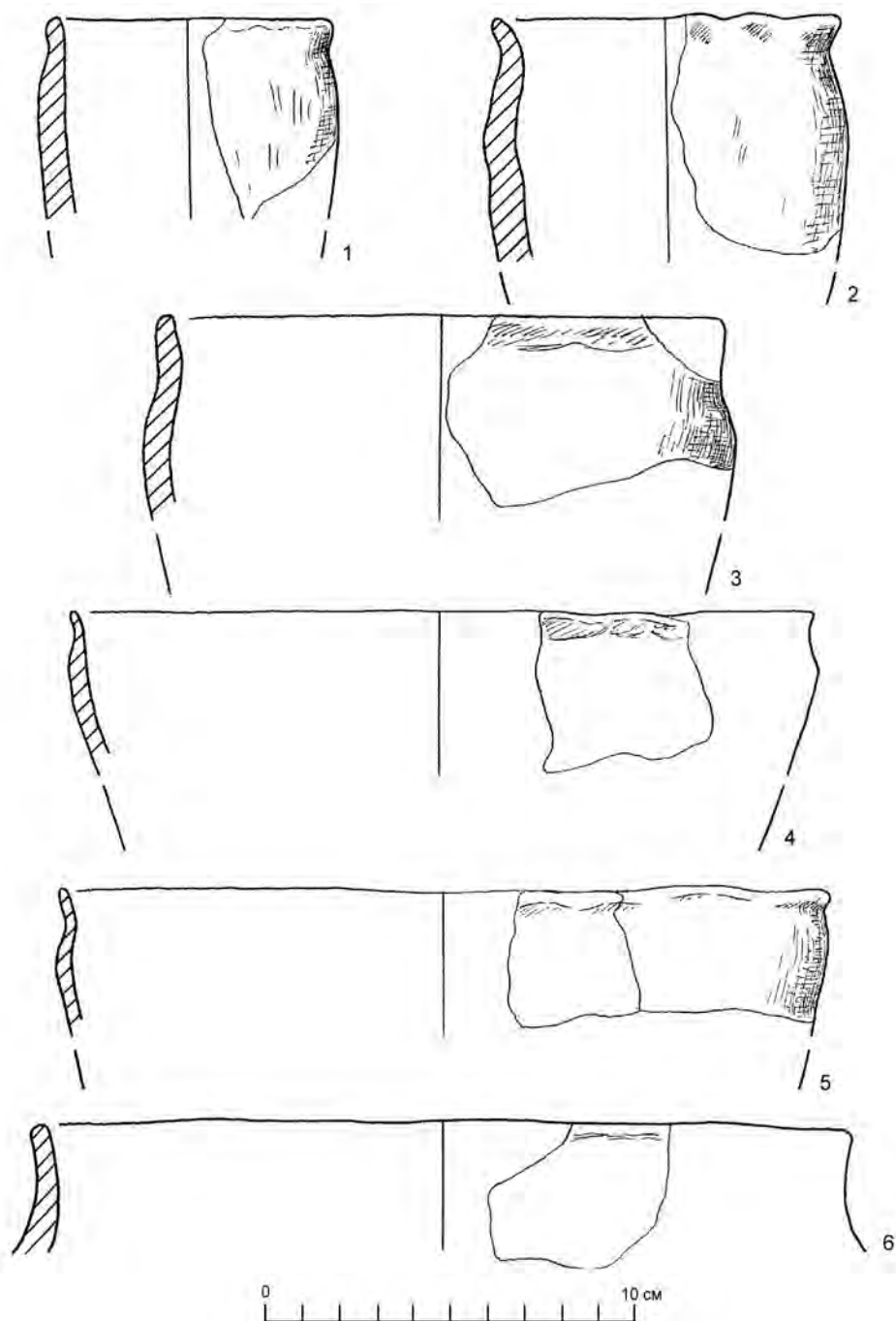

Рис. 106. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 39а/1987: 1 — 1110; 2 — 1024; 3 — 1140; 4 — 1122, закраина приглажена; 5 — 1193, 1194; 6 — 1006

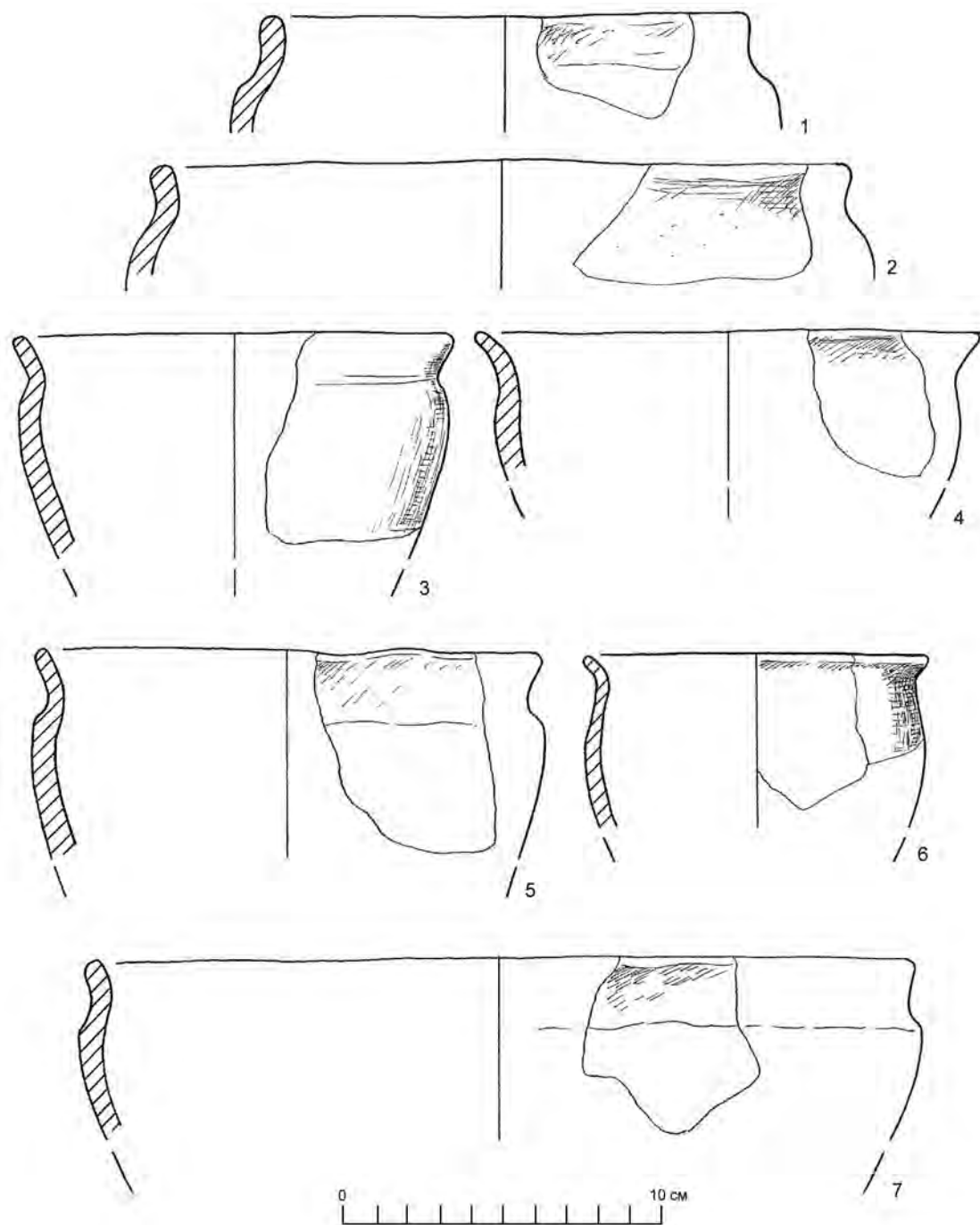

Рис. 107. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 39а/1987: 1 — 1047, горизонтально заглажен; 2 — 1092; 3 — 1107, дресва + органика, венчик заглажен; 4 — 1101, лощеный; 5 — 1118, венчик горизонтально заглажен; 6 — 1035, 1035, горизонтально заглажен; 7 — 1125

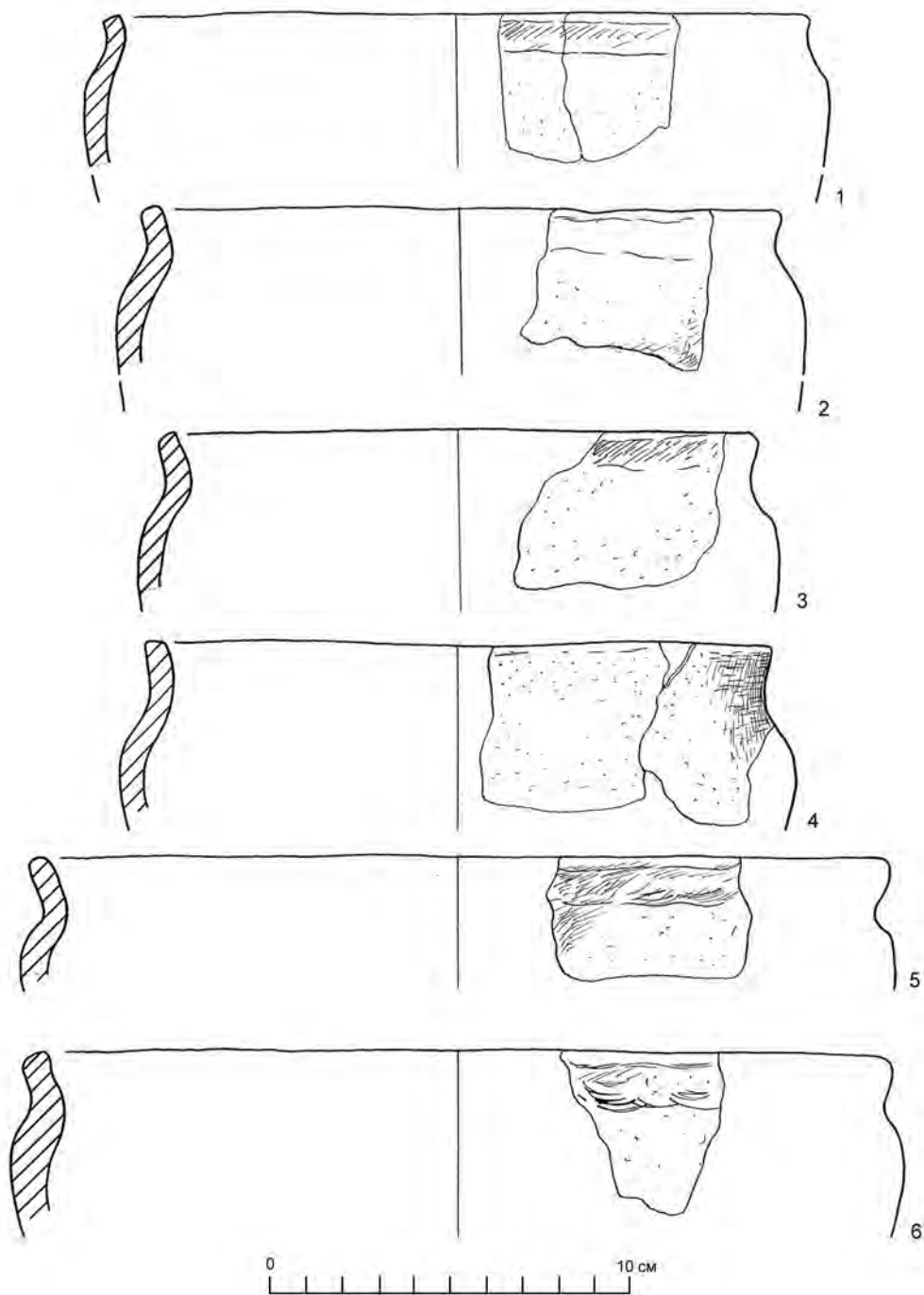

Рис. 108. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 396/1987: 1 — 1205, 1207; 2 — 1299; 3 — 1201; 4 — 1189, 1276, горизонт заглажен; 5 — 1190, горизонт приглажен; 6 — 1235, горизонт заглажен

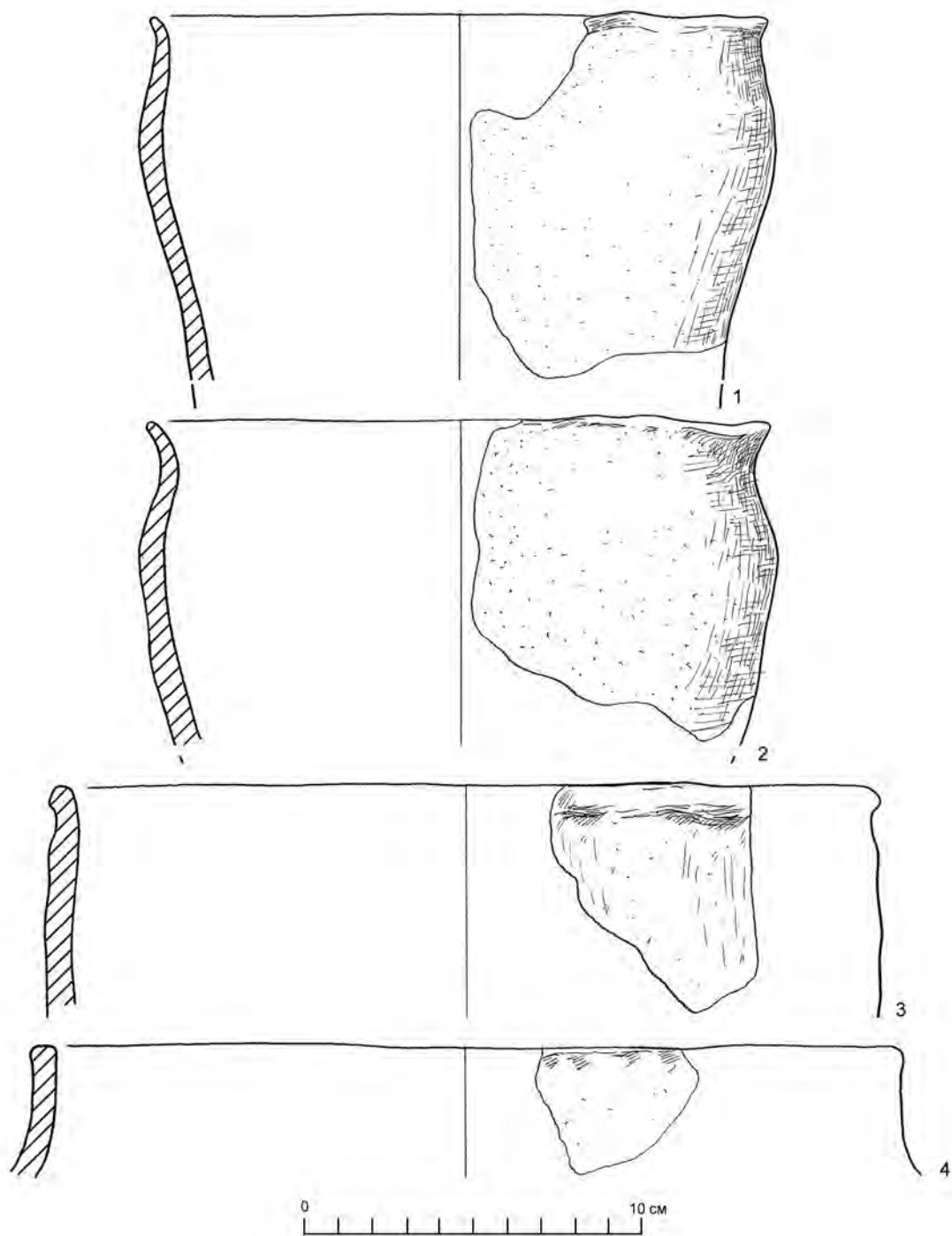

Рис. 109. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 396/1987: 1 — 1263; 2 — 1230; 3 — 1205; 4 — 1272, заглажен

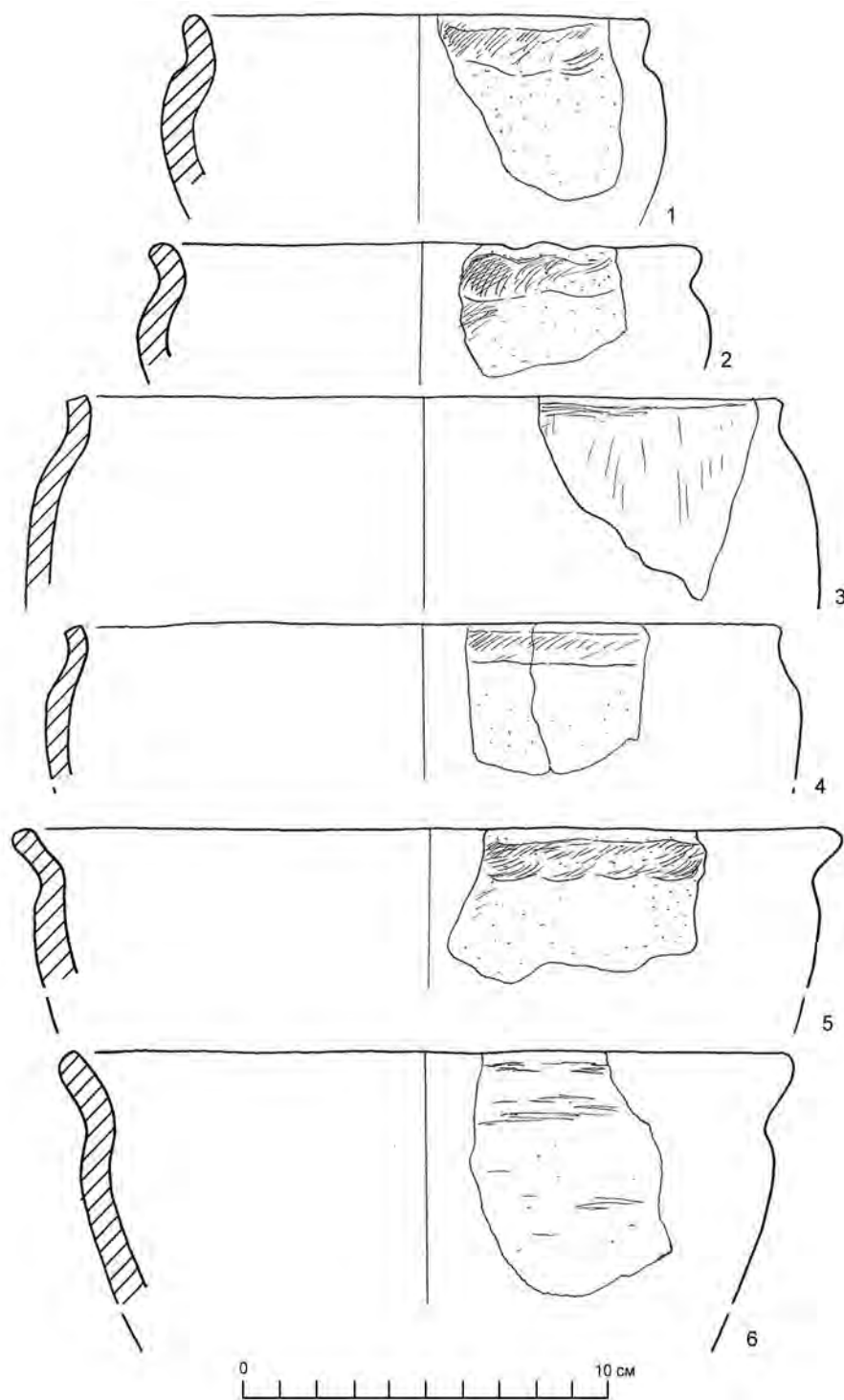

Рис. 110. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 396/1987: 1 — 1202; 2 — 1172, дресва + шамот; 3 — 1230, вертикально приглажен; 4 — 1205, 1207; 5 — 1187; 6 — 1188, горизонт приглажен

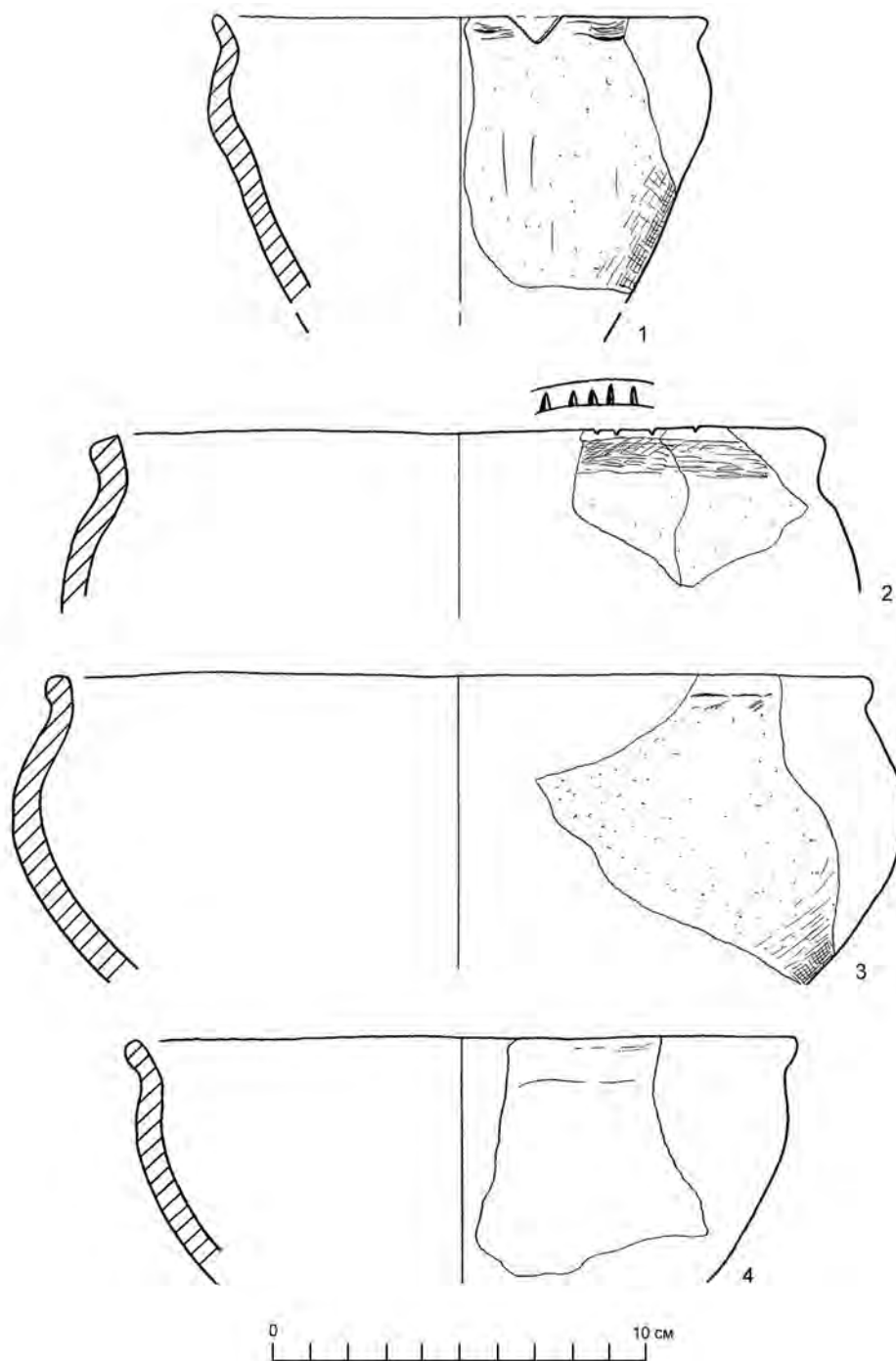

Рис. 111. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 396/1987: 1 — 1193, горизонт приглажен; 2 — 1221, 1222, приглажен; 3 — 1194, горизонтально приглажен; 4 — 1231, венчик горизонтально приглажен

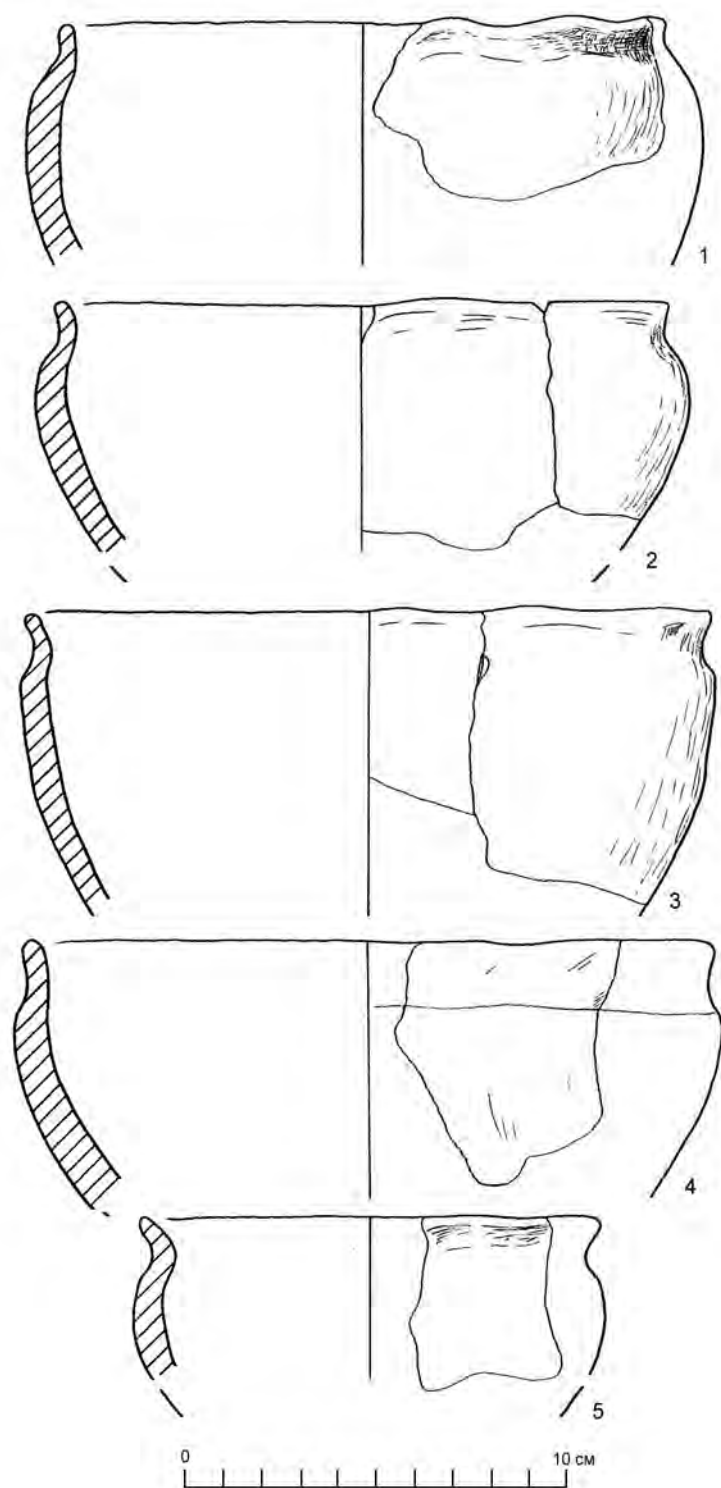

Рис. 112. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 396/1987: 1 — 1229, венчик горизонтально заглажен; 2 — 1266, 1268, венчик горизонтально приглажен; 3 — 1192, 1195, венчик горизонтально приглажен; 4 — 1237; 5 — 1204, 1229, венчик горизонтально приглажен

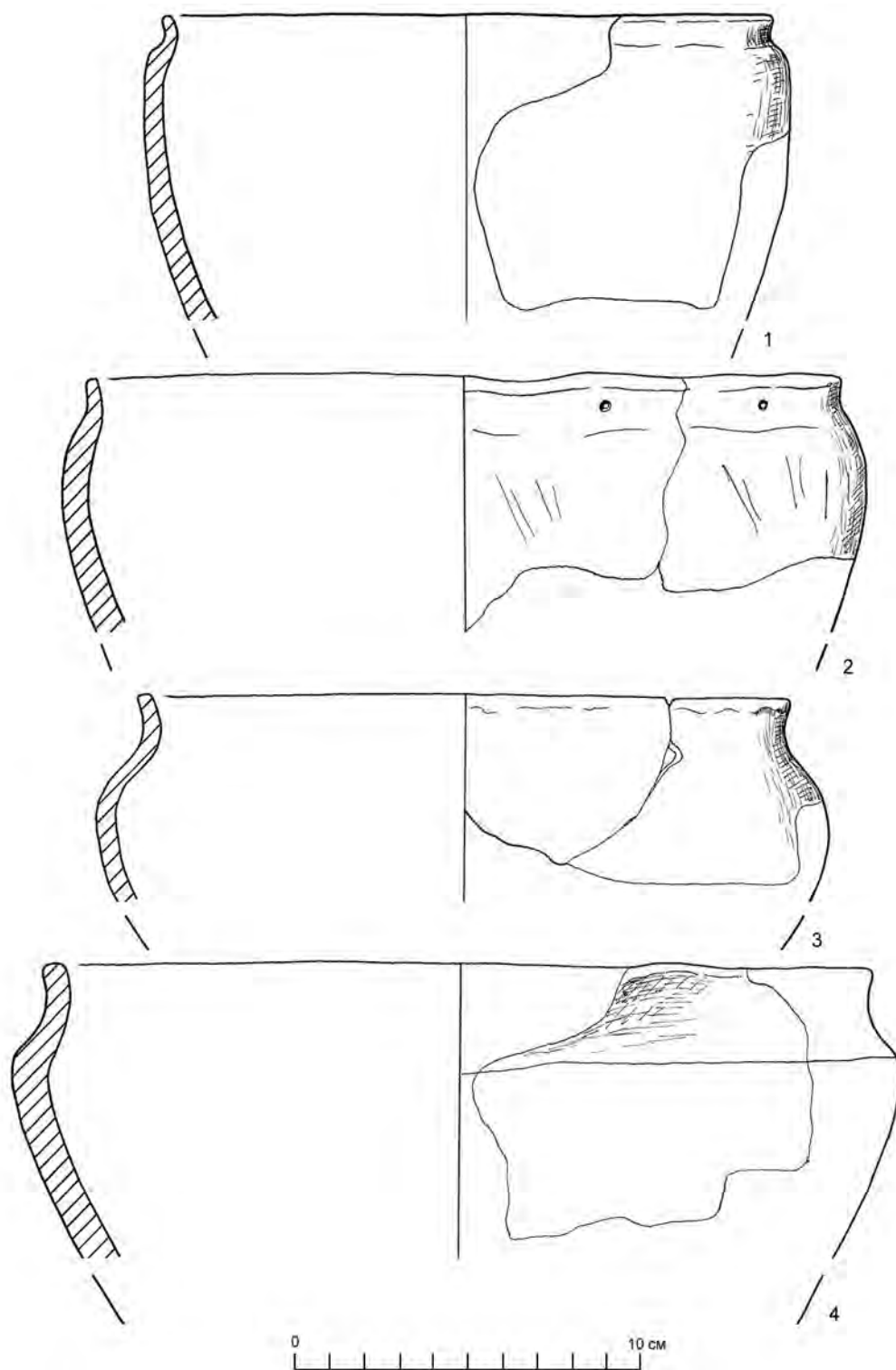

Рис. 113. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 47/1987: 1 — 946, дрсва + органика; 2 — 898, 909, дрсва + шамот; 3 — 873, 881, горизонтально приглаженный венчик; 4 — 910

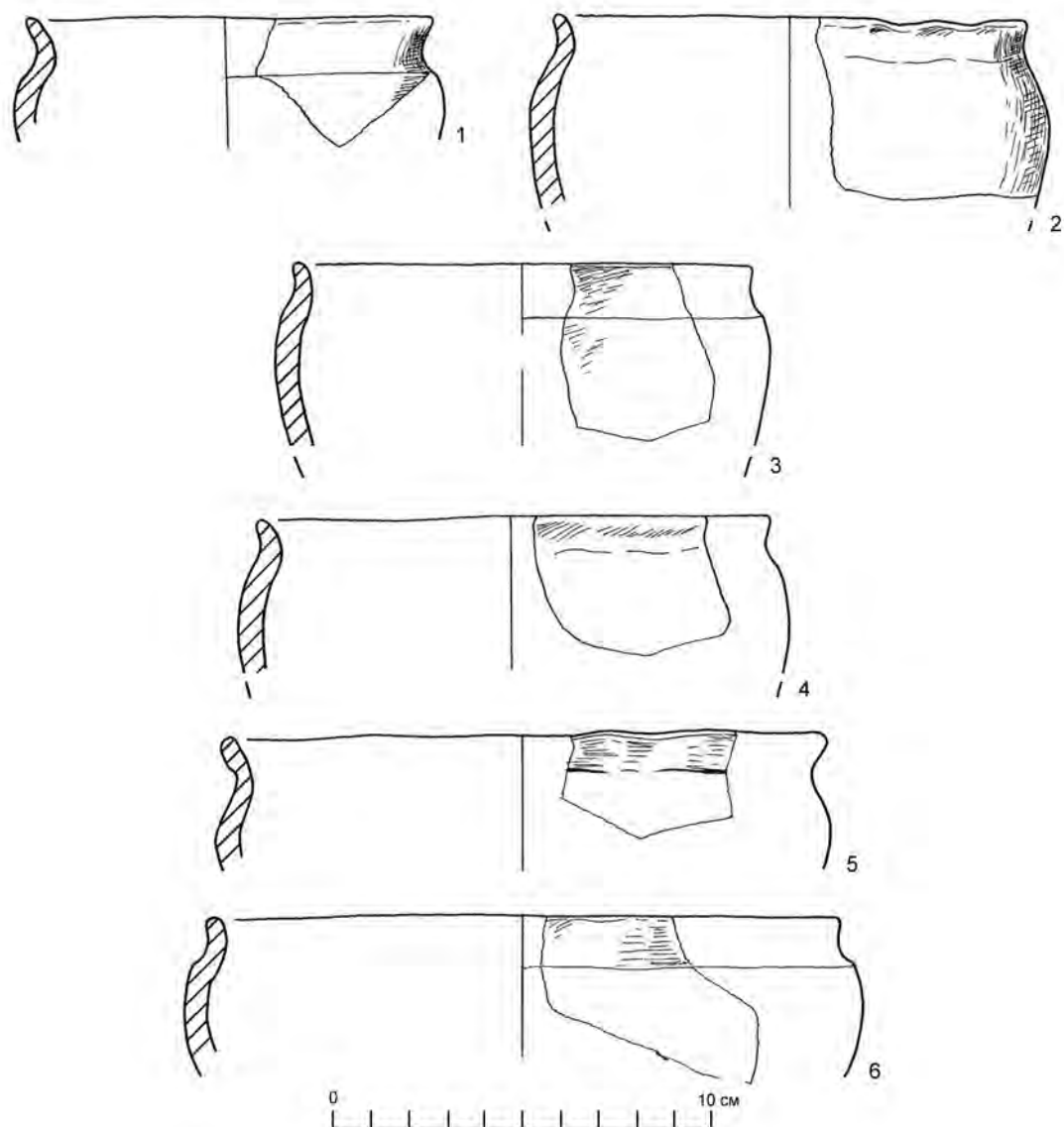

Рис. 114. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 47/1987: 1 — 902, дресва + шамот; 2 — 905; 3 — 871, горизонтально приглаженный венчик; 4 — 971; 5 — 994, горизонтально приглажен; 6 — 872

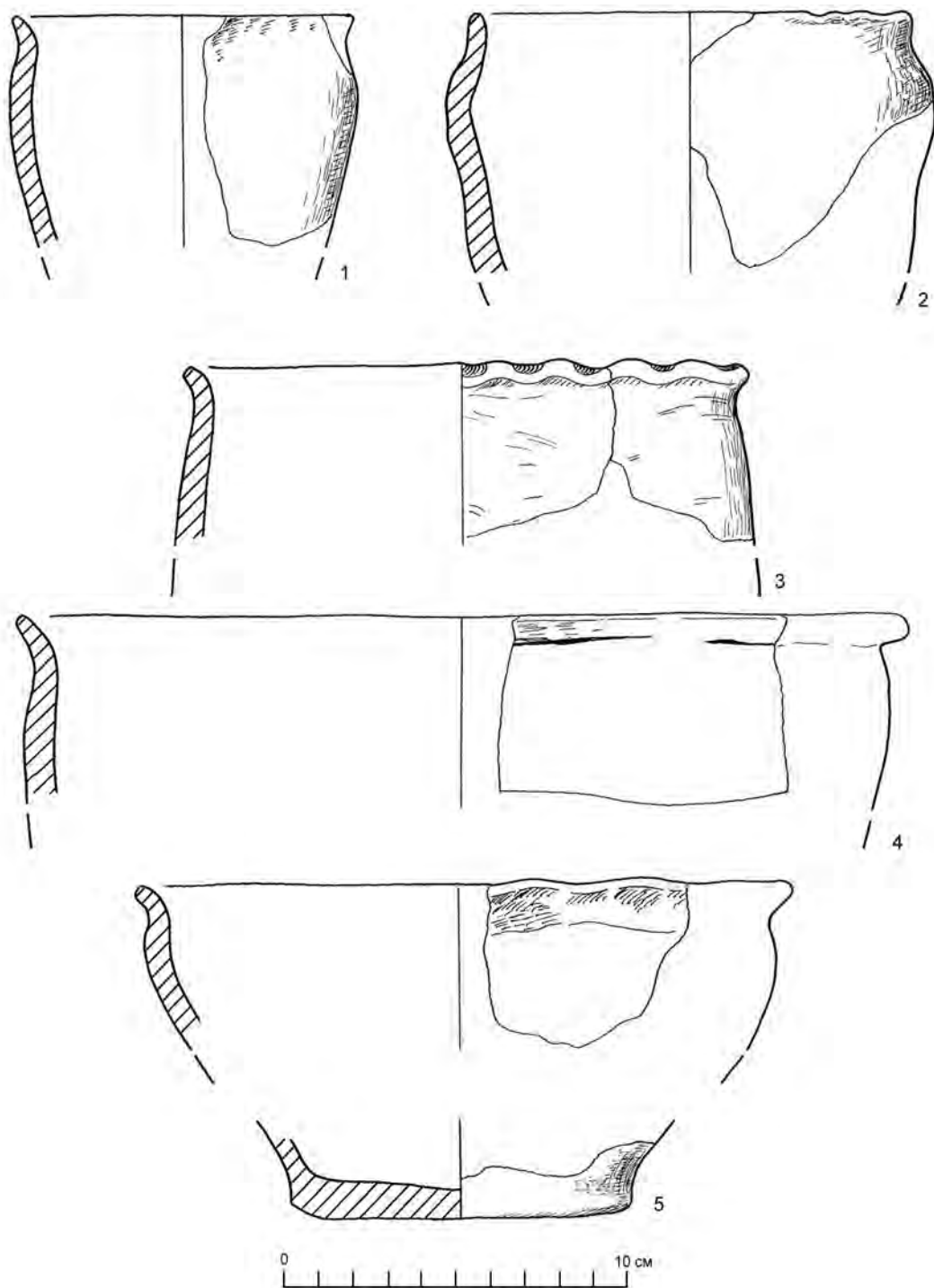

Рис. 115. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 47/1987: 1 — 934, 975, песок + шамот; 2 — 962; 3 — 887, 908; 4 — 903, песок заглажен; 5 — 980, 933, 947

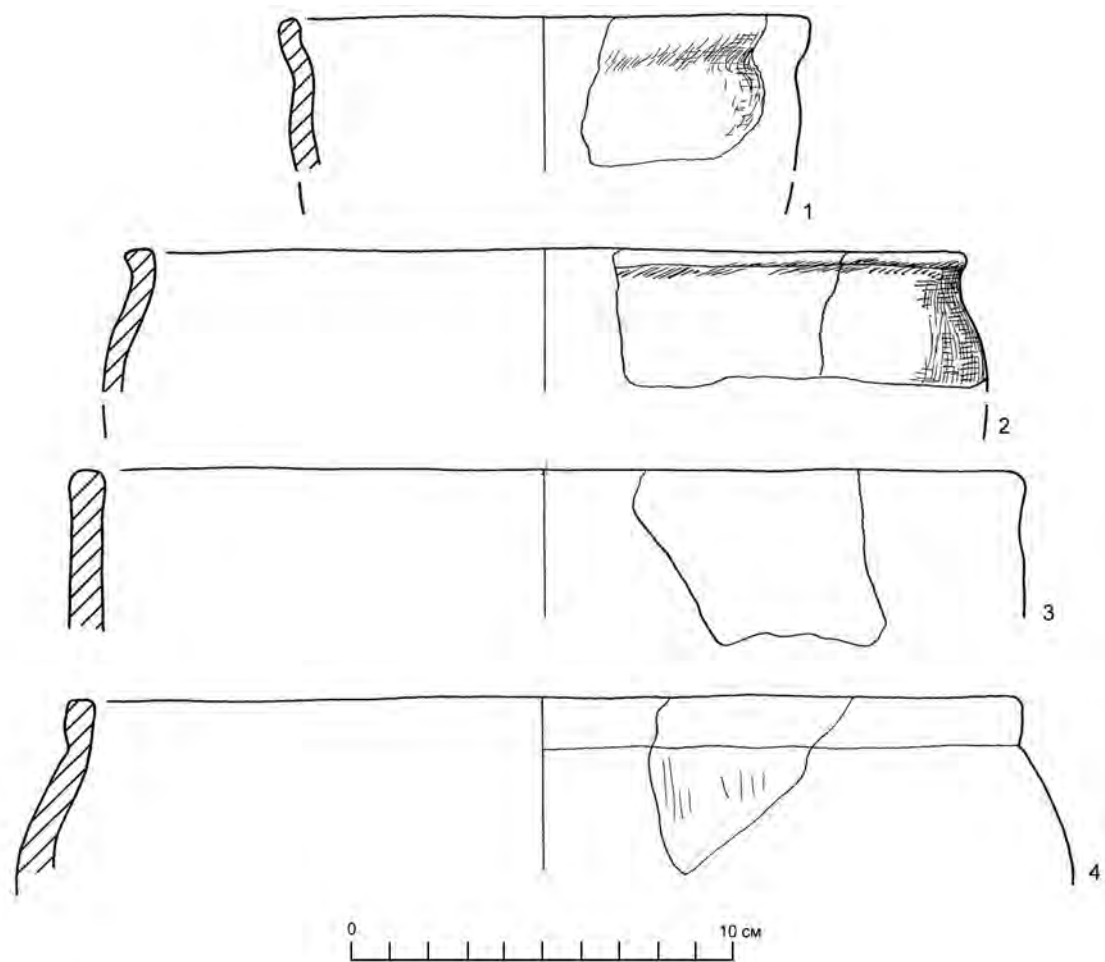

Рис. 116. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 47/1987: 1 — 888; 2 — 935, 938, горизонтально приглажен; 3 — 998, закраина приглажена; 4 — 876, дресва + шамот, приглажен

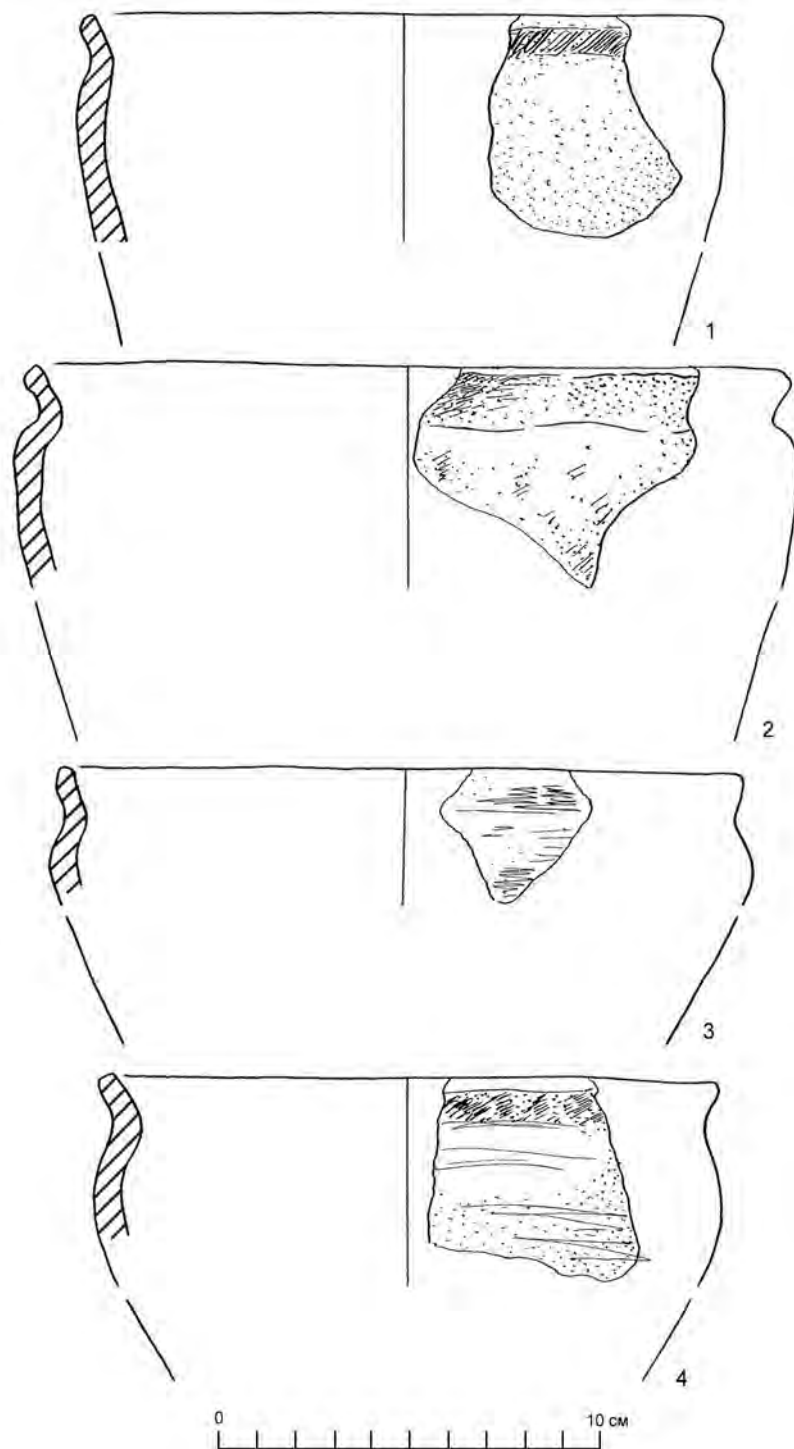

Рис. 117. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 51/1987: 1 — 1295; 2 — 1304, 1305; 3 — 1297, горизонтальное подлощение; 4 — 1253, горизонтальное заглаживание

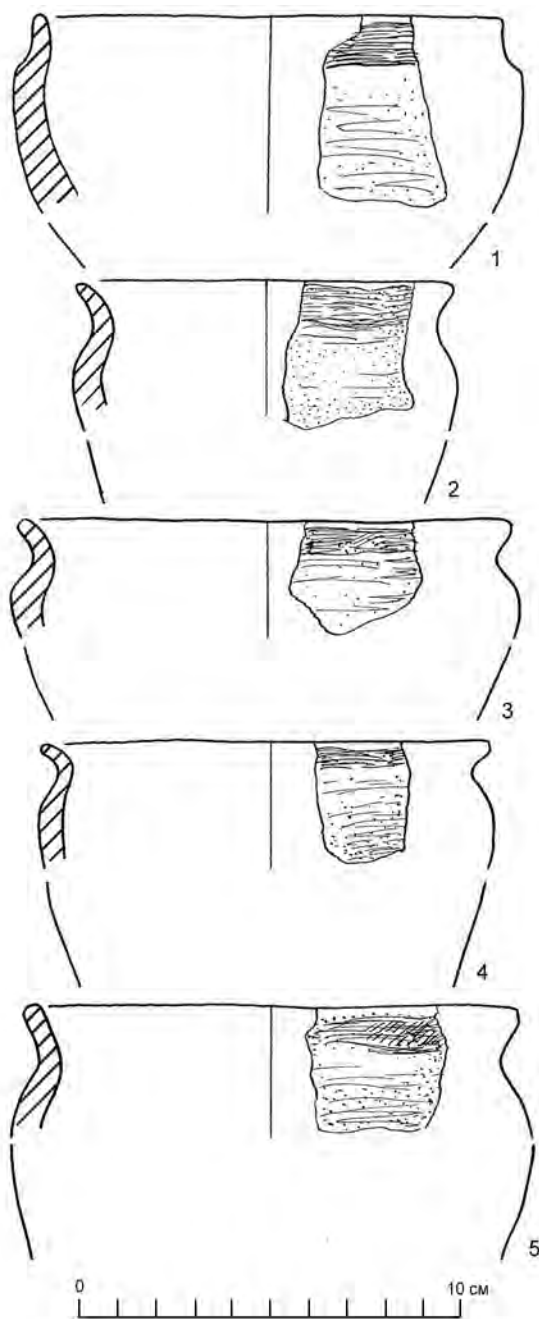

Рис. 118. Гнездилово 2. Лепная керамика. Заполнение ямы 51/1987: 1 — 1302, заглаживание; 2 — 1291, горизонтальное заглаживание; 3 — 1287, заглаживание; 4 — 1301, заглаживание; 5 — 1288, заглаживание

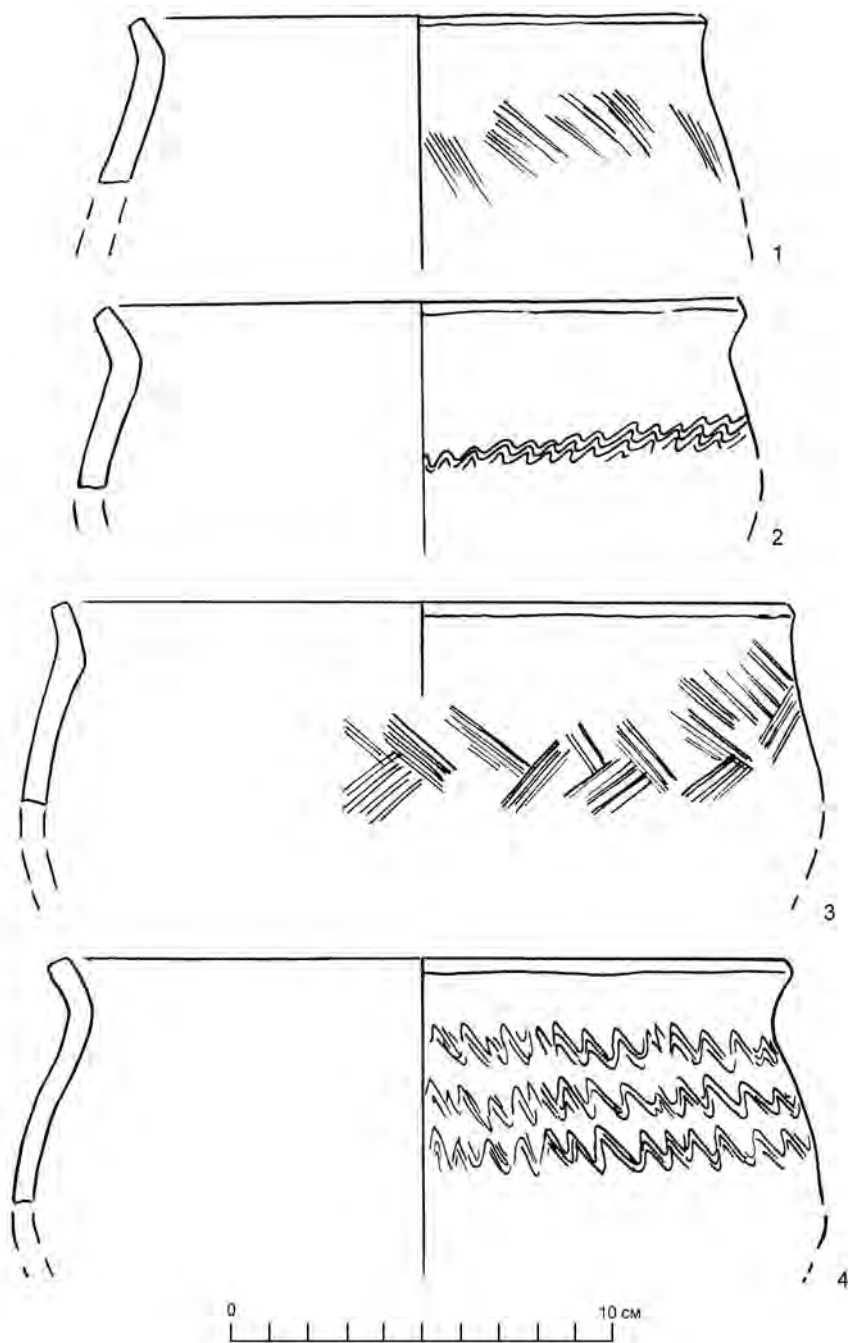

Рис. 119. Гнездилово 2. Раннекруговая керамика. Заполнение ямы 25/1986

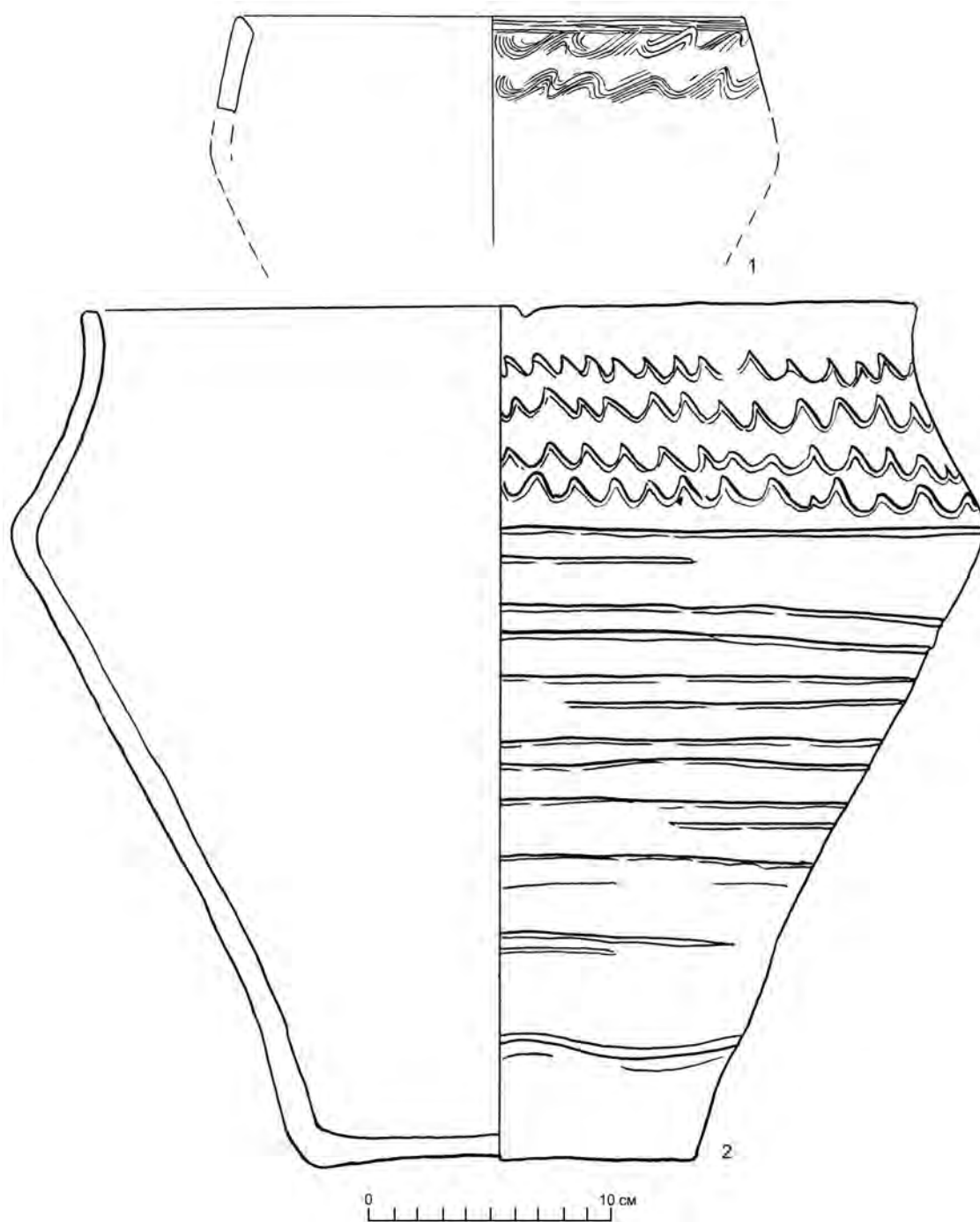

Рис. 120. Гнездилово 2. Раннекруговая керамика. Заполнение ямы 9/1981–1982

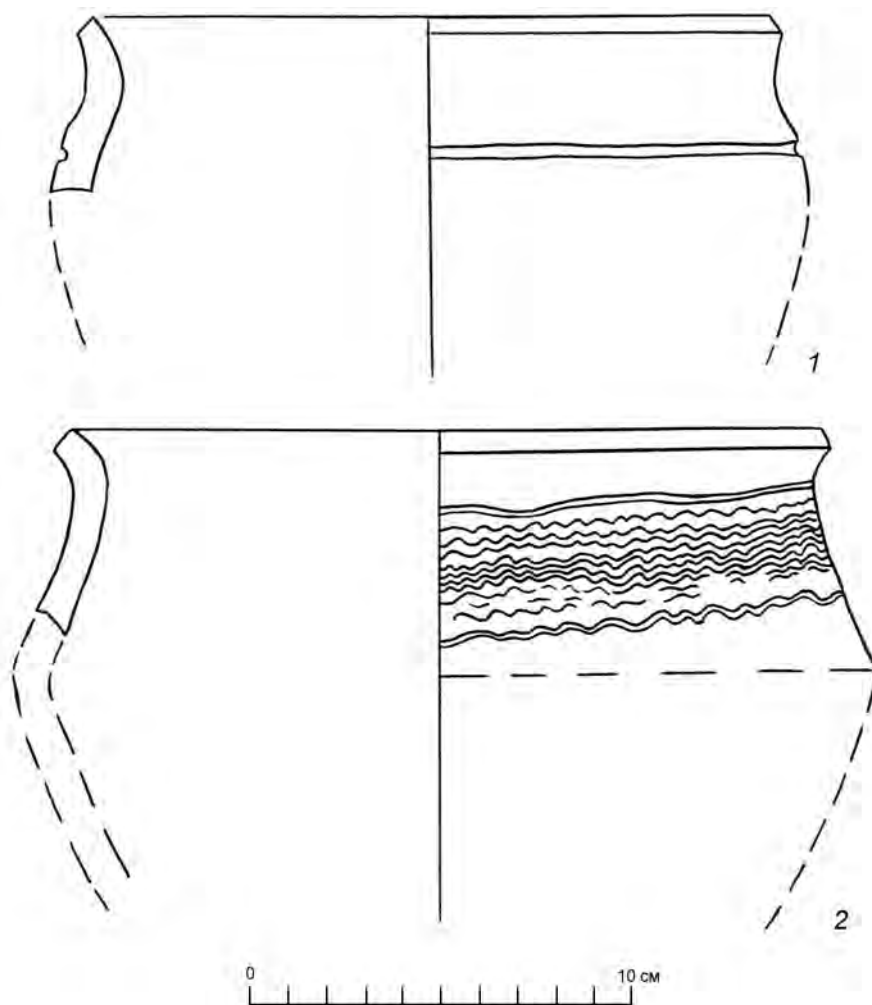

Рис. 121. Гнездилово 2. Раннекрюговая керамика. Заполнение ям 2/1981 (1) и 126/1982 (2)

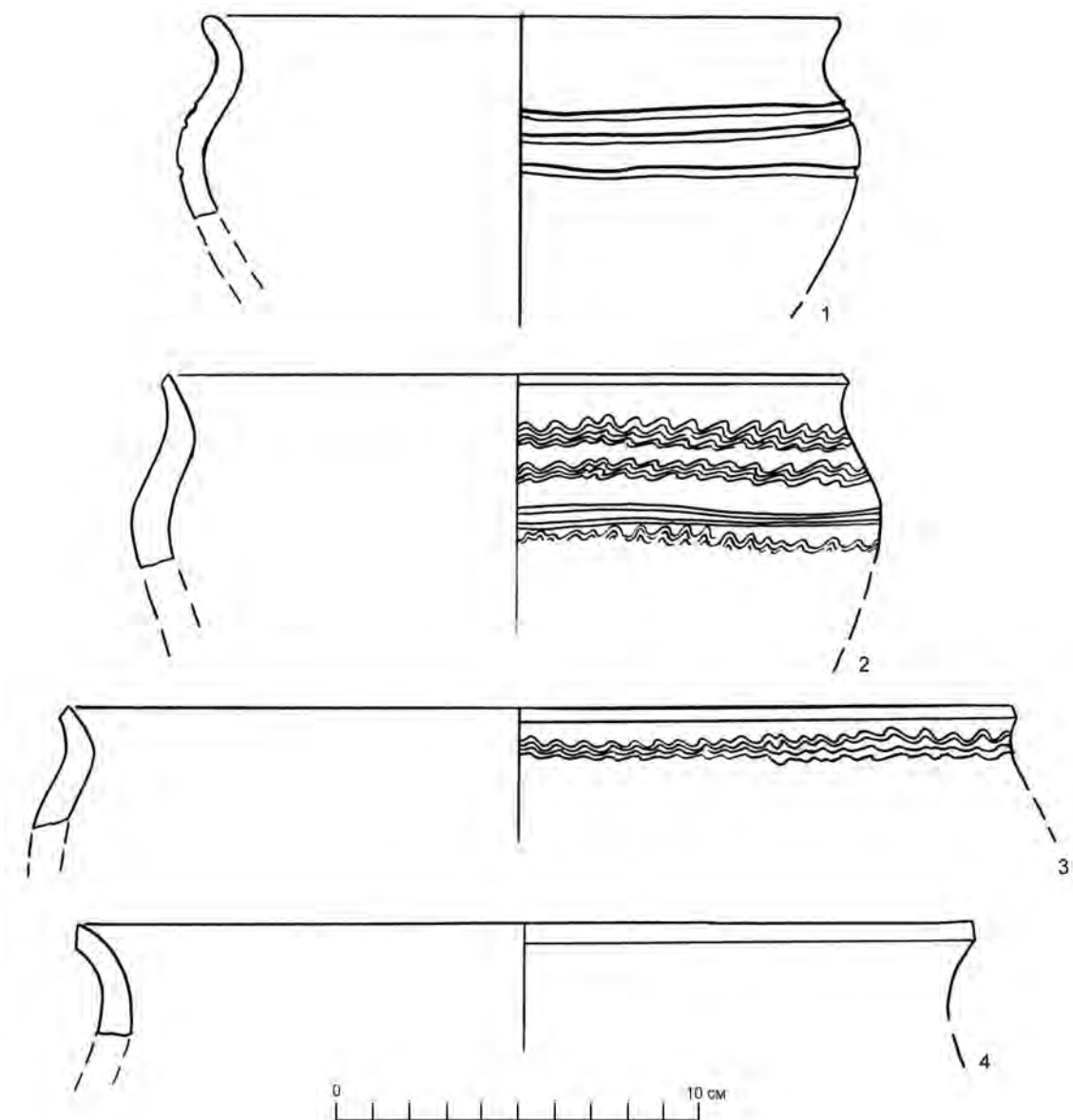

Рис. 122. Гнездилово 2. Раннекруговая керамика. Заполнение ям 39а/1987 (1, 4) и 31/1987 (2, 3)

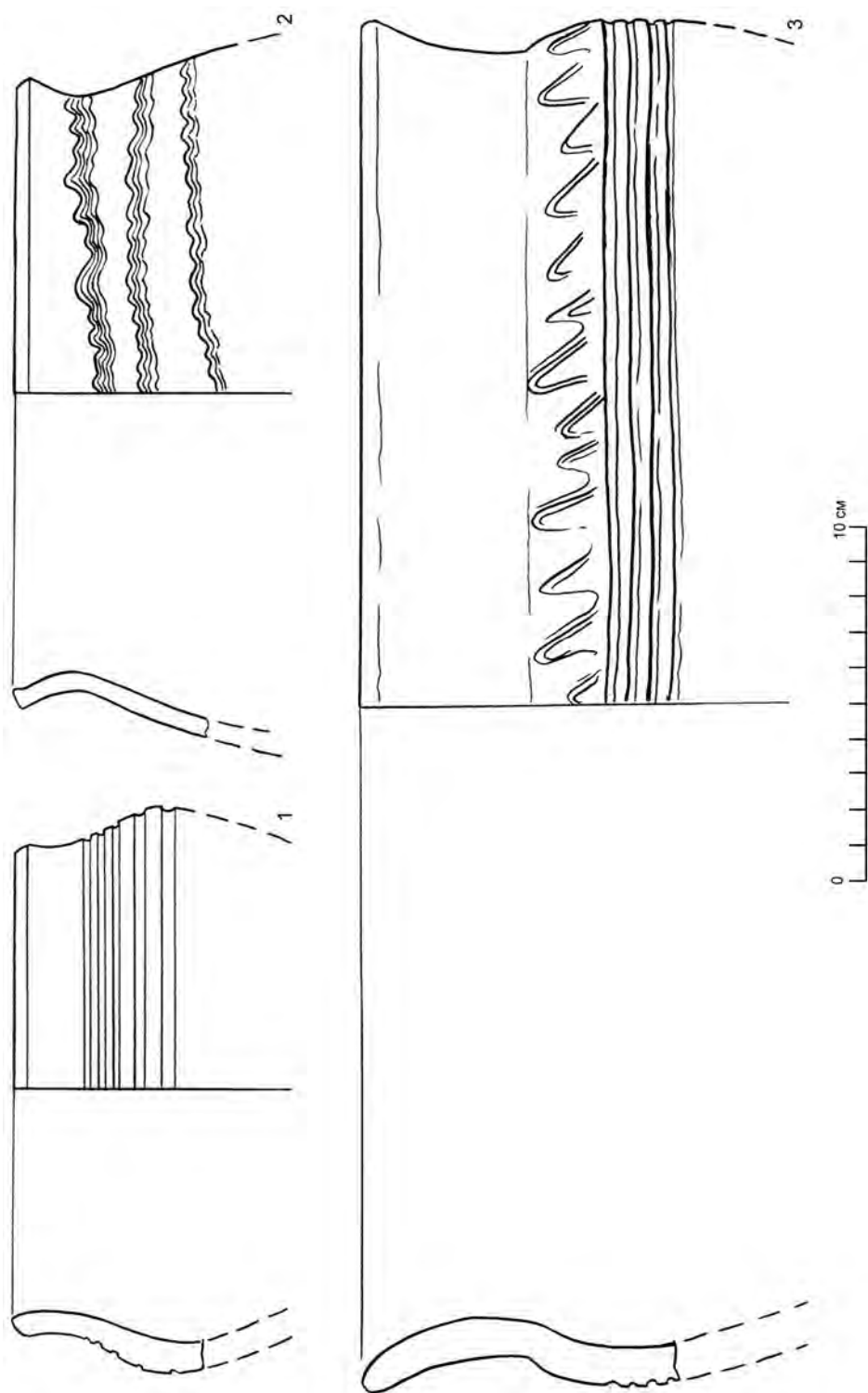

Рис. 123. Гнездилово 2. Раннекруговая керамика. Заполнение ямы 47/1987

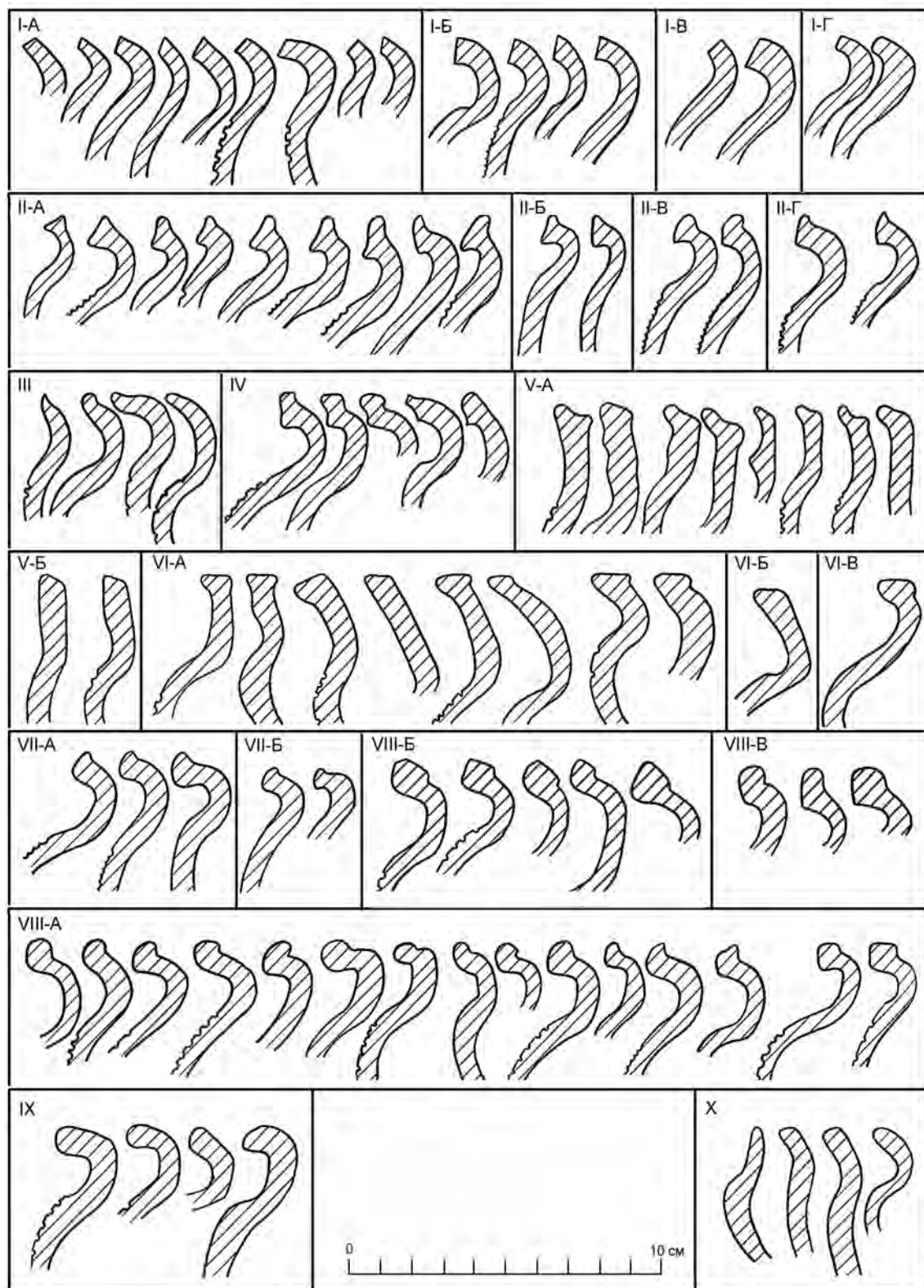

Рис. 124. Суздаль. Типология венчиков круговой керамики XI–XIII вв.

Таблица к рис. 124. Суздаль. Корреляция типов круговой керамики в комплексах

№ компл.	Лепная	Тип круговой керамики																		Всего	Дата, в.					
		I				II				III	IV	V		VI			VII		VIII			IX	X			
		А	Б	В	Г	А	Б	В	Г			А	Б	А	Б	А	Б	А	Б					А	Б	В
1	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	X	
2	16	2	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25	1-я 1/3 XI	
3	4	1	-	-	-	5	-	-	3	-	1	2	1	7	-	3	-	5	-	-	-	-	-	32	Конец XI	
4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	6	-	-	-	-	-	8	Конец XI	
5	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	6	-	1	-	7	-	-	-	-	-	17	Конец XI	
6	1	1	-	-	-	-	2	-	3	-	1	1	1	5	-	3	-	20	-	-	-	-	-	38	Конец XI.	
7	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	7	XI	
8	6	1	3	-	-	2	-	-	4	2	-	-	-	23	-	3	-	111	-	-	-	-	-	155	Конец XI	
9	+	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	6	-	-	-	-	-	10	XI	
10	1	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	1	-	4	-	-	-	4	-	-	-	-	-	12	Конец XI	
11	2	3	-	-	-	2	-	-	4	1	3	5	-	2	-	-	-	9	-	-	-	-	-	31	Конец XI	
12	4	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	Конец XI	
13	4	-	-	-	-	1	-	2	1	-	-	2	-	2	-	-	4	-	-	-	-	-	-	16	XI	
14	6	-	-	-	-	1	-	-	2	-	-	1	-	-	-	2	-	17	-	-	-	-	-	29	?	
15	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	7	-	-	-	-	-	10	?	
16	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	3	-	-	-	-	-	5	Конец XI — 1-я 1/3 XII	
17	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	-	-	-	7	-	-	-	-	-	23	Начало XII	
18	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	3	-	-	-	1	-	5	Конец XI — 1-я 1/3 XII	
19	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	3	-	-	9	Конец XI — начало XII	
20	3	-	1	-	-	3	-	-	-	1	1	1	2	11	-	-	-	76	6	-	2	-	-	107	Начало XII	
21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	7	-	-	-	22	2	-	1	-	-	34	Начало XII	
22	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	32	8	2	-	-	-	50	Начало XII	
23	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	8	10	-	52	3	-	-	-	-	76	XII	
24	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	4	Середина XII	
25	-	-	1	1	-	-	-	-	1	-	1	1	-	5	4	-	-	47	4	1	-	-	-	66	XII	
26	-	-	1	1	-	1	-	-	-	-	-	5	-	32	-	-	-	139	-	-	-	-	-	179	Начало — 3-я 1/4 XII	
27	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	2	18	-	-	3	-	-	-	1	-	25	?	

Таблица к рис. 124, окончание

№ компл.	Лепная	Тип круговой керамики																		Всего	Дата, в.				
		I				II				III	IV	V		VI		VII		VIII				IX	X		
		A	Б	В	Г	A	Б	В	Г			A	Б	A	Б	A	Б	A	Б					В	
28	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	-	-	30	25	1	5	1	71	Начало — 3-я 1/4 XII
29	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17	-	-	-	-	25	2	3	-	-	47	XII
30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10	2	-	-	-	2	1	-	-	-	15	XII
31	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	90	6	9	-	-	105	XII
32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	12	1	-	-	1	16	?
33	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	5	-	-	1	-	7	XII
34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	6	1	-	-	-	9	XII
35	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	3	3	-	2	26	10	-	9	-	63	2-я 1/2 XII — 1-я 1/3 XIII
36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	-	14	8	-	1	-	30	2-я 1/2 XII — 1-я 1/3 XIII
Всего	58	19	8	2	4	20	3	2	21	8	7	24	6	179	42	13	14	2	798	77	16	24	3	1350	
го																									

* + — мелкие фрагменты лепной керамики.

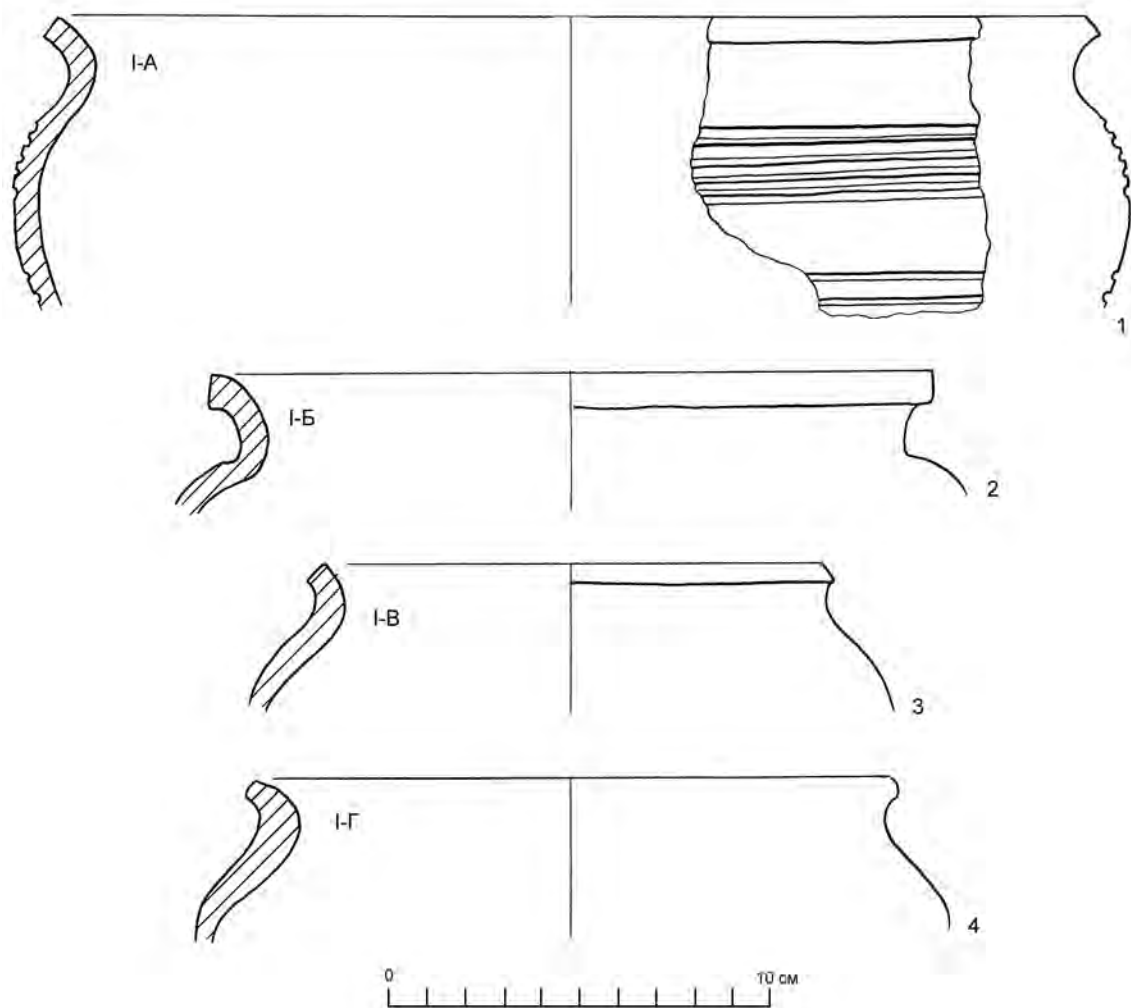

Рис. 125. Суздаль. Круговая керамика. Тип I

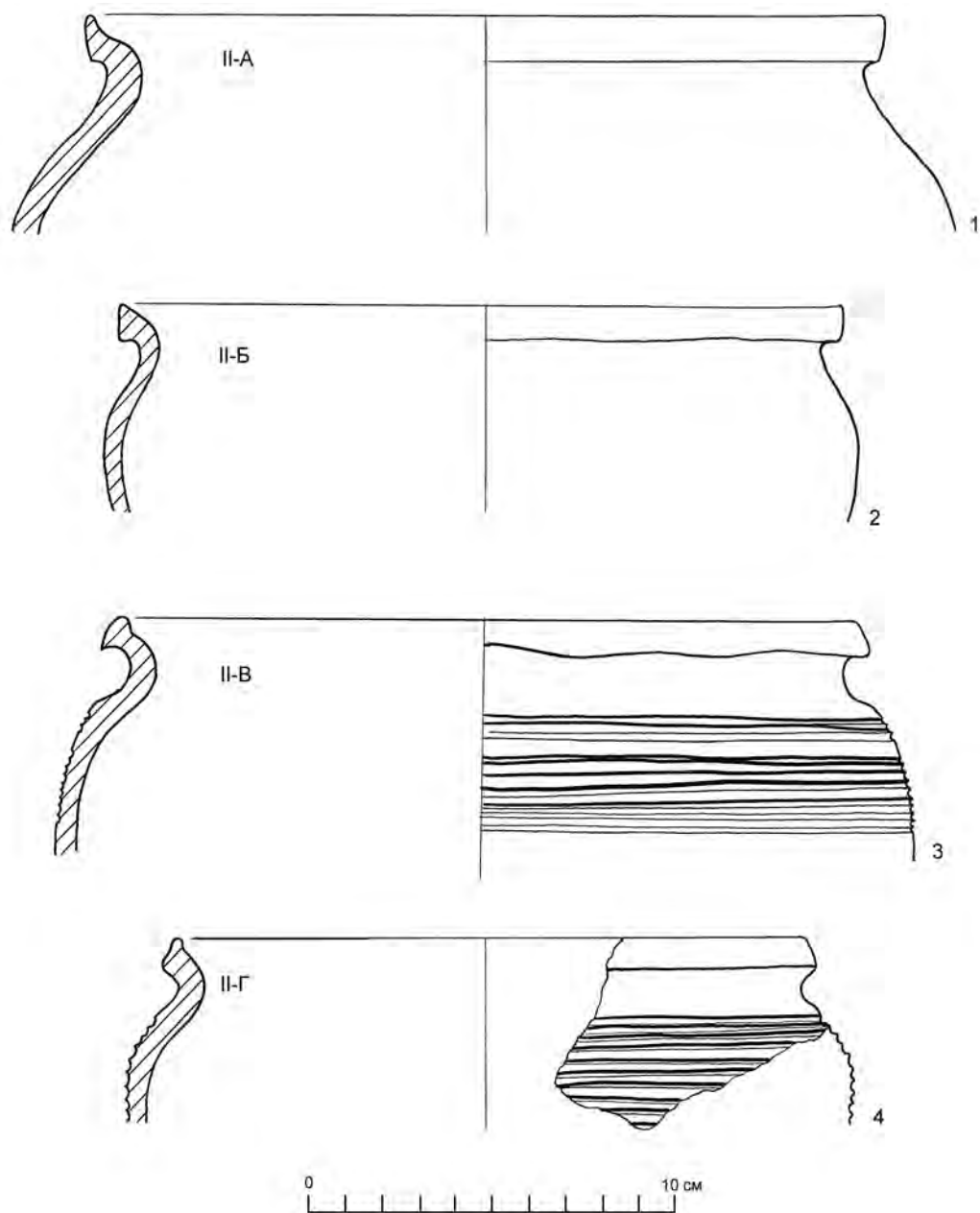

Рис. 126. Суздаль. Круговая керамика. Тип II

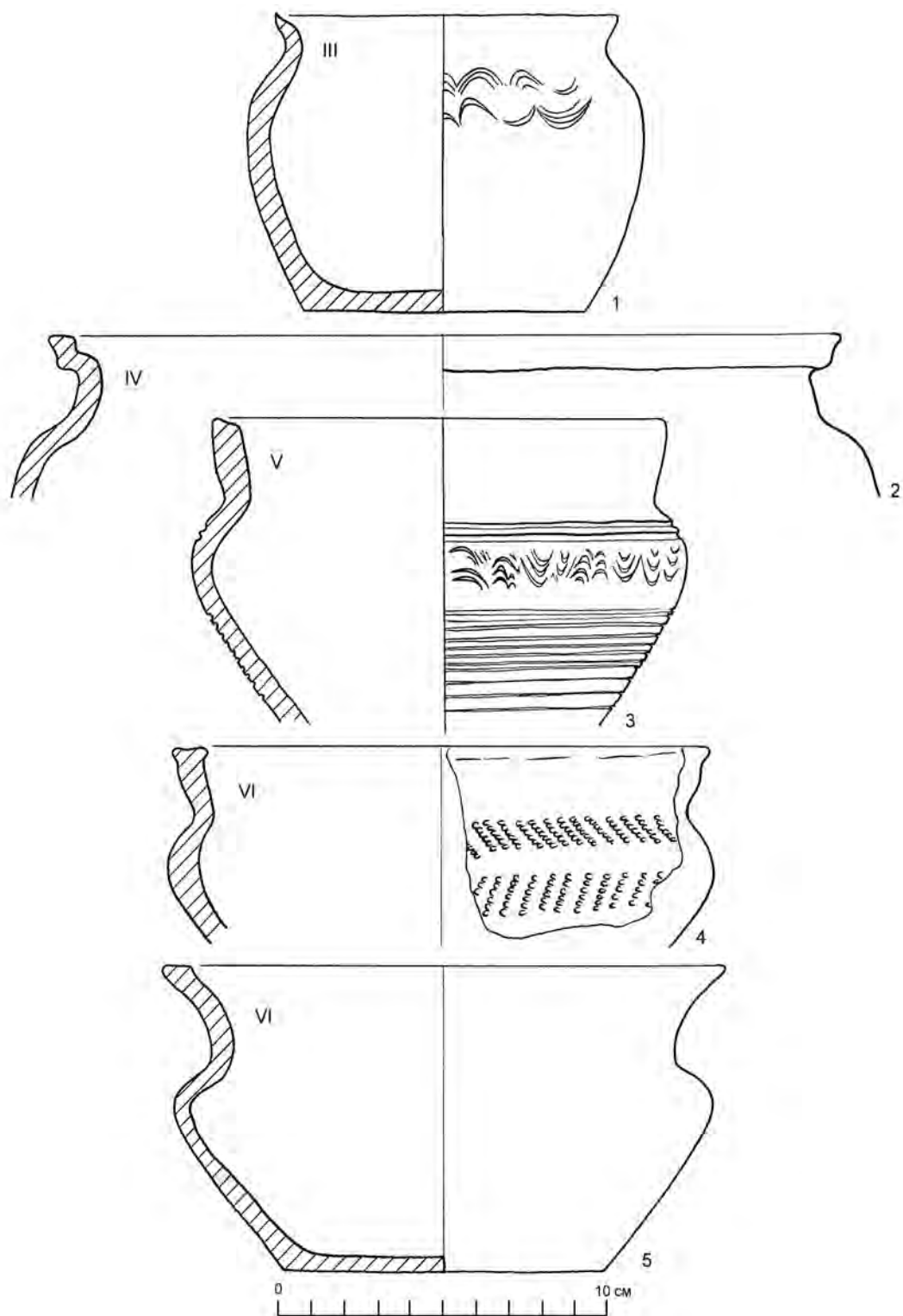

Рис. 127. Суздаль. Круговая керамика. Типы III–VI

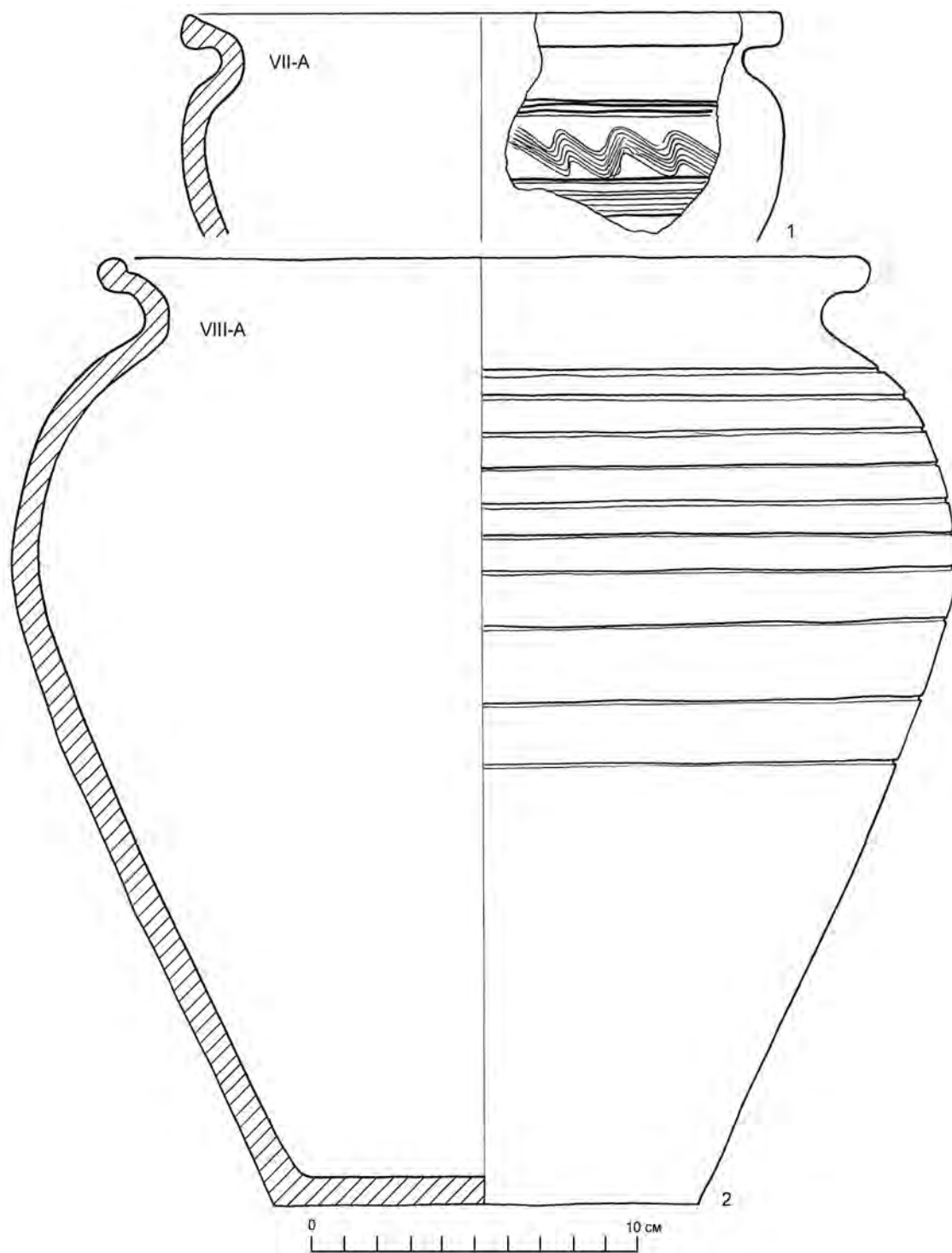

Рис. 128. Суздаль. Круговая керамика. Типы VII, VIII

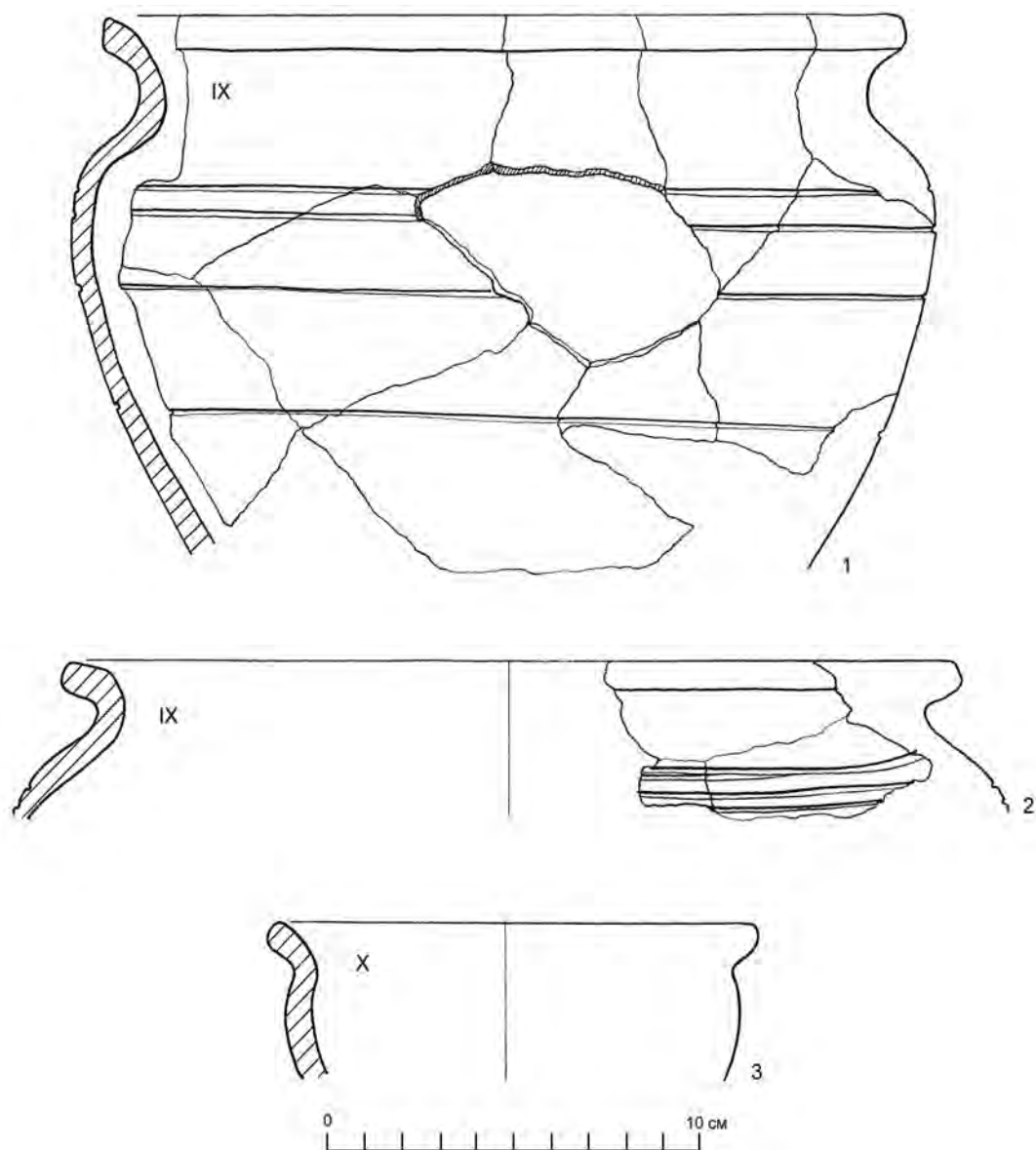

Рис. 129. Суздаль. Круговая керамика. Типы IX–X

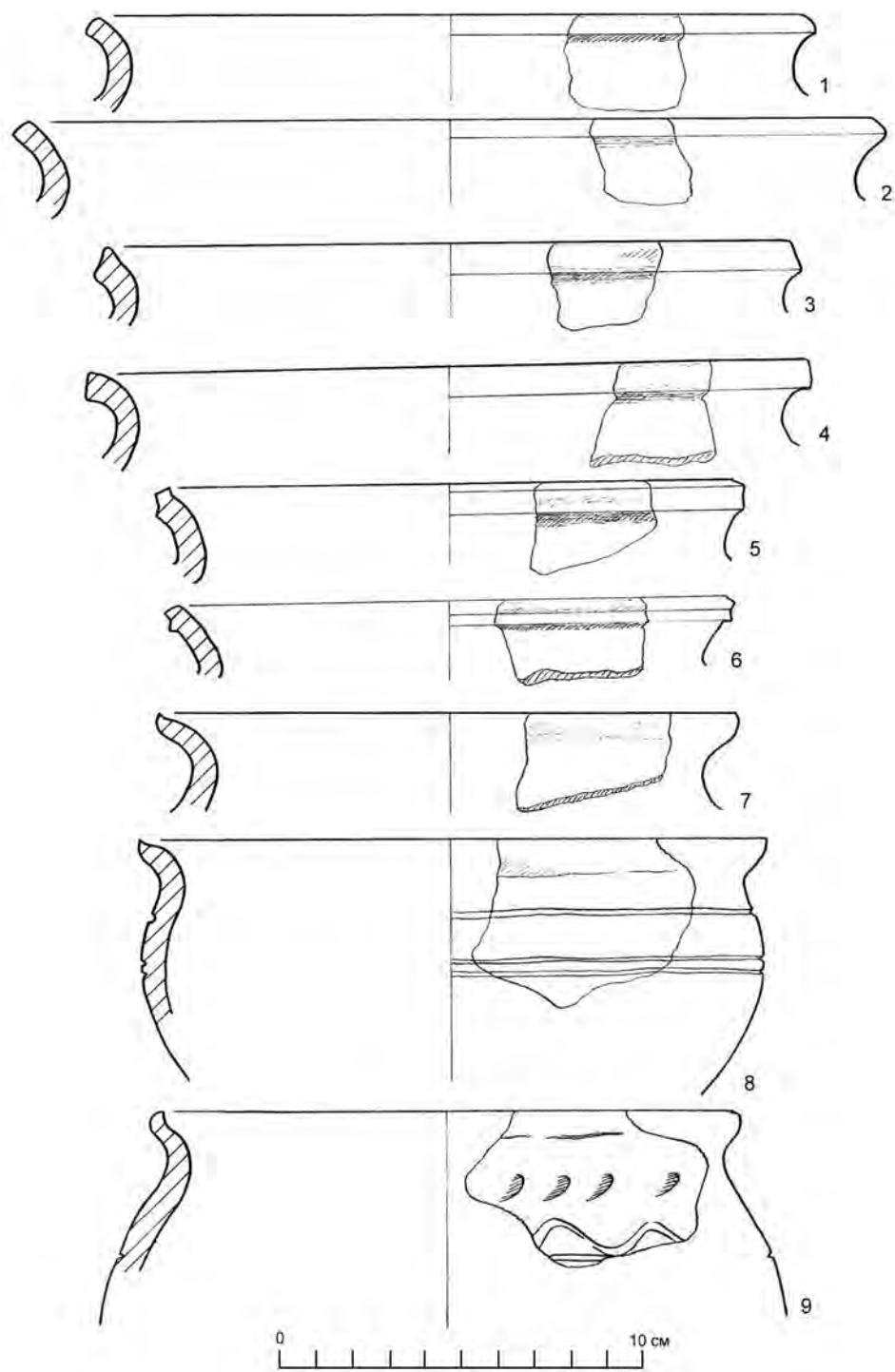

Рис. 130. Гнездилово 2. Пахотный слой. Круговая керамика. Типы I–III: 1–4 — тип I; 5–8 — тип II; 9 — тип III

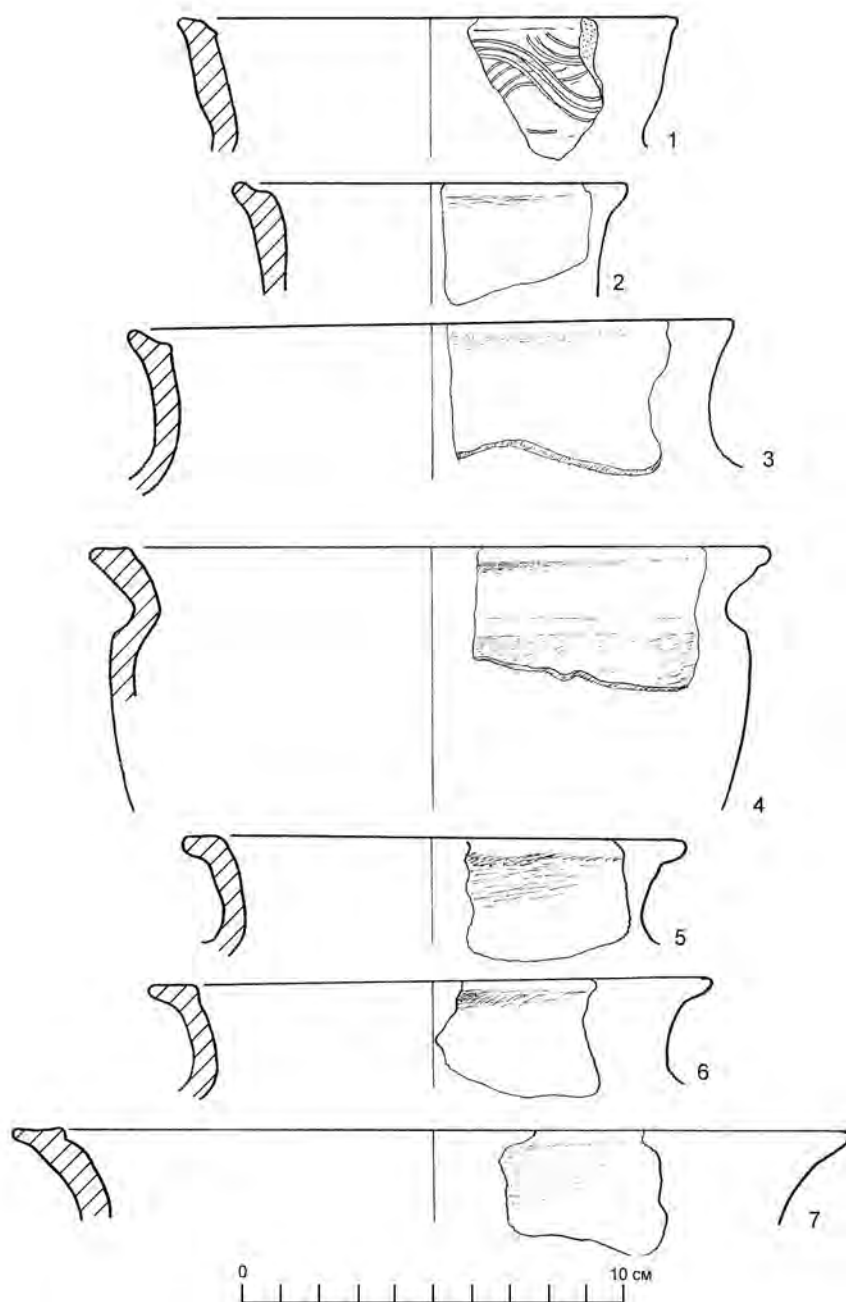

Рис. 131. Гнездилово 2. Пахотный слой. Круговая керамика. Тип V, VI: 1-3 — тип V; 4-7 — тип VI

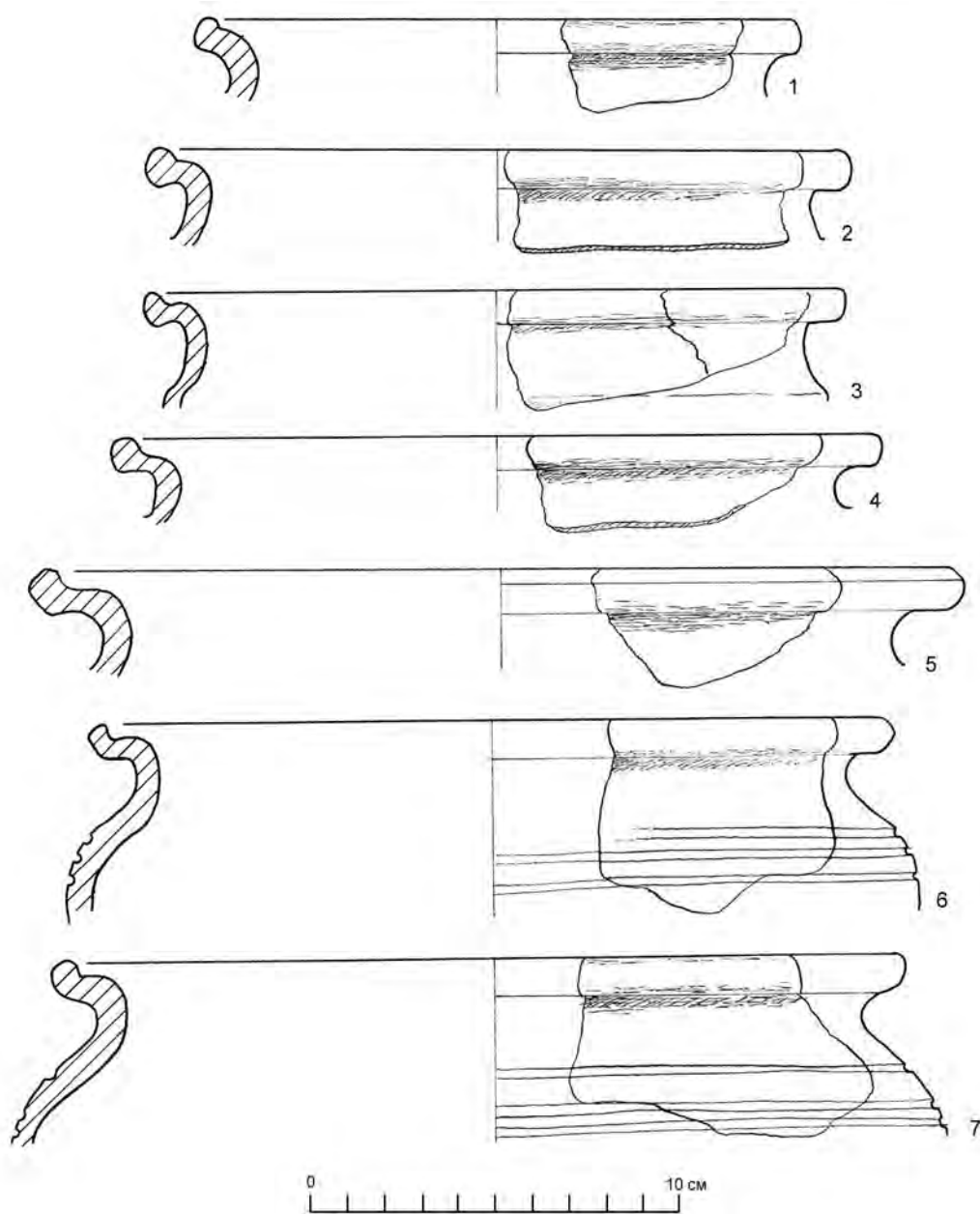

Рис. 132. Гнездилово 2. Пахотный слой. Круговая керамика. Тип VIII

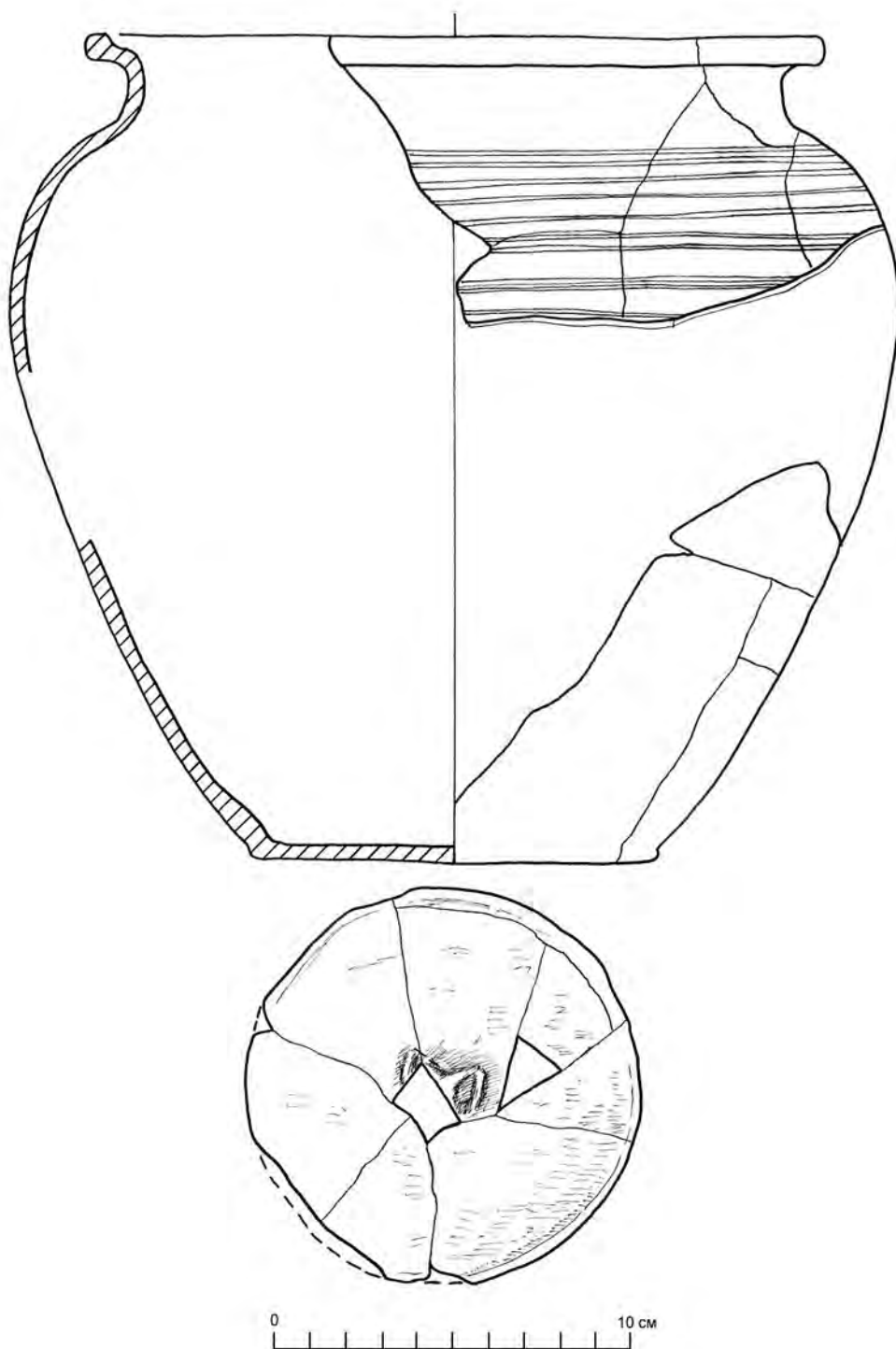

Рис. 133. Гнездилово 2. Пахотный слой. Круговая керамика. Тип VIII

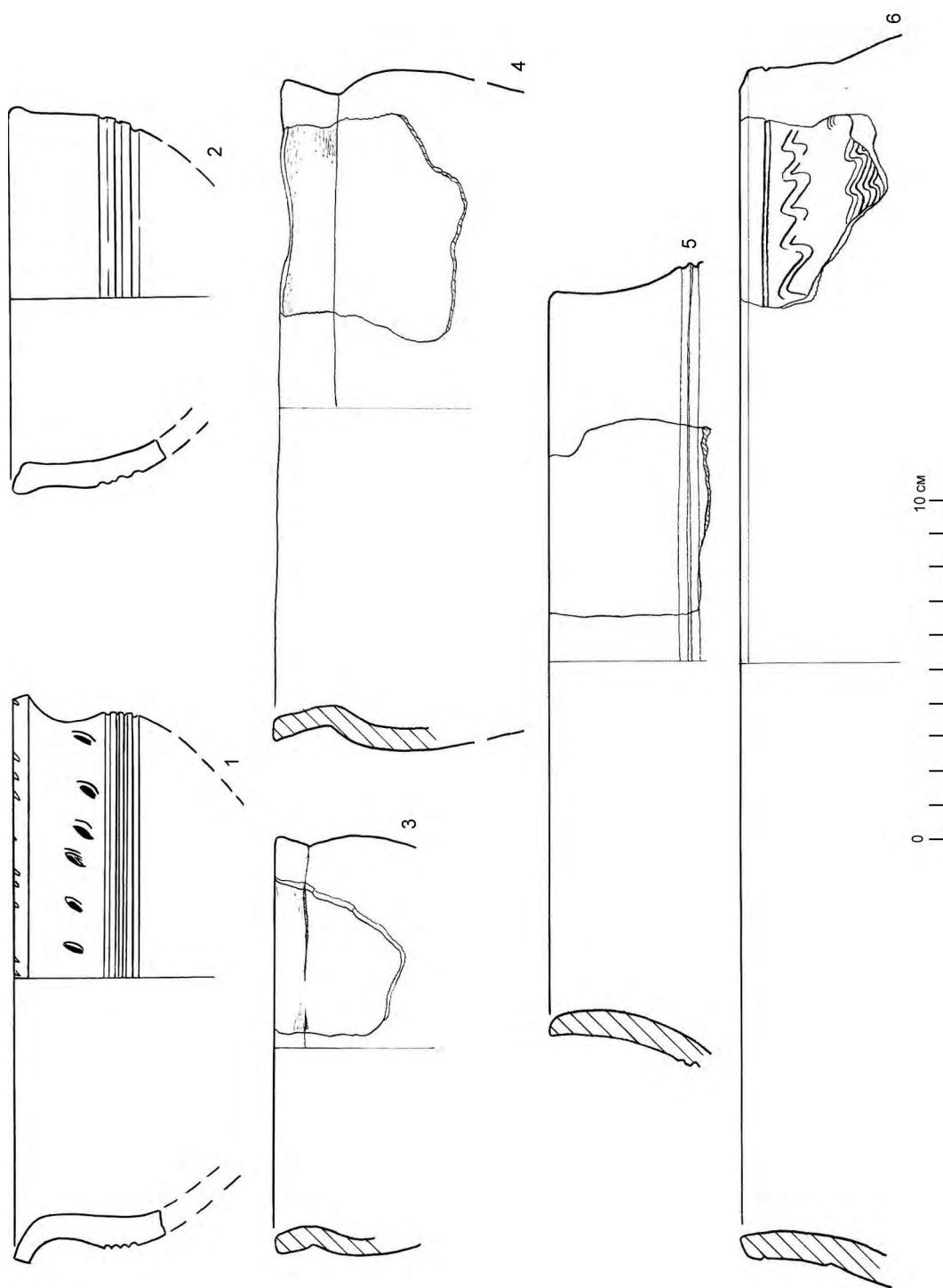

Рис. 134. Гнездилово 2. Пахотный слой. Круговая керамика. Редкие формы

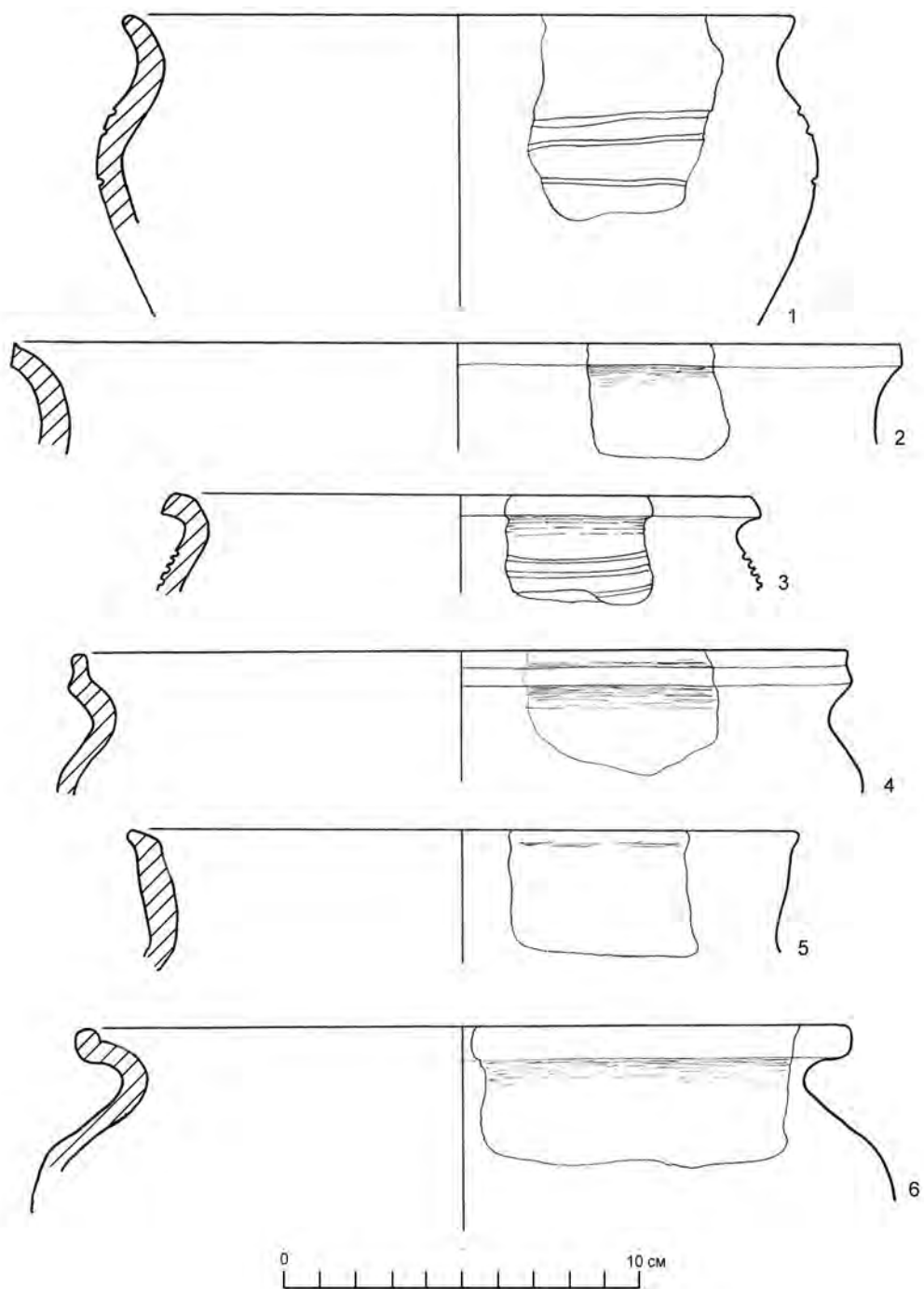

Рис. 135. Гнездилово 2. Круговая керамика из заполнения ямы 39а/1987

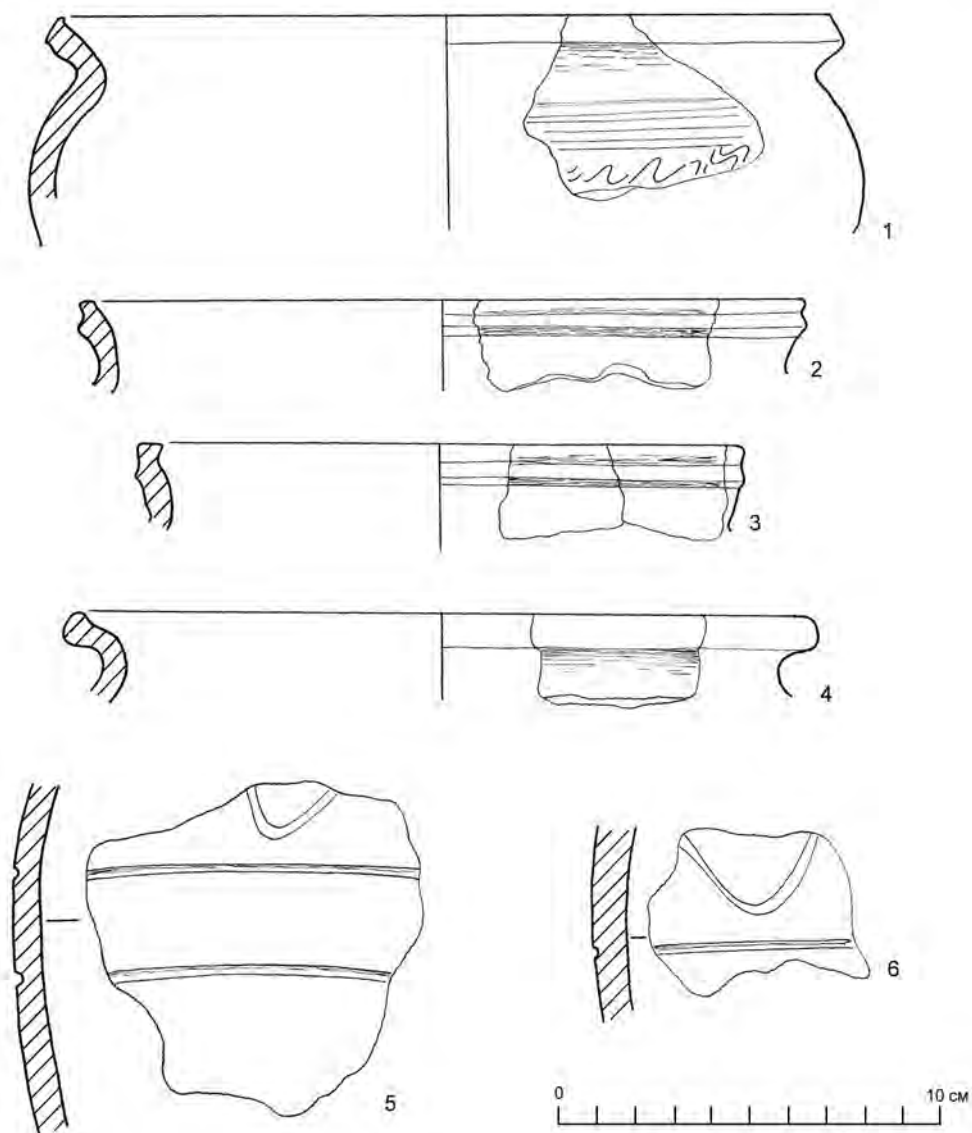

Рис. 136. Гнездилово 2. Круговая керамика из заполнения ямы 396/1987

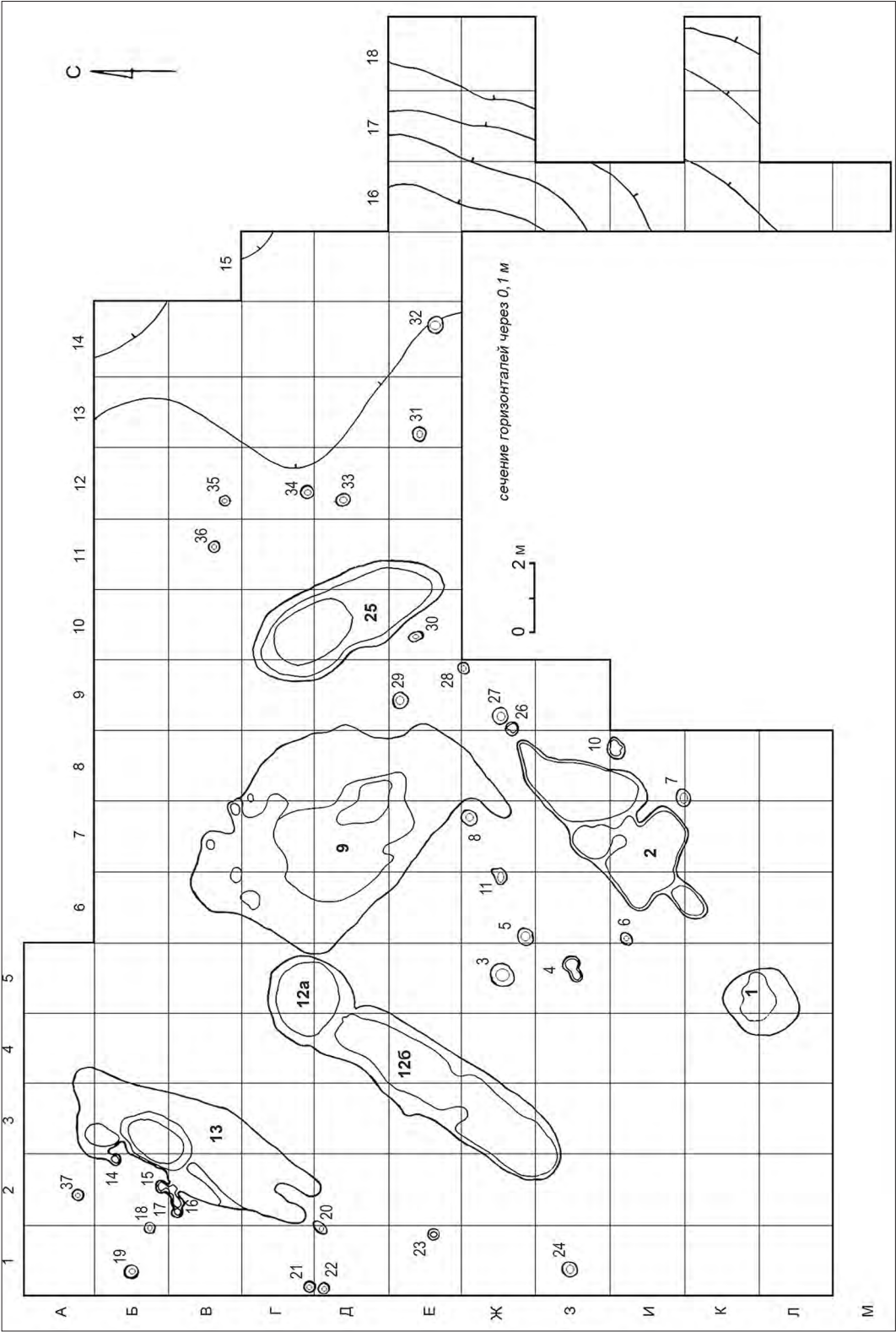

Рис. 137. Гнездилово 2. План материковых ям раскопа I (1980–1982, 1985–1986 гг.)

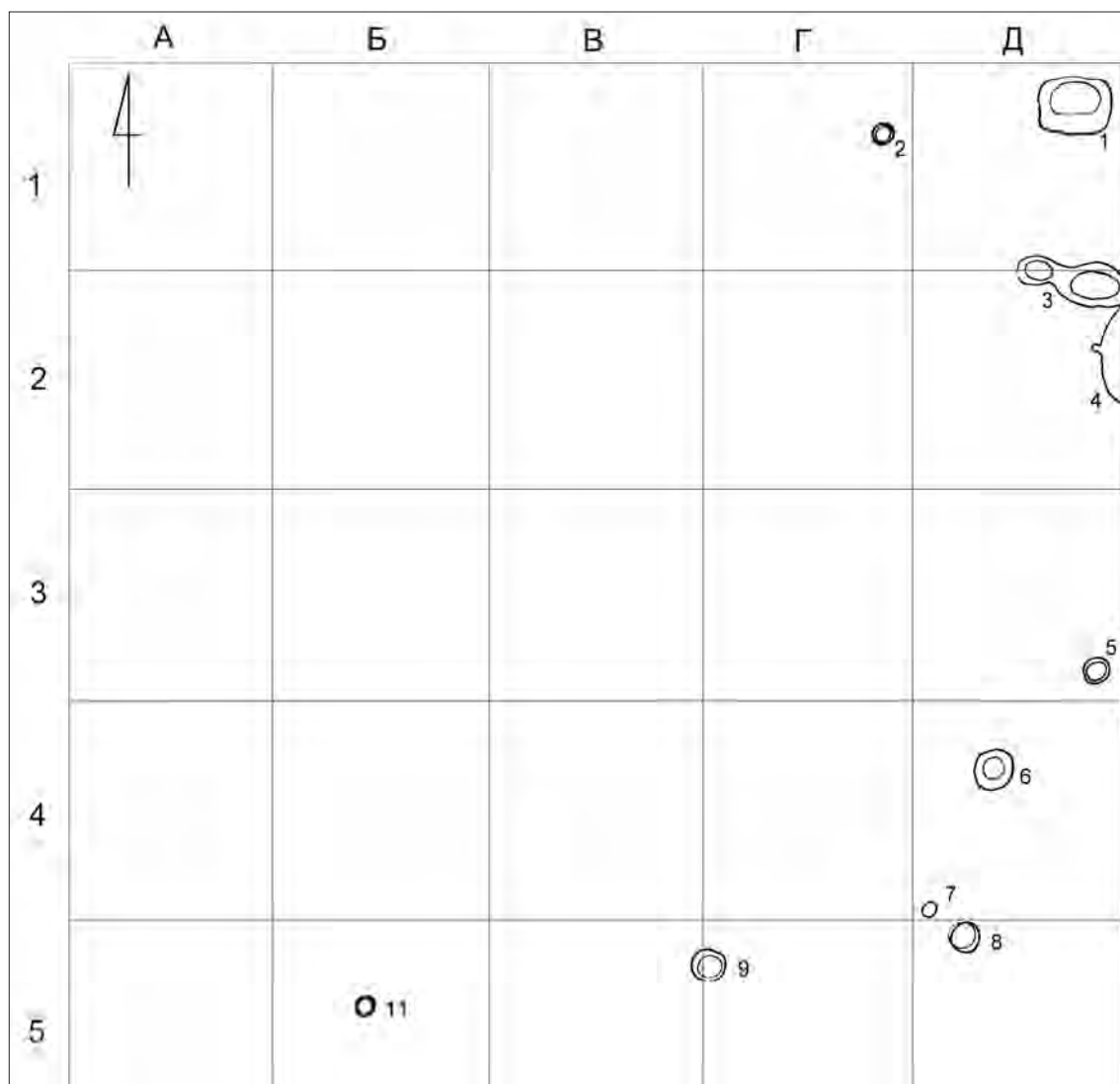

Рис. 138. Гнездилово 2. План материковых ям (1–11) раскопа 2 (1984 г.).

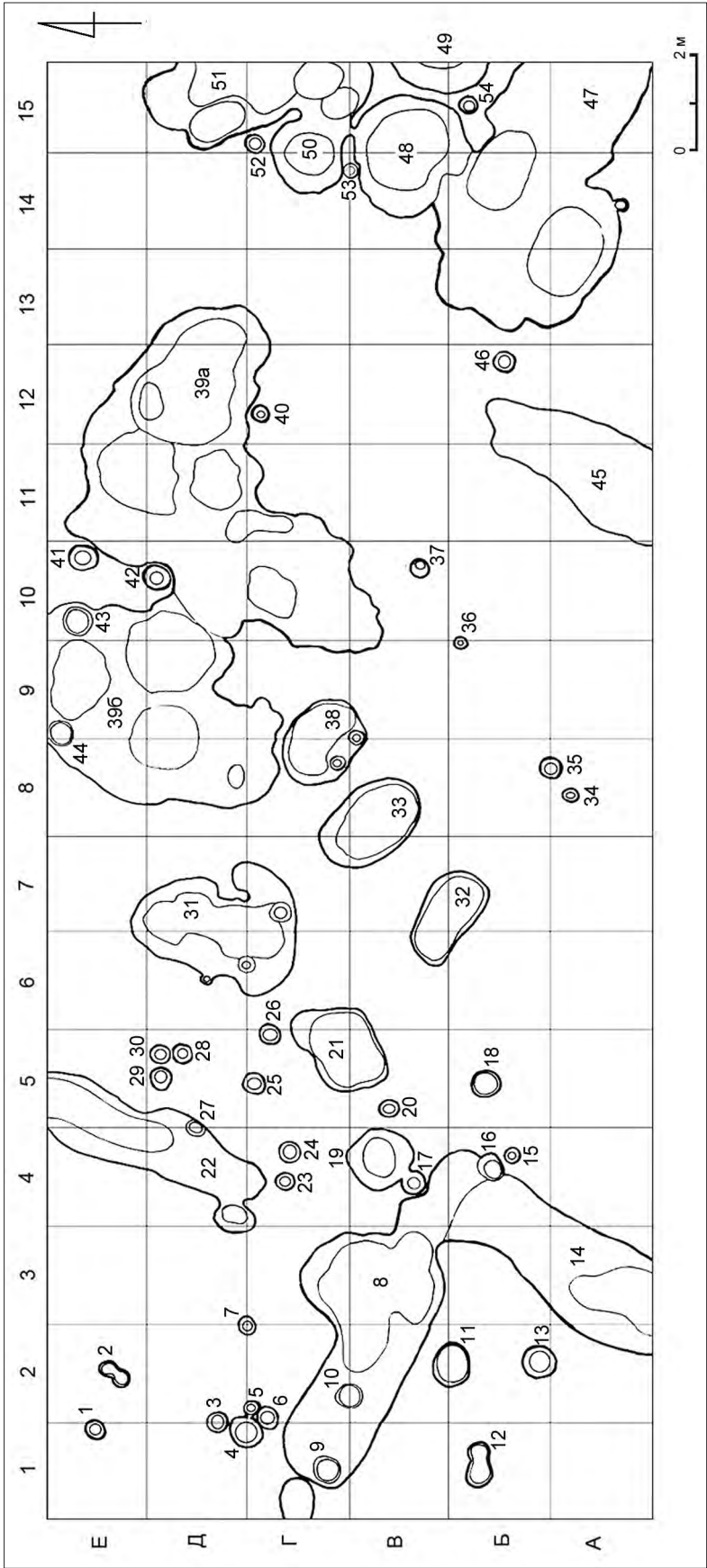

Рис. 139. Гнездилово 2. План материковых ям раскопа 3 (1987 г.).

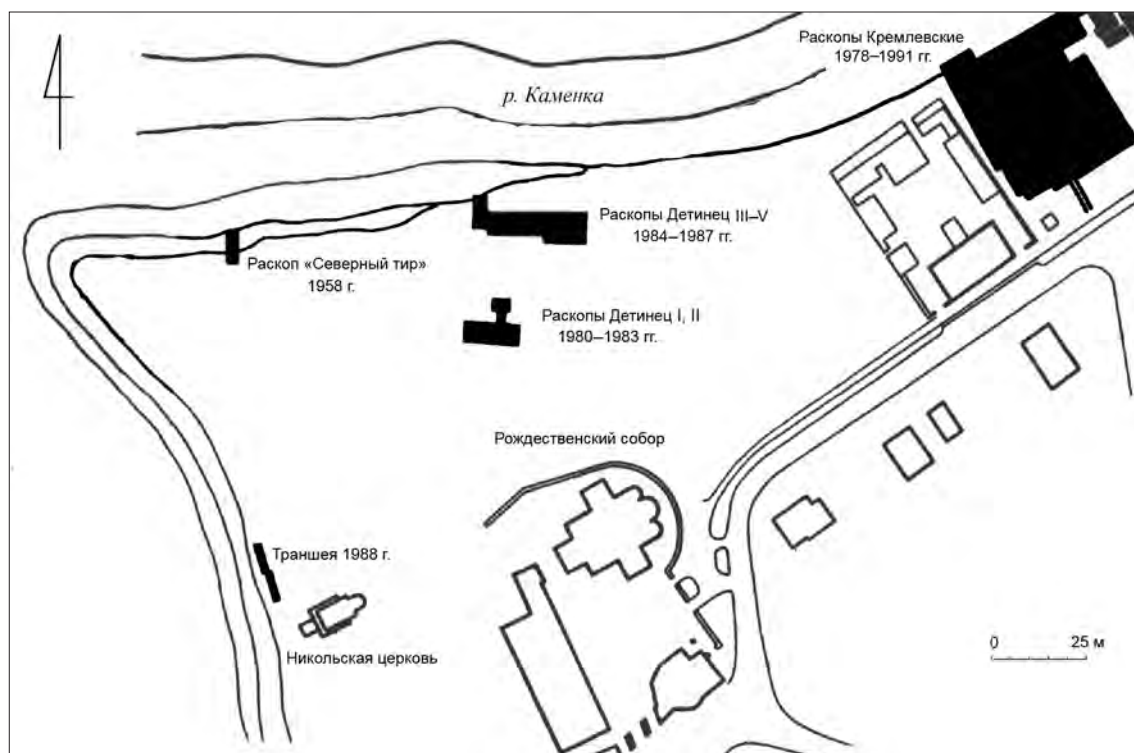

Рис. 140. Схема расположения раскопов в северной части Суздальского кремля, в которых была встречена лепная керамика (по: Седова 1997: рис. 2)

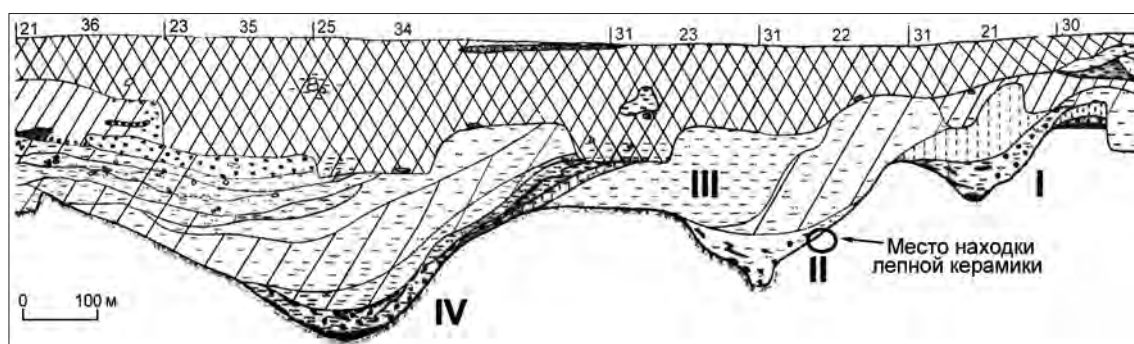

Рис. 141. Суздаль. Раскоп Детинец III–V (1984–1987). Прорезка рвов детинца (I–IV) в северной части Суздальского кремля. Профиль южной стенки раскопа с обозначением места находки лепной керамики (по: Седова 1997: рис. 3Б, с нумерацией рвов по: Коваль 2023: рис. 2Б)

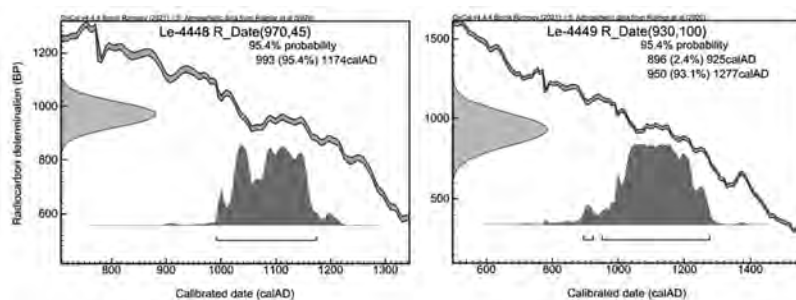

Рис. 142. Результаты радиоуглеродного датирования угольной прослойки на материке в траншее 1988 г. у Никольской церкви в Суздальском кремле

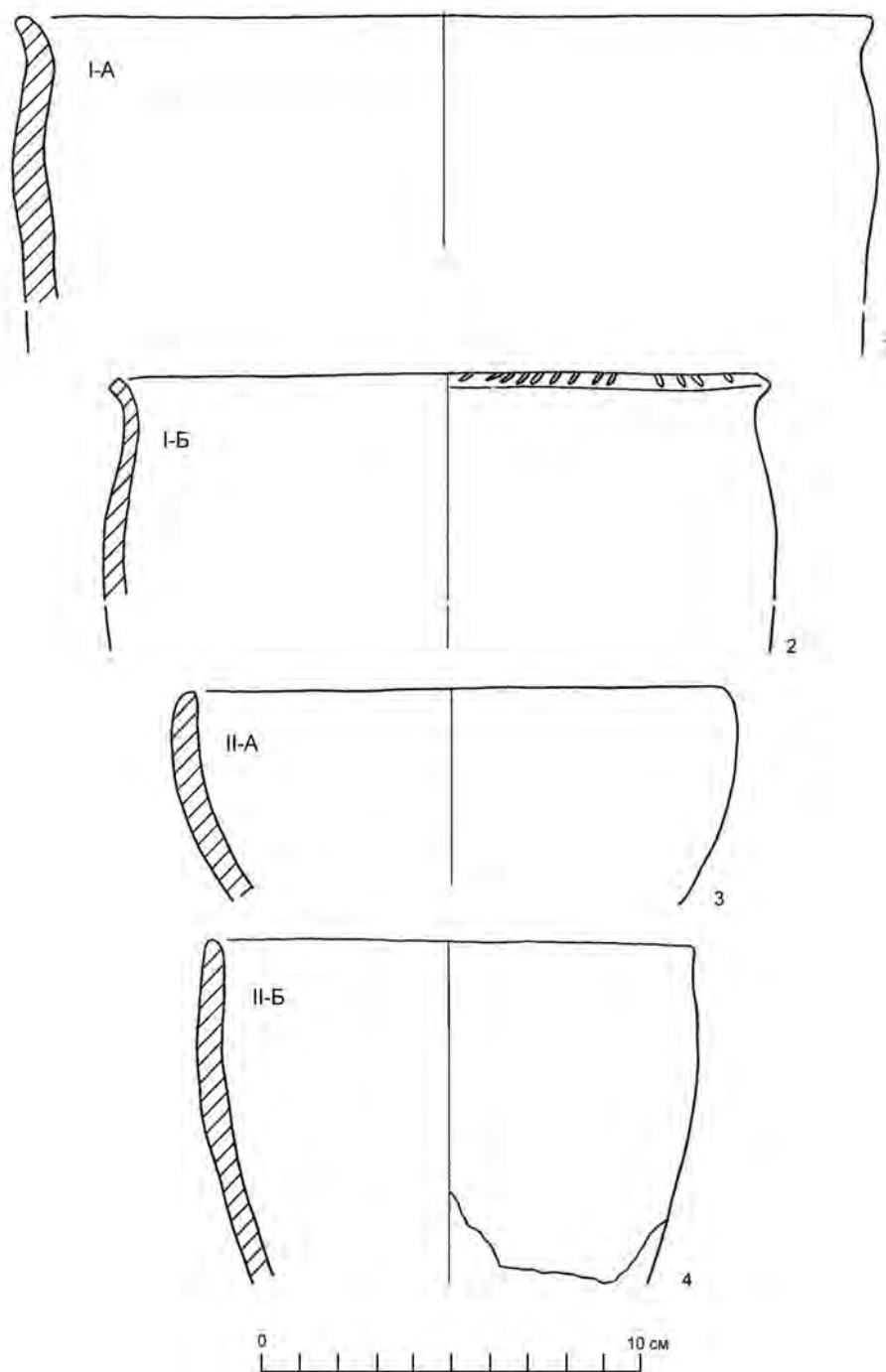

Рис. 143. Суздаль. Лепная керамика. Типы I и II

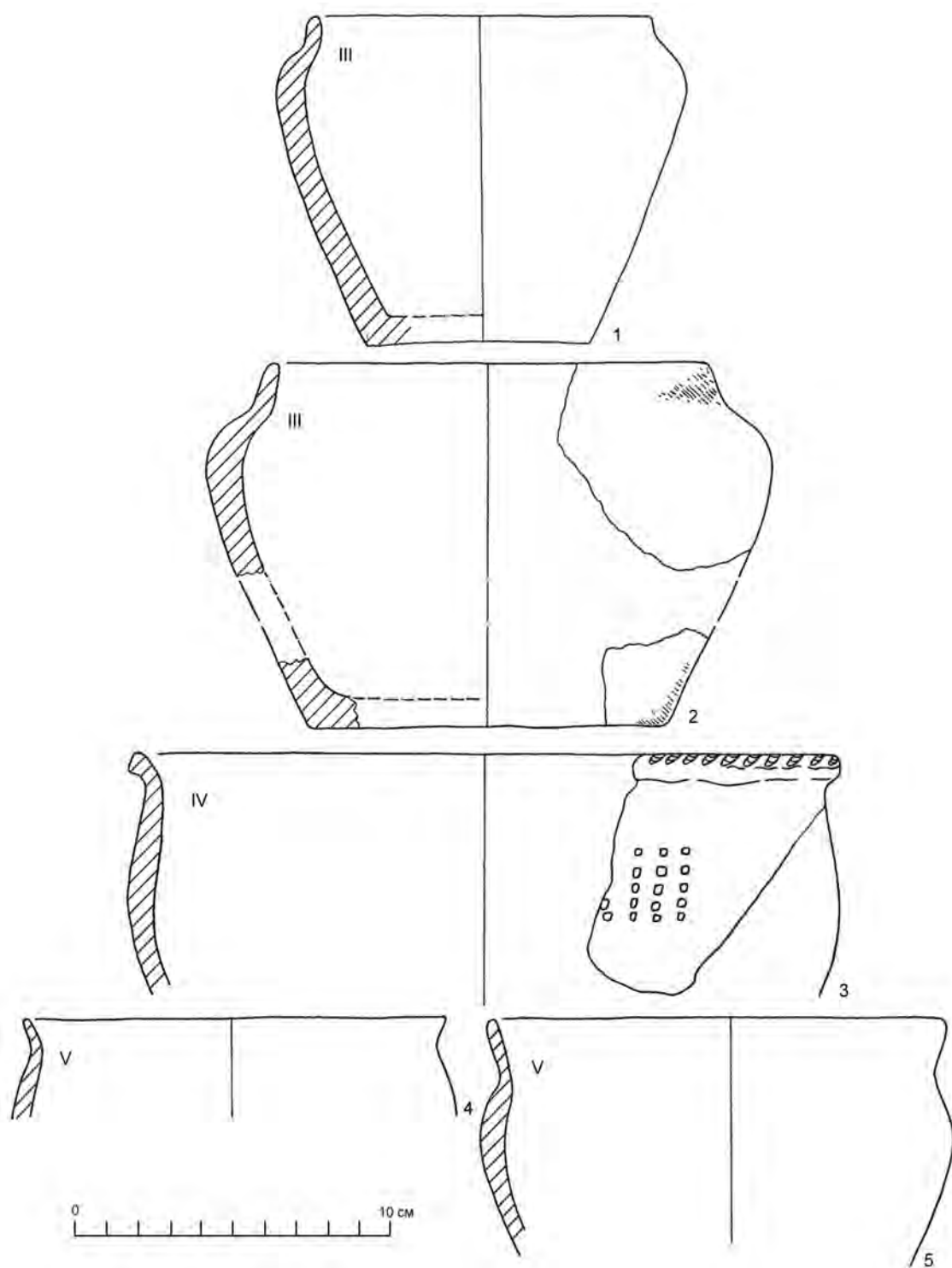

Рис. 144. Суздаль. Лепная керамика. Типы III-V

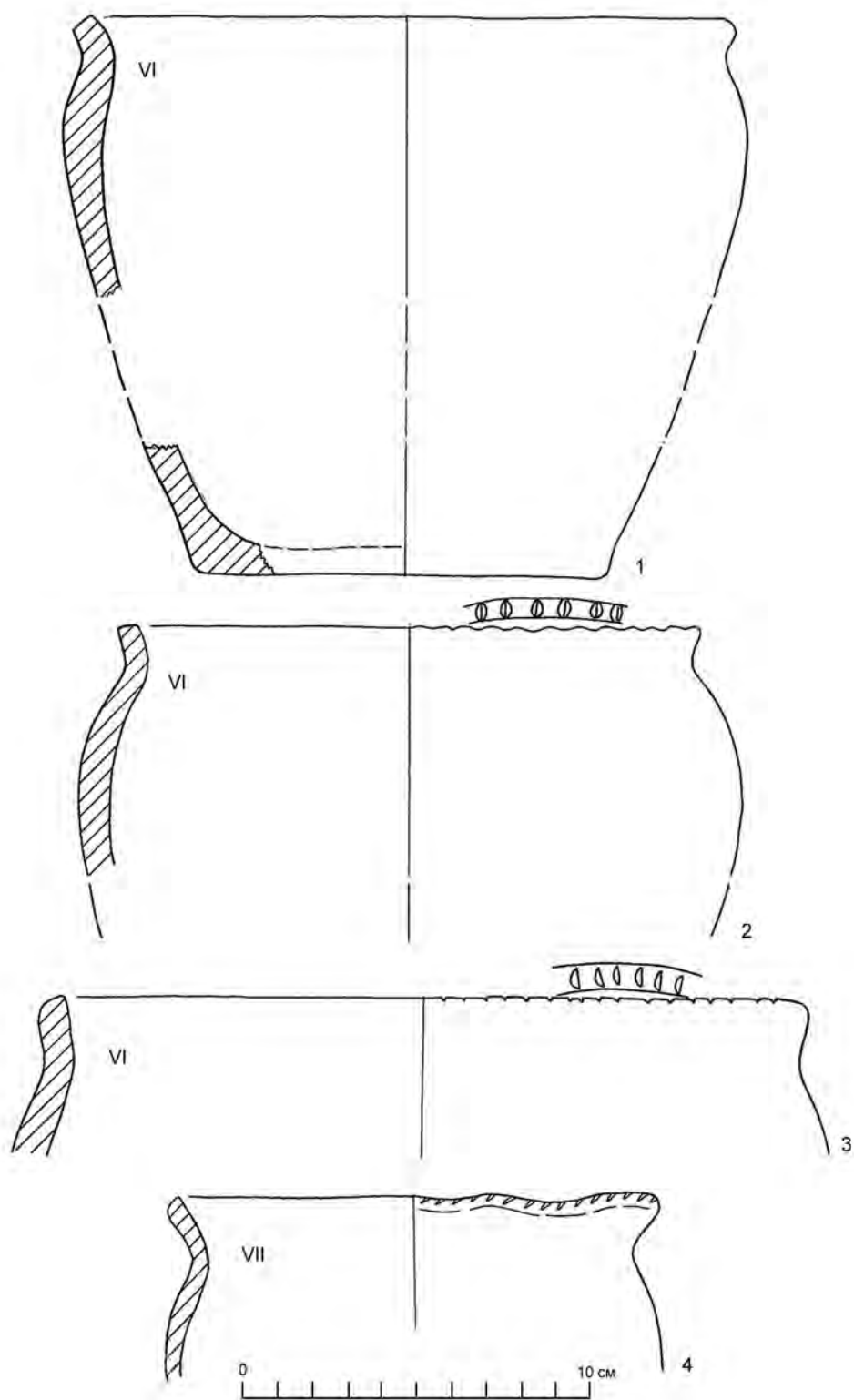

Рис. 145. Суздаль. Лепная керамика. Типы VI–VII

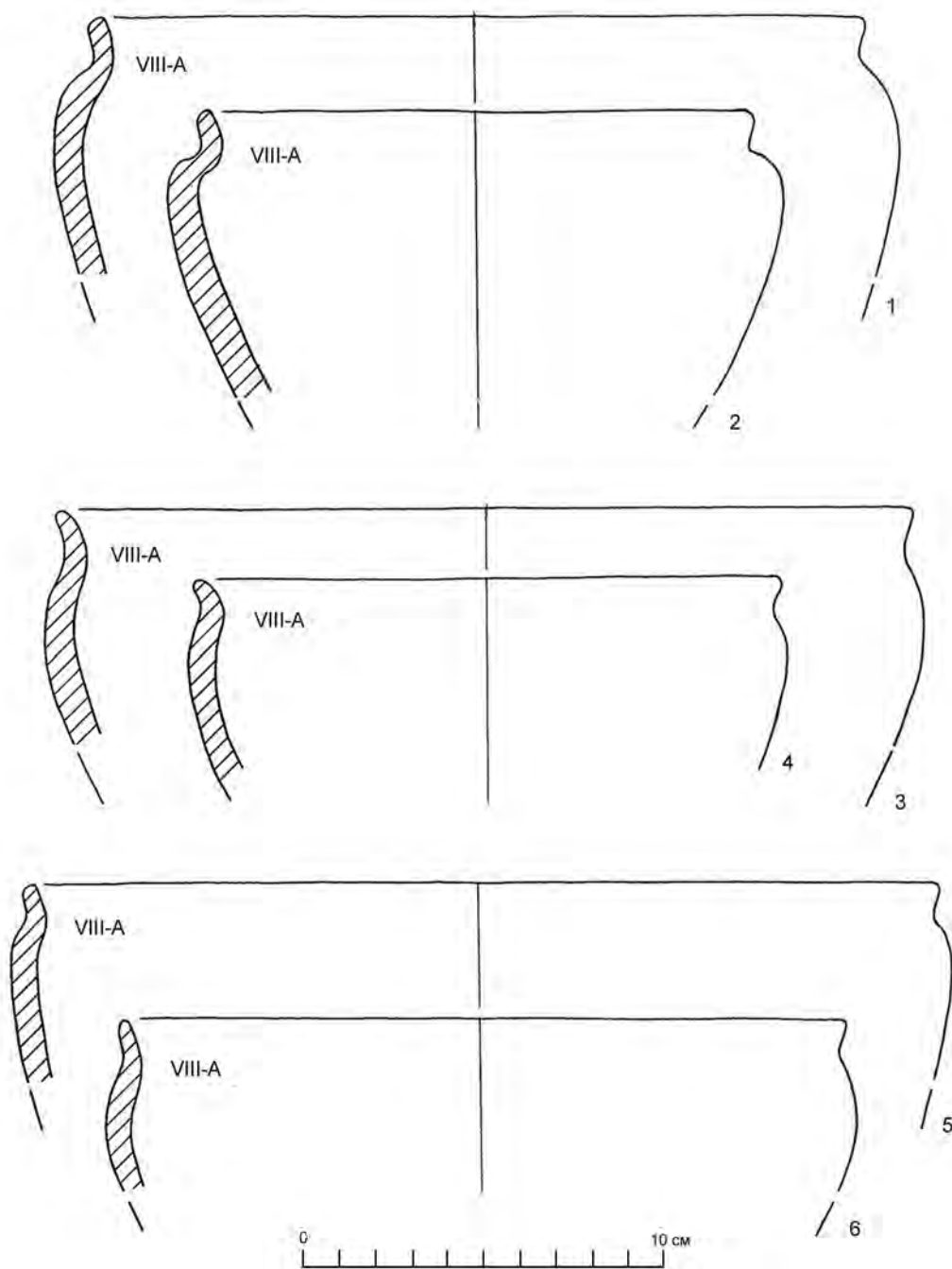

Рис. 146. Суздаль. Лепная керамика. Тип VIII-A

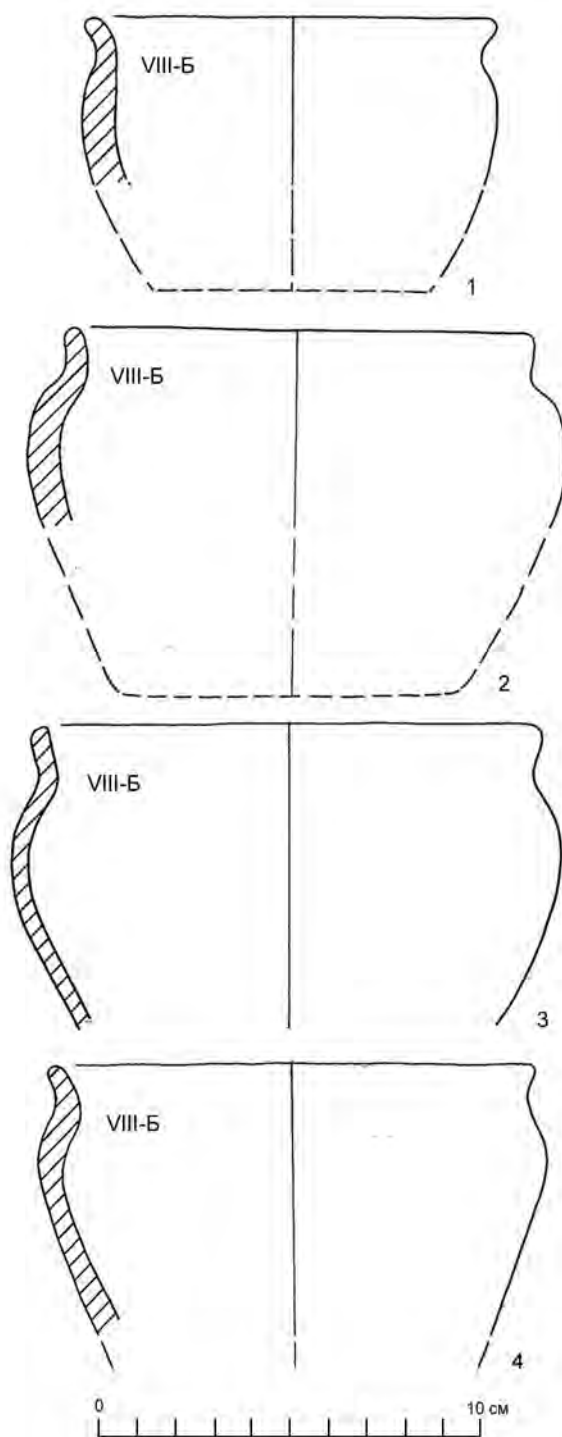

Рис. 147. Суздаль. Лепная керамика. Тип VIII-B

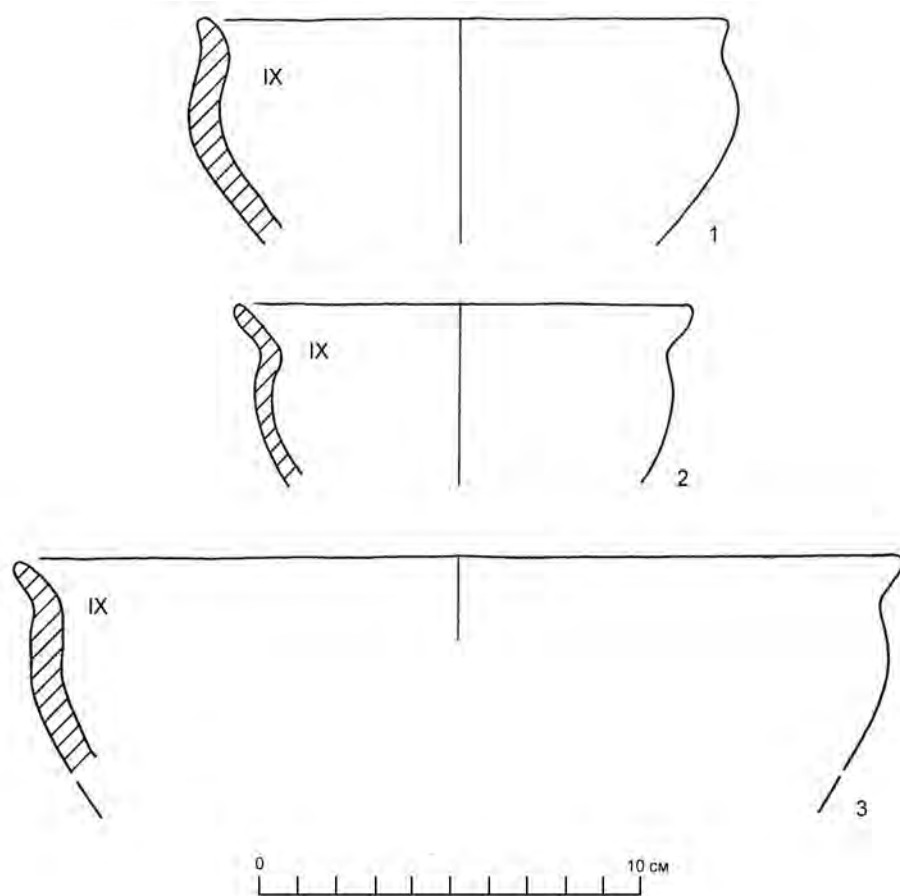

Рис. 148. Суздаль. Лепная керамика. Тип IX

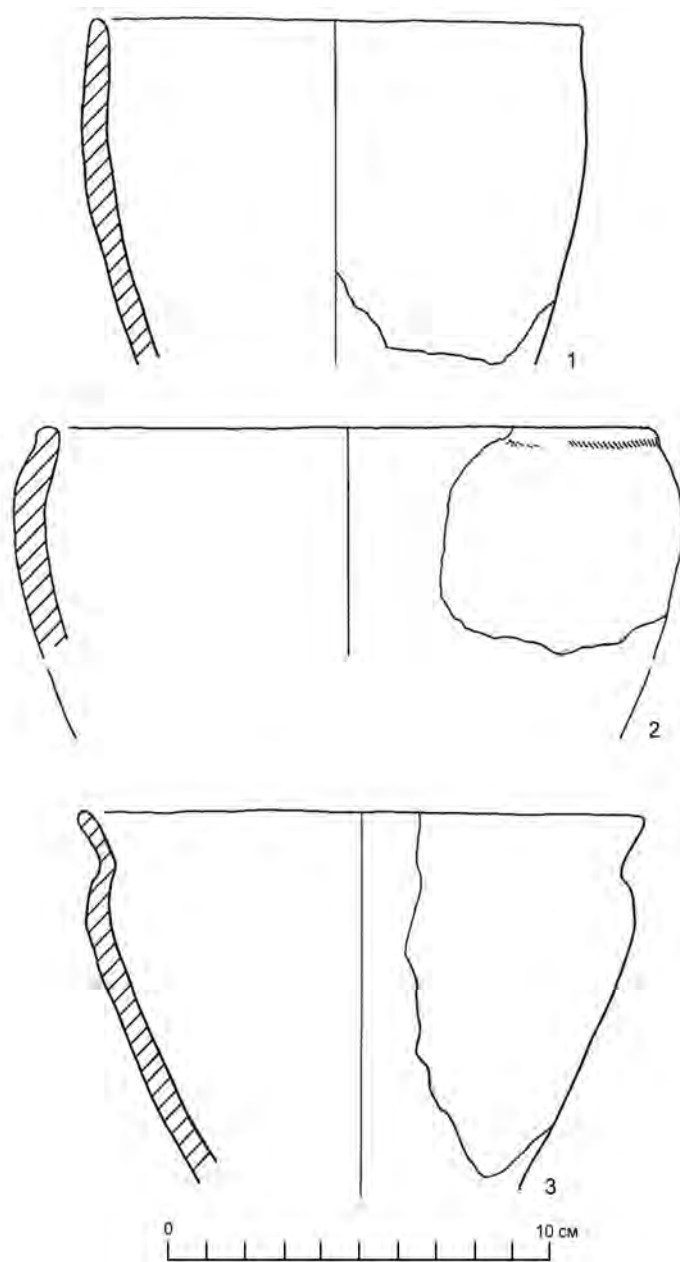

Рис. 149. Суздаль. Лепная керамика со дна рва Детинца. 1987 г., раскоп Д-V: 1 — пл. 11, кв. 39; 2 — пл. 9, кв. 60; 3 — пл. 11, кв. 46

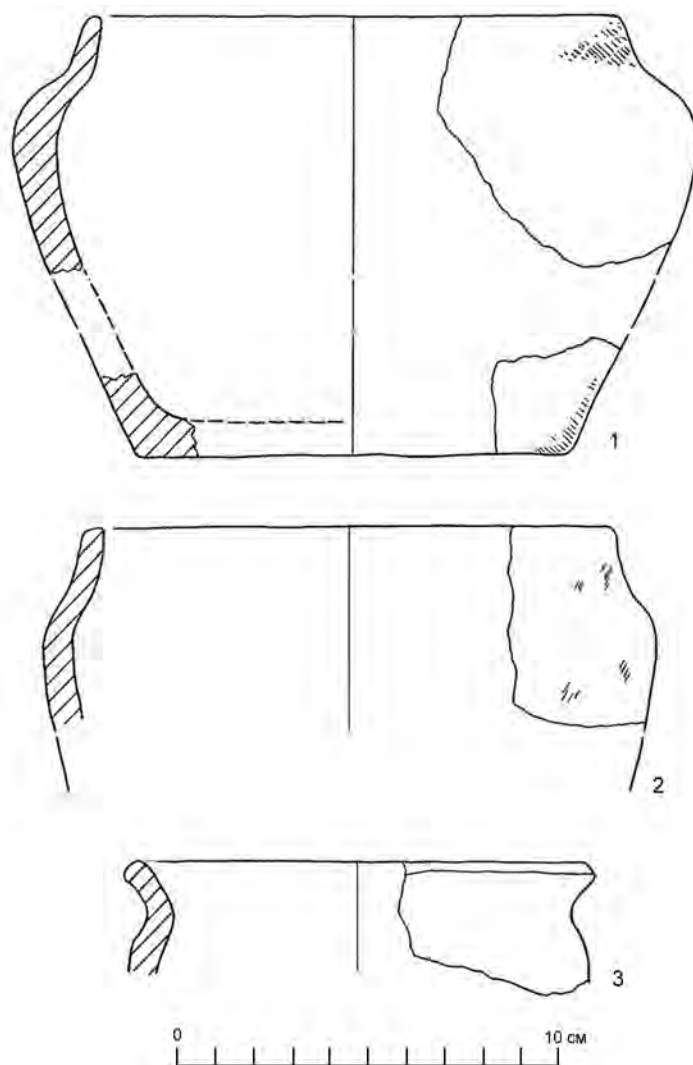

Рис. 150. Суздаль. Лепная керамика со дна рва Детинца: 1 — 1984 г., раскоп Д-III, кв. Б4, 3023–3029, 3064; 2 — 1982 г., раскоп Д-I, 371; 3 — 1982 г., раскоп Д-I, 372

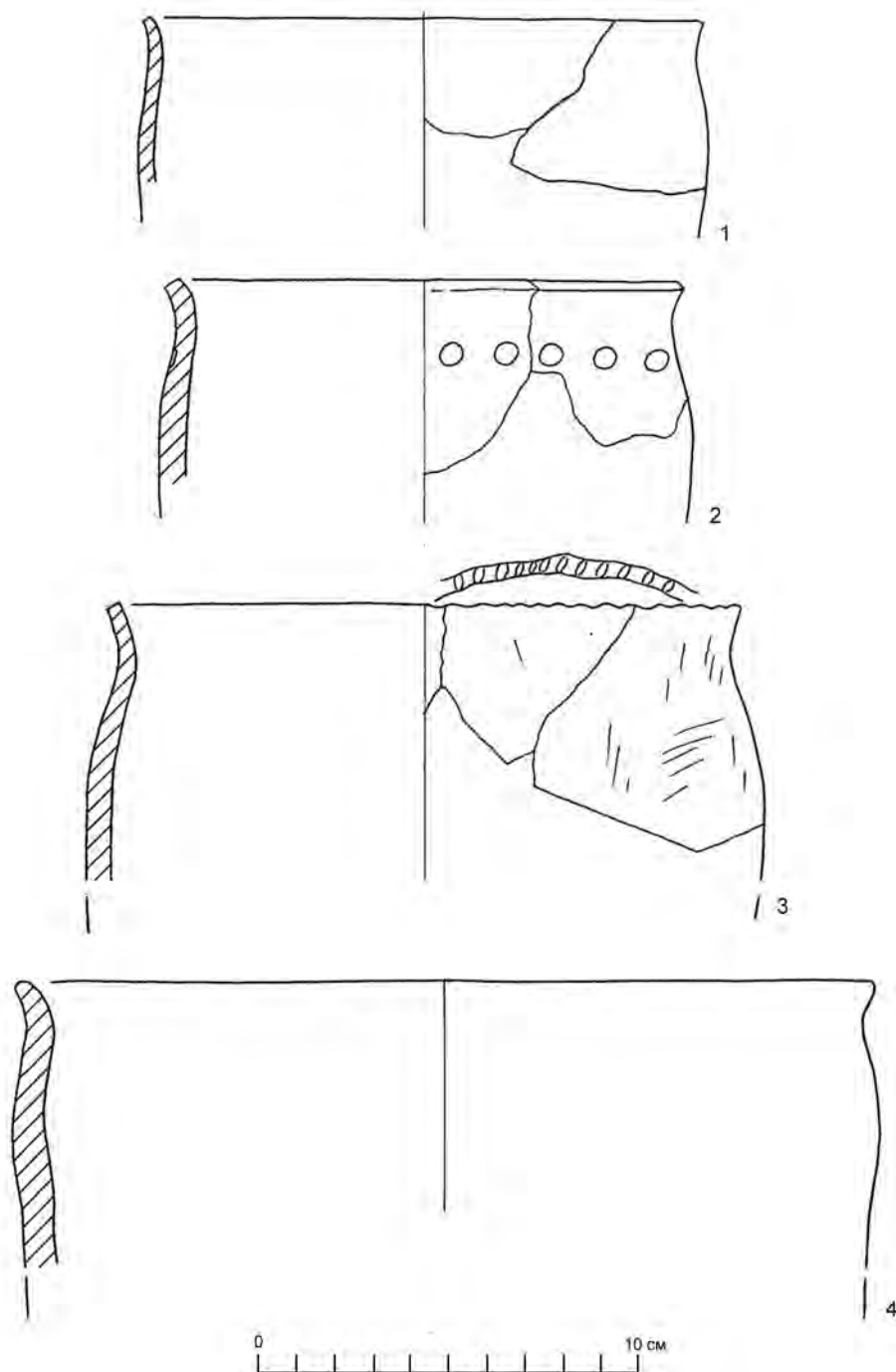
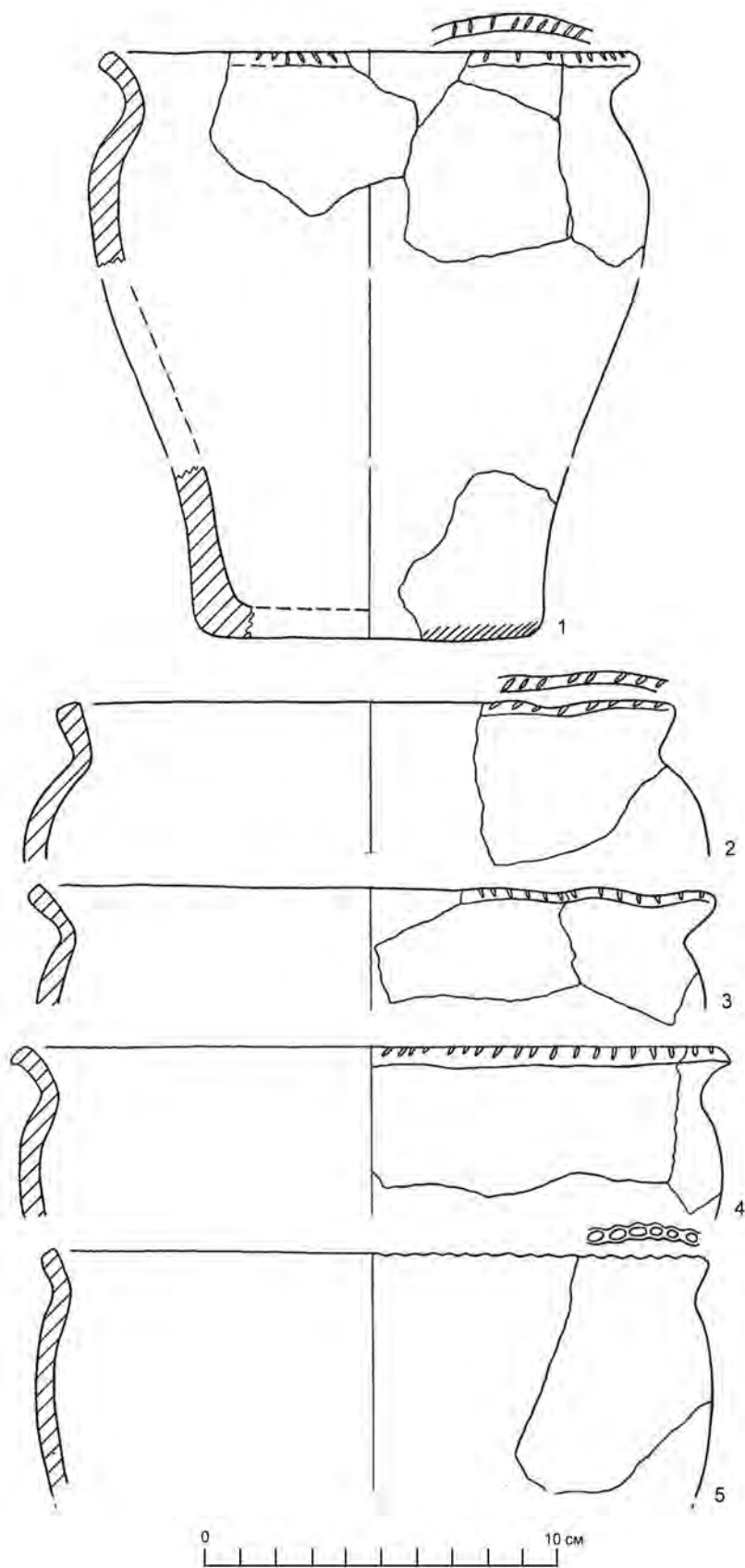

Рис. 151. Суздаль. Лепная керамика из постройки, перекрывающей Большой ров Детинца (Суздаль, 1985 г., раскоп Д-IV): 1 — пл. 11, кв. 26; 2 — пл. 12, кв. 25; 3, 4 — пл. 11, 12, кв. 28

Рис. 152. Суздаль. Лепная керамика из постройки, перекрывающей Большой ров Детинца (Суздаль, 1985 г., раскоп Д-IV): 1 — пл. 12, кв. 29; 2 — пл. 12, кв. 28; 3 — пл. 11, кв. 28; 4 — пл. 11, кв. 29; 5 — пл. 11, кв. 36

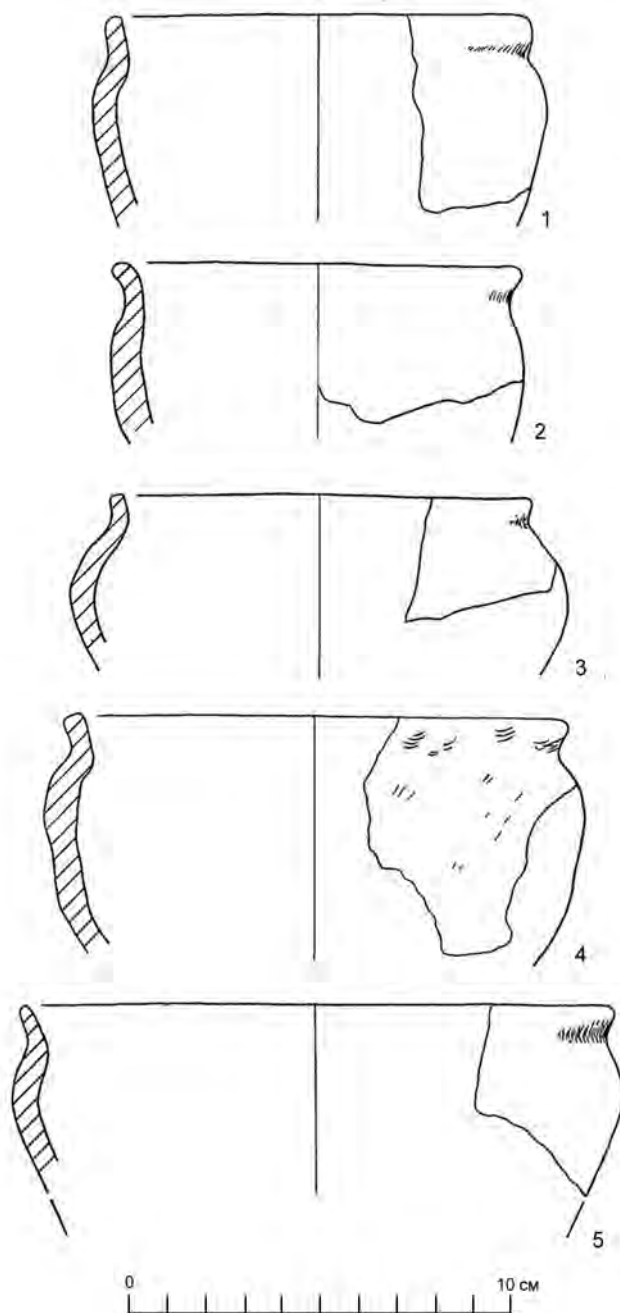

Рис. 153. Суздаль. Лепная керамика из постройки, перекрывающей Большой ров Детинца (Суздаль, 1985 г., раскоп Д-IV): 1 — пл. 11, кв. 25; 2 — пл. 12, кв. 25; 3 — пл. 11, кв. 34; 4 — пл. 11, кв. 30; 5 — пл. 11, кв. 25

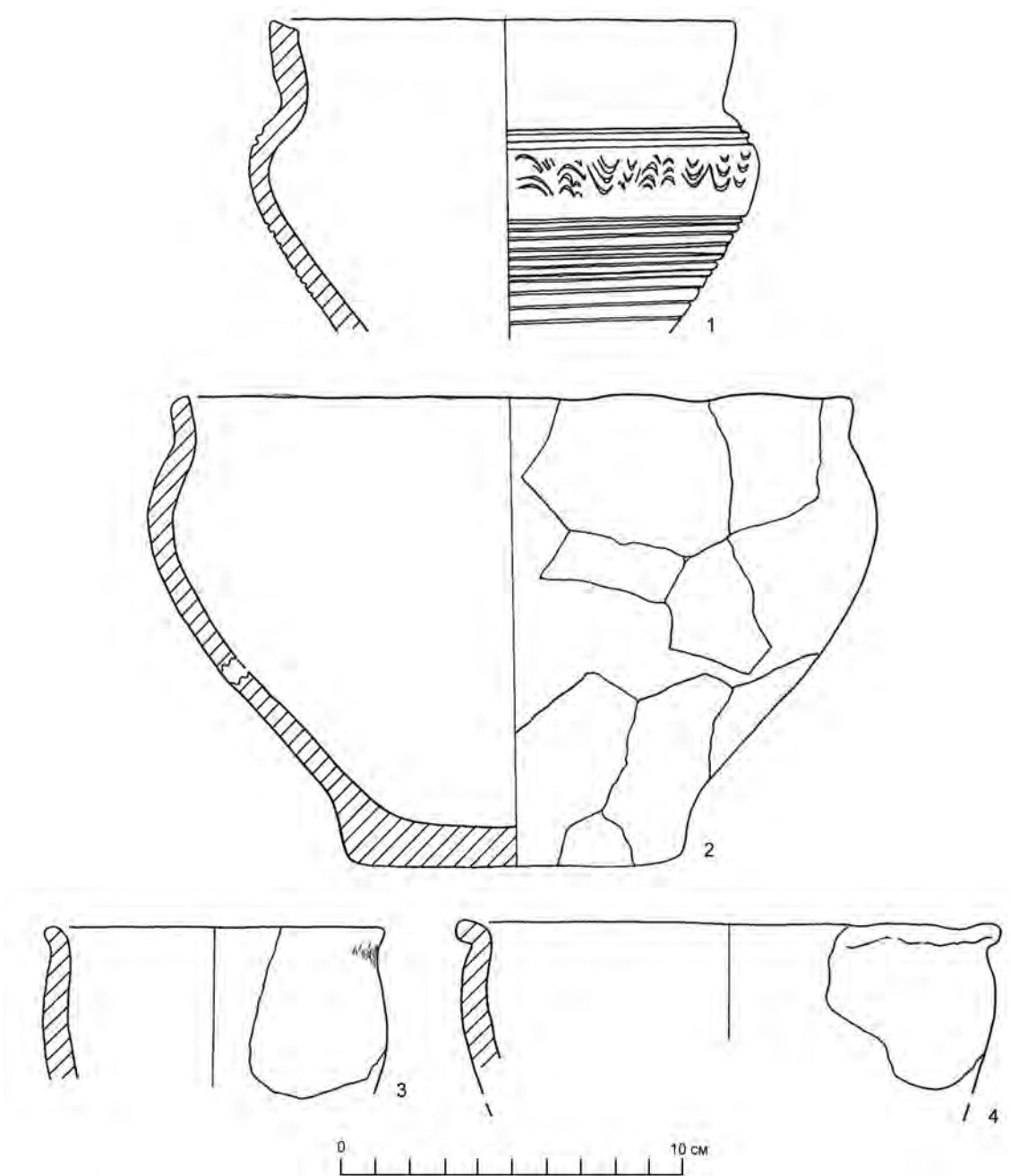

Рис. 154. Суздаль. Керамика из постройки, перекрывающей Большой ров Детинца (Суздаль, 1985 г., раскоп Д-IV): 1 — круговая, 2–4 — лепная: 1 — пл. 11, кв. 32; 2 — пл. 11, кв. 35, очаг; 3 — пл. 11, кв. 30; 4 — пл. 11, кв. 26

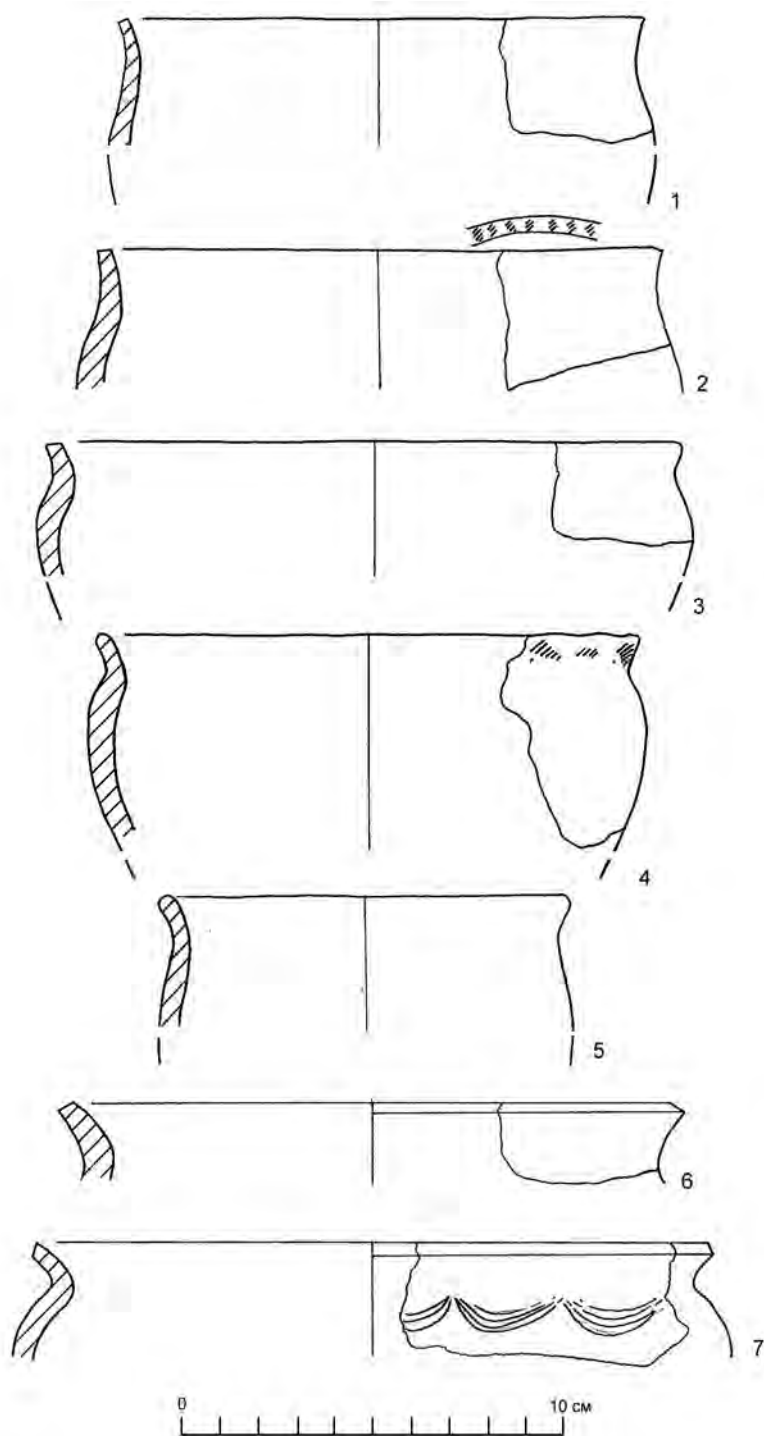

Рис. 155. Суздаль. 1988 г. Керамика из траншеи у Никольской церкви в Кремле. Угольная прослойка на материке: 1–5 — лепная; 6, 7 — раннекруговая.

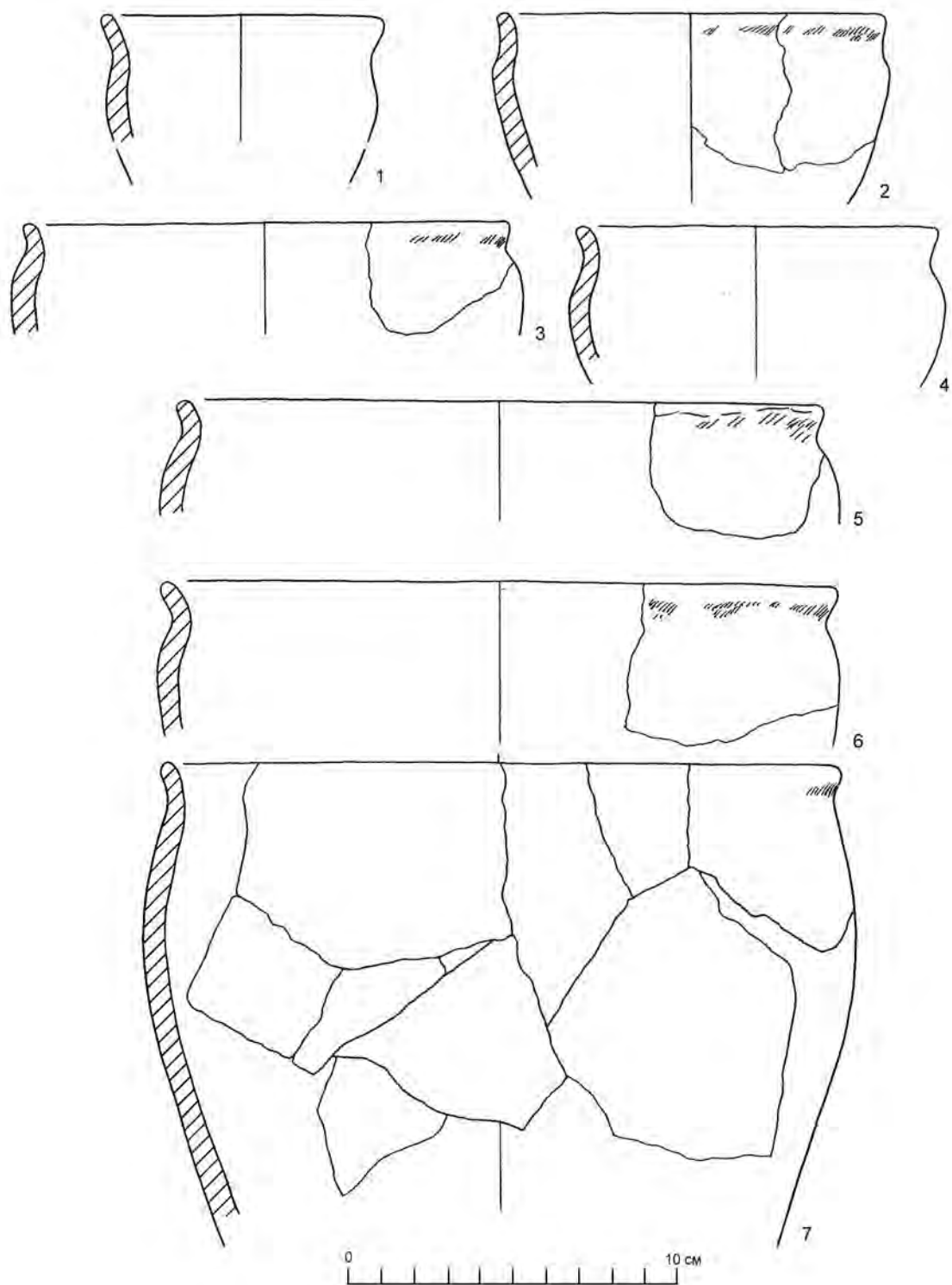

Рис. 156. Суздаль. 1979 г. Раскоп Кр-VII, постройка 1. Лепная керамика: 1 — пл. 7, кв. 32; 2 — пл. 10, кв. 35, пл. 12, кв. 26; 3 — пл. 12, кв. 26; 4 — пл. 10, кв. 22а; 5 — пл. 10, кв. 31; 6 — пл. 7, кв. 32; 7 — пл. 11, кв. 26

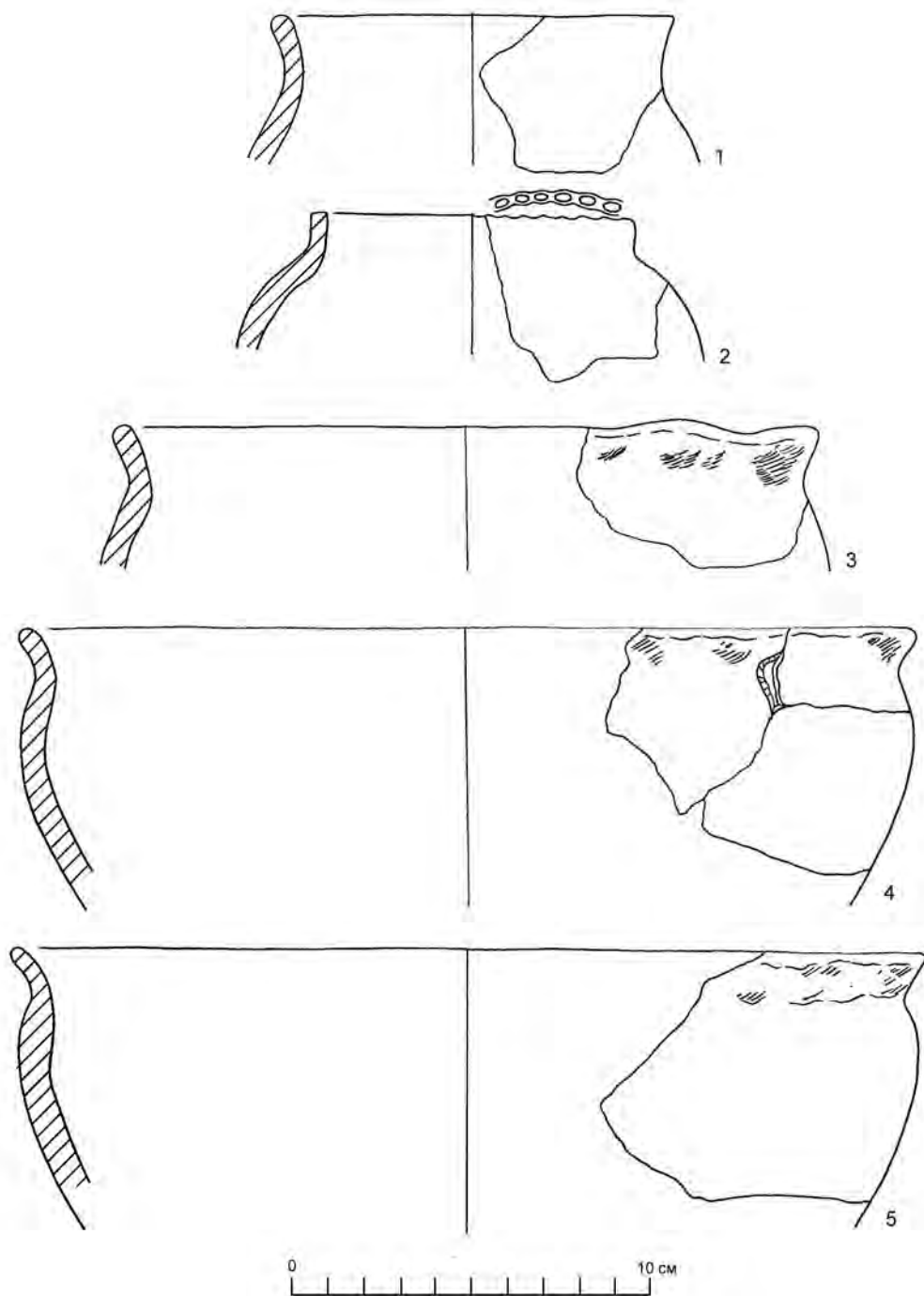

Рис. 157. Суздаль. 1979 г. Раскоп Кр-VII, постройка 1. Лепная керамика: 1 — пл. 11, кв. 26; 2 — пл. 11, кв. 26; 3 — пл. 12, кв. 26; 4 — пл. 7, кв. 35, пл. 8, кв. 31, 35; 5 — пл. 11, кв. 22, 23

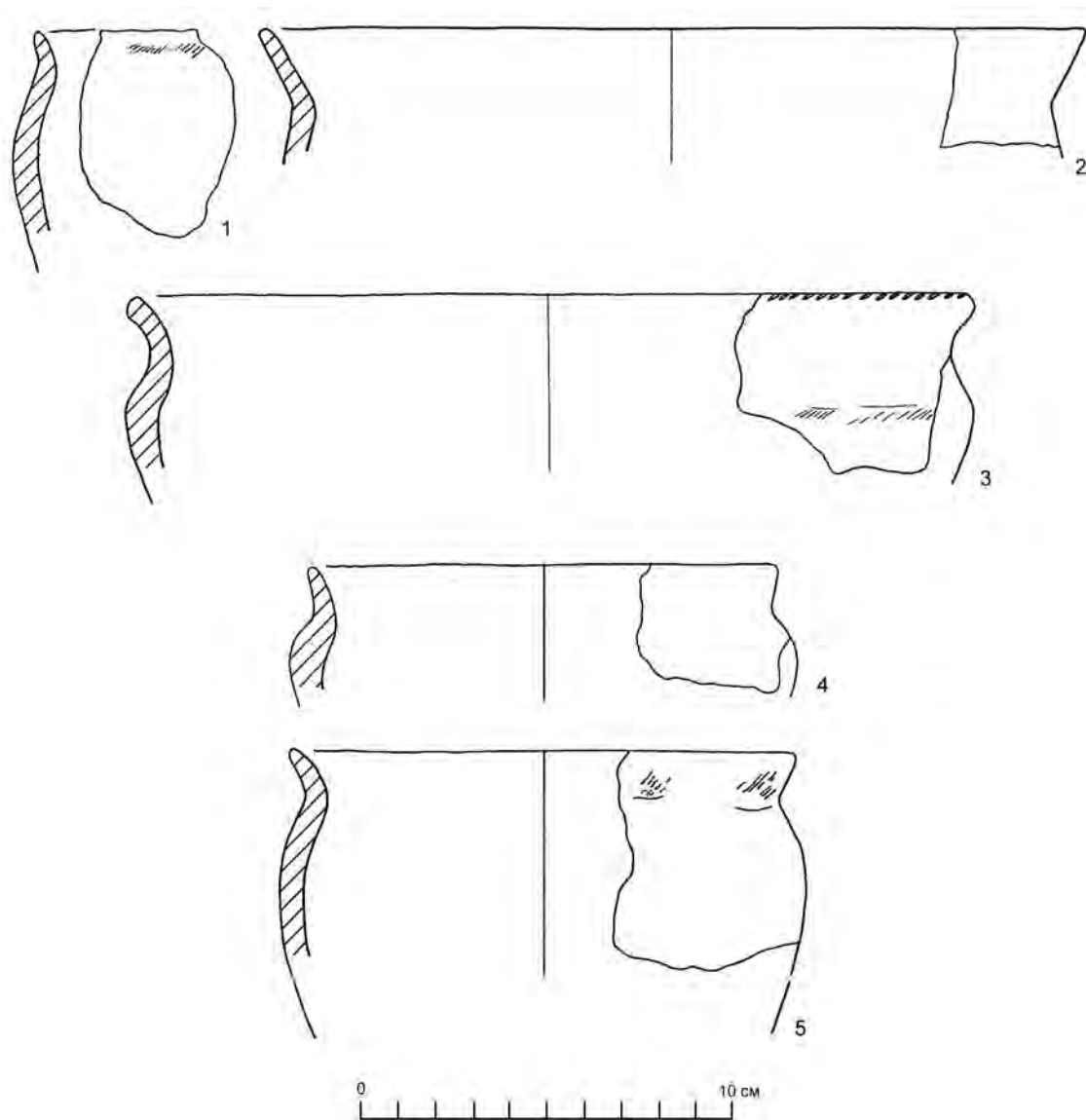

Рис. 158. Суздаль. Лепная керамика. Раскоп К-1958, прослойка под основанием вала:
 1 — К-1958/10; 2 — К-1958/9, серый заглаженный; 3 — К-1958/11. 1981 г. Раскоп Кр-IX, постройка 1:
 4 — пл. 11, кв. 27, яма 1; 5 — пл. 8, кв. 33

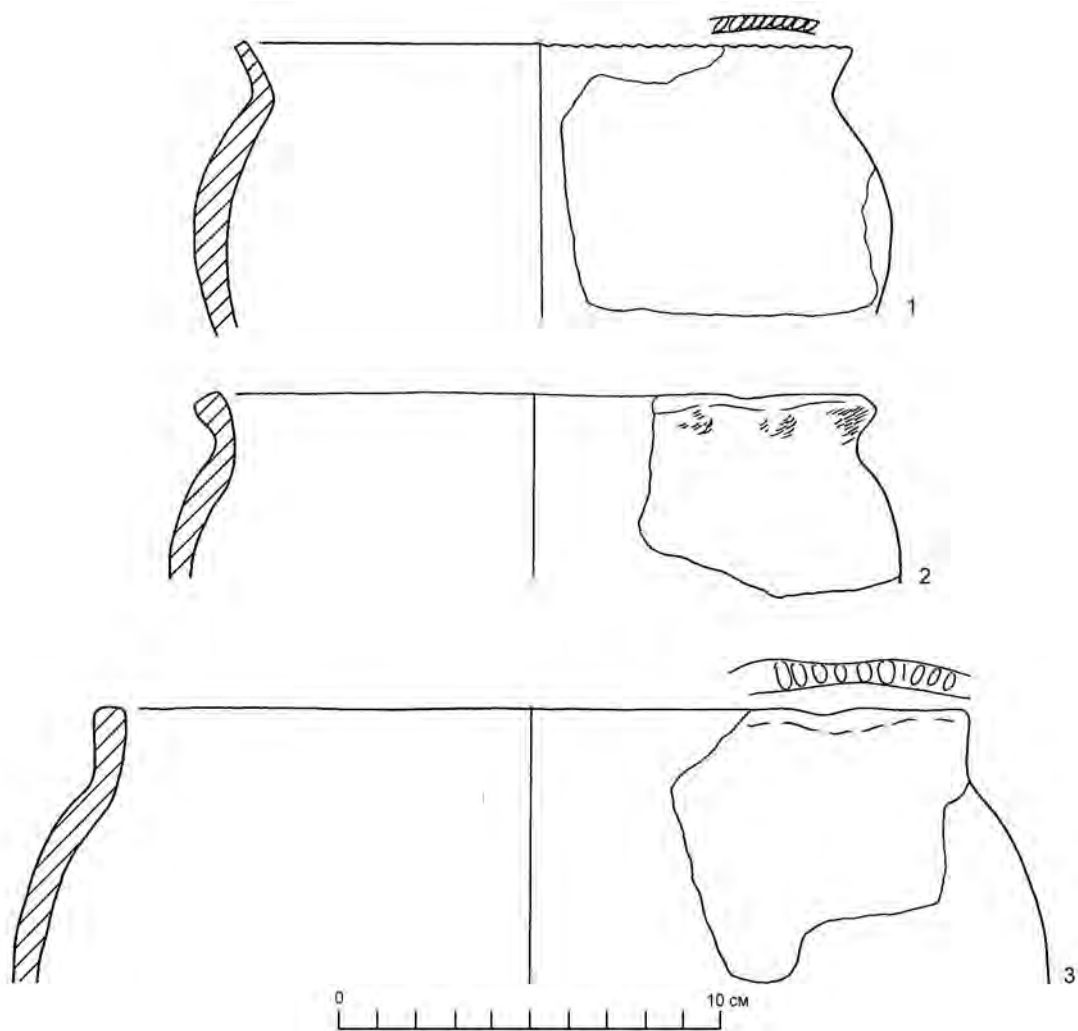

Рис. 159. Суздаль, 1982 г. Раскоп Кр-Х, постройка 12, яма 23. Лепная керамика

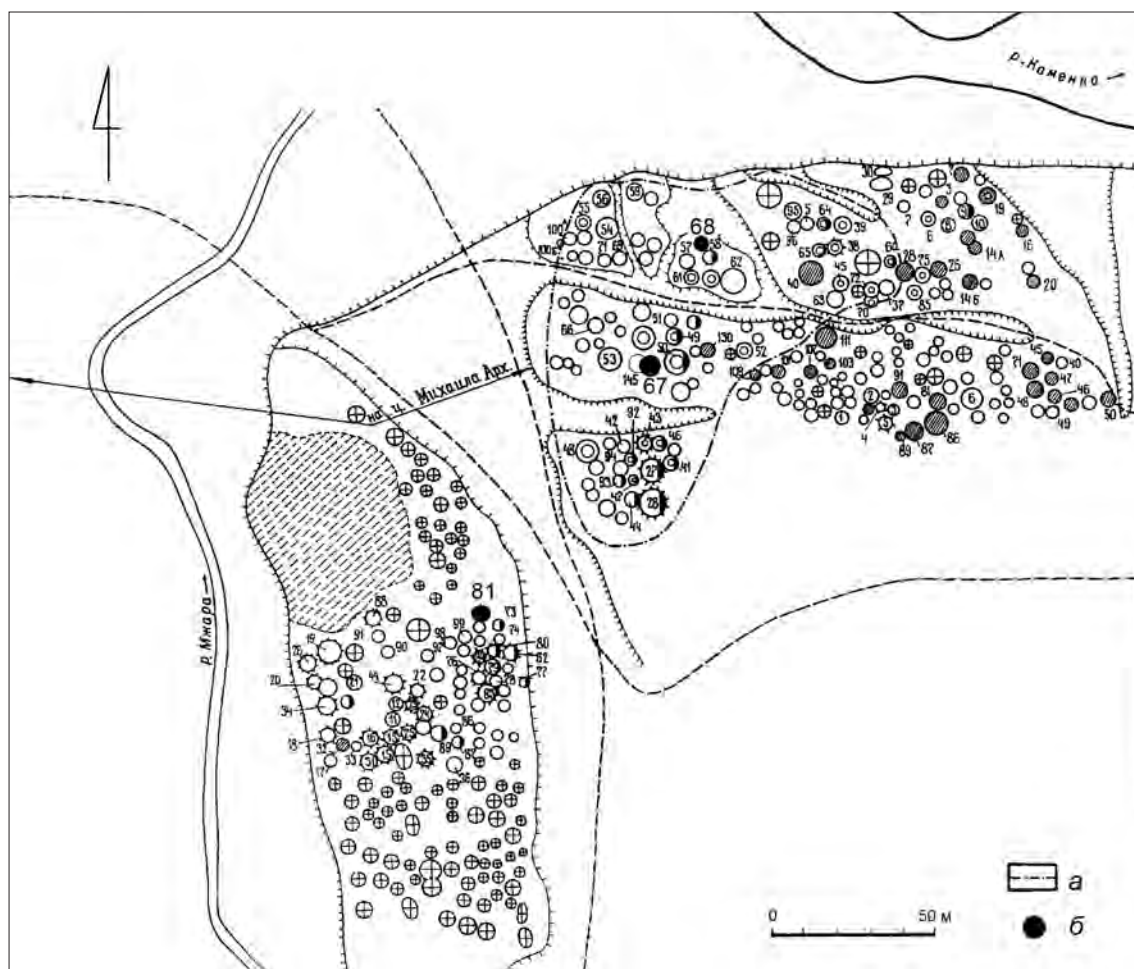

Рис. 160. План курганного могильника на Михайловой стороне в Суздале (по: Сабурова, Седова 1984: рис. 1): *a* — границы селища; *б* — курганы 67, 68 и 81, под насыпью которых в культурном слое селища была найдена лепная керамика

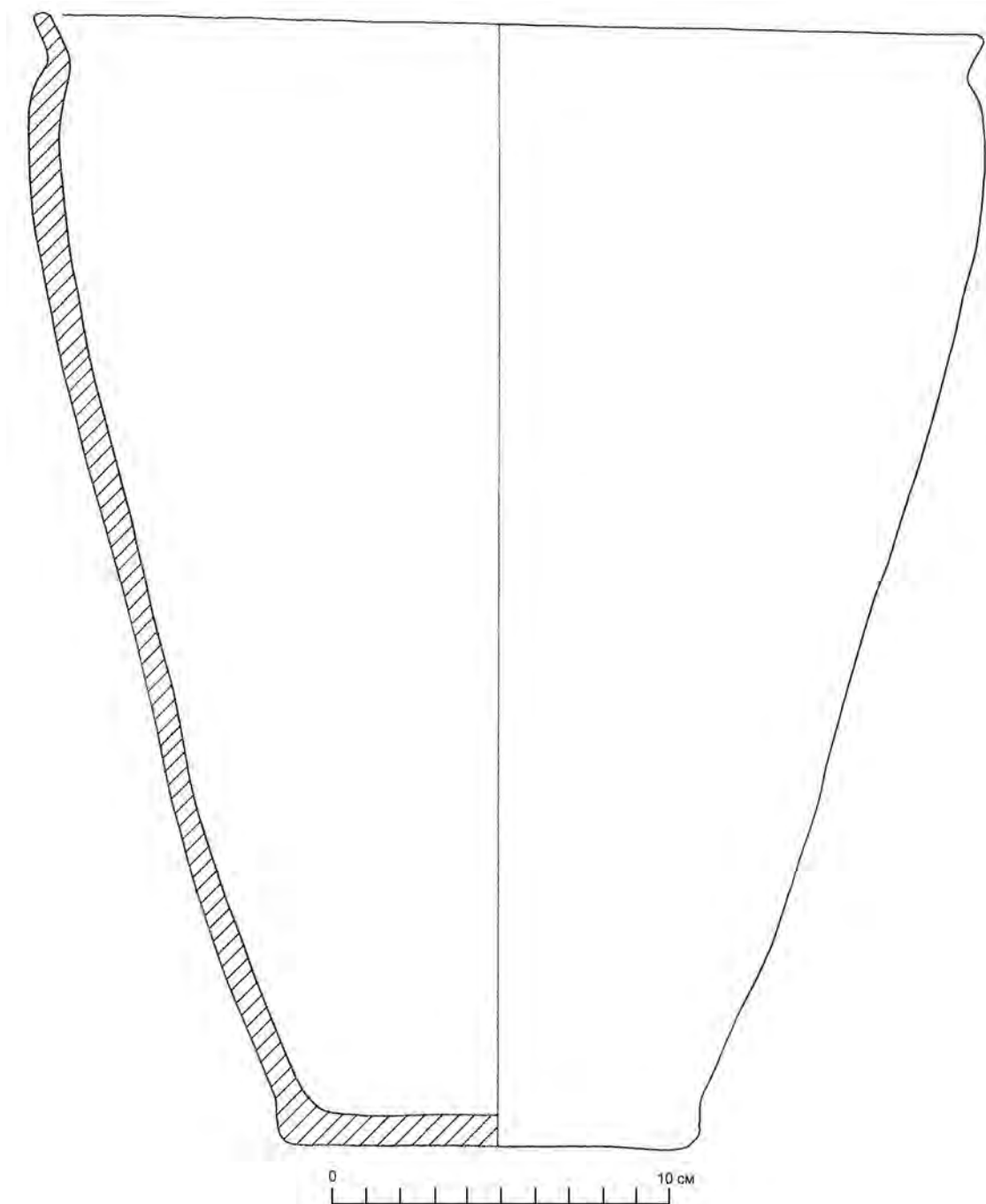

Рис. 161. Селище Мжара. Лепная керамика из слоя под насыпью кургана 81

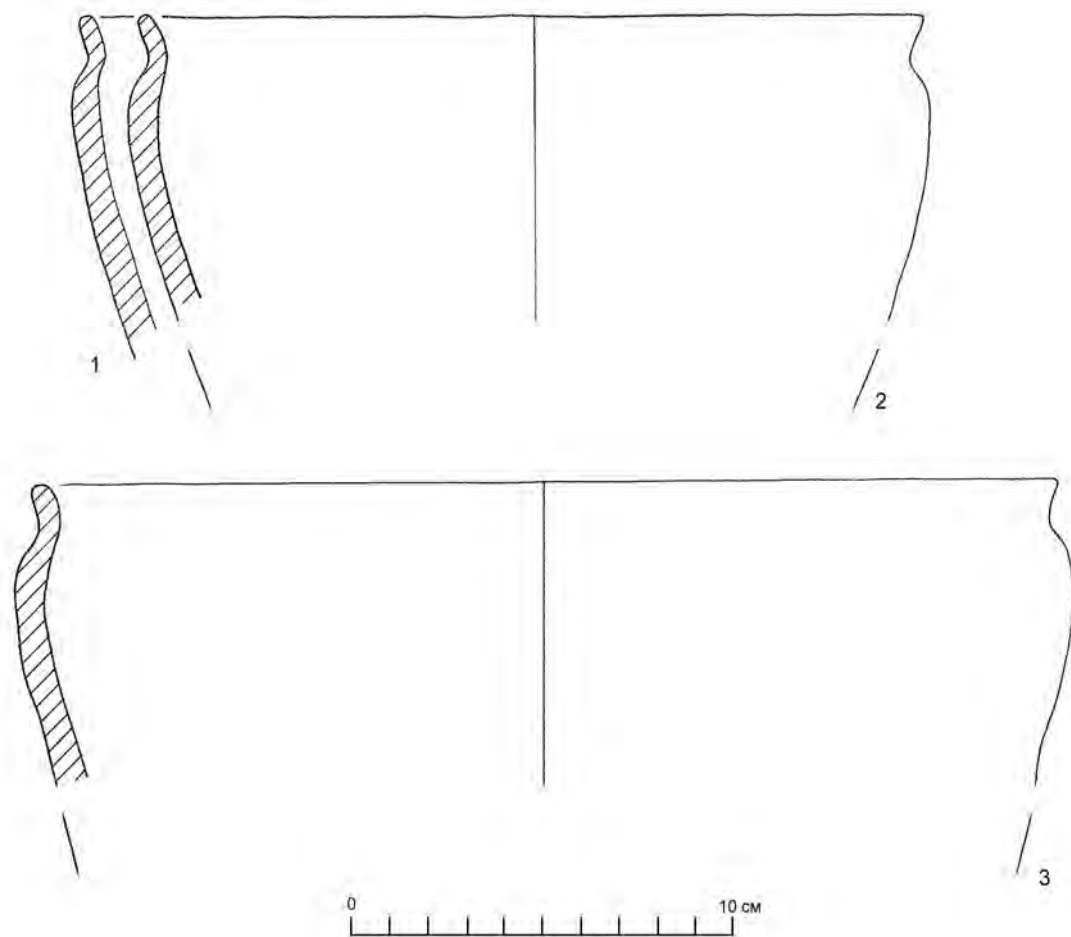

Рис. 162. Селище Мжара. Лепная керамика из слоя под насыпью кургана 67

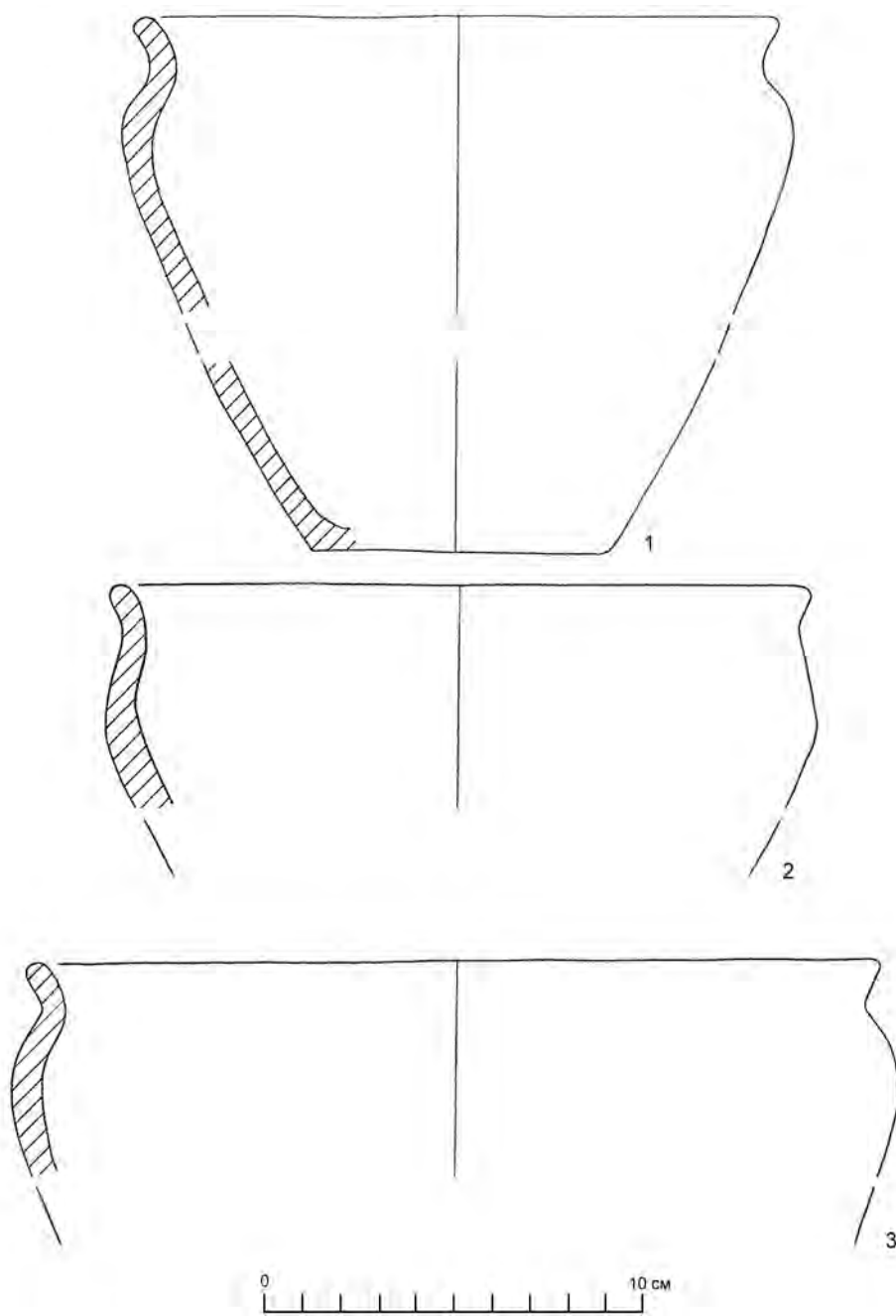

Рис. 163. Селище Мжара. Лепная керамика из слоя под насыпью кургана 67

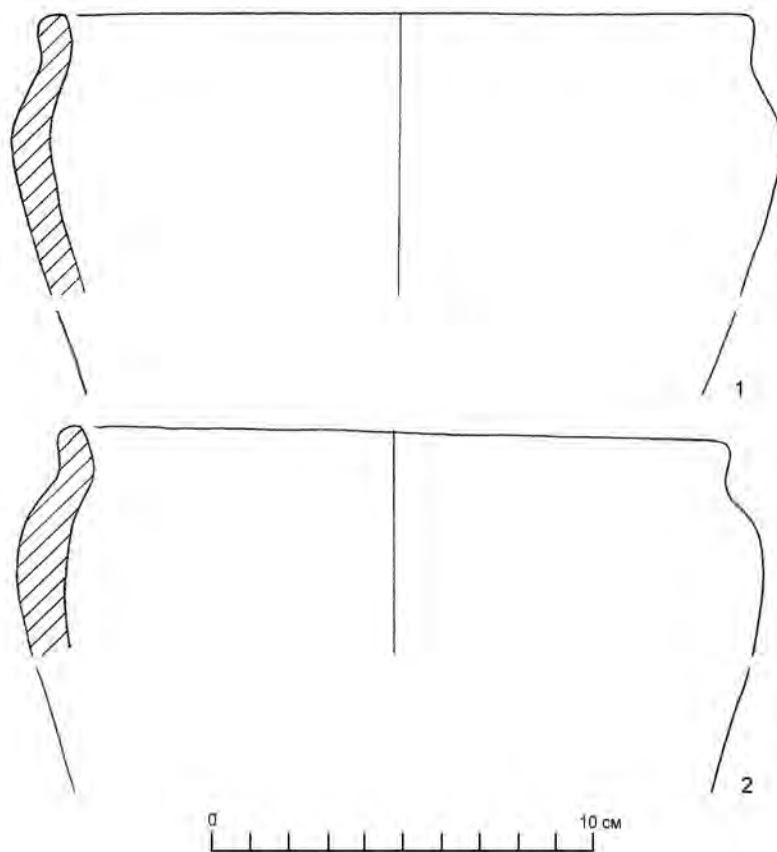

Рис. 164. Селище Мжара. Лепная керамика из слоя под насыпями курганов 67 и 68

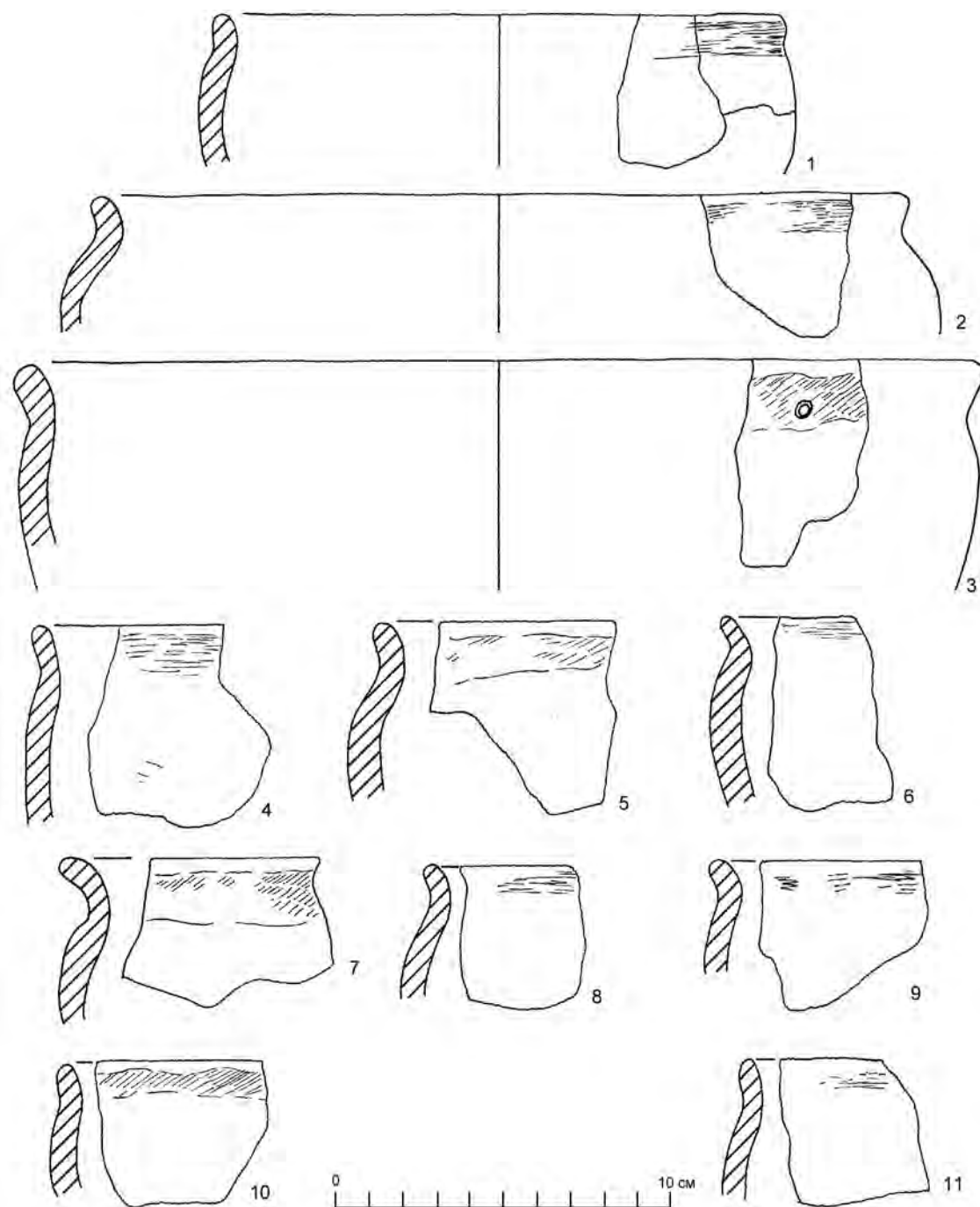

Рис. 166. Селище Новосёлки. Раскоп 1989 г. Лепная керамика: 1 — 116/1989, пл. 2; 2 — 128/1989, яма 32; 3 — 102/1989, пл. 2; 4 — 117/1989, пл. 2; 5 — 181/1989, яма 15; 6 — 103/1989, пл. 2; 7 — 97/1989, пл. 2; 8 — 89/1989, пл. 2; 9 — 120/1989, яма 32; 10 — 136/1989, яма 32; 11 — 95/1989, пл. 2

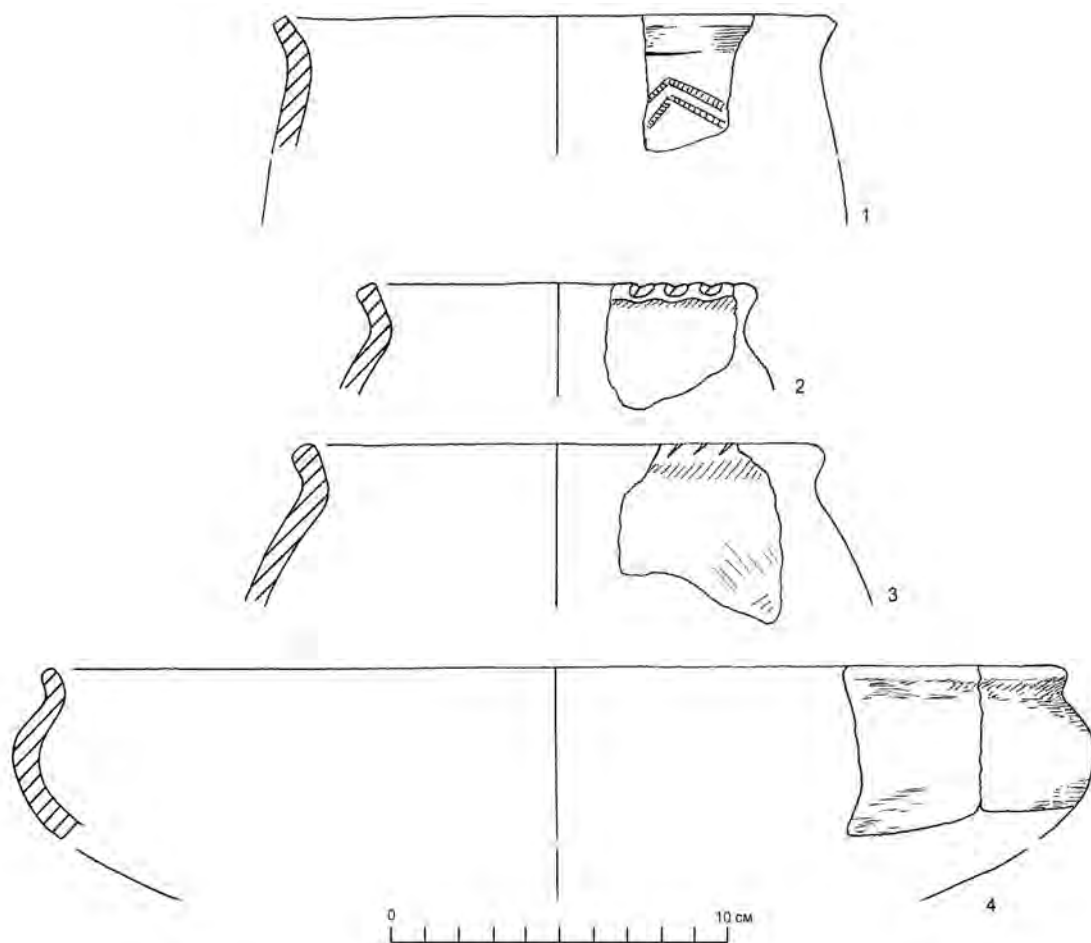

Рис. 167. Селище Новосёлки. Раскоп 1989 г. Лепная керамика: 1 — 189/1989, яма 12; 2 — 101/1989, пл. 2; 3 — 127/1989, яма 32; 4 — 130/1989, яма 32

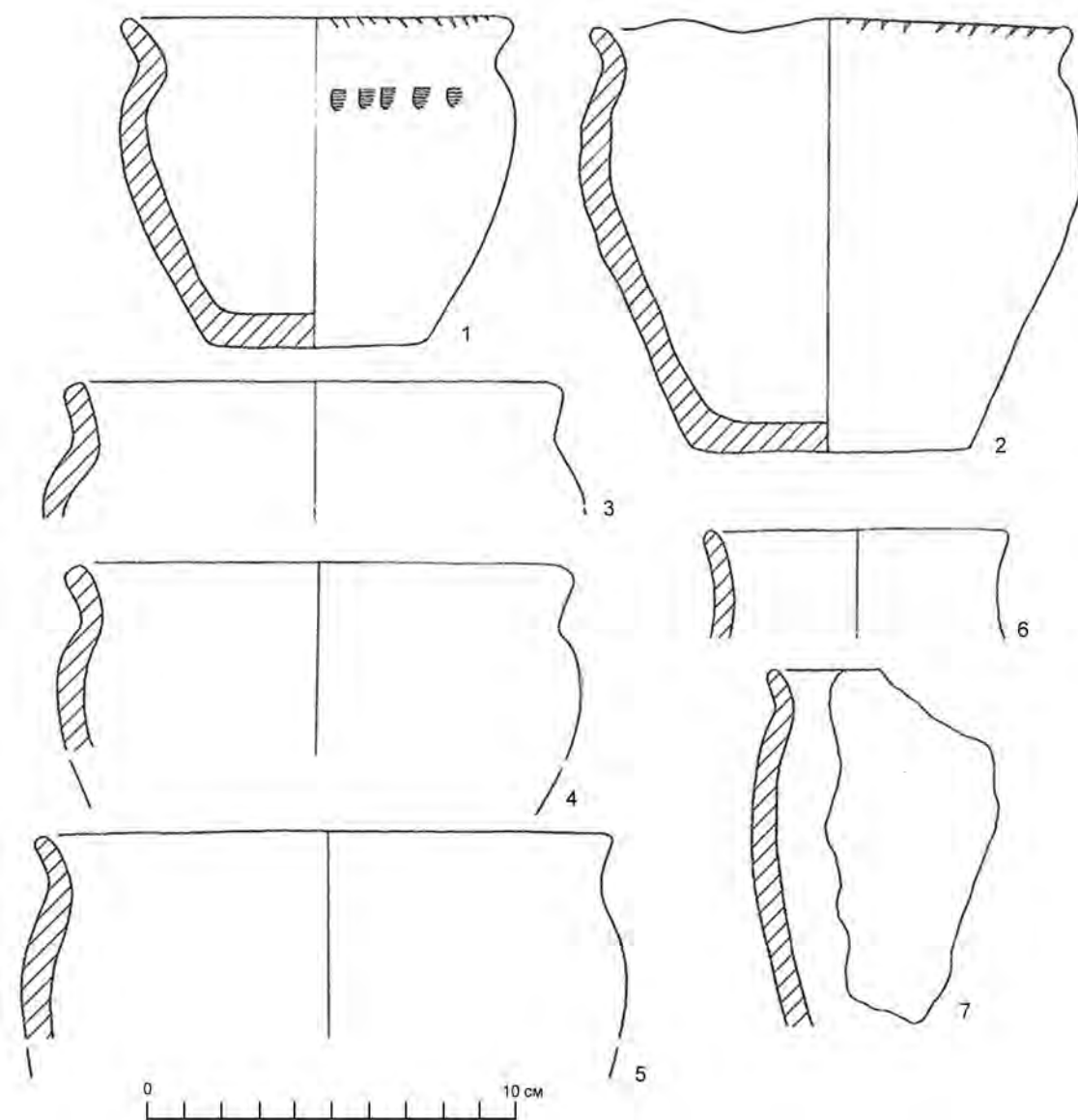

Рис. 168. Курганный могильник Новосёлки. Лепная керамика: 1 — кург. 6, погр. 3, 1985 г.; 2 — кург. 3, погр. 2, 4/1985; 3 — кург. 18, насыпь, 1987 г.; 4 — кург. 14, яма 1, 1986 г., 5 — кург. 16, ровик, 1987 г.; 6 — кург. 18, насыпь, 1987 г.; 7 — кург. 13, 23/1986

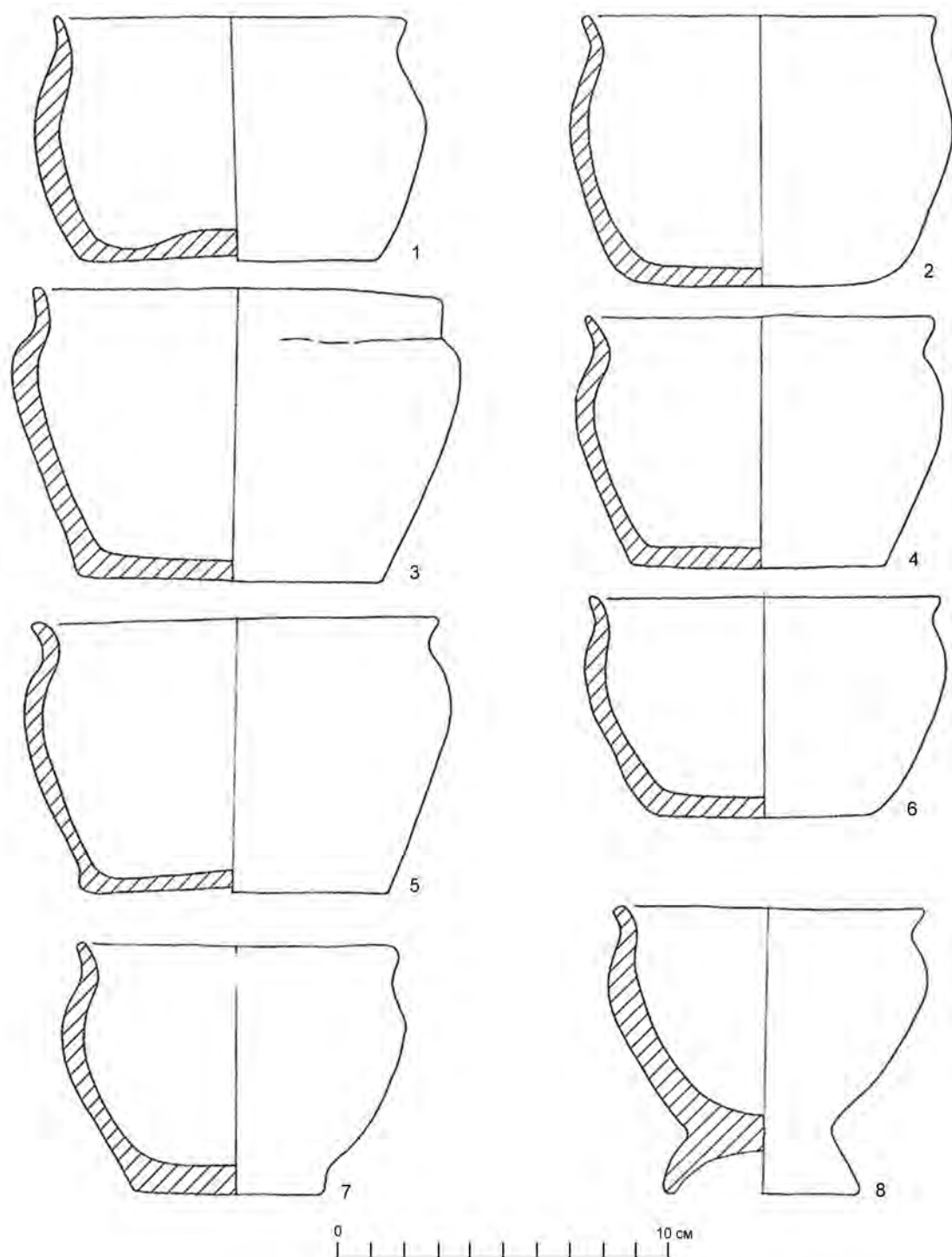

Рис. 169. Курганный могильник Новосёлки. Лепная керамика: 1, 2 — кург. 18, погр. 3, 1987 г.; 3 — кург. 15, погр. 2, 1987 г.; 4 — кург. 4, погр. 1, 4/1985; 5 — кург. 15, погр. 2, 1987 г.; 6 — кург. 4, погр. 1, 4а/1985; 7 — кург. 2, погр. 3, 1/1980; 8 — кург. 2, погр. 3, 2/1980

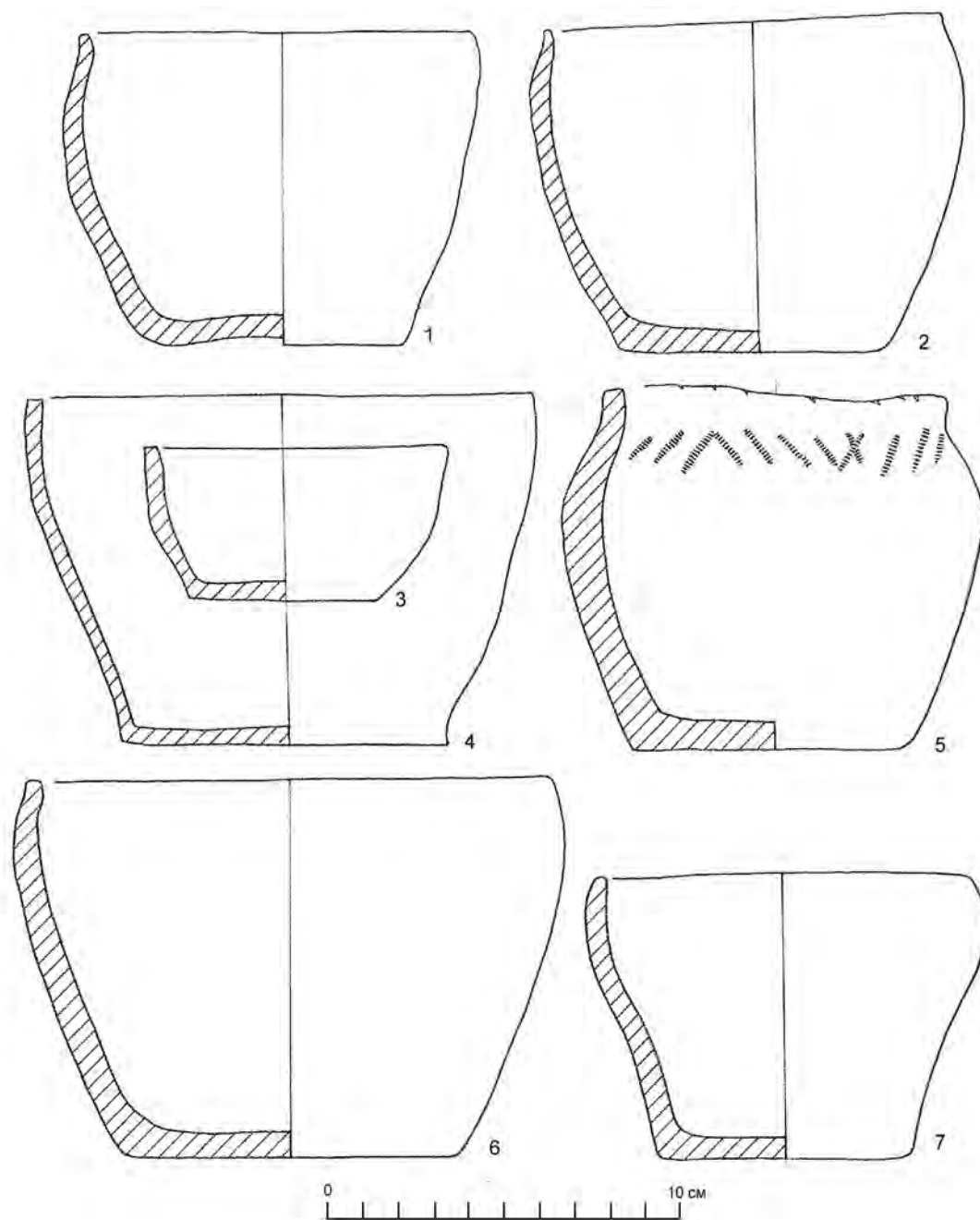

Рис. 170. Курганный могильник Новосёлки. Лепная керамика: 1 — кург. 18, погр. 2, 1987 г.; 2 — кург. 18, погр. 2, 1987 г.; 3 — кург. 19, погр. 1, 1987 г.; 4 — кург. 19, погр. 1, 1987 г.; 5 — кург. 10, погр. 1, 1986 г.; 6 — кург. 6, погр. 5, 1/1985; 7 — тр. 18, 5/1986

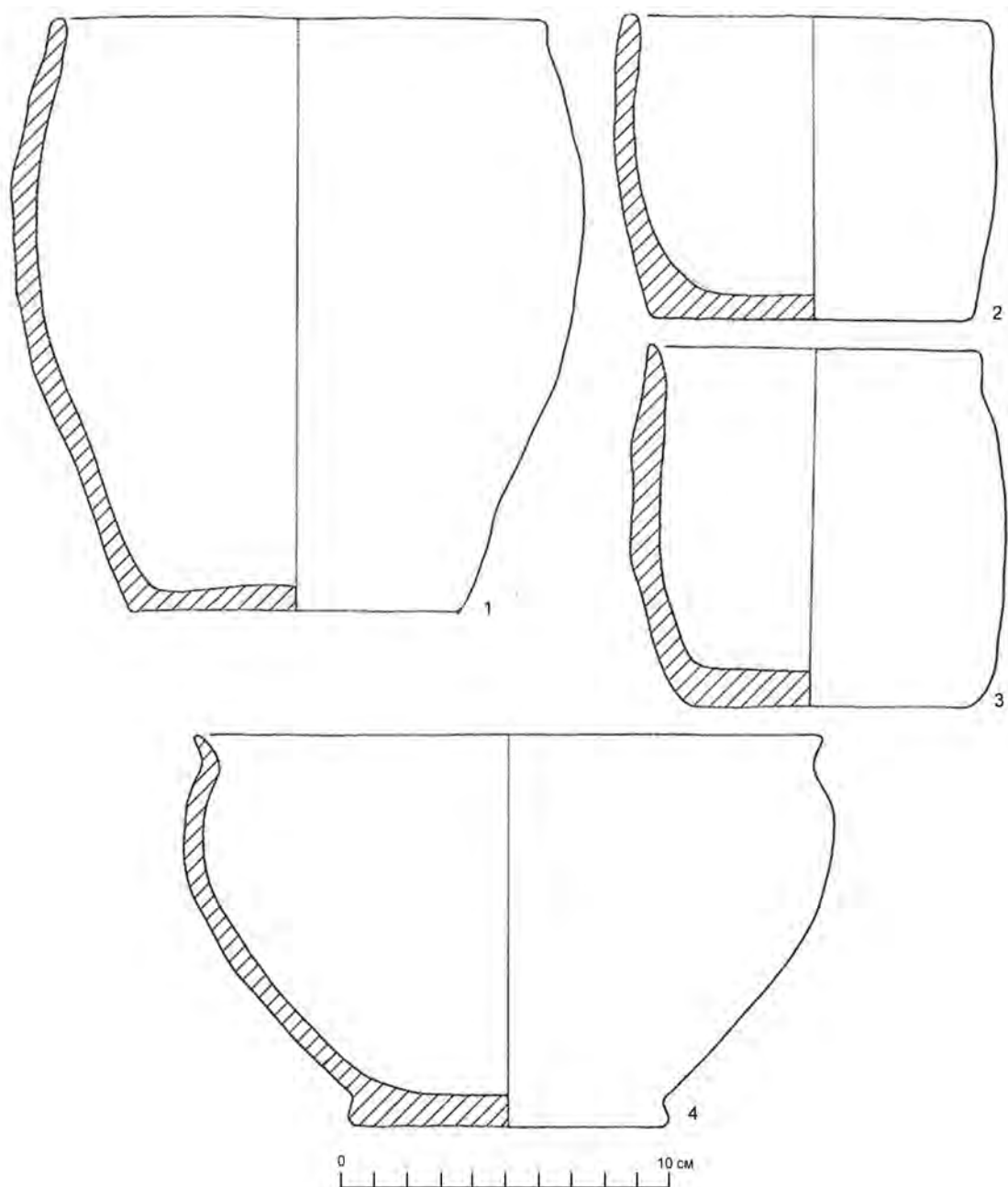

Рис. 171. Курганный могильник Новосёлки. Лепная керамика: 1 — кург. 8, погр. 1, 8/1985; 2 — тр. 2, погр. 4, 1989 г.; 3 — кург. 8, погр. 1, 4/1985; 4 — кург. 6, погр. 1, 6/1985

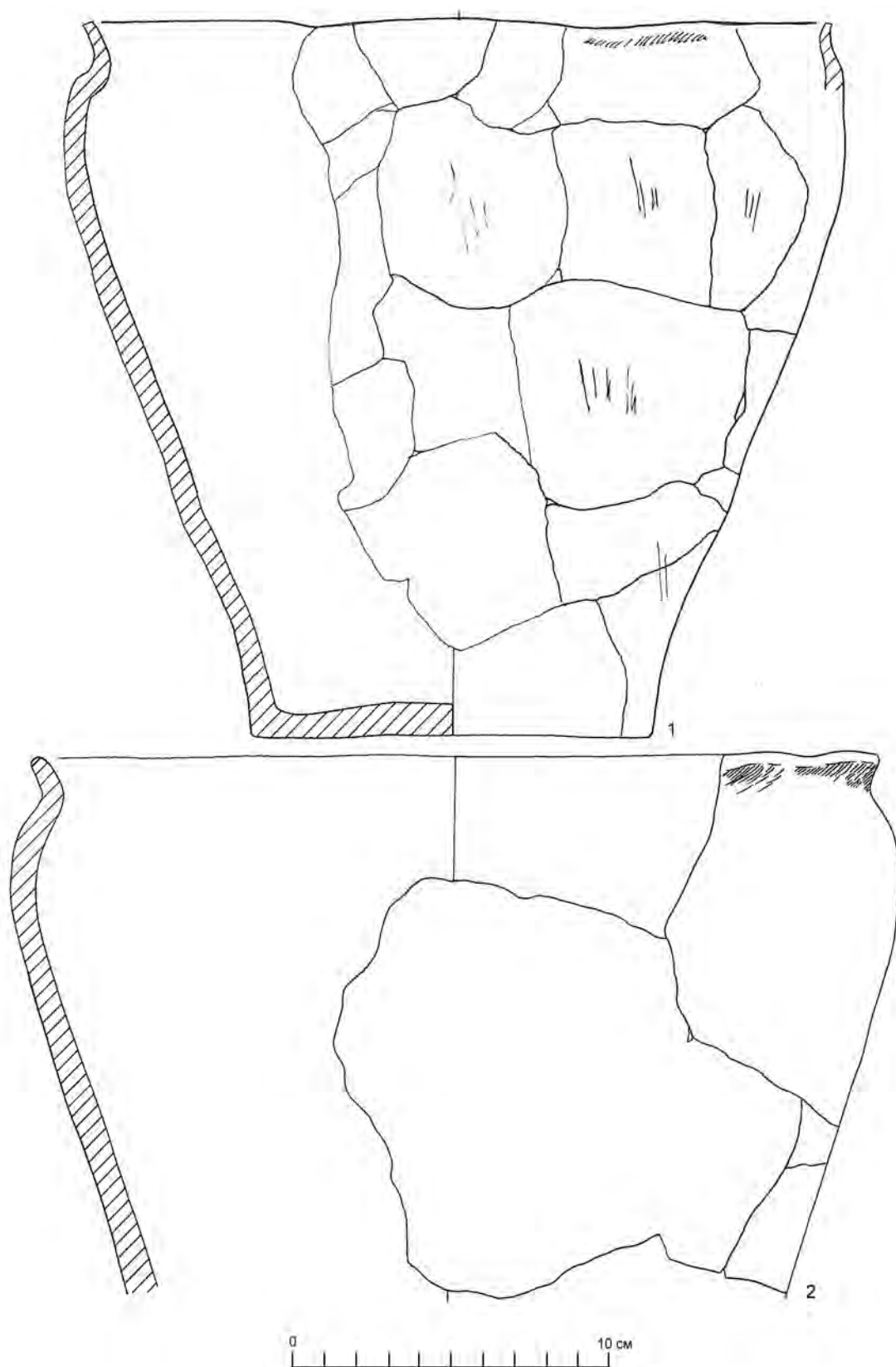

Рис. 172. Селище Весь 1. 1988 г. Лепная керамика: 1 — яма 2; 2 — пл. 3, кв. 41

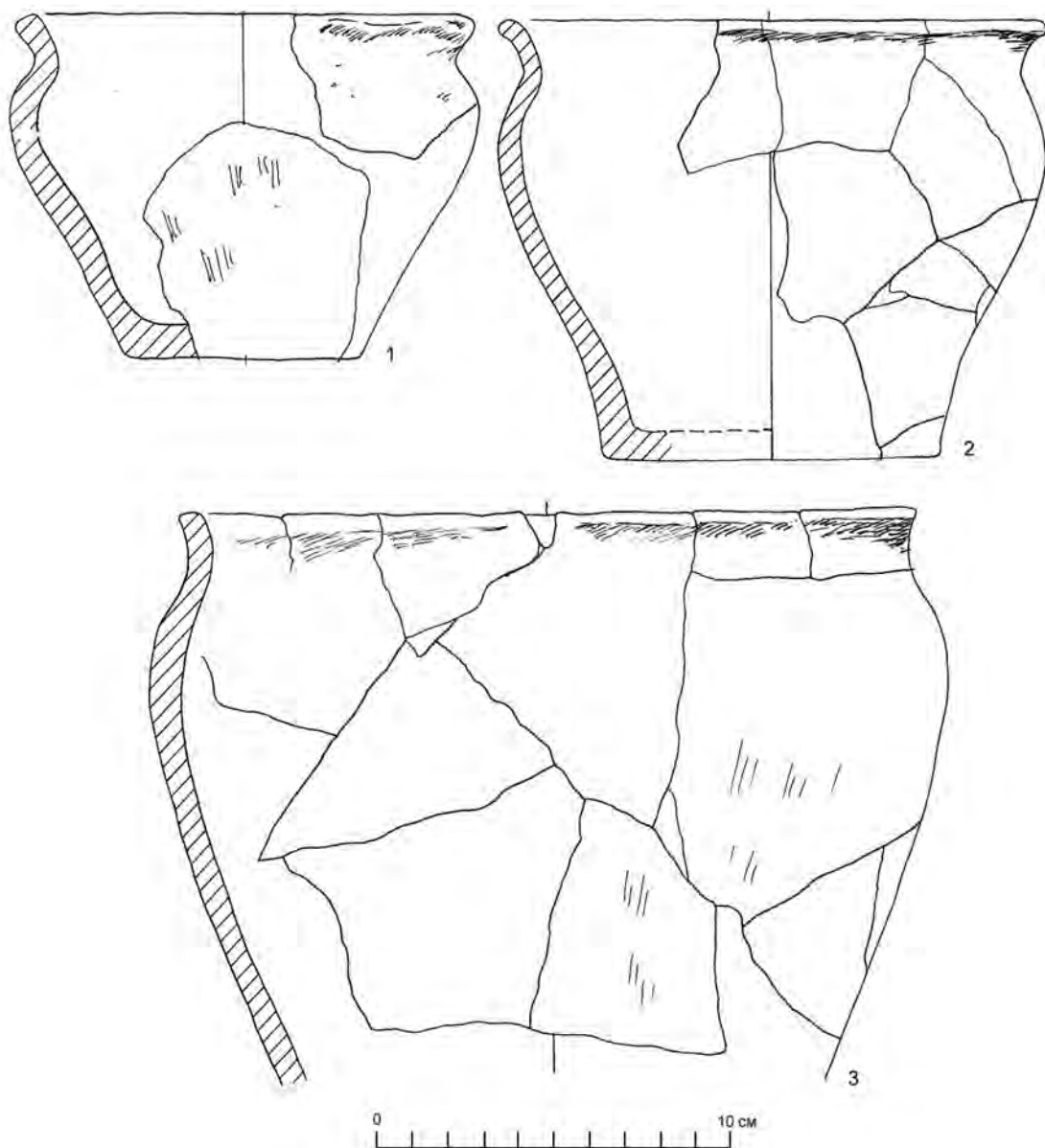

Рис. 173. Селище Весь 1. Лепная керамика: 1 — яма 6, 1987 г.; 2 — яма 5, 1987 г.; 3 — пл. 4, кв. 42, 1988 г.

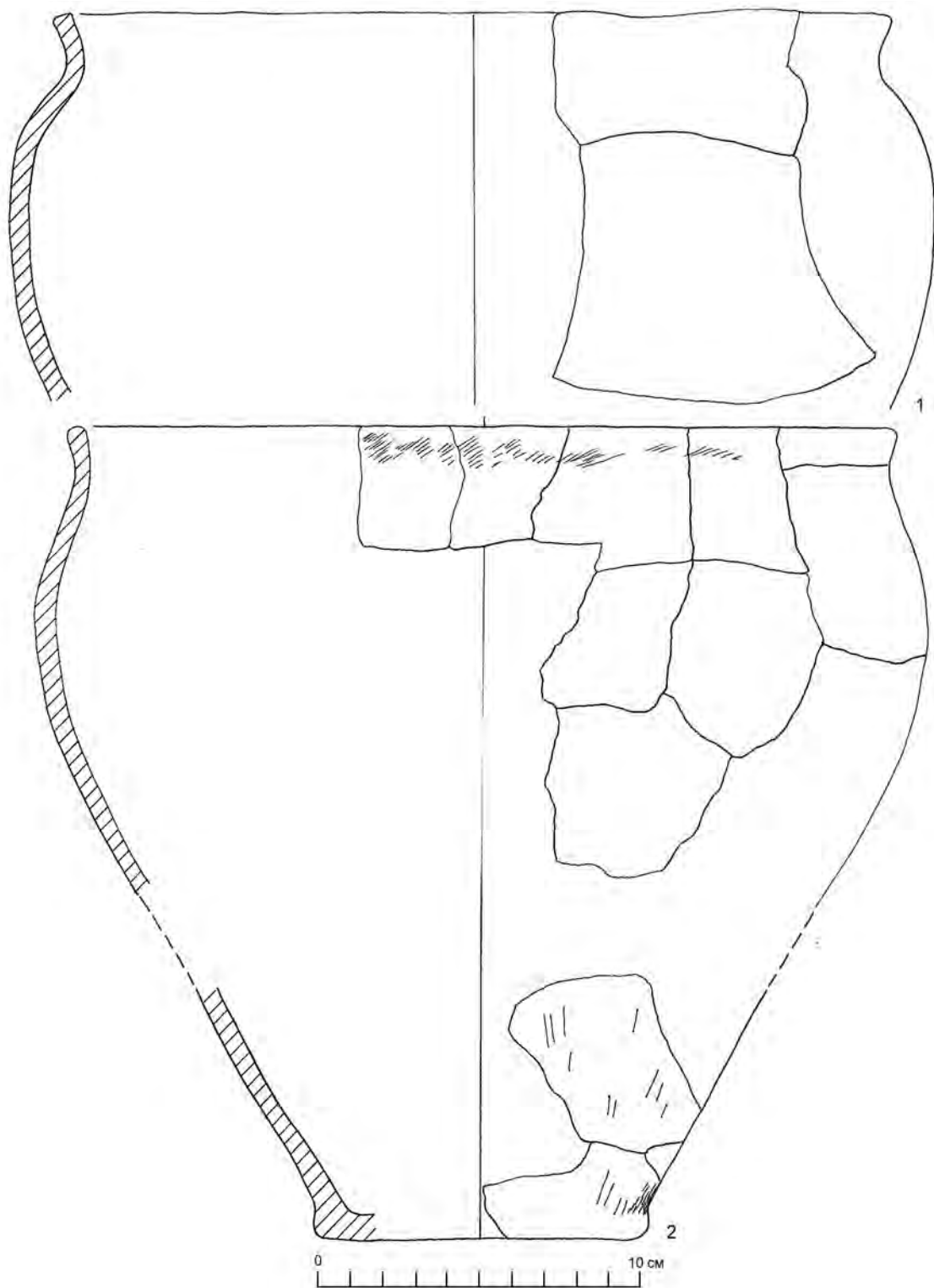

Рис. 174. Селище Весь 1. Лепная керамика: 1 — пл. 4, 1988 г.; 2 — пл. 3, кв. 19, 1987 г.

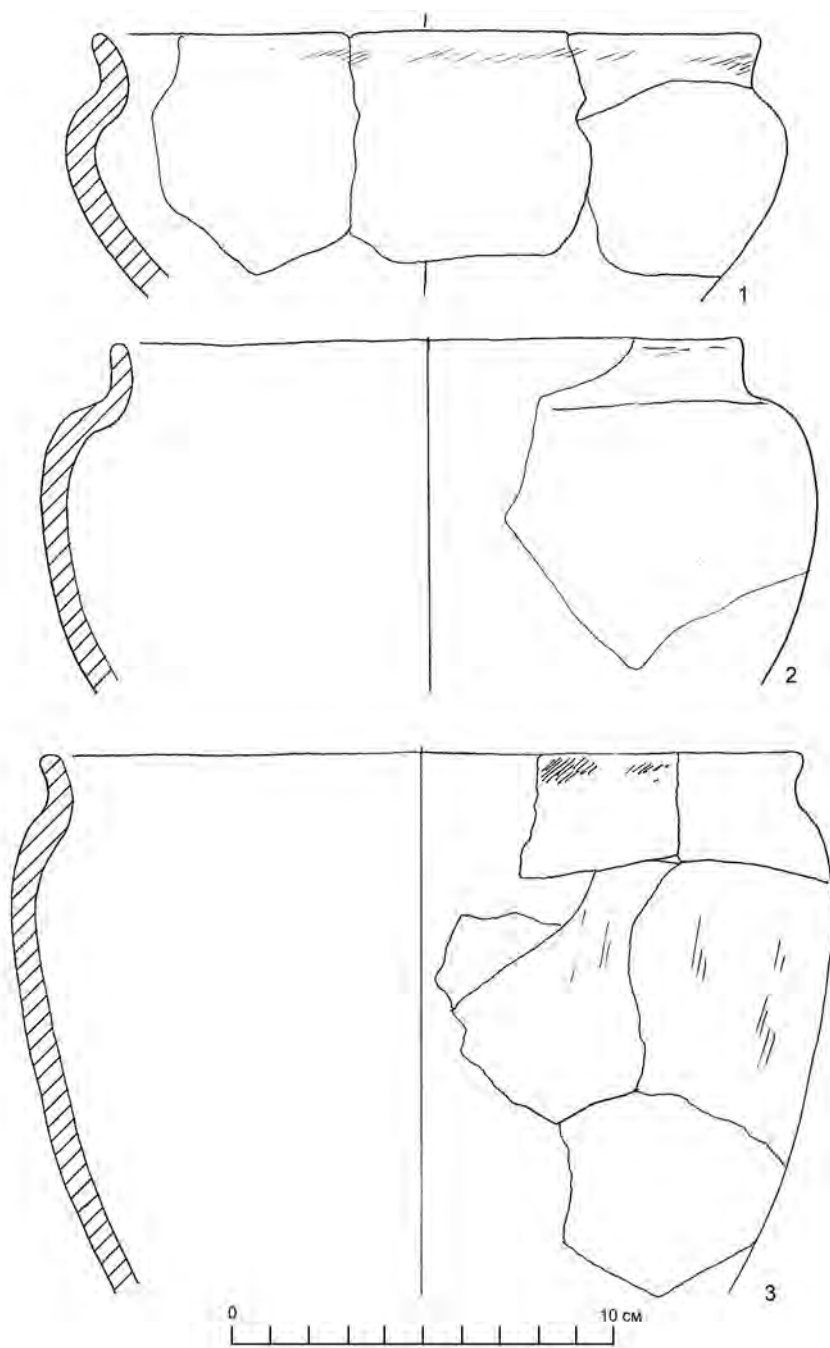

Рис. 175. Селище Весь 1. Лепная керамика: 1 — пл. 3, кв. 41, 1988 г.; 2 — 210/1986; 3 — пл. 3, 1987 г.

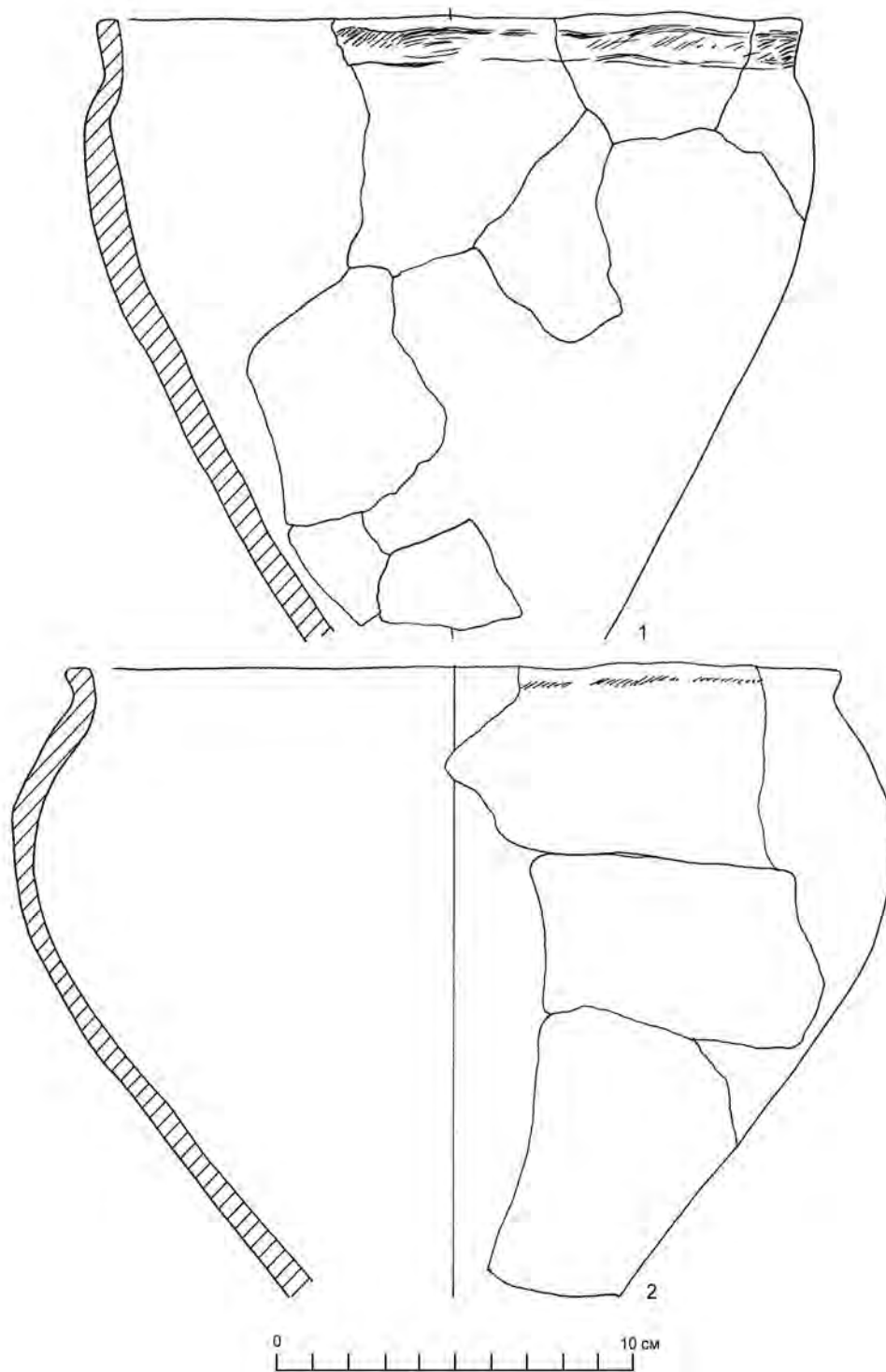

Рис. 176. Селище Весь 1. 1988 г. Лепная керамика: 1 — пл. 4, кв. 42; 2 — пл. 4, кв. 45

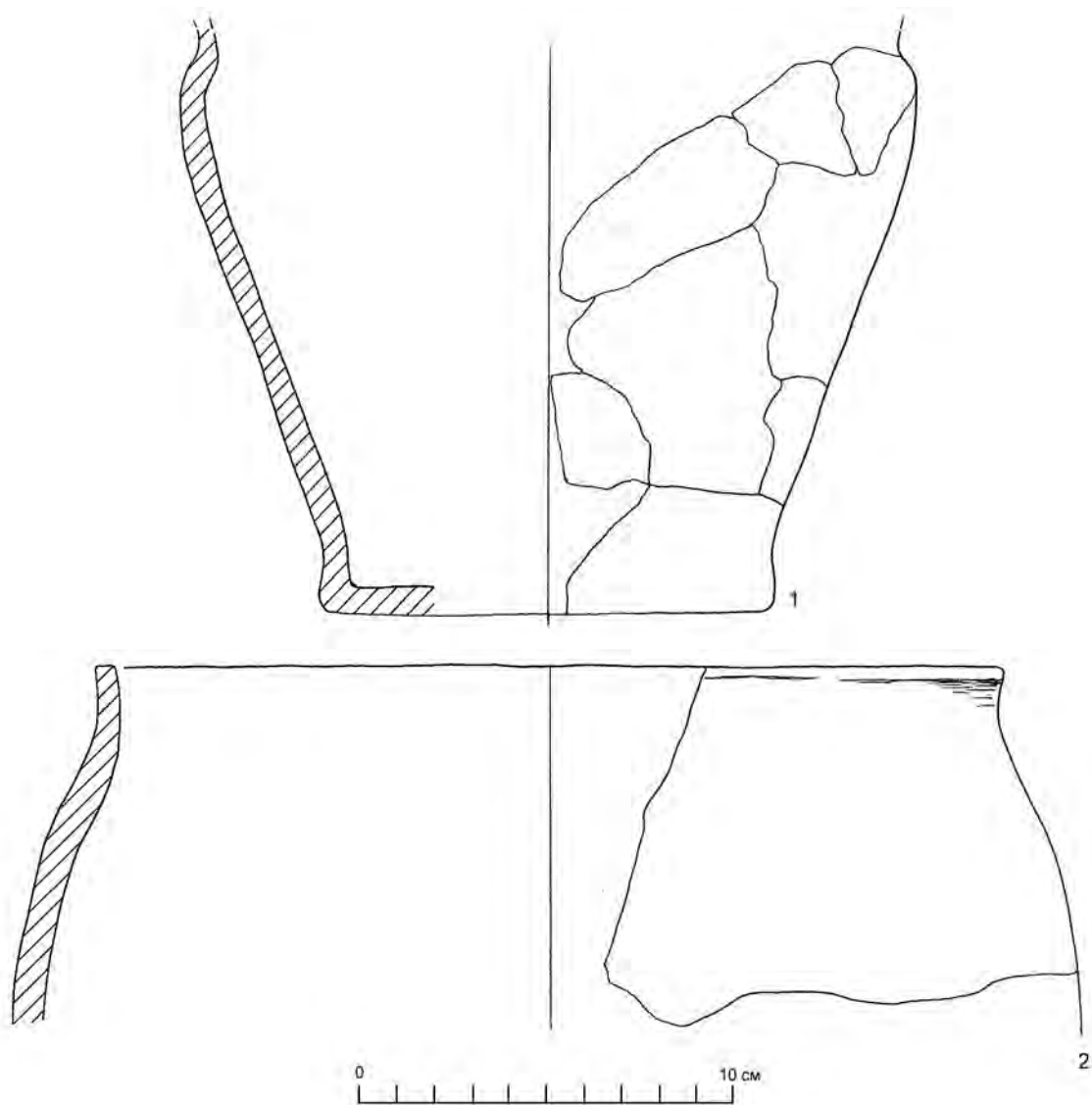

Рис. 177. Селище Весь 1. Лепная керамика: 1 — яма 2, 1988 г.; 2 — 255/1986

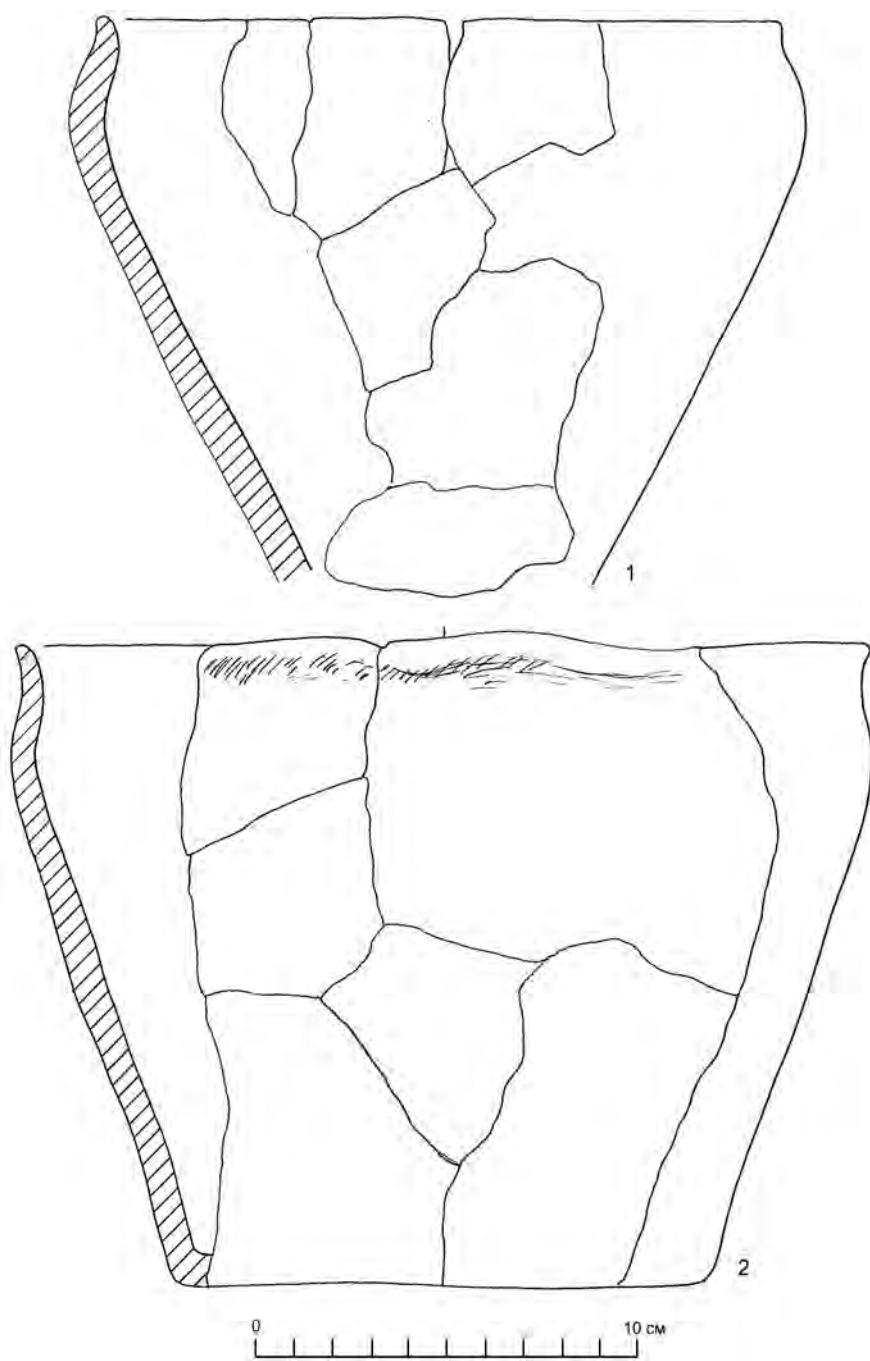

Рис. 178. Селище Весь 1. 1988 г. Лепная керамика: 1 — пл. 4, кв. 42; 2 — пл. 3, кв. 41

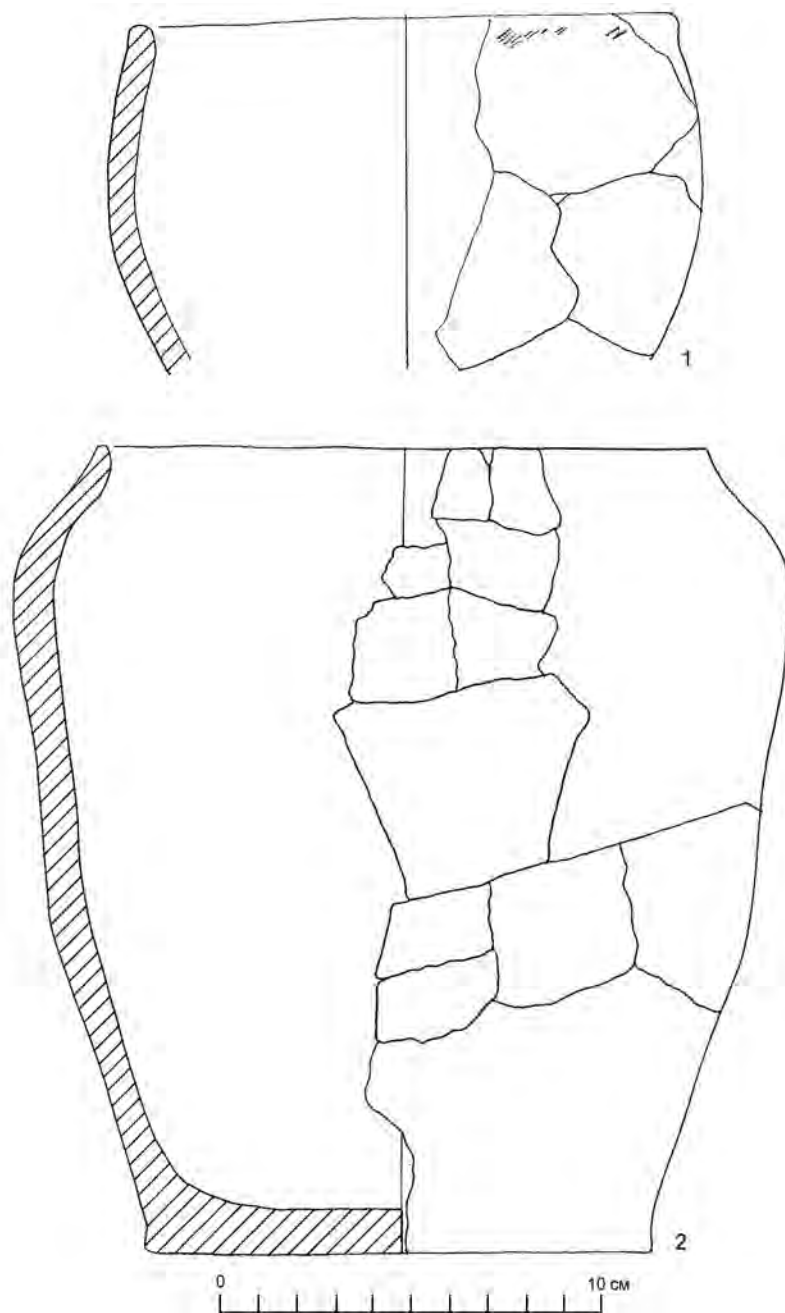

Рис. 179. Селище Весь 1. Лепная керамика: 1 — яма 3, 1986 г.; 2 — пл. 4, кв. 42, 1988 г.

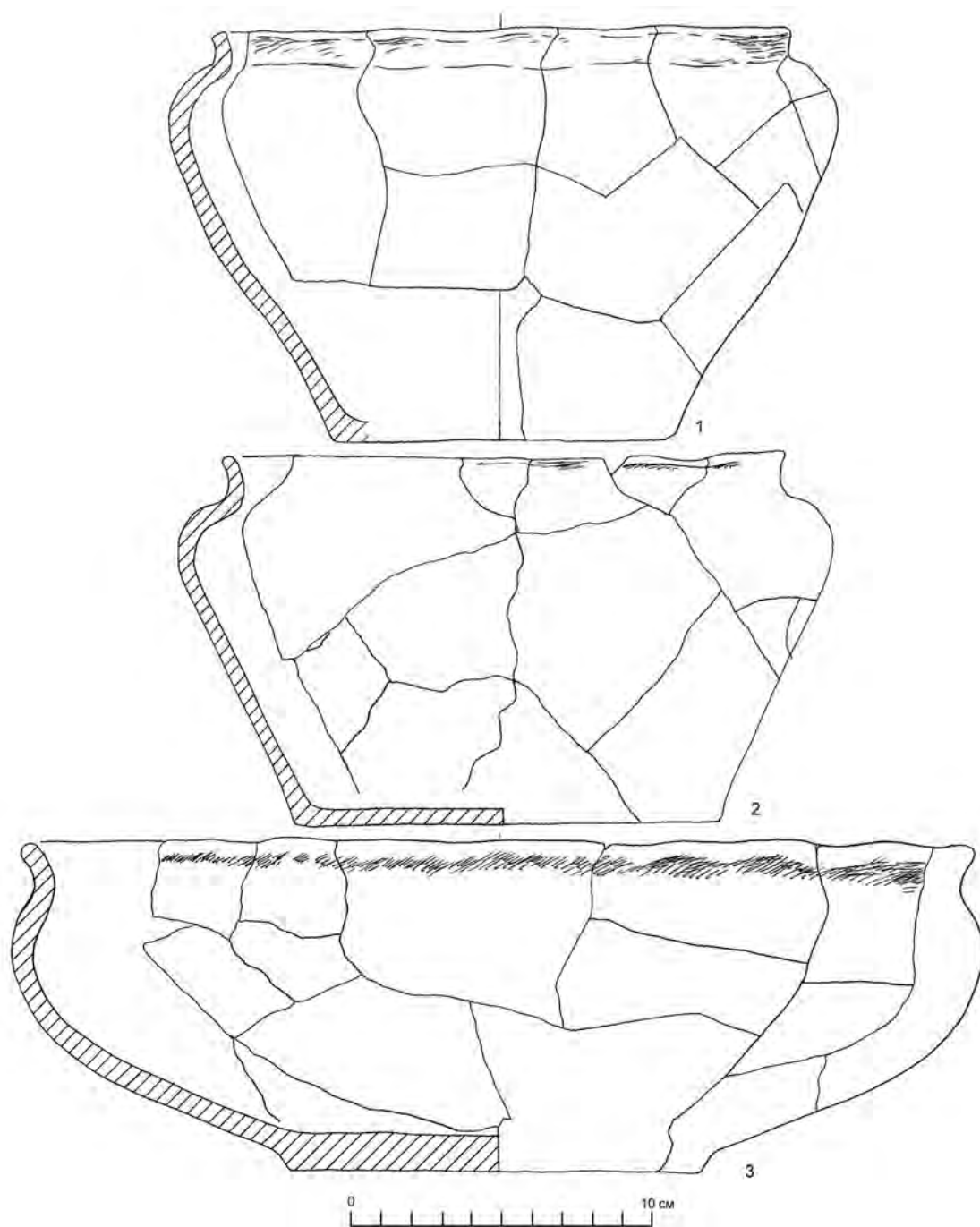

Рис. 180. Селище Весь 1. Лепная керамика: 1 — яма 3, 1987 г.; 2 — яма 6, 1988 г.; 3 — ?, 1988 г.

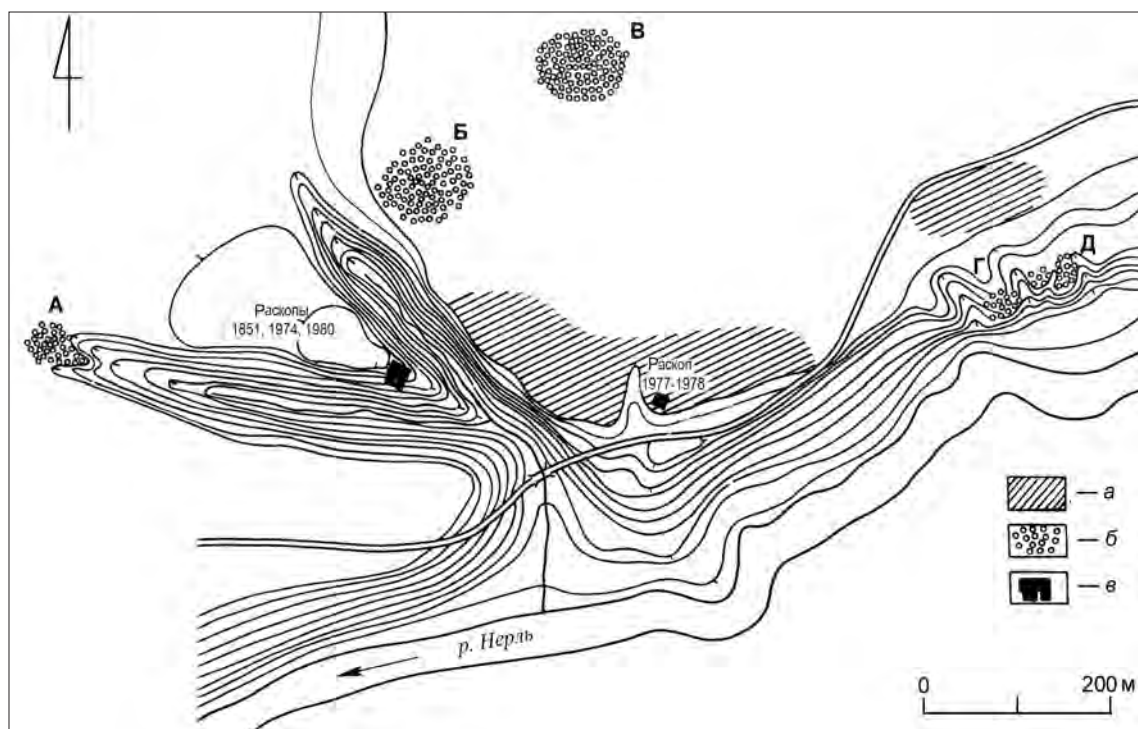

Рис. 181. План-реконструкция археологического комплекса у с. Васильково: а — культурный слой селищ; б — курганы (нанесены схематично); в — раскопы (по: Лапшин, Мухина 1988: рис. 1)

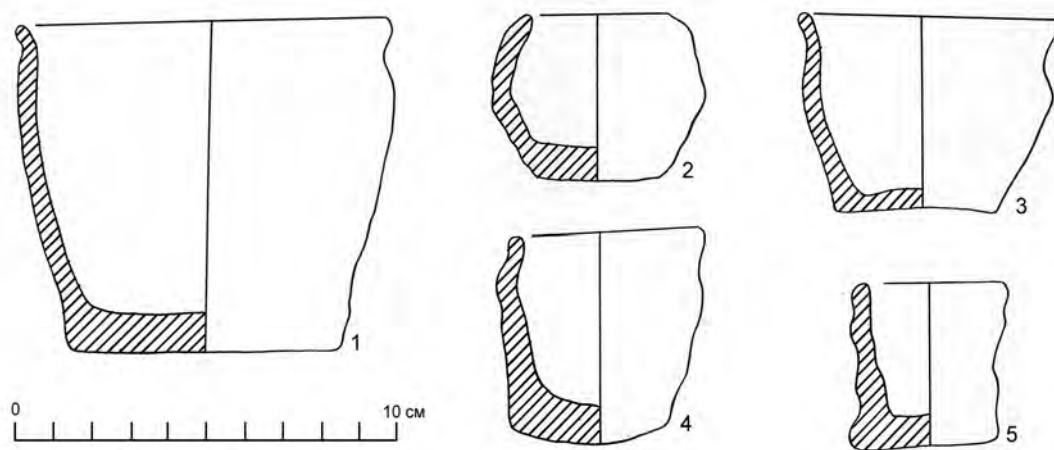

Рис. 182. Курганный могильник Васильково. Миниатюрные лепные сосуды из раскопок курганов 1851 г.

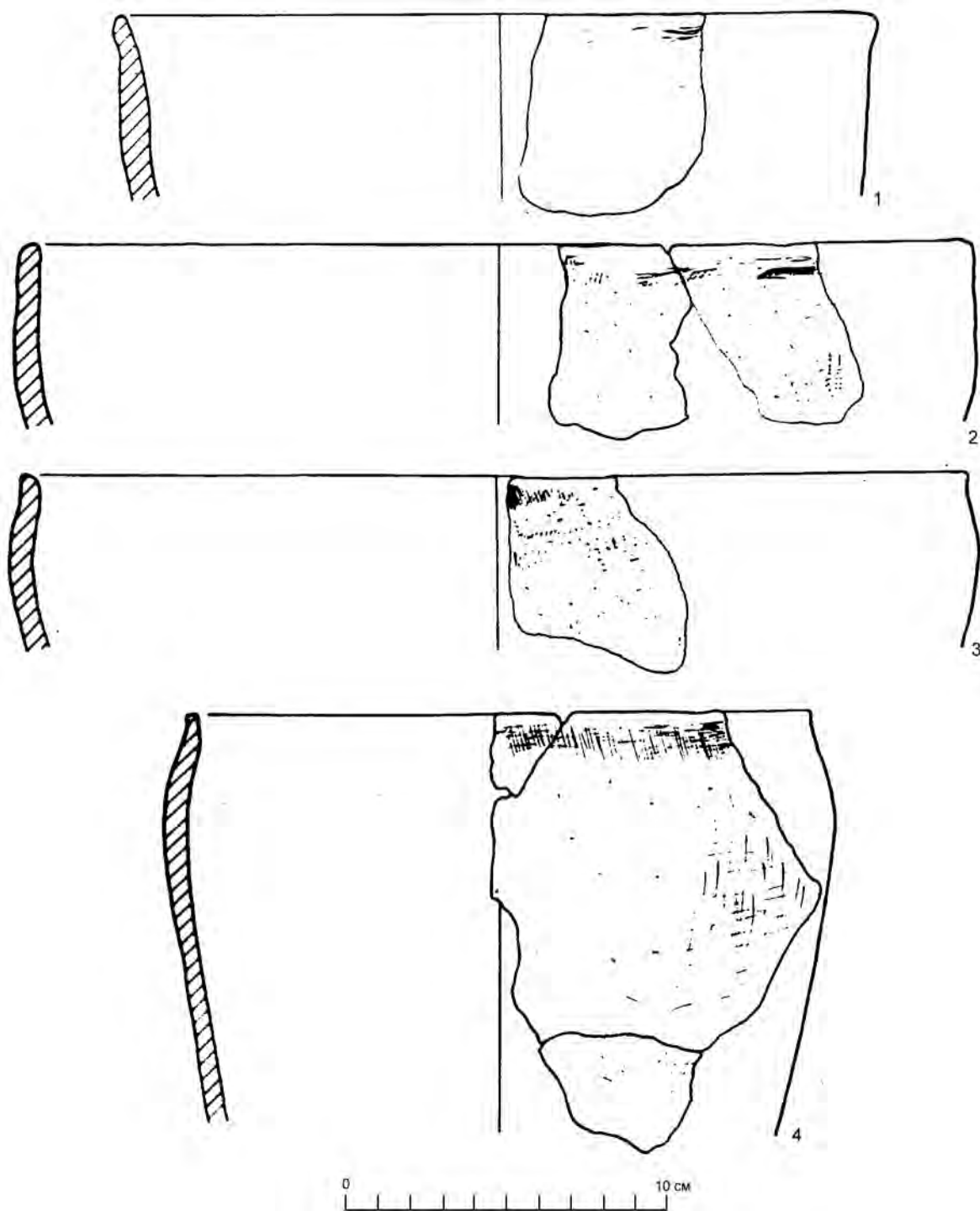

Рис. 183. Селище Васильково. Лепная керамика

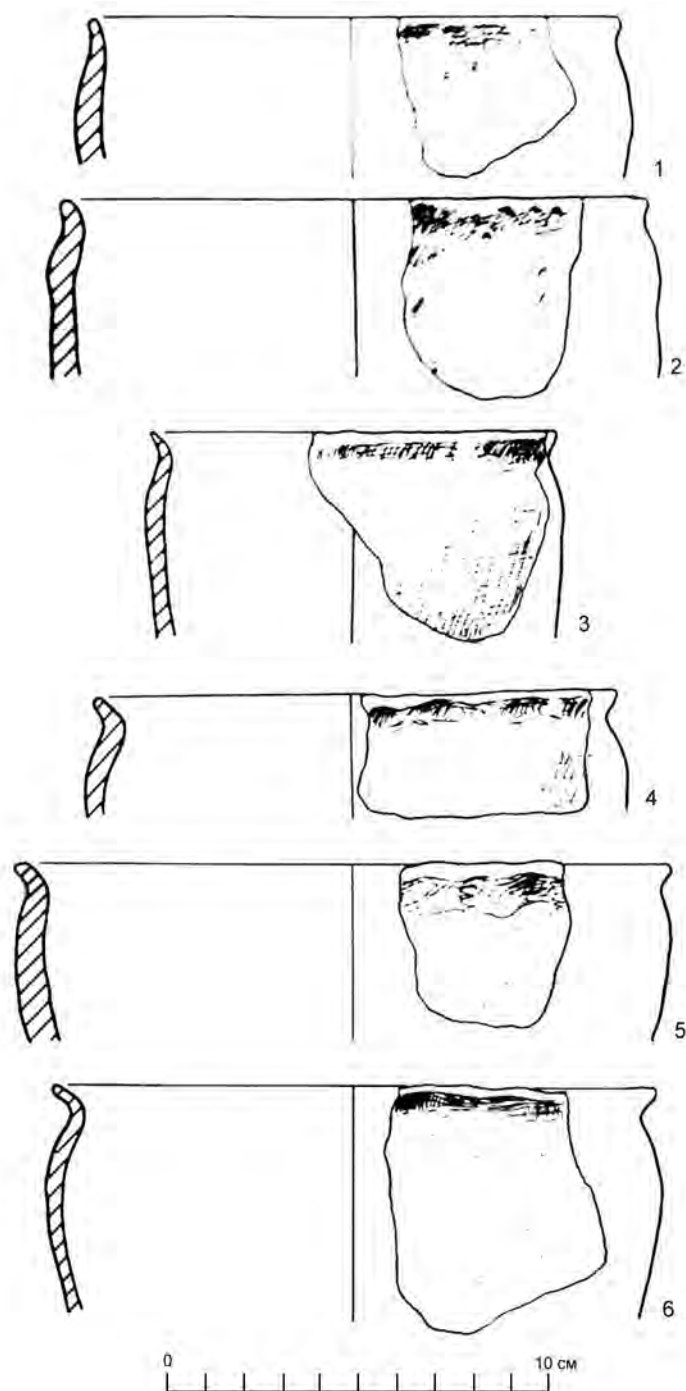

Рис. 184. Селище Васильково. Лепная керамика

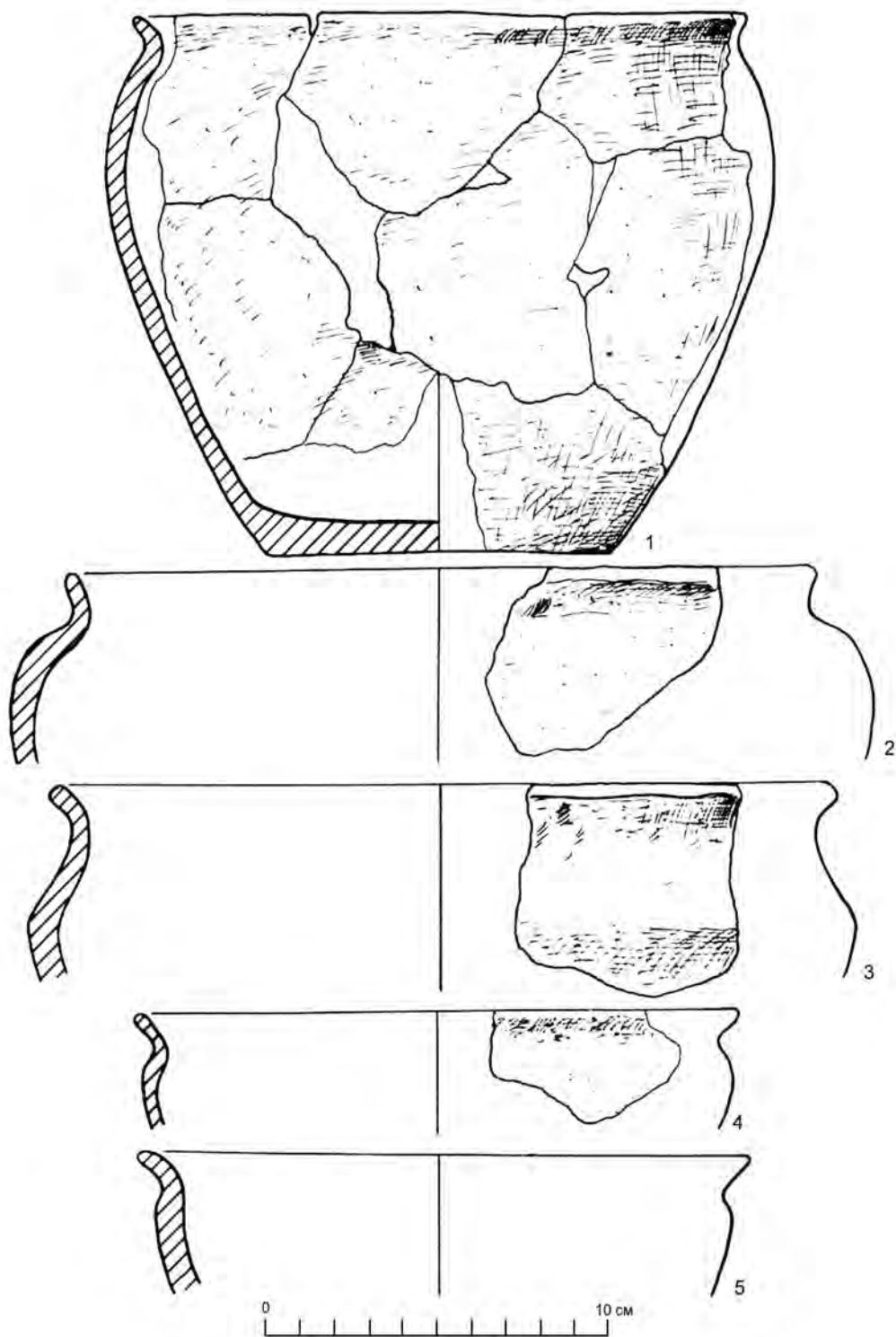

Рис. 185. Селище Васильково. Лепная керамика

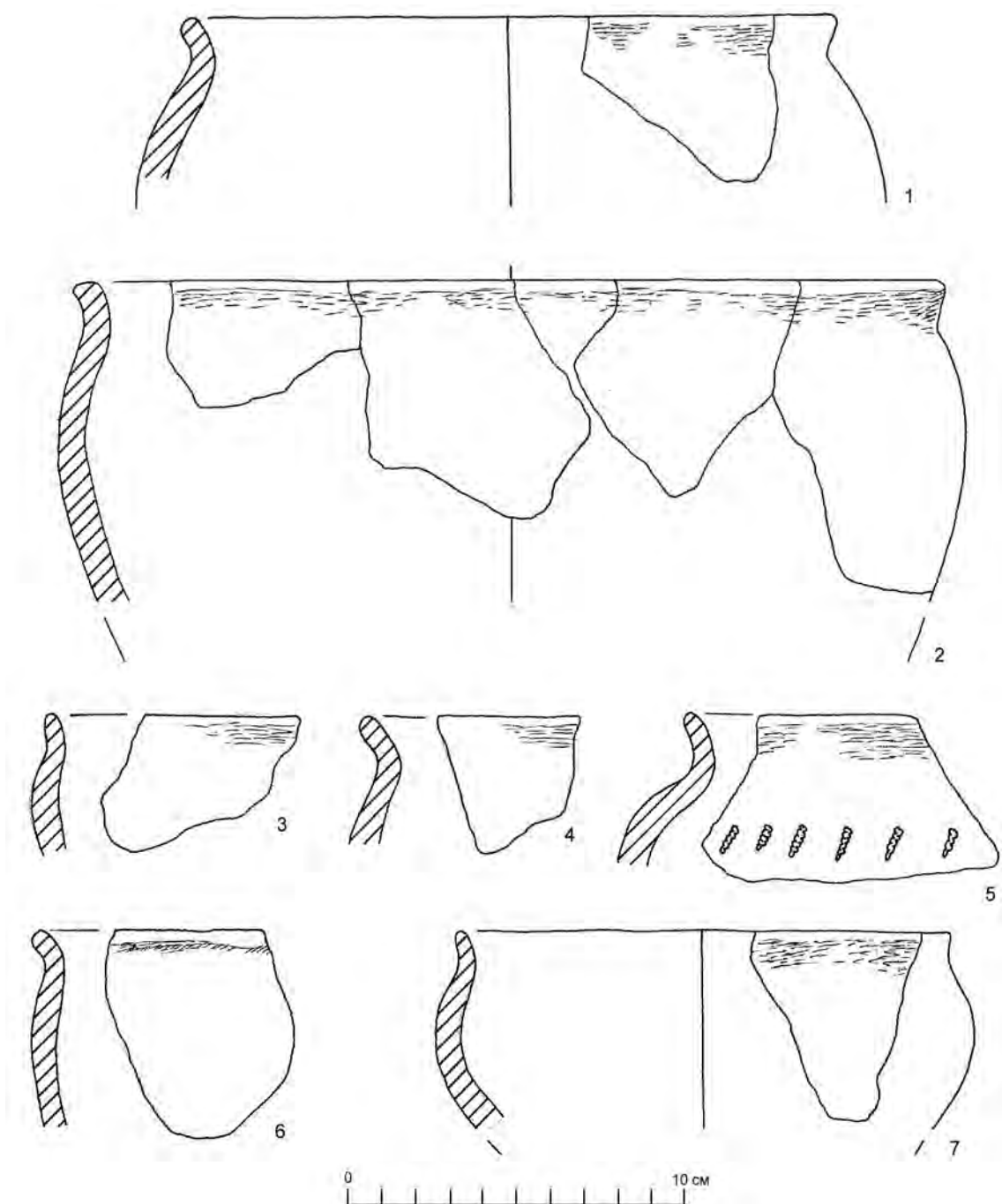

Рис. 186. Селище Сунгирь. Шурф 4-4а, 1954 г. Лепная керамика: 1 — 434; 2 — 362, 366, 369, 376; 3 — 441; 4 — 407; 5 — 454; 6 — ?; 7 — 372

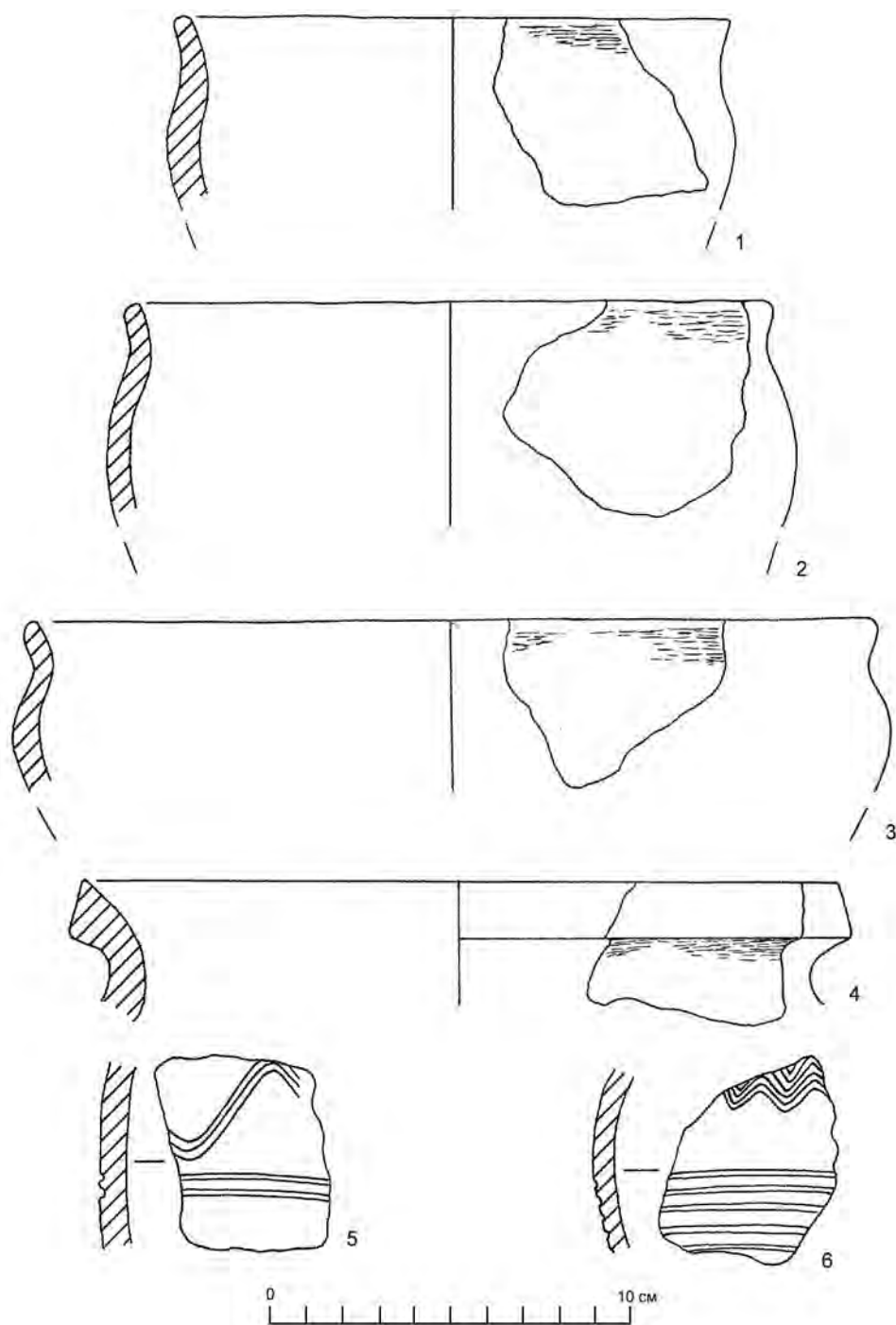

Рис. 187. Селище Сунгирь. Шурф 4-4а, 1954 г. Лепная (1 — 719; 2 — 368; 3 — 378) и круговая (4 — 457; 5 — 414; 6 — 417) керамика

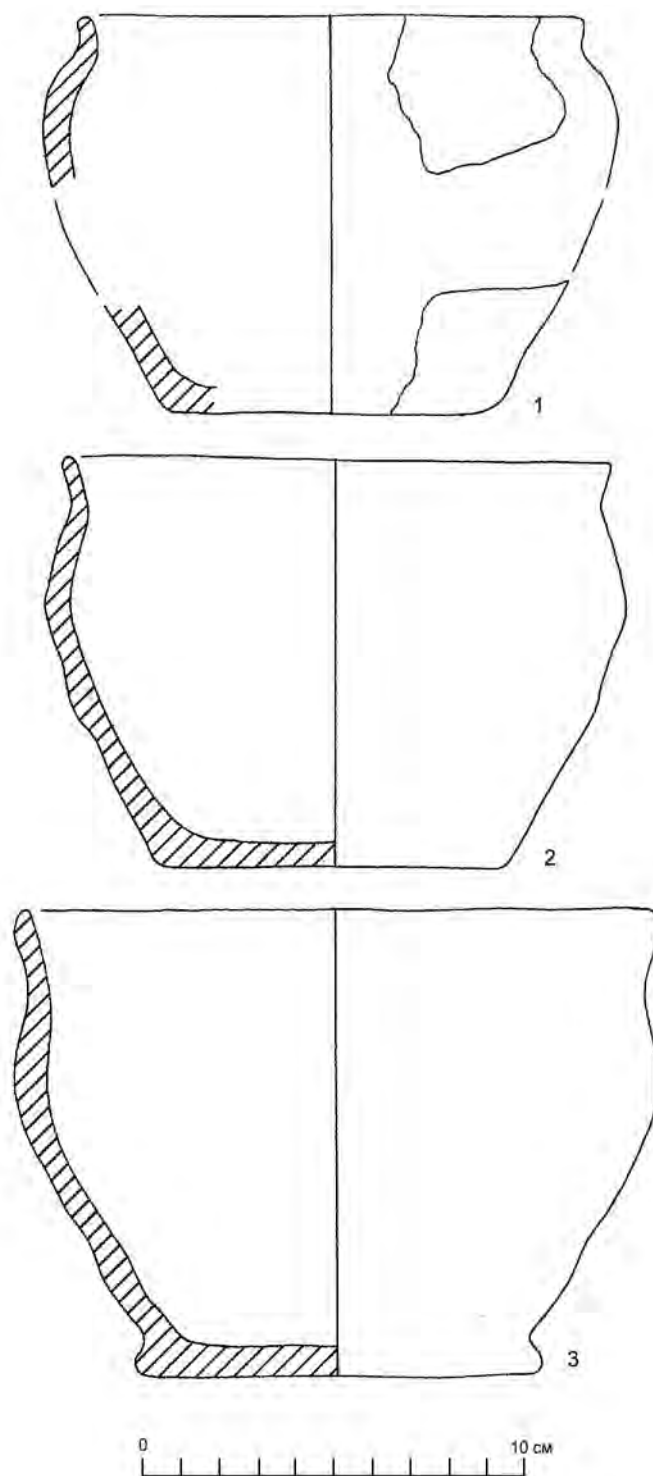

Рис. 188. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — подъем. мат., № 167; 2 — подъем. мат., № 6; 3 — погр. 15

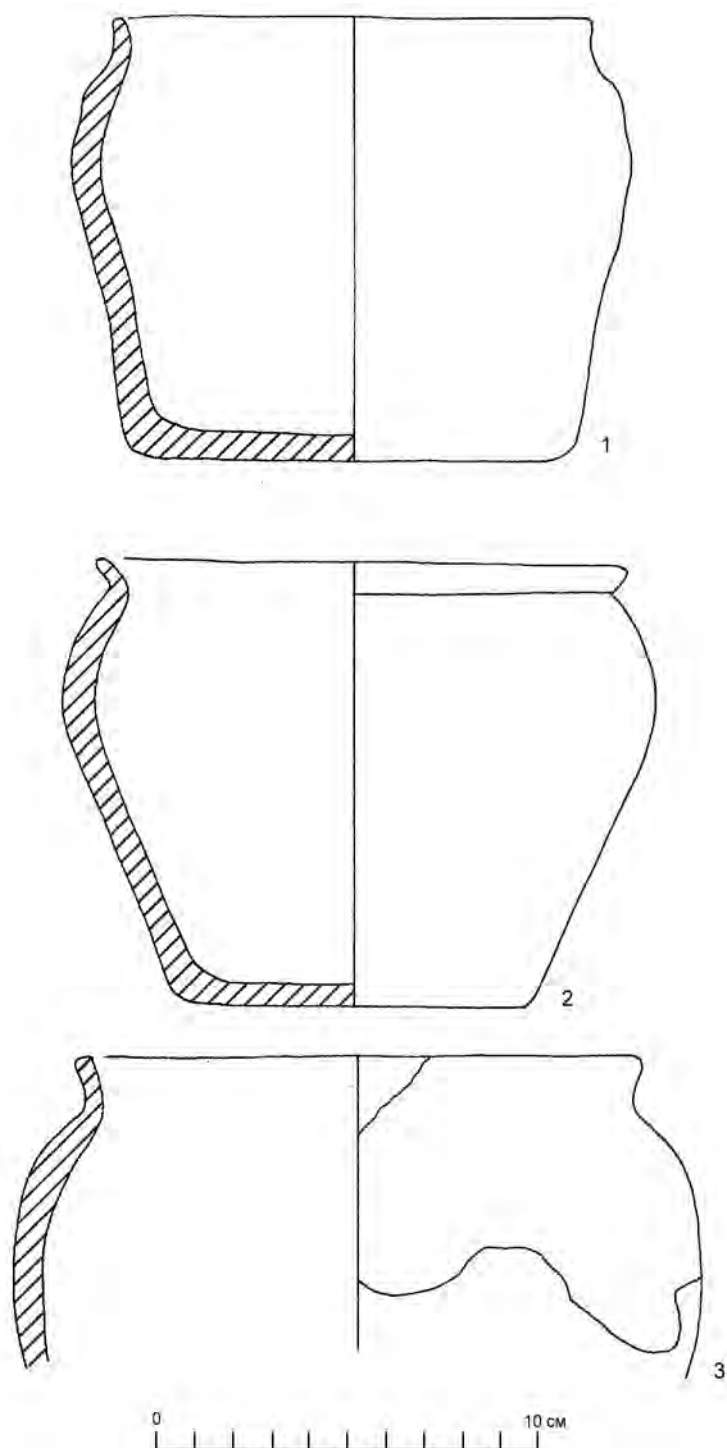

Рис. 189. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — погр. 4, № 6; 2 — погр. 7, № 2; 3 — подъем. мат., № 219

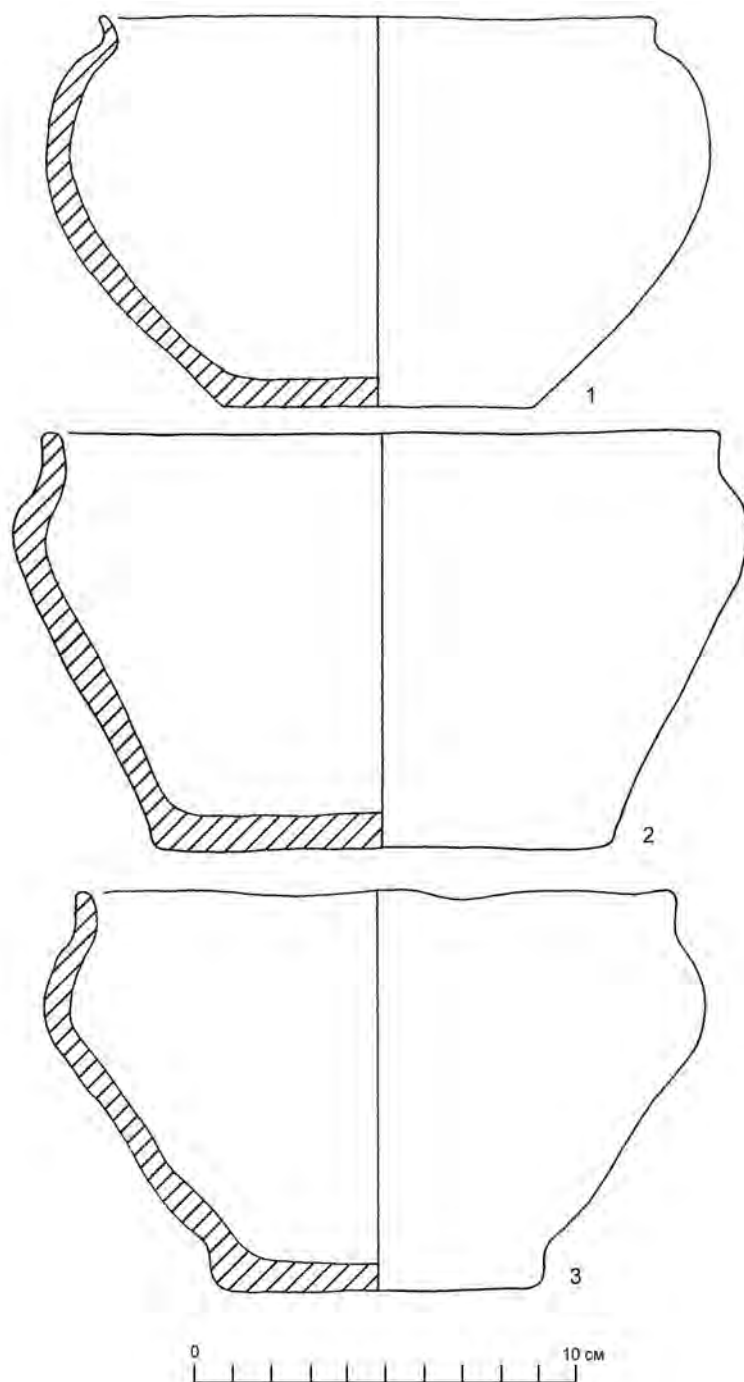

Рис. 190. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — подъем. мат., № 1; 2 — подъем. мат., № 220; 3 — подъем. мат.

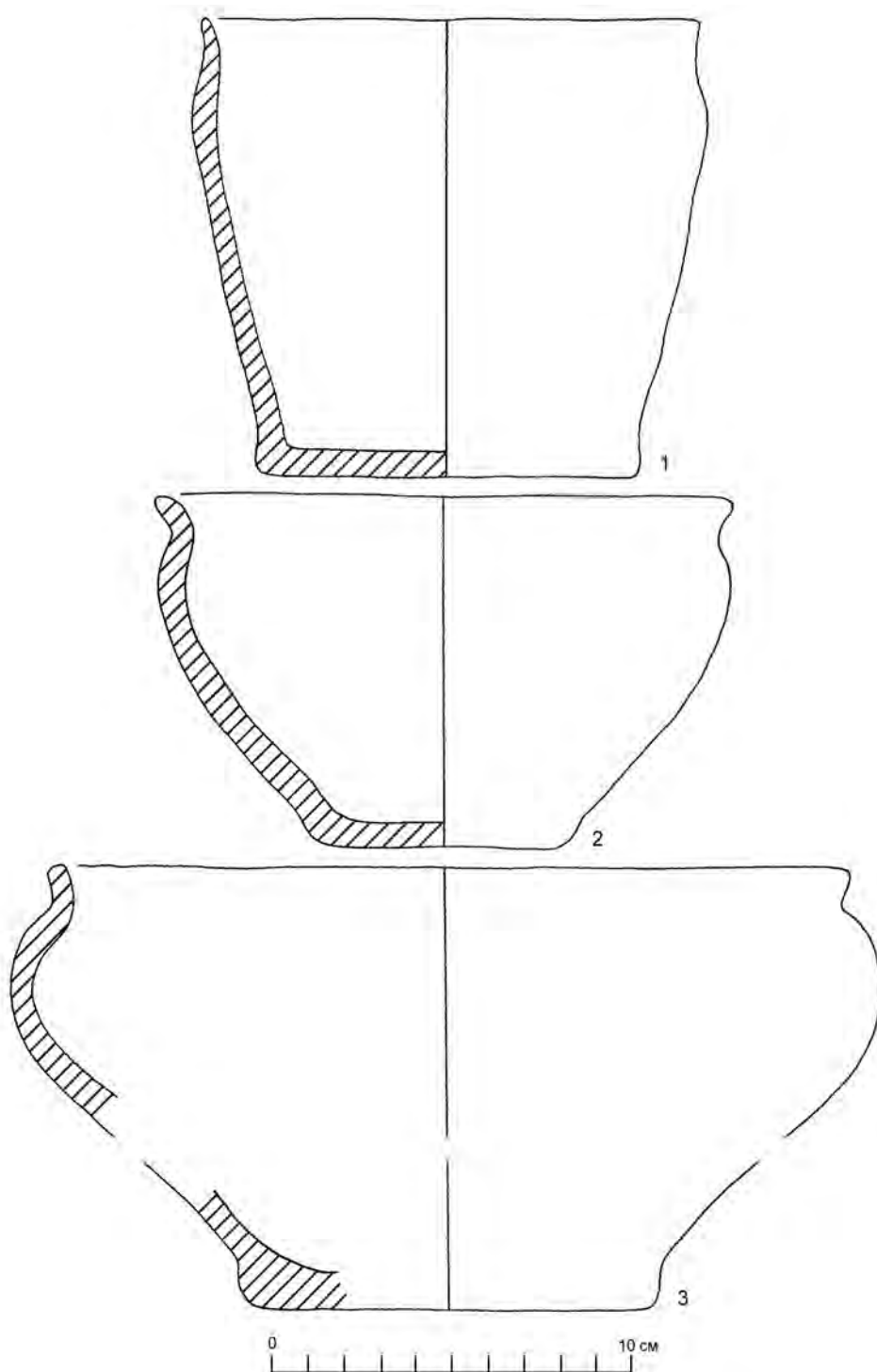

Рис. 191. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — подъем. мат.; 2 — подъем. мат., № 5; 3 — подъем. мат. № 212

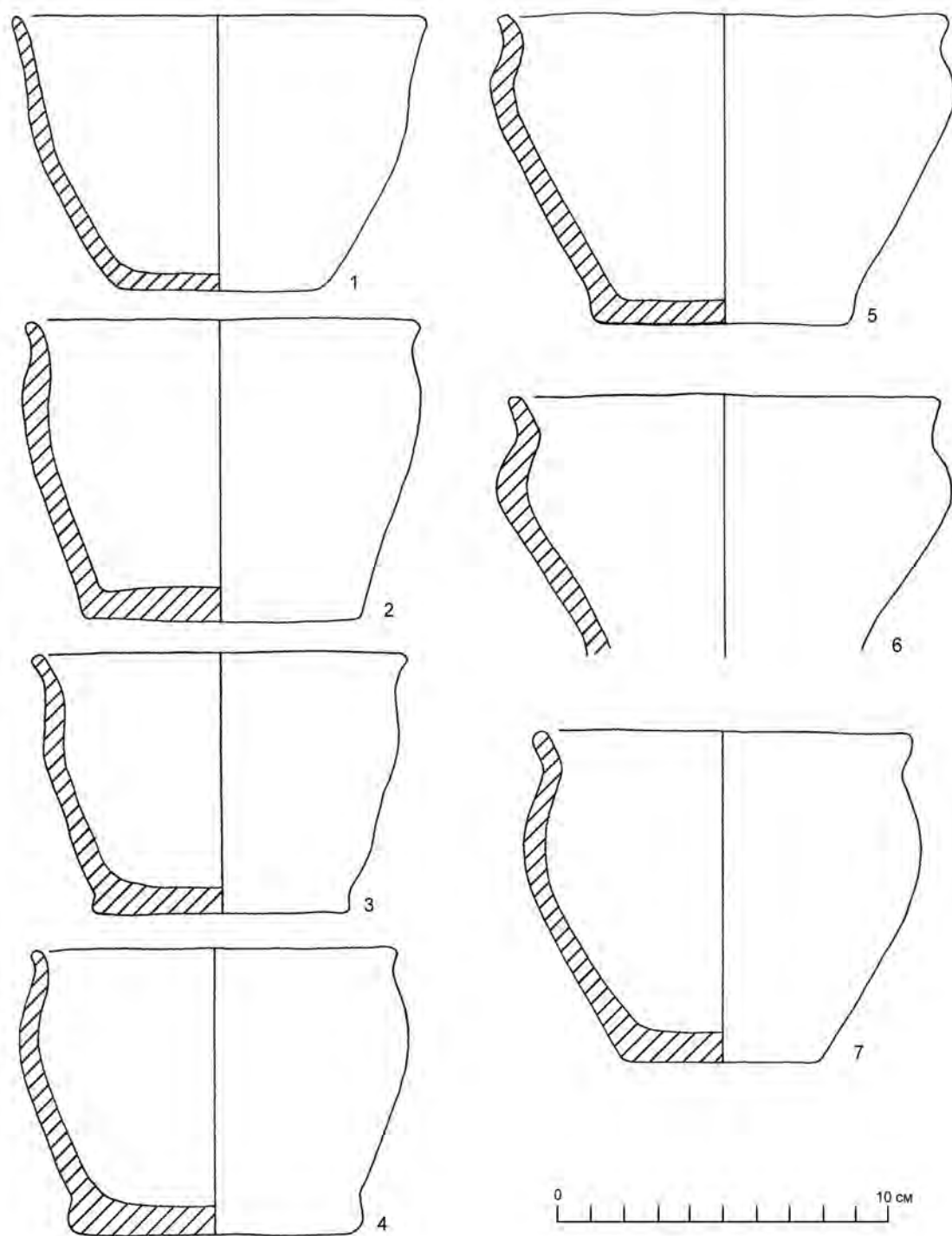

Рис. 192. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — погр. 1, № 1; 2 — погр. 1; 3 — подъем. мат., № 3; 4 — подъем. мат.; 5 — погр. 1; 6 — подъем. мат.; 7 — подъем. мат. № 16

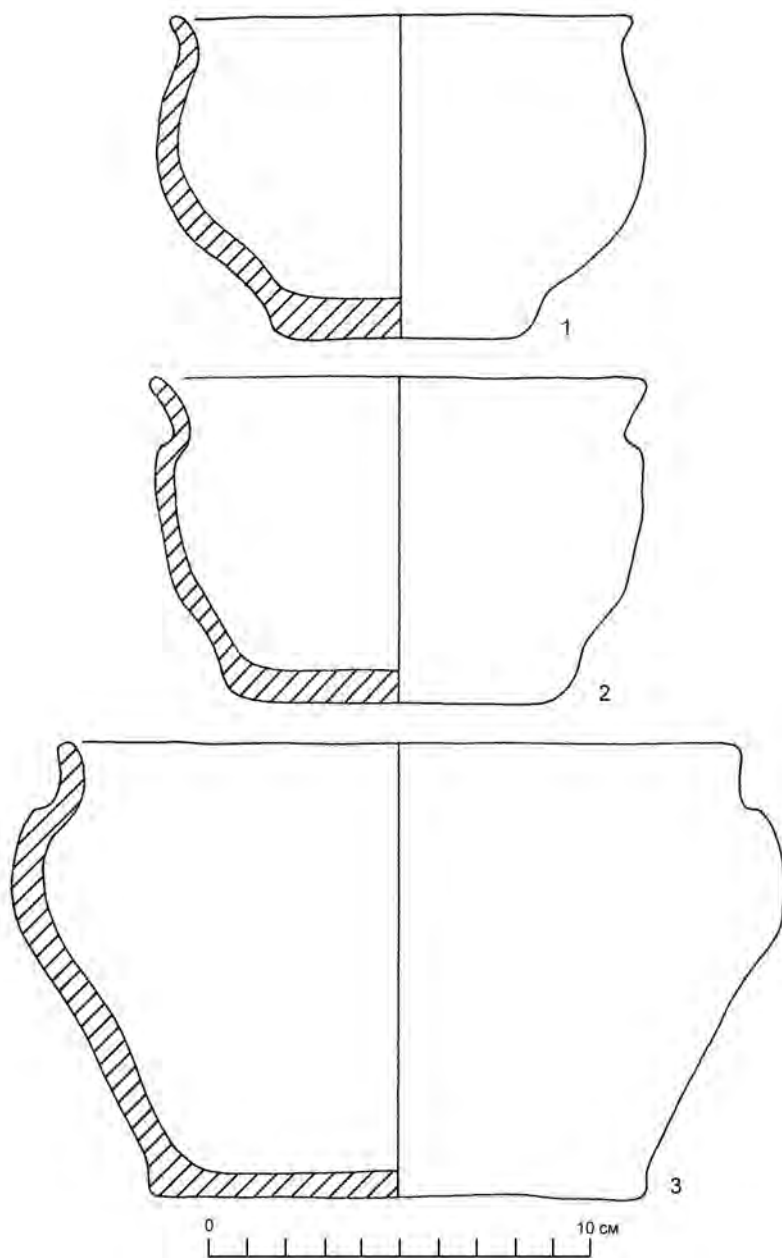

Рис. 193. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — подъем. мат., № 15; 2 — подъем. мат., № 4; 3 — подъем. мат., № 9

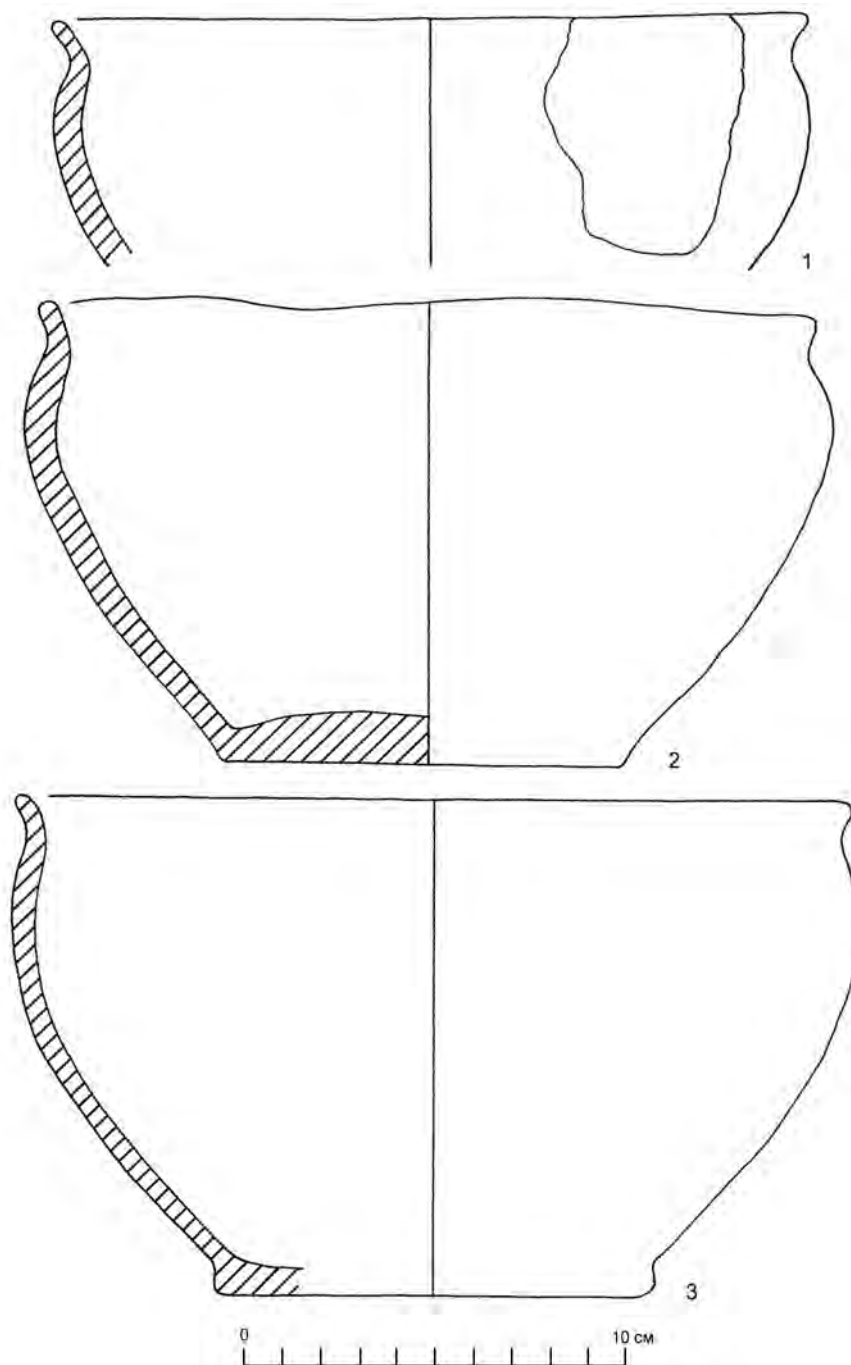

Рис. 194. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — подъем. мат., № 171; 2 — подъем. мат., № 12; 3 — подъем. мат. № 7

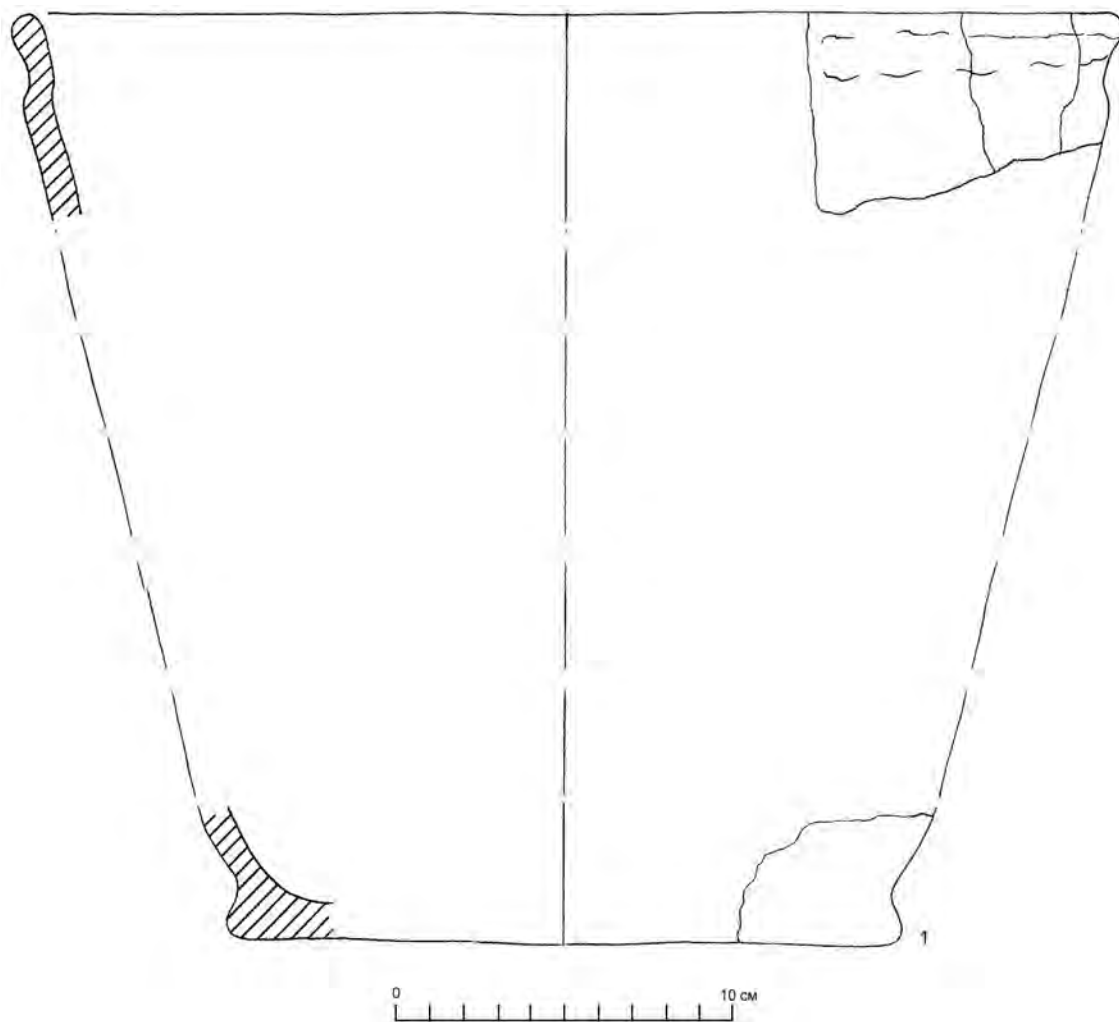

Рис. 195. Могильник Сунгирь. Лепная керамика: 1 — погр. 4, № 1

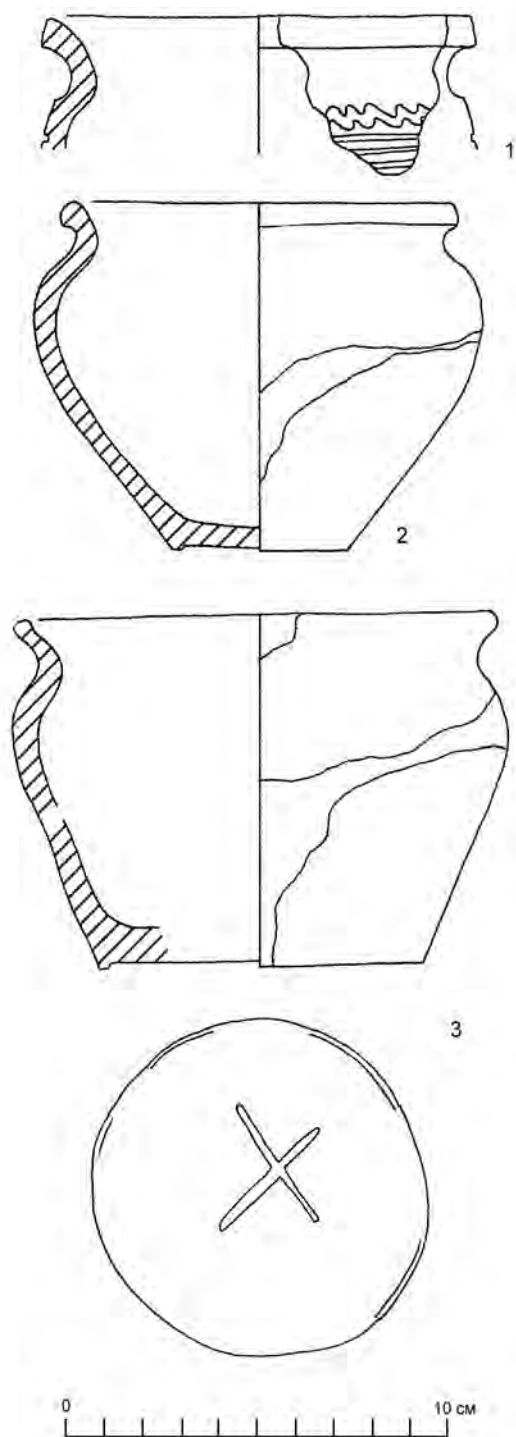

Рис. 196. Могильник Сунгирь. Круговая керамика: 1 — подъем. мат., № 209; 2 — подъем. мат., № 166; 3 — подъем. мат., № 161

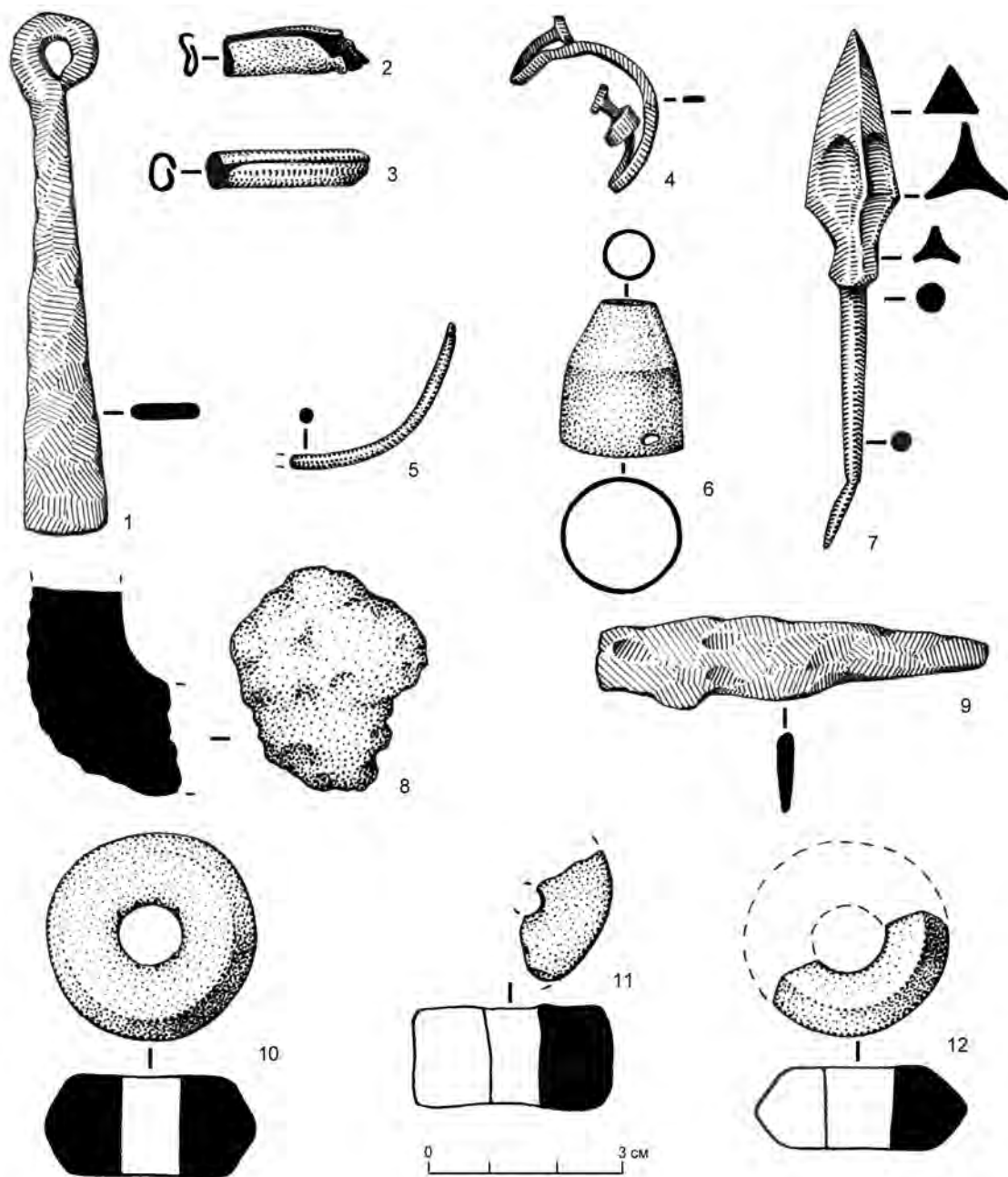

Рис. 197. Селище Кибол 1. Индивидуальные находки: 1 — кресало; 2, 3 — фрагменты трубочек; 4 — сюльгама; 5 — фрагмент украшения из проволоки; 6 — колокольчатая привеска; 7 — наконечник стрелы; 8 — тигля фрагмент; 9 — нож; 10-12 — пряслица. 1, 7, 9 — железо; 2-6 — цветной металл; 8, 10-12 — глина

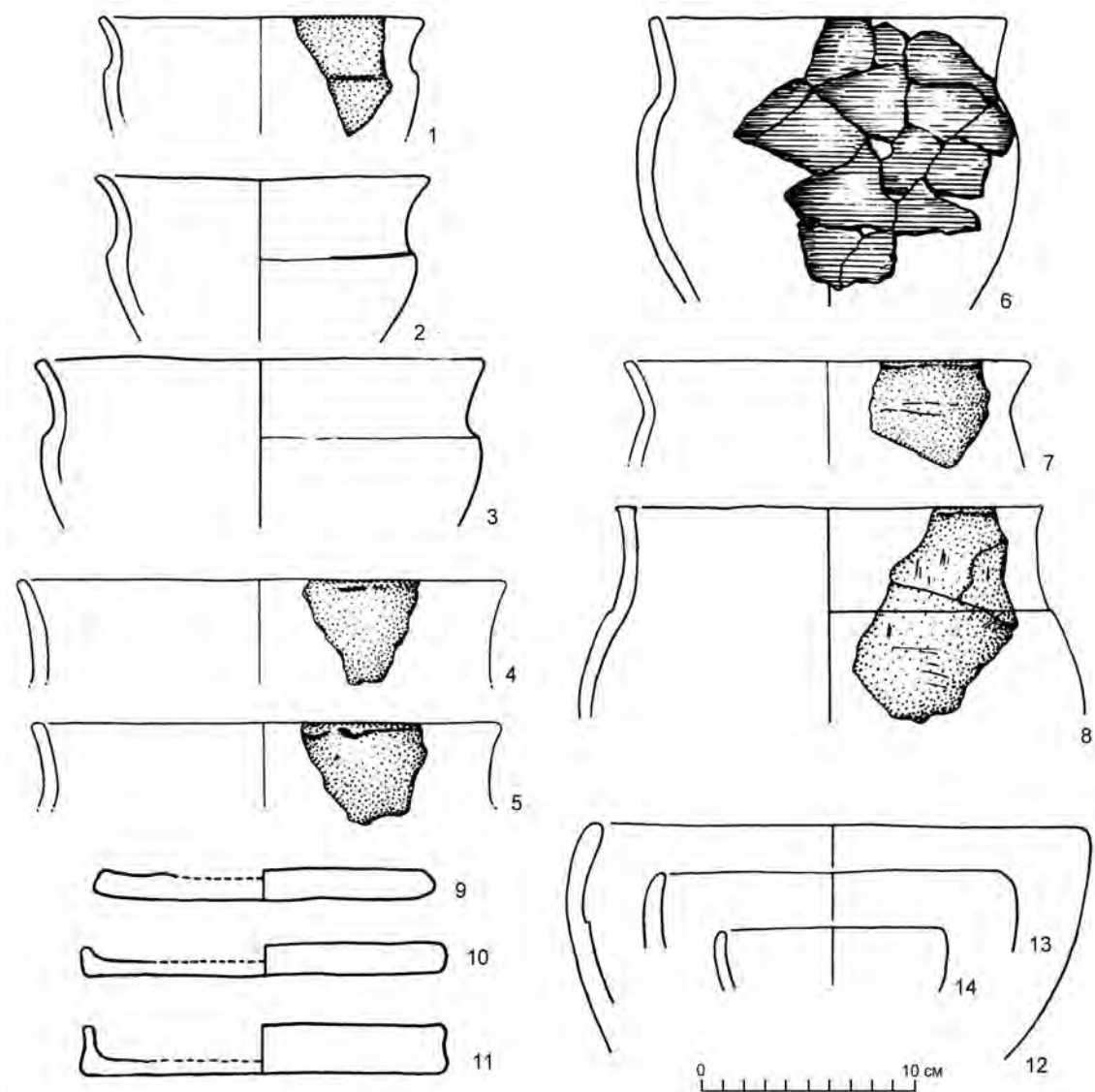

Рис. 198. Селище Кибол 1. Лепная керамика

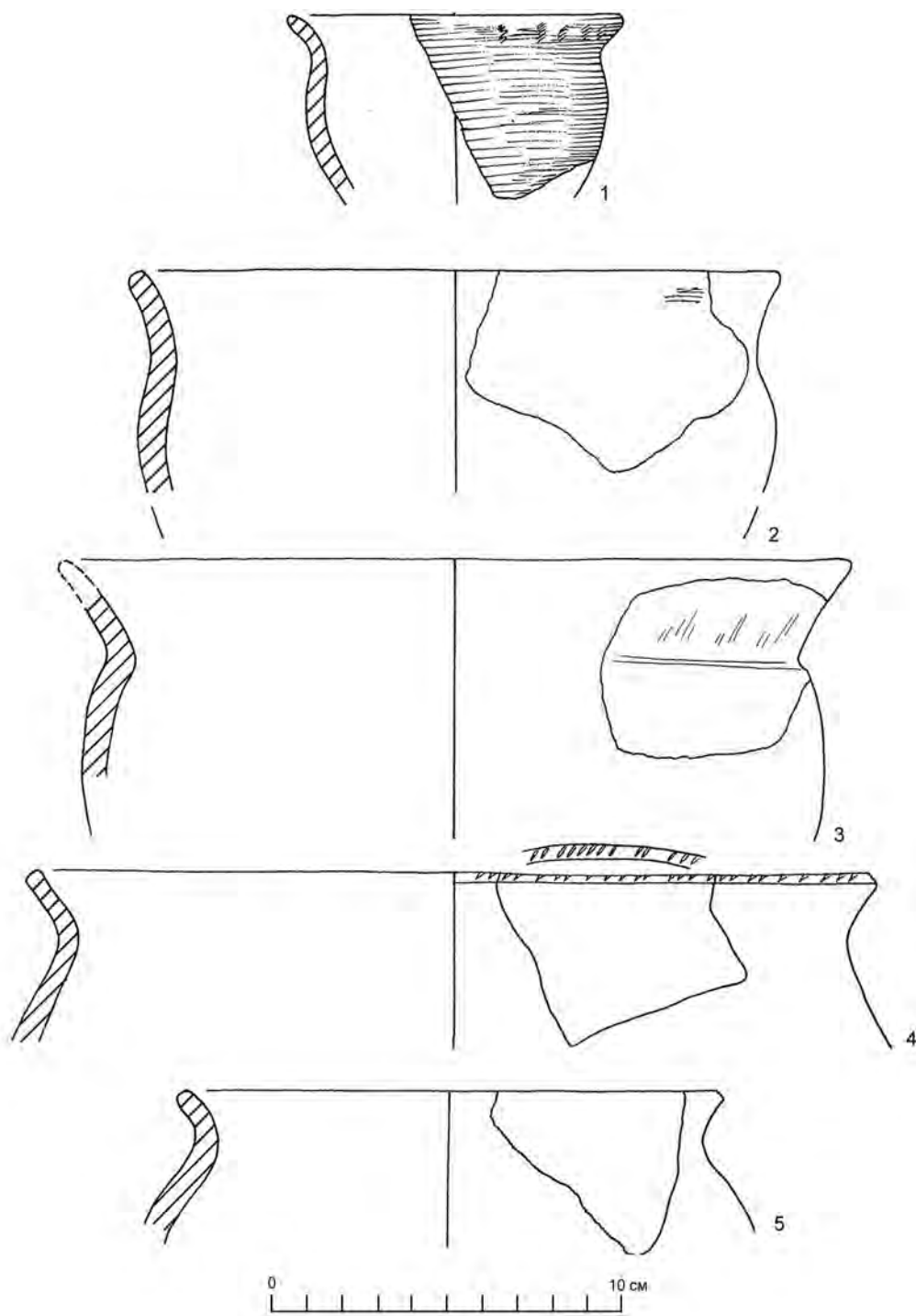

Рис. 199. Якиманское городище. Раскоп 1928 г. Лепная керамика: 1 — 743, чернolощеный; 2 — 1764; 3 — 354; 4 — 1214; 5 — 861

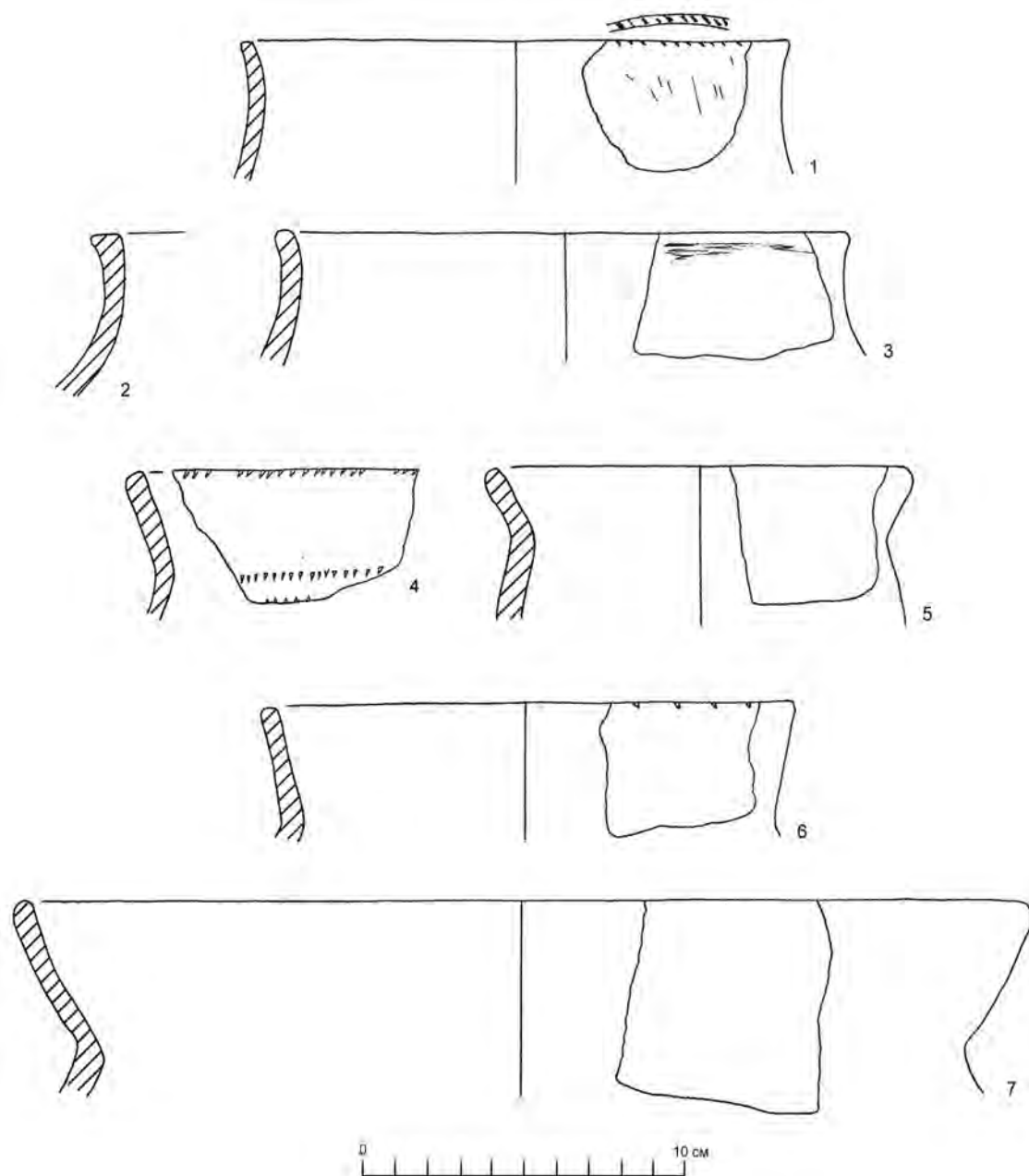

Рис. 200. Якиманское городище. Раскоп 1928 г. Лепная керамика: 1 — 1984; 2 — 702; 3 — 709; 4 — 708; 5 — 1843; 6 — 1274; 7 — 466

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Авдусин 1972 — Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М.: Высшая школа, 1972. 344 с.
- АКР 1995 — Археологическая карта России: Владимирская область. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.
- Акты 1951 — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1. М.: АН СССР, 1951. 401 с.
- Акты 1964 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М.: АН СССР, 1964. 688 с.
- Александровский 2016 — Александровский А. Л. Почвы городища Васильково // Кренке Н. А., Ершов И. Н. Городище Васильково на реке Нерль // РА. 2016. № 1. С. 46–49.
- Алешинская и др. 2008 — Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в Средневековье // РА. 2008. № 1. С. 35–47.
- Алешинская и др. 2014 — Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д. Антропогенные изменения ландшафтов в окрестностях средневековых поселений: палинологический аспект // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 352–361.
- Андрощук 1999 — Андрощук Ф. А. К датировке скандинавских фибул типа Petersen-51 // Vita Antiqua. 1999. № 1. С. 89–94.
- Андрощук 2013 — Андрощук Ф. А. Мечи викингов. Київ: Простір, 2013. 712 с.
- Анучин 1886 — Анучин Д. Н. Граф Алексей Сергеевич Уваров. Биографический очерк // Труды VI Археологического съезда. Т. 1. Одесса, 1886. С. III–XX.
- Ардашев 1911 — Ардашев Н. Н. Граф А. С. Уваров как теоретик археологии. М.: Тип. Общ-ва распространения полезных книг, преемник В. И. Воронов, 1911. 16 с.
- Археологические разыскания 1854 — Археологические разыскания во Владимирской и Ярославской губерниях // Северная пчела. 1854. № 191.
- Архипов 1973 — Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. 196 с.
- Арциховский 1934 — Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11–12. С. 35–60.
- Ахмедов 2018 — Ахмедов И. Р. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2018 (Раннеславянский мир; Вып. 18). С. 146–158.
- Башенькин 1985 — Башенькин А. Н. Юго-Западное Белозерье во второй половине I — начале II тыс. н. э.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: б. и., 1985. 193 с. + прилож. (С. 194–374).
- Белецкий 1977 — Белецкий С. В. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. 1977. № 150. С. 92–95.
- Белецкий 1979 — Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1979. Вып. 160. С. 3–18.
- Белецкий 1981 — Белецкий С. В. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1981. С. 40–62.

- Белецкий 1983 — *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 1 / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1983. С. 46–80.
- Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 92 с.
- Бліфельд 1977 — *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наукова думка, 1977. 235 с.
- Бобринский 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1895 (МАР; № 18). 187 с.
- Варганов 1946 — *Варганов А. Д.* Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) // КСИИМК. 1946. № 12. С. 127–134.
- Веселовский 1900 — *Веселовский Н. И.* История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 514 с.
- Вишнякова, Булкин 2001 — *Вишнякова К. В., Булкин В. А.* Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 124). С. 40–53.
- Владимирский сборник 1857 — Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии: с литографированным видом города Владимира Кляземского / Сост. и изд. К. Тихонравов. М.: Университетская тип., 1857. 199 [3] с., [1] л. ил.: табл.
- Воронин 1941а — *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в верхнем Поволжье в XI в. // МИА. 1941. № 6. С. 149–190.
- Воронин 1941б — *Воронин Н. Н.* Раскопки во Владимире, Суздале и Боголюбове (1934–1935) // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.; Л.: ГАИМК, 1941. С. 92–96.
- Воронин 1959 — *Воронин Н. Н.* Из ранней истории Владимира и его округа // СА. 1959. № 4. С. 74–81.
- Воронин 1961 — *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. I: XII столетие. М.: АН СССР, 1961. 583 с.
- Воронин и др. 1960 — *Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В.* Среднерусская экспедиция // КСИА. 1960. № 81. С. 86–88.
- Воронцов 2002 — *Воронцов А. М.* К вопросу о хронологии и происхождении керамического комплекса мощинской культуры // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 16–22.
- Воронцов 2003а — *Воронцов А. М.* К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. науч. ст. Т. I. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 294–300.
- Воронцов 2003б — *Воронцов А. М.* К вопросу о хронологии и происхождении керамического комплекса мощинской культуры // Там же. С. 301–310.
- Воронцов 2011 — *Воронцов А. М.* К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всерос. археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород: б. и., 2011. С. 14–15.
- Воронцов 2013 — *Воронцов А. М.* Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Куликово поле, 2013 (Историко-археологические исследования региона Куликова поля; Вып. 1). 173 с.
- Воронцов 2014 — *Воронцов А. М.* Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 310–326.
- Воронцов 2016 — *Воронцов А. М.* Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.): Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; Вып. 17). С. 221–260.

- Гайдуков 1989 — *Гайдуков П. Г.* О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // ННЗИА. Вып. 1. Новгород, 1989. С. 61–63.
- Гайдуков 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН, 1992. 197 с.
- Гарелин 1864 — *Гарелин Я. П.* Древняя Суздальская область и обитавшие в ней народы // Труды Владимирского губернского статистического комитета. 1864. Вып. II. С. 1–113.
- Гиря, Дорофеева 2010 — *Гиря Е. Ю., Дорофеева Т. С.* Уникальный моржовый клык с Рюрикова городища: трасологический анализ // РА. 2010. № 1. С. 69–78.
- Глазов 1969 — *Глазов В. П.* Исследование Суздальского ополья // АО 1968. М.: Наука, 1969. С. 75.
- Глазов 1981 — *Глазов В. П.* Исследования во Владимирской области // АО 1980. М.: Наука, 1981. С. 47–48.
- Голубева 1973 — *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 212 с.
- Голубева 1991 — *Голубева Л. А.* Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. В. Седова. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 147–163.
- Гоняный, Кац, Наумов 2003 — *Гоняный М. И., Кац М. Я., Наумов А. Н.* Древнерусские археологические памятники конца XII — третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 228–252.
- Горюнова 1961 — *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: АН СССР, 1961 (МИА; № 94). 264 с.
- Горюнова 1994 — *Горюнова В. М.* Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // ННЗИА. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 66–77.
- Горюнова 1997a — *Горюнова В. М.* Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволховья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 153–175.
- Горюнова 1997b — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Новгорода (по материалам Троицкого X раскопа) // ННЗИА. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 115–138.
- Горюнова 2002 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладogi. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. С. 49–63.
- Горюнова 2005 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI вв. // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 82–121.
- Горюнова 2007a — *Горюнова В. М.* О возникновении раннегончарного производства Северо-Западной Руси // У истоков русской государственности. Историко-археологический сб.: Материалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 221–239.
- Горюнова 2007b — *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Труды ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 45–89.
- Горюнова 2009 — *Горюнова В. М.* Датировочные возможности раннегончарной керамики X — начала XI в. // РА. 2009. № 4. С. 132–141.
- Горюнова 2011 — *Горюнова В. М.* О западнославянских формах керамики в Северной Руси первой половины X в. (время и причины появления) // АИППЗ. LVI. М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 228–237.
- Горюнова 2015 — *Горюнова В. М.* Новая западнославянская форма раннегончарной керамики на Рюриковом городище // АВ. Вып. 21. 2015. С. 238–245.

- Горюнова 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города в Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 351 с. (Труды ИИМК РАН; Т. XLVII).
- Горюнова 2020 — Горюнова В. М. Еще раз о датирующих возможностях раннегончарной керамики (Гнёздовские клады 1973 и 2001 гг.) // АВ. Вып. 30. 2020. С. 154–162.
- Горюнова, Лапшин 2004 — Горюнова В. М., Лапшин В. А. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. / под ред. А. Н. Кирпичникова, В. Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 55–62.
- Горюнова, Малышева 2012 — Горюнова В. М., Малышева Н. Н. Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города) / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 92–110.
- Горюнова, Плохов 2011 — Горюнова В. М., Плохов А. В. Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам // АВ. 2011. Вып. 17. С. 259–280.
- Готье 1929 — Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. 1929. Т. 4. С. 138–144.
- Григорьев 2000 — Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и Ко, 2000. 263 с.
- Гришаков и др. 2016 — Гришаков В. В., Седышев О. В., Сомкина А. Н. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э. (Чулковский могильник). Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2016. 178 с.
- Гуревич 1981 — Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок (посад — окольный город). Л.: Наука, 1981. 159 с.
- Гуревич 2009 — Гуревич А. Я. Норвежское общество и раннее Средневековье // Гуревич А. Я. Норвежское общество. Избранные труды. М.: Традиция, 2009. С. 151–368.
- Давидан 1962 — Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 95–108.
- Давидан 1966 — Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 103–115.
- Давидан 1968 — Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребней Старой Ладogi // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 54–63.
- Давидан 1970 — Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладoge // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 81–88.
- Давидан 1976 — Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 101–117.
- Давидан 1980 — Давидан О. И. Бронзолитейное дело в Ладoge // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 59–67.
- Джаксон 1985 — Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1985. С. 212–228.
- Джаксон 2001 — Джаксон Т. Н. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 208 с.
- Дорофеева 2010 — Дорофеева Т. С. Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова: Сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 28–34.
- Дорофеева 2013 — Дорофеева Т. С. Шейные гривны и привески-«молоточки-Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975–2012 гг.) // ННЗИА. Вып. 27. 2013. С. 200–207.
- Дорофеева 2016 — Дорофеева Т. С. Скандинавские «символы бесконечности» с Рюрикова городища и из новгородского Софийского собора // РА. 2016. № 1. С. 106–113.

- Дорофеева, Михайлов 2019 — *Дорофеева Т. С., Михайлов К. А.* Находка уникального комплекса глиняных дисков-грузил на Рюриковом городище в 2017 г. // *ННЗИА. Вып. 32.* 2019. С. 262–265.
- Древняя Русь 1997 — *Древняя Русь. Быт и культура: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова.* М.: Наука, 1997. 368 с., ил.
- Дубов 1976 — *Дубов И. В.* Новые раскопки Тимерёвского могильника // *КСИА. 1976. № 146.* С. 82–86.
- Дубов 1982 — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: ЛГУ, 1982. 248 с.
- Дубов, Седых 1984 — *Дубов И. В., Седых В. Н.* К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // *Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сб. / под ред. Г. С. Лебедева.* Л.: ЛГУ, 1984. С. 111–118.
- Дубов, Седых 1992 — *Дубов И. В., Седых В. Н.* Новые исследования Тимерёвского могильника // *Древности славян и финно-угров: Доклады 4-го Сов.-финлянд. симпоз. по вопросам археологии, 16–22 мая 1986 г. / под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. А. Рябины.* СПб.: Наука, 1992. С. 115–123.
- Дубровин 2020 — *Дубровин Г. Е.* Плотницкий конец средневекового Новгорода. Фёдоровский раскоп. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 608 с.
- Дубынин 1945 — *Дубынин А. Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940 гг.) // *КСИИМК. 1945. № 11.* С. 91–99.
- Дубынин 1970 — *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище // *Древнее поселение в Подмосковье.* М.: Наука, 1970 (МИА; № 156). С. 5–98.
- Енуков 1990 — *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курский гос. педагогический ин-т, 1990. 262 с.
- Еремеев 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с.
- Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXIII). 670 с.
- Еремеев и др. 2007а — *Еремеев И. И., Бубенько Т. С., Штыхов Г. В.* Лепная керамика средневекового Витебска // *Acta archaeologica Albarutenica.* Минск, 2007. Vol. II. С. 5–24.
- Еремеев и др. 2007б — *Еремеев И. И., Штыхов Г. В.* Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // *Acta archaeologica Albarutenica.* Минск, 2007. Vol. I. С. 110–134.
- Жуковский 2019 — *Жуковский М. О.* К вопросу о типологии средневековых инструментов для взвешивания по материалам Неревского и Троицкого раскопов // *ННЗИА. Вып. 32.* 2019. С. 208–217.
- Жуковский 2021 — *Жуковский М. О.* Редкая находка с Новгородского (Рюрикова) городища в контексте происхождения миниатюрных весов в восточноевропейском Средневековье // *ННЗИА. Вып. 34.* 2021. С. 129–134.
- Забелин 1885 — *Забелин И. Е.* Речь об общественном значении ученых трудов графа А. С. Уварова. М.: Имп. об-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1885. 15 с.
- Завьялов и др. 2012 — *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Тёрехова Н. Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012. 376 с.
- Завьялов, Розанова 1990 — *Завьялов В. И., Розанова Л. С.* К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // *Материалы по археологии Новгорода / под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова.* 1988. М.; [Новгород]: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 154–186.

- Зайцева 2011 — *Зайцева И. Е.* Цветной металл из погребений могильника эпохи переселения народов Большое Давыдовское II // АВСЗ. Вып. 3. М., 2011. С. 17–33.
- Закирова 1988 — *Закирова А. И.* Костерезное дело Булгара // Город Булгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.
- Захаров 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Извлечение 1855 — Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб., 1855. С. 29–46.
- Исланова 1982 — *Исланова И. В.* Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. 1982. № 2. С. 185–195.
- Исланова 1990 — *Исланова И. В.* Население бассейна Верхней и Средней Мологи и верховьев Мсты в VI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1990. 10 с.
- Исланова 2001 — *Исланова И. В.* Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // ТАС. 2001. Вып. 4, т. II. С. 61–65.
- Исланова 2007 — *Исланова И. В.* Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 9). С. 301–332.
- Исланова 2008 — *Исланова И. В.* Городище Отмичи. М.: ИА РАН, 2008 (Раннеславянский мир; Вып. 11). 284 с.
- Исланова 2010 — *Исланова И. В.* Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н. э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2010. С. 203–217.
- Исланова 2011 — *Исланова И. В.* Керамика городища Орлов городок (Молоковский район Тверской области) // ТАС. 2011. Вып. 8, т. II. С. 81–120.
- Исланова 2019 — *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. М.: ИА РАН, 2019. 359 с. + прилож. 338 с.
- Исланова 2023 — *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. М.: ИА РАН, 2023 (Раннеславянский мир; Вып. 22). 440 с.; ил.
- Исланова и др. 2017 — *Исланова И. В., Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В.* Поселение эпохи Великого переселения народов Троица I на оз. Удомля (по материалам исследований 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.) // РА. 2017. № 3. С. 133–143.
- Казаков 1992 — *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992. 170 с.
- Казаков, Черненко 2007 — *Казаков А., Черненко Е.* Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: 36. наук. праць. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 119–125.
- Каменецкая 2019 — *Каменецкая Е. В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: КДУ; Университетская книга, 2019. 244 с.
- Каталог 1905 — Московский Публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей. 1–6. Древности русские. М.: Тип. К. Л. Меншова, 1905. 146 с.
- Кирпичников, Лапшин 2018 — *Кирпичников А. Н., Лапшин В. А.* Старая Ладога и освоение Русского Севера // Археология Севера России. «Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» (свод источников и исследований). Ч. I: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с международ. участием (Сургут, 1–5 октября 2018 г.) / Отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. Группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. С. 34–37.
- Коваль 2010 — *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Коваль 2023 — *Коваль В. Ю.* О фортификации Суздальского детинца в X–XII вв. // АВСЗ. 2023. Вып. 13. С. 49–64.

- Козлова 2005 — *Козлова М. М.* К вопросу о датировке глиняных грузил Тимерёвского поселения // Альманах молодых археологов: по материалам II Междунар. студенч. науч. конф. «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири» / Гл. ред. В. Е. Еременко. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 230–236.
- Колоколов 2022 — *Колоколов А. М.* Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. В 2 кн. / Отв. ред. А. М. Воронцов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2022. Кн. I. С. 185–221.
- Колчин 1953 — *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32. С. 259.
- Колчин 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (САИ; Вып. Е1-55). 184 с.
- Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Колчин 1985 — *Колчин Б. А.* Ремесло // Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 243–297.
- Конечский 1984 — *Конечский В. Я.* Население центральных районов Новгородской земли в начале II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1984. 16 с.
- Конечский 1992 — *Конечский В. Я.* Новые исследования в урочище Губинская Лука // ННЗИА. Вып. 6. Великий Новгород, 1992. С. 20–24.
- Конечский и др. 2005 — *Конечский В. Я., Иванов А. Ю., Курочкин А. Ю., Петунов А. С., Торопов П. А.* Продолжение исследования Малышевского городища // ННЗИА. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 41–48.
- Конечский и др. 2007 — *Конечский В. Я., Торопов П. А., Петунов А. С., Иванов А. Ю.* Малышевское городище: продолжение исследований // ННЗИА. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 45–52.
- Красниенко 1982 — *Красниенко С. В.* Находки кремневых изделий на Тимерёвском поселении // *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: ЛГУ, 1982. С. 198–199.
- Красникова и др. 2000 — *Красникова А. М., Ерохин С. А., Модин И. Н., Макаров Н. А., Угулава Н. Д., Пелевин А. А.* Проблема поиска грунтовых погребений в Суздальском Ополье // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 30–48.
- Краснов 1980 — *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
- Кренке 2019 — *Кренке Н. А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья. М.; Смоленск: ИА РАН; Свиток, 2019. 392 с.
- Кренке, Ершов 2016 — *Кренке Н. А., Ершов И. Н.* Городище Васильково на реке Нерль // РА. 2016. № 1. С. 37–50.
- Крыласова 2007 — *Крыласова Н. Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2007. 352 с.
- Куза 1985 — *Куза А. В.* Неукрепленные поселения // Древняя Русь. Город. Замок. Село... М.: Наука, 1985. С. 96–104.
- Кузьмин 1991 — *Кузьмин С. Л.* Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли / под ред. В. Л. Янина. М.: Черметинформация, 1991. С. 153–168.
- Культура средневековой Москвы 2004 — *Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв.* / Отв. ред. Н. А. Кренке, С. З. Чернов. М.: Наука, 2004. 447 с.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XV вв. М.: Наука, 1984. 349 с.

- Лабутина и др. 1981 — Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 69–77.
- Лапшин 1981 — Лапшин В. А. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. 1981. № 166. С. 45–48.
- Лапшин 1983 — Лапшин В. А. К изучению системы расселения в округе Суздаля X–XIII вв. // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: Тез. докл. к всесоюз. совещ. «Археология в XI пятилетке». Л.: Наука, 1983. С. 33–34.
- Лапшин 1985а — Лапшин В. А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1985. 18 с.
- Лапшин 1985б — Лапшин В. А. Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской Руси X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Материалы совещ. 25–26 января 1983 г. / Отв. ред. А. К. Станюкович. М.: Наука, 1985. С. 101–104.
- Лапшин 1986 — Лапшин В. А. Оценка деятельности А. С. Уварова в русской и советской археологической литературе (динамика критики) // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов): Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар; Пермь: Пермский ун-т, 1986. С. 75–79.
- Лапшин 1987 — Лапшин В. А. Начальный этап освоения Суздальского ополья древнерусским населением // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.) / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 147–148.
- Лапшин 1989 — Лапшин В. А. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. 1989. № 195. С. 66–71.
- Лапшин 1991а — Лапшин В. А. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси... М.: ИА АН СССР, 1991. С. 119–129.
- Лапшин 1991б — Лапшин В. А. Лепная керамика Суздаля // Там же. С. 130–139.
- Лапшин 1991в — Лапшин В. А. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения, 1990: Тезисы докладов. Муром: Муромский историко-художественный музей, 1991. С. 7–9.
- Лапшин 1992 — Лапшин В. А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика: Сб. ст. / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: ИА АН СССР, 1992. С. 90–102.
- Лапшин 2009 — Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль–11, 1993–1997 гг.). СПб.: Изд-во Филолог. фак-та СПбГУ, 2009. 540 с.
- Лапшин 2012 — Лапшин В. А. Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // АВСЗ. Вып. 4. М., 2012. С. 95–100.
- Лапшин 2015 — Лапшин В. А. Две группы построек селища Гнездилово-2 под Суздалем // АВСЗ. Вып. 5. М., 2015. С. 141–146.
- Лапшин, Мухина 1988 — Лапшин В. А., Мухина Т. Ф. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: ИА АН СССР, 1988. С. 132–149.
- Лебедев 2023 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. 2-е изд., доп. М.: Альма матер, 2023. 891 с.
- Леонтьев 1976 — Леонтьев А. Е. Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. № 2. С. 33–45.
- Леонтьев 1984 — Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. № 179. С. 26–32.
- Леонтьев 1985 — Леонтьев А. Е. Стратиграфия и хронология культурного слоя Ростова Великого // Археологические памятники европейской части РСФСР. М.: Наука, 1985. С. 105–112.

- Леонтьев 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М.: ИА РАН, 1996. 340 с.
- Леонтьев 1997 — Леонтьев А. Е. Ростов в X–XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2: Славянский средневековый город. М.: Наука, 1997. С. 210–217.
- Леонтьев 2003 — Леонтьев А. Е. От столицы княжества к уездному городу (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII в. Древности темного времени... М.: Наука, 2003. С. 34–47.
- Леонтьев, Рябинин 1980 — Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // СА. 1980. № 2. С. 67–79.
- Леонтьев, Самойлович 1991 — Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. В. Седов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. С. 56–66.
- Леонтьев, Самойлович, Черных 1996 — Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Черных Н. Б. Частные аспекты хронологии Ростова (дендрохронологический анализ археологических материалов) // История и культура Ростовской земли. 1995: Материалы конф. Ростов; Ярославль: Фонд гражд. инициатив «Содействие», 1996. С. 3–7.
- Лесман 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли... Л.: ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман 1990 — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: НГОМЗ, 1990. С. 29–98.
- Лесман 2006 — Лесман Ю. М. К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бусин с глазками в петельках) // Археология Верхнего Поволжья: Сб. ст. к 80-летию К. И. Комарова / под ред. А. В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2006. С. 244–252.
- Лопатин 2003 — Лопатин Н. В. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2003. № 214. С. 43–58.
- Лопатин 2007 — Лопатин Н. В. Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ. ЛП. М.; Псков: ИА РАН, 2007. С. 217–231.
- Лопатин 2009 — Лопатин Н. В. К соотношению керамики культуры длинных курганов и нижнего слоя Изборска // Stratum plus. 2005–2009. № 5. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2009. С. 31–33.
- Лопатин 2022 — Лопатин Н. В. О происхождении форм поздней лепной керамики Северо-Запада России // РА. 2022. № 3. С. 52–65.
- Лопатин, Лопатина 1998 — Лопатин Н. В., Лопатина О. А. Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы // ТАС. 1998. Вып. 3. С. 375–379.
- Лопатин, Попов 2016 — Лопатин Н. В., Попов С. Г. Могильник Жеребятино // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.)... М.: ИА РАН, 2016. С. 333–348.
- Лопатин, Фурасьев 1994 — Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. О роли памятников III–V вв. н. э. в формировании культур длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. СПб., 1994. Вып. 9. С. 136–142.
- Лопатин, Фурасьев 2007а — Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 252 с.
- Лопатин, Фурасьев 2007б — Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. ... М.: ИА РАН, 2007. С. 276–300.
- Львова 1968 — Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. 1 // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 65–94.
- Львова 1970 — Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. 2 // АСГЭ. Л., 1970. Вып. 12. С. 89–111.

- Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое (о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства). М.; Л.: Наука, 1958 (МИА; № 74). 328 с.
- Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И. И.* Новое в изучении Гнёздово // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 43–44.
- Ляпушкин 1969 — *Ляпушкин И. И.* Исследования Гнёздовского поселения // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 66–69.
- Макаров 1984 — *Макаров Н. А.* Население Восточного Прионежья в X–XIII вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1984. 23 с.
- Макаров 1989 — *Макаров Н. А.* Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XII вв. // КСИА. 1989. № 196. С. 83–93.
- Макаров 1990 — *Макаров Н. А.* Население русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Макаров 1991 — *Макаров Н. А.* Лепная керамика поселения Крутик // *Голубева Л. А., Кочуркина С. И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1991. С. 129–165.
- Макаров 2007 — *Макаров Н. А.* Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // АВСЗ. Вып. 1. М., 2007. С. 7–17.
- Макаров 2008 — *Макаров Н. А.* Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // *Сельская Русь в X–XVI веках...* М.: Наука, 2008. С. 5–15.
- Макаров 2010 — *Макаров Н. А.* Финские древности первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // Институт археологии. Новые полевые исследования / Ред. Н. А. Макаров, сост. О. С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2010. С. 70–72.
- Макаров 2023 — *Макаров Н. А.* 20 лет археологических исследований в Суздальском Ополе // *Археология Суздальской земли. В 2 т. Т. 1: Расселение и культурный ландшафт* / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. Н. Д. Угулава. М.; Вологда, 2023. С. 11–25.
- Макаров и др. 2004 — *Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.* Средневековое расселение в Суздальском Ополе // РА. 2004. № 1. С. 19–34.
- Макаров и др. 2010а — *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В.* О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздаlem // *Диалог культур и народов средневековой Европы...* СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 113–141.
- Макаров и др. 2010б — *Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.* Могильник Большое Давыдовское-2 — погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // РА. 2010. № 1. С. 41–52.
- Макаров и др. 2011а — *Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.* Могильник Большое Давыдовское II в Суздальском Ополе: продолжение полевых исследований // АВСЗ. Вып. 3. М., 2011. С. 3–16.
- Макаров и др. 2011б — *Макаров Н. А., Федорина А. Н., Зайцева Г. И., Гроотс П. М.* Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века — Средневековья в Суздальском ополе // РА. 2011. № 4. С. 35–51.
- Макаров и др. 2013 — *Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.* Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок А. С. Уварова // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 219–233.
- Макаров и др. 2016 — *Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Гомзин А. А.* Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополе // РА. 2016. № 4. С. 48–74.
- Макаров и др. 2017 — *Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М., Угулава Н. Д.* Исследование могильника Шекшово в Суздальском Ополе в 2016–2017 // АВСЗ. Вып. 7. М., 2017. С. 7–18.
- Макаров и др. 2018 — *Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.* Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности // АВСЗ. Вып. 8. М., 2018. С. 7–25.

- Макаров и др. 2020 — Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., Добровольская М. В. Средневековый могильник Шекшово: «Владимирские курганы» в свете новых плевых исследований // РА. 2020. № 4. С. 121–140.
- Макаров, Красникова 2022 — Макаров Н. А., Красникова А. М. Суздальская знать: погребение с оружием и всадническим снаряжением в могильнике Гнездилово // РА. 2022. № 4. С. 110–120.
- Макаров, Федорина 2015 — Макаров Н. А., Федорина А. Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров и др. 2021 — Макаров Н. А., Красникова А. М., Ерохин С. А. Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздаlem // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 7–29.
- Макаров и др. 2022 — Макаров Н. А., Красникова А. М., Узулава Н. Д. Первые результаты раскопок могильника Гнездилово под Суздаlem // АВСЗ. Вып. 11. М., 2022. С. 7–20.
- Макаров и др. 2023 — Макаров Н. А., Красникова А. М., Шевченко В. А. Средневековый могильник Гнездилово: находки из пахотного слоя и пространственная организация некрополя // КСИА. 2023. Вып. 273. С. 47–64.
- Максимов, Терпиловский 1993 — Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович. М.: Наука, 1993 (Археология СССР). С. 106–122.
- Малевская-Малевиц 2005 — Малевская-Малевиц М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История, 2005. 160 с.
- Мальм 1963а — Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье в X–XI вв. По материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников: Сб. ст. / под ред. А. П. Смирнова. М.: Сов. Россия, 1963. С. 43–50.
- Мальм 1963б — Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Там же. С. 64–70.
- Мальм 1967 — Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории Русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Сов. Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 149–190.
- Мальм, Фехнер 1967 — Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики // Там же. С. 133–148.
- Массалитина 1993 — Массалитина Г. А. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. 1993. № 208. С. 46–52.
- Массалитина 1994 — Массалитина Г. А. Мощинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1994. 17 с.
- Массалитина 1996 — Массалитина Г. А. К вопросу о керамических традициях окских племен // Археологические памятники Среднего Поочья: Сб. науч. тр. Вып. 5. Рязань: б. и., 1996. С. 98–102.
- Массалитина 2001 — Массалитина Г. А. К вопросу о связях Верхней Оки и Северо-Запада Восточной Европы в I тысячелетии н. э. // ТАС. 2001. Вып. 4, т. II. С. 11–12.
- Массалитина 2002 — Массалитина Г. А. Новые керамические коллекции с памятников конца I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. на водоразделе верхних притоков Днепра и Волги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 6–15.
- Массалитина 2010 — Массалитина Г. А. Керамика нижнего слоя городища Серенск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов: Конференция 2. Ч. 1 / ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2010. С. 9–29.
- Медведев 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие: Лук, и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1–36). 182 с.
- Мельникова 2011 — Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. 475 с.

- Милованов 2014 — *Милованов С. И.* К вопросу о времени возведения оборонительных укреплений Печерного города Владимира-на-Клязьме // *Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура: Сб. ст. / под ред. Н. А. Макарова, А. Е. Леонтьева. М.: Вологда, 2014. С. 184–192.*
- Милованов 2016 — *Милованов С. И.* История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений) // *АВСЗ. Вып. 6. М., 2016. С. 136–149.*
- Милованов 2017 — *Милованов С. И.* Город Гороховец по данным археологических исследований на территории городища // *Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология: Материалы науч. конф. М.: ИА РАН, 2017. С. 45–55.*
- Минасян 1980 — *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // *АСГЭ. 1980. Вып. 21. Л., 1980. С. 68–74.*
- Минасян 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2014. 472 с.
- Михайлова 1988 — *Михайлова Л. А.* Дьяковское городище у села Пировы городища // *Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси): Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. В. Седова. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 150–161.*
- Монгайт 1955 — *Монгайт А. Л.* Археология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 436 с.
- Морозов 2022 — *Морозов А. С.* Поселение Абакумлево 3 — новый памятник эпохи Великого переселения народов в Суздальском Ополье // *КСИА. 2022. Вып. 268. С. 197–214.*
- Москаленко 1965 — *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж: Воронежский ГУ, 1965. 308 с.
- Мошенина 1992 — *Мошенина Н. Н.* Раскопки селища Весь близ города Суздаля // *Городецкие чтения. Городец: б. и., 1992. С. 60–62.*
- Мурашева 1989 — *Мурашева В. В.* Технология изготовления поясных накладок из Гнёздова // *Вестник МГУ. Серия «История». 1989. № 2. С. 85–91.*
- Мурашева 2000 — *Мурашева В. В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.
- Мурашева 2008 — *Мурашева В. В.* Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. М.: ГИМ, 2008 (Тр. ГИМ; Вып. 175). 48 с.
- Мусин 2012 — *Мусин А. Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // *Российский археологический ежегодник. № 2. СПб.: СПбГУ; ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 2012. С. 555–602.*
- Мусин, Тарабардина 2019 — *Мусин А. Е., Тарабардина О. А.* Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // *Вестник СПбГУ. Серия «История». Т. 64, вып. 2. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 762–785.*
- Мусин и др. 2016 — *Мусин А. Е., Тарабардина О. А., Кокуца Л. В., Кубло Э. К.* Деревянные предметы с христианской и языческой символикой в Новгороде и Старой Руссе // *Российский археологический ежегодник. № 5–6. СПб.: СПбГУ; ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 2016. С. 157–170.*
- Насонов 2002 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2002. 412 с. (1-е изд. — 1951 г.).
- Недошивина 1963а — *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения // *Ярославское Поволжье X–XI вв. ... М.: ГИМ, 1963. С. 51–54.*
- Недошивина 1963б — *Недошивина Н. Г.* Торговый инвентарь // *Там же. С. 71–74.*
- Недошивина 1963в — *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения из ярославских могильников // *Там же. С. 55–63.*
- Недошивина 1991 — *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимерёвского могильника // *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси... М.: ИА АН СССР, 1991. С. 164–180.*

- Нефедов 2000 — *Нефедов В. С.* О времени возникновения смоленских длинных курганов // АИППЗ. 1996–1999. Псков, 2000. С. 191–199.
- Носов 1976 — *Носов Е. Н.* Поселение у Волховских порогов // КСИА. 1976. № 146. С. 76–81.
- Носов 1977 — *Носов Е. Н.* Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: ЛГУ, 1977. С. 95–98.
- Носов 1981 — *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. 1981. № 166. С. 64–69.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 213 с.
- Носов 1991 — *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.: МГУ; ИА РАН; НГМЗ, 1991. С. 5–37.
- Носов, Плохов 2016 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.)... М.: ИА РАН, 2016. С. 349–394.
- Носов и др. 2000 — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Янссон И.* Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // ННЗИА. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 37–41.
- Носов и др. 2009 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Гиря Е. Ю.* «Маленькая находка» в контексте большой истории // Хорошие дни: памяти А. С. Хорошева: Сб. ст. / Сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеонАрт, 2009. С. 370–385.
- Обломский 2016 — *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы в V–VII вв. ... М.: ИА РАН, 2016. С. 10–113.
- Очерки 1956 — Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Госкультпросветиздат, 1956 (Тр. ГИМ; Вып. 32). 254 с.
- Очерки 1959 — Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Сов. Россия, 1959 (Тр. ГИМ; Вып. 33). 235 с.
- Очерки 1967 — Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). 296 с.
- Петренко 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 81–116.
- Петренко 1994 — *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.: Наука, 1994. 138 с.
- Платонова 1988 — *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли по археологическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1988. 21 с.
- Платонова 1991 — *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.: НГОМЗ, 1991. С. 68–88.
- Плохов 1996 — *Плохов А. В.* Еще раз о «керамике ладожского типа» // Ладога и Северная Европа. II чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Старо-Ладожский ГМЗ, 1996. С. 23–25.
- Плохов 2002 — *Плохов А. В.* Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // АВ. 2002. Вып. 9. С. 141–154.
- Плохов 2005 — *Плохов А. В.* Лепная керамика Рюрикова городища // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 74–81.
- Плохов 2009 — *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни... Великий Новгород; СПб.; М.: ИИМК РАН, 2009. С. 417–431.
- Плохов 2022 — *Плохов А. В.* Планиграфия и хронология раннесредневекового Рюрикова городища по материалам раскопок 1980-х гг. // ННЗИА. Вып. 35. Великий Новгород, 2022. С. 181–196.

- Полубояринова 1988 — *Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.
- Полубояринова 1993 — *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
- Поппэ 1996 — *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.: Византиновроссика, 1996. С. 442–499.
- ПСРЛ. I — Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. VIII, 578 с.
- ПСРЛ. V. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. V, вып. 1. 1915.
- ПСРЛ. XXIV — Полное собрание русских летописей. Т. XXIV: Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
- ПСРЛ. XXXIV — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 303 с.
- Пушкина 1993 — *Пушкина Т. А.* Изделия костерезного ремесла из Гнёздово // Средневековые древности Восточной Европы: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993. С. 57–68.
- Пушкина 2020 — *Пушкина Т. А.* Глиняные диски-грузила на территории Древней Руси // АВ. 2020. Вып. 28. С. 289–295.
- Равдоникас 1930 — *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры. Л.: б. и., 1930 (Известия ГАИМК; Вып. 12). 94 с.
- Равдоникас 1950 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. II // СА. 1950. XII. С. 7–40.
- Раппопорт 1975 — *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975 (САИ; Вып. Е1-32). 180 с.
- Розанова 1994 — *Розанова Л. С.* К вопросу о технологических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // Новгородские археологические чтения / под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород: Новгородский ГМЗ, 1994. С. 175–179.
- Розенфельдт 1971 — *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie (Троицкое городище). М.: Наука, 1971 (МИА; № 184). С. 6–79.
- Розенфельдт 1974 — *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура: Сб. / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.
- Розенфельдт 1982 — *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 178 с.
- Романчук 1981 — *Романчук А. И.* Изделия из кости в средневековом Херсонесе // Античная древность и средние века. Свердловск: Уральский фед. ун-т, 1981. С. 84–105.
- Румянцева 2007 — *Румянцева О. С.* Культура рязано-окских могильников. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. ... М.: ИА РАН, 2007. С. 247–272.
- Русанова 1973 — *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука, 1973 (САИ; Вып. Е1-25). 99 с.
- Русь 2012 — Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.
- Рябинин 1979 — *Рябинин Е. А.* Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) // СА. 1979. № 1. С. 228–244.
- Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога... Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Рябинин 1986 — *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 159 с.

- Рябинин 1989 — *Рябинин Е. А.* Могильник и селище у дер. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции) / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1989. С. 127–170.
- Рябинин 1994 — *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладогe // Новые источники по археологии Северо-Запада: Сб. ст. / под ред. В. М. Массона, Е. Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 5–59.
- Рябинин 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: СПбГУ, 1997. 260 с.
- Сабурова 1981 — *Сабурова М. А.* Раскопки курганов во Владимирской области // АО 1980. М.: Наука, 1981. С. 77–78.
- Сабурова, Седова 1984 — *Сабурова М. А., Седова М. В.* Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города: Сб. ст. / Отв. ред. И. П. Русанова. М.: Наука, 1984. С. 91–130.
- Савельев 1859а — *Савельев П. С.* Археологические розыскания во Владимирской губернии // Известия РАО. СПб., 1859. Т. 1. С. 12–15.
- Савельев 1859б — *Савельев П. С.* Курганы у с. Городище Переславского уезда Владимирской губернии // Там же. С. 160–166.
- Самойлович 2000 — *Самойлович Н. Г.* Стратиграфическое распределение и хронология массовых находок в культурном слое Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. 2000. Вып. X. С. 268–275.
- Самойлович 2001 — *Самойлович Н. Г.* Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований / Отв. ред. А. С. Смирнов. М.: ИА РАН, 2001. С. 226–242.
- Седов 1959 — *Седов В. В.* Раскопки в Гороховце // КСИИМК. М., 1959. Вып. 77. С. 84–89.
- Седов 1960б — *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов смоленской земли (VIII–XV вв.). М.: АН СССР, 1960. 158 с.
- Седов 1961 — *Седов В. В.* Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине // КСИА. 1961. № 86. С. 73–77.
- Седов 1970 — *Седов В. В.* Новгородские сопки. М.: Наука, 1970 (САИ; Вып. Е1-8). 87 с.
- Седов 1974а — *Седов В. В.* Две заметки по археологии Суздаля // Культура средневековой Руси... Л.: Наука, 1974. С. 61–64.
- Седов 1974б — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Е1-8). 100 с.
- Седов 1978 — *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. 1978. № 155. С. 63–67.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне VIII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
- Седов 2007 — *Седов В. В.* Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.
- Седов, Седова 1983 — *Седов В. В., Седова М. В.* Древний Суздаль. Археологическое исследование // Вестник АН СССР. 1983. № 1. С. 130–138.
- Седова 1972 — *Седова М. В.* Древнерусские города низовьев р. Клязьмы: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1972. 27 с.
- Седова 1978 — *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.
- Седова 1981а — *Седова М. В.* Раскопки в Суздале и Гороховце // АО 1980. М.: Наука, 1981. С. 79.
- Седова 1981б — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Седова 1986 — *Седова М. В.* Славяно-скандинавский усадебный комплекс XI в. из Суздаля // X Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.: Наука, 1986. С. 174–177.
- Седова 1997 — *Седова М. В.* Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 320 с.

- Седова, Беленькая 1981 — Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1981. С. 95–115.
- Седова и др. 1976 — Седова М. В., Беленькая Д. А., Сабурова М. А. Раскопки в Суздале и Юрьеве-Польском // АО 1975. М.: Наука, 1976. С. 85–86.
- Седых 1982а — Седых В. Н. Керамика Тимерёвского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: ЛГУ, 1982. С. 192–197.
- Седых 1982б — Седых В. Н. Керамика Тимерёвского поселения // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: ЛГУ, 1982. С. 111–117.
- Седых, Макарова 2001 — Седых В. Н., Макарова В. В. Этнокультурные импульсы в Ярославском Поволжье в конце I тыс. н. э. по материалам изделий из кости (предварительное сообщение) // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. V чтения памяти А. Мачинской: Сб. ст. СПб.: СЛМЗ, 2001. С. 95–99.
- Сельская Русь 2008 — Сельская Русь в IX–XVI веках: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов, сост. И. Н. Кузина. М.: Наука, 2008. 418 с.
- Сениченкова 1995 — Сениченкова Т. Б. Керамика «ладожского типа» (замечания по поводу одного историографического мифа) // Ладога и Северная Русь. Чтения памяти А. Мачинской: Сб. ст. СПб.: СЛМЗ, 1995. С. 19–22.
- Сениченкова 2014 — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура: Сб. ст. / под ред. Н. А. Макарова, А. Е. Леонтьева, сост. И. Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 346–362.
- Сениченкова 2022 — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. в контексте раннесредневековых древностей (к реконструкции историко-культурных процессов на Северо-Западе Руси) // Новое в археологии Старой Ладоги. Материалы и исследования. Т. 2 / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 329–624.
- Смирнова 1976 — Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. № 146. С. 3–10.
- Смирнова 1987 — Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимерёвских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2. С. 90–102.
- Смирнова 1999 — Смирнова Л. И. Проколки. Хронология и функциональное назначение // ННЗИА. Вып. 13. Великий Новгород, 1999. С. 142–162.
- Смирнова 2000 — Смирнова Л. И. Проколки. Хронология и функциональное назначение // АВ. 2000. Вып. 7. С. 236–245.
- Сорокин 1997 — Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: СПбГУ, 1997. 208 с.
- Спиридонов 1986 — Спиридонов А. М. Лепная керамика из курганов Юго-Восточного Приладожья // КСИА. 1986. № 187. С. 23–28.
- Спиридонов 1989 — Спиридонов А. М. Керамика приладожской курганной культуры // Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 303–315.
- Спиридонова и др. 2008 — Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д. Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны русской равнины в средневековье. М.: Воентехиздат, 2008. 248 с.
- Спиридонова, Алешинская 2004 — Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н. э. по II тысячелетие н. э. // РА. 2004. № 3. С. 33–43.
- Спицын 1903 — Спицын А. А. Удлиненные и длинные русские курганы // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. 1903. V, 1. СПб., 1903. С. 196–202.

- Спицын 1905а — *Спицын А. А.* Владимирские курганы // Известия ИАК. 1905. Вып. 15. С. 84–172.
- Спицын 1905б — *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Там же. С. 6–70.
- Средневековое поселение Настасьино 2004 — Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН, 2004 (Труды Подмосковной археологической экспедиции; Т. 1). 290 с.
- Станкевич 1962 — *Станкевич Я. В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИИМК. 1962. Вып. 87. С. 6–30.
- Старая Ладога 1948 — Старая Ладога (материалы археологических экспедиций) / Отв. ред. В. И. Равдоникас. Л.: Гос. музей этнографии, 1948. 141 с.
- Старая Ладога 2003 — Старая Ладога: древняя столица Руси / Отв. ред. Б. С. Короткевич. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 189 с.
- Терехова и др. 1997 — *Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 317 с.
- Тихонравов 1854 — *Тихонравов К. Н.* Хронологическое обозрение подземных археологических находок во Владимирской губернии с 1739 по 1854 г. // ВГВ. 1854. № 20.
- Тихонравов 1855 — *Тихонравов К. Н.* Древности с. Веськово близ Переславля // ВГВ. 1855. № 24.
- Тихонравов 1857 — *Тихонравов К. Н.* Курганы во Владимирской губернии // Владимирский сборник. М., 1857. С. 59–61.
- Тихонравов 1859а — *Тихонравов К. Н.* Раскопки во Владимирской губернии // Известия РАО. СПб., 1859. Т. 1. С. 378–379.
- Тихонравов 1859б — *Тихонравов К. Н.* Раскопки во Владимирской губернии // Известия РАО. СПб., 1859. Т. 2. С. 33–34.
- Тихонравов 1864 — *Тихонравов К. Н.* Археологические исследования во Владимирской губернии с приложением журналов разрытий // Труды Владимирского губернского статистического комитета. 1864. Вып. 2. С. 113–150.
- Тихонравов 1866а — *Тихонравов К. Н.* Исторический очерк археологических и исторических исследований Владимирской губернии // ВГВ. 1866. № 21.
- Тихонравов 1866б — *Тихонравов К. Н.* Курганы при с. Кубаеве Юрьевского уезда, разрытые в 1853 г. // ВГВ. 1866. № 8.
- Тихонравов 1866в — *Тихонравов К. Н.* Курганы в Суздальском уезде за с. Шокшовым в урочище Половецкая Лужа // ВГВ. 1866. № 11.
- Тихонравов 1867а — *Тихонравов К. Н.* Курган, называемый «Косматая могила», на поле крестьян села Давыдовское // ВГВ. 1867. № 32.
- Тихонравов 1867б — *Тихонравов К. Н.* Курганы в Суздальском уезде за с. Ратницким // ВГВ. 1867. № 32.
- Тихонравов 1867в — *Тихонравов К. Н.* Исследованные в 1852 г. разрытые курганы в с. Основце Суздальского уезда // ВГВ. 1867. № 38.
- Тихонравов 1869 — *Тихонравов К. Н.* Висельковские курганы в Суздальском уезде и Журнал раскопок Висельковских курганов // ВГВ. 1869. № 3.
- Тихонравов 1873 — *Тихонравов К. Н.* Меряне — первые населенцы Владимира // Труды Владимирского губернского статистического комитета. 1873. Вып. 10.
- Томашевский 2008 — *Томашевский А. П.* Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. С. 50–73.
- Томсинский 1982а — *Томсинский С. В.* О двух типах построек Тимерёвского селища // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья... Л.: ЛГУ, 1982. С. 118–123.
- Томсинский 1982б — *Томсинский С. В.* Постройки Тимерёвского поселения // *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: ЛГУ, 1982. С. 188–191.

- Томсинский 2016 — *Томсинский С. В.* Еще раз о постройках селищ Тимерёво и Гнездилово и «поволховском типе домостроительства» // *АВСЗ*. 2016. Вып. 6. С. 227–239.
- Тюрюканов, Быстрицкая 1971 — *Тюрюканов А. Н., Быстрицкая Т. Л.* Ополья Центральной России и их почвы. М.: Наука, 1971. 239 с.
- Тянина 2011 — *Тянина Е. А.* Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // *АВ*. 2011. Вып. 17. С. 159–168.
- Уваров 1851 — *Уваров А. С.* Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. В 2 т. Т. 1. М., 1850 / СПб.: Тип. Экспедиции загот. гос. бумаг, 1851. 138 с.
- Уваров 1856а — *Уваров А. С.* Известия о курганах Владимирской губернии // *Записки РАО*. 1856. Т. 8. С. 102–104.
- Уваров 1856б — *Уваров А. С.* Известие о курганах Владимирской губернии // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1856. Т. 90, июнь. С. 129–131.
- Уваров 1871 — *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам // *Труды I Археологического съезда*. Т. II. М.: Синод. тип., 1871. С. 633–848.
- Уваров 1872а — *Уваров А. С.* Атлас к исследованию о мерянах и их быте. М.: Синод. тип., 1872. 217 с.
- Уваров 1872б — *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синод. тип., 1872. 217 с.
- Уваров 1907 — Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. Отд. III–VI. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1907. 222 с.
- Угулава 2023 — *Угулава Н. Д.* Керамика // *Археология Суздальской земли*. Т. 2: Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 51–68.
- Фараджева 2009 — *Фараджева Н. Н.* Фундаментные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новгорода // *Хорошие дни... Великий Новгород*; СПб.; М., 2009. С. 563–575.
- Федорина 2012 — *Федорина А. Н.* Средневековые сельские поселения Суздальской земли по данным археологии и геофизики (исследования 2008 г.) // *КСИА*. 2012. Вып. 226. С. 77–87.
- Федорина и др. 2008 — *Федорина А. Н., Красникова А. М., Меснянкина С. В.* Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь 5 и Шекшово 2 с использованием методов геофизики и археологии // *АВСЗ*. Вып. 2. М., 2008. С. 23–35.
- Федорина и др. 2020 — *Федорина А. Н., Морозов А. С., Угулава Н. Д.* Находки предметов I тыс. н. э. на селище Суворотское 8: состав коллекции и исторический контекст // *КСИА*. 2020. Вып. 261. С. 231–251.
- Федорина и др. 2023 — *Федорина А. Н., Макаров Н. А., Милованов С. И., Баранов Н. А.* Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. // *Археология Суздальской земли*. Т. 1: Расселение и культурный ландшафт / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 231–252.
- Фехнер 1959 — *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // *Труды ГИМ*. М., 1959. Вып. 33. С. 149–224.
- Фехнер 1963 — *Фехнер М. В.* Изделия костерезного производства // *Ярославское Поволжье X–XI вв. ...* М.: ГИМ, 1963. С. 39–42.
- Флёрова 2001 — *Флёрова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы. IX–XII вв. СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.
- Хвощинская 2004 — *Хвощинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли. СПб.: ИИМК, 2004. 426 с.
- Холошин 2019 — *Холошин П. Р.* Планиграфический и хронологический анализ форм глиняных сосудов Подболотьевского могильника // *РА*. 2019. № 1. С. 60–72.
- Холошин 2021 — *Холошин П. Р.* Сосуды на кольцевом поддоне из муромских могильников // *Финно-угорские древности второй половины — начала II тысячелетия н. э.: Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований»* / Ред.-сост. О. В. Зеленцова. М: ИА РАН, 2021. С. 146–155.

- Чернов 2008 — Чернов С. З. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI вв. ... М.: Наука, 2008. С. 16–28.
- Шмидельхельм 1959 — Шмидельхельм М. Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. По данным археологии, этнографии и антропологии / под ред. С. А. Таракановой, Л. Н. Терентьевой. М.: Наука, 1959. С. 154–186.
- Шмидт 2012 — Шмидт Е. А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2012. 168 с.
- Шмидт 2013 — Шмидт Е. А. Шугайлово (комплекс археологических памятников). Смоленск: Свиток, 2013. 136 с.
- Шмидт 2014 — Шмидт Е. А. Древности Смоленской земли: материалы из фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск: Свиток, 2014. 203 с.
- Шовкопляс 1954 — Шовкопляс А. М. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН УССР. Киев, 1954. Вып. 3. С. 27–32.
- Шполянский 2008 — Шполянский С. В. Конструкция подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // АВСЗ. Вып. 2. М., 2008. С. 56–66.
- Штакельберг 1962 — Штакельберг Ю. И. Глиняные диски из Старой Ладogi // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 109–115.
- Штыхов 1972 — Штыхов Г. В. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. Минск: Наука и техника, 1972. 250 с.
- Щеглова 2001 — Щеглова О. А. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в первом тысячелетии христианской эры... СПб., 2001. С. 46–55.
- Щеглова 2002 — Щеглова О. А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.
- Щеглова 2003 — Щеглова О. А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. из Старой Ладogi и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // Ладoga и истоки российской государственности и культуры / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 38–46.
- Щеглова 2004 — Щеглова О. А. Тисненные изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековой Любше, Ладoge и Изборске // Восточная Европа в средневековье: Сб. ст. / Редкол. Н. А. Макаров и др. М.: Наука, 2004. С. 263–271.
- Щеглова, Григорьева 2014 — Щеглова О. А., Григорьева Н. В. Матрицы, отливки и тисненные «бляшки с крестом» в материалах Причудья и Нижнего Поволжья: техники разные, тип один // Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья: Сб. ст. Вып. 4 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 7–11.
- Эдинг 1928 — Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов; Ярославль: Ростовский гос. музей, 1928. 107 с. + 13 табл.
- Ярославское Поволжье 1963 — Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: ГИМ, 1963. 144 с.
- Arbman 1940 — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Uppsala: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1940. 560 S.
- Audy 2018 — Audy F. Suspended Value: Using Coins as Pendants in Viking-Age Scandinavia (c. AD 800–1140). Stockholm: Department of Archaeology and Classical Studies; Stockholm University, 2018 (Stockholm Studies in Archaeology; No. 74). 344 p.
- Blackburn 2006 — Blackburn M. The loops as a guide to how and when the coins were acquired // The Hoen Hoard: A Viking Gold Treasure of the Ninth Century / Eds. S. H. Fuglesang, D. M. Wilson. Oslo: Kulturhistorisk museum; Universitetet i Oslo, 2006 (Norske Oldfunn; Vol. 20). P. 181–199.

- Brather 1996 — *Brather S.* Feldberger Keramik und frühe Slawen. Studien zur nordwestslawischen Keramik der Karolingerzeit. Habelt, Bonn 1996 // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 34. Bonn, 1996 (Schriften zur Archäologie der germanischen und slawischen Frühgeschichte; Vol. 1). 401 S.
- Callmer 1988 — *Callmer J.* Slawisch-skandinavische Kontakte am Beispiel der slawischen Keramik in Skandinavien während des 8. und 9. Jahrhunderts // Bericht der römisch-germanischen Kommission. Band 69. Mainz am Rhein, 1988. S. 654–674.
- Cnotliwy 1986 — *Cnotliwy E.* Chronologia ceramiki i nawarstwien wczesnośredniowiecznego Białogardu. // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Studia i materiały. Warszawa, 1986. S. 146–175.
- Cnotliwy itp. 1986 — *Cnotliwy E., Łosiński W., Wojtasik J.* Rozwój przestrzenny wczesnośredniowiecznego Wolina w swietle analizy porównawczej struktur zespołów ceramicznych // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Studia i materiały. Warszawa, 1986. S. 62–117.
- Davidson 1952 — *Davidson G.* The Minor Objects. Corinth. Princeton; New Jersey, 1952. Vol. 12. 366 p.
- Donat 1984 — *Donat P.* Die Meklenburg. Eine Hauptburg der Obodriten. Akad. Wiss. DDR. Schr. Ur- u. Frühgesch. 37. Berlin, 1984. 187 S.
- Donat 1987 — *Donat P.* Zur zeitlichen und regionalen Gliederung der altslawischen Keramik zwischen Oder und Elbe/Saale // Studia nad etnogeneza słowian i kultura Europy wczesnośredniowiecznej 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. S. 239–254.
- Fettich 1937 — *Fettich N.* Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn // AH. Vol. XXI. Budapest, 1937. 303 S., 137 Taf.
- From Viking 1992 — From Viking to Crusader (The Scandinavians and Europe 800–1200). Exhibition catalogue. Uddevalla, 1992. 429 p.
- Gabriel, Kempke 1991 — *Gabriel J., Kempke T.* Ausgrabungsmethode und Chronologie // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1991. S. 123–148.
- Goryunova 2001 — *Goryunova V.* Westslawischer Einfluß auf die frühe Drehscheibeware in Novgorod. // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußland. Neumünster: Wachholz Verlag, 2001. S. 323–347.
- Graham-Campbell, Kidd 1980 — *Graham-Campbell J., Kidd D.* The Vikings. L.: British Museum, 1980. 200 p.
- Herrmann 1966 — *Herrmann J.* Tornow und Vorberg. Berlin, 1966. 199 S.
- Herrmann 1968 — *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder-Neiße und Elbe // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, 23. Berlin, 1968. 374 S.
- Kempke 1984 — *Kempke T.* Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slaven in Wagrien. 2. Die Keramik des 8–12. Jahrhunderts // Offa-Bücher. Neumünster, 1984. B. 53. 256 S.
- Łosiński 1972 — *Łosiński W.* Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII–X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. 386 S.
- Łosiński, Rogosz 1983 — *Łosiński W., Rogosz R.* Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983. 348 S.
- Łosiński, Rogosz 1986 — *Łosiński W., Rogosz R.* Metody synchronizacji kulturowych wczesnośredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim. Studia i materiały. 1986. S. 9–50.
- Schuldt 1956 — *Schuldt E.* Die slawische Keramik in Meklenburg // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, 5. Berlin, 1956. 74 S.

- Schuldt 1981 — *Schuldt E.* Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlungen des 9./10. Jahrhunderts // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg. 14. Berlin, 1981. 176 S.
- Stanisławski 2001 — *Stanisławski B.* Ceramika typu Wolin-Fresendorf na tle badan nad wczesnośredniowieczną ceramiką słowiańską w południowo-zachodniej strefie Bałtyku // Materiały Zachodniopomorskie. 2001. T. 46. S. 125–156.
- Tesch 1993 — *Tesch S.* Houses, farmsteads, and longterm Change. A regional study of prehistoric settlements in the Kirpin area, in Scania, Southern Sweden. Lund, 1993. 232 p.

Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел

- Ф. 1. Д. 1860/31: О разборе и передаче вещей, поступивших в Археологическую комиссию после графа Л. А. Перовского. 15 л.
Д. 1863/3: Об археологических разысканиях во Владимирской губернии. 42 л.
- Ф. 2. Д. 1925/266: Анкета по учету археологических памятников (Владимирская губ.). 100 л.
Д. 1937/260. Ч. IV: Материалы к изданию отчетов за 1937–1939 гг. 164 л.
- Ф. 6. Д. 1852/165: По всеподданнейшему докладу об археологических разысканиях около Суздаля и об открытии гробницы князя Дмитрия Пожарского. 3.III.1851–5.X.1852. 182 л.
- Ф. 8. Д. 1853/1: Переписка по организации и производству раскопок во Владимирской губ. под руководством П. С. Савельева. 5.V.1853–13.X.1853. 121 л.
Д. 1853/2: Дневник археологических разысканий во Владимирской губернии в 1853 году П. С. Савельева. 105 л.
Д. 1854/3: Переписка по организации и производству раскопок во Владимирской и Ярославской губерниях под руководством П. С. Савельева. 3.V.1854–22.XII.1854. 92 л.
Д. 1854/4: Дневник археологических разысканий во Владимирской и Ярославской губерниях и опись древностям, найденным в Ростовском у. Ярославской губ. Раскопки П. С. Савельева. 32 л.
Д. 1854/5: Черновой дневник археологических разысканий во Владимирской и Ярославской губерниях П. С. Савельева в 1854 г. 63 л.
Д. 1854/6: Иллюстративный материал к раскопкам П. С. Савельева во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг.
Д. 1854/19: Рисунки находок из Владимирских курганов. 71 л.
- Ф. 9. Д. 1: Об археологических разысканиях близ Суздаля [Рапорты гр. А. С. Уварова Л. А. Перовскому и описи вещей (1851–1852)]. 59 л.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ. ОПИ)

- Ф. 17. Д. 209: Дневник раскопок А. С. Уварова в Суздальском уезде в 1851 г. 90 л.
Д. 210: Дневник археологических раскопок А. С. Уварова и К. Н. Тихонравова в Суздальском уезде 21 мая — 7 августа 1852 г. 90 л.
Д. 211: Дневник археологических раскопок А. С. Уварова и К. Н. Тихонравова в Суздальском уезде, август — сентябрь 1852 г. 22 л.
Д. 212: Записка А. С. Уварова об археологических раскопках в Суздальском и Юрьевском уездах. Рапорты, рисунки бердышей, сведения о памятниках, переписка, описи предметов и монет, обнаруженных в Суздальском и Юрьевском уездах. 98 л.
Д. 213: Записка А. С. Уварова о курганах Владимирской губернии; заметки о раскопках в Суздальском уезде. Декабрь 1852 г. 20 л.
Д. 214: Материалы по раскопкам во Владимирской губернии – сведения о мерянских курганах, списки их, карты, планы Юрьевского и Переяславского уездов, опись мерянских древностей. 67 л.
Д. 215: Материалы по раскопкам во Владимирской губернии – донесения, отчеты, дневники, карты, схемы по археологическим раскопкам. 277 л.
Д. 217: Текст доклада А. С. Уварова о раскопках курганов в Ярославской и Владимирской губерниях. 35 л.
Д. 351: Письма А. С. Уварову в алфавитном порядке на буквы С–Т. 580 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН

- Воронин 1954-А — *Воронин Н. Н.* Отчет о работе Владимирской археологической экспедиции в 1954 г. // № 1002.
- Глазов 1968-А — *Глазов В. П.* Отчет об археологическом обследовании Суздальского района Владимирской области в 1968 г. // № 4113.
- Глазов 1980-А — *Глазов В. П.* Отчет об археологических разведках в Камешковском, Суздальском и Юрьев-Польском районах Владимирской обл. в 1980 г. // НОА ИА РАН. № 8066. Ч. II.
- Леонтьев 1990-А — *Леонтьев А. Е.* Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1990 // № 15428, 15429.
- Макаров 2014-А — *Макаров Н. А.* Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Гороховецкого, Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 2014 г. // № 45162.
- Мошенина 1973-А — *Мошенина Н. Н.* Отчет о раскопках могильника Сунгирь и в г. Владимире в 1972–1973 гг. // № 5193.
- Мошенина А–1974 — *Мошенина Н. Н.* Отчет об археологических раскопках в г. Владимире и на могильнике Сунгирь в 1974 г. // № 5392.
- Мошенина 1987-А — *Мошенина Н. Н.* Отчет о раскопках селища Весь в Суздальском районе Владимирской области в 1987 г. // № 11984.
- Мошенина 1989-А — *Мошенина Н. Н.* Отчет о раскопках селища Весь в Суздальском районе Владимирской области в 1989 г. // № 14578.
- Мошенина 1991-А — *Мошенина Н. Н.* Отчет о раскопках селища Весь в 1991 г. // № 16721.
- Сабурова 1989-А — *Сабурова М. А.* Отчет о раскопках поселения на территории д. Новосёлки Суздальского района в 1989 г. // № 14718. 1989 г.
- Сабурова, Седова 1981-А — *Сабурова М. А., Седова М. В.* Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции в Суздале, Юрьеве-Польском и Гороховце в 1981 г. // № 10002. 1981 г.
- Сабурова и др. 1985-А — *Сабурова М. А., Лапшин В. А., Родина М. Е.* Отчет о раскопках курганов в Суздальском районе Владимирской области в 1985 г. Т. III // № 11196. Т. III. 1985 г.
- Сабурова и др. 1986-А — *Сабурова М. А., Чукова Т. А., Лапшин В. А., Мошенина Н. Н.* Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции. Т. II: Исследования в округе Суздаля в 1986 г. // № 11963. 1986 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ — Археологические вести.
АВСЗ — Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли.
АКР — Археологическая карта России.
АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВГВ — Владимирские губернские ведомости.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИЯЛИ АН — Институт языка, литературы и истории Академии наук СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
НИС — Новгородский исторический сборник.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля: История и археология: материалы научной конференции.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
РАО — Русское археологическое общество.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СЛМЗ — Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник.
ТАС — Тверской археологический сборник.

SUMMARY

Vladimir A. Lapshin.

Gnezdilovo near Suzdal:

Unfortified settlement of the 10th–11th centuries

in the North-Eastern Rus

The monograph presents the materials of excavations of the Old Russian unfortified settlement Gnezdilovo 2 in the vicinity of Suzdal (10th–11th cen.) carried out by the author in 1980–1987. This large settlement is typical for the first stage of the expansion of the Old Rus population to the territory of Suzdal Opolye. The settlement was adjacent to the barrow burial ground excavated by Alexey S. Uvarov in 1851; the both sites form an entire archaeological complex.

The material culture of the settlement is in general typical for Old Russian sites of the 10th century. The ordinary set includes artifacts' types specific for the early layers of Novgorod, Pskov, Rurikovo Gorodishche: fire-steels (fig. 20, 6–11), keys (fig. 21, 10, 11, 13–15), locks (fig. 21, 12), awls (fig. 23, 8–19), slate spindle-whorls (fig. 30), as well as few jewelry — temporal-rings (fig. 14, 3–7), penannular brooches (fig. 14, 9), bells (fig. 14, 19, 20), bracelets (fig. 14, 21, 23, 25). Iron needles (fig. 23, 1–7) appear only in the complexes of the early 11th century.

Only few but striking finds are correlated with the direct presence of Scandinavians: strap mount decorated in Borre style (fig. 13, 1), iron ring with Thor's hammer (fig. 13, 3), comb with scratched sign of Triquetra (fig. 13, 6). The influence of the North European tradition in general is much clearer. Among the knives, specimens made in three-fold welding technology prevail — 30 out of 41 (i.e. 75 % of those subjected to metallographic analysis). The remaining 6 and 5 items, respectively, belong to the local Finnish (all-metal knives) and Old Russian (edge welding) craft tradition. The appearance of vertical loom should also be attributed to the North tradition: finds of a sinker fragment (fig. 32, 12) and a group of bone tools (fig. 27, 1–5), which are interpreted as equipment of a weaver working on a vertical loom.

Rich barrow inhumations of this time are reminded by finds of strap mount (fig. 14, 27), set of folding scales (fig. 13, 4), wick-pipes (fig. 20, 15, 16), pendant-coin (fig. 12; 13, 2). Connections with the Volga trade route are evidenced by finds of imported Bulgar pottery (fig. 32, 8).

The presence of local Finnish substrate is indicated by rare finds of jingling pendants (fig. 14, 16, 17). In Vladimir barrows the greatest number of these ornaments was found in the inhumations of the 11th century. By this time, jingling pendants had already become part of the regional Old Russian culture. Ear-scoops (fig. 25, 1, 2) genetically ascend to the culture of the Finno-Ugric world, but this type is characteristic only of the Old Russian sites of North-Eastern Rus of the 10th–11th centuries.

Hand-made pottery of forms characteristic of North-Western Rus (fig. 34; 35; 37; 40) absolutely prevails (58,5 %). Ceramics of the type 5 dating back to the Moshchiny culture of the middle — third quarter of the 1st millennium on the Upper Oka (fig. 43) makes a significant part — 12 %. Ceramics presumably belonging to the heritage of the Dyakovo culture of the Iron Age and the cultures of the Volga Finns (figs. 36; 39; 42; 44–47) account for 18 %.

Early wheel-turned pottery of West Slavic forms (fig. 119–124) has analogies in the territory of Rus only in its North-West: Rurikovo Gorodishche, Gorodok-on-Lovat, Staraya Ladoga, Pskov and Novgorod.

Wheel-made pottery (fig. 125; 126) corresponds to the forms of Suzdal ceramics of the 11th–13th centuries and was found mainly in the upper plowed layer. Its continuity with early wheel-made pottery, West Slavic in origin, is not traceable.

The collection of Gnezdilovo 2 does not content jewelry of urban types, widely represented in inhumations of Vladimir barrows of the 11th–12th centuries: wire temporal-rings with beads, bracelets, belt-buckles, as well as glass bracelets, numerous finds of which are known both in Suzdal itself and in nearby villages and in late barrow burials of the 12th–13th centuries. The latter indicates that, apparently, the period of active life at the Gnezdilovo 2 settlement is limited by the 11th century.

A number of peculiarities of material culture allows to suggest the original settlement territories. More than a half of hand-made pottery belongs to the types characteristic of North-Western Rus. Early circular West Slavic pottery also has analogies only on the territory of the North-West: Rurikovo Gorodishche, Gorodok-on-Lovat, Staraya Ladoga, Pskov and Novgorod. Most of the knives (75 %) are made in the technique of three-layer and five-layer packet, characteristic of the North European tradition.

Gnezdilovo 2 is a typical settlement of the first stage of expansion of the Old Russian population to the territory of Suzdal Opolye in the 10th century. Since 2001, the Suzdal Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences has been conducting research on the territory of Suzdal Opolye. At present, apart from Gnezdilovo 2, no less than 7 similar large settlements have been identified, which were apparently self-sufficient centers of settlement and economic life of the 10th century.

Large settlements like Gnezdilovo 2 apparently lost their independence after Yaroslav the Wise suppressed the famine-caused uprising in 1024 and founded the princely city of Suzdal.

Научное издание

Владимир Анатольевич Лапшин

**Гнездилово под Суздалем.
Неукрепленное поселение X–XI веков
в Северо-Восточной Руси**

Корректор О. К. Чеботарева
Редактор, верстка Е. В. Новгородских

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, литер А,
Санкт-Петербург, 191181, Россия

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 08.08.2025. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,8. Тираж 300 экз. Заказ 810.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ISBN 978-5-6052467-7-0

9 785605 246770 >

Владимир Анатольевич Лапшин (род. в 1951 г.) — археолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук. В 1977 г. окончил исторический факультет ЛГУ по кафедре археологии. С 1982 г. работает в ИИМК РАН (ранее ДО ИА АН СССР). Публикации В. А. Лапшина отражают два направления исследований: изучение сельских поселений и городских центров Северной Руси. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию «Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам)», в 2011 г. — докторскую диссертацию «Тверь в XIII–XV вв.» (издана книгой в 2009 г.). На основе полевых работ 1983–1991 гг. опубликовал «Археологическую карту Ленинградской области» в двух книгах (1990, 1995). Проводил раскопки в округе Суздаля (1978–1991), во Владимире (1992), Твери (1992–1998), Ленинградской области (1999–2007), Нижнем Новгороде (2001–2002), Санкт-Петербурге (2008–2013). С 2014 г. проводит исследования в Старой Ладогѣ.

ISBN 978-5-6052467-7-0

9 785605 246770 >

Масштаб: 6:1 (по вертикали и по горизонтали)

10

20

30

40 км